НАРОДНЫЕ РУССКИЕ СКАЗКИ

А·Н·АФАНАСЬЕВА

НАРОДНЫЕ РУССКИЕ СКАЗКИ

II

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

НАРОДНЫЕ РУССКИЕ СКАЗКИ А. Н. АФАНАСЬЕВА

В ТРЕХ ТОМАХ

ТОМ II

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛИ
Л. Г. БАРАГ, Н. В. НОВИКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА · МОСКВА 1985

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ

Э. В. ПОМЕРАНЦЕВА, К. В. ЧИСТОВ

Н $\frac{4702000000-381}{042(02)-85}$ без объявления

179—181. СИВКО-БУРКО

179

Жил-был старик; у него было три сына, третий-от Иван- 105а
дурак, ничего не делал, только на печи в углу сидел да сморкался. Отец стал умирать и говорит: «Дети! Как я умру, вы каждый поочередно ходите на могилу ко мне спать по три ночи»,— и умер. Старика схоронили. Приходит ночь; надо большому брату ночевать на могиле, а ему — коё лень, коё боится, он и говорит малому брату: «Иван-дурак! Поди-ка к отцу на могилу, ночуй за меня. Ты ничего же не делаешь!» Иван-дурак собрался, пришел на могилу, лежит; в полночь вдруг могила расступилась, старик выходит и спрашивает: «Кто тут? Ты, большой сын?» — «Нет, батюшка! Я, Иван-дурак». Старик узнал его и спрашивает: «Что же больш-от сын не пришел?» — «А он меня послал, батюшка!» — «Ну, твое счастье!» Старик свистнул-гайкнул[1] богатырским посвистом: «Сивко-бурко, вещий воронко!» Сивко бежит, только земля дрожит, из очей искры сыплются, из ноздрей дым столбом. «Вот тебе, сын мой, добрый конь; а ты, конь, служи ему, как мне служил». Проговорил это старик, лег в могилу. Иван-дурак погладил, поласкал сивка и отпустил, сам домой пошел. Дома спрашивают братья: «Что, Иван-дурак, ладно ли ночевал?» — «Очень ладно, братья!» Другая ночь приходит. Середний брат тоже не идет ночевать на могилу и говорит: «Иван-дурак! Поди на могилу-то к батюшке, ночуй и за меня». Иван-дурак, не говоря ни слова, собрался и покатил, пришел на могилу, лег, дожидается полночи. В полночь также могила раскрылась, отец вышел, спрашивает: «Ты, середний сын?» — «Нет,— говорит Иван-дурак,— я же опять, батюшка!» Старик гайкнул богатырским голосом, свистнул молодецким посвистом: «Сивко-бурко, вещий воронко!» Бурко бежит, только земля дрожит, из очей пламя пышет.

[1] *Гайкать* — кричать, кликать.

а из ноздрей дым столбом. «Ну, бурко, как мне служил, так служи и сыну моему. Ступай теперь!» Бурко убежал; старик лег в могилу, а Иван-дурак пошел домой. Братья опять спрашивают: «Каково, Иван-дурак, ночевал?» — «Очень, братья, ладно!» На третью ночь Иванова очередь; он не дожидается наряду, собрался и пошел. Лежит на могиле; в полночь опять старик вышел, уж знает, что тут Иван-дурак, гайкнул богатырским голосом, свистнул молодецким посвистом: «Сивко-бурко, вещий воронко!» Воронко бежит, только земля дрожит, из очей пламя пышет, а из ноздрей дым столбом. «Ну, воронко, как мне служил, так и сыну моему служи». Сказал это старик, простился с Иваном-дураком, лег в могилу. Иван-дурак погладил воронка, посмотрел и отпустил, сам пошел домой. Братья опять спрашивают: «Каково, Иван-дурак, ночевал?» — «Очень ладно, братья!»

Живут; двое братовей ро́бят [2], а Иван-дурак ничего. Вдруг от царя клич: ежели кто сорвет царевнин портрет с дому чрез сколько-то много бревен, за того ее и взамуж отдаст. Братья сбираются посмотреть, кто станет срывать портрет. Иван-дурак сидит на печи за трубой и бает: «Братья! Дайте мне каку лошадь, я поеду посмотрю же». — «Э! — взъелись братья на него.— Сиди, дурак, на печи; чего ты поедешь? Людей, что ли, смешить!» Нет, от Ивана-дурака отступу нету! Братья не могли отбиться: «Ну, ты возьми, дурак, вон трехногую кобыленку!»

Сами уехали. Иван-дурак за ними же поехал в чисто поле, в широко раздолье; слез с кобыленки, взял ее зарезал, кожу снял, повесил на поскотину [3], а мясо бросил; сам свистнул молодецким посвистом, гайкнул богатырским голосом: «Сивко-бурко, вещий воронко!» Сивко бежит, только земля дрожит, из очей пламя пышет, а из ноздрей дым столбом. Иван-дурак в одно ушко залез — напился-наелся, в друго вылез — оделся, молодец такой стал, что и братьям не узнать! Сел на сивка и поехал срывать портрет. Народу было тут видимо-невидимо; завидели молодца, все начали смотреть. Иван-дурак с размаху нагнал, конь его скочил и портрет не достал только через три бревна. Видели, откуда приехал, а не видали, куда уехал! Он коня отпустил, сам пришел домой, сел на печь. Вдруг братья приезжают и сказывают женам: «Ну, жены, какой молодец приезжал, так мы такого сроду не видали! Портрет не достал только через три бревна. Видели, откуль приехал; не видали, куда уехал. Еще опять приедет...» Иван-дурак сидит на печи и говорит: «Братья, не я ли тут был?» — «Куда к черту тебе быть! Сиди, дурак, на печи да протирай нос-от».

Время идет. От царя тот же клич. Братья опять стали собираться, а Иван-дурак и говорит: «Братья! Дайте мне каку-нибудь лошадь». Они отвечают: «Сиди, дурак, дома! Другу́ лошадь ты станешь переводить!» Нет, отбиться не могли, велели опять взять хромую кобылешку. Иван-дурак и ту управил, заколол, кожу развесил на поскотине, а мясо бросил; сам свистнул молодецким посвистом, гайкнул богатырским голосом: «Сив-

[2] Работают.
[3] *Поскотина* — городьба вокруг скотного выгона.

ко-бурко, вещий воронко!» Бурко бежит, только земля дрожит, из очей пламя пышет, а из ноздрей дым столбом. Иван-дурак в право ухо залез — оделся, выскочил в лево — молодцом сделался, соскочил на коня, поехал; портрет не достал только за два бревна. Видели, откуда приехал, а не видели, куда уехал! Бурка отпустил, а сам пошел домой, сел на печь, дожидается братовей. Братья приехали и сказывают: «Бабы! Тот же молодец опять приезжал, да не достал портрет только за два бревна». Иван-дурак и говорит им: «Братья, не я ли тут был?» — «Сиди, дурак! Где у черта был!»

Через немного время от царя опять клич. Братья начали сбираться, а Иван-дурак и просит: «Дайте, братья, каку-нибудь лошадь; я съезжу, посмотрю же».— «Сиди, дурак, дома! Докуда лошадей-то у нас станешь переводить?» Нет, отбиться не могли, бились-бились, велели взять худую кобылешку; сами уехали. Иван-дурак и ту управил, зарезал, бросил; сам свистнул молодецким посвистом, гайкнул богатырским голосом: «Сивко-бурко, вещий воронко!» Воронко бежит, только земля дрожит, из очей пламя пышет, а из ноздрей дым столбом. Иван-дурак в одно ушко залез — напился-наелся, в друго вылез — молодцом оделся, сел на коня и поехал. Как только доехал до царских чертогов, портрет и ширинку так и сорвал. Видели, откуда приехал, а не видели, куда уехал! Он так же воронка отпустил, пошел домой, сел на печь, ждет братовей. Братья приехали, сказывают: «Ну, хозяйки! Тот же молодец как нагнал сегодня, так портрет и сорвал». Иван-дурак сидит за трубой и бает: «Братья, не я ли тут был?» — «Сиди, дурак! Где ты у черта был!»

Через немного время царь сделал бал, созывает всех бояр, воевод, князей, думных, сенаторов, купцов, мещан и крестьян. И Ивановы братья поехали; Иван-дурак не отстал, сел где-то на печь за трубу, глядит, рот разинул. Царевна потчует гостей, каждому подносит пива и смотрит, не утрется ли кто ширинкой? — тот ее и жених. Только никто не утерся; а Иван-дурака не видала, обошла. Гости разошлись. На другой день царь сделал другой бал; опять виноватого не нашли, кто сорвал ширинку[4]. На третий день царевна так же стала из своих рук подносить гостям пиво; всех обошла, никто не утерся ширинкой. «Что это,—думает она себе,— нет моего суженого!» Взглянула за трубу и увидела там Ивана-дурака; платьишко на нем худое, весь в саже, волосы дыбом. Она налила стакан пива, подносит ему, а братья глядят, да и думают: царевна-то и дураку-то подносит пиво! Иван-дурак выпил, да и утерся ширинкой. Царевна обрадовалась, берет его за руку, ведет к отцу и говорит: «Батюшка! Вот мой суженый». Братовей тут ровно ножом по сердцу-то резнуло, думают: «Чего это царевна! Не с ума ли сошла? Дурака ведет в сужены». Разговоры тут коротки: веселым пирком да за свадебку. Наш Иван тут стал не Иван-дурак, а Иван царский зять; оправился, очистился, молодец молодцом стал, не стали люди узнавать! Тогда-то братья узнали, что значило ходить спать на могилу к отцу.

[4] Платок, полотенце.

180

ы говорим, что мы умны, а старики спорят: нет, мы умнее 105b
вас были; а сказка сказывает, что когда еще наши деды не учились и пращуры не родились, а в некотором царстве, в некотором государстве жил-был такой старичок, который трех своих сынов научил грамоте и всему книжному. «Ну, детки,— говорил он им,— умру я — приходите ко мне на могилу читать».— «Хорошо, хорошо, батюшка!» — отвечали дети.

Старшие два брата какие были молодцы: и рослы, и дородны! А меньшой, Ванюша,— как недоросточек, как защипанный утеночек, гораздо поплоше. Старик отец умер. В ту пору от царя пришло известие, что дочь его Елена-царевна Прекрасная приказала выстроить себе храм о двенадцать столбов, о двенадцать венцов, сядет она в этом храме на высоком троне и будет ждать жениха, удалого молодца, который бы на коне-летуне с одного взмаха поцеловал ее в губки. Всполошился весь молодой народ, облизывается, почесывается и раздумывает: кому такая честь выпадет? «Братья,— говорит Ванюша,— отец умер; кто из нас пойдет на могилу читать?» — «А кого охота берет, тот пускай и идет!» — отвечали братья; Ваня пошел. А старшие знай себе коней объезжают, кудри завивают, фабрятся, бодрятся родимые...

Пришла другая ночь. «Братья, я прочитал,— говорил Ваня,— ваша очередь; который пойдет?» — «А кто охоч, тот и читай, а нам дело делать не мешай». Сами заломили шапки, гикнули, ахнули, полетели, понеслись, загуляли в чистом поле! Ванюша опять читал; на третью ночь то же. А братья выездили коней, расчесали усы, собираются нынче-завтра пытать свое удальство перед очами Елены Прекрасной. «Брать ли меньшего? — думают.— Нет, куда с ним! Он и нас осрамит и людей насмешит; поедем одни». Поехали; а Ванюше очень хотелось поглядеть на Елену-царевну Прекрасную; заплакал он, больно заплакал и пошел на могилу к отцу. Услышал его отец в домовине[1], вышел к нему, стряхнул с чела сыру землю и говорит: «Не тужи, Ваня, я твоему горю пособлю».

Тотчас старик вытянулся, выпрямился, свистнул-гаркнул молодецким голосом, соловейским посвистом; откуда ни взялся — конь бежит, земля дрожит, из ноздрей, из ушей пламя пышет; порхонул и стал перед стариком как вкопанный и спрашивает: «Что велишь?» Влез Ваня коню в одно ушко, вылез в другое и сделался таким молодцом, что ни в сказке сказать, ни пером написать! Сел на коня, подбоченился и полетел, что твой сокол, прямо к палатам Елены-царевны. Размахнулся, подскочил — двух венцов не достал; завился опять, разлетелся, скакнул — одного венца не достал; еще закружился, еще завертелся, как огонь проскочил мимо глаз, метко нацелил и прямо в губки чмокнул Елену Прекрасную! «Кто? Кто? Лови! Лови!» — его и след простыл! Прискакал на отцову могилу, коня пустил в чистое поле, а сам в землю да поклон, да просит совета

[1] В гробе.

родительского; старик и посоветовал. Домой пришел Иван, как нигде не бывал; братья рассказывают: где были, что видели; а он как впервой слышит.

На другой день опять сбор; и бояр и дворян у княжих палат глазом не окинешь! Поехали старшие братья; пошел и меньшой брат пешечком, скромно, смирно, словно не он целовал царевну, и сел в дальний уголок. Елена-царевна спрашивает жениха, Елена-царевна хочет его всему свету показать, хочет ему полцарства отдать, а жених не является! Его ищут между боярами, меж генералами, всех перебрали — нету! А Ваня глядит, ухмыляется, улыбается и ждет, что сама невеста к нему придет. «То,— говорит,— я полюбился ей молодцом, теперь она полюби меня в кафтане простом». Встала сама, повела ясным оком, осветила всех, увидела и узнала своего жениха, посадила его с собой и скоро с ним обвенчалась; а он-то, боже мой, какой стал умный да смелый, а какой красавец!.. Сядет, бывало, на коня-летуна, сдвинет шапочку, подбоченится — король, настоящий король! Вглядишься — и не подумаешь, что был когда-то Ванюша.

181

Было ў бацька тры сына, два разумные, а трэці дурэнь. Разумные гаспадарылі [1], а дурэнь сядзеў за пе́чам дый по́пел перасыпаў. Бацька быў стары, і ўміраючы сказаў сынам, каб яны тры ночы зраду хадзілі над магілай каравуліць. На першую ноч пашоў старшы сын, і як надышла поўнач — заснуў і, нічога не бачыўшы, вернуўся дадому. На другую ноч пашоў сярэдульшы [2], і ён таксама нічога не бачыў і вернуўся. На трэцюю ноч пашоў дурэнь; ён сядзеў цэлую ноч, і ў самую поўнач выскачыў конь, а на том кані залатая шарсцінка [3] і срэбная шарсцінка, а уздечка брыльянтовая. Ён глядзеў на таго каня, глядзеў, а после разам усхапіўся [4] дый злавіў. Вырываўся той конь, вырываўся, а после кажэ чалавеческім голасам: «Панычіку, дура́чку! Пусці мяне; я табе буду ў вяликай прыгодзе і адгодзе, і як чаго трэба будзе, то свісні па мяне — і я зараз прыбягу». Дурэнь пусціў таго каня, дай сам прышоў дадому. 105c

Удома даведаўся, што будзе выхадзіць кралеўна замуж за таго, хто конно [5] даскочыць да ёй на трэці пёнтр [6]. З усех старон народ зачаў збірацца, і браццця дурня паехалі паглядзець таго дзіва, якое будзе ў караля. Як толькі нікога ужэ ў домі не было, дурэнь вышаў на двор, свіснуў на каня, і ён прыбег з усем прыбором. Дурэнь сабраўся дый паехаў. На дарозе ён дагнаў сваіх браццёў, выбіў іх добра нагайкаю за тое, што яны яго глумяць [7], і сам паехаў далей. Прыехаўшы на кралеўскі двор, ён убачыў графоў, паноў, мужыкоў, жыдоў і ўсякаго народу. Усе скакалі да кралеўны, і ніхто не мог даскочыць, толькі дурэнь як разагнаўся, то ўскачыў на пер-

[1] Хозяйничали.
[2] Средний.
[3] Шерсть.
[4] Схватился.
[5] На коне, верхом.
[6] Польск. piętro — жилье, ярус, этаж.
[7] Бранят (глумятся).

шы пёнтр. На другі дзень ізноў назбіраўся народ, і дурэнь даскачыў на другі пёнтр, а на трэці дзень як скачыў — дак даскачыў да самай кралеўны і ўзяў од ёй персцёнак [8]. Дурэнь, узяўшы персцёнак, паляцеў на сваем кані дадому, пусціў каня і сам схаваўся [9] за печ. Брацця, прыехаўшы дадому, зачалі расказваць дурню ўсё, што там было: як неякі [10] пан біў на дарозе за дурня, як той самы пан даскачыў да кралеўны, ўзяў персцёнак і уцёк [11].

Аднаго дня сядзяць тые брацця, аж прыежджае асессар і прыказвае, каб ўсе, хто есць у домі, ўзаўтра прыходзілі на кралеўскі двор на рэвізію. Назаўтра пашлі ўсе на рэвізію. Кралеўскія слугі зачалі рэвізаваць усех, хто толькі быў, і на дурневом пальцы знайшлі персцёнак. Павялі таго дурня да кралеўскага палацу [12], казалі [13] яго абмыць, адзець, представіць кралеўне; а ён як зачне крычаць: «Я не хачу вашаго адзеня [14] я маю свае!» — дый выйшаў на двор, свіснуў на свайго каня, адзеўся дый прыйшоў да кралеўского палацу выбраны [15], як найбагатшы кралевич. Кралеўна як убачыла — дак зараз палюбіла яго і выйшла замуж; а кароль так быў рад, што аддаў яму свае кралеўства шча жывучы.

182—184. СВИНКА ЗОЛОТАЯ ЩЕТИНКА, УТКА ЗОЛОТЫЕ ПЕРЫШКИ, ЗОЛОТОРОГИЙ ОЛЕНЬ И ЗОЛОТОГРИВЫЙ КОНЬ

182

Жил старик со старухою; у них было три сына: двое умных, третий дурак. Старик со старухой померли. Перед смертью отец говорил: «Дети мои любезные! Ходите три ночи на мою могилу сидеть». Они кинули между собой жребий; досталось дураку идти. Дурак пошел на могилу сидеть; в полночь выходит отец его и спрашивает: «Кто сидит?» — «Я, батюшка,— дурак».— «Сиди, мое дитятко, господь с тобою!» На другую ночь приходится большому брату идти на могилу; большой брат просит дурака: «Поди, дурак, посиди за меня ночку; что хочешь возьми». — «Да, поди! Там мертвецы прыгают...» — «Поди; красные сапоги тебе куплю». Дурак не мог отговориться, пошел другую ночку сидеть. Сидит на могилке, вдруг земля раскрывается, выходит его отец и спрашивает: «Кто сидит?» — «Я батюшка,— дурак».— «Сиди, мое дитятко, господь с тобою!» 166а

[8] Перстенек.
[9] Спрятался.
[10] Какой-то.
[11] Убежал.
[12] Дворца.
[13] Приказали.
[14] Одежды.
[15] Убранный.

На третью ночь надо среднему брату идти, то он просит дурака: «Сделай милость, поди посиди за меня; что хочешь возьми!» — «Да, поди! Первая ночь страшна была, а другая еще страшнее: мертвецы кричат, дерутся, а меня лихорадка трясет!» — «Поди; красную шапку тебе куплю». Нечего делать, пошел дурак и на третью ночь. Сидит на могилке, вдруг земля раскрывается, выходит его батюшка и спрашивает: «Кто сидит?» — «Я — дурак».— «Сиди, мое дитятко, господь с тобою! Вот тебе от меня великое благословение». И дает ему три конских волоса. Дурак вышел в заповедные луга, прижег-припалил три волоса и крикнул зычным голосом: «Сивка-бурка, вещая каурка, батюшкино благословение! Стань передо мной, как лист перед травой». Бежит сивка-бурка, вещая каурка, изо рту полымя пышет, из ушей дым столбом валит; стал конь перед ним, как лист перед травой. Дурак в левое ушко влез — напился-наелся; в правое влез — в цветно платье нарядился и сделался такой молодец — ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать.

Поутру царь клич кличет: «Кто в третьем этаже мою дочь Милолику-царевну с разлету на коне поцелует, за того отдам ее замуж». Старшие братья сбираются смотреть, зовут с собой дурака: «Пойдем, дурак, с нами!» — «Нет, не хочу; я пойду в поле, возьму кузов да набью галок — и то собакам корм!» Вышел в чистое поле, припалил три конские волоса и закричал: «Сивка-бурка, вещая каурка, батюшкино благословение! Стань передо мной, как лист перед травой». Бежит сивка-бурка, вещая каурка, изо рту полымя пышет, из ушей дым столбом валит; стал конь перед ним, как лист перед травой. Дурак в левое ушко влез— напился-наелся; в правое влез — в цветно платье нарядился: сделался такой молодец, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать. Сел верхом, рукой махнул, ногой толкнул и понесся; его конь бежит, земля дрожит; горы, долы хвостом застилает, пни, колоды промеж ног пускает. Через один этаж перескакал, через два— нет, и уехал назад.

Братья приходят домой, дурак на полатях лежит; говорят ему: «Ах, дурак! Что ты не пошел с нами? Какой там молодец приезжал — ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать!» — «Не я ли, дурак?» — «Да где тебе такого коня достать! Утри прежде под носом-то!» На другое утро старшие братья сбираются к царю смотреть, зовут с собой дурака: «Пойдем, дурак, с нами; вчера приезжал хорош молодец, нынче еще лучше приедет!» — «Нет, не хочу; я пойду в поле, возьму кузов, набью галок и принесу — и то собакам корм!» Вышел в чистое поле, припалил конские волосы: «Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой». Сивка-бурка бежит, изо рту полымя пышет, из ушей дым столбом валит; стал конь перед ним, как лист перед травой. Дурак в левое ушко влез — напился-наелся; в правое влез — в цветно платье нарядился, сделался такой молодец — ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать. Сел верхом, рукой махнул, ногой толкнул, через два этажа перескакал, через третий — нет; воротился назад, пустил своего коня в зеленые заповедные луга, а сам пришел домой, лег на печи.

Братья приходят: «Ах, дурак, что ты не пошел с нами? Вчера приезжал хорош молодец, а нынче еще лучше; и где эта красота родилась?» —

«Да не я ли, дурак, был?» — «Эх, дурак дурацкое и говорит! Где тебе этакой красоты достать, где тебе этакого коня взять? Знай на печи лежи...» — «Ну, не я, так авось завтра узнаете». На третье утро сбираются умные братья к царю смотреть: «Пойдем, дурак, с нами; нынче он ее поцелует».— «Нет, не хочу; я в поле пойду, кузов возьму, набью галок, домой принесу — и то собакам корм!» Вышел в чистое поле, припалил конские волосы и закричал громким голосом: «Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой»., Сивка-бурка бежит, изо рту полымя пышет, из ушей дым столбом валит; стал конь перед ним, как лист перед травой. Дурак в левое ушко влез — напился-наелся; в правое ушко влез — в цветно платье нарядился и сделался такой молодец — ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать. Сел верхом, рукой махнул, ногой толкнул, через все три этажа перескакал, царскую дочь в уста поцеловал, а она его золотым перстнем ударила в лоб.

Воротился дурак назад, пустил своего доброго коня в заповедные луга, а сам пришел домой, завязал голову платком, лег на полати. Братья приходят: «Ах, дурак! Те два раза молодцы приезжали, а нынче еще лучше; и где этакая красота родилась?» — «Да не я ли, дурак, был?» — «Ну, дурак, дурацкое и орет! Где тебе этакой красоты достать?» Дурак развязал платок, всю избу осветил. Спрашивают его братья: «Где ты этакой красоты доставал?» — «Где бы ни было, да достал! А вы всё не верили; вот вам и дурак!»

На другой день царь делает пир на весь православный мир, приказал сзывать во дворец и бояр, и князей, и простых людей, и богатых и нищих; и старых и малых: царевна-де станет выбирать своего нареченного жениха. Умные братья сбираются к царю на обед; дурак завязал голову тряпицею и говорит им: «Теперь хоть не зовите меня, я и сам пойду». Пришел дурак в царские чертоги и забился за печку. Вот царевна обносит всех вином, жениха выбирает, а царь за ней следом ходит. Всех обнесла, глянула за печку и увидала дурака; у него голова тряпицей завязана, по лицу слюни да сопли текут. Вывела его Милолика-царевна, утерла платком, поцеловала и говорит: «Государь батюшка! Вот мой суженый». Видит царь, что жених нашелся; хоть дурак, а делать нечего — царское слово закон! И сейчас же приказал обвенчать их. У царя известное дело — ни пиво варить, ни вино курить; живо свадьбу справили.

У того царя было два зятя, дурак стал третий. Один раз призывает он своих умных зятьев и говорит таково слово: «Зятья мои умные, зятья разумные! Сослужите мне службу, какую я вам велю: есть в степи уточка золотые перышки; нельзя ли ее достать мне?» Велел оседлать им добрых коней и ехать за уточкою. Дурак услыхал и стал просить: «А мне, батюшка, дай хоть водовозницу». Дал ему царь шелудивую лошаденку; он сел на нее верхом, к лошадиной голове задом, к лошадиному заду передом, взял хвост в зубы, погоняет ладонями по бедрам: «Но, но, собачье мясо!» Выехал в чистое поле, ухватил клячу за хвост, содрал с нее шкуру и закричал: «Эй, слетайтесь, галки, карги[1] и сороки! Вот

[1] Вороны́.

вам батюшка корму прислал». Налетели галки, карги и сороки и съели все мясо, а дурак зовет сивку-бурку: «Стань передо мной, как лист перед травой».

Сивка-бурка бежит, изо рту полымя пышет, из ушей дым столбом валит; дурак влез в левое ушко — напился-наелся; в правое влез — в цветно платье нарядился и стал молодец. Добыл утку золотые перышки, раскинул шатер, сам в шатре сидит; а возле уточка ходит. Наехали на него умные зятья, спрашивают: «Кто, кто в шатре? Коли стар старичок — будь нам дедушка, коли средних лет — будь нам дядюшка». Отвечает дурак: «В вашу пору — братец вам».— «А что, братец, продаешь уточку золотые перышки?» — «Нет, она не продажная, а заветная».— «А сколько завету?» — «С правой руки по мизинцу». Отрезали по мизинцу с правой руки и отдали дураку; он в карман положил. Приехали зятья домой, полегли спать; царь с царицею ходят да слушают, что зятья говорят. Один говорит жене: «Тише, руку мне разверëдила». Другой говорит: «Ох, больно! Рука болит».

Поутру царь призывает к себе умных зятьев: «Зятья мои умные, зятья разумные! Сослужите мне службу, какую велю: ходит в степи свинка золотая щетинка с двенадцатью поросятами; достаньте мне ее». Приказал оседлать им добрых коней, а дураку опять дал шелудивую водовозницу. Дурак выехал в чистое поле, ухватил клячу за хвост, содрал шкуру: «Эй, слетайтесь, галки, карги и сороки! Вам царь корму прислал». Слетелись галки, карги и сороки и расклевали все мясо. Дурак вызвал сивку-бурку, вещую каурку, добыл свинку золотую щетинку с двенадцатью поросятами и раскинул шатер; сам в шатре сидит, свинка около ходит. Наехали умные зятья: «Кто, кто в шатре? Коли стар старичок — будь нам дедушка, коли средних лет — будь нам дядюшка».— «В вашу пору — братец вам».— «Это твоя свинка золотая щетинка?» — «Моя».— «Продай нам ее; что возьмешь?» — «Не продажная, а заветная».— «Сколько завету?» — «С ноги по пальцу». Отрезали с ноги по пальцу, отдали дураку и взяли свинку золотую щетинку с двенадцатью поросятами.

Наутро призывает царь своих умных зятьев, приказывает им: «Зятья мои умные, зятья разумные! Сослужите мне службу, какую велю: ходит в степи кобыла золотогривая с двенадцатью жеребятами; нельзя ли достать ее?» — «Можно, батюшка!» Приказал царь оседлать им добрых коней, а дураку опять дал шелудивую водовозницу. Сел он к лошадиной голове задом, к лошадиному заду передом, взял в зубы хвост, ладонями погоняет; умные зятья над ним смеются. Выехал дурак в чистое поле, ухватил клячу за хвост, содрал шкуру: «Эй, слетайтесь, галки, карги и сороки! Вот вам батюшка корму прислал». Слетелись галки, карги и сороки и поклевали все мясо. Тут закричал дурак громким голосом: «Сивка-бурка, вещая каурка, батюшкино благословение! Стань передо мной, как лист перед травой».

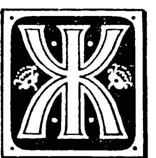
Сивка-бурка бежит, изо рту полымя пышет, из ушей дым столбом валит. Дурак в левое ушко влез — напился-наелся; в правое влез — в цветно платье нарядился и стал молодец. «Надо,— говорит,— добыть

кобылицу златогривую с двенадцатью жеребятами». Отвечает ему сивка-бурка, вещая каурка: «Прежние задачи были ребячьи, а это дело трудное! Возьми с собой три прута медных, три прута железных и три оловянных; станет за мною кобылица по горам, по долам гоняться, приустанет и упадет наземь; в то время не плошай, садись на нее и бей промеж ушей всеми девятью прутьями, пока на мелкие части изломаются: разве тогда покоришь ты кобылицу златогривую». Сказано — сделано; добыл дурак кобылицу златогривую с двенадцатью жеребятами и раскинул шатер; сам в шатре сидит, кобылица к столбу привязана. Наехали умные зятья, спрашивают: «Кто, кто в шатре? Коли стар старичок — будь нам дедушка, коли средних лет — будь нам дядюшка».— «В вашу пору молодец — братец вам».— «Что, братец, твоя кобыла к столбу привязана?» — «Моя».— «Продай нам».— «Не продажная, а заветная».— «А сколько завету?» — «Из спины по ремню». Вот умные зятья жались-жались и согласились; дурак вырезал у них по ремню из спины и положил в карман, а им отдал кобылицу с двенадцатью жеребятами.

На другой день сбирает царь пир пировать; все сошлись. Дурак вынул из кармана отрезанные пальцы и ремни и говорит: «Вот это — уточка золотые перышки, вот это свинка золотая щетинка, а вот это — кобылица золотогривая с двенадцатью жеребятами!» — «Что ты бредишь, дурак?» — спрашивает его царь, а он в ответ: «Государь батюшка, прикажи-ка умным зятьям перчатки с рук снять». Сняли они перчатки: на правых руках мизинцев нет. «Это я с них по пальцу взял за уточку золотые перышки»,— говорит дурак; приложил отрезанные пальцы на старые места — они вдруг приросли и зажили. «Сними, батюшка, с умных зятьев сапоги». Сняли с них сапоги — и на ногах не хватает по пальцу. «Это я с них взял за свинку золотую щетинку с двенадцатью поросятами». Приложил к ногам отрезанные пальцы — вмиг приросли и зажили. «Батюшка, сними с них сорочки». Сняли сорочки, у обоих зятьев из спины по ремню вырезано. «Это я с них взял за кобылицу златогривую с двенадцатью жеребятами». Приложил те ремни на старые места — они приросли к спинам и зажили. «Теперь,— говорит дурак,— прикажи, батюшка, коляску заложить».

Заложили коляску, сели и поехали в чистое поле. Дурак прижег-припалил три конские волоса и крикнул громким голосом: «Сивка-бурка, вещая каурка, батюшкино благословение! Стань передо мной, как лист перед травой». Конь бежит, земля дрожит, изо рту полымя пышет, из ушей дым столбом валит, прибежал и стал как вкопанный. Дурак в левое ушко влез — напился-наелся; в правое влез — в цветно платье нарядился и сделался такой молодец — ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать! С того времени жил он с своей женою по-царски, ездил в коляске, пиры задавал; на тех пирах и я бывал, мед-вино пивал; сколько ни пил — только усы обмочил!

183

ил-был царь, у него была дочь, царевна Неоцененная Красота, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Царь сделал клич по всем городам: кто поцелует царевну через двенадцать стекол, тот, какого бы роду ни был, возьмет царевну себе в жены и получит за нею полцарства. А в этом царстве жил купец; у него было три сына: два — старший и средний — умные, а третий — меньшой — дурак. Вот старшие братья и говорят: «Мы, батюшка, поедем добывать царевну». — «Поезжайте с богом!» — говорит купец. Взяли они себе что ни самых лучших лошадей и стали собираться в путь-дорогу, а дурак тоже себе собирается. «Куда тебе, дураку, ехать,— говорят братья,— где тебе поцеловать царевну!» — и всячески над ним смеются. 103b

Поехали они, а дурак вслед потащился на худой, паршивой лошаденке. Выехал в поле да как крикнет зычным голосом: «Гой ты, сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мною, как лист перед травою». Откуда ни взялся отличный конь, бежит — земля дрожит. Дурак влез ему в одно ушко, в другое вылез и сделался такой молодец да красавец, что и не видывано и не слыхивано! Сел на коня, приехал к царскому дворцу, как разлетится — так шесть стекол и разбил. Все так и ахнули, кричат: «Кто таков? Ловите его, держите!» А его и след простыл. Уехал себе в поле, опять влез своему коню в одно ушко, в другое вылез и стал такой же дурак, каков был прежде; сел на клячу, приехал домой и лег на печке. Воротились и братья, рассказывают: «Вот, батюшка, был молодец так молодец! Шесть стекол зараз пробил!» А дурак с печки кричит: «Братцы, а братцы! Не я ли это был?» — «Куды тебе, дураку! Тебе ли добыть царевну! Ты ее ногтя не стоишь».

На другой день братья опять собрались ехать к царскому дворцу, а дурак тоже себе собирается. «Ты зачем, дурак? — смеются братья.— Недоставало тебя там, что ли?» А дурак выехал опять на паршивой, лядащей лошаденке в поле и крикнул зычным голосом: «Гой ты, сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мною, как лист перед травою». Конь бежит, земля дрожит. Опять влез коню в одно ушко, в другое вылез и сделался такой молодец да красавец, что и не видывано и не слыхивано! Разлетелся на царском дворе, так все двенадцать стекол и разбил и поцеловал царевну Неоцененную Красоту, а она ему прямо в лоб клеймо и приложила. Все так и ахнули, кричат: «Кто таков? Ловите его, держите!» А его и след простыл. Уехал себе в поле, опять влез своему коню в одно ушко, в другое вылез и стал такой же дурак, каков был прежде. Приехал домой, завязал свой лоб тряпицею, притворился, что голова болит, и лег на печку. Воротились и братья и рассказывают: «Эх, батюшка, вот был молодец так молодец! Зараз пробил все двенадцать стекол и поцеловал царевну». А дурак с печки отзывается: «Братцы, а братцы! Не я ли это был?» — «Куды тебе, дураку!»

Царевна тем времечком думает: кто бы таков был ее жених? Приходит к царю и говорит: «Батюшка, позволь мне собрать всех царевичей и

королевичей, дворян, и купцов, и всяких крестьян на пир, на беседу и поискать, кто меня поцеловал». Царь дозволил. Вот собрался весь крещеный мир; царевна сама всех обходит, сама всех вином угощает да высматривает, не приметит ли у кого на лбу клейма. Обошла уж всех и под конец стала подносить вино дураку. «А что это у тебя завязано?» — спрашивает царевна. «Так, ничего! Голова болит»,— отвечает дурак. «Ну-ка развяжи!» Дурак развязал голову; царевна узнала клеймо и обмерла. Царь и говорит ей: «Теперь уже этого слова изменить нельзя; так тому и быть, будь ему женою». Перевенчали дурака с царевною; она горько-горько плачет, а другие две царевны, ее сестры, что повыходили замуж за царевичей, смеются над нею: «Вот вышла за дурака!»

Раз царь призывает своих зятьев и говорит им: «Любезные мои зятья! Я прослышал, что в этаком-то царстве, в этаком-то государстве есть диковинка: свинка золотая щетинка. Нельзя ли ее каким образом добыть? Постарайтесь-ка!» Вот двое умных-то зятьев оседлали себе самых что ни на есть отличных лошадей, сели и поехали. «Ну что ж? — говорит царь дураку.— И ты поезжай». Дурак взял с конюшни что ни есть самую последнюю клячу и поехал следом за царевичами; выехал в поле, закричал зычным голосом: «Гой ты, сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мною, как лист перед травою». Откуда ни взялся чудесный конь, так и храпит, копытом землю роет. Дурак влез ему в одно ушко, в другое вылез; откуда ни выскочили — стали перед ним два молодца и спрашивают: «Чего хочешь, чего изволишь?» — «Чтоб была здесь разбита палатка, в палатке кроватка, а возле гуляла бы свинка золотая щетинка».

Все это явилось в одну минуту: раскинулась палатка, в палатке кроватка, на кроватке разлегся дурак, да таким молодцом, что никому не признать его! А свинка золотая щетинка гуляет возле пó лугу. Другие зятья ездили-ездили, нигде не видали свинки золотой щетинки и ворочаются уж домой; подъезжают к палатке и видят диковинку. «Ах, вот где ходит-гуляет свинка золотая щетинка! Поедем,— говорят,— что ни дать — дадим, а уж купим свинку золотую щетинку да угодим нашему тестю». Подъехали к палатке и поздоровались. Дурак спрашивает: «Чего вы ездите, чего ищете?» — «Не продашь ли нам свинку золотую щетинку? Мы давно ее ищем».— «Нет, не продажная; себе нужна».— «Что хошь возьми, только продай!» — и дают они за свинку тысячу, и две, и три тысячи, и больше. Дурак не соглашается: «Не возьму и ста тысяч!» — «Пожалуйста, уступи; возьми что хочешь».— «Ну, коли она вам очень надобна, я, пожалуй, отдам и недорого возьму: с ноги по мизинцу». Вот они подумали-подумали, сняли сапоги и отрезали с ноги по мизинцу. Дурак взял пальцы и спрятал к себе, а свинку золотую щетинку отдал.

Зятья приезжают домой и приводят с собою свинку золотую щетинку; царь от радости не знает, как их назвать, где посадить и чем угостить. «Не видали ль где дурака?» — спрашивает их царь. «Видом не видали, слыхом не слыхали!» А дурак влез коню в одно ушко, вылез в другое и стал такой же дурак, каков был прежде; убил свою клячу, содрал с нее

кожу и надел на себя, потом наловил сорок, ворон, галок да воробьев, нацеплял кругом на себя и пошел домой. Пришел во дворец и распустил всех своих птиц; они разлетелись по разным сторонам и побили почитай все окна. Царевна Неоцененная Красота как увидела это, так и залилась слезами, а сестры ее так и хохочут: «Наши мужья привезли свинку золотую щетинку, а твой-то дурак, посмотри-ка, посмотри, каким уродом нарядился!» А царь закричал на дурака: «Это что за неуч!»

Ну, хорошо.

В другой раз царь призвал своих зятьев и говорит им: «Любезные мои зятья! Я прослышал, что в этаком-то царстве, в этаком-то государстве есть диковинка: олень золоторогий, золотохвостый. Нельзя ли его коим образом достать?» — «Можно, ваше царское величество». Вот двое умных-то зятьев оседлали себе что ни самых лучших лошадей и поехали. «Ну что ж? — говорит царь дураку.— Поезжай и ты». Дурак взял с конюшни что ни есть самую последнюю клячу и поехал следом за умными зятьями. Выехал в поле, закричал зычным голосом: «Гой ты, сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мною, как лист перед травою». Откуда ни взялся чудесный конь, так и храпит, копытом землю роет. Вот он влез ему в одно ушко, вылез в другое; откуда ни выскочили — стали перед ним два молодца и спрашивают: «Чего хочешь, чего изволишь?» — «Чтоб была здесь разбита палатка, в палатке кроватка, а возле гулял олень золоторогий, золотохвостый».

В ту же минуту раскинулась палатка, в палатке кроватка, на кроватке разлегся дурак, да таким красавцем, что и не признаешь! А возле гуляет пó лугу олень золоторогий, золотохвостый. Умные зятья ездили, ездили, нигде не видали такого оленя и ворочаются домой; стали подъезжать к палатке и видят диковинку. «Вот где гуляет-то олень золоторогий, золотохвостый! Поедем,— говорят,— что ни дать — дадим, а уж купим этого оленя да угодим тестю». Подъехали, поздоровались. Дурак спрашивает: «Чего вы ездите, чего ищете?» — «Не продашь ли нам оленя золоторогого, золотохвостого?» — «Нет, не продажный; себе надобен».— «Что хошь возьми, да продай!» — и дают за оленя тысячу, и две, и три тысячи, и больше. Дурак и слышать не хочет, не берет денег: «А коли вам полюбился мой олень, я, пожалуй, за него недорого возьму: с руки по мизинцу». Вот они подумали-подумали и согласились, сняли перчатки и отрезали с руки по мизинцу. Дурак спрятал пальцы к себе, а оленя отдал.

Приезжают зятья домой и приводят оленя золоторогого, золотохвостого; царь от радости не знает, как их назвать, где посадить и чем угостить. «Не видали ль где дурака?»— спросил царь. «Видом не видали,— говорят зятья,— слыхом не слыхали!» А дурак влез опять коню в одно ушко, вылез в другое и стал таким же, каков был прежде; убил свою клячу, содрал с нее кожу и надел на себя, наловил после галок, ворон, сорок, воробьев, нацеплял их кругом себя и пошел домой. Опять приходит во дворец и пустил птиц в разные стороны. Жена его, царевна, так и зарыдала, а сестры ее смеются: «Наши мужья привели оленя золоторогого, золотохвостого, а твой-то дурак — посмотри-ка, посмотри!..» Царь на дурака закричал: «Что за неуч такой!» — а умным зятьям полцарства отдал.

В третий раз призывает царь своих зятьев и говорит: «Ну, любезные мои зятья, отдам я вам и все мое царство, коли вы добудете мне коня золотогривого, золотохвостого, о котором прослышал я, что есть в этаком-то царстве, в этаком-то государстве». Вот двое умных-то зятьев оседлали себе по-прежнему что ни есть самых лучших лошадей и поехали в путь-дорогу. Царь посылает и дурака: «Ну что ж? Поезжай и ты». Дурак взял с конюшни самую последнюю клячу и поехал следом за умными; выехал в поле и закричал зычным голосом: «Гой ты, сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мною, как лист перед травою». Откуда ни взялся чудесный конь, так и храпит, копытом землю роет. Вот влез он ему в одно ушко, в другое вылез — и сделался таким красавцем, что и признать его никому невмочь! Вдруг откуда ни выскочили — стали перед ним два молодца и спрашивают: «Чего хочешь, чего изволишь?» — «Чтобы была здесь разбита палатка, в палатке кроватка, а возле гулял бы конь золотогривый, золотохвостый».

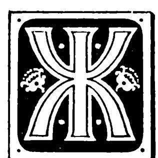
Тотчас раскинулась палатка, в палатке кроватка, на кроватке разлегся дурак, а возле гуляет по лугу конь золотогривый, золотохвостый. Умные зятья ездили-ездили, нигде не видали такого коня и ворочаются домой; стали подъезжать к палатке и видят такую диковинку. «Вот где ходит-гуляет конь золотогривый, золотохвостый! Поедем, — говорят, — что ни дать — дадим, а уж купим коня золотогривого, золотохвостого да угодим тестю». Подъехали, поздоровались. Дурак говорит: «Чего вы ездите, чего ищете?» — «Продай нам коня золотогривого, золотохвостого». — «Нет, не продажный; самому нужен». — «Что хошь возьми, только продай!» — и дают ему за коня тысячу, и две, и три тысячи, и больше. «Не возьму и сотни тысяч!» — говорит дурак. «Пожалуйста, уступи; возьми что знаешь». — «Ну, коли вам очень надо, я, пожалуй, отдам и недорого возьму: дайте со спины по ремню вырезать». Вот они думали-думали, мялись-мялись, и коня-то очень хочется, и себя-то жалко, и решились наконец: разделись, сняли с себя рубашки, дурак вырезал у них из спины по ремню; взял и спрятал ремни к себе, а им отдал коня.

Приезжают зятья домой и приводят с собой коня золотогривого, золотохвостого; царь от радости не знает, как их назвать, где посадить и чем угостить, и отдал им и остальную половину своего царства. А дурак опять влез коню в одно ушко, вылез в другое и стал таким же, каков был прежде; опять убил свою клячу, содрал с нее кожу и надел на себя, наловил галок, сорок, ворон, воробьев и нацеплял их кругом себя. Пришел во дворец и распустил птиц по сторонам: они разлетелись и побили почитай все окна. Царевна-то, его жена, плачет, а сестры ее так и смеются: «Наши мужья привели коня золотогривого, золотохвостого, а твой-то дурак, посмотри-ка, посмотри, каким уродом идет!»

Закричал царь на дурака: «Что это за неуч такой! Я тебя велю расстрелить!» А дурак спрашивает: «Чем-то будешь меня жаловать?» — «За что тебя, дурака, жаловать-то?» — «Да коли пойдет на правду, я добыл тебе и свинку золотую щетинку, и оленя золоторогого, и коня золотогривого». — «А чем докажешь?» — спрашивает царь. Дурак говорит: «Вели, государь, снять своим зятьям сапоги-то». Зятья начали переминаться, не

хотят снимать сапогов. «Снимите сапоги, — заставляет царь, — тут еще нет вины». Сняли сапоги; царь смотрит: нет у них на ногах по пальцу. «Вот ихние пальцы! — говорит дурак.— Прикажите теперь снять им перчатки». Сняли перчатки, и на руках нет по пальцу. «Вот они! — говорит дурак. — Прикажите-ка теперь снять им рубашки». Царь видит, что дело идет на правду, велел им раздеваться. Сняли рубашки, видит царь: у каждого вырезано из спины по ремню, шириною пальца в два. «Вот эти ремни!» — говорит дурак и рассказывает все, как было. Царь не знал, как его угостить и как пожаловать; отдал ему все царство, а других зятьев за то, что обманывали, велел расстрелить. Дурак вышел в поле, закричал зычным голосом: «Гой ты, сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мною, как лист перед травою». Конь бежит, земля дрожит. Дурак влез в одно ушко, вылез в другое, сделался молодцом да красавцем, воротился домой и стал с своею царевною жить да поживать да добра наживать.

184

ив колись на світі старе́нький панок вдовець і мав у себе 106с
трьох синів: двох розумних, а третього дурня; і дурень усе було сидить у грубі [1] і мне в попелі пузирі. Як же прийшла пора батькові умирати, то він, зізвавши до себе усіх, заповідав, щоб вони, де його поховають [2], приходили по очереді три ночі зряду кождий особне до його на могилу: старший на першу ніч, середульший на другу, а дурень на третю. І послі, як уме́р, вони його поховали і одпоминали; то дурень, діждавшись темної ночі, виліз із груби і, побачивши, що у братів повні хати гостей, п'ють та бенкетують [3], спитав старшого: чи піде він на могилу до батька? — і почувши, як сказав той: не хо́чу, — побрів сам, нікому не сказавши, до могили і сів із-боку коло їй. У саму ж глупу [4] ніч земля на могилі розступилась і батько, вилізши наверх з ямы, спитав: «А хто тут сидить?» Як же почув, що обізвався дурень і розказав, що старший казав: іти не хо́чу, — то він, оддаючи йому уздечку, велів, щоб коли йому буде яка нужда або чого треба — то потряс би уздечкою, і до його прибіжить зараз чорний кінь; тогді вліз би йому у праве ухо, а у ліве виліз і загадував коню, чого йому треба. А сам поліз уп'ять у яму, і могила затулилась [5].

Тогді дурень, узявши уздечку, вернувся додому і поліз у грубу спати. На другий же день, почувши, що гості у братів бенкетують, і, діждавшись ночі, знайшов середульшого і спитав: чи піде він до батька на могилу? Но як сказав і сей, що не хо́чу, то він побрів сам і сів на тім же місці коло могили. У саму ж глупу ніч земля на могилі розступилась, батько з ями виліз наверх, і, узнавши, що сидить дурень, а середульший сказав: не хо́чу, — то він, оддавши йому і другу уздечку, тоже велів: як треба колись буде — щоб він потряс уздечкою, і зараз прибіжить до його рижий кінь; то він

[1] В печи.
[2] Похоронят.
[3] Пируют.
[4] В глухую (Словарь Чужбинского, с. 73).
[5] Закрылась, затворилась.

щоб уліз йому у праве ухо, а у ліве виліз і загадував коню, чого йому треба. Сам сховався у яму, земля затулилась, а дурень, вернувшись додому, поліз у грубу спати. Проснувшись же на третій день, почув, що усе гості бенкетують, і діждавшись ночі, пішов на могилу, як тільки гаразд смеркло, і сів у тім же самім місці коло могили. Земля розступилась, батько з ями виліз і, побачивши, що сидить дурень, оддав йому і третю уздечку і розказав, що коли йому чого буде треба, то щоб потряс єю — і тогді вже прибіжить до його кінь сивий; щоб вліз йому в праве ухо, а у ліве виліз і загадував, чого буде треба. Попрощавсь з дурнем, не звелів вже до могили приходити, поліз у яму. Земля затулилась, і дурень, з уздечкою вернувшись додому, поліз у грубу спати.

У те ж саме врем'я цар тієї земельки, де жив дурень з братами, мавши у себе одну дочку́ дівку, построїв терем, чи стовп кам'яний превисокий, і розіслав по царству бумаги, що хто з молодців дістане там дочку́ його, за то́го оддасть її і усе царство з нею. І назначив для того три дні, коли хто схоче з царів і панів і усякого народу, з'їжджатись і сходитись. То до братів дурневих з'їхалось багато молодців, і братії вже туди убирались самі і ко́ней убирали; дурень попросив, щоб узяли і його хоч подивитись, но усі вони, осміявши його, покинули дома. Дак він, узявши перву уздечку і вийшовши за царину [6] у поле далеченько, як потряс уздечкою, то зараз прибіг до його чорний як галка кінь і поспитав, чого треба? — а взнавши, звелів лізти у праве ухо, а у ліве вилазить. І як зробив се дурень, то сам себе не пізнав в дорогій одежі — дуже хороший зробився! А кінь його поспитав: чи бігти по землі, чи піднятись вище [7]? Скочивши раз, полетів, як птиця, і долетівши до царівни, мимо її промчався. Тут народ наробив крику, щоб ловити; но він, як птиця, тільки мелькнув, одбіг у поле, зняв з коня узду, сам перемінився, прийшов додому і поліз у грубу.

Як же приїхали брати і навезли гостей до себе, то тільки і мови [8] було, що про теє чудо. На другий же день уп'ять народ збирався, і до братів заїхало товариство і вже готовились їхать, так і дурень попрохавсь, щоби взяли його хоч подивитись. Но вони, над ним насміявшись, поїхали. Тогді дурень, узявши другу уздечку, вийшов у поле далеченько, потряс уздечкою — і зараз прибіг до його рижий кінь і поспитав: чого треба? — а взнавши, звелів влізти у праве ухо, а у ліве вилізти. І як зробив теє дурень, то став ще в багатшій одежі і кращий [9], ніж [10] первий раз. І звелів ко́ню нести його од землі високо. Кінь як скочив раз, то дурень і не вглядів, коли став коло царівни і її минув; прибігши ж у поле, почув, що народ кричав: «Ловіть!», но вже пізно. Він з коня уздечку зняв, сам перемінився, пішов додому і поліз у грубу. Брати приїхали з гостями і усе розказували теє чудо. А на третій день уп'ять народ туда ж збирався; до братів заїхало товариство, і вже з двора виїжджали, тогді і дурень, узявши третю уздечку, вийшов у поле, потряс уздечкою — і зараз прибіг до його кінь сивий і, взнавши, для чого він званий, звелів пролізти у обоє уха. А як ду-

[6] Огорожа кругом деревни.
[7] Выше.
[8] Речи.
[9] Красивее.
[10] Нежели.

рень теє зробив, то явивсь ще в багатшій одежі і кращий од первих двох разів і звелів нести його од землі високо. Кінь як скочив раз — долетів до царівни; дурень зірвав у неї із шиї платочок, а вона вдарила його в лоб перстнем — напечаталась печатка. Народ кричав, кричав, що «ловіть», но він пролетів, з коня уздечку зняв у полі, сам перемінився, прийшов додому і уліз у грубу, а печатка на лобі осталася вічно.

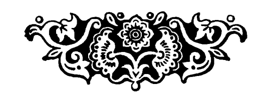
На другий же день послав цар усіх оглядати, у кого на лобі осталась печатка. Посланці, обійшовши скрізь [11] і усіх оглядівши, привернули і до братів, і не знайшовши ні на одному печатки, виволокли дурня з груби за ноги, і як угляділи на його лобі печатку — полякались [12]; узявши з собою дурня, повели до царя, і цар, щоб не ізмінять слова, звелів попам його з дочкою звінчати і дав їм, щоб вони жили, особу хатину. А сам об'явив, що хто приведе до його козу, на которій золота́ та срібна шерсть, тому вручить царство. Зібралось багато різного народу і по усіх дорогах і стежках роз'їхались козй шукати. Так і дурень упросив жінку, щоб випросила і йому у царя яку-небудь шкапу [13]. А як вона з сльозами випросила водовоза, то він, узявши з собою перву уздечку і сівши на шкапу задом до голови, а очіма до хвоста, узяв у зуби хвіст і, поганяючи долонею [14], виїхав у поле, а там, вставши, узяв за хвіст, смикнув [15] і зтяг шкуру, стерво [16] покинув собакам, а сам потряс уздечкою, і як прибіг до його чорний кінь, то він, розказавши, чого треба, і взнавши од його, де коза ходить, проліз крізь уха, перемінився зовсім і, сівши на коня, зараз козу піймав, прив'язав до стремена і вернувся назад потихеньку. Недалеко ж од'їхавши, зустрів [17] одного із тих, що поїхали козу шукати, і той став просить, щоб він узнав, що хоче, і козу йому оддав. Так дурень стребовав із правої руки од крайнього пальця урізать один сустав, і той согласився; так він козу оддав, а сустав заховав у кишеню [18].

І як роз'їхались, то дурень узду з коня зняв і прийшов додому, а той як привів до царя козу, то цар зготував обід, скликав народ і об'явив, що хто ще приведе до його дикого кабана в золоті та в сріблі, то той і царство получить. На другой день зібрався народ, і усі в різні сторони роз'їхались кабана шукати. І дурень уп'ять намігся [19] на жінку, щоб і йому випросила у царя шкапу. І та як з плачем випросила, то він уп'ять, виїхавши у поле, зтяг шкуру, покинув стерво у полі, а сам потряс другою уздечкою. І як прибіг кінь рижий, то він, розказавши, чого треба, і почувши од його, де кабан ходить, проліз у обоє уха, перемінився, сів на коня і зараз піймав кабана, прив'язав у пояса і вернувся назад.

Недалеко ж од'їхавши, зустрів уп'ять того, що козу купив, і як став він прохати [20], щоб і кабана йому оддав, то дурень потребовав, щоб на правій же руці дав одрізать другого пальця перший сустав; і той согласився. Він урізав сустав, заховав у кишеню, оддав кабана, а сам, од'їхавши, зняв уздечку, коня пустив і вернувся додому. Як же той привів кабана, то цар зве-

[11] Везде.
[12] Испугались.
[13] Клячу.
[14] Ладонью (*Ред.*).
[15] Дернул.
[16] Тело, туловище (*Ред.*).
[17] Встретил.
[18] В мешок (*Ред.*).
[19] Напустился на жену, приступал к ней.
[20] Просить.

лів готувати обід, усіх скликав і сказав, що хто іще приведе у послідній раз кобилу в золоті та сріблі, то той вже получить і царство. На третій день зібрався народ, і усі роз'їхались в різнії місця кобилу шукати. Так і дурень на жінку намігся, щоб йому випросила шевлюгу[21]. Вона пішла до царя, і хоч той не хотів давати за те, що двоє вже пропало, но, уваживши на сльози, дав; а сей, виїхавши у поле, также зтяг шкуру, стерво покинув собакам, а сам узяв третю уздечку і потряс. І як прибіг кінь сивий і дурень йому розказав, чого треба, а кінь об'явив, що кобила тепер з ним паслась у полі, то він, пролізши в обоє уха, перемінився, на коня сів і зараз кобилу піймав і вернувся назад. Не доїжджаючи додому, зустрів уп'ять того ж чоловіка і за кобилу зторговався, щоб на тій руці урізать третього пальця первий сустав. І як урізав, сховав сустав у кишеню, сам од'їхав, з коня узду зняв і вернувся додому. А як привели кобилу, то царь звелів готувати обід, поззивав народ і, сидя за столом, об'явив, що завтра вручає царство тому, хто піймав козу, кабана і кобилу. Тогді дурень об'явив, що усе половив він і попродав за сустави на правій руці із пальців, і, вийнявши, поклав на тарілку сустави, а тому звелів, щоб показав руку. Тогді народ здивувався, цар і його жінка зрадувались, повставали од обіда, вийшли усі на двір, а дурень потряс усіми трьома уздечками — прибігли усі три коні; він лазив до усіх у обоє уха і перемінявся так, що із хорошого зробився кращим, а із кращого йще кращим, на конях літав поверх хат і лісів. Коней він не пустив у поле, а поставив з кобилою, кабаном і козою у стайні[22]. Сам зробився царем, ввійшов жить у царські будинки[23], братів зробив панами; бог послав жінці двоїх близнюків-діток; над батьком вистроїв церков, щодня[24] його поминає, сам п'є горілку з барильця[25], і я прихопився[26] тай собі напився — по бороді текло, а в роті не було!

185. ВОЛШЕБНЫЙ КОНЬ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был 187
старик со старухою, и за всю их бытность не было у них детей. Вздумалось им, что вот-де лета их древние, скоро помирать надо, а наследника господь не дал, и стали они богу молиться, чтобы сотворил им детище на помин души. Положил старик завет: коли родит старуха детище, в ту пору кто ни попадется первый навстречу, того и возьму кумом. Через сколько-то времени забрюхатела старуха и родила сына. Старик обрадовался, собрался и пошел искать

[21] Клячу.
[22] В конюшне.
[23] Большой дом, дворец.
[24] Ежедневно.
[25] *Барило* — бочонок.
[26] Примкнул, пристал.

кума; только за ворота, а навстречу ему катит коляска, четверней запряжена; в коляске государь сидит.

Старик не знавал государя, принял его за боярина, остановился и давай кланяться. «Что тебе, старичок, надобно?» — спрашивает государь. «Да прошу твою милость, не во гнев будь сказано: окрести моего новорожденного сынка».— «Аль у тебя нет никого на деревне знакомых?» — «Есть у меня много знакомых, много приятелей, да брать в кумовья не годится, потому что такой завет положóн: кто первый встретится, того и просить».— «Хорошо,— говорит государь,— вот тебе сто рублев на крестины; завтра я сам буду». На другой день приехал он к старику; тотчас позвали попа, окрестили младенца и нарекли ему имя Иван. Начал этот Иван расти не по годам, а по часам — как пшеничное тесто на опаре подымается; и приходит ему каждый месяц по почте по сту рублев царского жалованья.

Прошло десять лет, вырос он большой и почуял в себе силу непомерную. В то самое время вздумал про него государь, есть-де у меня крестник, а каков он — не ведаю; пожелал его лично видеть и тотчас послал приказ, чтобы Иван крестьянский сын, не медля нимало, предстал пред его очи светлые. Стал старик собирать его в дорогу, вынул деньги и говорит: «На-ка тебе сто рублев, ступай в город на конную, купи себе лошадь; а то путь дальний — пешком не уйдешь». Иван пошел в город, и попадается ему на дороге стар человек. «Здравствуй, Иван крестьянский сын! Куда путь держишь?» Отвечает добрый мóлодец: «Иду, дедушка, в город, хочу купить себе лошадь».— «Ну так слушай меня, коли хочешь счастлив быть. Как придешь на конную, будет там один мужичок лошадь продавать крепко худую, паршивую; ты ее и выбери, и сколько б ни запросил с тебя хозяин — давай, не торгуйся! А как купишь, приведи ее домой и паси в зеленых лугах двенадцать вечеров и двенадцать утров по росам — тогда ты ее узнаешь!»

Иван поблагодарил старика за науку и пошел в город; приходит на конную, глядь — стоит мужичок и держит за узду худую, паршивую лошаденку. «Продаешь коня?» — «Продаю».— «А что просишь?» — «Да без торгу сто рублев». Иван крестьянский сын вынул сто рублев, отдал мужику, взял лошадь и повел ко двору. Приводит домой, отец глянул и рукой махнул: «Пропащие деньги!» — «Подожди, батюшка! Авось на мое счастье лошадка поправится». Стал Иван водить свою лошадь каждое утро и каждый вечер в зеленые луга на пастбище, и вот как прошло двенадцать зорь утренних да двенадцать зорь вечерних — сделалась его лошадь такая сильная, крепкая да красивая, что ни вздумать, ни взгадать, разве в сказке сказать, и такая разумная — чтó только Иван на уме помыслит, а она уж ведает. Тогда Иван крестьянский сын справил себе сбрую богатырскую, оседлал своего доброго коня, простился с отцом, с матерью и поехал в столичный город к царю-государю.

Ехал он близко ли, далеко ль, скоро ли, коротко ль, очутился у государева дворца, соскочил наземь, привязал богатырского коня за кольцо к дубовому столбу и велел доложить царю про свой приезд. Царь при-

казал его не задерживать, пропустить в палаты без всякой задирки[1]. Иван вошел в царские покои, помолился на святые иконы, поклонился царю и вымолвил: «Здравия желаю, ваше величество!» — «Здравствуй, крестник!» — отвечал государь, посадил его за стол, начал угощать всякими напитками и закусками, а сам на него смотрит-дивуется: славный мо́лодец — и лицом красив, и умом смышлен, и ростом взял; никто не подумает, что ему десять лет, всякий двадцать даст, да еще с хвостиком! «По всему видно,— думает царь,— что в этом крестнике дал мне господь не простого воина, а сильномогучего богатыря». И пожаловал его царь офицерским чином и велел при себе служить.

Иван крестьянский сын взялся за службу со всею охотою, ни от какого труда не отказывается, за правду грудью стоит; полюбил его за то государь пуще всех своих генералов и министров и никому из них не стал доверять так много, как своему крестнику. Озлобились на Ивана генералы и министры и стали совет держать, как бы оговорить его перед самим государем. Вот как-то созвал царь к себе знатных и близких людей на обед; как уселись все за стол, он и говорит: «Слушайте, господа генералы и министры! Как вы думаете о моем крестнике?» — «Да что сказать, ваше величество! Мы от него не видали ни худого, ни хорошего; одно дурно — больно хвастлив уродился. Уж не раз от него слыхивали, что в таком-то королевстве, за тридевять земель, выстроен большой мраморный дворец, а кругом превысокая ограда поставлена — не пробраться туда ни пешему, ни конному! В том дворце живет Настасья прекрасная королевна. Никому ее не добыть, а он, Иван, похваляется ее достать, за себя замуж взять».

Царь выслушал этот оговор, приказал позвать своего крестника и стал ему сказывать: «Что ж ты генералам да министрам похваляешься, что можешь достать Настасью-королевну, а мне про то ничего не докладываешь?» — «Помилуйте, ваше величество! — отвечает Иван крестьянский сын.— Мне того и во сне не снилося».— «Теперь поздно отпираться; у меня коли похвалился, так и дело сделай; а не сделаешь — то мой меч, твоя голова с плеч!» Запечалился Иван крестьянский сын, повесил свою головушку ниже могучих плеч и пошел к своему доброму коню. Возговорит ему конь человеческим голосом: «Что, хозяин, кручинишься, а мне правды не сказываешь?» — «Ах, мой добрый конь! Отчего мне веселому быть? Оговорило меня начальство перед самим государем, будто я могу добыть и взять за себя замуж Настасью прекрасную королевну. Царь и велел мне это дело исполнить, а не то хочет рубить голову».— «Не тужи, хозяин! Молись богу да ложись спать; утро вечера мудренее. Мы это дело обделаем; только попроси у царя побольше денег, чтобы не скучать нам дорогою, было бы вдоволь и поесть и попить, что захочется». Иван переночевал ночь, встал поутру, явился к государю и стал просить на поход золотой казны. Царь приказал выдать ему, сколько надобно. Вот добрый мо́лодец взял казну, надел на своего коня сбрую богатырскую, сел верхом и поехал в путь-дорогу.

[1] Задержки (Ред.).

Близко ли, далеко ль, скоро ли, коротко ль, заехал он за тридевять земель, в тридесятое королевство, и остановился у мраморного дворца; кругом дворца стены высокие, ни ворот, ни дверей не видно; как за ограду попасть? Говорит Ивану его добрый конь: «Подождем до вечера! Как только стемнеет — оборочусь я сизокрылым орлом и перенесусь с тобой через стену. В то время прекрасная королевна будет спать на своей мягкой постели; ты войди к ней прямо в спальню, возьми ее потихоньку на руки и неси смело». Вот хорошо, дождались они вечера; как только стемнело, ударился конь о сырую землю, оборотился сизокрылым орлом и говорит: «Время нам свое дело делать; смотри не давай маху!» Иван крестьянский сын сел на орла; орел поднялся в поднебесье, перелетел через стену и поставил Ивана на широком дворе.

Пошел добрый мо́лодец в палаты, смотрит — везде тихо, вся прислуга спит глубоким сном; он в спальню — на кроватке лежит Настасья прекрасная королевна, разметала во сне покровы богатые, одеяла соболии. Засмотрелся добрый мо́лодец на ее красоту неописанную, на ее тело белое, отуманила его любовь горячая, не выдержал и поцеловал королевну в уста саха́рные. От того пробудилась красная де́вица и с испугу закричала громким голосом; на ее голос поднялись, прибежали слуги верные, поймали Ивана крестьянского сына и связали ему руки и ноги накрепко. Королевна приказала его в темницу посадить и давать ему в день по стакану воды да по фунту черного хлеба.

Сидит Иван в крепкой темнице и думает думу невеселую: «Верно, здесь мне положить свою буйную голову!» А его добрый богатырский конь ударился оземь и сделался малою птичкою, влетел к нему в разбитое окошечко и говорит: «Ну, хозяин, слушайся: завтра я выломлю двери и тебя ослобоню; ты спрячься в саду за таким-то кустом; там будет гулять Настасья прекрасная королевна, а я обернусь бедным стариком и стану просить у ней милостыни; смотри ж, не зевай, не то худо будет». Иван повеселел, птичка улетела. На другой день бросился богатырский конь к темнице и выбил дверь копытами; Иван крестьянский сын выбежал в сад и стал за зеленым кустиком. Вышла погулять по саду прекрасная королевна, только поравнялась супротив кустика — как подошел к ней бедный старичок, кланяется и просит со слезами святой милостыни. Пока красная де́вица вынимала кошелек с деньгами, выскочил Иван крестьянский сын, ухватил ее в охапку, зажал ей рот таково крепко, что нельзя и малого голосу подать. В тот же миг обернулся старик сизокрылым орлом, взвился с королевною и добрым молодцем высоко-высоко, перелетел через ограду, опустился на землю и сделался по-прежнему богатырским конем. Иван крестьянский сын сел на коня и Настасью-королевну с собой посадил; говорит ей: «Что, прекрасная королевна, теперь не запрешь меня в темницу?» Отвечает прекрасная королевна: «Видно, мне судьба быть твоею, делай со мной, что сам знаешь!»

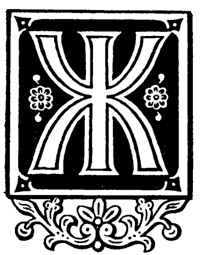
Вот едут они путем-дорогою; близко ли, далеко ль, скоро ли, коротко ль, приезжают на большой зеленый луг. На том лугу стоят два великана, друг дружку кулаками потчуют; избились-исколотились до крови, а ни один другого осилить не может; возле них лежат на траве помело да

клюка. «Послушайте, братцы! — спрашивает их Иван крестьянский сын.— За что вы деретесь?» Великаны перестали драться и говорят ему: «Мы оба — родные братья; помер у нас отец, и осталось после него всего-навсего имения — вот это помело да клюка; стали мы делиться, да и поссорились: каждому, вишь, хочется все себе забрать! Ну, мы и решились драться не на живот, нá смерть, кто в живых останется — тот обе вещи получит».— «А давно вы спорите?» — «Да вот уж три года, как друг дружку колотим, а толку все не добьемся!» — «Эх вы! Есть из-за чего смертным боем драться. Велика ли корысть — помело да клюка?» — «Не говори, брат, чего не ведаешь! С этим помелом да с клюкою хоть какую силу победить можно. Сколько б неприятель войска ни выставил, смело выезжай навстречу: где махнешь помелом — там будет улица, а перемахнешь — так и с переулочком. А клюка тоже надобна: сколько б ни захватил ею войска — все в плен заберешь!» — «Да, вещи хорошие! — думает Иван.— Пожалуй, пригодились бы и мне. Ну, братцы,— говорит,— хотите, я разделю вас поровну?» — «Раздели, добрый человек!» Иван крестьянский сын слез с своего богатырского коня, набрал горсть мелкого песку, завел великанов в лес и рассеял тот песок на все на четыре стороны. «Вот,— говорит,— собирайте песок; у кого больше будет, тому и клюка и помело достанутся». Великаны бросились собирать песок, а Иван тем временем схватил и клюку и помело, сел на коня — и поминай как звали!

Долго ли, коротко ли, подъезжает он к своему государству и видит, что его крестного отца постигла беда немалая: все царство повоевано, около стольного города стоит рать-сила несметная, грозит все огнем пожечь, самого царя злой смерти предать. Иван крестьянский сын оставил королевну в ближнем лесочке, а сам полетел на войско вражее; где помелом махнет — там улица, где перемахнет — там с переулочком! В короткое время перебил целые сотни, целые тысячи; а что от смерти уцелело, то зацепил клюкою и живьем приволок в стольный город. Царь встретил его с радостью, приказал в барабаны бить, в трубы трубить и пожаловал генеральским чином и несметной казною. Тут Иван крестьянский сын вспомнил про Настасью прекрасную королевну, отпросился на время и привез ее прямо во дворец. Похвалил его царь за удаль богатырскую, велел ему дом готовить да свадьбу справлять. Женился Иван крестьянский сын на прекрасной королевне, отпировал свадьбу богатую и стал себе жить, не тужить. Вот вам сказка, а мне бубликов связка.

186. КОНЬ, СКАТЕРТЬ И РОЖОК

Жила-была старуха, у ней был сын дурак. Вот однажды 108
нашел дурак три гороховых зерна, пошел за село и посеял их там. Когда горох взошел, стал он его караулить; приходит раз на горох и увидал, что сидит на нем журавль и клюет. Дурак подкрался и поймал журавля. «О! — говорит.— Я тебя убью!» А журавль говорит ему: «Нет, не бей меня, я тебе гостинчик дам».— «Давай!» — сказал дурак, и журавль дал ему коня, говоря: «Если тебе захочется денег, скажи этому коню: *стой*! а как наберешь денег, скажи: *но*! Вот дурак взял коня, стал садиться на него и сказал: *стой*! Конь и рассыпался в серебро. Дурак захохотал; потом сказал: *но*! — и серебро обратилось в коня. Распростился дурак с журавлем и повел коня домой, взвел на двор и прямо привел его к матери в избу, привел и дает ей строгий приказ: «Матушка! Не говори: *стой*! говори: *но*!» А сам тут же ушел на горох. Мать была долго в раздумье: «Для чего говорил он мне такие слова? Дай скажу: *стой*!» — и сказала. Вот конь и рассыпался в серебро. У старухи глаза разгорелись; поспешно начала она собирать деньги в свою коробью, и как удовольствовалась — сказала: *но*!

Меж тем дурак опять застал на своем горохе журавля, поймал его и грозил ему смертью. Но журавль сказал: «Не бей меня; я тебе гостинку дам»,— и дал ему скатерть: «Вот как захочешь ты есть, скажи: *развернись*! а как поешь, скажи: *свернись*!» Дурак тут же сделал опыт, сказал: *развернись*! Скатерть развернулась. Он наелся-напился и говорит: *свернись*! Скатерть свернулась. Он взял ее и понес домой: «Вот смотри, матушка, не говори этой скатерти: *развернись*! а говори: *свернись*!» А сам дурак опять пошел на горох. Мать и со скатертью сделала то же, что с конем; сказала: *развернись*! и начала гулять, есть и пить все, что было на скатерти; потом сказала: *свернись*! Скатерть и свернулась.

Дурак опять поймал на горохе журавля, который дал ему в гостинец рожок и, поднимаясь от него кверху, сказал: «Дурак! Скажи: *из рожка*!» Дурак на свою беду и сказал это самое слово, вдруг из рожка выскочили два молодца с дубинами и начали утюжить дурака, и до того утюжили, что он, бедный, с ног свалился. Журавль сверху закричал: *в рожок*! — и молодцы спрятались. Вот дурак пришел к матери и говорит: «Матушка! Не говори: *из рожка*! а говори: *в рожок*!» Мать, как вышел дурак к соседям, заперла дверь на крючок и сказала: *из рожка*! Сейчас выскочили два молодца с дубинами и начали утюжить старуху; она кричит во все горло. Дурак услыхал крик, бежит со всех ног, прибег, хвать — дверь на крючке; он и закричал: *в рожок, в рожок!* Старуха, опомнившись от побоев, отперла дураку дверь. Дурак взошел и сказал: «То-то, матушка! Я тебе сказывал — не говори так-то».

Вот дурак задумал задать пир и созывает господ и бояр. Только они собрались и поселись, дурак и приводит в избу коня и говорит: «*Стой*, добрый конь!» Конь рассыпался в серебро. Гости удивились и почали

грабить себе деньги да прятать по карманам. Дурак сказал: *но*! — и конь опять явился, только без хвоста. Видит дурак, что время гостей потчевать, вынул скатерть и сказал: *развернись*! Вдруг развернулась скатерть, и на ней всяких закусок и напитков наставлено великое множество. Гости начали пить, гулять и веселиться. Как все удовольствовались, дурак сказал: *свернись*! — и скатерть свернулась. Гости стали зевать и с насмешкой говорить: «Покажи нам, дурак, еще что-нибудь!» — «Изволь,— сказал дурак,— для вас можно!» — и приносит рожок. Гости прямо и закричали: *из рожка*! Откуда ни взялись два молодца с дубинками, начали колотить их изо всей мочи и до того били, что гости принуждены были отдать украденные деньги, а сами разбежались. А дурак с матерью, конем, скатертью и рожком стал жить да поживать да больше добра наживать.

187. ДВОЕ ИЗ СУМЫ

Жил старик со старухой. Вот старуха на старика всегда 109
бранится, что ни день — то помелом, то рогачом отваляет его; старику от старухи житья вовсе нет. И пошел он в поле, взял с собою тенеты и постановил их. И поймал он журавля и говорит ему: «Будь мне сыном! Я тебя отнесу своей старухе, авось она не будет теперь на меня ворчать». Журавль ему отвечает: «Батюшка! Пойдем со мною в дом». Вот он и пошел к нему в дом. Пришли; журавль взял со стены сумку и говорит: «*двое из сумы*! Вот сейчас вылезли из сумы два молодца, стали становить столы дубовые, стлать скатерти шелковые, подавать ествы и питья разные. Старик видит такую сладость, что сроду никогда не видывал, и обрадовался оченно. Журавль и говорит ему: «Возьми эту суму себе и неси своей старухе». Вот он взял и пошел; шел путем дальним и зашел к куме ночевать; у кумы было три дочери. Собрали ему поужинать чем бог послал. Он ест — не ест и говорит куме: «Плоха твоя еда!» — «Какая есть, батюшка!» — отвечала кума. Вот он и говорит: «Собери свою еду-то»; а которая была у него сума, той говорит, как приказывал ему журавль: *двое из сумы*! В ту же минуту двое из сумы вылезли, зачали становить столы дубовые, стлать скатерти шелковые, подавать ествы и питья разные.

Кума с дочерьми своими удивилась, задумала унесть у старика эту суму и говорит дочерям: «Подите истопите баньку; может, куманек попарится в баньке-то». Вот только он вышел в баню-то, а кума сейчас приказала своим дочерям сшить точно такую же суму, какая у старика; они сшили и положили свою суму старику, а его суму себе взяли. Старик вышел из бани, взял обмененную суму и весело пошел в дом свой к старухе; приходит ко двору и кричит громким голосом: «Старуха, старуха!

Встречай меня с журавлем-сыном». Старуха глядит на него быстро и ворчит промеж себя: «Поди-ка ты, старый кобель! Я тебя отваляю рогачом [1]». А старик свои слова говорит: «Старуха! Встречай меня с журавлем-сыном». Вошел в избу старик, повесил суму на крючок и кричит: *двое из сумы*! Из сумы нет никого. Вот он в другой раз: *двое из сумы*! Из сумы опять нет никого. Старуха видит, что он говорит бознать [2] что, ухватила помело мокро и ну старика гвоздить [3].

Старик испугался, заплакал и пошел опять в поле. Отколь ни взялся прежний журавль, видит его несчастье и говорит: «Пойдем, батюшка, опять ко мне в дом». Вот он и пошел. У журавля опять сума висит такая же. *Двое из сумы*!— сказал журавль. Двое из сумы вылезли и поставили такой же обед, как и прежние. «Возьми себе эту суму»,— говорит журавль старику. Вот он взял суму и пошел; шел-шел по дороге, и захотелось ему поесть, и говорит он, как приказывал журавль: *двое из сумы*! Двое из сумы вылезли — такие молодцы с большими колдашами [4] — и начали его бить, приговаривая: «Не заходи к куме, не парься в бане!»— и до тех пор били старика, пока он не выговорил кое-как: *двое в суму*! Как только изговорил эти слова, двое в суму и спрятались.

Вот старик взял суму и пошел; пришел к той же куме, повесил суму на крючок и говорит куме: «Истопи мне баньку». Она истопила. Старик пошел в баню: парится — не парится, только время проводит. Кума созвала своих дочерей, усадила за стол — захотелось ей поесть — и говорит: *двое из сумы*! Двое из сумы вылезли с большими колдашами и ну куму бить, приговаривая: «Отдай старикову суму!» Били-били... вот она и говорит большой дочери: «Поди, кликни ку́ма из бани; скажи, что двое совсем меня прибили» — «Я ща [5] не испарился [6]»,— отвечает старик. А они всё больше ее бьют, приговаривая: «Отдай старикову суму!» Вот кума́ послала другую дочь: «Скорее вели куманьку идти в избу». Он отвечает: «Я ща голову не мыл». Она и третью посылает. «Я ща не купался»,—говорит старик. Терпенья нет куме! Велела принесть украденную суму. Вот старик вышел из бани, увидал свою прежнюю суму и говорит: *двое в суму*! Двое в суму с колдашами и ушли.

Вот старик взял обе сумы — и сердиту и хорошу — и пошел домой. Подходит ко двору и кричит старухе: «Встречай меня с журавлем-сыном». Она на него быстро глядит: «Поди-ка ты домой-то, я тебя отваляю!» Взошел в избу старик, зовет старуху: «Садись за стол» — и говорит: *двое из сумы*! Двое из сумы вылезли, настановили и пить и есть. Старуха наелась-напилась и похвалила старика: «Ну, старик, я теперь бить тебя не стану». Старик, наевшись, вышел на двор, хорошую суму вынес в клеть, а сердитую повесил на крючок; а сам по двору ходит — не ходит, только время проводит. Захотелось старухе еще выпить, и говорит она стариковы слова: *двое из сумы*! Вот вылезли двое из сумы с большими колдашами и начали

[1] Ухватом.
[2] Т. е. бог знает.
[3] Крепко бить.
[4] *Колдай* — палка с шишкою на одном конце.
[5] Еще.
[6] Не выпарился.

бить старуху; до тех пор били, что у ней мочи не стало! Кличет старика: «Старик, старик! Поди в избу; меня двое прибили!» А он ходит — не ходит, только посмеивается да поговаривает: «Они тебе зададут!» Двое еще больше бьют старуху и приговаривают: «Не бей старика! Не бей старика!» Наконец старик сжалился над старухою, вошел в избу и сказал: *двое в суму*! Двое в суму и спрятались. С тех пор старик со старухою стали жить так хорошо, так дружно, что старик везде ею похваляется, тем и сказка кончается.

188. ПЕТУХ И ЖЕРНОВКИ [1]

Жил да был себе старик со старухою, бедные-бедные! Хле- 110
ба-то у них не было; вот они поехали в лес, набрали желудей, привезли домой и начали есть. Долго ли, коротко ли они ели, только старуха уронила один желудь в подполье. Пустил желудь росток и в небольшое время дорос до полу. Старуха заприметила и говорит: «Старик! Надобно пол-то прорубить; пускай дуб растет выше; как вырастет, не станем в лес за желудями ездить, станем в избе рвать». Старик прорубил пол; деревцо росло, росло и выросло до потолка. Старик разобрал и потолок, а после и крышу снял; дерево все растет да растет и доросло до самого неба. Не стало у старика со старухой желудей, взял он мешок и полез на дуб.

Лез-лез и взобрался на небо. Ходил, ходил по небу, увидал: сидит кочеток золотой гребенек, масляна головка, и стоят жерновцы. Вот старик-от долго не думал, захватил с собою и кочетка и жерновцы и спустился в избу. Спустился и говорит: «Как нам, старуха, быть, что нам есть?» — «Постой,— молвила старуха,— я попробую жерновцы». Взяла жерновцы и стала молоть; ан блин да пирог, блин да пирог! Что ни повернет — все блин да пирог!.. И накормила старика.

Ехал мимо какой-то барин и заехал к старику со старушкой в хату. «Нет ли,— спрашивает,— чего-нибудь поесть?» Старуха говорит: «Чего тебе, родимый, дать поесть, разве блинков?» Взяла жерновцы и намолола: нападали блинки да пирожки. Приезжий поел и говорит: «Продай мне, бабушка, твои жерновцы».— «Нет,— говорит старушка,— продать нельзя». Он взял да и украл у ней жерновцы. Как уве́дали старик со старушкою, что украдены жерновцы, стали горе горевать. «Постой,— говорит кочеток золотой гребенек,— я полечу, догоню!» Прилетел он к боярским хоромам, сел на ворота и кричит: «Кукуреку! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые!» Как услыхал барин, сейчас приказывает: «Эй, малый!

[1] Ручная мельница.

Возьми, брось его в воду». Поймали кочетка, бросили в колодезь; он и стал приговаривать: «Носик, носик, пей воду! Ротик, ротик, пей воду!» — и выпил всю воду. Выпил всю воду и полетел к боярским хоромам; уселся на балкон и опять кричит: «Кукуреку! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые!» Барин велел повару бросить его в горячую печь. Поймали кочетка, бросили в горячую печь — прямо в огонь; он и стал приговаривать: «Носик, носик, лей воду! Ротик, ротик, лей воду!» — и залил весь жар в печи. Вспорхнул, влетел в боярскую горницу и опять кричит: «Кукуреку! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые!» Гости услыхали это и побегли из дому, а хозяин побег догонять их; кочеток золотой гребенек схватил жерновцы и улетел с ними к старику и старухе.

189. ЧУДЕСНЫЙ ЯЩИК

У одного старика и старухи был один сын уж на возрасте; чему учить сына — отец не знает, и вздумал его отдать одному мастеру в работники всяки вещи делать. Поехал в город, сделал условие с мастером, чтобы сыну учиться у него три года, а домой побывать в три года только один раз. Отвез сына. Вот парень живет год, другой; скоро научился делать доро́ги вещи, превзошел и самого хозяина. Один раз сделал часы в пятьсот рублей, послал их отцу. «Хоть,— говорит,— продаст да поправит бедность!» Где отцу продавать! Он насмотреться не может на часы, потому что сын их делал. Время приходит; надо ему увидеться с родителями. Хозяин был знаткой[1], и говорит: «Ступай, вот тебе срок три часа и три минуты; если в срок не воротишься — смерть тебе!» Он и думает: «Когда же я доеду столько верст до отца?» Мастер на это говорит: «Возьми вон ту карету; как только сядешь — защурься». 115

Наш парень так и сделал; только защурился, взглянул — уж и дома у отца; вылез, приходит в избу — никого нет. А отец и мать его увидели, что к дому карета подъехала, испугались да и спрятались в голбец[2]; насилу он их вызвал из голбца. Начали здороваться; мать плакать — долго не видались. Сын привез им гостинцев. Докуда здоровались да говорили, время мешкалось — три часа уж и прошло, осталось три минуты, то, друго́, вот только одна минута! Нечистый шепчет парню: «Ступай скорее: хозяин ужо тебя!..» Парень был заботливый, простился и поехал; скоро очутился у дому, вошел в избу, а хозяина за него, что просрочил, нечи-

[1] Знахарь, колдун.
[2] Деревянная приделка к печи (*Ред.*).

ста сила мучит. Парень отваживаться-отваживаться с хозяином, отвадился, пал ему в ноги: «Прости, просрочил, вперед таков не буду!» Хозяин побранил только и подлинно простил.

Парень наш опять живет; всех лучше стал делать всяки вещи. Хозяин и думат, что если парень отойдет, отнимет у него всю работу — лучше мастера стал! — и говорит ему: «Работник! Ступай в подземное царство, принеси оттуда мне ящичек; он стоит там на царском троне». Поделали спуски длинные, ремень к ремню сшили и к каждому шву привязали по колокольчику. Хозяин начал его спускать в какой-то овраг, велел: если достанет ящик, трясти заранее за ремень; как колокольчики зазвонят, хозяин услышит. Парень спустился под землю, видит дом, входит в него; человек с двадцать мужиков стали все на ноги, поклонились и все в голос: «Здравствуй, Иван-царевич!» Парень изумился: какая честь! Входит в другу комнату — полна женщин; те также стали, поклонились, говорят: «Здравствуй, Иван-царевич!» Эти люди все были наспусканы мастером. Пошел парень в третью комнату, видит — трон, на троне ящик; взял этот ящик, пошел и людей всех за собой повел.

Пришли к ремню, потрясли, привязали человека — хозяин потянул; а сам он с ящиком хотел привязаться на самом последе. Хозяин половину их вытаскал; вдруг к нему прибежал работник, зовет скорей домой — сделалось како-то несчастье. Хозяин пошел; велел всех таскать из-под земли, а крестьянского сына таскать не велел. Ну, людей всех перетаскали по ремню, а этого парня и оставили. Он ходил-ходил по подземному царству, что-то ящичек и тряхнул — вдруг выскочило двенадцать молодцов, говорят: «Что, Иван-царевич, прикажете?» — «Да вот вытащите меня наверх!» Молодцы тотчас его подхватили, вынесли. Он не пошел к своему хозяину, а пошел прямо к отцу. Между тем хозяин хватился ящичка, прибежал к оврагу, трясти-трясти за ремень — нету его работника! Думает мастер: «Видно, ушел куда-то! Надо посылать за ним человека».

А крестьянский сын пожил у отца, выбрал богатое какое-то место, метнул ящик с руки нá руку — вдруг явилось двадцать четыре молодца: «Что, Иван-царевич, прикажете?»— «Ступайте, на этом месте устройте царство, чтобы оно лучше всех царств было». В кою пору царство явилось! Парень наш переехал туда, женился и стал жить на славу. В его царстве был какой-то детинка — так, нездрашный[3], а мать его все ходила к Ивану-царевичу, сбирала милостыню. Сын и велит ей: «Матушка! Украдь у нашего царя ящичек». Ивана-царевича дома не было; жена его старухе подала милостыню, да и вышла. Старуха схватила ящичек, положила в мешок и ступай к сыну. Тот переметнул ящик — выскочили те же молодцы. Он велит им бросить Ивана-царевича в глубокую яму, куда валили только пропáвшего[4] скота, а жену его и родителей разместил — кого в лакеи, кого куда; сам царем стал.

Вот крестьянский сын и сидит в яме день, другой и третий. Как вырваться? Видит какую-то большую птицу — таскат скота; в одно время

[3] Невзрачный (?)
[4] Дохлого, палого.

свалили в яму палую скотину, он взял да к ней и привязался; птица налетела, схватила скотину и вынесла, села на сосну, и Иван-царевич тут болтается — отвязаться нельзя. Неоткуда взялся стрелец, прицелился, стрелил: птица спорхнула и полетела, корову из лап упустила; корова пала, и Иван-царевич за ней пал, отвязался, идет дорогой и думат: как воротить свое царство? Хватил карман — тут ключ от ящика; метнул — вдруг выскочило два молодца: «Что, Иван-царевич, прикажете?» — «Вот, братцы, я в несчастии!» — «Знаем мы это; счастлив еще, что мы двое за ключом остались!» — «Нельзя ли, братцы, принести мне ящик?» Иван-царевич не успел выговорить, двое молодцов ящик принесли! Тут он ожил, старуху-нищу и сына ее приказал казнить, сам стал по-старому царем.

190—191. ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО

190

В этаких местах, в этаких больших деревнях, жил мужичок не *112а*
скудно, не богато; у него был сынок, и оставляет он сынку триста рублей денег: «Вот тебе, сынок! Благословляю тремя стами рублями до твоего выросту». Вырос этот сынок, взошел в полный разум и говорит своей матушке: «Помню я — покойный батюшка благословлял меня тремя стами рублями; то дай мне хоть сотенку». Она ему дала сто рублей, он и пошел во путь во дороженьку, и попадается ему мужичок — ведет вислоухую собаку. Он и говорит: «Продай мне, мужичок, эту собаку». Мужик говорит: «Ну-ка дай сто рублей». Вот он дал за нее сто рублей, привел ее домой, поит и кормит. После того просит у матери еще сто рублей. Мать ему еще сто рублей дала; он пошел во путь во дороженьку, опять ему попадается мужик — ведет котка золотой хвостик. Он и говорит: «Продай мне, мужичок, этого котка». Мужик говорит: «Купи!» — «А что тебе за него?» Мужичок говорит: «Хочешь, так сто рублей». И отдал ему котка за сто рублей; он взял его, свел домой, поит и кормит. Ну, вот просит он у матери еще сто рублей. Мать ему говорит: «Милое ты мое дитятко! Куда ты деньги изводишь? Напрасные эти покупки».— «Э, мать моя родимая! Не тужи об деньгах, они нам когда-нибудь возворотятся». Она ему и третью сотню дала; он опять пошел во путь во дороженьку.

Ну, хорошо; в этаких местах, в этаких городах, умерла царевна, а у ней на руке было золотое колечко; ему, доброму мóлодцу, очень хочется снять с руки это колечко. Вот он закупает караулов допустить его до царевны; подошел к ней, снял с руки колечко и пошел к своей матери; никтó его не сдержал.

2 Заказ № 101

Живет долго ли, коротко ли — вышел на крылечко и перекинул это колечко с руки нá руку, выскочило из колечка триста молодцев и сто семьдесят богатырев и спрашивают у него: «Что заставишь нас работать?» — «Вот что заставлю: первое — сшибите мою старую избу и поставьте на этом же месте каменный дом, и чтобы матушка моя про то не знала». Они сработали в одну ночь; мать его встает и удивляется: «Чей это дом такой?» Сын ей говорит: «Матушка моя родимая! Не удивляйся, а молись богу; дом этот наш». Вот живут они долго ли, коротко ли в этом доме — вышли ему совершенные годы, и захотелось ему жениться.

В этаком царстве, в этаком государстве, у такого-то царя была царевна, и ему хочется на ней посвататься: «Сватай-ка за меня, моя родная матушка! В этаком-то царстве, у такого-то царя есть дочь хороша». Мать ему и говорит: «Дитя ты мое милое! Где нам брать царевну!» А он ей в ответ: «Мать ты моя, родительница! Молись-ка спасу, выпей квасу да ложись спать; утро вечера мудренее». Сам он, добрый мóлодец, вышел на крылечко, перекинул с руки нá руку колечко — выскочило триста молодцев и сто семьдесят богатырев и спрашивают у него: «Что прикажешь делать?» — «Сыщите мне таких дорогих вещей, которых бы у царя не было, и принесите на золотых подносах: надо царя с царевною одарить!» Тотчас принесли ему этакие вещи; он и посылает свою мать свататься к царю.

Вот мать пришла к царю, а царь удивляется: «Где ты, старушка, этакие вещи взяла?» Выходит царевна, глядит на эти вещи и говорит: «Ну, старушка, скажи своему сыну: пусть он поставит об одну ночь в царском заповедном лугу новый дворец лучше дворца моего батюшки, и чтобы провел он от дворца до дворца мост хрустальный, и был бы тот хрустальный мост устлан разными шитыми коврами; в то время пойду за твоего сына замуж. А ежели да не совершит этого, то не будет ему прощения, и сложит он свою буйну голову на плаху!» Идет старуха домой, слезно плачет и говорит сыну: «Милое мое дитятко! Говорила я тебе, что не надобно на царевне свататься. Вот теперь царевна приказывает тебе сказать, что ежели хочешь на ней жениться, то построй об одну ночь новый дворец в заповедном лугу, и чтобы лучше был батюшкиного, и чтоб от дворца до дворца проведен был хрустальный мост, и был бы тот хрустальный мост устлан разными шитыми коврами; а ежели этого не сделаешь, то сложишь свою буйну голову на плаху! Как теперь, дитятко, ты это дело рассудишь?» Отвечает он: «Мать ты моя, родительница! Не сумневайся, молись спасу, выпей квасу да ложись спать; утро вечера мудренее».

Сам добрый мóлодец вышел на крылечко, перекинул с руки нá руку колечко — выскочило триста молодцев и сто семьдесят богатырев и спрашивают: «Что прикажешь работать?» Он им и говорит: «Друзья мои любезные! Постарайтесь мне об одну ночь построить в царском заповедном лугу новый дворец, и чтоб был он лучше царского, и чтоб был проведен от дворца до дворца хрустальный мост, а этот мост был бы устлан разными шитыми коврами». Вот эти мóлодцы и богатыри об одну ночь

все выстроили, что им было приказано. Царь утром встал, глядит в подзорную трубку на свои заповедные луга и удивляется, что выстроен дворец лучше его, и посылает посланного сказать, чтобы приходил добрый мóлодец свататься на царевне, а царевна-де согласна выйти за него замуж. Вот он сосватался на царевне, честным пирком да и за свадебку; сыграли свадьбу, отпировали.

Живут долго ли, коротко ли, царевна своего мужа и спрашивает: «Скажи, пожалуйста, каким ты манером этакое дело совершаешь об одну ночь? Теперь станем с тобой заедино думать». Улещает его, уговаривает и подносит ему разных водок; напоила его мертвецки пьяным, он ей и сказал: «Вот я чем — колечком!» А она у пьяного колечко взяла, перекинула с руки нá руку — выскочило триста молодцев и сто семьдесят богатырев и спрашивают: «Что прикажете делать?» — «А вот что: возьмите этого пьяницу и выкиньте на батюшкин луг, а меня снесите со всем дворцом за тридевять три земли, за десятое царство, к такому-то королю». Они об одну ночь и приставили ее туда, куда приказала.

Царь встает утром, смотрит в подзорную трубку в свои заповедные луга — не стало ни дворца, ни хрустального моста, только валяется один человек; посылает царь посланных: «Узнайте, что там за человек лежит?» Сбегали посланные, приходят назад и говорят царю: «Ваш зять один валяется!» — «Подите, приведите его ко мне». Вот и приводят его, царь спрашивает: «Куда ты царевну дел и с дворцом?» Он отвечает: «Ваше царское величество! Не знаю, как будто во сне ее потерял». Царь говорит: «Даю тебе три месяца сроку, добирайся: где царевна? А там казнить стану». И посадил он его в крепкую тюрьму.

Вот и говорит кот собаке вислоухой: «Что ты знаешь? Ведь хозяин-то наш в засаженье[1]. Обманула его царевна, сняла с руки колечко и ушла за тридевять земель, за десятое царство. Надо кольцо добывать; побежим-ка с тобой!» Побежали; где на пути озера плыть, где реки плыть, там кот садится на загривок к собаке вислоухой, собака и перевозит его на другую сторону. Долго ли, коротко ли — сбежали они за тридевять земель, за десятое царство. Говорит кот собаке: «Ежели из королевской кухни будут посылать за дровами, ты сейчас беги, а я на погребок пойду к ключнице; что она задумает — то я и подам».

Стали они жить на королевском дворе. Вот сказывает ключница королю: «Есть у меня на погребке котик золотой хвостик; что задумаю — то и подаст!» Повар говорит: «А у меня есть собака вислоухая; как стану посылать мальчика за дровами, она опрометью бежит и несет!» Король приказывает: «Приведите собаку вислоухую в мою спальню»; а царевна велит: «А ко мне приведите котка золотой хвостик». Привели кота и собаку; и день и ночь во дворце остаются. А царевна, как спать ложится, колечко завсегда в рот берет. Вот бежит ночью мышь, а кот за загривок ее и цапнул; мышь говорит: «Не тронь меня, кот! Я знаю, зачем ты пришел; ты пришел за колечком — я тебе достану его». Кот ее выпустил; она вскочила на кровать и прямо к царевне, сунула свой хвостик ей в

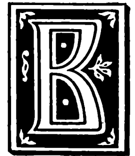
[1] В гарнизонной тюрьме (*Ред.*).

рот и зашевелила; царевна плюнула да колечко и выплюнула. Кот цап и кричит вислоухой собаке: «Не зевай!»

Бросились прямо в окошко, выскочили и побежали, сухим путем бегут, а реки и озера плывут; приходят в свое царство и прямо к тюрьме... Кот влез в тюрьму; хозяин увидал, стал его гладить, а кот песни петь и положил ему нá руку колечко; хозяин обрадовался, перекинул колечко с руки нá руку — выскочило триста молодцев и сто семьдесят богатырев: «Что работать прикажете?» Он и говорит: «Чтоб мне с горя на целые сутки была знатная музыка». Музыка заиграла. А царь посылает к нему посланника: «Обдумался ли?» Посланник пошел и заслушался; вот царь другого посылает, и другой заслушался; вот третьего посылает, и третий заслушался; вот приходит сам царь к зятю, он потемнил и царя этою музыкой. Как только перестала музыка, царь и начал у него выспрашивать. Зять говорит: «Ваше царское величество! Освободите меня на единую ночь, вмиг доставлю вашу царевну».

Вот вышел он на крылечко; перекинул с руки нá руку колечко — выскочило триста молодцев и сто семьдесят богатырев и спрашивают: «Что прикажете работать?» — «Принесите царевну назад со всем дворцом, и чтоб все было на старом месте и об одну ночь сделано». Царевна встала поутру и видит, что она на старом месте, испугалась и не знает, что ей будет? А ее муж приходит к царю: «Ваше царское величество! Как будем царевну судить?» — «Зять ты мой милый! Усовестим мы ее словами, и живите себе, поживайте да добро наживайте!»

191

некотором царстве, в некотором государстве жил да был старик со старухою, и был у них сын Мартынка. Всю жизнь 112б
свою занимался старик охотою, бил зверя и птицу, тем и сам кормился и семью питал. Пришло время — заболел старик и помер; оставался Мартынка с матерью, потужили-поплакали, да делать-то нечего: мертвого назад не воротишь. Пожили с неделю и приели весь хлеб, что в запасе был; видит старуха, что больше есть нечего, надо за денежки приниматься. Вишь, старик-то оставил им двести рублев; больно не хотелось ей починать кубышку, одначе сколько ни крепилась, а починать нужно — не с голоду ж помирать! Отсчитала сто рублев и говорит сыну: «Ну, Мартынка, вот тебе сто целковиков; пойди — попроси у соседей лошади, поезжай в город да закупи хлеба; авось как-нибудь зиму промаячим, а весной станем работы искать».

Мартынка выпросил телегу с лошадью и поехал в город; едет он мимо мясных лавок — шум, брань, толпа народу. Что такое? А то мясники изловили охотничью собаку, привязали к столбу и бьют ее палками, собака рвется, визжит, огрызается... Мартынка подбежал к тем мясникам и спрашивает: «Братцы! За что вы бедного пса так бьете немилостиво?» — «Да как его, проклятого, не бить, — отвечают мясники, — когда он целую тушу говядины спортил!» — «Полно, братцы! Не

бейте его, лучше продайте мне».— «Пожалуй, купи,— говорит один мужик шутя,— давай сто рублев». Мартынка вытащил из-за пазухи сотню, отдал мясникам, а собаку отвязал и взял с собой. Пес начал к нему ластиться, хвостом так и вертит: понимает, значит, кто его от смерти спас.

Вот приезжает Мартынка домой, мать тотчас стала спрашивать: «Что купил, сынок?» — «Купил себе первое счастье».— «Что ты завираешься, какое там счастье?» — «А вот он — Журка!» — и кажет ей на собаку. «А больше ничего не купил?»—«Коли б деньги остались, может и купил бы; только вся сотня за собаку пошла». Старуха заругалась. «Нам,— говорит,— самим есть нечего; нынче последние поскребышки по закромам собрала да лепешку спекла, а завтра и того не будет!»

На другой день вытащила старуха еще сто рублев, отдает Мартынке и наказывает: «На, сынок! Поезжай в город, искупи хлеба, а задаром денег не бросай». Приехал Мартынка в город, стал ходить по улицам да присматриваться, и попался ему на глаза злой мальчишка: поймал тот мальчишка кота, зацепил веревкой за шею и давай тащить на́ реку. «Постой! — закричал Мартынка. — Куда Ваську тащишь?» — «Хочу его утопить, проклятого!» — «За какую провинность?» — «Со стола пирог стянул».— «Не топи его, лучше продай мне».— «Пожалуй, купи; давай сто рублев». Мартынка не стал долго раздумывать, полез за пазуху, вытащил деньги и отдал мальчику, а кота посадил в мешок и повез домой. «Что купил, сынок?» — спрашивает его старуха. «Кота Ваську».— «А больше ничего не купил?» — «Коли б деньги остались, может и купил бы еще что-нибудь».— «Ах ты, дурак этакий! — закричала на него старуха.— Ступай же из дому вон, ищи себе хлеба по чужим людям».

Пошел Мартынка в соседнее село искать работы; идет дорогою, а следом за ним Журка с Ваською бегут. Навстречу ему поп: «Куда, свет, идешь?» — «Иду в батраки наниматься».— «Ступай ко мне; только я работников без ряды беру: кто у меня прослужит три года, того и так не обижу». Мартынка согласился и без устали три лета и три зимы на попа работал; пришел срок к расплате, зовет его хозяин: «Ну, Мартынка! Иди — получай за свою службу». Привел его в амбар, показывает два полных мешка и говорит: «Какой хочешь, тот и бери!» Смотрит Мартынка — в одном мешке серебро, а в другом песок, и раздумался: «Эта штука неспроста приготовлена! Пусть лучше мои труды пропадут, а уж я попытаю, возьму песок — что из того будет?» Говорит он хозяину: «Я, батюшка, выбираю себе мешок с мелким песочком».— «Ну, свет, твоя добрая воля; бери, коли серебром брезгаешь».

Мартынка взвалил мешок на спину и пошел искать другого места; шел-шел, шел-шел и забрел в темный, дремучий лес. Среди леса поляна, на поляне огонь горит, в огне де́вица сидит, да такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать. Говорит красная де́вица: «Мартын вдовин сын! Если хочешь добыть себе счастья, избавь меня: засыпь это пламя песком, за который ты три года служил».— «И впрямь,— подумал Мартынка,— чем таскать с собой этакую тяжесть, лучше человеку пособить. Не велико богатство — песок, этого добра везде много!» Снял мешок, развязал и давай сыпать; огонь тотчас погас,

красная де́вица ударилась оземь, обернулась змеею, вскочила доброму мо́лодцу на грудь и обвилась кольцом вокруг его шеи. Мартынка испугался. «Не бойся!— провещала ему змея.— Иди теперь за тридевять земель, в тридесятое государство — в подземельное царство; там мой батюшка царствует. Как придешь к нему на двор, будет он давать тебе много злата, и се́ребра, и самоцветных каменьев; ты ничего не бери, а проси у него мизинного перста колечко. То кольцо не простое; если перекинуть его с руки на́ руку — тотчас двенадцать молодцев явятся, и что им ни будет приказано, всё за единую ночь сделают».

Отправился добрый молодец в путь-дорогу; близко ли, далеко ль, скоро ли, коротко ль, подходит к тридесятому царству и видит огромный камень. Тут соскочила с его шеи змея, ударилась о сырую землю и сделалась по-прежнему красною де́вицей. «Ступай за мною!» — говорит красная де́вица и повела его под тот камень. Долго шли они подземным ходом, вдруг забрезжился свет — все светлей да светлей, и вышли они на широкое поле, под ясное небо; на том поле великолепный дворец выстроен, а во дворце живет отец красной де́вицы, царь той подземельной стороны.

Входят путники в палаты белокаменные, встречает их царь ласково. «Здравствуй,— говорит,— дочь моя милая, где ты столько лет скрывалася?» — «Свет ты мой батюшка! Я бы совсем пропала, если б не этот человек: он меня от злой неминучей смерти освободил и сюда в родные места привел». — «Спасибо тебе, добрый мо́лодец! — сказал царь. — За твою добродетель наградить тебя надо; бери себе и злата, и се́ребра, и каменьев самоцветных, сколько твоей душе хочется». Отвечает ему Мартын вдовин сын: «Ваше царское величество! Не требуется мне ни злата, ни се́ребра, ни каменьев самоцветных; коли хочешь жаловать, дай мне колечко с своей царской руки — с мизинного перста. Я человек холостой; стану на колечко почаще посматривать, стану про невесту раздумывать, тем свою скуку разгонять». Царь тотчас снял кольцо, отдал Мартыну: «На, владей на здоровье, да смотри: никому про кольцо не сказывай, не то сам себя в большую беду втянешь!»

Мартын вдовин сын поблагодарил царя, взял кольцо да малую толику денег на дорогу и пустился обратно тем же путем, каким прежде шел. Близко ли, далеко ли, скоро ли, коротко ли, воротился на родину, разыскал свою мать-старуху, и стали они вместе жить-поживать без всякой нужды и печали. Захотелось Мартынке жениться, пристал он к матери, посылает ее свахою: «Ступай, — говорит,— к самому королю, высватай за меня прекрасную королевну».— «Эх, сынок,— отвечает старуха,— рубил бы ты дерево по себе — лучше бы вышло. А то вишь что выдумал! Ну, зачем я к королю пойду? Знамое дело, он осердится и меня и тебя велит казни предать». — «Ничего, матушка! Небось, коли я посылаю, значит — смело иди. Какой будет ответ от короля, про то мне скажи; а без ответу и домой не ворочайся».

Собралась старуха и поплелась в королевский дворец; пришла на двор и прямо на парадную лестницу, так и прет без всякого докладу. Ухватили ее часовые: «Стой, старая ведьма! Куда тебя черти несут?

Здесь даже генералы не смеют ходить без докладу...» — «Ах вы, такие-сякие, — закричала старуха,— я пришла к королю с добрым делом, хочу высватать его дочь-королевну за моего сынка, а вы хватаете меня за́ полы». Такой шум подняла, что и господи упаси! Король услыхал крики, глянул в окно и велел допустить к себе старушку. Вот вошла она в государскую комнату, помолилась на иконы и поклонилась королю. «Что скажешь, старушка?» — спросил король. «Да вот пришла к твоей милости; не во гнев тебе сказать: есть у меня купец, у тебя товар. Купец-то — мой сынок Мартынка, пребольшой умница; а товар — твоя дочка, прекрасная королевна. Не отдашь ли ее замуж за моего Мартынку? То-то пара будет!» — «Что ты, али с ума сошла?» — закричал на нее король. «Никак нет, ваше королевское величество! Извольте ответ дать».

Король тем же часом собрал к себе всех господ министров, и начали они судить да рядить, какой бы ответ дать этой старухе? И присудили так: пусть-де Мартынка за единые сутки построит богатейший дворец, и чтоб от того дворца до королевского был сделан хрустальный мост, а по обеим сторонам моста росли бы деревья с золотыми и серебряными яблоками, на тех на деревьях пели бы разные птицы, да еще пусть выстроит пятиглавый собор: было бы где венец принять, было бы где свадьбу справлять. Если старухин сын все это сделает, тогда можно за него и королевну отдать: значит, больно мудрен; а если не сделает, то и старухе и ему срубить за провинность головы. С таким-то ответом отпустили старуху; идет она домой — шатается, горючими слезьми заливается; увидала Мартынку: «Ну,— говорит,— сказывала я тебе, сынок: не затевай лишнего; а ты все свое. Вот теперь и пропали наши бедные головушки, быть нам завтра казненными».— «Полно, матушка, авось живы останемся; молись-ка богу да ложись почивать; утро, кажись, мудренее вечера».

Ровно в полночь встал Мартын с постели, вышел на широкий двор, перекинул кольцо с руки на́ руку — и тотчас явилось перед ним двенадцать молодцев, все на одно лицо, волос в волос, голос в голос. «Что тебе понадобилось, Мартын вдовин сын?» — «А вот что: сделайте мне к свету на этом самом месте богатейший дворец, и чтоб от моего дворца до королевского был хрустальный мост, по обеим сторонам моста росли бы деревья с золотыми и серебряными яблоками, на тех на деревьях пели бы разные птицы, да еще выстройте пятиглавый собор: было бы где венец принять, было бы где свадьбу справлять». Отвечали двенадцать молодцев: «К завтрему все будет готово!» Бросились они по разным местам, согнали со всех сторон мастеров и плотников и принялись за работу: все у них спорится, быстро дело делается. Наутро проснулся Мартынка не в простой избе, а в знатных, роскошных покоях; вышел на высокое крыльцо, смотрит — все как есть готово: и дворец, и собор, и мост хрустальный, и деревья с золотыми и серебряными яблоками. В те́ поры и король выступил на балкон, глянул в прозорную трубочку и диву дался: все по приказу сделано! Призывает к себе прекрасную королевну и велит к венцу снаряжаться. «Ну,— говорит,— не думал я — не гадал отдавать тебя замуж за мужичьего сына, да теперь миновать того нельзя».

Вот, пока королевна умывалась, притиралась, в дорогие уборы рядилась, Мартын вдовин сын вышел на широкий двор и перекинул свое колечко с руки на́ руку — вдруг двенадцать молодцев словно из земли выросли: «Что угодно, что надобно?» — «А вот, братцы, оденьте меня в боярский кафтан да приготовьте расписную коляску и шестерку лошадей».— «Сейчас будет готово!» Не успел Мартынка три раза моргнуть, а уж притащили ему кафтан; надел он кафтан — как раз впору, словно по мерке сшит. Оглянулся — у подъезда коляска стоит, в коляске чудные кони запряжены — одна шерстинка серебряная, а другая золотая. Сел он в коляску и поехал в собор; там уж давно к обедне звонят, и народу привалило видимо-невидимо. Вслед за женихом приехала и невеста с своими няньками и мамками и король с своими министрами. Отстояли обедню, а потом как следует — взял Мартын вдовин сын прекрасную королевну за руку и принял закон с нею. Король дал за дочкою богатое приданое, наградил зятя большим чином и задал пир на весь мир.

Живут молодые месяц, и два, и три; Мартынка что ни день все новые дворцы строит да сады разводит. Только королевне больно не по сердцу, что выдали ее замуж не за царевича. не за королевича, а за простого мужика; стала думать, как бы его со света сжить; прикинулась такою лисою, что и на́ поди! Всячески за мужем ухаживает, всячески ему услуживает да все про его мудрость выспрашивает. Мартынка крепится, ничего не сказывает.

Вот раз как-то был он у короля в гостях, подпил порядком, вернулся домой и лег отдохнуть; тут королевна и пристала к нему, давай его целовать-миловать, ласковыми словами прельщать, и таки умаслила: рассказал ей Мартынка про свое чудодейное колечко. «Ладно,— думает королевна,— теперь я с тобою сделаюсь!» Только заснул он крепким сном, королевна хвать его за руку, сняла с мизинного пальца колечко, вышла на широкий двор и перекинула то кольцо с руки на́ руку. Тотчас явилось перед ней двенадцать молодцев: «Что угодно, что надобно, прекрасная королевна?» — «Слушайте, ребята! Чтоб к утру не было здесь ни дворца, ни собора, ни моста хрустального, а стояла бы по-прежнему старая избушка; пусть муж мой в бедности остается, а меня унесите за тридевять земель, в тридесятое царство, в мышье государство. От одного стыда не хочу здесь жить!» — «Рады стараться, все будет исполнено!» В ту ж минуту подхватило ее ветром и унесло в тридесятое царство, в мышье государство.

Утром проснулся король, вышел на балкон посмотреть в прозорную трубочку — нет ни дворца с хрустальным мостом, ни собора пятиглавого, а только стоит старая избушка. «Что бы это значило? — думает король.— Куда все девалося?» И, не мешкая, посылает своего адъютанта разузнать на месте, что такое случилося? Адъютант поскакал верхом, освидетельствовал и, воротясь назад, докладует государю: «Ваше величество! Где был богатейший дворец, там стоит по-прежнему худая избушка, в той избушке ваш зять с своей матерью проживает, а прекрасной королевны и духу нет, и неведомо, где она нынче находится».

Король созвал большой совет и велел судить своего зятя, зачем-де обольстил его волшебством и сгубил прекрасную королевну. Осудили Мартынку посадить в высокий каменный столб и не давать ему ни есть, ни пить: пусть помрет с голоду. Явились каменщики, вывели столб и замуровали Мартынку наглухо, только малое окошечко для света оставили. Сидит он, бедный, в заключении не пивши не евши день, и другой, и третий, да слезами обливается.

Узнала про ту напасть собака Журка, прибежала в избушку, а кот Васька на печи лежит, мурлыкает, и напустилась на него ругаться: «Ах ты, подлец Васька! Только знаешь на печи лежать да потягиваться, а того не ведаешь, что хозяин наш в каменном столбу заточен. Видно, позабыл старое добро, как он сто рублев заплатил да тебя от смерти освободил; кабы не он, давно бы тебя, проклятого, черви источили! Вставай скорей! Надо помогать ему всеми силами». Кот Васька соскочил с печки и вместе с Журкою побежал разыскивать хозяина: прибежал к столбу, вскарабкался наверх и влез в окошечко: «Здравствуй, хозяин! Жив ли ты?» — «Еле жив,— отвечает Мартынка,— совсем отощал без еды, пришлось помирать голодною смертию».— «Постой, не тужи; мы тебя и накормим и напоим»,— сказал Васька, выпрыгнул в окно и спустился наземь. «Ну, брат Журка, ведь хозяин наш с голоду помирает; как бы нам ухитриться да помочь ему?» — «Дурак ты, Васька! И этого не придумаешь! Пойдем-ка по городу; как только встренется булочник с лотком, я живо подкачусь ему под ноги и собью у него лоток с головы; тут ты смотри, не плошай, хватай поскорей калачи да булки и тащи к хозяину».

Вот хорошо, вышли они на большую улицу, а навстречу им мужик с лотком; Журка бросился ему под ноги, мужик пошатнулся, выронил лоток, рассыпал все хлебы да с испугу бежать в сторону: боязно ему, что собака, пожалуй, бешеная — долго ли до беды! А кот Васька цап за булку и потащил к Мартынке; отдал одну — побежал за другою, отдал другую — побежал за третьею. Точно таким же манером напугали они мужика с кислыми щами и добыли для своего хозяина не одну бутылочку. После того вздумали кот Васька да собака Журка идти в тридесятое царство, в мышье государство — добывать чудодейное кольцо: дорога дальняя, много времени утечет... Натаскали они Мартынке сухарей, калачей и всякой всячины на целый год и говорят: «Смотри же, хозяин, ешь-пей, да оглядывайся, чтоб хватило тебе запасов до нашего возвращения». Попрощались и отправились в путь-дорогу.

Близко ли, далеко́, скоро ли, коротко́, приходят они к синему морю. Говорит Журка коту Ваське: «Я надеюсь переплыть на ту сторону, а ты как думаешь?» Отвечает Васька: «Я плавать не мастак, сейчас потону!» — «Ну, садись ко мне на́ спину!» Кот Васька сел собаке на спину, уцепился когтями за шерсть, чтобы не свалиться, и поплыли они по́ морю; перебрались на другую сторону и пришли в тридесятое царство, в мышье государство. В том государстве не видать ни души человеческой; зато столько мышей, что и сосчитать нельзя: куда ни сунься, так стаями и ходят! Говорит Журка коту Ваське: «Ну-ка, брат, принимайся за охоту,

начинай этих мышей душить-давить, а я стану загребать да в кучу складывать».

Васька к той охоте привычен; как пошел расправляться с мышами по-своему: что ни цапнет — то и дух вон! Журка едва поспевает в кучу складывать и в неделю наклал большую скирду! На все царство налегла кручина великая; видит мышиный царь, что в народе его недочет оказывается, что много подданных злой смерти предано; вылез из норы и взмолился перед Журкою и Ваською: «Бью челом вам, сильномогучие богатыри! Сжальтесь над моим народишком, не губите до конца; лучше скажите, что вам надобно? Что смогу, все для вас сделаю». Отвечает ему Журка: «Стоит в твоем государстве дворец, в том дво́рце живет прекрасная королевна; унесла она у нашего хозяина чудодейное колечко. Если ты не добудешь нам того колечка, то и сам пропадешь и царство твое сгинет: все как есть запустошим!» — «Постойте,— говорит мышиный царь,— я соберу своих подданных и спрошу у них».

Тотчас собрал он мышей, и больших и малых, и стал выспрашивать: не возьмется ли кто из них пробраться во дворец к королевне и достать чудодейное кольцо? Вызвался один мышонок: «Я,— говорит,— в том дворце часто бываю; днем королевна носит кольцо на мизинном пальце, а на ночь, когда спать ложится, кладет его в рот».— «Ну-ка постарайся добыть его; коли сослужишь эту службу, награжу тебя по-царски». Мышонок дождался ночи, пробрался во дворец и залез потихоньку в спальню, смотрит — королевна крепко спит; он вполз на постель, всунул кололевне в нос свой хвостик и давай щекотать в ноздрях. Она чхнула — кольцо изо рта выскочило и упало на ковер. Мышонок прыг с кровати, схватил кольцо в зубы и отнес к своему царю. Царь мышиный отдал кольцо сильномогучим богатырям коту Ваське да собаке Журке. Они на том царю благодарствовали и стали друг с дружкою совет держать: кто лучше кольцо сбережет? Кот Васька говорит: «Давай мне, уж я ни за что не потеряю!» — «Ладно,— говорит Журка, — смотри же, береги его пуще своего глаза». Кот взял кольцо в рот, и пустились они в обратный путь.

Вот дошли до синего моря, Васька вскочил Журке на́ спину, уцепился лапами как можно крепче, а Журка в воду — и поплыл через море. Плывет час, плывет другой, вдруг откуда не́ взялся — прилетел черный ворон, пристал к Ваське и давай долбить его в голову. Бедный кот не знает, что ему и делать, как от врага оборониться? Если пустить в дело лапы — чего доброго, опрокинешься в море и на дно пойдешь; если показать ворону зубы — пожалуй, кольцо выронишь. Беда, да и только! Долго терпел он, да под конец невмоготу стало: продолбил ему ворон буйную голову до крови; озлобился Васька, стал зубами обороняться — и уронил кольцо в синее море. Черный ворон поднялся вверх и улетел в темные леса.

А Журка, как скоро выплыл на берег, тотчас же про кольцо спросил. Васька стоит, голову понуривши. «Прости,— говорит,— виноват, брат, перед тобою — ведь я кольцо в море уронил». Напустился на него Журка: «Ах ты, олух проклятый! Счастлив твой бог, что я прежде того не

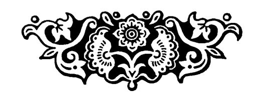
спознал; я бы тебя, разиню, в море утопил! Ну с чем мы теперь к хозяину явимся? Сейчас полезай в воду: или кольцо добудь, или сам пропадай!» — «Что в том прибыли, коли я пропаду? Лучше давай ухитряться: как допрежде мышей ловили, так теперь станем за раками охотиться; авось на наше счастье они нам помогут кольцо найти». Журка согласился; стали они ходить по морскому берегу, стали раков душить да в кучу складывать. Большой ворох наклали! На ту пору вылез из моря огромный рак, захотел погулять на чистом воздухе. Журка с Васькой сейчас его слапали и ну тормошить на все стороны: «Не душите меня, сильномогучие богатыри, я — царь над всеми раками; что прикажете, то и сделаю». — «Мы уронили кольцо в море; разыщи его и доставь, коли хочешь милости, а без этого все твое царство до конца разорим!»

Царь-рак в ту же минуту созвал своих подданных и стал про кольцо расспрашивать. Вызвался один малый рак: «Я,— говорит,— знаю, где оно находится; как только упало кольцо в синее море, тотчас подхватила его рыба-белужина и проглотила на моих глазах». Тут все раки бросились по́ морю разыскивать рыбу-белужину, зацопали ее, бедную, и давай щипать клещами; уж они ее гоняли-гоняли, просто на единый миг спо́кою не дают; рыба и туда и сюда, вертелась-вертелась и выскочила на берег. Царь-рак вылез из воды и говорит коту Ваське да собаке Журке: «Вот вам, сильномогучие богатыри, рыба-белужина; теребите ее немилостиво; она ваше кольцо проглотила». Журка бросился на белужину и начал ее с хвоста уписывать: «Ну,— думает,— досыта теперь наемся!» А шельма-кот знает, где скорее кольцо найти, принялся за белужье брюхо, прогрыз дыру, повытаскал кишки и живо на кольцо напал. Схватил кольцо в зубы и давай бог ноги; что есть силы бежит, а на уме у него такая думка: «Прибегу я к хозяину, отдам ему кольцо и похвалюсь, что один все дело устроил; будет меня хозяин и любить и жаловать больше, чем Журку!»

Тем временем Журка наелся досыта, смотрит — где же Васька? И догадался, что товарищ его себе на уме: хочет неправдой у хозяина выслужиться. «Так врешь же, плут Васька! Вот я тебя нагоню, в мелкие кусочки разорву». Побежал Журка в погоню; долго ли, коротко ли, нагоняет он кота Ваську и грозит ему бедой неминучею. Васька усмотрел в поле березу, вскарабкался на нее и засел на самой верхушке. «Ладно! — говорит Журка.— Всю жизнь не просидишь на дереве, когда-нибудь и слезть захочешь; а уж я ни шагу отсюда не сделаю». Три дня сидел кот Васька на березе, три дня караулил его Журка, глаз не спуская; проголодались оба и согласились на мировую.

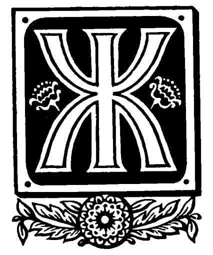
Помирились и отправились вместе к своему хозяину; прибежали к столбу, Васька вскочил в окошечко и спрашивает: «Жив ли, хозяин?» — «Здравствуй, Васенька! Я уж думал, вы не воротитесь; три дня как без хлеба сижу». Кот подал ему чудодейное кольцо; Мартынка дождался глухой полночи, перекинул кольцо с руки на́ руку — и тотчас явилось к нему двенадцать молодцев: «Что угодно, что надобно?» — «Поставьте, ребята, мой прежний дворец, и мост хрустальный, и собор пятиглавый и перенесите сюда мою неверную жену; чтобы к утру все было готово».

Сказано — сделано. Поутру проснулся король, вышел на балкон, посмотрел в прозорную трубочку: где избушка стояла, там высокий дворец выстроен, от того дворца до королевского хрустальный мост тянется, по обеим сторонам моста растут деревья с золотыми и серебряными яблоками. Король приказал заложить коляску и поехал разведать, впрямь ли все стало по-прежнему или только ему привиделось? Мартынка встречает его у ворот, берет за белые руки и ведет в свои расписные палаты. «Так и так, — докладует, — вот что со мной королевна сделала». Король присудил ее казнить: по его слову королевскому взяли неверную жену, привязали за хвост к дикому жеребцу и пустили в чистое поле; жеребец полетел стрелою и размыкал ее белое тело по яругам, по крутым оврагам. А Мартынка и теперь живет, хлеб жует.

192—194. РОГА

192

Жил-был батрак; дал ему бог большую силу. Узнал он, что 113а
к царской дочери змей летает, и похвастался: «Никто, — говорит, — не изведет лютого змея, а я изведу!» Услыхали его похвальбу люди государевы, пристали к нему: «Иди, батрак! Вылечи царевну». Взялся за гуж, не говори, что не дюж; пошел батрак к царю и сказывает ему: «Я-де могу царевну вылечить; что будет за хлопоты?» Обрадовался царь и говорит ему: «Царевну за тебя отдам». Вот батрак велел принести себе семь воловьих кож да наделать железных орехов, железные когти и железный молоток; взял он надел семь шкур воловьих да когти железные, в карман насыпал орехов и простых и железных, а в руки большой молоток взял и пошел к царевне в горницу.

Вот летит к царевне змей; как увидал батрака, так и защелкал зубами: «Ты зачем сюда пришел?» — «За тем же, за чем и ты!» — сказал батрак, а сам сидит да орешки пощелкивает. Змей видит, что силою ничего не возьмешь, давай к нему подлезать; попросил у него орешков, а тот и дал ему железных. Змей грыз-грыз и плюнул: «Нехороши, брат, твои орешки! Давай-ка лучше в карты играть». — «Давай, пожалуй; да как же будем играть?» И поладили они на том: кто проиграет, тому зубочистку дать. Стали играть; проиграл змей. Батрак вынул молоток да как даст ему зубочистку, тот ажно насилу опомнился. «Давай, — говорит змей, — играть на кожу: кто проиграет, с того кожу долой». Проиграл батрак; змей снял с него одну воловью кожу. «Давай еще!» Проиграл змей; как вцепился ему батрак железными когтями в кожу — так всю и снял! Змей тут же издох.

Узнал про то царь да на радости и женил батрака на царевне. Вот царевне и скучно жить с таким мужиком; велела его отвести в лес, да там и убить. Слуги подхватили его, отвели в лес, да пожалели, не убили. Ходит батрак по́ лесу, плачет. Навстречу ему идут три человека, сами спорят. Только поравнялись с ним, так и кинулись к нему с мольбою: «Скажи, добрый человек, вот мы нашли сапоги-самоходы, ковер-самолет да скатерть-самобранку; как нам поделить?» — «А вот как: кто прежде всех влезет на дуб — тому все и отдать!» Те сдуру и согласились, бросились на дерево; только что на дуб влезли, батрак надел сапоги-самоходы, сел на ковер-самолет, взял с собой скатерть-самобранку, да и говорит: «Будь я подле царского города!» Там и очутился. Разбил шатер, велел скатерти-самобранке приготовить обед и позвал к себе в гости царя с царевною; они его и не признали. Приходят к нему царь с царевною; он зачал их потчевать, потчевал-потчевал и стал показывать царевне ковер-самолет, а сам потихоньку взял скатерть-самобранку да толкнул царевну на ковер и велел ему снести себя в темный лес. В лесу сказал батрак царевне, кто он таков; она начала его ласкать да умасливать — ну и умаслила! Как только он заснул, царевна схватила скатерть-самобранку, села на ковер-самолет, да и была такова!

Проснулся батрак, видит, что нет ни царевны, ни ковра-самолета, ни скатерти-самобранки; остались одни сапоги-самоходы. Бродил, бродил по́ лесу; захотелось ему есть, видит он, что стоят две яблони, взял сорвал с одной яблоко и стал есть. Съел яблоко — вырос на голове рог, съел другое — вырос другой рог! Он попробовал с другой яблони: съел яблоко — в ту ж минуту пропали рога, сам молодцом да красавцем стал! Набрал в карман и тех и других яблок и пошел в царский город. Ходит батрак мимо дворца; увидал девку-чернавку, царевнину прислужницу, дурную-предурную: «Не хочешь ли, голубушка, яблочка?» Та взяла у него яблочко, съела и сделалась такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Приходит девка-чернавка к царевне, та так и ахнула. «Купи,— говорит,— непременно купи мне таких яблок». Чернавка пошла и купила; съела царевна, а у ней рога выросли. На другой день приходит батрак к царевне и сказывает, что он может сделать ее опять красавицей. Та зачала его просить. Он велел ей идти в баню; там раздел ее донага да так железными прутьями отпотчевал, что надолго не забудет! После сказал, что он ее законный муж; царевна спокаялась, возвратила ему и ковер-самолет и скатерть-самобранку; а батрак дал ей хороших яблок. И стали они жить да поживать да добра наживать.

193

Бывал-живал старик со старухой; у них был сын Мартышка, 113b
а работы никакой не работал, отец никуда его нарядить не может, и с того отдал он сына своего Мартышку в солдаты. Мартышке в солдатах ученье не далось: поставили один раз его на часы, а он ушел с часов домой и положил свое ружье на грядку[1], взял палку да шар и пошел на парадное[2] место, сделал буй[3], стал играть шаром и щелкнул шариком федьфебелю в лоб. Говорит федьфебель: «Что ты, Мартышка, робишь?» — «Я ведь жил у своего батюшки и все шаром играл!» — «Где ж у тебя ружье?» — «У моего батюшки десять ружьев, и все на грядке; и я свое ружье на грядку снес!» Начали его за это розгами бить; после битья заснул он крепко, и привиделось Мартышке во сне: «Сбежи, Мартышка, в иное королевство — там тебе жира[4] будет добрая! Дойдешь ты до этого королевства, и будет тут речка, через речку мост, а подле моста трехэтажный каменный дом; зайди в этот дом — в том дому никого нет, а стоит стол, на столе довольно всякого кушанья и разных напитков; наешься ты, напейся и в стол загляни; в том столе в ящике лежат карты однозолотные[5] и кошелек с деньгами. Однозолотными картами хоть кого обыграешь, а из кошелька хоть полную гору насыпь золота — из него все не убудет!» Пробудился Мартышка от сна, наладил сухарей и сбежал из полку вон. Шел он дорогою, а больше стороною три месяца и пришел к иному королевству; вот и речка, через речку мост, подле моста трехэтажный каменный дом. Зашел в этот дом, в доме стоит стол, на столе всякого кушанья и питья довольно. Мартышка сел, напился-наелся, заглянул в ящик, взял однозолотные карты и кошелек с деньгами, положил к себе в карман, и опять в дорогу. Пришел в чужестранное королевство и забрался в трактир; встречает его маркитант, камзол на нем красный, колпак на голове красный и сапоги на ногах красные. Говорит Мартышка тому маркитанту: «А ну, подай мне с устатку[6] крепкой водки рюмку». Глянул маркитант на солдата и налил рюмку воды. Мартышка покушал — в рюмке вода, осердился и стегнул его по́ носу и расшиб до крови. Завопил маркитант: «Господа генералы! Вот этот солдат меня всего прибил». Тут прибежали генералы, говорят Мартышке: «Зачем в наш трактир пришел? Сюда простые люди не ходят, а ходят министры да генералы, да сам король приезжает». Отвечает солдат: «Я, братцы, вашего заведения не знаю; я — человек русский и зашел в ваш трактир с устатку выпить рюмку водки; попросил у маркитанта крепкой водки, а он подал мне рюмку воды. За это я осердился, ударил его в лицо, а попал по́ носу».— «Экой ты! Весь в рямках[7]... где тебе деньги взять? — говорит ему маркитант.— У меня рюмка водки рублем пахнет». Мартышка вынул свой кошелек и насыпал из кошелька золота с сенную кучу. «Бери,— говорит,— сколько

[1] Полка в избе наравне с полатями.
[2] Парадное, т. е. место, где производятся парады (*Ред.*).
[3] Черта, проводимая для игры.
[4] Хорошее житье, довольство.
[5] Из чистого золота (*Ред.*).
[6] С усталости.
[7] В лохмотьях (оборвыш).

надобно за водку!» Все генералы тут обвинили маркитанта: зачем воду продает! Взяли этого солдата к себе и стали попаивать. И говорит им Мартышка: «Пейте, братцы, и мою водку! Денег моих вам не пропить... да не угодно ли вам со мной в карты поиграть?» И вынул из кармана свои однозолотные карты, что этаких карт господа и на веку не видали. Начали в карты играть. Мартышка у них все деньги выиграл, и лошадей, и повозки, и кучеров, и фалетуров[8], да опосля взать[9] воротил, еще своих денег подарил им сколько-то.

Вот напился Мартышка допьяна; генералы видят, что он хмелён стал, и приказали постлать под него постелю, а маркитанта заставили с него мух опахивать. «Да смотри,— говорят ему,— если возьмешь кошелек у солдата или денег убавишь и он на тебя пожалится[10], то уж не прогневайся — быть тебе без головы». Приехали господа генералы к самому королю, объявили, что «есть в нашем трактире русский солдат Мартышка, и у него такой кошелек с золотом — полны твои палаты засыплет, а из кошелька все не убудет. Да есть еще у Мартышки однозолотные карты — на веку ты этаких не видывал».

Король приказал шестерку лошадей под карету заложить, взял кучера, фалетура и запятника[11] и сам сел в карету и поехал в трактир. Как приехал — и скричал: «Что за человек спит?» Мартышка скочил и говорит: «Ваше королевское величество! Я — солдат Мартышка, а человек русский и сбежал из команды». Тут приказал король трактирщику принести графин водки, наливает рюмку и подает солдату: «Опохмелься, служивый!» — «Пейте сами, ваше величество! Мне своих денег не пропить будет». Король выпил сам рюмку, а ему подал другую. И говорит ему король: «Что, служивый, я слышал, ты мастер в карты играть?» Вынимает солдат однозолотные карты, и дивится король, что этаких карт на веку не видал. Стали играть в карты. Мартышка у короля все деньги выиграл, и платье, и лошадей с каретою, и кучера с фалетуром и запятником; опосля ему все взать отдал.

С того король возлюбил Мартышку, пожаловал его набольшим министром и состроил ему трехэтажный каменный дом; живет солдат министром управно. И спросили короля на три года в другую землю; то наместо себя оставляет король нового министра править его королевством. И повел Мартышка по-своему: приказал он шить на солдат шинели и мундиры из самого царского сукна, что и офицеры носят, да прибавил всем солдатам жалованья — кому по рублю, кому по два — и велел им перед каждою вытью[12] пить по стакану вина и чтоб говядины и каши было вдоволь! А чтоб по всему королевству нищая братия не плакалась, приказал выдавать из казенных магазинов по кулю и по два на человека муки. И так-то за его солдаты и нищая братия бога молят!

А у того короля осталась в дому дочь Настасья-королевна, и посылает она свою служанку позвать нового министра Мартышку к себе в гости. Приходит служанка к нему в дом: «Господин министр! Наша королевна

[8] Форейторов (*Ред.*).
[9] Назад.
[10] Пожалуется.
[11] Слугу на запятки.
[12] *Выть* — время для еды.

Настасья зовет тебя в гости». Говорит Мартышка: «Хорошо, сейчас оденусь!» Пришел к королевне. Просит она: «Поиграй со мной в карты!» Вынул Мартышка из кармана однозолотные карты, что этаких карт королевна на веку не видала. Стали играть, выиграл он у королевны все деньги и уборы и говорит: «Убери-ка, Настасья-королевна, все свои деньги и уборы; у меня своих денег довольно — не прожить будет!» Настасья-королевна посадила его за стол и сама с ним села; пили, ели, веселилися. И приказала она тайно служанке поднести ему рюмку усыпающего зелья; Мартышка выпил рюмку и уснул, и спал трои сутки. Тогда отобрала она у него кошелек с золотом и карты однозолотные, сняла с него платье — в одной рубашке оставила — и приказала в навозную яму бросить. Мартышка спал трои сутки в навозной яме, пробудился и говорит: «Видно, я в добром месте сплю!» Вылез он на сходе солнца и пошел к речке, вымылся бело. «Куда же мне идти?» — думает. И нашел он старое солдатское платье, оделся и побрел вон из того королевства.

Шел он долгое время, и похотелось ему есть; увидел яблоню, сорвал два яблока, съел, и с того заболела у него голова и выросли на голове рога, и такие большие, что еле носить может. Дошел до другой яблони, поел других яблоков, и с того отпали у него рога. Тут набрал он этих яблоков обоих сортов и воротился взать в королевство. «Ну,— думает,— доберусь же я до королевны, что меня в доброе место впястала[13]». Увидел Мартышка — сидит в лавке старая старушка, вся трясется, и сказал: «На-ка, бабушка, съешь яблочек». Съела она яблочек хорошего сорта и стала молодая и толстая; спрашивает: «Где ты, дитятко, взял эти яблоки?» Говорит ей Мартышка: «Это мое дело! Нет ли у тебя, бабушка, хорошего маркитантского платья? Пойду я этих яблоков продавать».— «Ну, служивый, я для тебя хоть всю лавку отдам». И дала ему чистое платье и однозолотную тарелку.

Пошел Мартышка яблоков продавать, идет мимо королевского дома и громко кричит: «У меня сладкие яблочки! У меня сладкие яблочки!» Услышала Настасья-королевна, послала свою служанку: «Спроси, почем продает яблоки?» Прибежала служанка; Мартышка ей говорит: «Извольте, сударыня, покушайте моего яблочка». Она съела и сделалась молодая, красивая и толстая, даже королевна ее не опознала: «Да ты ли это?» — «Я самая!» — отвечает ей служанка. Настасья-королевна дала ей двести рублев: «Ступай скорее, купи мне парочку!» Служанка сбегала, купила яблоков и подала королевне; она сейчас их съела, и в то время заболела у ней голова и выросли большие рога. Лежит она на кровати, а над кроватью поделаны грядки, и на тех грядках рога положены. А Мартышка побежал к той же старушке, отдал ей прежнее платье и срядился дохтуром. В те́ поры приезжает король, объявили ему, что маркитант окормил Настасью-королевну, и приказал он собрать маркитантов со всего королевства и посадил их в тюрьму.

Между тем идет мимо государева двора дохтур и кричит: «Нет ли дохтуру работы?» Говорит король своим слугам: «Зовите его скорее!»

[13] Бросила, засадила (*Ред.*).

Мартышка пришел в палаты: «Что прикажете, ваше величество?» — «Ты, видно, не нашего королевства; не знаешь ли, чем пособить моей дочери, Настасье-королевне? Окормил ее какой-то маркитант яблоками. Если пособишь, пожалую тебя первым министром и отдам за тебя дочь мою, королевну, в замужество, а при старости лет моих поставлю тебя на свое королевское место».— «Ваше величество,— говорит дохтур,— прикажите вытопить баню, а я в рынок пойду, искуплю снадобья».

Пошел Мартышка в рынок, купил три прута: первый — медный, другой — железный, третий — оловянный, и приказал королевну в баню вести. Как привели королевну в баню — едва в двери рога впихали. Мартышка отослал всю прислугу прочь, вынул медный прут, взял Настасью-королевну за рога и почал драть, приговаривая: «За грехи у тебя эти рога выросли! Повинись: не обманывала ли кого, не обирала ли кого?» — «Батюшка-дохтур! Я на веку никого не обманывала и чужого себе не присваивала». Взял он другой прут, железный, бил-бил — королевна все не признается. Изломал железный прут, вынул третий — оловянный, и начал потчевать. Тут Настасья-королевна и повинилася: «Виновата, батюшка-дохтур! Бросила я нового министра в навозную яму, содрала с него платье, забрала однозолотные карты и кошелек с деньгами».— «А где ты однозолотные карты с тем кошельком девала?» —«У меня в любимом ящичке».— «Отдай их мне!» Говорит ему королевна: «Я теперь вся твоя! Что хочешь, то и делай со мною». Мартышка дал ей хороших яблоков; съела она одно — один рог свалился, съела другое — и другой отпал, съела третье — и сделалась лучше и красивей прежнего. Пришли в королевский дом; королю это возлюбилось, пожаловал он Мартышку опять набольшим министром и отдал за него дочь свою Настасью-королевну в замужество. Стали они жить благополучно — в радости и спокойствии, и теперь живут да хлеб жуют.

194

В некотором царстве, не в нашем государстве, за тридевять земель, жил король; у него была дочь красоты неописанной, звали ее по имени Марья-королевна. И была она большая мастерица играть в карты. Изо всех стран съезжались к ней цари и царевичи, короли и королевичи, князья и бояре, но никто не сумел ее обыграть ни единого разу. В том же самом государстве проживал доктор и имел при себе три волшебные вещи: шапку-невидимку, неисчерпаемый кошелек и тросточку. Взял он ударил этой тросточкой в землю — и тотчас явились перед ним три мóлодца: «Что велите, что прикажете?» — «Чтобы сейчас же супротив королевского дворца была палатка раскинута, а в той бы палатке музыка играла и песельники пели». 113c

Не успел он проговорить всего, а уж супротив королевского дворца знатная палатка стоит, и музыка гремит, и песельники поют. Услыхал король и посылает узнать: кто без его королевского позволения раскинул супротив дворца палатку и забавляется музыкой? Отвечает доктор: «Я-де из дальних стран приехал; хочу с вашей королевною в карты поиграть».

Доложили про то королю, и велел он позвать доктора во дворец. Доктор ударил тросточкой — явились три мо́лодца: «Что велите, что прикажете?» — «Убрать палатку и музыку!» Тотчас все и пропало. Приходит доктор во дворец, король его встречает ласково, а Марья-королевна уж карты готовит. Положили они промеж себя такой уговор: если королевна да не сможет обыграть этого доктора дочиста, то ей выходить за него замуж, а ему на ней жениться.

Сели играть; доктор все проигрывает да из кошелька золото вытрясывает, а Марья-королевна все выигрывает да к себе забирает. Весь дворец завалила золотом, а доктор все не обыгран! Вызывает ее девка-чернавка и говорит на ухо: «Ах, Марья-королевна, ведь вам его ни за́ что не обыграть!» — «Отчего не обыграть?» — «Чай, сами видите: у него неисчерпаемый кошелек — сколько ни берет оттуда, он все полон!» — «Что ж теперь делать мне?» — «А вот что: садитесь-ка опять играть в карты, а я тем временем сошью точно такой же кошелек да насыплю в него золота. Вот как подменим у доктора кошелек, он тотчас проиграется!» Сказано — сделано; Марья-королевна с доктором играет да все его сладкой водочкой потчует, а девка-чернавка живой рукой кошелек шьет. Как скоро сшила, королевна взяла его подменила, и не прошло полчаса, а уж доктор совсем проигрался — нет в кошельке ни копеечки! «Что за диво! — думает. — Дай стану играть на тросточку; авось отыграюсь». Куда тебе! Проиграл и тросточку и шапку-невидимку — ни при чем остался! Выгнали его из дворца взашеи, и пошел доктор в чистое поле.

Шел-шел и пришел в лес. Захотелось ему голод утолить, глядь-поглядь — перед ним три куста с ягодами: на одном кусту ягоды белые, на другом красные, а на третьем черные. Попробовал, скушал черных ягод — выросли у него большие рога, скушал красных ягод — все тело шерстью обросло. Что тут делать, как тут быть? «Эх, заодно пропадать! Дай еще попробую». Сорвал белых ягод, съел — и рога свалились, и шерсти как не бывало, да еще таким красавцем сделался, что ни в сказке сказать, ни пером написать... (Окончание такое же, как и в предыдущем списке; доктор продает королевне коробочку черных и красных ягод, а после вылечивает ее и берет за себя замуж.)

195—196. СКАЗКА ПРО УТКУ С ЗОЛОТЫМИ ЯЙЦАМИ

195

Было-жило два брата: один богатый, другой бедный; у бедного — жена да дети, а богатый — один как перст. Пошел бедный к богатому и стал просить: «Накорми, братец, сегодня при бедности моих детей; нам и пообедать нечего!» — «Сегодня мне не до тебя,— говорит богатый,— сегодня у меня всё князья да бояре, так бедному не приходится тут быть!» Облился бедный брат слезами и пошел рыбу ловить: «Авось бог даст — поймаю! Хоть ухи дети похлебают». Только затянул тоню, и попал ему кувшин. «Вытащи меня да разбей на берегу,— отозвалось из кувшина,— так я тебе счастье укажу». Вытащил он кувшин, разбил на берегу, и вышел оттуда неведомый молодец и сказал: «Есть зеленый луг, на том лугу береза, у той березы под кореньями утка; обруби у березы коренья и возьми утку домой; она станет нести тебе яички — один день золотое, другой день серебряное». Бедный брат пошел к березе, достал утку и принес домой; стала утка нести яички — один день золотое, другой день серебряное; стал он продавать их купцам да боярам и куда как разбогател скоро! «Дети,— говорит он,— молитесь богу; господь нашел нас». 114а

Богатый брат позавидовал, озлобился: «Отчего так разбогател мой брат? Теперь я нужнее[1], а он богаче стал! Верно, какой-нибудь грех за ним водится!» — и пошел в суд с жалобой. Дошло это дело до самого царя. Зовут того брата, что был беден да разбогател скоро, к царю. Куды девать утку? Дети малы, пришло жене под присмотр отдать; начала она на базар ходить да яйца по дорогой цене продавать, а была собой красавица и слюбилась с барином. «Отчего, скажи, вы разбогатели?» — расспрашивает ее барин. «Да нам ведь бог дал!» А он приступает: «Нет, скажи правду; коли не скажешь, не стану тебя любить, не стану к тебе ходить». И таки не пришел к ней день-другой; она позвала его к себе и рассказала: «У нас есть утка — день несет золотое яичко, день серебряное».— «Принеси-ка эту утку да покажь, какова птица?» Оглядел утку и видит — на брюшке у ней золотыми буквами написано: кто съест ее голову, тот царем будет, а кто — сердце, тот станет золотом плевать.

Позарился барин на такое великое счастье, пристал к бабе: «Зарежь да и зарежь утку!» Отговаривалась она, отговаривалась, а покончила тем, что зарезала утку и поставила в печь жарить. День был праздничный; ушла она к обедне, а тем временем прибежали в избу два ее сына. Вздумалось им перекусить чего-нибудь, заглянули в печь и вытащили утку; старший съел голову, а меньшой сердце. Воротилась мать из церкви, пришел барин, сели за стол; смотрит он — нет ни сердца утиного, ни головы. «Кто съел?» — спрашивает барин и таки дознался, что съели эти два мальчика. Вот он и пристает к матери: «Зарежь-де своих сыновей, из одного вынь

[1] Беднее.

мозги, из другого сердце; а коли не зарежешь — и дружба врозь!» Сказал и ушел от нее; вот она целую неделю томилась, а после не выдержала, посылает к барину: «Приходи! Так и быть, для тебя и детей не пожалею!» Сидит она и точит нож; старший сын увидал, заплакал горькими слезами и просится: «Отпусти нас, матушка, в сад погулять».— «Ну ступайте, да далеко не уходите». А мальчики не то, что гулять, ударились в беги.

Бежали-бежали, уморились и оголодали. В чистом поле пастух коров пасет. «Пастушок, пастушок! Дай нам хлебца». — «Вот вам кусочек, — говорит пастух,— только всего и осталось! Кушайте на здоровье». Старший брат отдает меньшому: «Скушай ты, братец, ты малосильнее, а я подюжее — могу и так стерпеть».— «Нет, братец, ты все меня за ручку тащил, хуже моего утомился: съедим пополам!» Взяли, пополам разделили, съели и оба сыты стали.

Вот пошли они дальше; идут всё вперед да вперед дорогою широкою — и разбилась та дорога надвое; на распутии столб стоит, на столбе написано: кто в правую руку пойдет — царем сделается, кто в левую руку пойдет — богат будет. Малый брат и говорит большому: «Братец! Ступай ты в правую руку, ты больше меня знаешь, больше меня снести можешь». Больший брат пошел направо, меньшой — налево.

Вот первый-то шел-шел и пришел в иное царство; попросился к старушке ночь ночевать, переночевал, встал поутру, умылся, оделся, богу помолился. А в том государстве помер тогда царь, и собираются все люди в церковь со свечами: у кого прежде свеча сама собой загорится, тот царь будет. «Поди и ты, дитятко, в церковь!— говорит ему старушка.— Может, у тебя свеча прежде всех загорится». Дала ему свечку; он и пошел в церковь; только что входит туда — у него свеча и загорелась; другим князьям да боярам завидно стало, начали огонь тушить, самого мальчика вон гнать. А царевна сидит высоко на троне и говорит: «Не троньте его! Худ ли, хорош ли — видно, судьба моя!» Подхватили этого мальчика под руки, привели к ней; она сделала ему во лбу печать своим золотым перстнем, приняла его во дворец к себе, вырастила, объявила царем и вышла за него замуж.

Ни много, ни мало пожили они вместе, и говорит новый царь своей жене: «Позволь мне поехать — разыскивать моего малого брата!» — «Поезжай с богом!» Долго ездил он по разным землям и нашел малого брата; в великом богатстве живет, целые кучи золота в амбарах насыпаны; что ни плюнет он — то все золотом! Девать некуда! «Братец! — говорит меньшой старшему.— Поедем к отцу нашему да посмотрим: каково его житье-бытье?» — «Хоть сейчас в дорогу!» Вот приезжают они к отцу, к матери, попросились к ним в избу роздых сделать, а не сказывают, кто они таковы! Сели за стол; старший брат и начал говорить про утку с золотыми яичками да про мать-лиходейку. А мать то и дело перебивает да речь заминает. Отец догадался: «Не вы ли — мои детки?» — «Мы, батюшка!» Пошло обниманье, целованье; что разговоров тут было! Старший брат взял отца в свое царство жить, меньшой поехал невесту искать, а мать одноё покинули.

196

ыл-жил старик со старухою: старика того звали Абросимом, а старуху Фетиньею, и жили они в великой скудости и бедности и имели одного сына по имени Иванушка, который и был уже по пятнадцатому году. В один день старик Абросим промыслил краюшку хлеба и принес домой, чтоб накормить свою жену и сына, и лишь только принялся резать — вдруг из-за печки выбежал Кручина, выхватил из рук его краюшку и ушел опять за печь. Тогда старик начал Кручине кланяться и просить, чтоб он отдал краюшку назад, потому что ему с семьею своею есть нечего. Кручина старику на то сказал: «Я тебе краюшки твоей не отдам, а за нее подарю тебе уточку, которая всякий день будет несть по золотому яичку».— «Хорошо,— сказал Абросим,— я сегодня как-нибудь без ужина пробуду; только ты меня не обмани и скажи, где та уточка?» — «Завтра поутру, как ты встанешь,— отвечал ему Кручина,— поди в свой огород и там в пруду увидишь утку, которую поймай и возьми к себе в дом». Абросим выслушал его слова и лег спать, а поутру встал рано, и пошел в огород, и, увидев в пруду утку, несказанно обрадовался; стал ловить утку и скоро поймал, принес домой и отдал ее Фетинье. Старуха пощупала утку и сказала мужу, что утка с яичком. 114b

Тогда они оба обрадовались, и посадили утку в корчагу, и покрыли решетом, а через час после того посмотрели и увидели, что утка снесла золотое яичко. Тогда утку пустили погулять по полю, а яичко старик взял, и понес продавать в город, и продал то яичко за сто рублей, и, взявши деньги, пошел на рынок, и накупил всякого харчу, и принес домой. На другой же день та уточка снесла опять такое же яичко; Абросим и то продал. И таким образом та уточка несла всякий день по золотому яичку, и старик в малое время весьма обогатился, и сделался богат, и состроил себе в городе большой дом и множество великое лавок, и накупил разных товаров, и начал торговать. Жена же его, Фетинья, понялась[1] с некиим молодым своим приказчиком и стала его любить; а тот приказчик ее не любил и только выманивал у нее деньги.

В одно время, когда Абросим ушел закупать новые товары, приказчик пришел к Фетинье и, говоря с нею, увидел уточку, которая несла золотые яички, поймал ее, и любовался, и приметил, что под крылышками у ней подписано золотыми буквами: «Ежели кто ту уточку съест, тот царь будет». Тогда приказчик, не сказав о том Фетинье, стал ее упрашивать, чтоб она, любя его, зажарила ту утку. Однако Фетинья ему отвечала, что она не может и не смеет ее зарезать, потому что от нее их счастие зависит. Приказчик же начал усильно просить Фетинью, чтоб она ту уточку из любви к нему зарезала и зажарила. Фетинья же, долго думая и боясь своего мужа, не смела того сделать; но после ослепилась и уточку зарезала и поставила в печь. Приказчик отлучился, обещаясь вскоре назад прийти; а Фетинья пошла в город. И на ту пору пришел домой Ивануш-

[1] Сошлась (*Ред.*).

ка, сын ее, и захотелось ему есть. Он начал искать чего-нибудь пообедать и нашел в печи жареную уточку; вынувши ту утку из печки, съел ее всю дочиста и ушел со двора опять в лавку. Потом пришел и приказчик и кликнул Фетинью. Когда же она пришла, тогда приказчик велел ей подать жареную утку. Фетинья тотчас бросилась в печь и, увидев, что утки нет, испужалась и сказала приказчику, что утка из печи пропала. Тогда приказчик на нее рассердился и сказал ей: «Ты, конечно, сама утку скушала!» Разбранился и ушел из дому.

К вечеру пришел домой Абросим и Иванушка, сын его. Приметив, что утки нет, Абросим спрашивает об ней Фетинью: куда она девалась? Фетинья же ему отвечала, что ничего о том не знает. А Иванушка сказал своему отцу: «Кормилец батюшка! Я давеча пришел домой пообедать, и как матушки не случилось дома, то я заглянул в печь, и увидел жареную утку и, вынувши ее из печи, съел всю дочиста; только не знаю, наша ли это утка или чья иная?» Тогда Абросим вздурился на свою жену и прибил ее до полусмерти, а сына своего Иванушку согнал со двора долой.

Малый Иванушка пошел путем-дорогою и шел, куда и сам не знает, а туда, куда глаза глядят; шел десять дней и десять ночей и пришел к некоему государству. И когда пошел во градские ворота, увидел великое множество народу; и тот народ думал думушку крепкую, и такую думу, что царь их умер, а они не знали, кого царем выбрать, и уговорились между собою так: который человек прежде придет к ним в градские ворота, то того и царем сделать над собою. И как на ту̀ пору Ива́нушка пришел во градские ворота, тогда весь народ закричал: «Вот идет наш царь!» — и старейшины подхватили Иванушку под руки, и повели в царские чертоги, и облекли его в царские ризы, и посадили на царский престол, и начали все ему кланяться яко истинному царю своему и спрашивали от него разных приказов. Тогда Иванушка подумал, что он царем себя во сне видит, а не наяву; однако опомнился, и, увидев себя настоящим царем, возрадовался всем сердцем, и начал повелевать народом, и учредил многих чиновных людей.

По малом же времени выбрал одного из них, именем Лугу, призвал его к себе и говорил ему сицевые[2] слова: «Верный мой и добрый кавалер Луга! Сослужи ты мне службу; поезжай в мое отечество прямо к самому царю, бей ему от меня челом, проси, чтоб он отдал тебе виновного купца Абросима и с женою его Фетиньею, и когда он тебе их отдаст, то привези ты их обоих ко мне; а ежели не отдаст, то скажи самому царю от меня, что его государство огнем сожгу и самого царя в полон возьму». Когда слуга Луга отправился в отечество Иванушки, и приехал к самому царю, и стал у него просить виноватых Абросима и Фетинью,— царь, ведая, что Абросим богатый купец в его государстве, не хотел было выдавать; однако рассудил, что государство Иванушкино весьма сильно воинством; и, убояся того, отпустил Абросима и Фетинью. Луга же, приняв их, отправился в свое государство и когда привез их к Иванушке-царю, тогда Иванушка сказал своему отцу Абросиму: «Государь мой батюшка!

[2] Такие (*Ред.*).

Ты меня выгнал из дому своего; я за то принимаю тебя к себе. Живите оба с матушкою у меня до конца жизни». Абросим и Фетинья возрадовались, что их сын царем стал, и с того дня жили у сына много лет, а после померли. Иванушка сидел на престоле тридцать лет в добром здоровье и благополучии, все подданные любили его нелицемерно до последнего часа его жизни.

197. ЧУДЕСНАЯ КУРИЦА

За тридевять земель, в тридесятом царстве, не в нашем госу- 115
дарстве, жил старик со старухою в нужде и в бедности; у них было два сына — летами малы, на работу идти не сдюжают[1]. Поднялся сам старик, пошел на заработки, ходил-ходил по людям, только и зашиб, что двугривенный. Идет домой, а навстречу ему горький пьяница — в руках курицу держит. «Купи, старичок, курочку!» — «А что стоит?» — «Давай полтину».— «Нет, брат, возьми двугривенный; с тебя и этого будет: выпьешь крючок[2], да и спать ложись!» Пьянчужка взял двугривенный и отдал старику курицу. Вернулся старик домой, а дома давно голодают: нет ни куска хлеба! «Вот тебе, старая, курочку купил!» Накинулась на него баба и давай ругать: «Ах ты, старый черт! Совсем из ума выжил! Дети без хлеба сидят, а он курицу купил; ведь ее кормить надо!» — «Молчи, дура баба! Много ли курица съест? А вот она нанесет нам яичек да цыплят высидит, мы цыплят-то продадим да хлеба и купим...»

Сделал старик гнездышко и посадил курочку под печкою. Наутро смотрит, а курочка самоцветный камушек снесла. Говорит старик жене: «Ну, старуха, у людей куры яйца несут, а у нас — камушки; что теперь делать?» — «Неси в город; может, кто и купит!» Пошел старик в город; ходит по гостиному ряду и показывает самоцветный камень. Со всех сторон сошлись к нему купцы, начали ценить этот камушек, ценили-ценили и купили за пятьсот рублев. С того дня зачал старик торговать самоцветными камнями, что несла ему курочка; живо разбогател, выписался в купечество, настроил лавок, нанял приказчиков и стал за море с кораблями ездить да и в иных землях торг вести. Уезжает он как-то в чужие страны и наказывает жене: «Смотри, старая, соблюдай курочку, пуще глаза храни; а коли она утратится, твоя голова с плеч свалится!»

Только уехал, а старуха сейчас же худое задумала — с молодым приказчиком связалась. «Где вы эти самоцветные камни берете?» — спрашивает ее приказчик. «Да нам курочка несет». Приказчик взял курочку, по-

[1] Осилят, одолеют (*Ред.*).
[2] Чарку (*Ред.*).

смотрел, а у ней под правым крылышком золотом написано: кто ее голову съест — тот королем будет, а кто потроха — тот будет золотом харкать. «Зажарь,— говорит,— эту курочку мне на обед!» — «Ах, любезный друг, как можно? Ведь муж воротится — казнит меня». Приказчик и слышать ничего не хочет: зажарь — да и только.

На другой день призвала старуха повара, приказала ему зарезать курочку и зажарить к обеду с головкой и с потрохами. Повар зарезал курочку и поставил в печь, а сам вышел куда-то. Тем временем прибежали из училища старухины дети, заглянули в печь, и захотелось им попробовать жареного: старший брат съел куриную голову, а меньший скушал потроха. Пришло время обедать, подают за стол курицу, приказчик как увидел, что нет ни головы, ни потрохов, рассердился, разругался со старухою и уехал домой. Старуха за ним — и так и сяк умасливает, а он знай на одном стоит: «Изведи своих детей,— говорит,— вынь из них потроха и мозги и сготовь мне к ужину; не то знать тебя не хочу!» Старуха уложила своих деток спать, а сама призвала повара и велела везти их сонных в лес; там загубить их до смерти, а потроха, мозги вынуть и сготовить к ужину.

Повар привез мальчиков в дремучий лес, остановился и принялся точить нож. Мальчики проснулись и спрашивают: «Зачем ты нож точишь?» — «А затем, что мать ваша приказала мне из вас потроха и мозги добыть да к ужину изготовить».— «Ах, дедушка-голубчик! Не убивай нас; сколько хочешь дадим тебе золота, только пожалей нас — отпусти на волю». Младший брат нахаркал ему целую полу золота: повар и согласился отпустить их на вольный свет. Бросил мальчиков в лесу, вернулся назад, а на его счастье дома сука ощенилася: вот он взял — зарезал двух щенков, вынул из них потроха и мозги, зажарил и подал к ужину на стол. Приказчик так и кинулся на это кушанье, все сожрал — и сделался ни королем, ни королевичем, а напросто хамом!

Мальчики вышли из лесу на большую дорогу и пошли куда глаза глядят; долго ли, коротко ли шли они — только распадается дорога надвое, и стоит тут столб, а на столбе написано: кто пойдет направо, тот царство получит, а кто пойдет налево, тот много зла и горя примет, да зато женится на прекрасной царевне. Братья прочитали эту надпись и решились идти в разные стороны: старший пошел направо, младший — налево. Вот старший-то шел-шел, шел-шел и забрался в незнамый столичный город; в городе народа видимо-невидимо! Только все в трауре, все печалятся. Попросился он к бедной старушке на квартиру. «Укрой,— говорит,— чужестранного человека от темной ночи».— «Рада бы пустить, да, право, некуды; и то тесно!» — «Пусти, бабушка! Я такой же человек мирской [3], как и ты; мне немного места надобно — где-нибудь в уголку ночую».

Старуха пустила его. Стали разговаривать. «Отчего, бабушка,— спрашивает странник,— у вас в городе теснота страшная, квартиры дороги, а народ весь в трауре да в печали?» — «Да вишь, король у нас помер; так бояре стали клич кликать, чтоб собирались все и старые и малые,

[3] Т. е. простой, незнатный.

и всякому дают по свече, и с теми свечами ходят в собор; у кого свеча сама собой загорится, тот и королем будет!» Наутро мальчик встал, умылся, богу помолился, поблагодарил хозяйку за хлеб, за соль, за мягкую постель и пошел в соборную церковь; приходит — народу в три года не сосчитать! Только взял свечу в руки — она тотчас и загорелася. Тут все на него бросились, стали свечу задувать, тушить, а огонь еще ярче горит. Нечего делать, признали его за короля, одели в золотую одежу и отвели во дворец.

А меньшой брат, что повернул налево, услыхал, что в некоем царстве есть прекрасная царевна — собой прелесть неописанная, только на казну больно завистная, и пустила-де она ве́сти по всем землям: за того пойду замуж, кто сможет прокормить мое войско целые три года. Как не попытать счастья? Пошел туда мальчик; идет он дорогою, идет широкою, а сам в мешочек плюет да плюет чистым золотом. Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, приходит к прекрасной царевне и вызвался ее задачу исполнить. Золота ему не занимать стать: плюнет — и готово! Три года содержал он царевнино войско, кормил-поил, одевал. Пора бы веселым пирком да за свадебку, а царевна — на хитрости: расспросила-разведала, откуда ему такое богатство бог послал? Зазвала его в гости, угостила, употчевала и поднесла рвотного. Стошнило доброго мо́лодца, и выблевал он куриный потрох; а царевна подхватила — да в рот. С того же дня стала она золотом харкать, а жених ее ни при чем остался. «Что мне с этим невежею делать? — спрашивает царевна у своих бояр, у генералов.— Ведь зайдет же этакая блажь в голову — вздумал на мне жениться!» Бояре говорят, надо его повесить; генералы говорят: надо его расстрелять; а царевна иное придумала — приказала бросить его в н.....

Добрый мо́лодец еле оттуда вылез и снова отправился в путь-дорогу, а сам одно на уме держит: как бы умудриться да отсмеять царевне эту шутку недобрую. Шел-шел и зашел в дремучий лес; смотрит — три человека дерутся, друг дружку так кулаками и садят! «Что вы деретесь?» — «Да вот попались нам в лесу три находки, а разделить не умеем: всякий себе тащит!» — «А что за находки? Есть ли из-за чего ссориться?» — «Еще бы! Вот бочонок — только стукни, из него рота солдат выскочит; вот ковер-самолет — куда вздумал, туда и полетел; а вот кнут-самобой — хлысни девку да скажи: была девица, а будь кобылица! — сейчас кобылой и сделается».— «Находки важные — разделить трудно! А я так думаю: давайте-ка сделаю стрелу да пущу в энту сторону, а вы вслед за ней припусти́те; кто первый добежит — тому бочонок, кто второй добежит — тому ковер-самолет, кто назади останется — тому кнут-самобой».— «Ладно! Пущай стрелу». Мо́лодец сделал стрелу и пустил далеко-далеко; трое бросились бежать наперегонки... бегут и назад не оглянутся! А добрый мо́лодец взял бочонок да кнут-самобой, сел на ковер-самолет, тряхнул за один конец — и поднялся выше леса стоячего, ниже облака ходячего и полетел, куда сам желал.

Опустился он на заповедных лугах прекрасной царевны и начал в бочонок поколачивать — и полезло оттуда войско несметное: и пехота, и конница, и артиллерия с пушками, с пороховыми ящиками. Сила так и валит,

так и валит. Добрый мóлодец спросил коня, сел верхом, объехал свою армию, поздоровался и скомандовал поход. Барабаны бьют, трубы трубят, войско с пальбою идет. Увидала царевна из своих теремов, страшно перепугалась и посылает своих бояр и генералов просить мира. Добрый мóлодец велел схватить этих посланных; наказал их грозно и больно и отослал назад: «Пускай-де сама царевна приедет да попросит замирения». Нечего делать, приехала к нему царевна; вышла из кареты, подходит к доброму мóлодцу, узнала его и обомлела, а он взял кнут-самобой, ударил ее по спине. «Была,— говорит,— девица, будь теперь кобылица!» В ту ж минуту обратилась царевна кобылицею; он накинул ей узду, оседлал, сел верхом и поскакал в королевство своего старшего брата. Скачет во всю прыть, шпорами в бока садит да тремя железными прутьями погоняет, а за ним идет войско — сила несметная.

Долго ли, коротко ли — вот и граница; остановился добрый мóлодец, собрал свое войско в бочонок и поехал в столичный город. Едет мимо королевского дворца, увидал его сам король, засмотрелся на кобылицу: «Что за витязь едет! Этакой славной кобылицы в жизнь свою не видывал!» Посылает своих генералов торговать того коня. «Ишь,— говорит молодец,— какой король у вас зоркий! Этак по вашему городу нельзя и с женой молодой погулять; коли на кобылу позарился, так жену и подавно отымет!» Входит во дворец: «Здорово, братец!» — «Ах, а я тебя не узнал!» Пошло обниманье-целованье. «Это что у тебя за бочонок?»— «Для питья, братец, держу; без воды в дороге нельзя».— «А ковер?» — «Садись, так узнаешь!» Сели они на ковер-самолет, младший брат тряхнул за один конец, и полетели выше леса стоячего, ниже облака ходячего — прямо в свое отечество.

Прилетели и наняли квартиру у родного отца; живут, а кто таковы — отцу с матерью не сказываются. Вот вздумали они задать пир на весь крещеный мир, собрали народу тьму-тьмущую, трое суток кормили-поили всех безданно, беспошлинно, а после стали спрашивать: не знает ли кто какой дивной истории? Коли знает, пусть сказывает. Никто не вызвался: «Мы-де люди не бывалые!» — «Ну так я расскажу,— говорит младший брат,— только чур не перебивать! Кто три раза перебьет меня, того без пощады казнить». Все согласились; вот он и начал рассказывать, как жил старик со старухою, как была у них курочка да несла самоцветные камушки, как связалась старуха с приказчиком... «Что ты врешь!» — перебила хозяйка; а сын продолжает дальше. Стал рассказывать, как курочку зарезали; мать опять его перебила. Дошло дело до того, как старуха хотела детей извести; тут она снова не вытерпела. «Неправда! — говорит.— Может ли это случиться, чтобы мать да на своих родных детей восстала?» — «Видно, может! Узнай-ка нас, матушка; ведь мы твои дети...» Тут все открылось.

Отец приказал изрубить старуху на мелкие части; приказчика привязал к лошадиным хвостам: лошади бросились в разные стороны и разнесли его косточки по чисту полю. «Собаке собачья и смерть!» — сказал старик, роздал все свое имение нищим и поехал жить к старшему сыну в его королевство. А младший сын ударил свою кобылицу наотмашь кну-

том-самобоем: «Была кобылица, будь теперь девица!» Кобылица обратилась прекрасною царевною; тут они помирились, поладили и повенчались. Свадьба была знатная, и я там был, мед пил, по бороде текло, да в рот не попало.

198—200. БЕЗНОГИЙ И СЛЕПОЙ БОГАТЫРИ

198

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь 116а
с царицею; у них был сын Иван-царевич, а смотреть-глядеть за царевичем приставлен был Катома-дядька дубовая шапка. Царь с царицею достигли древних лет, заболели и не чают уж выздороветь; призывают Ивана-царевича и наказывают: «Когда мы помрем, ты во всем слушайся и почитай Катому-дядьку дубовую шапку; станешь слушаться — счастлив будешь, а захочешь быть ослушником — пропадешь как муха». На другой день царь с царицею померли; Иван-царевич похоронил родителей и стал жить по их наказу: что ни делает, обо всем с дядькой совет держит. Долго ли, коротко ли — дошел царевич до совершенных лет и надумал жениться; приходит к дядьке и говорит ему: «Катома-дядька дубовая шапка! Скучно мне одному, хочу ожениться».— «Что же, царевич! За чем дело стало? Лета твои таковы, что пора и о невесте думать; поди в большую палату — там всех царевен, всех королевен портреты собраны, погляди да выбери: какая понравится, за ту и сватайся».

Иван-царевич пошел в большую палату, начал пересматривать портреты, и пришлась ему по мысли королевна Анна Прекрасная — такая красавица, какой во всем свете другой нет! На ее портрете подписано: коли кто задаст ей загадку, а королевна не отгадает, за того пойдет она замуж; а чью загадку отгадает, с того голова долой. Иван-царевич прочитал эту подпись, раскручинился и идет к своему дядьке. «Был я,— говорит,— в большой палате, высмотрел себе невесту Анну Прекрасную; только не ведаю, можно ли ее высватать?» — «Да, царевич! Трудно ее достать; коли один поедешь — ни за что не высватаешь, а возьмешь меня с собой да будешь делать, как я скажу,— может, дело и уладится». Иван-царевич просит Катому-дядьку дубовую шапку ехать с ним вместе и дает ему верное слово слушаться его и в горе и в радости.

Вот собрались они в путь-дорогу и поехали сватать Анну Прекрасную королевну. Едут они год, и другой, и третий, и заехали за много земель. Говорит Иван-царевич: «Едем мы, дядя, столько времени, приближаемся к землям Анны Прекрасной королевны, а не знаем, какую загадку загадывать».— «Еще успеем выдумать!» Едут дальше; Катома-

дядька дубовая шапка глянул на дорогу — на дороге лежит кошелек с деньгами; сейчас его поднял, высыпал оттуда все деньги в свой кошелек и говорит: «Вот тебе и загадка, Иван-царевич! Как приедешь к королевне, загадай ей такими словами: ехали-де мы путем-дорогою, увидали: на дороге добро лежит, мы добро добром взяли да в свое добро положили! Эту загадку ей в жизнь не разгадать; а всякую другую сейчас узнает — только взглянет в свою волшебную книгу; а как узнает, то и велит отрубить тебе голову».

Вот, наконец, приехал Иван-царевич с дядькою к высокому дворцу, где проживала прекрасная королевна; в ту пору-времечко была она на балконе, увидала приезжих и послала узнать: откуда они и зачем прибыли? Отвечает Иван-царевич: «Приехал я из такого-то царства, хочу сватать за себя Анну Прекрасную королевну». Доложили о том королевне; она приказала, чтобы царевич во дворец шел да при всех ее думных князьях и боярах загадку загадывал. «У меня,— молвила,— такой завет положен: если не отгадаю чьей загадки, за того мне идти замуж, а чью отгадаю — того злой смерти предать!» — «Слушай, прекрасная королевна, мою загадку,— говорит Иван-царевич,— ехали мы путем-дорогою, увидали — на дороге добро лежит, мы добро добром взяли да в добро положили». Анна Прекрасная королевна берет свою волшебную книгу, начала ее пересматривать, да отгадки разыскивать; всю книгу перебрала, а толку не добилась.

Тут думные князья и бояре присудили королевне выходить замуж за Ивана-царевича; хоть она и не рада, а делать нечего — стала готовиться к свадьбе. Думает сама с собой королевна: как бы время протянуть да жениха отбыть? И вздумала — утрудить его великими службами. Призывает она Ивана-царевича и говорит ему: «Милый мой Иван-царевич, муж нареченный! Надо нам к свадьбе изготовиться; сослужи-ка мне службу невеликую: в моем королевстве на таком-то месте стоит большой чугунный столб; перетащи его в дворцовую кухню и сруби в мелкие поленья — повару на дрова».— «Помилуй, королевна! Нешто я приехал сюда дрова рубить? Мое ли это дело! На то у меня слуга есть: Катома-дядька дубовая шапка». Сейчас призывает царевич дядьку и приказывает ему притащить в кухню чугунный столб и срубить его в мелкие поленья повару на дрова. Катома-дядька пошел на сказанное место, схватил столб в охапку, принес в дворцовую кухню и разбил на мелкие части; четыре чугунных полена взял себе в карман — «для переду годится!»

На другой день говорит королевна Ивану-царевичу: «Милый мой царевич, нареченный муж! Завтра нам к венцу ехать: я поеду в коляске, а ты верхом на богатырском жеребце; надобно тебе загодя объездить того коня».— «Стану я сам объезжать коня! На то у меня слуга есть». Призывает Иван-царевич Катому-дядьку дубовую шапку. «Ступай,— говорит,— на конюшню, вели конюхам вывести богатырского жеребца, сядь на него и объезди; завтра я на нем к венцу поеду». Катома-дядька смекнул хитрости королевны, не стал долго разговаривать, пошел на конюшню и велел конюхам вывести богатырского жеребца. Собралось двенадцать конюхов; отперли двенадцать замков, отворили двенадцать

дверей и вывели волшебного коня на двенадцати железных цепях. Катома-дядька дубовая шапка подошел к нему; только успел сесть — волшебный конь от земли отделяется, выше лесу подымается, что повыше лесу стоячего, пониже облака ходячего.

Катома крепко сидит, одной рукой за гриву держится, а другой вынимает из кармана чугунное полено и начинает этим поленом промежду ушей коня осаживать. Избил одно полено, взялся за другое, два избил, взялся за третье, три избил, пошло в ход четвертое. И так донял он богатырского жеребца, что не выдержал конь, возговорил человеческим голосом: «Батюшка Катома! Отпусти хоть живого на белый свет. Что хочешь, то и приказывай: все будет по-твоему!» — «Слушай, собачье мясо! — отвечает ему Катома-дядька дубовая шапка.— Завтра поедет на тебе к венцу Иван-царевич. Смотри же: как выведут тебя конюхи на широкий двор да подойдет к тебе царевич и наложит свою руку — ты стой смирно, ухом не пошевели; а как сядет он верхом — ты по самые щетки в землю подайся да иди под ним тяжелым шагом, словно у тебя на спине непомерная тягота накладена». Богатырский конь выслушал приказ и опустился еле жив на землю. Катома ухватил его за хвост и бросил возле конюшни: «Эй, кучера и конюхи! Уберите в стойло это собачье мясо».

Дождались другого дня; подошло время к венцу ехать, королевне коляску подали, а Ивану-царевичу богатырского жеребца подвели. Со всех сторон народ сбежался — видимо-невидимо! Вышли из палат белокаменных жених с невестою; королевна села в коляску и дожидается: что-то будет с Иваном-царевичем? Волшебный конь разнесет его кудри по ветру, размычет его кости по чисту полю. Подходит Иван-царевич к жеребцу, накладывает руку на спину, ногу в стремено — жеребец стоит словно вкопанный, ухом не шевельнет! Сел царевич верхом — волшебный конь по щетки в землю ушел; сняли с него двенадцать цепей — стал конь выступать ровным тяжелым шагом, а с самого пот градом так и катится. «Экий богатырь! Экая сила непомерная!» — говорит народ, глядя на царевича. Перевенчали жениха с невестою; стали они выходить из церкви, взяли друг дружку за руки. Вздумалось королевне еще раз попытать силу Ивана-царевича, сжала ему руку так сильно, что он не смог выдержать: кровь в лицо кинулась, глаза под лоб ушли. «Так ты этакий-то богатырь,— думает королевна,— славно же твой дядька меня опутал... только даром вам это не пройдет!»

Живет Анна Прекрасная королевна с Иваном-царевичем как подобает жене с богоданным мужем, всячески его словами улещает, а сама одно мыслит: каким бы то способом извести Катому-дядьку дубовую шапку; с царевичем без дядьки нетрудно управиться! Сколько ни вымышляла она всяких наговоров, Иван-царевич не поддавался на ее речи, все сожалел своего дядьку. Через год времени говорит он своей жене: «Любезная моя супружница, прекрасная королевна! Желается мне ехать вместе с тобой в свое государство».— «Пожалуй, поедем; мне самой давно хочется увидать твое государство».

Вот собрались и поехали; дядьку Катому за кучера посадили. Ехали-ехали; Иван-царевич заснул дорогою. Вдруг Анна Прекрасная королевна стала его будить да жалобу приносить: «Послушай, царевич, ты все спишь — ничего не слышишь! А твой дядька совсем меня не слушает, нарочно правит лошадей на кочки да рытвины — словно извести нас собирается; стала я ему добром говорить, а он надо мной насмехается. Жить не хочу, коли его не накажешь!» Иван-царевич крепко спросонок рассердился на своего дядьку и отдал его на всю волю королевнину: «Делай с ним, что сама знаешь!» Королевна приказала отрубить его ноги. Катома дался ей на поругание. «Пусть,— думает,— пострадаю; да и царевич узнает — каково горе мыкать!»

Отрубили Катоме-дядьке обе ноги. Глянула королевна кругом и увидала: стоит в стороне высокий пень; позвала слуг и приказала посадить его на этот пень, а Ивана-царевича привязала на веревке к коляске, повернула назад и поехала в свое королевство. Катома-дядька дубовая шапка на пне сидит, горькими слезами плачет. «Прощай,— говорит,— Иван-царевич! Вспомнишь и меня». А Иван-царевич вприпрыжку за коляскою бежит; сам знает, что маху дал, да воротить нельзя. Приехала королевна Анна Прекрасная в свое государство и заставила Ивана-царевича коров пасти. Каждый день поутру ходит он со стадом в чистое поле, а вечером назад на королевский двор гонит; в то время королевна на балконе сидит и поверяет: все ли счетом коровы? Пересчитает и велит их царевичу в сарай загонять да последнюю корову под хвост целовать; эта корова так уж и знает — дойдет до ворот, остановится и хвост подымет...

Катома-дядька сидит на пне день, и другой, и третий не пивши, не евши; слезть никак не может, приходится помирать голодною смертию. Невдалеке от этого места был густой лес; в том лесу проживал слепой сильномогучий богатырь; только тем и кормился, что как услышит по духу, что мимо его какой зверь пробежал: заяц, лиса ли, медведь ли — сейчас за ним в погоню; поймает — и обед готов! Был богатырь на ногу скор, и ни одному зверю прыскучему не удавалось убежать от него. Вот и случилось так: проскользнула мимо лиса; богатырь услыхал да вслед за нею; она добежала до того высокого пня и дала колено в сторону, а слепой богатырь поторопился да с разбегу как ударится лбом о пень — так с корнем его и выворотил.

Катома свалился на землю и спрашивает: «Ты кто таков?» — «Я — слепой богатырь, живу в лесу тридцать лет, только тем и кормлюся, коли какого зверя поймаю да на костре зажарю; а то б давно помер голодною смертию!» — «Неужели ж ты отроду слепой?» — «Нет, не отроду; а мне выколола глаза Анна Прекрасная королевна».— «Ну, брат,— говорит Катома-дядька дубовая шапка,— и я через нее без ног остался: обе отрубила проклятая!» Разговорились богатыри промеж собой и согласились вместе жить, вместе хлеб добывать. Слепой говорит безногому: «Садись на меня да сказывай дорогу; я послужу тебе своими ногами, а ты мне своими глазами». Взял он безногого и понес на себе, а Катома сидит, по сторонам поглядывает да знай покрикивает: «Направо! Налево! Прямо!..»

Жили они этак некоторое время в лесу и ловили себе на обед и зайцев, и лисиц, и медведей. Говорит раз безногий: «Неужли ж нам весь век без людей прожить? Слышал я, что в таком-то городе живет богатый купец с дочкою, и та купеческая дочь куда как милостива к убогим и увечным! Сама всем милостыню подает. Увезем-ка, брат, ее! Пусть у нас за хозяйку живет». Слепой взял тележку, посадил в нее безногого и повез в город, прямо к богатому купцу на двор; увидала их из окна купеческая дочь, тотчас вскочила и пошла оделять их милостынею. Подошла к безногому: «Прими, убоженький, христа ради!» Стал он принимать подаяние, ухватил ее за руки да в тележку, закричал на слепого — тот побежал так скоро, что на лошадях не поймать! Купец послал погоню — нет, не догнали. Богатыри привезли купеческую дочь в свою лесную избушку и говорят ей: «Будь нам заместо родной сестры, живи у нас, хозяйничай; а то нам, увечным, некому обеда сварить, рубашек помыть. Бог тебя за это не оставит!»

Осталась с ними купеческая дочь; богатыри ее почитали, любили, за родную сестру признавали; сами они то и дело на охоте, а названая сестра завсегда дома: всем хозяйством заправляет, обед готовит, белье моет.

Вот и повадилась к ним в избушку ходить баба-яга костяная нога и сосать у красной девицы, купеческой дочери, белые груди. Только богатыри на охоту уйдут, а баба-яга тут как тут! Долго ли, коротко ли — спáла с лица красная девица, похудела-захирела; слепой ничего не видит, а Катома-дядька дубовая шапка замечает, что дело неладно; сказал про то слепому, и пристали они вдвоем к своей названой сестрице, начали допрашивать, а баба-яга ей накрепко запретила признаваться. Долго боялась она поверить им свое горе, долго крепилась, да, наконец, братья ее уговорили, и она все дочиста рассказала: «Всякий раз, как уйдете вы на охоту, тотчас является в избушку древняя старуха — лицо злющее, волоса длинные, седые — и заставляет меня в голове ей искать, а сама сосет мои груди белые».— «А,— говорит слепой,— это — баба-яга; погоди же, надо с ней по-своему разделаться! Завтра мы не пойдем на охоту, а постараемся залучить ее да поймать...»

Утром на другой день богатыри не идут на охоту. «Ну, дядя безногий,— говорит слепой,— полезай ты под лавку, смирненько сиди, а я пойду на двор — под окном стану. А ты, сестрица, как придет баба-яга, садись вот здесь, у этого окна, в голове-то у ней ищи да потихоньку пряди волос отделяй да за оконницу на двор пропускай; я ее за седые-то космы и сграбастаю!» Сказано — сделано. Ухватил слепой бабу-ягу за седые космы и кричит: «Эй, дядя Катома! Вылезай-ка из-под лавки да придержи ехидную бабу, пока я в йзбу войду». Баба-яга услыхала беду, хочет вскочить, голову приподнять — куда тебе, нет совсем ходу! Рвалась-рвалась — ничего не пособляет! А тут вылез из-под лавки дядя Катома, навалился на нее словно каменная гора, принялся душить бабу-ягу, ажно небо с овчинку ей показалось! Вскочил в избушку слепой, говорит безногому: «Надо нам теперь развести большой костер, сжечь ее, проклятую, на огне, а пепел пó ветру пустить!» Возмолилась баба-яга: «Батюшки,

голубчики! Простите... что угодно, все вам сделаю!» — «Хорошо, старая ведьма!» — сказали богатыри.— Покажи-ка нам колодезь с целющей и живущей водою».— «Только не бейте, сейчас покажу!»

Вот Катома-дядька дубовая шапка сел на слепого; слепой взял бабу-ягу за косы; баба-яга повела их в лесную трущобу, привела к колодезю и говорит: «Это и есть целющая и живущая вода!» — «Смотри, дядя Катома,— вымолвил слепой,— не давай маху; коли она теперь обманет — ввек не поправимся!» Катома-дядька дубовая шапка сломил с дерева зеленую ветку и бросил в колодезь: не успела ветка до воды долететь, как уж вся огнем вспыхнула! «Э, да ты еще на обман пошла!» Принялись богатыри душить бабу-ягу, хотят кинуть ее, проклятую, в огненный колодезь. Пуще прежнего возмолилась баба-яга, дает клятву великую, что теперь не станет хитрить: «Право-слово, доведу до хорошей воды».

Согласились богатыри попытать еще раз, и привела их баба-яга к другому колодезю. Дядька Катома отломил от дерева сухой сучок и бросил в колодезь: не успел тот сучок до воды долететь, как уж ростки пустил, зазеленел и расцвел. «Ну, это вода хорошая!» — сказал Катома. Слепой помочил ею свои глаза — и вмиг прозрел; опустил безногого в воду — и выросли у него ноги. Оба обрадовались и говорят меж собой: «Вот когда мы поправимся! Все свое воротим, только наперед надо с бабой-ягой порешить; коли нам ее теперь простить, так самим добра не видать — она всю жизнь будет зло мыслить!» Воротились они к огненному колодезю и бросили туда бабу-ягу: так она и сгинула!

После того Катома-дядька дубовая шапка женился на купеческой дочери, и все трое отправились они в королевство Анны Прекрасной выручать Ивана-царевича. Стали подходить к столичному городу, смотрят: Иван-царевич гонит стадо коров. «Стой, пастух! — говорит Катома-дядька.— Куда ты этих коров гонишь?» Отвечает ему царевич: «На королевский двор гоню; королевна всякий раз сама поверяет, все ли коровы».— «Ну-ка, пастух, на́ тебе мою одежу, надевай на себя, а я твою надену и коров погоню».— «Нет, брат, этого нельзя сделать; коли королевна уведает — беда мне будет!» — «Не бойся, ничего не будет! В том тебе порука Катома-дядька дубовая шапка!» Иван-царевич вздохнул и говорит: «Эх, добрый человек! Если бы жив был Катома-дядька, я бы не пас в поле этих коров».

Тут Катома-дядька дубовая шапка сознался ему, кто он таков есть; Иван-царевич обнял его крепко и залился слезами: «Не чаял и видеть тебя!» Поменялись они своими одежами; погнал дядька коров на королевский двор. Анна Прекрасная вышла на балкон, поверила, все ли коровы счетом, и приказала загонять их в сарай. Вот все коровы в сарай вошли, только последняя у ворот остановилась и хвост оттопырила. Катома подскочил: «Ты чего, собачье мясо, дожидаешься?» — схватил ее за хвост, дернул, так и стащил шкуру! Королевна увидала и кричит громким голосом: «Что это мерзавец пастух делает? Взять его и привесть ко мне!» Тут слуги подхватили Катому и потащили во дворец; он идет — не отговаривается, на себя надеется. Привели его к королевне; она взглянула и спрашивает: «Ты кто таков? Откуда явился?» — «А я тот самый, кото-

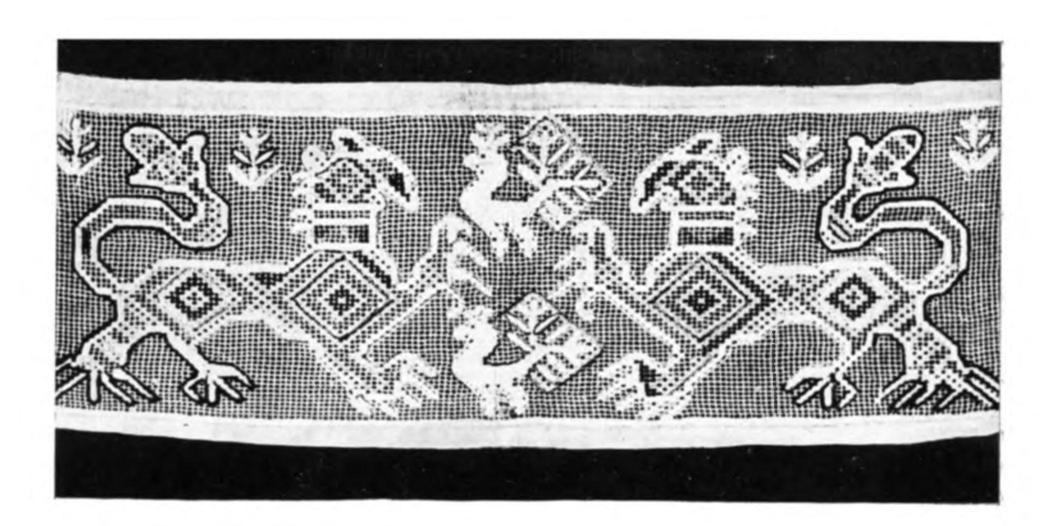
Дама и гусар. Сергиев Посад (г. Загорск]. 1-я половина XIX в. Дерево, резьба, роспись. Музей игрушки в Загорске

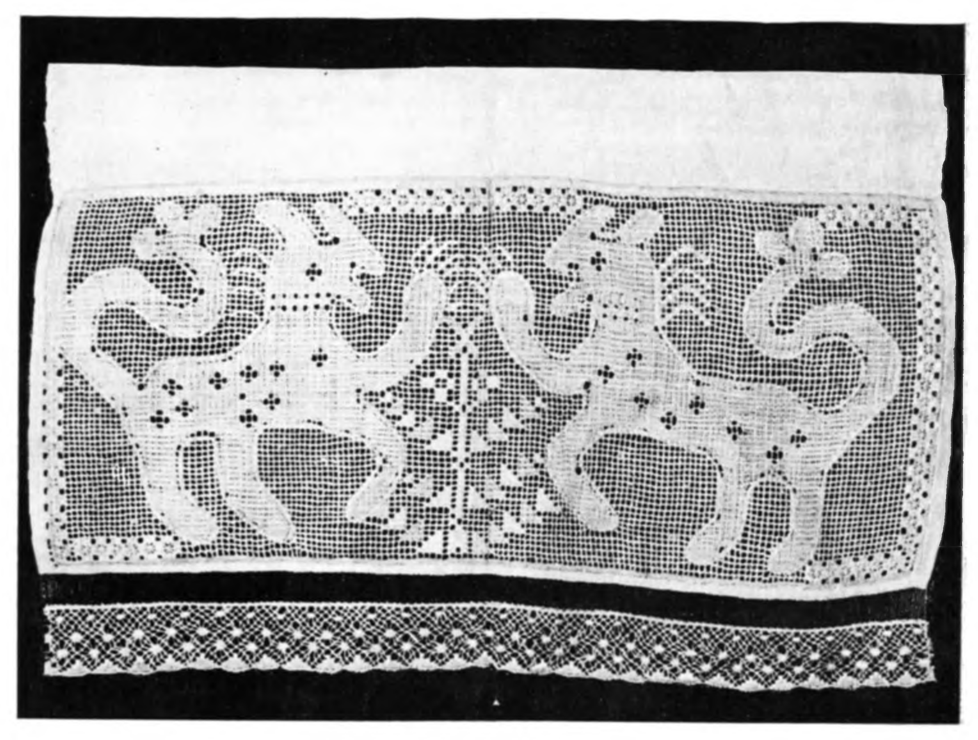
3 Заказ № 101

Фрагменты подзоров со строчевой вышивкой.
Костромская губ. Последняя четверть XV в.; 2-я половина XIX в.
Гос. ист. музей

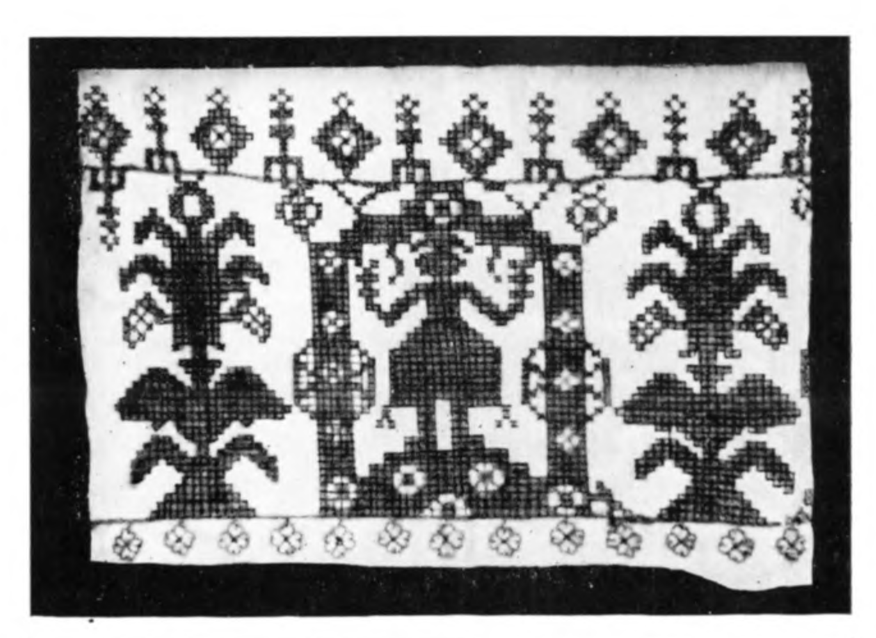

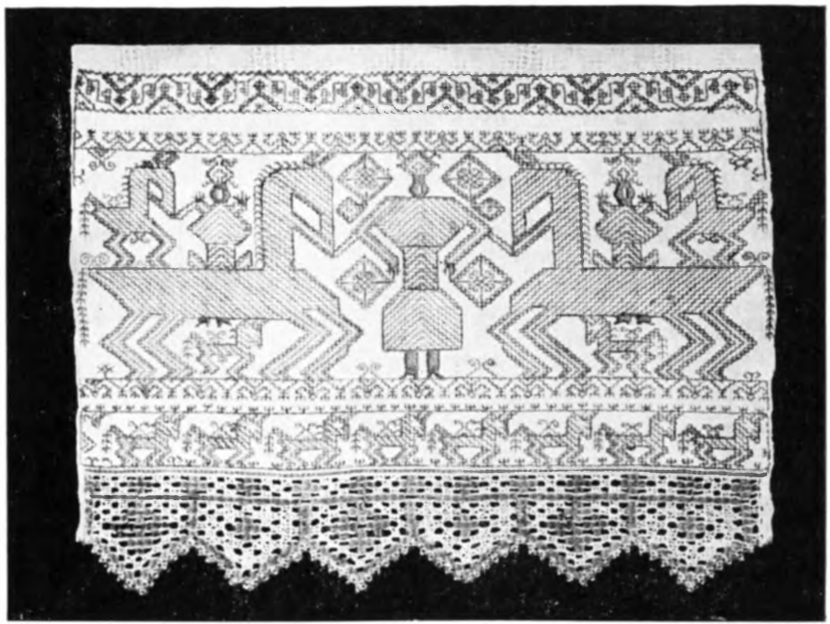
Фрагменты вышивок. Мотив льва (барса). Костромской музей.
Рыбинский уезд Ярославской губ.
Музей антропологии и этнографии АН СССР

Фрагменты вышивки подзоров из Тверской и Ярославской губ. XIX в.
Гос. ист. музей

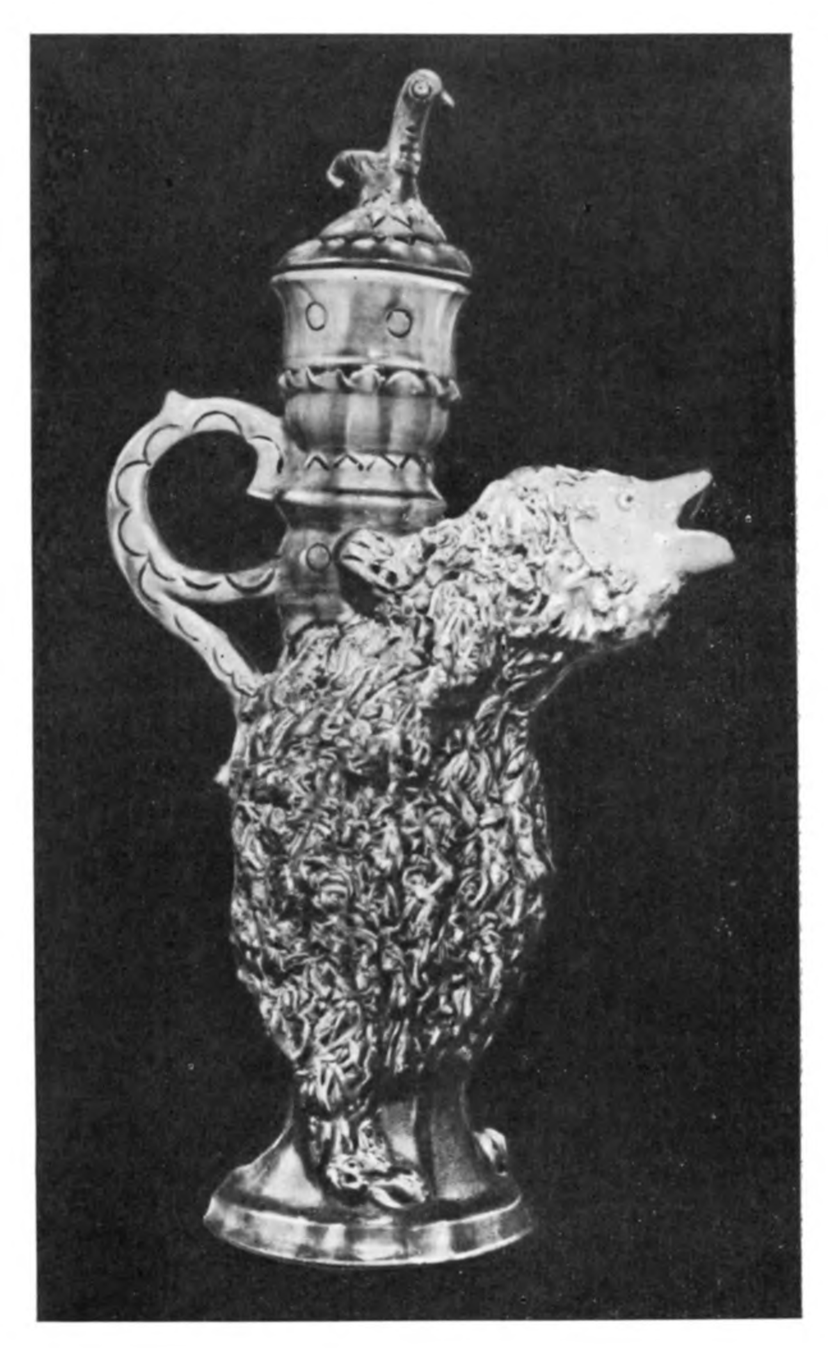
Узоры полотенец из северо-западных губерний.
Вологодский музей; Музей народного искусства. Москва

Сосуд «Змей-горыныч». Скопинская керамика.
Музей народного искусства. Москва

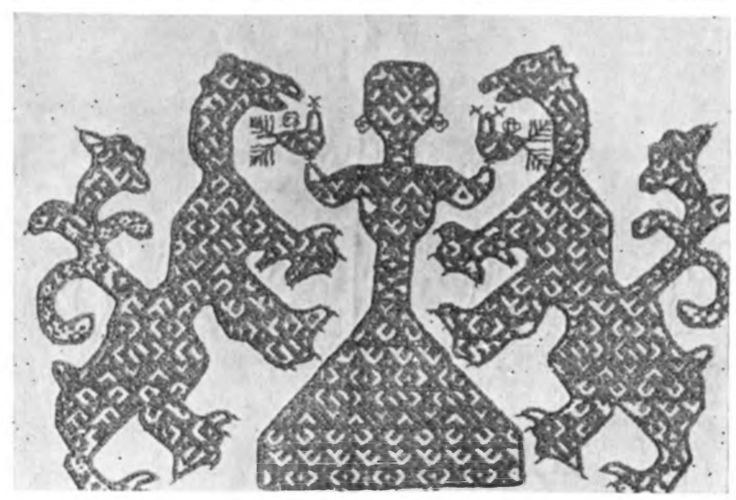

Сосуд «Змей-горыныч». Скопинская керамика.
Музей игрушки в Загорске

Сосуд «Медведь». Скопинская керамика.
Музей народного искусства. Москва

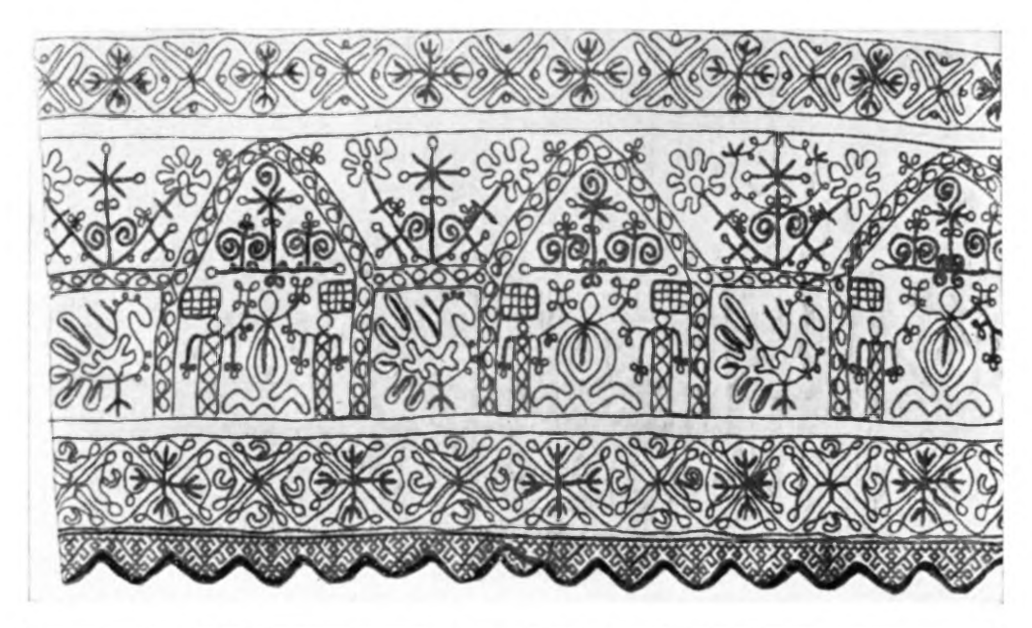

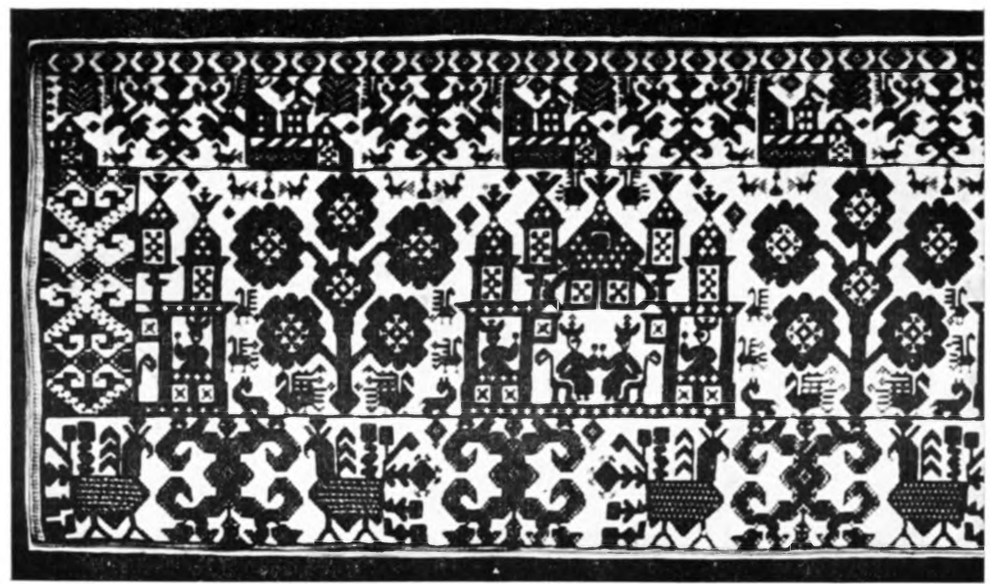

Глиняная игрушка «Милота». Музей народного искусства. Москва.
Фрагмент вышивки полотенца. 80-е годы XIX в.
Дер. Ряд Вышневолоцкого уезда

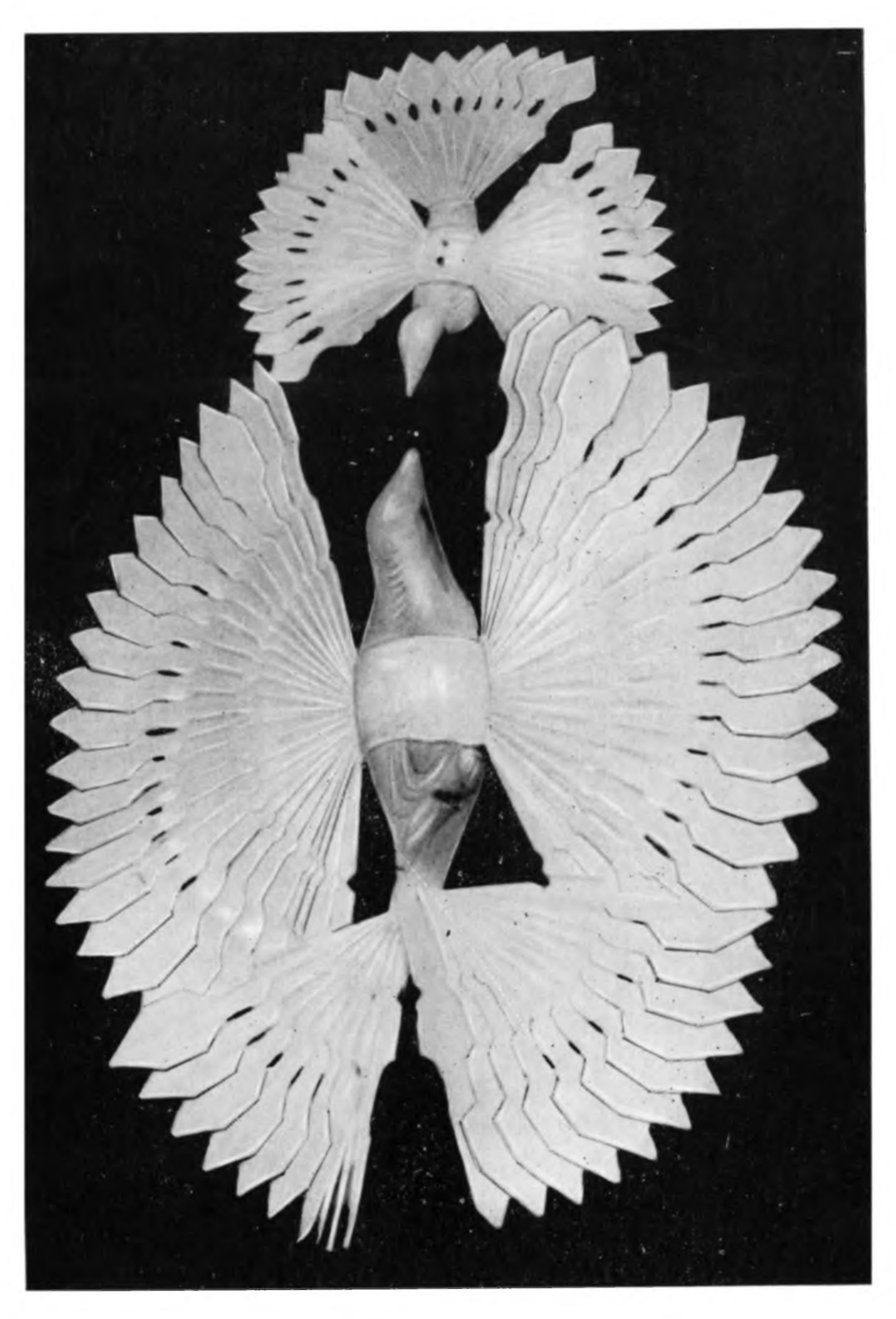

Фрагмент вышивки полотенца. Мотив — женская фигура.
Олонецкая губ. Гос. ист. музей

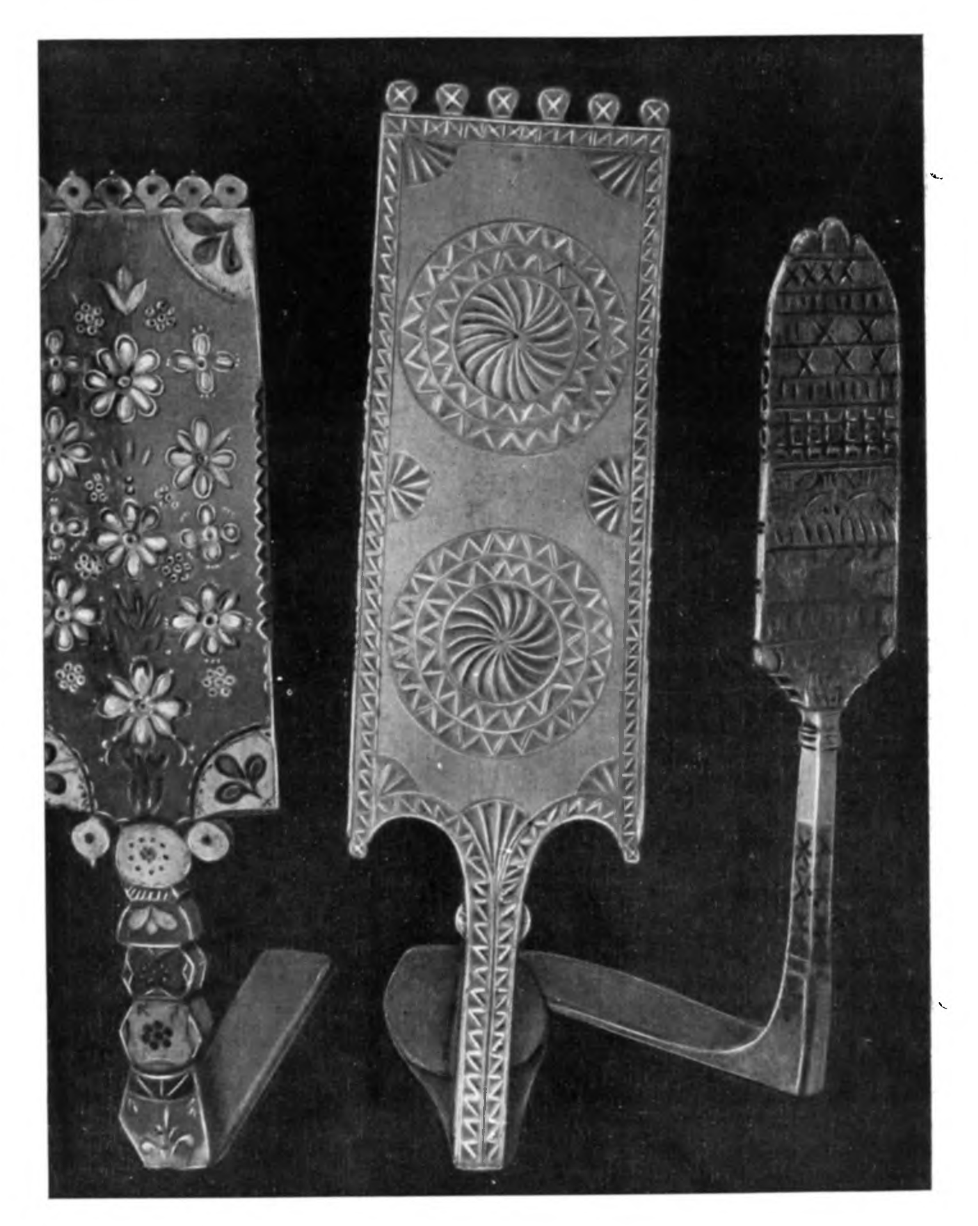
Фрагменты вышивок. Подол женской рубахи.
Тотемский уезд Вологодской губ.;
подзор из Новгородской губ. Гос. русский музей

Птицы щепные. Мастер А. И. Петухов.
Дер. Волошка, Коношский р-н, Архангельской обл.
Музей народного искусства. Москва

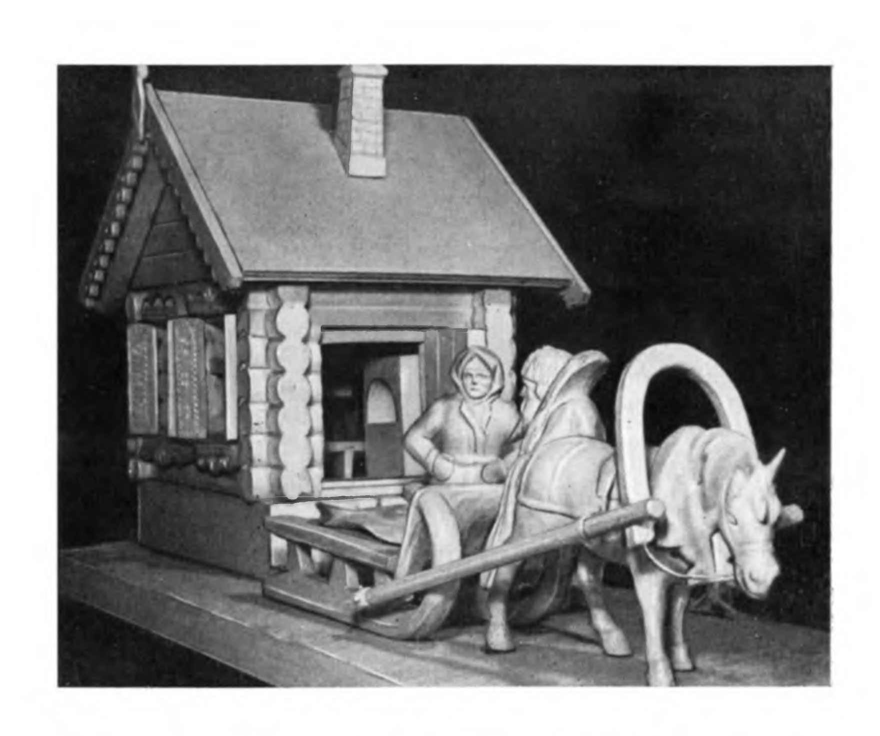
Пряничная доска. XIX в.
Музей народного искусства. Москва

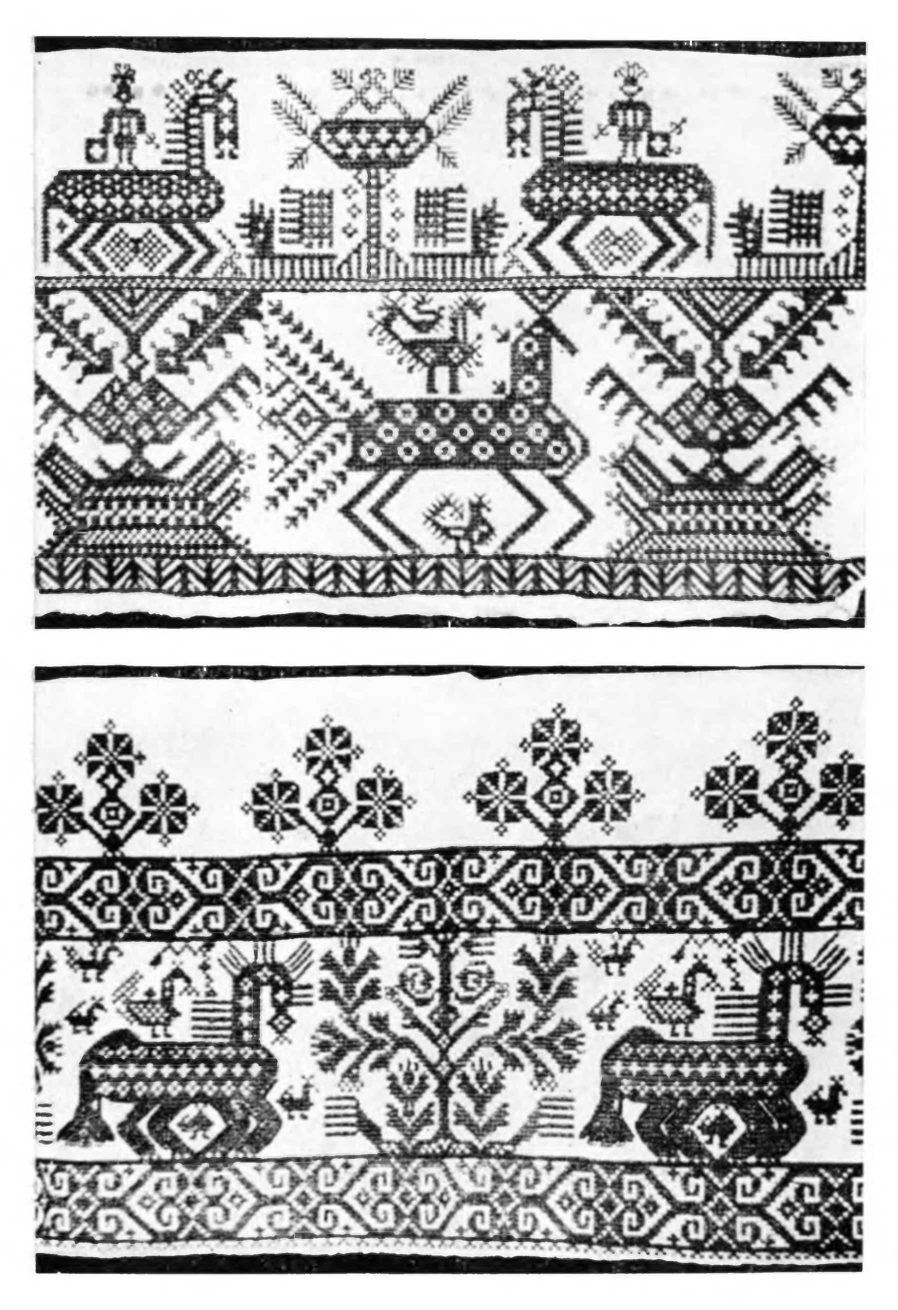
Прялки. XIX в. Музей народного искусства, Москва

Н. И. Рыжов. Старик со старухой. Дерево. Институт игрушки в Загорске

Фрагмент вышивки полотенца. Мотив коня.
Тотемский уезд Вологодской губ. Научно-исследовательский институт художественной промышленности

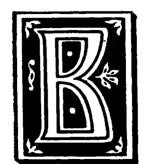

Фрагменты вышивок. Северодвинское полотенце Шенкурского уезда; кайма простыни из Сольвычегодского уезда. Гос. музей этнографии народов СССР

рому ты ноги отрубила да на пень посадила; зовут меня Катома-дядька дубовая шапка!» — «Ну,— думает королевна,— когда он ноги свои воротил, то с ним мудрить больше нечего!» — и стала у него и у царевича просить прощения; покаялась во своих грехах и дала клятву вечно Ивана-царевича любить и во всем слушаться. Иван-царевич ее простил и начал жить с нею в тишине и согласии; при них остался слепой богатырь, а Катома-дядька уехал с своею женою к богатому купцу и поселился в его доме.

199

некотором царстве, в некотором государстве жил-был грозный 116b
царь — славен во всех землях, страшен всем королям и королевичам. Задумал царь жениться и отдал такой указ по всем городам и селам: «Кто найдет ему невесту краснее солнца, яснее месяца и белее снегу, того наградит он несметным богатством». Пошла о том слава по всему царству; от малого до великого все судят, толкуют, а ни единый человек не вызывается отыскать такую красавицу. Недалеко от царского дворца стоял большой пивоваренный завод. Собрался как-то рабочий народ и завел разговор, что вот-де можно бы много денег от царя получить, да где этакую невесту достать! «Да, братцы,— говорит один мужик, по имени Никита Колтома,— без меня никому не найти для царя невесты; а коли я возьмусь, так наверно найду!» — «Что ты, дурень, расхвастался! Где тебе, к черту, это дело сделать? Есть люди знатные, богатые — не нам чета, да и те хвосты прижали! Тебе и во сне этого не приснится, а не то что наяву...» — «Да уж там как хотите, а я на себя надеюсь; сказал: достану — и достану!» — «Эх, Никита, не хвались! Сам ведаешь, царь у нас грозный; за пустую похвальбу велит казнить тебя».— «Небось не казнит, а деньгами наградит».

Тотчас доложили эти речи самому царю; царь обрадовался и велел представить Никиту перед свои светлые очи. Набежали солдаты, схватили Никиту Колтому и потащили во дворец; а товарищи ему вслед кричат: «Что, брат, договорился? Ты думаешь с царем шутки шутить! Ну-ка ступай теперь на расправу!» Приводят Никиту в большие палаты; говорит ему грозный царь: «Ты, Никита, похваляешься, что можешь достать мне невесту краше солнца, ясней месяца и белее снегу?» — «Могу, ваше величество!» — «Хорошо, братец! Коли ты мне заслужишь — награжу тебя казною несметною и поставлю первым министром; а коли соврал — то мой меч, твоя голова с плеч!» — «Рад стараться, ваше величество! Прикажите наперед погулять мне один месяц». Царь на это был согласен и дал Никите открытый лист за своим подписом, чтобы во всех трактирах и харчевнях отпущали ему безденежно всякие напитки и кушанья.

Никита Колтома пошел по столице гулять: в какой трактир ни зайдет — только покажет открытый лист, тотчас несут ему все, чего душа требует. Гуляет он день, два и три, гуляет неделю, и другую, и третью; вот и срок вышел. Время к царю являться; попрощался Никита с своими приятелями, приходит во дворец и просит у царя собрать ему двенадцать

добрых молодцев — рост в рост, волос в волос и голос в голос, да приготовить еще тринадцать белотканых шатров с золотыми узорами. У царя живо готово: вмиг собраны мо́лодцы, и шатры поделаны. «Ну, ваше величество,— говорит Никита,— теперь собирайтесь да поедемте за невестою». Оседлали они своих добрых коней, навьючили шатры; после того отслужили напутственный молебен, простились с градскими жителями, сели на коней и поскакали — только пыль столбом!

Едут день, и два, и три — стоит в чистом поле кузница. Говорит Никита: «Поезжайте с богом прямо, а я пока забегу в кузницу да закурю трубку». Входит в кузницу, а в ней пятнадцать кузнецов железо куют, молотами постукивают. «Бог помочь, братцы!» — «Спасибо, добрый человек!» — «Сделайте мне прут в пятнадцать пуд».— «Сделать-то мы не прочь, да кто станет железо поворачивать? Пятнадцать пуд — не шутка!» — «Ничего, братцы! Вы бейте молотами, а я стану поворачивать». Кузнецы принялись за работу и сковали железный прут в пятнадцать пуд. Никита взял этот прут, вышел в поле, подбросил его вверх на пятнадцать саже́н и подставил свою руку: железный прут упал ему на руку, богатырской крепости не выдержал — пополам переломился. Никита Колтома заплатил кузнецам за труды, бросил им изломанный прут и уехал.

Нагоняет своих товарищей; едут они еще три дня — опять стоит в чистом поле кузница. «Поезжайте вперед, а я зайду в кузницу»,— говорит Никита. Вошел в кузницу, а в ней двадцать пять кузнецов железо куют, молотами постукивают. «Бог помочь, ребята!» — «Спасибо, добрый человек!» — «Скуйте мне прут в двадцать пять пуд».— «Сковать — неважное дело, да где тот силач, что столько железа ворочать будет?» — «Я сам буду ворочать». Взял он двадцать пять пуд железа, раскалил докрасна и стал на наковальне поворачивать, а кузнецы знай молотами бьют. Сделали прут в двадцать пять пуд. Никита взял тот железный прут, вышел в поле, подкинул его вверх на двадцать пять саже́н и подставил свою руку. Прут ударился о богатырскую руку и разломился надвое. «Нет, не годится!» — сказал Никита, заплатил за работу, сел на коня и уехал. Нагоняет своих товарищей.

Едут они день, другой и третий — опять стоит в чистом поле кузница. Говорит Никита товарищам: «Поезжайте вперед, а я зайду в кузницу — трубку закурю». Вошел в кузницу, а в ней пятьдесят кузнецов старика мучают: на наковальне седой старик лежит, десять человек держат его клещами за бороду, а сорок молотами по бокам осаживают. «Братцы, помилуйте! — кричит старик во весь голос.— Отпустите душу на покаяние!» — «Бог помочь!» — говорит Никита. «Спасибо, добрый человек!» — отвечают кузнецы. «За что вы старика мучаете?» — «А вот за что: должен он нам всем по рублю, да не отдает; как же не бить его?» — «Экий несчастный,— думает Никита,— за пятьдесят рублев да этакую казнь принимает». И говорит кузнецам: «Послушайте, братцы, я вам за него плательщик, отпустите старика на волю».— «Изволь, добрый человек! Для нас все равно — с кого ни получить, лишь бы деньги были».

Никита Колтома вынул пятьдесят рублев; кузнецы взяли деньги и только выпустили старика из железных клещей — как он в ту же минуту

с глаз пропал! Смотрит Никита: «Да куда же он девался?» — «Вона! Ищи его теперь,— говорят кузнецы,— ведь он — колдун!» Заказал Никита сковать железный прут в пятьдесят пуд; взял его, подбросил вверх на пятьдесят сажо́н и подставил свою руку: прут выдержал, не изломался. «Вот этот годится»,—сказал Никита и поехал догонять товарищей. Вдруг слышит позади себя голос: «Никита Колтома, постой!» Оглянулся назад и видит — бежит к нему тот самый старик, которого он от казни выкупил. «Спасибо тебе, добрый человек,— говорит старик,— что ты меня от злой муки избавил. Ведь я ровно тридцать лет терпел этакое горе! Вот тебе на память подарок: возьми — пригодится». И дает ему шапку-невидимку: «Только надень на́ голову — никто тебя не увидит!» Никита взял шапку-невидимку, поблагодарил старика и поскакал дальше. Нагнал своих товарищей, и поехали все вместе.

Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли — подъезжают они к одному дворцу. Кругом тот дворец обнесен высокою железною оградою: ни войти на двор, ни въехать добрым мо́лодцам. Говорит грозный царь: «Ну, брат Никита, ведь дальше нам ходу нет». Отвечает Никита Колтома: «Как не быть ходу, ваше величество! Я всю вселенную изойду, а вам невесту найду. Этая ограда нам не у́держа... Ну-ка, ребята, ломайте ограду, делайте ворота на широкий двор».

Добрые мо́лодцы послезали с коней, принялись за ограду, только что ни делали — не могли сломать: стоит ограда, не рушится. «Эх, братцы,— говорит Никита,— все-то вы мелко плаваете, нечего на вас мне надеяться, приходится самому хлопотать». Соскочил Никита с своего коня, подошел к ограде, ухватился богатырскими руками за решетку, дернул раз — и повалил всю ограду наземь. Въехали грозный царь и добрые мо́лодцы на широкий двор и там на зеленом лугу разбили свои шатры белотканные с золотыми узорами; закусили чем бог послал, легли спать и с устатку [1] заснули крепким сном. Всем по шатру досталося; только нет шатра Никите Колтоме. Отыскал он три рогожи дырявые, сделал себе шалаш, лег на голой земле, а спать не спит, дожидается, что будет.

На заре на утренней проснулась в своем тереме царевна Елена Прекрасная, выглянула в косящатое окошечко и усмотрела: стоят на зеленом лугу тринадцать белотканных шатров, золотыми цветами вышиты, а впереди всех стоит шалаш — из рогож сделан. «Что такое? — думает царевна.— Откудова эти гости понаехали?» Глядь — а железная ограда разломана; крепко разгневалась Елена Прекрасная, призывает к себе сильномогучего богатыря и приказывает: «Сейчас на коня садись, поезжай к этим шатрам и предай всех ослушников смерти; трупы за ограду повыбросай, а шатры ко мне представь».

Сильномогучий богатырь оседлал своего доброго коня, оделся в доспехи воинские и напущается на незваных гостей. Усмотрел его Никита Колтома, стал спрашивать: «Кто едет?» — «А ты что за невежа, спрашиваешь?» Те слова Никите не показалися [2], выскочил он из своего шала-

[1] С усталости.
[2] Не понравились (*Ред.*).

ша, ухватил богатыря за ногу и стащил с лошади на сырую землю, поднял железный прут в пятьдесят пуд, отвесил ему единый удар и говорит: «Теперь ступай к своей царевне обратно да скажи ей, чтобы долго не спесивилась, своего бы войска не тратила, а выходила бы замуж за нашего грозного царя». Богатырь поскакал назад — рад, что Никита живого его на свет пустил! Приехал во дворец и сказывает царевне: «Это на ваш двор заехали непомерные силачи, сватают вас за своего грозного царя и велели мне говорить, чтоб вы не спесивились, понапрасну войска не тратили, а выходили бы за того царя замуж».

Как услыхала Елена Прекрасная такие смелые речи, тотчас взволновалася, созвала всех своих сильномогучих богатырей и стала приказывать: «Слуги мои верные! Соберите войско несметное, разорите шатры белотканные, избейте незваных гостей, чтоб и праху ихнего не было!» Сильномогучие богатыри, долго не думавши, собрали войско несметное, сели на своих богатырских коней и понеслись на шатры белотканные с золотыми узорами. Только поравнялись с рогожаным шалашиком, выскочил перед ними Никита Колтома, взял свой железный прут в пятьдесят пуд и начал им в разные стороны помахивать; в короткое время перебил все войско и сильномогучих богатырей, только одного богатыря в живых оставил. «Поезжай,—говорит,— к своей царевне Елене Прекрасной да скажи ей, чтоб она больше войска не тратила; нас войском не испугаешь! Теперь я с вами один сражался; что же будет с вашим царством, как проснутся мои товарищи? Камня на камне не оставим, все по чисту полю разнесем!»

Богатырь воротился к царевне, рассказал, что войско побито, что на таких витязей никакой силы не хватит. Елена Прекрасная послала звать грозного царя во дворец, да тут же приказала каленую стрелу изготовить; а сама вышла встречать гостей с ласкою, с честию. Идет царевна навстречу, а за ней пятьдесят человек лук и стрелу несут. Никита Колтома увидал богатырский лук, тотчас догадался, что тою стрелою хотят их потчевать, надел на́ голову шапку-невидимку, подскочил, натянул лук и направил стрелу в царевнины терема — в одну минуту весь верхний этаж сшиб! Нечего делать, берет Елена Прекрасная грозного царя за руку, ведет в белокаменные палаты, сажает за столы дубовые, за скатерти браные; стали пить, есть, веселиться. В палатах убранство чудное: весь свет обойти, такого нигде не найдешь.

После обеда говорит Никита грозному царю: «Нравится ли вашему величеству невеста? Аль за другою ехать?» — «Нет, Никита, нечего попусту ездить; лучше этой в белом свете нет!» — «Ну и женитесь; теперь она в ваших руках. Да смотрите, ваше величество, не плошайте: первые три ночи станет она вашу силу пытать, наложит свою руку и станет крепко-крепко давить; вам ни за что не стерпеть! В те́ поры уходите поскорей из комнаты, а я на ваше место приду и живо ее усмирю». Вот и принялись за свадьбу; у царей ни мед варить, не вино курить — все готово. Сыграли свадьбу, и пошел грозный царь с Еленою Прекрасною опочив держать.

Лег на мягкую постель и притворился, будто спать хочет. Елена Прекрасная наложила ему на грудь свою руку и спрашивает: «Тяжела ли моя рука?» — «Так тяжела, как перо на воде!» — отвечает грозный царь, а сам еле дух переводит: так ему грудь сдавило! «Постой-ка, Елена Прекрасная: ведь я позабыл назавтра приказ отдать, надо теперь пойти...» Вышел из спальни, а у дверей Никита стоит: «Ну, братец, правду ты сказал; чуть-чуть меня совсем не удушила».— «Ничего, ваше величество! Постойте здесь, я это дело сделаю»,— сказал Никита, пошел к царевне, лег на постель и захрапел.

Елена Прекрасная подумала, что то грозный царь воротился, наложила на него свою руку, давила-давила — нет толку! Наложила обе руки и ну давить пуще прежнего... А Никита Колтома ухватил ее, будто во сне, да как бросит об пол — все терема так и затряслись! Царевна поднялась, легла потихоньку и заснула. Тут Никита встал, вышел к царю и говорит: «Ну, теперь смело ступайте, до другой ночи ничего не будет!» Вот так-то, с помощью Никиты Колтомы, отбыл грозный царь три первые ночи и стал жить со своею царевною Еленою Прекрасною, как следует мужу с женою.

Ни много, ни мало прошло времени, узнала Елена Прекрасная, что грозный царь ее обманом взял, что сила у него не великая, что люди над нею насмехаются: Никита-де с царевною три ночи спал! Страшно она озлобилась и затаила на сердце жестокую месть. Вздумал царь в свое государство ехать, говорит Елене Прекрасной: «Полно нам здесь проживать, пора и домой побывать; собирайся-ка в дорогу». И собрались они морем ехать; нагрузили корабль разными драгоценными вещами, сели и пустились пó морю. Плывут день, и другой, и третий; царь весел, не нарадуется, что везет к себе царевну краше солнца, ясней месяца, белей снега; а Елена Прекрасная свою думу думает: как бы отплатить за обиду. На ту пору одолел Никиту богатырский сон, и уснул он на все на двенадцать суток. Как увидала Елена Прекрасная, что Никита богатырским сном спит, тотчас кликнула своих верных слуг, приказала отрубить ему ноги по колена, после положить его в шлюпку и пустить в открытое море. Тут же при ее глазах отрубили сонному Никите ноги по колена, положили в шлюпку и пустили в море. На тринадцатые сутки пробудился бедный Никита, смотрит — кругом вода, сам без ног лежит, а корабля и след простыл...

Между тем корабль плыл да плыл; вот и пристань. Загремели пушки, сбежались горожане, и купцы, и бояре, встречают царя хлебом-солью, поздравляют с законным браком. Царь начал пиры пировать, гостей созывать; а про Никиту и думать позабыл. Да недолго пришлось ему веселиться; Елена Прекрасная скоро лишила его царства, стала всем сама заправлять, а его заставила свиней пасти. Не уходилось и этим царевнино сердце: приказала по всем сторонам розыск учинить, не остались ли где у Никиты Колтомы родичи? Коли кто найдется, того во дворец представить. Поскакали гонцы, начали всюду разыскивать и нашли родного брата Никиты — Тимофея Колтому; взяли его, привезли во дворец.

Царевна Елена Прекрасная приказала выколоть ему глаза и потом выгнать вон из города. В ту ж минуту выкололи Тимофею глаза, вывели его за город и оставили в чистом поле. Потащился слепой ощупью: шел-шел и пришел на взморье; ступил еще шаг-другой и чует — под ногами вода; остановился, стоит на одном месте — ни взад, ни вперед — боится идти. Вдруг принесло к берегу шлюпку с Никитою. Увидал Никита человека, обрадовался и подает ему голос: «Эй, добрый человек! Помоги мне на землю выйти». Отвечает слепой: «Рад бы тебе пособить, да не могу; я сам без глаз — ничего не вижу».— «Да ты откудова, и как тебя по имени зовут?» — «Я — Тимофей Колтома; выколола мне глаза новая царица, Елена Прекрасная, и выгнала из своего царства». — «Ах, да ведь ты мне брат родной; я — Никита Колтома. Ступай же ты, Тимоша, в правую сторону — там растет высокий дуб; вывороти этот дуб, притащи сюда и брось с берега на́ воду: я по нем к тебе вылезу».

Тимофей Колтома повернул направо, сделал несколько шагов, нащупал высокий старый дуб, обхватил его обеими руками и сразу выворотил с корнем, приволок тот дуб и бросил в воду; одним концом на земле легло дерево, а другим возле шлюпки угодило. Никита выкарабкался кое-как на берег, поцеловался с своим братом и говорит: «Как-то теперь наш грозный царь поживает?» — «Эх, брат,— отвечает Тимофей Колтома,— наш грозный царь теперь в великом бессчастье: пасет свиней в поле, каждое утро получает фунт хлеба, кружку воды да три розги в спину». После того стали они разговаривать, как им жить и чем кормиться?

Говорит Никита: «Слушай, брат, мой совет! Ты меня носить будешь, потому что я без ног; а я на тебе сидеть буду да сказывать, в какую сторону идти надо».— «Ладно! Быть по-твоему: хоть оба увечные, а двое за одного здорового сойдем».

Вот Никита Колтома сел своему брату на шею и стал дорогу показывать; Тимофей шел-шел и пришел в дремучий лес. В том лесу стоит избушка бабы-яги. Вошли братья в избушку — нет ни души. «А ну-ка, брат,— говорит Никита,— пощупай-ка в печке: нет ли еды какой?» Тимофей полез в печку, вытащил оттуда всяких кушаньев, поставил на стол, и начали они оба уписывать, с голоду все́ начисто приели. После того стал Никита избушку оглядывать; увидал на окошке небольшой свисток, взял его, приложил к губам и давай насвистывать. Смотрит: что за диво? Слепой брат пляшет, изба пляшет, и стол, и лавки, и посуда — все пляшет! Горшки вдребезги поразбивались! «Полно, Никита! Перестань играть,— просит слепой,— сил моих не хватает больше!» Никита перестал насвистывать и в ту ж минуту все приутихло.

Вдруг отворяется дверь, входит баба-яга и кричит громким голосом: «Ах вы, бродяги бездомные! Доселева тут птица не пролетывала, зверь не прорыскивал, а вы забрались, все кушанья приели, все горшки перебили. Хорошо же, вот я с вами разделаюсь!» Отвечает Никита: «Молчи, старое стерво! Мы и сами сумеем разделаться. Эй, брат Тимоха, подержи ее, ведьму, да покрепче!» Тимофей схватил бабу-ягу в охапку, стиснул крепко-накрепко, а Никита сейчас ее за косы и давай по избе возить. «Батюш-

ки! Не бейте,— просится баба-яга,— я вам сама в пригоде[3] буду: что хотите, все вам достану».— «А ну, старая, говори: можешь ли достать нам целющей и живущей воды? Коли достанешь, пущу живую на белый свет; а нет, так лютой смерти предам».

Баба-яга согласилась и привела их к двум родникам: «Вот вам целющая, а вот и живущая вода!» Никита Колтома почерпнул целющей воды, облил себя — и выросли у него ноги: ноги совсем здоровые, а не двигаются. Почерпнул он живущей воды, помочил ноги — и стал владеть ими. То же было и с Тимофеем Колтомою; помазал он глазные ямки целющей водой — появились у него очи, совсем-таки невредимые, только ничего не видят; помазал их живущей водой — и стал видеть лучше прежнего. Поблагодарили братья старуху, отпустили ее домой и пошли выручать грозного царя из беды-напасти.

Приходят в столичный город и видят — грозный царь перед самым дворцом свиней пасет. Никита Колтома заиграл в свисток; и пастух и свиньи пошли плясать. Елена Прекрасная увидала это из окошечка, осердилась и тотчас приказала принести пуки розог и высечь и пастуха и музыканта. Прибежала стража, схватила их и повела во дворец угощать розгами. Никита Колтома как пришел во дворец к Елене Прекрасной, не захотел долго мешкать, схватил ее за белые руки и говорит: «Узнаешь ли меня, Елена Прекрасная? Ведь я — Никита Колтома. Теперь, грозный царь, она в твоей воле; что захочешь, то и сделаешь!» Грозный царь приказал ее расстрелять, а Никиту сделал своим первым министром, всегда его почитал и во всем слушался.

200

адумал царевич жениться, и невеста есть на примете — пре- 116с
красная царевна, да как достать ее? Много королей и королевичей и всяких богатырей ее сватали, да ничего не́ взяли, только буйные головы на плахе сложили; и теперь еще торчат их головы на ограде вокруг дворца гордой невесты. Закручинился, запечалился царевич; не ведает, кто бы помог ему? А тут и выискался Иван Голый — мужик был бедный, ни есть, ни пить нечего, одежда давно с плеч свалилася. Приходит он к царевичу и говорит: «Самому тебе не добыть невесты, и коли один поедешь свататься — буйну голову сложишь! А лучше поедем вместе; я тебя из беды выручу и все дело устрою; только обещай меня слушаться!» Царевич обещал ему исполнять все его советы, и на другой же день отправились они в путь-дорогу.

Вот и приехали в иное государство и стали свататься. Царевна говорит: «Надо наперед у жениха силы пытать». Позвала царевича на пир, угостила-употчевала; после обеда начали гости разными играми забавляться. «А принесите-ка мое ружье, с которым я на охоту езжу»,— приказывает царевна. Растворились двери — и несут сорок человек ружье не ружье,

[3] Пригожусь (*Ред.*).

а целую пушку. «Ну-ка, нареченный жених, выстрели из моего ружьеца».— «Иван Голый,— крикнул царевич,— посмотри, годится ли это ружье?» Иван Голый взял ружье, вынес на крылечко, пнул ногою — ружье полетело далеко-далеко и упало в сине море. «Нет, ваше высочество! Ружье ледащее, куда из него стрелять такому богатырю!» — докладывает Иван Голый. «Что ж это, царевна? Али ты надо мной смеешься? Приказала принести такое ружье, что мой слуга ногой пнул — оно в море упало!» Царевна велела принести свой лук и стрелу.

Опять растворились двери, сорок человек лук со стрелой принесли. «Попробуй, нареченный жених, пусти мою стрелку».— «Эй, Иван Голый! —закричал царевич.—Посмотри, годится ли лук для моей стрельбы?» Иван Голый натянул лук и пустил стрелу: полетела стрела за сто верст, попала в богатыря Марка Бегуна и отбила ему обе руки. Закричал Марко Бегун богатырским голосом: «Ах ты, Иван Голый! Отшиб ты мне обе руки; да и тебе беды не миновать!» Иван Голый взял лук на колено и переломил надвое: «Нет, царевич! Лук ледащий — не годится такому богатырю, как ты, пускать с него стрелы».— «Что же это, царевна? Али ты надо мной потешаешься? Какой лук дала — мой слуга стал натягивать да стрелу пускать, а он тут же пополам изломился?» Царевна приказала вывести из конюшни своего ретивого коня.

Ведут коня сорок человек, едва на цепях сдержать могут: столь зол, неукротим! «Ну-ка, нареченный жених, прогуляйся на моем коне; я сама на нем каждое утро катаюся». Царевич крикнул: «Эй, Иван Голый! Посмотри, годится ли конь под меня?» Иван Голый прибежал, начал коня поглаживать, гладил-гладил, взял за хвост, дернул — и всю шкуру содрал. «Нет,— говорит,— конь ледащий! Чуть-чуть за хвост пошевелил, а с него и шкура слетела». Царевич начал жаловаться: «Эх, царевна! Ты все надо мной насмешку творишь; вместо богатырского коня клячу вывела». Царевна не стала больше пытать царевича и на другой день вышла за него замуж. Обвенчались они и легли спать; царевна положила на царевича руку — он еле выдержать смог, совсем задыхаться стал. «А,— думает царевна,— так ты этакий богатырь! Хорошо же, будете меня помнить».

Через месяц времени собрался царевич с молодой женою в свое государство ехать. Ехали день, и два, и три, и остановились лошадям роздых дать. Вылезла царевна из кареты, увидала, что Иван Голый крепко спит, тотчас отыскала топор, отсекла ему обе ноги, потом велела закладывать лошадей, царевичу приказала на запятки стать и воротилась назад в свое царство; а Иван Голый остался в чистом поле.

Вот однажды пробегал по этому полю Марко Бегун, увидел Ивана Голого, побратался с ним, посадил его на себя и пустился в дремучий, темный лес. Стали богатыри в том лесу жить, построили себе избушку, сделали тележку, добыли ружье и зачали за перелетной птицей охотиться. Марко Бегун тележку возит, а Иван Голый сидит в тележке да птиц стреляет: той дичиною круглый год питались.

Скучно им показалося, и выдумали они украсть где-нибудь девку от отца, от матери; поехали к одному священнику и стали просить милостынь-

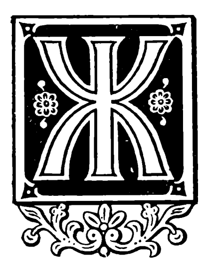
ку. Поповна вынесла им хлеба и только подошла к тележке, как Иван Голый ухватил ее за руки, посадил рядом с собой, а Марко Бегун во всю прыть побежал, и через минуту очутились они дома в своей избушке. «Будь ты, де́вица, нам сестрицею, готовь нам обедать и ужинать да за хозяйством присматривай». Жили они втроем тихо и мирно, на судьбу не жаловались.

Раз как-то отправились богатыри на охоту, целую неделю домой не бывали, а воротившись — едва свою сестру узнали: так она исхудала! «Что с тобой сделалось?» — спрашивают богатыри. Она в ответ рассказала им, что каждый день летает к ней змей; оттого и худа стала. «Постой же, мы его поймаем!» Иван Голый лег под лавку, а Марко Бегун спрятался в сенях за двери. Прошло с полчаса, вдруг деревья в лесу зашумели, крыша на избе пошатнулася — прилетел змей, ударился о сырую землю и сделался добрым молодцем, вошел в избушку, сел за стол и требует закусить чего-нибудь. Иван Голый ухватил его за ноги, а Марко Бегун навалился на змея всем туловищем и стал его давить; порядком ему бока намял!

Притащили они змея к дубовому пню, раскололи пень надвое, защемили там его голову и начали стегать прутьями. Просится змей: «Отпустите меня, сильномогучие богатыри! Я вам покажу, где мертвая и живая вода». Богатыри согласились. Вот змей привел их к озеру; Марко Бегун обрадовался, хотел было прямо в воду кинуться, да Иван Голый остановил. «Надо прежде,— говорит,— испробовать». Взял зеленый прут и бросил в воду — прут тотчас сгорел. Принялись богатыри опять за змея; били его, били, едва жива оставили. Привел их змей к другому озеру; Иван Голый поднял гнилушку и бросил в воду — она тотчас пустила ростки и зазеленела листьями. Богатыри кинулись в это озеро, искупались и вышли на́ берег молодцы молодцами; Иван Голый с ногами, Марко Бегун с руками. После взяли змея, притащили к первому озеру и бросили прямо вглубь — только дым от него пошел!

Воротились домой; Марко Бегун был стар, отвез поповну к отцу, к матери и стал жить у этого священника, потому что священник объявил еще прежде: кто мою дочь привезет, того буду кормить и поить до самой смерти. А Иван Голый добыл богатырского коня и поехал искать своего царевича. Едет чистым полем, а царевич свиней пасет. «Здорово, царевич!» — «Здравствуй! А ты кто такой?» — «Я Иван Голый».— «Что ты завираешься! Если б Иван Голый жив был, я бы не пас свиней».— «И то конец твоей службе!» Тут они поменялись одежею; царевич поехал вперед на богатырском коне, а Иван Голый вслед за ним свиней погнал. Царевна увидала его, выскочила на крыльцо: «Ах ты, неслух! Кто тебе велел свиней гнать, когда еще солнце не село?» — и стала приказывать, чтобы сейчас же взяли пастуха и выдрали на конюшне. Иван Голый не стал дожидаться, сам ухватил царевну за косы и до тех пор волочил ее по двору, пока не покаялась и не дала слова слушаться во всем мужа. После того царевич с царевною жили в согласии долгие годы, и Иван Голый при них служил.

201. ЦАРЬ-МЕДВЕДЬ

ил себе царь с царицею, детей у них не было. Царь 117
поехал раз на охоту красного зверя да перелетных птиц стрелять. Сделалось жарко, захотелось ему водицы испить, увидал в стороне колодец, подошел, нагнулся и только хотел испить — царь-медведь[1] и ухватил его за бороду: «Пусти»,— просится царь. «Дай мне то, чего в доме не знаешь; тогда и пущу».— «Что ж бы я в доме не знал,— думает царь,— кажись, все знаю... Я лучше,— говорит,— дам тебе стадо коров».— «Нет, не хочу и двух стад».— «Ну, возьми табун лошадей».— «Не надо и двух табунов; а дай то, чего в доме не знаешь».

Царь согласился, высвободил свою бороду и поехал домой. Входит во дворец, а жена родила ему двойни: Ивана-царевича и Марью-царевну; вот чего не знал он в доме. Всплеснул царь руками и горько заплакал. «Чего ты так убиваешься?» — спрашивает царица. «Как мне не плакать? Я отдал своих деток родных царю-медведю».— «Каким случаем?» — «Так и так»,— сказывает царь. «Да мы не отдадим их!» — «О, никак нельзя! Он вконец разорит все царство, а их все-таки возьмет».

Вот они думали-думали, как быть? Да и придумали: выкопали преглубокую яму, убрали ее, разукрасили, словно палаты, навезли туда всяких запасов, чтоб было что и пить и есть; после посадили в ту яму своих детей, а поверх сделали потолок, закидали землею и заровняли гладко-нагладко.

В скором времени царь с царицею померли, а детки их растут да растут. Пришел, наконец, за ними царь-медведь, смотрит туда-сюда: нет никого! Опустел дворец. Ходил он, ходил, весь дом выходил и думает: «Кто же мне про царских детей скажет, куда они девались?» Глядь — долото в стену воткнуто. «Долото, долото,— спрашивает царь-медведь,— скажи мне, где царские дети?» — «Вынеси меня на двор и брось наземь; где я воткнусь, там и рой». Царь-медведь взял долото, вышел на двор и бросил его наземь; долото закружилось, завертелось и прямо в то место воткнулось, где были спрятаны Иван-царевич и Марья-царевна. Медведь разрыл землю лапами, разломал потолок и говорит: «А, Иван-царевич, а, Марья-царевна, вы вот где!.. Вздумали от меня прятаться! Отец-то ваш с матерью меня обманули, так я вас за это съем».— «Ах, царь-медведь, не ешь нас, у нашего батюшки осталось много кур и гусей и всякого добра; есть чем полакомиться».— «Ну, так и быть! Садитесь на меня; я вас к себе в услугу возьму».

Они сели, и царь-медведь принес их под такие крутые да высокие горы, что под самое небо уходят; всюду здесь пусто, никто не живет. «Мы есть-пить хотим»,— говорят Иван-царевич и Марья-царевна. «Я побегу, добуду вам и пить и есть,— отвечает медведь,— а вы пока тут

[1] Слово это на местном наречии выговаривается: *всдметь*.

побудьте да отдохните». Побежал медведь за едой, а царевич с царевною стоят и слезно плачут. Откуда не́ взялся ясный сокол, замахал крыльями и вымолвил таково слово: «Ах, Иван-царевич и Марья-царевна, какими судьбами вы здесь очутились?» Они рассказали. «Зачем же взял вас медведь?» — «На всякие послуги».— «Хотите, я вас унесу? Садитесь ко мне на крылышки». Они сели; ясный сокол поднялся выше дерева стоячего, ниже облака ходячего и полетел было в далекие страны. На ту пору царь-медведь прибежал, усмотрел сокола в поднебесье, ударился головой в сырую землю и обжег ему пламенем крылья. Опалились у сокола крылья, опустил он царевича и царевну наземь. «А,— говорит медведь,— вы хотели от меня уйти; съем же вас за то и с косточками!» — «Не ешь, царь-медведь; мы будем тебе верно служить». Медведь простил их и повез в свое царство: горы всё выше да круче.

Прошло ни много, ни мало времени. «Ах,— говорит Иван-царевич,— я есть хочу».— «И я!» — говорит Марья-царевна. Царь-медведь побежал за едой, а им строго наказал никуда не сходить с места. Сидят они на травке на муравке да слезы ронят. Откуда не́ взялся орел, спустился из-за облак и спрашивает: «Ах, Иван-царевич и Марья-царевна, какими судьбами очутились вы здесь?» Они рассказали. «Хотите, я вас унесу?» — «Куда тебе! Ясный сокол брался унести, да не смог, и ты не сможешь!» — «Сокол — птица малая; я взлечу повыше его; садитесь на мои крылышки». Царевич с царевною сели; орел взмахнул крыльями и взвился еще выше. Медведь прибежал, усмотрел орла в поднебесье, ударился головой о сыру землю и опалил ему крылья. Спустил орел Ивана-царевича и Марью-царевну наземь. «А, вы опять вздумали уходить! — сказал медведь.— Вот я же вас съем!» — «Не ешь, пожалуйста; нас орел взманил! Мы будем служить тебе верой и правдою». Царь-медведь простил их в последний раз, накормил-напоил, и повез дальше...

Прошло ни много, ни мало времени. «Ах,— говорит Иван-царевич,— я есть хочу».— «И я!» — говорит Марья-царевна. Царь-медведь оставил их, а сам за едой побежал. Сидят они на травке на муравке да плачут. Откуда не́ взялся бычок-др....нок, замотал головой и спрашивает: «Иван-царевич, Марья-царевна! Вы какими судьбами здесь очутились?» Они рассказали. «Хотите, я вас унесу?» — «Куда тебе! Нас уносили птица-сокол да птица-орел, и то не смогли; ты и подавно не сможешь!» — а сами так и разливаются, едва во слезах слово вымолвят. «Птицы не унесли, а я унесу! Садитесь ко мне на спину». Они сели, бычок-др....нок побежал не больно прытко. Медведь усмотрел, что царевич с царевною уходить стали, и бросился за ними в погоню. «Ах, бычок-др....нок,— кричат царские дети,— медведь гонится».— «Далеко ли?» — «Нет, близко!»

Только было медведь подскочил да хотел сцапать, бычок понатужился... и залепил ему оба глаза. Побежал медведь на сине море глаза промывать, а бычок-др....нок все вперед да вперед! Царь-медведь умылся да опять в погоню. «Ах, бычок-др...нок! Медведь гонится».— «Далеко ли?» — «Ох, близко!» Медведь подскочил, а бычок опять понатужился... и залепил ему оба глаза. Пока медведь бегал глаза промывать, бычок все вперед да вперед! И в третий раз залепил он глаза медведю; а после

того дает Ивану-царевичу гребешок да утиральник и говорит: «Коли станет нагонять царь-медведь близко, в первый раз брось гребешок, а в другой — махни утиральником».

Бычок-др....нок бежит все дальше и дальше. Оглянулся Иван-царевич, а за ними царь-медведь гонится: вот-вот схватит! Взял он гребешок и бросил позадь себя — вдруг вырос, поднялся такой густой, дремучий лес, что ни птице не пролететь, ни зверю не пролезть, ни пешему не пройти, ни конному не проехать. Уж медведь грыз-грыз, насилу прогрыз себе узенькую дорожку, пробрался сквозь дремучий лес и бросился догонять; а царские дети далёко-далёко! Стал медведь нагонять их, Иван-царевич оглянулся и махнул позадь себя утиральником — вдруг сделалось огненное озеро: такое широкое-широкое! Волна из края в край бьет. Царь-медведь постоял, постоял на берегу и поворотил домой; а бычок-др....нок с Иваном-царевичем да с Марьей-царевной прибежал на полянку.

На той на полянке стоял большой славный дом. «Вот вам дом! — сказал бычок.— Живите — не тужите. А на дворе приготовьте сейчас костер, зарежьте меня да на том костре и сожгите».—«Ах!—говорят царские дети.—Зачем тебя резать? Лучше живи с нами; мы за тобой будем ухаживать, станем тебя кормить свежею травою, поить ключевой водою».—«Нет, сожгите меня, а пепел посейте на трех грядках: на одной грядке выскочит конь, на другой собачка, а на третьей вырастет яблонька; на том коню езди ты, Иван-царевич, а с тою собачкой ходи на охоту». Так все и сделалось.

Вот как-то вздумал Иван-царевич поехать на охоту; попрощался с сестрицею, сел на коня и поехал в лес; убил гуся, убил утку да поймал живого волчонка и привез домой. Видит царевич, что охота идет ему в руку, и опять поехал, настрелял всякой птицы и поймал живого медвежонка. В третий раз собрался Иван-царевич на охоту, а собачку позабыл с собой взять. Тем временем Марья-царевна пошла белье мыть. Идет она, а на другой стороне огненного озера прилетел к берегу шестиглавый змей, перекинулся красавцем, увидал царевну и так сладко говорит: «Здравствуй, красная девица!» — «Здравствуй, добрый молодец!» — «Я слышал от старых людей, что в прежнее время этого озера не бывало; если б через него да был перекинут высокий мост — я бы перешел на ту сторону и женился на тебе».— «Постой! Мост сейчас будет»,— отвечала ему Марья-царевна и бросила утиральник: в ту ж минуту утиральник дугою раскинулся и повис через озеро высоким, красивым мостом. Змей перешел пó мосту, перекинулся в прежний вид, собачку Ивана-царевича запер на замок, а ключ в озеро забросил; после того схватил и унес царевну.

Приезжает Иван-царевич с охоты — сестры нет, собачка взаперти воет; увидал мост через озеро и говорит: «Верно, змей унес мою сестрицу!» Пошел разыскивать. Шел-шел, в чистом поле стоит хатка на курьих лапках, на собачьих пятках. «Хатка, хатка! Повернись к лесу задом, ко мне передом». Хатка повернулась; Иван-царевич вошел, а в хатке лежит баба-яга костяная нога из угла в угол, нос в потолок врос. «Фу-фу! — говорит она.— Доселева русского духа не слыхать было, а нынче русский дух

воочью проявляется, в нос бросается! Почто пришел, Иван-царевич?» — «Да если б ты моему горю пособила!» — «А какое твое горе?» Царевич рассказал ей. «Ну, ступай же домой; у тебя на дворе есть яблонька, сломи с нее три зеленых прутика, сплети вместе и там, где собачка заперта, ударь ими по замку: замок тотчас разлетится на мелкие части. Тогда смело на змея иди, не устоит супротив тебя».

Иван-царевич воротился домой, освободил собачку — выбежала она злая-злая! Взял еще с собой волчонка да медвежонка и отправился на змея. Звери бросились на него и разорвали в клочки. А Иван-царевич взял Марью-царевну, и стали они жить-поживать, добра наживать.

202—205. ЗВЕРИНОЕ МОЛОКО

202

В некотором царстве, не в нашем государстве жил-был царь на *118а*
царстве, король на королевстве, и были у него дети: сын Иван-царевич и дочь Елена Прекрасная. Появился в его царстве медведь железная шерсть и начал его подданных есть... Ест медведь людей, а царь сидит да думает, как бы ему спасти детей своих. Велел он построить высокий столб, посадил на него Ивана-царевича и Елену Прекрасную и провизии им поклал туда на пять лет.

Переел медведь всех людей, прибежал в царский дворец и стал с досады грызть веник. «Не грызи меня, медведь железная шерсть,— говорит ему веник,— а лучше ступай в поле, там увидишь ты столб, а на том столбу сидят Иван-царевич и Елена Прекрасная!» Прибежал медведь к столбу и начал его раскачивать. Испугался Иван-царевич и бросил ему пищи, а медведь наелся, да и лег спать.

Спит медведь, а Иван-царевич и Елена Прекрасная бегут без оглядки... На дороге стоит конь. «Конь, конь! Спаси нас»,— говорят они. Только что сели на коня, медведь их и догнал. Коня он разорвал на части, а их взял в пасть и принес к столбу. Дали они ему пищи, он наелся и опять заснул. Спит медведь, а Иван-царевич и Елена Прекрасная бегут без оглядки... По дороге идут гуси. «Гуси, гуси, спасите нас». Сели они на гусей и полетели, а медведь проснулся, опалил гусей полымем и принес их к столбу. Дали они ему снова пищи: он наелся и опять заснул. Спит медведь, а Иван-царевич и Елена Прекрасная бегут без оглядки... На дороге стоит бычок-третьячок[1]. «Бычок, бычок! Спаси нас: за нами гонится медведь железная шерсть».— «Садитесь на меня; ты, Иван-царевич, сядь задом наперед и как увидишь медведя, скажи мне». Только что до-

[1] Т. е. по третьему году.

гонит их медведь, бычок-третьячок др.....— да и залепит ему глаза. Три раза медведь догонял, три раза бычок залеплял ему глаза. Стали они переправляться через реку, медведь за ними — да и утонул.

Захотели они есть, вот бычок им и говорит: «Зарежьте меня и съешьте, а косточки мои соберите и ударьте; из них выйдет мужичок-кулачок — сам с ноготок, борода с локоток. Он для вас все сделает». Время идет да идет, съели они бычка и захотели опять есть; ударили легонько по косточкам, и вышел мужичок-кулачок. Вот пошли они в лес, а в том лесу стоял дом, а дом тот был разбойничий. Кулачок убил и разбойников и атамана и запер их в одной комнате; а Елене не велел туда ходить. Только она не вытерпела, посмотрела и влюбилась в голову атамана.

Попросила она Ивана-царевича достать ей живой и мертвой воды. Как только он достал воды живой и мертвой, царевна оживила атамана и сговорилась вместе с ним извести Ивана-царевича. Наперво согласились они послать его за волчьим молоком. Пошел Иван-царевич с мужичком-кулачком; находят волчицу: «Давай молока!» Она просит их взять и волчонка, потому что он б....., п....., даром хлеб ест. Взявши молоко и волчонка, пошли к Елене Прекрасной; молоко отдали Елене, а волчонка взяли себе. Этим не смогли его известь; послали за медвежьим молоком. Пошел Иван-царевич с мужичком-кулачком доставать медвежьего молока; находят медведицу: «Давай молока!» Она просит взять и медвежонка, потому что он ..., даром хлеб ест. Опять, взявши молоко и медвежонка, пошли к Елене Прекрасной; отдали ей молоко, а медвежонка взяли себе. И этим не смогли известь Ивана-царевича; послали его за львиным молоком. Иван-царевич пошел с мужичком-кулачком; находят львицу, взяли молока; она просит их взять и львенка, потому что он ..., даром хлеб ест. Воротились к Елене Прекрасной, отдали молоко, львенка взяли себе.

Потом атаман и Елена Прекрасная видят, что и этим нельзя известь Ивана-царевича; послали его достать яиц жар-птицы. Отправился Иван-царевич с мужичком-кулачком доставать яйца. Нашли они жар-птицу, хотели было взять яйца, она рассердилась и проглотила мужичка-кулачка; а Иван-царевич пошел без яиц домой. Приходит к Елене Прекрасной, рассказал ей, что не мог достать яиц и что жар-птица проглотила мужичка-кулачка. Елена Прекрасная с атаманом обрадовались и говорят, что теперь Иван-царевич без кулачка ничего не сделает; велели его убить. Иван-царевич услыхал это и попросился у сестры помыться перед смертью в бане.

Елена Прекрасная велела натопить баню. Иван-царевич пошел в баню, а Елена Прекрасная послала к нему сказать, чтобы он скорее мылся. Иван-царевич ее не послушал, все-таки мылся не спеша. Вдруг прибежали к нему волчонок, медвежонок и львенок; говорят ему, что мужичок-кулачок спасся от жар-птицы и сейчас придет к нему. Иван-царевич приказал им лечь под порог в бане; а сам все-таки мылся. Елена Прекрасная посылает опять ему сказать, чтобы он скорее мылся, а если он не скоро выйдет, то она сама придет. Иван-царевич все не слушал, не выходил из бани. Елена Прекрасная ждала-ждала, не могла дождаться и пошла с атаманом посмотреть, что он там делает. Приходит и видит, что он моется

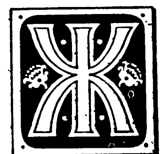
и не слушает приказания; рассердилась, дала ему плюху. Откуда не возьмись мужичок-кулачок — велел волчонку, медвежонку и львенку разорвать атамана на мелкие кусочки, а Елену взял, привязал голую к дереву, чтоб ее тело съели комары да мухи; а сам отправился с Иваном-царевичем путем-дорогою.

Завидели большие палаты; говорит мужичок-кулачок: «Не хочешь ли, Иван-царевич, жениться? Вот в этом доме живет богатырь-девка; она ищет такого молодца, чтоб ее одолел». Вот и пошли к тому дому. Не дошедчи немного, сел Иван-царевич на лошадь, а мужичок-кулачок сзади его, и начали вызывать богатырь-девку драться. Дрались-дрались; богатырь-девка ударила Ивана-царевича в грудь — Иван-царевич чуть-чуть не упал, да его кулачок удержал. Потом Иван-царевич ударил богатырь-девку копьем — и она тотчас свалилась с коня. Как сшиб Иван-царевич богатырь-девку, она и говорит ему: «Ну, Иван-царевич, ты теперь можешь меня взять замуж».

Скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается. Иван-царевич женился на богатырь-девке. «Ну, Иван-царевич,— говорит мужичок-кулачок,— если на первую ночь сделается тебе дурно, то выходи ко мне; я в беде помогу». Вот лег Иван-царевич спать с богатырь-девкою. Вдруг богатырь-девка положила ему на грудь руку, Ивану-царевичу сделалось дурно; начал он проситься выйти. Вышедчи, кликнул мужичка-кулачка, рассказал ему, что богатырь-девка его душит. Мужичок-кулачок пошел к богатырь-девке, начал ее бить да приговаривать: «Почитай мужа, почитай мужа!» С того времени стали они жить да поживать да добра наживать.

После начала́ богатырь-девка просить Ивана-царевича, чтоб отвязал Елену Прекрасную и взял бы ее к себе жить. Он сейчас послал отвязать и привесть ее к себе. Долго жила у него Елена Прекрасная. Один раз говорит она Ивану-царевичу: «Братец! Дай я тебе поищу». Начала искать ему и пустила в голову мертвый зуб; Иван-царевич начал умирать. Львенок видит, что Иван-царевич умирает, выдернул у него мертвый зуб; царевич стал оживать, а львенок умирать. Медвежонок вырвал зуб; львенок начал оживать, а медвежонок умирать. Лисица видит, что он помирает, выдернула у него мертвый зуб, и как она была хитрей всех, то, выдернувши, бросила зуб на сковороду, отчего зуб и рассыпался в куски. За это Иван-царевич велел Елену Прекрасную привязать к хвосту богатырского коня и размыкать по чистому полю. Я там был, мед пил, по усам текло, а в рот не попало.

203

или-были два крестьянина: один — Антон, другой — Агафон. «Послушай, брат!— говорит Антон.— Бедовая[1] туча к нам несется»,— а сам как лист трясется. «Ну что ж за беда!» — «Да ведь град пойдет, весь хлеб побьет!» — «Какой град! Дождь будет».— «Ан град!» — «Ан дождь!» — «Не хочу говорить с дураком!» — сказал Антон да хвать соседа 118б

[1] Грозная (*Ред.*).

кулаком. Ни град, ни дождь нейдет, а у них из носов да ушей кровь льет. Это еще не сказка, а присказка; сказка будет впереди — завтра после обеда, поевши мягкого хлеба.

Жил мужик, у него было два сына, третья дочь; один сын — умный, другой — дурак; старший — женатый. Пришло время мужику умирать; вот он большому сыну приказывает весь дом, и скот, и землю, а дураку с сестрой ничего. Дочь и говорит: «Что же ты, батюшка, приказываешь все старшему брату, а мне с дураком ничего?» Старик взглянул на них и сказал: «А вам если даст старший брат баню, там живите, а не даст, так вон подите!» — «Ну, мы и тем довольны!» Вот помер мужик, отправили похороны, старший брат и говорит: «Дурак! Ступай с сестрой из дому вон».— «Позволь, братец, нам хоть в бане пожить».— «Ну, живите покамест!» Дурак стал ходить в лес работать, тем и кормились.

Однажды дурак говорит: «Сестра! Дай мне плетушку; идучи пó лесу, грибов наберу». Она подала ему плетушку, он взял и пошел; ходил-бродил пó лесу и заблудился. Стал искать дорогу, выбрался на луговину, глянул кругом: на той луговине стоит большой каменный дом, в три этажа выстроен; ворота заперты, ставни закрыты, только одно окно отворено, и к нему лестница приставлена. Дурак влез в дом, пооткрывал все окна, порастворял все двери, ходит по дому, посматривает: не видать ни единой живой души, а добра-то, добра-то! Хоть лопатой греби! Золота, серебра, кáменья самоцветного, парчей дорогих целые вороха навалены. В одной горнице стоит кадка с вином, и плавает в ней серебряный ковшик. Дурак взял стул, присел к кадке, вино пьет да во все горло «Долинушку» поет.

Вдруг слышит шум: едут двенадцать разбойников. «Братцы!»— говорит атаман.— Чтой-то неладно у нас: все окна открыты! Верно, кто-нибудь в гости пожаловал». И посылает одного разбойника ворота отпереть. «Не трудитесь, братцы! Я вам отопру»,— кричит дурак. Вот они въехали во двор, убрали награбленное добро и приходят в горницу, берут по стулу и садятся все около дошника[2]; одному разбойнику недостало стула, подходит он к дураку и толкает его: «Пусти! Ты мое место занял». А тот упирается. «Беритесь-ка за него, товарищи! Как он смел в нашем доме ослушаться?» Разбойники повскакивали с своих мест и начали дурака задирать: то тот ударит, то другой прихлопнет. Тут дурак рассердился, схватил одного разбойника за ноги и начал им направо-налево помахивать, кого ни заденет — тотчас с ног долой! Атаман видит, что он шутит шутки нехорошие, припал в угол за бочки и там отсиделся. Дурак перебил всех разбойников, тела на двор выкинул; потом насыпал плетушку золотом, дом запер и пошел к сестре. Входит в баню и кричит: «Вот тебе плетушка грибов!»

На другой день сестра затопила печку, вздумала чистить грибы, взялась за плетушку — тяжела, не подымается; что такое? Открыла — а она полна денег. «Сестра,— говорит дурак,— поди-ка в город, закупи и варёно и жарено; надо по батюшке поминки сделать. А я пойду созывать

[2] Большая кадка.

в гости купцов, и мещан, и всяких крестьян». Сестра закупила, наставила на стол и питья и ествы, всего вдоволь, и побежала звать старшего брата с невесткою. «Ох, вы, голыши-горемыки! Чай, у вас хлеба нет, а не только поминки справлять!» — сказал старший брат и не захотел идти. «Ну хоть ты, невестушка, приходи!» — «Да чего у вас есть-то?» — «Чем богаты, тем и рады!» — «Ну, — думает невестка,— пойду к ним, хоть посмеюся». Приходит и видит, что всего много; стала спрашивать: «Где вы взяли?» Дурак отвечает: «Вам батюшка дом и все хозяйство отказал, а нам плетушку денег оставил».

Наедались гости досыта, напивались допьяна и пошли по домам. Воротилась в избу невестка и ну ругать мужа: и сам-то он нехорош, и покойный отец его обидчик был — чтоб ему ни дна, ни покрышки! — умирал, а душой покривил: отдал дураку целую плетушку золота! «Не бранись, я пойду и золото пополам разделю». Приходит к брату: «Раздели, дурак, плетушку золота, а то нам с женой обидно!» Дурак отвечает ему: «Чем делить, бери лучше всю!» А сам взял сестру за руку и говорит: «Пойдем, сестрица, из бани вон; есть у меня свой дом».

Вот они шли-шли, пришли в тот самый дом, где дурак перебил разбойников: «Ну, сестра, живи, хозяйничай, бери — не жалей все, что надобно; а я стану на охоту ходить, птиц-зверей бить». Брат пошел на охоту, а сестра дома осталась; начала горницы осматривать, увидала атамана, влюбилась в него, и стали вдвоем думу думать, как бы дурака извести? Атаман ей советует: «Притворись больной и проси дурака, чтоб принес тебе из такого-то саду яблоков; там ему не миновать смерти!» Дурак воротился с охоты, видит — сестра лежит на кровати да охает. «Что с тобой, сестрица?» — «Больна, братец!» И начала его просить: «Видела я сон, что в таком-то саду растут яблоки; как только покушаю тех яблоков — сейчас выздоровлю».

Дурак взял плетушку и отправился в путь-дорогу лесом; идет, а лес все чаще да чаще, все гуще да гуще; дальше и ступить нельзя! Начал дурак деревья выдергивать, дорогу прокладывать; час-другой потрудился и вышел на гладкую, ровную поляну. На той на поляне стоит большой каменный дом, в пять этажей выстроен; ворота заперты, ставни затворены, только одно окно открыто. Влез он туда по лестнице, пооткрывал все ставни, порастворял все двери: куда ни посмотрит, куда ни заглянет — всюду богатства видимо-невидимо: и золота, и серебра, и ка́меньев самоцветных, и парчей, и атласов дорогих. Позади дома сад растет, яблоки так на солнышке и красуются; побежал дурак в сад, нарвал полну котомку яблоков и хотел было домой идти, но после вздумал и говорит сам себе: «Нет, подожду хозяина и заплачу ему за яблоки, чтоб не считал меня за вора».

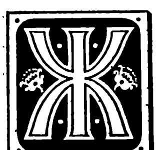
Немного погодя послышался конский топот: едут двадцать четыре разбойника и везут с собой красну девицу красоты неописанной. Вошли в дом, стали пить-есть, к красной девице приставать да разные насмешки над ней делать. Дурак смотрел-смотрел и говорит атаману: «За что вы ее обижаете?» Атаман рассердился и закричал: «Эй, ребята! Возьмите его, свяжите да хорошенько отдуйте!» Разбойники сунулись было к дураку,

а он ухватил одного из них за ноги и давай направо-налево помахивать; всех перебил до единого. Взял красну девицу за белые руки и повел к себе. Приходит домой и говорит: «Вот тебе, сестра, яблоки — ешь да выздоравливай; а ты, красная девица, будь нам названая сестрица — живи, да не скучай!»

На другой день дурак отправился на охоту; а родная сестра его побежала к атаману; жалуется ему: «Ведь мой брат пришел, да еще красну девицу привел! Что нам с ним делать?» Атаман отвечает: «Посади ты его играть в карты и сделай такой уговор: коли кто проиграет, тому назад руки вязать. Вот как он проиграет — ты притащи волосяной канат и скрути ему руки; коли один канат сорвет — вяжи другим, другой сорвет — вяжи третьим; авось с каким-нибудь да не справится! Тогда закричи мне — я прибегу с саблею и снесу ему голову». Эти злые речи подслушала названая сестрица и ждет, что-то будет.

Воротился дурак домой; родная сестра села с ним в карты играть, а названая сняла со стены острую саблю и просит: «Братец! Подари мне эту саблю».— «Возьми, коли полюбилася». Вот родная сестра обыграла брата и связала ему руки волосяным канатом; дурак потянулся — канат разорвался. Принесла она новый канат, потолще прежнего, и опять связала ему руки; дурак потянулся — каната как не бывало! Принесла она третий канат, потолще прежних двух, связала брату руки крепко-накрепко; сколько он ни силился — не мог разорвать. «Развяжи, сестра! Руки режет!» — «Сам развяжешь!» Родная сестра пошла атамана звать, а названая у дверей стала: только атаман в горницу — она размахнулась саблею и снесла ему голову. Брат страшно разгневался, изо всей силы понатужился — канат затрещал и лопнул; тут он быстро схватил саблю острую, отрубил злой сестре голову и бросил труп ее лесным зверям на съедение. Прошло ни много, ни мало времени — говорит названая сестра брату: «Братец! Поедем на мою родину».— «А где твоя родина?» — «Моя родина далеко; я царская дочь, ездили мы в иные государства; напали на нас разбойники и меня отняли». Вот приезжают они к ее отцу; царь обрадовался и выдал за того дурака свою дочь-царевну. Свадьбу сыграли, долго пировали; и я там был, мед-вино пил, по губам текло, в рот не попало. Да на окошке оставил я ложку; кто легок на ножку, тот сбегай по ложку!

204

Жил-был царь, у него были сын да дочь. В соседнем государстве случилась беда немалая — вымер весь народ; просит Иван-царевич отца: «Батюшка! Благослови меня в то государство на житье ехать». Отец не согласен. «Коли так, я и сам пойду!» Пошел Иван-царевич, а сестра не захотела от него отстать и сама пошла. Шли они несколько времени. Стоит в чистом поле избушка на куриных ножках и повертывается; Иван-царевич сказал: «Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила». Избушка остановилась, они взошли в нее, а там лежит баба-яга: в одном углу ноги, в другом голова, губы на притолоке, нос в потолок

уткнула. «Здравствуй, Иван-царевич! Что, дела пытаешь аль от дела лытаешь?» — «Где дела пытаю, а где от дела лытаю; в таком-то царстве народ вымер, иду туда на житье». Она ему говорит: «Сам бы туда шел, а сестру напрасно взял; она тебе много вреда сделает». Напоила их, накормила и спать положила.

На другой день брат с сестрой собираются в дорогу; баба-яга дает Ивану-царевичу собаку да синий клубочек: «Куда клубочек покатится, туда и иди!» Клубочек подкатился к другой избушке на куриных ножках. «Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила». Избушка остановилась, царевич с царевною взошли в нее, лежит баба-яга и спрашивает: «Что, Иван-царевич, от дела лытаешь али дела пытаешь?» Он ей сказал, куда и зачем идет. «Сам бы туда шел, а сестру напрасно взял; она тебе много вреда сделает». Напоила их, накормила и спать положила. Наутро подарила Ивану-царевичу собаку и полотенце: «Будет у тебя на пути большая река — перейти нельзя: ты возьми это полотенце да махни одним концом — тотчас явится мост; а когда перейдешь на ту сторону, махни другим концом — и мост пропадет. Да смотри, махай украдкою, чтоб сестра не видела».

Пошел Иван-царевич с сестрою в путь-дорогу: куда клубок катится, туда и идут. Подошли к широкой-широкой реке. Сестра говорит: «Братец! Сядем тут отдохнуть». Села и не видала, как царевич махнул полотенцем — тотчас мост явился. «Пойдем, сестрица! Бог дал мост, чтобы перейти нам на ту сторону». Перешли за реку, царевич украдкой махнул другим концом полотенца — мост пропал, как не бывало! Приходят они в то самое царство, где народ вымер; никого нет, везде пусто! Пообжилися немножко; вздумалось брату пойти на охоту, и пошел он со своими собаками бродить по лесам, по болотам.

В это время прилетает к реке Змей Горыныч; ударился о сыру землю и сделался таким молодцом да красавцем, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать. Зовет к себе царевну: «Ты, — говорит, — меня измучила, тоской иссушила; я без тебя жить не могу!» Полюбился Змей Горыныч царевне, кричит ему: «Лети сюда через реку!» — «Не могу перелететь».— «А я что же сделаю?» — «У твоего брата есть полотенце, возьми его, принеси к реке и махни одним концом».— «Он мне не даст!»— «Ну, обмани его, скажи, будто вымыть хочешь». Приходит царевна во дворец; на ту пору и брат ее возвратился с охоты. Много всякой дичи принес и отдает сестре, чтоб завтра к обеду приготовила. Она спрашивает: «Братец! Нет ли у вас чего вымыть из черного белья?»— «Сходи, сестрица, в мою комнату; там найдешь»,— сказал Иван-царевич и совсем забыл о полотенце, что баба-яга подарила, да не велела царевне показывать. Царевна взяла полотенце; на другой день брат на охоту, она к реке, махнула одним концом полотенца — и в ту ж минуту мост явился. Змей перешел пó мосту. Стали они целоваться, миловаться; потом пошли во дворец. «Как бы нам,— говорит змей,— твоего брата извести?» — «Придумай сам, а я не ведаю»,— отвечает царевна. «Вот что: притворись больною и пожелай волчьего молока; он пойдет молоко добывать — авось голову свернет!»

Воротился брат, сестра лежит на постели, жалуется на болезнь свою и говорит: «Братец! Во сне я видела, будто от волчьего молока поздоровею; нельзя ли где добыть? А то смерть моя приходит». Иван-царевич пошел в лес — кормит волчиха волчонков, хотел ее застрелить; она говорит ему человеческим голосом: «Иван-царевич! Не стреляй, не губи меня, не делай моих детей сиротами; лучше скажи: что тебе надобно?» — «Мне нужно твоего молока». — «Изволь, надои; еще дам в придачу волчонка; он тебе станет верой-правдою служить». Царевич надоил молока, взял волчонка, идет домой. Змей увидал, сказывает царевне: «Твой брат идет, волчонка несет, скажи ему, что тебе медвежьего молока хочется». Сказал и оборотился веником. Царевич вошел в комнату; за ним следом собаки вбежали, услыхали нечистый дух и давай теребить веник — только прутья летят! «Что это такое, братец! — закричала царевна. — Уймите вашу охоту, а то завтра и подмести нечем будет!» Иван-царевич унял свою охоту и отдал ей волчье молоко.

Поутру спрашивает брат сестру: «Каково тебе, сестрица?» — «Немножко полегчило; если б ты, братец, принес еще медвежьего молока — я бы совсем выздоровела». Пошел царевич в лес, видит: медведиха детей кормит, прицелился, хотел ее застрелить; взмолилась она человеческим голосом: «Не стреляй меня, Иван-царевич, не делай моих детей сиротами; скажи: что тебе надобно?» — «Мне нужно твоего молока». — «Изволь, еще дам в придачу медвежонка». Царевич надоил молока, взял медвежонка, идет назад. Змей увидал, говорит царевне: «Твой брат идет, медвежонка несет; пожелай еще львиного молока». Вымолвил и оборотился помелом; она сунула его под печку. Вдруг прибежала охота Ивана-царевича, почуяла нечистый дух, бросилась под печку и давай тормошить помело. «Уймите, братец, вашу охоту, а то завтра нечем будет печки замести». Царевич прикрикнул на своих собак; они улеглись под стол, а сами так и рычат.

Наутро опять царевич спрашивает: «Каково тебе, сестрица?» — «Нет, не помогает, братец! А снилось мне нынешнюю ночь: если б ты добыл молока от львицы — я бы вылечилась». Пошел царевич в густой-густой лес, долго ходил — наконец увидел: кормит львица малых львенков, хотел ее застрелить; говорит она человеческим голосом: «Не стреляй меня, Иван-царевич, не делай моих детушек сиротами; лучше скажи: что тебе надобно?» — «Мне нужно твоего молока». — «Изволь, еще одного львенка в придачу дам». Царевич надоил молока, взял львенка, идет домой. Змей Горыныч увидал, говорит царевне: «Твой брат идет, львенка несет», — и стал выдумывать, как бы его уморить.

Думал-думал, наконец выдумал послать его в тридесятое государство; в том царстве есть мельница за двенадцатью дверями железными, раз в год отворяется — и то на короткое время; не успеешь оглянуться, как двери захлопнутся. «Пусть-ка попробует, достанет из той мельницы мучной пыли!» Вымолвил эти речи и оборотился ухватом; царевна кинула его под печку. Иван-царевич вошел в комнату, поздоровался и отдал сестре львиное молоко; опять собаки почуяли змеиный дух, бросились под печку и начали ухват грызть. «Ах, братец, уймите вашу охоту; еще разобьют

что-нибудь!» Иван-царевич закричал на собак; они улеглись под столом, а сами всё на ухват смотрят да злобно рычат.

К утру расхворалась царевна пуще прежнего, охает, стонет. «Что с тобой, сестрица? — спрашивает брат.— Али нет от молока пользы?» — «Никакой, братец!» — и стала его посылать на мельницу. Иван-царевич насушил сухарей, взял с собой и собак и зверей своих и пошел на мельницу. Долго прождал он, пока время настало и растворились двенадцать железных дверей; царевич взошел внутрь, наскоро намел мучной пыли и только что успел выйти, как вдруг двери за ним захлопнулись, и осталась охота его на мельнице взаперти. Иван-царевич заплакал: «Видно, смерть моя близко!»

Воротился домой; змей увидал, что он один, без охоты идет. «Ну,— говорит,— теперь его не боюсь!» Выскочил к нему навстречу, разинул пасть и крикнул: «Долго я до тебя добирался, царевич! Уж и ждать надоело; а вот-таки добрался же — сейчас тебя съем!» — «Погоди меня есть, лучше вели в баню сходить да наперед вымыться». Змей согласился и велел ему самому и воды натаскать, и дров нарубить, и баню истопить. Иван-царевич начал дрова рубить, воду таскать. Прилетает ворон и каркает: «Кар-кар, Иван-царевич! Руби дрова, да не скоро; твоя охота четверо дверей прогрызла». Он что нарубит, то в воду покидает. А время идет да идет; нечего делать — надо баню топить. Ворон опять каркает: «Кар-кар, Иван-царевич! Топи баню, да не скоро; твоя охота восемь дверей прогрызла». Истопил баню, начал мыться, а на уме одно держит: «Если б моя охота да ко времени подоспела!» Вот прибегает собака; он говорит: «Ну, двоим смерть не страшна!» За той собакой и все прибежали.

Змей Горыныч долго поджидал Ивана-царевича, не вытерпел и пошел сам в баню. Выскочила на него вся охота и разорвала на мелкие кусочки. Иван-царевич собрал те кусочки в одно место, сжег их огнем, а пепел развеял по чистому полю. Идет со своею охотою во дворец, хочет сестре голову отрубить; она пала перед ним на колени, начала плакать, упрашивать. Царевич не стал ее казнить, а вывел на дорогу, посадил в каменный столб, возле положил вязанку сена да два чана поставил: один с водою, другой — порожний. И говорит: «Если ты эту воду выпьешь, это сено съешь да наплачешь полон чан слез, тогда бог тебя простит, и я прощу».

Оставил Иван-царевич сестру в каменном столбе и пошел с своею охотою за тридевять земель; шел-шел, приходит в большой, знатный город; видит — половина народа веселится да песни поет, а другая горючими слезами заливается. Попросился ночевать к одной старушке и спрашивает: «Скажи, бабушка, отчего у вас половина народа веселится, песни поет, а другая навзрыд плачет?» Отвечает ему старуха: «О-ох, батюшка! Поселился на нашем озере двенадцатиглавый змей, каждую ночь прилетает да людей поедает; для того у нас очередь положена — с какого конца в какой день на съедение давать. Вот те, которые отбыли свою очередь, веселятся, а которые — нет, те рекой разливаются».— «А теперь за кем очередь?» — «Да теперь выпал жребий на царскую дочь: только одна и есть у отца, и ту отдавать приходится. Царь объявил, что если выищется

кто да убьет этого змея, так он пожалует его половиною царства и отдаст за него царевну замуж; да где нынче богатыри-то? За наши грехи все перевелись!»

Иван-царевич тотчас собрал свою охоту и пошел к озеру, а там уж стоит прекрасная царевна и горько плачет. «Не бойся, царевна, я твоя оборона!» Вдруг озеро взволновалося-всколыхалося, появился двенадцатиглавый змей. «А, Иван-царевич, русский богатырь, ты сюда зачем пришел? Драться али мириться хочешь?» — «Почто мириться? Русский богатырь не за тем ходит»,— отвечал царевич и напустил на змея всю свою охоту: двух собак, волка, медведя и льва. Звери вмиг его на клочки разорвали. Иван-царевич вырезал языки изо всех двенадцати змеиных голов, положил себе в карман, охоту гулять распустил, а сам лег на колени к царевне и крепко заснул. Рано утром приехал водовоз с бочкою, смотрит — змей убит, а царевна жива, и у ней на коленях спит добрый мóлодец. Водовоз подбежал, выхватил меч и снес Ивану-царевичу голову, а с царевны вымучил клятву, что она признает его своим избавителем. Потом собрал он змеиные головы и повез их к царю; а того и не знал, что головы-то без языков были.

Ни много, ни мало прошло времени, прибегает на то место охота Ивана-царевича; царевич без головы лежит. Лев прикрыл его травою, а сам возле сел. Налетели вóроны с воронятами мертвечины поклевать; лев изловчился, поймал вороненка и хочет его надвое разорвать. Старый ворон кричит: «Не губи моего детенка; он тебе ничего не сделал! Коли нужно чтó, приказывай — все исполню».— «Мне нужно мертвой и живой воды,— отвечает лев,— принеси, тогда и вороненка отдам». Ворон полетел, и солнце еще не село — как воротился и принес два пузырька, мертвой и живой воды. Лев разорвал вороненка, спрыснул мертвой водой — куски срослися, спрыснул живой водой — вороненок ожил и полетел вслед за старым вороном. Тогда лев спрыснул мертвою и живою водой Ивана-царевича; он встал и говорит: «Как я долго спал!» — «Век бы тебе спать, кабы не я!» — отвечал ему лев и рассказал, как нашел его убитым и как воротил к жизни.

Приходит Иван-царевич в город; в городе все веселятся, обнимаются, целуются, песни поют. Спрашивает он старуху: «Скажи, бабушка, отчего у вас такое веселье?» — «Да вишь, какой случай вышел: водовоз повоевал змея и спас царевну; царь выдает теперь за него свою дочь замуж».— «А можно мне посмотреть на свадьбу?» — «Коли умеешь на чем играть, так иди; там теперь всех музыкантов примают».— «Я умею на гуслях играть».— «Ступай! Царевна до смерти любит слушать, когда ей на гуслях играют».

Иван-царевич купил себе гусли и пошел во дворец. Заиграл — все слушают, удивляются: откуда такой славный музыкант проявился? Царевна наливает рюмку вина и подносит ему из своих рук; глянула и припомнила своего избавителя; слезы из глаз так и посыпались. «О чем плачешь?» — спрашивает ее царь. Она говорит: «Вспомнила про своего избавителя». Тут Иван-царевич объявил себя царю, рассказал все, как было, а в доказательство вынул из кармана змеиные языки. Водовоза подхвати-

ли под руки, повели и расстреляли, а Иван-царевич женился на прекрасной царевне. На радостях вспомнил он про свою сестру, поехал к каменному столбу — она сено съела, воду выпила, полон чан слез наплакала. Иван-царевич простил ее и взял к себе; стали все вместе жить-поживать, добра наживать, лиха избывать.

205

лыхали вы о Змее Змеевиче? Ежели слыхали, так вы знаете, 118d
каков он и видом и делом; а если нет, так я расскажу о нем сказку, как он, скинувшись молодым молодцом, удалым удальцом, хаживал к княгине-красавице. Правда, что княгиня была красавица, черноброва, да уж некстати спесива; честным людям, бывало, слова не кинет, а простым к ней доступу не было; только с Змеем Змеевичем ши-ши-ши! О чем? Кто их ведает! А супруг ее, князь-княжевич Иван-королевич, по обычаю царскому, дворянскому, занимался охотой; и уж охота была, правду сказать, не нашим чета! Не только собаки да ястреба да сокола́ верой-правдой ему служили, но и лисицы, и зайцы, и всякие звери, и птицы свою дань приносили; кто чем мастерил, тот тем ему и служил: лисица хитростью, заяц прыткостью, орел крылом, ворон клёвом.

Словом, князь-княжевич Иван-королевич с своею охотою был неодолим, страшен даже самому Змею Змеевичу; а он ли не был горазд на все, да нет! Сколько задумывал, сколько пытался он истребить князя и так и сяк — все не удалось! Да княгиня подсобила. Завела под лоб ясные глазки, опустила белые ручки, слегла больна; муж испугался, всхлопотался: чем лечить? «Ничто меня не поднимет,— сказала она,— кроме волчьего молока; надо мне им умыться и окатиться».

Пошел муж за волчьим молоком, взял с собой охоту; попалась волчица, только что увидела князя-княжевича — в ноги ему повалилась, жалобным голосом взмолилась: «Князь-княжевич Иван-королевич, помилуй, прикажи что — все сделаю!» — «Давай своего молока!» Тотчас она молока для него надоила и в благодарность еще волчоночка подарила. Иван-королевич волчонка отдал в охоту, а молоко принес к жене; а жена было надеялась: авось муж пропадет! Пришел — и нечего делать, волчьим молоком умылась, окатилась и с постельки встала, как ничем не хворала. Муж обрадовался.

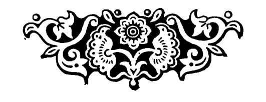
Долго ли, коротко ли, слегла опять. «Ничем,— говорит,— мне не пособишь; надо за медвежьим молоком сходить». Иван-королевич взял охоту, пошел искать медвежьего молока. Медведица зачуяла беду, в ноги повалилась, слезно взмолилась: «Помилуй, что прикажешь — все сделаю!» — «Хорошо, давай своего молока!» Тотчас она молока надоила и в благодарность медвежонка подарила. Иван-королевич опять возвратился к жене цел и здоров. «Ну, мой милый! Сослужи еще службу, в последний раз докажи свою дружбу, принеси мне львиного молока — и не стану я хворать, стану песни распевать и тебя всякий день забавлять». Захотелось княжевичу видеть жену здоровою, веселою; пошел искать львицу.

Дело было не легкое, зверь-то заморский. Взял он свою охоту; волки, медведи рассыпались по горам, по долам, ястреба, сокола поднялись к небесам, разлетелись по кустам, по лесам,— и львица, как смиренная раба, припала к ногам Ивана-королевича. Иван-королевич принес львиного молока. Жена поздоровела, повеселела, а его опять просит: «Друг мой, друг любимый! Теперь я и здорова и весела, а еще бы я красовитей была, если б ты потрудился достать для меня волшебной пыли: лежит она за двенадцатью дверями, за двенадцатью замками, в двенадцати углах чертовой мельницы».

Князь пошел — видно, его такая доля была! Пришел к мельнице, замки сами размыкаются, двери растворяются; набрал Иван-королевич пыли, идет назад — двери запираются, замки замыкаются; он вышел, а охота вся осталась там. Рвется, шумит, дерется, кто зубами, кто когтями ломит двери. Постоял-постоял, подождал-подождал Иван-королевич и с горем воротился один домой; тошно у него было на животе, холодно на сердце, пришел домой — а в доме жена бегает и весела и молода, на дворе Змей Змеевич хозяйничает: «Здорово, Иван-королевич! Вот тебе мой привет — на шейку шелкова петля!» — «Погоди, Змей! — сказал королевич.— Я в твоей воле, а умирать горюном не хочу; слушай, скажу три песни».

Спел одну — Змей заслушался; а ворон, что мертвечину клевал, поэтому и в западню не попал, кричит: «Пой, пой, Иван-королевич! Твоя охота три двери прогрызла!» Спел другую — ворон кричит: «Пой, пой, уже твоя охота девятую дверь прогрызает!» — «Довольно, кончай!— зашипел Змей.— Протягивай шею, накидывай петлю!» — «Слушай третью, Змей Змеевич! Я пел ее перед свадьбой, спою и перед могилой». Затянул третью песню, а ворон кричит: «Пой, пой, Иван-королевич! Уже твоя охота последний замок ломает!» Иван-королевич окончил песню, протянул шею и крикнул в последний раз: «Прощай, белый свет; прощай, моя охота!» А охота тут и есть, легка на помине, летит туча тучей, бежит полк полком! Змея звери в клочки расхватали, жену птицы мигом заклевали, и остался князь-княжевич Иван-королевич один с своею охотою век доживать, один горе горевать, а стоил бы лучшей доли.

Говорят, в старину всё такие-то удальцы рожались, а нам от них только сказочки остались.

206—207. ПРИТВОРНАЯ БОЛЕЗНЬ

206

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь 119а
с царицею, а детей у них не было; стали они со слезами бога молить, чтоб даровал им хоть единое детище,— и услышал господь их молитву: царица забеременела. В то самое время понадобилось царю нáдолго отлучиться из дому; простился с женой и отправился в дорогу. Много ли, мало ли прошло времени, родила царица сына Ивана-царевича — такого красавца, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать. Рос он не по годам, не по дням, а по часам, по минутам — как тесто на опаре киснет; вырос такой сильномогучий богатырь, что всякий стул под ним ломается, и просит царицу, чтоб приказала сделать ему железный стул, и тот с подпорами.

Вот воротился царь домой; царица обрадовалась, встречает его и сказывает, какого она ему сына родила — сильного, могучего богатыря. Царь не хотел верить, чтоб мог такой сын от него народиться; сделал пир, созвал всех князей, и бояр, и думных людей; спрашивает их: «Научите, что мне делать с неверной женой — топором казнить ее или вешать?» Один думный сенатор отвечает ему: «Чем казнить да вешать, лучше сослать ее с сыном в дальние страны, чтоб об них и слуху не было». Царь согласился, и тотчас выслали их из того государства.

Вышла царица с Иваном-царевичем за городские ворота. «Любезная матушка! — говорит он.— Сядь — отдохни здесь, а я от отца моего пешком не пойду». Вернулся назад и просит у царя лошади. «Ступай в заповедные луга; там пасутся мои табуны — выбирай себе любого коня». Приходит Иван-царевич в заповедные луга, начал коня выбирать: на которого руку положит — тот и издохнет. Выбежал к нему пастух: «Э-эх, Иван-царевич! Ты здесь не выберешь по себе коня. Возьми-ка вот этого для матери, а для тебя есть добрый конь на острову; там растут двенадцать дубов, под ними выход[1] есть, в том выходе стоит конь на двенадцати цепях, за двенадцатью дверями и за столькими ж замками; каждый замок в пятьдесят пуд». Иван-царевич благодарствовал на том пастуху, брал одного коня и держал путь к матери; сажал ее на того коня, а сам возле пешком шел.

Много ли, мало ли ушло времени — увидали они двенадцать дубов. Побежал туда царевич, открыл выход и начал ломать и двери и замки; только что конь услыхал по себе богатыря — тотчас стал помогать, копытами цепи, двери разбивать. Подходит Иван-царевич к коню, надевает на него богатырский прибор[2] и выводит в поле чистое; сел верхом и начал пытать своего коня. Мать ему говорит: «Сын мой любезный! Завел меня в такие пустые, безлюдные места, да и покинуть хочешь».— «Нет, матушка! Я тебя не покину; а коня пытаю». Раскинули они на острову́ палатку, жили и питались, чем бог послал.

[1] Погреб, подвал.

[2] Снаряжение (*Ред.*).

Однажды говорит Иван-царевич: «Государыня моя матушка! Благослови меня в дальнюю дорогу. Чем тут жить, лучше поеду — отыщу себе державу». Поехал он и долами, и горами, и темными лесами; выезжает на ровное место и видит впереди — словно гора воздымается. «Дай подъеду!» Подскакал поближе, глядь — а то лежит богатырь убитый. «Эх,— думает царевич,— славный был богатырь, да какой-то злодей сгубил: может, сам-то и ногтя его не стоит!» Подивовался-подивовался и хотел было ехать дальше; вдруг мертвый богатырь отзывается: «Что ж ты, Иван-царевич, только посмотрел на меня, а ни слова не вымолвил? Ты бы спросил меня, я б тебе добро посоветовал. Вишь ты, младой юноша, и сам не ведаешь — куда едешь, а едешь ты прямо к Огненному царю: не доезжая до его царства верст тридцать — уж огнем жжет! Столкни-ка мое туловище да возьми мой щит и острый меч-кладенец. Как станешь подъезжать к огненному царству и начнет тебя огнем жечь — ты закройся моим щитом и не бойся жару, а приедешь к самому царю — он тебя встретит с обманом; смотри, в обман не давайся, бей его один раз, а убьешь — меня не забудь!»

Иван-царевич взял щит и меч-кладенец, поскакал-полетел к Огненному царю, на всем скаку ударил его раз; Огненный царь наземь пал и кричит: «Бей еще!» — «Русский богатырь не бьет два раза, а раз да горазд!» Убивши царя, бросился его осматривать и нашел у него мертвую и живую воду. Взял ту воду и поехал к мертвому богатырю; соскочил с своего доброго коня, поднял голову богатыря, приложил ее к туловищу и спрыснул мертвой и живой водою. Богатырь встал; назвались они братьями и пошли путем-дорогою. Говорит богатырь: «Давай изведаем силу — чья возьмет?» — «Эх, брат! Не надоело тебе лежать в чистом поле тридцать три года; а я не хочу пролежать и единого. Лучше разъедемся в разные стороны!» И поехали они по разным дорогам.

Иван-царевич приехал к своей матери, рассказал ей, как победил Огненного царя, и зовет ее с собой: «Поедем, государыня матушка, в его царство».— «Ах, Иван-царевич! На что ты убил его? Ведь Огненный царь мне сват». Поехали они в то царство; жили сколько-то времени, вздумалось царевичу на охоту ехать, а мать его достала мертвую и живую воду, нашла Огненного царя, подкатила его голову к туловищу и давай взбрызгивать. Огненный царь открыл глаза и говорит: «Ах, любезная свашенька, долго ж я спал».— «Спать бы тебе отныне и до́ веку! Мой сын-злодей тебя до́ смерти убил. Как бы нам его извести?» — «А вот как: только он вернется — ты сделайся больна и скажи ему, что в таком-то царстве, куда ворон костей не заносит, есть одномесячные яблоки и от тех яблоков всякая хворь проходит. Пусть-ка достанет».

Сын вернулся домой — мать больна лежит, посылает его за одномесячными яблоками. Иван-царевич оседлал своего доброго коня и стрелой полетел в то царство далекое, куда ворон костей не заносит. А там царствовала девица-красавица, и был у ней пир большой. Выглянул из окна один из гостей и говорит: «Приехал к вам младой юноша: конь под ним аки лютый зверь, сбруя и все приспехи богатырские словно жар горят». Встречала его царевна середи двора широкого, сама снимала с доброго

коня; взялись они за белые руки и пошли во дворец. Села царевна на золотой стул, а русский богатырь сам себе место найдет. «Не будешь ли гневаться? — говорит Иван-царевич.— Ведь я с просьбой приехал».— «Говори: что надобно? Все тебе в угоду сделаю». Он ей сказал свою нужду. Тут они долго пировали и забавлялись, после того обручились и дали слово крепкое, чтоб ей за другого замуж нейти, а ему на другой не жениться. Пора Ивану-царевичу и в путь отправляться; невеста-красавица навязала ему одномесячных яблочков, пошла провожать и говорит ему: «Я слышала — ты большой охотник; подарю тебе двух собак. Эй, Тяжелый и Легкий! Служите царевичу, как мне служили; коли что над ним приключится — лучше и назад не бывайте!»

Едет Иван-царевич домой; мать увидала и говорит свату: «Вон наш разлучник едет!» Тотчас заперла Огненного царя за кипарисные двери, а сама на постель легла. Входит Иван-царевич во дворец и отдает матери одномесячные яблоки. Вдруг собаки бросились к кипарисной двери и начали грызть; мать говорит: «Сын мой любезный! Какую привел ты охоту? Мне и без того мочи нет, а они дверь грызут». Царевич закричал на своих собак — и они улеглись возле него.

На другой день поехал он с своей охотой позабавиться, а мать кинулась свата отпирать и просит его извести как-нибудь сына. Пошел Огненный царь к озеру, на песчаные берега, злого змея караулить. Мало ли, много ли дожидался — выходит змей нá берег, лег и заснул. Огненный царь одним взмахом отрубил ему голову, вынул зелье[3] и понес к сватье; отдает ей: «На,— говорит,— напеки с этим зельем лепешек и покорми сына».

Иван-царевич вернулся домой и просит у матери: «Нет ли поесть чего?» Она отвечает: «Мочи моей нет, ничего не готовила, только лепешек напекла — возьми и кушай на здоровье!» Только он взял одну лепешку — собака из рук ее вырвала. «Ну, сынок, завел ты охоту — не дадут и куска съесть!» — «Я, матушка, другую возьму». Взял еще — другая собака и эту вырвала. Взял третью, откусил и тут же помер. Мать соскочила с постели, отперла кипарисную дверь и выпустила свата. «Ну,— кричит,— извели, наконец, нашего злодея!» Выковырнули у Ивана-царевича глаза и бросили его в колодец, а сами стали жить да веселиться.

Собаки бились-бились около колодца, вытащили Ивана-царевича и понесли к нареченной невесте; а ей уж сердце сказало, что нет его на свете; вышла она далеко к нему навстречу, взяла его на свои белые руки, понесла во дворец и написала к своей сестре, чтобы та прислала новые, лучшие глаза и воды живой и мертвой. Начали его лечить, живой водой вспрыскивать. Иван-царевич встал: «Ах, моя милая невеста! Как долго я спал».— «Спать бы тебе вечным сном, кабы не я!» — отвечала невеста и рассказала все, что с ним мать сделала.

Пожил он у ней несколько времени и собирается домой. Говорит ему царевна-красавица: «Иван-царевич! Не давайся в обман матери». Он оседлал коня и едет домой. Мать узнала его и закричала: «Опять едет мой

[3] Яд.

злодей, и две собаки впереди бегут!» Заперла своего свата за кипарисную дверь, сама села под окно и горючьми слезами обливается. Иван-царевич въехал на двор, соскочил с коня и пошел к матери; собаки за ним и бросились дверь грызть. «Матушка! — говорит царевич.— Подай мне ключ от этой двери». Она мялась-мялась, не хотела ключа отдавать, разные отговорки приводила: и ключ-то потерян, и отпирать-то незачем! Иван-царевич сам нашел ключ, отворил дверь — а за дверью сидит в креслах Огненный царь.

Закричал царевич своей охоте: «Тяжелый и Легкий! Возьмите Огненного царя, отнесите в чистое поле и разорвите на мелкие части!» Собаки схватили его и разорвали на мелкие части: не только человеку кусков не собрать, даже птице не сыскать! Потом Иван-царевич сделал тугой лук и кленовую стрелу и говорит матери: «Пойдем теперь в чистое поле!» Пришли они в чистое поле; царевич натянул свой тугой лук, положил óдаль: «Становись, матушка, рядом со мною; кто из нас виноват, того кленовая стрела убьет». Мать прижалась к нему близко-близко. Сорвалась стрела и попала ей прямо в сердце.

Иван-царевич поехал к своей невесте; пристигла его в пути-дороге темная ночь. Усмотрел он вдали огонек, поехал в ту сторону — стоит избушка, а в избушке старуха сидит. Завел с нею разговор о том, о сем; старуха ему и сказывает: «Есть у нас в озере страшный змей о двенадцати головах, все людей пожирает. Нынешнюю ночь вывезут к нему на съедение самоё царевну: так вышло по жребию!» Иван-царевич не ложился спать, со полуночи пошел на то озеро. Царевна стоит на берегу и во слезах говорит таковы речи: «Лютый змей! Пожри меня скорее, кончи мои мучения». Распахнулось у ней покрывало, и узнал Иван-царевич свою невесту, и она его признала. «Ступай отсюдова,— говорит ему царевна,— не то лютый змей и тебя съест!» — «Не пойду,— отвечает Иван-царевич,— мы с тобой обручились, чтобы вместе жить, вместе и помереть». Вот лезет из озера змей о двенадцати головах: «Эх, красная девица! Да у тебя заступа есть. Ну что ж! В моем брюхе и заступе будет место».— «Ах ты, проклятый змей! — сказал Иван-царевич.— Ты прежде пожри, тогда и хвались». Вынул свой острый меч, раз махнул — и снял с него шесть голов; в другой махнул — и остальные сбил. Потом Иван-царевич поехал с своей невестою в ее царство, обвенчались и жили долго и счастливо.

207

Бывали-живали царь да царица; у царя, у царицы был один сын, II 96
Иван-царевич. Вскоре царь умер, сыну своему царство оставил. Царствовал Иван-царевич тихо и благополучно и всеми подданными был любим, ходил он с своим воинством воевать в иные земли, в дальние края, к Пану Плешевичу; рать-силу его побил, а самого в плен взял и в темницу заточил. А был Пан Плешевич куда хорош и пригож! Увидала его царица, мать Ивана-царевича, влюбилась и стала частенько навещать его в темнице. Однажды говорит ей Пан

Плешевич: «Как бы нам сына твоего, Ивана-царевича, убить? Стал бы я с тобой вместе царствовать!» Царица ему в ответ: «Я бы очень рада была, если б ты убил его!» — «Сам я убить его не смогу; а слышал я, что есть в чистом поле чудище о трех головах. Скажись царевичу больною и вели убить чудище о трех головах да вынуть из чудища все три сердца; я бы съел их — у меня бы силы прибыло».

На другой день царица разболелась-расхворалась, позвала к себе царевича и говорит ему таково слово: «Чадо мое милое, Иван-царевич! Съезди в поле чистое; убей чудище о трех головах, вынь из него три сердца и привези ко мне: скушаю — авось поправлюсь!» Иван-царевич послушался, сел на коня и поехал. В чистом поле привязал он своего доброго коня к старому дубу, сам сел под дерево и ждет... Вдруг прилетело чудище великое, село на старый дуб — дуб зашумел и погнулся. «Ха-ха-ха! Будет чем полакомиться: конь — на обед, молодец — на ужин!» — «Эх ты, поганое чудище! Не уловивши бела лебедя, да кушаешь!» — сказал Иван-царевич, натянул свой тугой лук и пустил калену стрелу; разом сшиб чудищу все три головы, вынул три сердца, привез домой и отдал матери.

Царица приказала их сжарить; после взяла и понесла в темницу к Пану Плешевичу. Съел он, царица и спрашивает: «Что — будет ли у тебя силы с моего сына?» — «Нет, еще не будет! А слышал я, что есть в чистом поле чудище о шести головах; пусть царевич с ним поборется. Одно что-нибудь: или чудище его пожрет, или он привезет еще шесть сердец». Царица побежала к Ивану-царевичу: «Чадо мое милое! Мне немного полегчило; а слышала я, что есть в чистом поле другое чудище, о шести головах; убей его и привези шесть сердец».

Иван-царевич сел на коня и поехал в чистое поле, привязал коня к старому дубу, а сам сел под дерево. Прилетело чудище о шести головах — весь дуб пошатнулся: «Ха-ха-ха! Конь — на обед, молодец — на ужин!» — «Нет, чудище поганое! Не уловивши бела лебедя, да кушаешь!» Натянул царевич свой тугой лук, пустил калену стрелу и сбил чудищу три головы. Бросилось на него чудище поганое, и бились они долгое время; Иван-царевич осилил, срубил и достальные три головы, вынул из чудища шесть сердец, привез и отдал матери. Она того часу приказала их сжарить; после взяла и понесла в темницу к Пану Плешевичу.

Пан Плешевич от радости нá ноги вскочил, царице челом бил; съел шесть сердец — царица и спрашивает: «Что — станет ли у тебя силы с моего сына?» — «Нет, не станет! А слышал я, что есть в чистом поле чудище о девяти головах: коли съем еще его сердцá — тогда нешто будет у меня силы с ним поправиться!» Царица побежала к Ивану-царевичу: «Чадо мое милое! Мне получше стало; а слышала я, что есть в чистом поле чудище о девяти головах; убей его и привези девять сердец».— «Ах, матушка рóдная! Ведь я устал, пожалуй мне не состоять супротив того чудища о девяти головах!» — «Дитя мое! Прошу тебя — съезди, привези».

Иван-царевич сел на коня и поехал; в чистом поле привязал коня к старому дубу, сам сел под дерево и заспал. Вдруг прилетело чудище великое, село на старый дуб — дуб до земли пошатнулся. «Ха-ха-ха! Конь —

на обед, молодец — на ужин!» Царевич проснулся: «Нет, чудище поганое! Не уловивши бела лебедя, да кушаешь!» Натянул свой тугой лук, пустил калену стрелу и сразу сшиб шесть голов, а с достальными долго-долго бился; срубил и те, вынул сердцá, сел на коня и поскакал домой. Мать встречает его: «Что, Иван-царевич, привез ли девять сердец?» — «Привез, матушка! Хоть с великим трудом, а достал».— «Ну, дитя мое, теперь отдохни!»

Взяла от сына сердцá, приказала сжарить и отнесла в темницу к Пану Плешевичу. Пан Плешевич съел, царица и спрашивает: «Что — станет ли теперь силы с моего сына?» — «Станет-то станет, да все опасно; а слышал я, что когда богатырь в баню сходит, то много у него силы убудет; пошли-ка наперед сына в баню». Царица побежала к Ивану-царевичу. «Чадо мое милое! Надо тебе в баню сходить, с белого тела кровь омыть». Иван-царевич пошел в баню; только что омылся — а Пан Плешевич тут как тут, размахнулся острым мечом и срубил ему голову. Повестил о том царицу — она от радости запрыгала, велела Ивана-царевича зарыть в могилу, а сама стала с Паном Плешевичем в любви поживать да всем царством заправлять.

Осталось у Ивана-царевича двое малых сыновей; они бегали, играли, у бабушки-задворенки оконницу изломали. «Ах вы, собачьи сыны! — обругала их бабушка-задворенка.— Зачем оконницу изломали?» Прибежали они к своей мамке, стали ее спрашивать: почему-де так неласково обзывают нас? Отвечает мать: «Нет, дитятки! Вы не собачьи сыны; был у вас батюшка, сильный и славный богатырь Иван-царевич, да убил его Пан Плешевич, и схоронили его во сырой земле».— «Матушка! Дай нам мешочек сухариков, мы пойдем оживим нашего батюшку».— «Нет, дитятки, не оживить его вам».— «Благослови, матушка, мы пойдем».— «Ну, ступайте; бог с вами!» Того часу дети Ивана-царевича срядились и пошли в дорогу. Долго ли, коротко ли шли они — скоро сказка сказывается, не скоро дело делается; попался навстречу им седой старичок: «Куда вы, царевичи, путь держите?» — «Идем к батюшке на могилу; хотим его оживить».— «Ох, царевичи, вам самим его не оживить. Хотите, я помогу?»— «Помоги, дедушка!» — «Нате, вот вам корешок; отройте Ивана-царевича, этим корешком его вытрите да три раза перевернитесь через него». Они взяли корешок, нашли могилу Ивана-царевича, разрыли, вынули его, тем корешком вытерли и три раза перевернулись через него — Иван-царевич встал: «Здравствуйте, дети мои малые! Как я долго спал». Воротился домой, а у Пана Плешевича пир идет. Как увидал он Ивана-царевича — так со страху и задрожал. Иван-царевич предал его лютой смерти; попы его схоронили, панихиду отпели и отправились поминки творить; и я тут был — поминал, кутью большой ложкой хлебал, по бороде текло — в рот не попало!

208—209. ЧУДЕСНАЯ РУБАШКА

208

лужил в полку бравый солдат, получил из дому сто рублей. 120a
Проведал про то фельдфебель, занял у него деньги; а когда пришло время рассчитываться, то вместо всякой уплаты дал ему сто палок в спину: «Я-де твоих денег не видал, а вsклепал ты на меня затейкою[1]!». Солдат осердился и бежал в темный лес; лег было отдохнуть под дерево, глядь — летит шестиглавый змей. Прилетел, расспросил солдата про его житье-бытье и говорит: «Чем тебе по́ лесу таскаться, наймись ко мне на три года».— «Изволь!» — отвечает солдат. «Ну, садись на меня». Солдат стал навьючивать на змея весь свой скарб. «Эх, служивый, зачем берешь с собою эту дрянь?» — «Что ты, змей! Солдата и за пуговицу больно бьют, так как же ему свой скарб покинуть?»

Змей принес солдата в свои палаты и наложил на него такую службу: «Сиди у котла три года, огонь разводи да кашу вари!» А сам улетел на все это время по свету странствовать. Работа нетрудная: подложит солдат дров под котел и сидит себе — водочку попивает да закусками заедает, а водка у змея не то что нашенская — из-под лодки[2], а куда забористая! Через три года прилетел змей. «Что, служивый, готова ли каша?» — «Должно быть, готова! Огонь у меня во все три года николи не погасал». Змей съел весь котел за единый раз, похвалил солдата за хорошую службу и нанял его на другие три года.

Прошло и это время; змей съел кашу и оставил солдата еще на три года. Два года варил солдат кашу, а на исходе третьего вздумал: «Что же я живу у змея девятое лето, все ему кашу варю, а какова она, и не попробовал. Дай отведаю!» Поднял крышку, а в котле фельдфебель сидит. «Хорошо же,— думает,— уж я тебя, дружок, потешу; удружу за твои палки!» И ну таскать дрова да под котел подкладывать как можно больше; такой огонь развел, что не только мясо, все косточки разварил! Змей прилетел, съел кашу и похвалил солдата: «Ну, служивый! Прежде была хороша каша, а теперь и того лучше уварилася! Выбирай себе в награду что полюбится». Солдат глянул туда-сюда и выбрал богатырского коня и рубаху из толстого холста. Рубаха была не простая, а волшебная; только надень ее — богатырь будешь.

Солдат едет к одному королю, помогает ему в тяжелой войне и женится на его прекрасной дочери. Только королевне было не по́ сердцу, что выдали ее замуж за простого солдата; свела она шашни с соседним королевичем и, чтобы дознаться, в чем заключается богатырская сила солдата, стала к нему подольщаться; выведала, улучила минуту, сняла с сонного мужа рубашку и отдала королевичу. Тот надел на себя волшебную рубаху, ухватил меч, изрубил солдата на мелкие части, поклал их в кулек и

[1] Зря, напрасно (*Ред.*).
[2] Т. е. вода.

приказал конюхам: «Возьмите вот этот кулек, прицепите к какой-нибудь кляче и гоните ее в чистое поле!» Конюхи пошли приказ выполнять, а солдатский богатырский конь обернулся клячею и сам к ним на глаза лезет. Взяли они — прицепили к нему кулек и погнали коня в чистое поле. Богатырский конь быстрей птицы пустился, прибежал к змею, остановился у его дворца и три дня, три ночи без устали ржал.

На ту пору змей крепко-крепко спал, насилу проснулся от конского ржанья и топота, вышел из палат, заглянул в кулек и ахнул! Взял изрубленные куски, сложил вместе, обмыл мертвою водою — солдатское тело срослося; взбрызнул живою водою — и солдат ожил. «Фу,— говорит,— как я долго спал!» — «Долго бы спать тебе, если б не добрый конь!»— отвечал змей и выучил солдата хитрой науке принимать на себя разные виды. Солдат обернулся голубем, полетел к королевичу, с которым его неверная жена стала вместе жить, и уселся на кухонное окошечко. Увидала его молодая стряпка. «Ах,— говорит,— какой хорошенький голубок!» Отворила окно и впустила его в кухню. Голубок ударился об пол и стал добрым молодцем: «Услужи мне, красная девица! Я тебя замуж возьму».— «Чем же тебе услужить?» — «Добудь с королевича толстого холста рубашку».— «Да ведь он ее никогда не сымает! Разве тогда сымает, когда в море купается».

Солдат расспросил, в которое время королевич купается, вышел на дорогу и сделался цветочком. Вот идут королевич с королевною на́ море, а за ними стряпка с чистым бельем. Увидал королевич цветок и любуется, а королевна сейчас догадалася: «Ах, ведь это проклятый солдат перекинулся!» Сорвала цветок и давай его мять да листочки обрывать; цветок обернулся малою мушкою и спрятался незаметно у стряпки за пазуху. Как только королевич разделся да полез в воду, мушка вылетела и обернулась ясным соколом, сокол подхватил-унес рубашку, а сделавшись добрым молодцем, надел ее на себя. Тут солдат взялся за меч, предал смерти и жену-изменщицу и ее любовника, а сам женился на красной девице — молодой стряпке.

209

некотором царстве жил богатый купец; помер купец и оставил 120b
трех сыновей на возрасте. Старшие два каждый день ходили охотничать. В одно время выпросили они у матери и младшего брата, Ивана, на охоту, завели его в дремучий лес и оставили там — с тем чтобы все отцовское имение разделить меж собой на две части, а его лишить наследства. Иван купеческий сын долгое время бродил по́ лесу, питаясь ягодами да кореньями; наконец выбрался на прекрасную равнину и на той равнине увидал дом. Вошел в комнаты, ходил-ходил — нет никого, везде пусто; только в одной комнате стол накрыт на три прибора, на тарелках лежат три хлеба, перед каждым прибором по бутылке с вином поставлено. Иван купеческий сын откусил от каждого хлеба по малому кусочку, съел и потом из всех трех бутылок отпил понемножку и спрятался за дверь.

Вдруг прилетает орел, ударился о землю и сделался молодцем; за ним прилетает сокол, за соколом воробей — ударились о землю и оборотились тоже добрыми мо́лодцами. Сели за стол кушать. «А ведь хлеб да вино у нас початы!» — говорит орел. «И то правда,— отвечает сокол,— видно, кто-нибудь к нам в гости пожаловал». Стали гостя искать-вызывать. Говорит орел: «Покажись-ка нам! Коли ты старый старичок — будешь нам родной батюшка, коли добрый мо́лодец — будешь родной братец, коли ты старушка — будешь мать родная, а коли красная девица — назовем тебя родной сестрицею». Иван купеческий сын вышел из-за двери; они его ласково приняли и на́звали своим братцем.

На другой день стал орел просить Ивана купеческого сына: «Сослужи нам службу — останься здесь и ровно через год в этот самый день собери на стол».— «Хорошо,— отвечает купеческий сын,— будет исполнено». Отдал ему орел ключи, позволил везде ходить, на все смотреть, только одного ключа, что на стене висел, брать не велел. После того обратились добрые мо́лодцы птицами — орлом, соколом и воробьем — и улетели.

Иван купеческий сын ходил однажды по двору и усмотрел в земле дверь за крепким замком; захотелось туда заглянуть, стал ключи пробовать — ни один не приходится; побежал в комнаты, снял со стены запретный ключ, отпер замок и отворил дверь. В подземелье богатырский конь стоит — во всем убранстве, по обеим сторонам седла две сумки привешены: в одной — золото, в другой — самоцветные камни. Начал он коня гладить; богатырский конь ударил его копытом в грудь и вышиб из подземелья на целую сажень. От того Иван купеческий сын спал беспробудно до того самого дня, в который должны прилететь его названые братья. Как только проснулся, запер он дверь, ключ на старое место повесил и накрыл стол на три прибора.

Вот прилетели орел, сокол и воробей, ударились о землю и сделались добрыми мо́лодцами, поздоровались и сели обедать. На другой день начал просить Ивана купеческого сына сокол: сослужи-де службу еще один год! Иван купеческий сын согласился. Братья улетели, а он опять пошел по двору, увидал в земле другую дверь, отпер ее тем же ключом. В подземелье богатырский конь стоит — во всем убранстве, по обеим сторонам седла сумки прицеплены: в одной — золото, в другой — самоцветные камни. Начал он коня гладить; богатырский конь ударил его копытом в грудь и вышиб из подземелья на целую сажень. От того Иван купеческий сын спал беспробудно столько же времени, как и прежде; проснулся в тот самый день, когда братья должны прилететь, запе́р дверь, ключ на стену повесил и приготовил стол.

Прилетают орел, сокол и воробей; ударились о землю, поздоровались и сели обедать. На другой день поутру начал воробей просить Ивана купеческого сына: сослужи-де службу еще один год! Он согласился. Братья обратились птицами и улетели. Иван купеческий сын прожил целый год один-одинехонек, и когда наступил урочный день — накрыл стол и дожидает братьев. Братья прилетели, ударились о землю и сделались добрыми мо́лодцами; вошли, поздоровались и пообедали. После обеда говорит старший брат, орел: «Спасибо тебе, купеческий сын, за твою службу; вот

тебе богатырский конь — дарю со всею сбруею, и с золотом, и с каменями самоцветными». Середний брат, сокол, подарил ему другого богатырского коня, а меньший брат, воробей,— рубашку. «Возьми,— говорит,— эту рубашку пуля не берет; коли наденешь ее — никто тебя не осилит!»

Иван купеческий сын надел ту рубашку, сел на богатырского коня и поехал сватать за себя Елену Прекрасную; а об ней было по всему свету объявлено: кто победит Змея Горыныча, за того ей замуж идти. Иван купеческий сын напал на Змея Горыныча, победил его и уж собирался защемить ему голову в дубовый пень, да Змей Горыныч начал слезно молить-просить: «Не бей меня до смерти, возьми к себе в услужение; буду тебе верный слуга!» Иван купеческий сын сжалился, взял его с собою. привез к Елене Прекрасной и немного погодя женился на ней, а Змея Горыныча сделал поваром.

Раз уехал купеческий сын на охоту, а Змей Горыныч обольстил Елену Прекрасную и приказал ей разведать, отчего Иван купеческий сын так мудр и силен? Змей Горыныч сварил крепкого зелья, а Елена Прекрасная напоила тем зельем своего мужа и стала выспрашивать: «Скажи, Иван купеческий сын, где твоя мудрость?» — «На кухне, в венике». Елена Прекрасная взяла этот веник, изукрасила разными цветами и положила на видное место. Иван купеческий сын, воротясь с охоты, увидал веник и спрашивает: «Зачем этот веник изукрасила?» — «А затем,— говорит Елена Прекрасная,— что в нем твоя мудрость и сила скрываются».— «Ах, как же ты глупа! Разве может моя сила и мудрость быть в венике?»

Елена Прекрасная опять напоила его крепким зельем и спрашивает: «Скажи, милый, где твоя мудрость?» — «У быка в рогах». Она приказала вызолотить быку рога. На другой день Иван купеческий сын, воротясь с охоты, увидал быка и спрашивает: «Что это значит? Зачем рога вызолочены?» — «А затем,— отвечает Елена Прекрасная,— что тут твоя сила и мудрость скрываются».— «Ах, как же ты глупа! Разве может моя сила и мудрость быть в рогах?» Елена Прекрасная напоила мужа крепким зельем и безотвязно стала его выспрашивать: «Скажи, милый, где твоя мудрость, где твоя сила?» Иван купеческий сын выдал ей тайну: «Моя сила и мудрость вот в этой рубашке». После того опьянел и уснул; Елена Прекрасная сняла с него рубашку, изрубила его в мелкие куски и приказала выбросить в чистое поле, а сама стала жить с Змеем Горынычем.

Трое суток лежало тело Ивана купеческого сына по чисту полю разбросано; уж вóроны слетелись клевать его. На ту пору пролетали мимо орел, сокол и воробей, увидали мертвого брата и решились помочь ему. Тотчас бросился сокол вниз, убил с налету вороненка и сказал старому ворону: «Принеси скорее мертвой и живой воды!» Ворон полетел и принес мертвой и живой воды. Орел, сокол и воробей сложили тело Ивана купеческого сына, спрыснули сперва мертвою водою, а потом живою. Иван купеческий сын встал, поблагодарил их; они дали ему золотой перстень. Только что Иван купеческий сын надел перстень на руку, как тотчас оборотился конем и побежал на двор Елены Прекрасной. Змей Горыныч уз-

нал его, приказал поймать этого коня, поставить в конюшню и на другой день поутру отрубить ему голову.

При Елене Прекрасной была служанка; жаль ей стало такого славного коня, пошла в конюшню, сама горько плачет и приговаривает: «Ах, бедный конь, тебя завтра казнить будут». Провещал ей конь человеческим голосом: «Приходи завтра, красная девица, на место казни, и как брызгнет кровь моя наземь — заступи ее своей ножкою; после собери эту кровь вместе с землею и разбросай кругом дворца». Поутру повели коня казнить; отрубили ему голову, кровь брызгнула — красная девица заступила ее своей ножкою, а после собрала вместе с землею и разбросала кругом дворца; в тот же день выросли кругом дворца славные садовые деревья. Змей Горыныч отдал приказ вырубить эти деревья и сжечь все до единого. Служанка заплакала и пошла в сад в последний раз погулять-полюбоваться. Провещало ей одно дерево человеческим голосом: «Послушай, красная девица! Как станут сад рубить, ты возьми одну щепочку и брось в озеро». Она так и сделала, бросила щепочку в озеро — щепочка оборотилась золотым селезнем и поплыла по воде.

Пришел на то озеро Змей Горыныч — вздумал поохотничать, увидал золотого селезня. «Дай,— думает,— живьем поймаю!» Снял с себя чудесную рубашку, что Ивану купеческому сыну воробей подарил, и бросился в озеро. А селезень все дальше, дальше, завел Змея Горыныча вглубь, вспорхнул — и на берег, оборотился добрым молодцем, надел рубашку и убил змея. После того пришел Иван купеческий сын во дворец, Елену Прекрасную расстрелял, а на ее служанке женился и стал с нею жить-поживать, добра наживать.

210—211. ВОЛШЕБНОЕ ЗЕРКАЛЬЦЕ

210

ыў сабе круль з крулевай і мелі адну дачкý вельмі харошую. 121а
После ў караля жонка ўмерла, і ён ажаніўся з другою, харошчаю[1], як была першая; але дачкá ад першей жонкі за яё харошчая. Аднаго разу жонка караля падышла да люстра[2] і пытаецца: «Люстро, люстро! Чы харошая я?» — «Ты харошая, але твая пасербіца[3] яшчэ харошчая!» — адказало[4] люстро. Тая крулева казала лакею весці пасербіцу на спацыр[5], там яё забіць і прынесці на тарэлцы серца. Лакей зараз павёў кралеўну на спацыр, сказаў ёй ўсё, штс казала крулева,

[1] Лучшей.
[2] К зеркалу.
[3] Падчерица.
[4] Отвечало.
[5] Прогулка.

і намейсцо [6] каралеўны забіў сабаку, выняў серца і, палажыўшы на тарэлцу, аднёс да крулевай; а кралеўне сказаў, каб яна ішла, куды сабе хочэ.

Крулева вельмі была рада, што стра́ціла сваю пасербіцу, ад сабе харошчую; а кралеўна, разстаўшыся з лакеем, пашла туды, куды панясуць очы. Ідзе яна дак ідзе — аж у лесе стаіць палац [7], аж там у ўсіх пакоях папрыбірано і нікога няма. Яна хадзіла па том палацы, хадзіла, аж прыязджаюць дванаццаць мужчын; а тые мужчыны былі дванаццаць братоў каралевічаў, каторые жылі ў летнім палацы. Хадзілі яны па ўсіх пакоях, аж у адном у самам астатнем знашлі панну. Разглядзеўшы яё, кажды з ней захацеў жаніцца; але як не маглі пагадзіцца [8], то узялі яё сабе за сястру і вельмі уважалі.

Тая крулева была пэўная [9], што пасербіцы няма; але аднаго раза, прэз цякавосць [10], падышла да люстра і запыталася: «Люстро, люстро! Чы харошая я?» — «Ты харошая, але твая пасербіца яшчэ харошчая — у дванаццаці братоў каралевічаў». Крулева казала прывясці да сабе бабу-чараўніцу і, даўшы ёй многа грошэй, сказала: «Глядзі ты мне, кабы пасербіцы маёй ў тры дні не было!» — «Добра!» — сказала чараўніца, перабралася за крамарку [11] і пашла. Прыходзіць да таго палацу, гдзе жыла кралеўна, аж там нікога боле не застала — толькі адну кралеўну, сядзеўшую пад акном. Кралеўна, ўбачыўшы бабу, казала за́раз яё да сабе прывесці і стала разпытвацца: аткуль яна? «Я хаджу па свеце, каб што-небудзь зарабіць; я крамарка і маю да продання іголкі, шпількі, персцёнкі і другія тавары».— «Ну, пакажы!» — сказала кралеўна. Тая баба зачала паказваць персцёнкі, і кралеўна адзін упадабала [12], заплаціла болей — колькі баба хацела, і адправіла яё. Доўго перабірала кралеўна той персцёнак, а после ўлажыла на палец. Як ўлажыла, так зрабілася нежывою.

Папрыязджалі браты з палявання [13] і зараз пабеглі вітацца [14] з сястрою. Входзяць у яё пакой — аж яна ляжыць нежывая. Плакалі браты, плакалі, а после зачалі разбіраць, как улажыць другое адзене [15]; толькі што яны зачалі разбіраць, аж адзін зняў персцёнак; як зняў персцёнак, дак кралеўна ажыла і, ўстаўшы, сказала: «Як я смачно спала!» — «Ты ня спала, але была нежывая; цябе нехта ачараваў», — сказалі браццы. «Гэта, мусібыць [16], баба, ў каторай я купіла персцёнак, мяне ачаравала». Браты, на другі дзень выезджаючы, прыказалі, каб нікога да палацу не ўпущаць.

Крулева ізноў прышла да люстра пытацца, і тое таксáмо адказало, што «ты харошая, а твая пасербіца яшчэ харошчая». Зараз паслала крулева па тую чараўніцу і прыказала ёй канечне страціць з свету пасербіцу. Тая баба перабралася за небарачку [17] і пашла да палацу, гдзе жыла кралеўна. Падышла пад акно кралеўны і стала гаварыць пацяры [18]. Кралеўна, пачуўшы, казала вынясці тры грошы і адправіць бабу. Лакей, каторы выносіў грошы

[6] Вместо.
[7] Дворец.
[8] Согласиться.
[9] Уверена.
[10] Из любопытства.
[11] Переоделась торговкою.
[12] Королевне один понравился.
[13] С охоты.
[14] Приветствовать.
[15] Надеть другое платье.
[16] Должно быть, вероятно.
[17] Нищенкою.
[18] Молитва «Отче наш», и вообще молитва.

бабе, быў ад яё загоджаны [19] і падняўся ваткнуць шпільку, каторую дала баба. Той лакей аднаго дня, вымятаючы, нібыто знашоў шпільку, панёс яё да кралеўны і аддаў. Кралеўна думала, што гэта шпілька яё, ўзяла — ўлажыла ў галаву. Як толькі ўлажыла, дак і зрабілася нежывою. Браты, прыехаўшы, пашлі да яё пакою і там знашлі яё нежывую; зачалі разбіраць, і кралеўна не ажыла. Яны зрабілі для яё срэбную труну [20] завязлі ў неякі лес і там павесілі на адном дзераве.

Крулева, убіраючыся, ізноў запыталася ў люстра: чы харошая яна? І люстро адказало, што «ты найхарошчая ў цэлым свеце». Крулева была вельмі рада, што няма нікога, хто бы за яё быў харошчы. Аднаго дня ў том лесе, гдзе вісела ў труне кралеўна, паляваў неякі кралевіч здалёка. Сабакі кралевіча, як загналіся за зайцамі, дак аж да той труны, гдзе вісела кралеўна. Кралевич паляцеў конно [21] за сабакамі. Сабакі кінулі зайца і зачалі ўядаць [22] на дзераво ўгору [23], гдзе вісела труна. Кралевіч, зазлаваўшыся [24] на сабак за тое, што кінулі зайца, паляцеў іх біць; але як пад'ехаў, дак бляск у вочы яму ўдарыў. Ён глянуў ўгору і ўбачыў срэбную труну; ён зараз паклікаў людзей і казаў тую труну зняць, улажыць на воз [25] і вязці дадому, і там паставіць у яго пакоі — так, каб ніхто не бачыў. Людзі кралевіча зараз знялі труну, адвезлі дадому кралевіча і паставілі у яго пакоі.

На другі дзень і сам кралевіч прыехаў дадому, зараз прышоў да свайго пакою, адчыніу [26] труну і там убачыў вельмі харошую панну, і так у ней закахаўся [27], што нікуды не выходзіў. Радзіцы [28] кралевіча самы не ведалі, што рабіць, што такі сын нудны [29] і ніяк не пушчае нікога да свайго пакою. Аднаго дня ён сядзеў у сваём пакоі, а после ўзяў зняў верх ад труны і зачау выбіраць шпількі з галавы і ўтыкаць у свой сурдут [30]; і як выняў адну шпільку, дак панна і ажыла. Ён зачаў яё абнімаць і зачаў разпытвацца, што з нею было? Яна расказала кралевічу аб усем і также яго палюбіла. Яны сідзелі ў сваём пакоі цэлы дзень, а назаўтра пашлі да радзіцаў, каб іх благаславілі. Прышоўшы туды, яны расказалі аб усем, і радзіцы вельмі былі рады, што сын развесяліўся, і іх паблагаславілі. У нядзелю [31] было вяселле [32], а па вяселлі паехалі да бацька кралеўны. Прыехаўшы да бацька, дачка́ расказала аб усем: як яё мачаха хацела страціць з свету, як яна была ў дванаццаці кралевічаў, а после як яё знашоў кралевіч і як яны пажаніліся. Бацька хацеў сваю жонку расцягнуць на жалезныя бороны, але дачка́ не пазволіла. Назаўтра быў бал, на каторым былі і тые дванаццаць кралевічаў; і я там быў, мёд-віно піў, па барадзе цякло, а ў роце не было.

[19] Подговорен.
[20] Серебряный гроб.
[21] На коне.
[22] Лаять.
[23] Вверх.
[24] Озлобившись.
[25] На телегу.
[26] Отворил.
[27] Влюбился.
[28] Родители.
[29] Скучный, печальный.
[30] Сюртук, кафтан (?).
[31] Воскресенье.
[32] Свадьба.

211

некотором царстве, в некотором государстве жил-был купец-вдовец; у него были сын, да дочь, да родной брат... В одно время собирается этот купец в чужие земли ехать, разные товары закупать, берет с собой сына, а дома оставляет дочку; призывает он своего брата и говорит ему: «Препоручаю тебе, любезный братец, весь мой дом и хозяйство и усердно прошу: присматривай построже за моей дочкою, учи ее грамоте, а баловать не позволяй!» После того простился купец с братом и с дочерью и отправился в путь. А купеческая дочь была уж на возрасте и такой красоты неописанной, что хоть целый свет изойди, а другой подобной не сыщешь! Пришла дяде нечистая дума в голову, не дает ему ни днем, ни ночью покоя, стал он приставать к красной девице. «Или, — говорит, — грех со мной сотвори, или тебе на свете не жить; и сам пропаду и тебя убью!..» 121b

Пошла как-то девица в баню, дядя за нею — только в дверь, она хвать полный таз кипятку и окатила его с головы до ног. Три недели провалялся он, еле выздоровел; страшная ненависть грызет ему сердце, и начал он думать: как бы отсмеять эту насмешку? Думал-думал, взял да и написал к своему брату письмо: твоя-де дочь худыми делами занимается, по чужим дворам таскается, дома не ночует и меня не слушает. Получил купец это письмо, прочитал и сильно разгневался; говорит сыну: «Вот твоя сестра весь дом опозорила! Не хочу ж ее миловать: поезжай сию минуту назад, изруби негодницу на мелкие части и на этом ноже привези ее сердце. Пусть добрые люди не смеются с нашего рода-племени!»

Сын взял острый нож и поехал домой; приехал в свой родной город потихоньку, никому не сказываясь, и начал по сторонам разведывать: как живет такая-то купеческая дочь? Все в один голос хвалят ее — не нахвалятся: и тиха-то, и скромна, и бога знает, и добрых людей слушается. Разузнавши все, пошел он к своей сестрице; та обрадовалась, кинулась к нему навстречу, обнимает, целует: «Милый братец! Как тебя господь принес? Что наш родимый батюшка?»— «Ах, милая сестрица, не спеши радоваться. Не к добру мой приезд: меня прислал батюшка, приказал твое белое тело изрубить на мелкие части, сердце твое вынуть да на этом ноже к нему доставить».

Сестра заплакала. «Боже мой,— говорит,— за что такая немилость?» — «А вот за что!» — отвечал брат и рассказал ей о дядином письме. «Ах, братец, я ни в чем не виновна!» Купеческий сын выслушал, как и что случилося, и говорит: «Не плачь, сестрица! Я сам знаю, что ты не виновна, и хоть батюшка не велел принимать никаких оправданий, а все-таки казнить тебя не хочу. Лучше соберись ты и ступай из отцовского дома куды глаза глядят; бог тебя не оставит!» Купеческая дочь не стала долго думать, собралась в дорогу, простилась с братцем и пошла, куда — и сама не ведает. А ее брат убил дворовую собаку, вынул сердце, нацепил на острый нож и повез к отцу. Отдает ему собачье сердце: «Так и так,— говорит,— по твоему родительскому приказанию казнил сестрицу».— «А ну ее! Собаке собачья и смерть!» — отвечал отец.

Долго ли, коротко ли блуждала красная девица по белому свету, наконец зашла в частый, дремучий лес: из-за высоких деревьев чуть-чуть небо видно. Стала она ходить по этому лесу и случайно вышла на широкую поляну; на этой поляне — белокаменный дворец, кругом дворца железная решетка. «Дай-ка,— думает девица,— зайду я в этот дворец, не все же злые люди, авось худа не будет!» Входит она в палаты — в палатах нет ни души человеческой; хотела было назад поворотить — вдруг прискакали на двор два сильномогучие богатыря, вошли во дворец, увидали девицу и говорят: «Здравствуй, красавица!» — «Здравствуйте, честные витязи!» — «Вот, брат,— сказал один богатырь другому,— мы с тобой тужили, что у нас хозяйничать некому; а бог нам сестрицу послал». Оставили богатыри купеческую дочь у себя жить, назвали родною сестрицею, отдали ей ключи и сделали надо всем домом хозяйкою; потом вынули острые сабли, уперли друг дружке в грудь и положили такой уговор: «Если кто из нас посмеет на сестру посягнуть, то не щадя изрубить его этою самою саблею».

Вот живет красная девица у двух богатырей; а отец ее закупил заморских товаров, воротился домой и немного погодя женился на другой жене. Была эта купчиха красоты неописанной и имела у себя волшебное зеркальце; загляни в зеркальце — тотчас узнаешь, где что делается. Раз как-то собрались богатыри на охоту и наказывают своей сестрице: «Смотри же, до нашего приезду никого к себе не пущай!» Попрощались с нею и уехали. В это самое время заглянула купчиха в зеркальце, любуется своей красотой и говорит: «Нет меня в свете прекраснее!» А зеркальце в ответ: «Ты хороша — спору нет! А есть у тебя падчерица, живет у двух богатырей в дремучем лесу,— та еще прекраснее!»

Не полюбились эти речи мачехе, тотчас позвала к себе злую старушонку. «На,— говорит,— тебе колечко; ступай в дремучий лес, в том лесу есть белокаменный дворец, во дворце живет моя падчерица; поклонись ей и отдай это колечко — скажи: братец на память прислал!» Старуха взяла кольцо и отправилась, куда ей сказано; приходит к белокаменному дворцу, увидала ее красная девица, выбежала навстречу — захотелось, значит, вестей попытать с родной стороны. «Здравствуй, бабушка! Как тебя господь занес? Все ли живы-здоровы?» — «Живут, хлеб жуют! Вот братец просил меня про твое здоровье проведать да прислал в подарок колечко; на, красуйся!» Девица так рада, так рада, что и рассказать нельзя; привела старуху в комнаты, угостила всякими закусками да напитками и наказала своему брату родному низко кланяться. Через час времени старуха поплелась назад, а девица стала любоваться колечком и вздумала надеть его на пальчик; надела — и в ту ж минуту упала мертвая.

Приезжают два богатыря, входят в палаты — сестрица не встречает: что такое? Заглянули к ней в спальню; а она лежит мертвая, словечка не молвит. Взгоревались богатыри: что всего краше было, то нежданно-негаданно смерть взяла! «Надо,— говорят,— убрать ее в новые наряды да в гроб положить». Стали убирать, и заприметил один на руке у красной девицы колечко: «Неужели так ее и похоронить с этим колечком? Дай лучше сниму, на память оставлю». Только снял колечко — и красная де-

вица тотчас открыла очи, вздохнула и ожила. «Что с тобой случилось, сестрица? Не заходил ли кто к тебе?» — спрашивают богатыри. «Заходила с родной стороны знакомая старушка и колечко принесла».— «Ах, какая же ты непослушная! Ведь мы недаром тебе наказывали, чтоб никого без нас в дом не пускала. Смотри, в другой раз того не сделай!»

Спустя несколько времени заглянула купчиха в свое зеркальце и узнала, что ее падчерица по-прежнему жива и прекрасна; позвала старуху, дает ей ленточку и говорит: «Ступай к белокаменному дворцу, где живет моя падчерица, и отдай ей этот гостинец; скажи: братец прислал!» Опять пришла старуха к красной девице, наговорила ей с три короба разных разностей и отдала ленточку. Девица обрадовалась, повязала ленточку на шею — и в ту же минуту упала на постель мертвою. Приезжают богатыри с охоты, смотрят — сестрица лежит мертвая, стали убирать ее в новые наряды и только сняли ленточку — как она тут же открыла очи, вздохнула и ожила. «Что с тобой, сестрица? Али опять старуха была?» — «Да,— говорит,— приходила старушка с родной стороны, мне ленточку принесла».— «Ах, какая ты! Ведь мы ж тебя просили: никого без нас не примай!» — «Простите, милые братцы! Не вытерпела, хотелось из дому вестей послушать».

Прошло еще несколько дней — заглянула купчиха в зеркальце: опять жива ее падчерица. Позвала старуху. «На,— говорит,— волосок! Ступай к падчерице, непременно умори ее!» Улучила старуха время, когда богатыри на охоту поехали, пришла к белокаменному дворцу; увидала ее в окошечко красная девица, не вытерпела, выскочила к ней навстречу: «Здравствуй, бабушка! Как тебя бог милует?» — «Покуда жива, голубушка! Вот таскалась по миру и сюда забрела тебя проведать». Привела ее красная девица в комнату, угостила всякими закусками и напитками, расспросила про родных и наказала кланяться брату. «Хорошо,— говорит старуха,— буду кланяться. А ведь тебе, голубушка, чай и в голове поискать некому? Дай-ка я поищу».— «Поищи, бабушка!» Стала она искать в голове красной девицы и вплела в ее косу волшебный волосок; как скоро вплела этот волосок, девица в ту же минуту сделалась мертвою. Старуха зло усмехнулась и ушла поскорей, чтобы никто не застал ее, не увидел.

Приезжают богатыри, входят в комнаты — сестра лежит мертвая; долго они вглядывались-присматривались, нет ли на ней чего лишнего? Нет, ничего не видать! Вот сделали они хрустальный гроб — такой чудный, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать; нарядили купеческую дочь в блестящее платье, словно невесту к венцу, и положили в хрустальный гроб; тот гроб поставили посеред большой палаты, а над ним устроили балдахин красного бархату с бриллиантовыми кистями с золотыми бахромами, и повесили на двенадцати хрустальных столбах двенадцать лампад. После того залились богатыри горючими слезами; обуяла их великая тоска. «На что,— говорят,— нам на белом свете жить? Пойдем, решим себя!» Обнялись, попрощались друг с дружкою, вышли на высокий балкон, взялись за руки и бросились вниз; ударились об острые камни и кончили свою жизнь.

Много-много годов прошло. Случилось одному царевичу на охоте быть; заехал он в дремучий лес, распустил своих собак в разные стороны, отделился от охотников и поехал один по заглохшей тропинке. Ехал-ехал, и вот перед ним поляна, на поляне белокаменный дворец. Царевич слез с коня, взошел по лестнице, стал покои осматривать; везде уборы богатые, роскошные, а хозяйской руки ни на чем не видно: все давным-давно покинуто, все запущено! В одной палате стоит хрустальный гроб, а в гробу лежит мертвая девица красоты неописанной: на щеках румянец, на устах улыбка, точь-в-точь живая спит.

Подошел царевич, взглянул на девицу, да так и остался на месте, словно невидимая сила его держит. Стоит он с утра до позднего вечера, глаз отвести не может, на сердце тревога: приковала его краса девичья — чудная, невиданная, какой во всем свете другой не сыскать! А охотники давно его ищут; уж они пó лесу рыскали, и в трубы трубили, и голоса подавали — царевич стоит у хрустального гроба, ничего не слышит. Солнце село, сгустился мрак, и тут только он опомнился — поцеловал мертвую девицу и поехал назад. «Ах, ваше высочество, где вы были?» — спрашивают охотники. «Гнался за зверем, да немного заплутал». На другой день чуть свет — царевич уж на охоту собирается; поскакал в лес, отделился от охотников и тою же тропинкою приехал к белокаменному дворцу. Опять целый день простоял у хрустального гроба, глаз не сводя с мертвой красавицы; только позднею ночью домой воротился. На третий день, на четвертый все то же, и так целая неделя прошла. «Что это с нашим царевичем подеялось? — говорят охотники.— Станемте, братцы, за ним следить, замечать, чтобы худа какого не случилося».

Вот поехал царевич на охоту, распустил собак пó лесу, отделился от свиты и направил путь к белокаменному дворцу; охотники тотчас же за ним, приезжают на поляну, входят во дворец — там в палате хрустальный гроб, в гробу мертвая девица лежит, перед девицей царевич стоит. «Ну, ваше высочество, недаром вы целую неделю пó лесу плутали! Теперь и нам не уйтить отсюда до вечера». Обступили кругом хрустальный гроб, смотрят на девицу, красотой ее любуются, и простояли на одном месте с утра до позднего вечера. Когда потемнело совсем, обратился царевич к охотникам: «Сослужите мне, братцы, великую службу: возьмите гроб с мертвой девицей привезите и поставьте в моей спальне; да тихомолком, тайно сделайте, чтоб никто про то не узнал, не проведал. Награжу вас всячески, пожалую золотой казною, как никто вас не жаловал».— «Твоя воля жаловать; а мы, царевич, и так служить тебе рады!» — сказали охотники, подняли хрустальный гроб, вынесли на двор, устроили на лошадях и повезли в царский дворец; привезли и поставили у царевича в спальне.

С того самого дня перестал царевич и думать об охоте; сидит себе дома, никуда из своей комнаты не выходит — все на девицу любуется. «Что такое с нашим сыном приключилося? — думает царица.— Вот уж сколько времени, а он все дома сидит, из своей комнаты не выходит и к себе никого не пущает. Грусть-тоска, что ли, напала, али хворь какая прикинулась? Дай пойду посмотрю на него». Входит царица к нему в

спальню и видит хрустальный гроб. Как и что? Расспросила-разведала и тотчас же приказ отдала похоронить ту девицу, как следует по обычаю, в мать сырой земле.

Заплакал царевич, пошел в сад, нарвал чудесных цветов, принес и стал расчесывать мертвой красавице русую косу да цветами голову убирать. Вдруг выпал из ее косы волшебный волосок — красавица раскрыла очи, вздохнула, приподнялась из хрустального гроба и говорит: «Ах, как я долго спала!» Царевич несказанно обрадовался, взял ее за руку, повел к отцу, к матери. «Мне,— говорит,— бог ее дал! Не могу жить без нее ни единой минуты. Позволь, родимый батюшка, и ты, родная матушка, допусти жениться».— «Женись, сынок! Против бога не пойдем, да и такой красоты во всем свете поискать!» У царей ни за чем остановок не бывает: в тот же день честным пирком да и за свадебку.

Женился царевич на купеческой дочери, живет с нею — не нарадуется. Прошло сколько-то времени — вздумалось ей поехать в свою сторону, отца с братцем навестить; царевич не прочь, стал у отца проситься. «Хорошо,— говорит царь,— поезжайте, дети мои любезные! Ты, царевич, отправляйся сухим путем в объезд, осмотри этим случаем все наши земли и порядки узнай, а жена твоя пусть на корабле плывет прямым путем». Вот изготовили корабль к походу, нарядили матросов, назначили начального генерала; царевна села на корабль и вышла в открытое море, а царевич поехал сухим путем.

Начальный генерал, видючи прекрасную царевну, позавидовал ее красоте и начал к ней подольщаться; чего бояться, думает,— ведь она теперь в моих руках, что хочу — то и делаю! «Полюби меня,— говорит он царевне,— коли не полюбишь — в море выброшу!» Царевна отвернулась, не дает ему ответу, только слезами заливается. Подслушал генеральские речи один матросик, пришел к царевне вечером и стал говорить: «Не плачь, царевна! Одевайся ты в мое платье, а я твое надену; ты ступай на палубу, а я в каюте останусь. Пусть генерал меня в море выбросит — я того не боюсь; авось справлюся, доплыву до пристани: благо теперь земля близко!» Поменялись они платьем; царевна пошла на палубу, а матрос лег на ее постель. Ночью явился в каюту начальный генерал, схватил матроса и выкинул в море. Матрос пустился вплавь и к утру добрался до берега. Корабль пришел к пристани, стали матросы сходить на землю; сошла и царевна, бросилась на рынок, купила себе поварскую одежу, нарядилась поваренком и нанялась к своему родному отцу на кухне прислуживать.

Немного спустя приезжает к купцу царевич. «Здравствуй,— говорит,— батюшка! Принимай-ка зятя, ведь я на твоей дочке женат. Да где ж она? Аль еще не бывала?» А тут начальный генерал с докладом является: «Так и так, ваше высочество! Несчастье случилося: стояла царевна на палубе, поднялась буря, началась качка, голова у ней закружилась — и мигнуть не успели, как царевна свалилась в море и потонула!» Царевич потужил-поплакал, да ведь со дна моря не воротишь; видно, такова судьба ей назначена! Погостил царевич у своего тестя несколько времени и велел своей свите к отъезду готовиться; купец на прощанье задал боль-

шой пир; собрались к нему и купцы, и бояре, и все сродники: были тут и родной брат его, и злая старуха, и начальный генерал.

Пили, ели, прохлаждалися; один из гостей и говорит: «Послушайте, господа честны́е! Что все пить да пить — с того добру не быть; давай-те-ка лучше сказывать сказки».— «Ладно, ладно!— закричали со всех сторон.— Кто же начнет?» Тот не умеет, другой не горазд, а третьему вино память отшибло. Как быть? Отозвался тут купеческий приказчик: «Есть у нас на кухне новый поваренок, много по чужим землям странствовал, много всяких див видывал и такой мастер сказки сказывать — что на́ поди!» Купец позвал того поваренка. «Потешь,— говорит,— моих гостей!» Отвечает ему поваренок-царевна: «Что рассказать-то вам: сказку аль бывальщину?» — «Сказывай бывальщину!» — «Пожалуй, можно и бывальщину, только с таким уговором: кто меня перебьет, того чумичкой в лоб».

Все на это согласились. И царевна начала рассказывать все, что с нею самой случилося. «Так и этак,— говорит,— была у купца дочь; поехал купец за́ море и поручил своему родному брату смотреть за девицей; дядя позарился на ее красоту и не дает ей ни минуты спокою...» А дядя слышит, что речь про него идет, и говорит: «Это, господа, неправда!» — «А, по-твоему неправда? Вот же тебе чумичка в лоб!» После того дошло дело до мачехи, как она волшебное зеркальце допрашивала, и до злой старухи, как она к богатырям в белокаменный дворец приходила,— и старуха и мачеха в один голос закричали: «Вот вздор какой! Этого быть не может». Царевна ударила их по лбу чумичкою и стала рассказывать, как она лежала в хрустальном гробе, как нашел ее царевич, оживил и женился на ней и как она поехала отца навестить.

Генерал смекнул, что дело-то не ладно, и просится у царевича: «Позвольте мне домой уйти; что-то голова разболелась!» — «Ничего, посиди немножко!» Стала царевна про генерала рассказывать; ну, и он не вытерпел. «Все это,— говорит,— неправда!» Царевна его чумичкою в лоб да сбросила с себя поварское платье и открылась царевичу: «Я-де не поваренок, я — твоя законная жена!» Царевич обрадовался, купец — тоже; бросились они обнимать, целовать ее; а потом принялись суд судить; злую старуху вместе с дядею на воротах расстреляли, мачеху-волшебницу к жеребцу за хвост привязали, жеребец полетел в чистое поле и разнес ее кости по кустам, по яругам[1]; генерала царевич сослал на каторгу, а на его место пожаловал матроса, что царевну от беды спас. С того времени жили царевич, его жена и купец вместе — долго и счастливо.

[1] *Яруги* — овраги, лощины, буераки (*Ред.*).

212—215. ПОДИ ТУДА — НЕ ЗНАЮ КУДА, ПРИНЕСИ ТО — НЕ ЗНАЮ ЧТО

212

В некотором государстве жил-был король, холост-неженат, 122а
и была у него целая рота стрельцов; на охоту стрельцы ходили, перелетных птиц стреляли, государев стол дичью снабжали. В той роте служил стрелец-молодец, по имени Федот; метко в цель попадал, почитай — николи промаху не давал, и за то любил его король пуще всех его товарищей. Случилось ему в одно время пойти на охоту раным-ранехонько, на самой зоре; зашел он в темный, густой лес и видит: сидит на дереве горлица. Федот навел ружье, прицелился, выпалил — и перешиб птице крылышко; свалилась птица с дерева на сырую землю. Поднял ее стрелок, хочет оторвать голову да положить в сумку. И возговорит ему горлица: «Ах, стрелец-молодец, не срывай моей буйной головушки, не своди меня с белого света; лучше возьми меня живую, принеси в свой дом, посади на окошечко и смотри: как только найдет на меня дремота, в ту самую пору ударь меня правой рукою наотмашь — и добудешь себе великое счастье!» Крепко удивился стрелок. «Что такое? — думает.— С виду совсем птица, а говорит человеческим голосом! Прежде со мной такого случая никогда не бывало...»

Принес птицу домой, посадил на окошечко, а сам стоит-дожидается. Прошло немного времени, горлица положила свою головку под крылышко и задремала; стрелок поднял правую руку, ударил ее наотмашь легохонько — пала горлица наземь и сделалась душой-де́вицей, да такою прекрасною, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать! Другой подобной красавицы во всем свете не бывало! Говорит она добру молодцу, королевскому стрельцу: «Умел ты меня достать, умей и жить со мною; ты мне будешь нареченный муж, а я тебе богоданная жена!» На том они и поладили; женился Федот и живет себе — с молодой женой потешается, а службы не забывает; каждое утро ни свет ни заря возьмет свое ружье, пойдет в лес, настреляет разной дичи и отнесет на королевскую кухню.

Видит жена, что от той охоты весь он измаялся, и говорит ему: «Послушай, друг, мне тебя жалко: каждый божий день ты беспокоишься, бродишь по лесам до по болотам, завсегда мокрехонек домой ворочаешься, а пользы нам нет никакой. Это что за ремесло! Вот я так знаю такое, что без барышей не останешься. Добудь-ка рублей сотнюдругую, все дело поправим». Бросился Федот по товарищам: у кого рубль, у кого два занял и собрал как раз двести рублей. Принес к жене. «Ну,— говорит она,— купи теперь на все эти деньги разного шелку». Стрелец купил на двести рублей разного шелку. Она взяла и сказывает: «Не тужи, молись богу да ложись спать; утро вечера мудренее!»

Муж заснул, а жена вышла на крылечко, развернула свою волшебную книгу — и тотчас явились перед ней два неведомых мо́лодца: что

угодно — приказывай! «Возьмите вот этот шелк и за единый час сделайте мне ковер, да такой чудный, какого в целом свете не видывано; а на ковре бы все королевство было вышито, и с городами, и с деревнями, и с реками, и с озерами». Принялись они за работу и не только в час, а в десять минут изготовили ковер — всем на диво; отдали его стрельцовой жене и вмиг исчезли, словно их и не было! Наутро отдает она ковер мужу. «На,— говорит,— понеси на гостиный двор и продай купцам, да смотри: своей цены не запрашивай, а что дадут, то и бери».

Федот взял ковер, развернул, повесил на руку и пошел по гостиным рядам. Увидал один купец, подбежал и спрашивает: «Послушай, почтенный! Продаешь, что ли?» — «Продаю».— «А что стоит?» — «Ты торговый человек, ты и цену уставляй». Вот купец думал, думал, не может оценить ковра — да и только! Подскочил другой купец, за ним третий, четвертый... и собралась их толпа великая, смотрят на ковер, дивуются, а оценить не могут. В то время проезжал мимо гостиных рядов дворцовый комендант, усмотрел толпу, и захотелось ему разузнать: про что толкует купечество? Вылез из коляски, подошел и говорит: «Здравствуйте, купцы-торговцы, заморские гости! О чем речь у вас?» — «Так и так, ковра оценить не можем». Комендант посмотрел на ковер и сам дался диву. «Послушай, стрелец,— говорит он,— скажи мне по правде по истинной, откуда добыл ты такой славный ковер?» — «Моя жена вышила».— «Сколько же тебе дать за него?» — «Я и сам цены не ведаю; жена наказала не торговаться, а сколько дадут — то и наше!» — «Ну, вот тебе десять тысяч!»

Стрелец взял деньги и отдал ковер, а комендант этот завсегда при короле находился — и пил и ел за его столом. Вот он поехал к королю обедать и ковер повез: «Не угодно ль вашему величеству посмотреть, какую славную вещь купил я сегодня?» Король взглянул — все свое царство словно на ладони увидел; так и ахнул! «Вот это ковер! В жизнь мою такой хитрости не видывал. Ну, комендант, что хочешь, а ковра тебе не отдам». Сейчас вынул король двадцать пять тысяч и отдал ему из рук в руки, а ковер во дворце повесил. «Ничего,— думает комендант,— я себе другой еще лучше закажу».

Сейчас поскакал к стрельцу, разыскал его избушку, входит в светлицу и как только увидал стрельцову жену — в ту ж минуту и себя и свое дело позабыл, сам не ведает, зачем приехал; перед ним такая красавица, что век бы очей не отвел, все бы смотрел да смотрел! Глядит он на чужую жену, а в голове дума за думой: «Где это видано, где это слыхано, чтобы простой солдат да таким сокровищем владáл? Я хоть и при самом короле служу и генеральский чин на мне положóн, а такой красоты нигде не видывал!» Насилу комендант опомнился, нехотя домой убрался. С той поры, с того времени совсем не свой сделался: и во сне и наяву только и думает, что о прекрасной стрельчихе; и ест — не заест, и пьет — не запьет, все она представляется!

Заприметил король и стал его выспрашивать: «Что с тобой подеялось? Аль кручина какая?» — «Ах, ваше величество! Видел я у стрельца жену, такой красоты во всем свете нет; все об ней думаю: и не заесть

и не запить, никаким снадобьем не заворожить!» Пришла королю охота самому полюбоваться, приказал заложить коляску и поехал в стрелецкую слободу. Входит в светлицу, видит — красота невообразимая! Кто ни взглянет — старик ли, молодой ли, всякий без ума влюбится. Защемила его зазноба сердечная. «Чего,— думает про себя,— хожу я холост-неженат? Вот бы мне жениться на этой красавице; зачем ей быть стрельчихою? Ей на роду написано быть королевою».

Воротился король во дворец и говорит коменданту: «Слушай! Сумел ты показать мне стрельцову жену — красоту невообразимую; теперь сумей извести ее мужа. Я сам на ней хочу жениться... А не изведешь, пеняй на себя; хоть ты и верный мой слуга, а быть тебе на виселице!» Пошел комендант, пуще прежнего запечалился; как стрельца порешить — не придумает.

Идет он пустырями, закоулками, а навстречу ему баба-яга: «Стой, королевский слуга! Я все твои думки ведаю; хочешь, пособлю твоему горю неминучему?» —«Пособи, бабушка! Что хочешь, заплачу́».—«Сказан тебе королевский указ, чтобы извел ты Федота-стрельца. Это дело бы неважное: сам-то он прост, да жена у него больно хитра! Ну, да мы загадаем такую загадку, что не скоро справится. Воротись к королю и скажи: за тридевять земель, в тридесятом царстве есть остров; на том острове ходит олень золотые рога. Пусть король наберет полсотню матросов — самых негодных, горьких пьяниц, и велит изготовить к походу старый, гнилой корабль, что тридцать лет в отставке числится; на том корабле пусть пошлет Федота-стрельца добывать оленя золотые рога. Чтоб добраться до острова, надо плыть ни много, ни мало — три года, да назад с острова — три года, итого шесть лет. Вот корабль выступит в море, месяц прослужит, а там и потонет: и стрелец и матросы — все на дно пойдут!»

Комендант выслушал эти речи, поблагодарил бабу-ягу за науку, наградил ее золотом и бегом к королю. «Ваше величество!— говорит.— Так и так — можно наверно стрельца извести». Король согласился и тотчас отдал приказ по флоту: изготовить к походу старый, гнилой корабль, нагрузить его провизией на шесть лет и посадить на него пятьдесят матросов — самых распутных и горьких пьяниц. Побежали гонцы по всем кабакам, по трактирам, набрали таких матросов, что поглядеть любо-дорого: у кого глаза подбиты, у кого нос сворочо́н набок. Как скоро доложили королю, что корабль готов, он в ту же минуту потребовал к себе стрельца: «Ну, Федот, ты у меня молодец, первый в команде стрелец; сослужи-ка мне службу, поезжай за тридевять земель, в тридесятое царство — там есть остров, на том острове ходит олень золотые рога; поймай его живого и привези сюда». Стрелец задумался; не знает, что и отвечать ему. «Думай — не думай,— сказал король,— а коли не сделаешь дела, то мой меч — твоя голова с плеч!»

Федот повернулся налево кругом и пошел из дворца; вечером приходит домой крепко печальный, не хочет и слова вымолвить. Спрашивает его жена: «О чем, милый, закручинился? Аль невзгода какая?» Он рассказал ей все сполна. «Так ты об этом печалишься? Есть о чем! Это

службишка, не служба. Молись-ка богу да ложись спать; утро вечера мудренее: все будет сделано». Стрелец лег и заснул, а жена его развернула волшебную книгу — и вдруг явились перед ней два неведомых мóлодца: «Что угодно, что надобно?» — «Ступайте вы за тридевять земель, в тридесятое царство — на остров, поймайте оленя золотые рога и доставьте сюда».— «Слушаем! К свету все будет исполнено».

Вихрем понеслись они на тот остров, схватили оленя золотые рога, принесли его прямо к стрельцу на двор; за час до рассвета все дело покончили и скрылись, словно их и не было. Стрельчиха-красавица разбудила своего мужа пораньше и говорит ему: «Поди посмотри — олень золотые рога на твоем дворе гуляет. Бери его на корабль с собою, пять суток вперед плыви, на шестые назад поворачивай». Стрелец посадил оленя в глухую, закрытую клетку и отвез на корабль. «Тут что?»— спрашивают матросы. «Разные припасы и снадобья; путь долгий, мало ли что понадобится!»

Настало время кораблю отчаливать от пристани, много народу пришло пловцов провожать, пришел и сам король, попрощался с Федотом и поставил его над всеми матросами за старшего. Пятые сутки плывет корабль пó морю; берегов давно не видать. Федот-стрелец приказал выкатить на палубу бочку вина в сорок ведер и говорит матросам: «Пейте, братцы! Не жалейте; душа— мера!» А они тому и рады, бросились к бочке и давай вино тянуть, да так натянулись, что тут же возле бочки попадали и заснули крепким сном. Стрелец взялся за руль, поворотил корабль к берегу и поплыл назад; а чтоб матросы про то не сведали — знай с утра до вечера вином их накачивает: только они с перепоя глаза продерут, как уж новая бочка готова — не угодно ль опохмелиться.

Как раз на одиннадцатые сутки привалил корабль к пристани, выкинул флаг и стал палить из пушек. Король услыхал пальбу и сейчас на пристань — что там такое? Увидал стрельца, разгневался и накинулся на него со всей жéсточью: «Как ты смел до сроку назад воротиться?» — «А куда ж мне деваться, ваше величество? Пожалуй, иной дурак десять лет в морях проплавает да путного ничего не сделает, а мы вместо шести лет всего-навсего десять суток проездили, да свое дело справили: не угодно ль взглянуть на оленя золотые рога?» Тотчас сняли с корабля клетку, выпустили златорогого оленя; король видит, что стрелец прав, ничего с него не возьмешь! Позволил ему домой идти, а матросам, которые с ним ездили, дал свободу на целые на шесть лет; никто не смей их и на службу спрашивать, по тому самому, что они уж эти года заслужили.

На другой день призвал король коменданта, напустился на него с угрозами. «Что ты,— говорит,— али шутки со мной шутишь? Видно, тебе голова твоя не дорога! Как знаешь, а найди случай, чтоб можно было Федота-стрельца злой смерти предать».— «Ваше королевское величество! Позвольте подумать; авось можно поправиться». Пошел комендант пустырями да закоулками, навстречу ему баба-яга: «Стой, королевский слуга! Я твои думки ведаю; хочешь, пособлю твоему горю?» — «Пособи, бабушка! Ведь стрелец вернулся и привез оленя золотые рога».— «Ох,

уж слышала! Сам-то он простой человек, извести его нетрудно бы — все равно что щепоть табаку понюхать! Да жена у него больно хитра. Ну да мы загадаем ей иную загадку, с которой не так скоро справится. Ступай к королю и скажи: пусть пошлет он стрельца туда — не знаю куда, принести то — не знаю что. Уж этой задачи он во веки веков не выполнит: или совсем без вести пропадет, или с пустыми руками назад придет».

Комендант наградил бабу-ягу золотом и побежал к королю; король выслушал и велел стрельца позвать. «Ну, Федот! Ты у меня молодец, первый в команде стрелец. Сослужил ты мне одну службу — достал оленя золотые рога; сослужи и другую: поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что! Да помни: коли не принесешь, то мой меч — твоя голова с плеч!» Стрелец повернулся налево кругом и пошел из дворца; приходит домой печальный, задумчивый. Спрашивает его жена: «Что, милый, кручинишься? Аль еще невзгода какая?» — «Эх, — говорит, — одну беду с шеи свалил, а другая навалилася; посылает меня король туда — не знаю куда, велит принести то — не знаю что. Через твою красу все напасти несу!» — «Да, это служба немалая! Чтоб туда добраться, надо девять лет идти, да назад девять — итого восьмнадцать лет; а будет ли толк с того — бог ведает!» — «Что же делать, как же быть?» — «Молись богу да ложись спать; утро вечера мудренее. Завтра все узнаешь».

Стрелец лег спать, а жена его дождалась ночи, развернула волшебную книгу — и тотчас явились перед ней два мóлодца: «Что угодно, что надобно?» — «Не ведаете ли: как ухитриться да пойти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что?» — «Нет, не ведаем!» Она закрыла книгу — и мóлодцы с глаз исчезли. Поутру будит стрельчиха своего мужа: «Ступай к королю, проси золотой казны на дорогу — ведь тебе восьмнадцать лет странствовать, а получишь деньги, заходи со мной проститься». Стрелец побывал у короля, получил из казначейства целую кису[1] золота и приходит с женой прощаться. Она подает ему ширинку и мячик: «Когда выйдешь из города, брось этот мячик перед собою; куда он покатится — туда и ты ступай. Да вот тебе мое рукоделье: где бы ты ни был, а как станешь умываться — завсегда утирай лицо этою ширинкою». Попрощался стрелец с своей женой и товарищами, поклонился на все на четыре стороны и пошел за заставу. Бросил мячик перед собою; мячик катится да катится, а он за ним следом идет.

Прошло с месяц времени, призывает король коменданта и говорит ему: «Стрелец отправился на восьмнадцать лет по белу свету таскаться, и по всему видно, что не быть ему живому. Ведь восьмнадцать лет не две недели; мало ли что в дороге случится! Денег у него много; пожалуй, разбойники нападут, ограбят да злой смерти предадут. Кажись, можно теперь за его жену приняться. Возьми-ка мою коляску, поезжай в стрелецкую слободку и привези ее во дворец». Комендант поехал в стрелецкую слободку, приехал к стрельчихе-красавице, вошел в избу и

[1] Мешок (*Ред.*).

говорит: «Здравствуй, умница, король приказал тебя во дворец представить». Приезжает она во дворец; король встречает ее с радостию, ведет в палаты раззолоченные и говорит таково слово: «Хочешь ли быть королевою? Я тебя замуж возьму».— «Где же это видано, где же это слыхано: от живого мужа жену отбивать! Каков ни на есть, хоть простой стрелец, а мне он — законный муж».— «Не пойдешь охотою, возьму силою!» Красавица усмехнулась, ударилась об пол, обернулась горлицей и улетела в окно.

Много царств и земель прошел стрелец, а мячик все катится. Где река встретится, там мячик мостом перебросится; где стрельцу отдохнуть захочется, там мячик пуховой постелью раскинется. Долго ли, коротко ли — скоро сказка сказывается, не скоро дело делается, приходит стрелец к большому, великолепному дворцу; мячик докатился до ворот и пропал. Вот стрелец подумал-подумал: «Дай пойду прямо!» Вошел по лестнице в покои; встречают его три девицы неописанной красоты: «Откуда и зачем, добрый человек, пожаловал?» — «Ах, красные де́вицы, не дали мне с дальнего походу отдохнуть, да начали спрашивать. Вы бы прежде меня накормили-напоили, отдохнуть положили, да тогда бы и вестей спрашивали». Они тотчас собрали на стол, посадили его, накормили-напоили и спать уложили.

Стрелец выспался, встает с мягкой постели; красные де́вицы несут к нему умывальницу и шитое полотенце. Он умылся ключевой водой, а полотенца не принимает. «У меня,— говорит,— своя ширинка; есть чем лицо утереть». Вынул ширинку и стал утираться. Спрашивают его красные де́вицы: «Добрый человек! Скажи: откуда достал ты эту ширинку?» — «Мне ее жена дала».— «Стало быть, ты женат на нашей родной сестрице!» Кликнули мать-старушку; та как глянула на ширинку, в ту ж минуту признала: «Это моей дочки рукоделье!» Начала у гостя расспрашивать-разведывать; он рассказал ей, как женился на ее дочери и как царь послал его туда — не знаю куда, принести то — не знаю что. «Ах зятюшка! Ведь про это диво даже я не слыхивала! Постой-ка, авось мои слуги ведают».

Вышла старуха на крыльцо, крикнула громким голосом, и вдруг — откуда только взялись! — набежали всякие звери, налетели всякие птицы. «Гой есте, звери лесные и птицы воздушные! Вы, звери, везде рыскаете; вы, птицы, всюду летаете: не слыхали ль, как дойти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что?» Все звери и птицы в один голос отвечали: «Нет, мы про то не слыхивали!» Распустила их старуха по своим местам — по трущобам, по лесам, по рощам; воротилась в горницу, достала свою волшебную книгу, развернула ее — и тотчас явились к ней два великана: «Что угодно, что надобно?» — «А вот что, слуги мои верные! Понесите меня вместе с зятем на окиян-море широкое и станьте как раз на средине — на самой пучине».

Тотчас подхватили они стрельца со старухою, понесли их, словно вихри буйные, на окиян-море широкое и стали на средине — на самой пучине: сами как столбы стоят, а стрельца со старухою на руках держат. Крикнула старуха громким голосом — и приплыли к ней все гады и

рыбы морские: так и кишат! Из-за них синя моря не видно! «Гой есте, гады и рыбы морские! Вы везде плаваете, у всех островов бываете: не слыхали ль, как дойти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что?» Все гады и рыбы в один голос отвечали: «Нет! Мы про то не слыхивали!» Вдруг протеснилась вперед старая колченогая лягушка, которая уж лет тридцать как в отставке жила, и говорит: «Ква-ква! Я знаю, где этакое диво найти».— «Ну, милая, тебя-то мне и надобно!» — сказала старуха, взяла лягушку и велела великанам себя и зятя домой отнесть.

Мигом очутились они во дворце. Стала старуха лягушку допытывать: «Как и какою дорогою моему зятю идти?» Отвечает лягушка: «Это место на краю света — далеко-далеко! Я бы сама его проводила, да уж больно стара, еле ноги волочу; мне туда в пятьдесят лет не допрыгать». Старуха принесла большую банку, налила свежим молоком, посадила в нее лягушку и дает зятю: «Неси,— говорит,— эту банку в руках, а лягушка пусть тебе дорогу показывает». Стрелец взял банку с лягушкою, попрощался со старухой и ее дочками и отправился в путь. Он идет, а лягушка ему дорогу показывает.

Близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли — приходит к огненной реке; за тою рекой высокая гора стоит, в той горе дверь видна. «Ква-ква! — говорит лягушка.— Выпусти меня из банки; надо нам через реку переправиться». Стрелец вынул ее из банки и пустил наземь. «Ну, добрый мóлодец, садись на меня, да не жалей; небось не задавишь!» Стрелец сел на лягушку и прижал ее к земле: начала лягушка дуться, дулась-дулась и сделалась такая большая, словно стог сенной. У стрельца только и на уме, как бы не свалиться: «Коли свалюсь, до смерти ушибусь!» Лягушка надулась да как прыгнет — перепрыгнула через огненную реку и сделалась опять маленькою. «Теперь, добрый мóлодец, ступай в эту дверь, а я тебя здесь подожду; войдешь ты в пещеру и хорошенько спрячься. Спустя некое время придут туда два старца; слушай, что они будут говорить и делать, а после, как они уйдут, и сам то ж говори и делай!»

Стрелец подошел к горе, отворил дверь — в пещере так темно, хоть глаз выколи! Полез на карачках и стал руками щупать; нащупал пустой шкап, сел в него и закрылся. Вот немного погодя приходят туда два старца и говорят: «Эй, Шмат-разум! Покорми-ка нас». В ту ж минуту — откуда что взялось! — зажглись люстры, загремели тарелки и блюда, и явились на столе разные вина и кушанья. Старики напились, наелись и приказывают: «Эй, Шмат-разум! Убери все». Вдруг ничего не стало — ни стола, ни вин, ни кушаньев, люстры все погасли. Слышит стрелец, что два старца ушли, вылез из шкапа и крикнул: «Эй, Шмат-разум!» — «Что угодно?» — «Покорми меня!» Опять явились и люстры зажженные, и стол накрытый, и всякие напитки и кушанья.

Стрелец сел за стол и говорит: «Эй, Шмат-разум! Садись, брат, со мною; станем есть-пить вместе, а то одному мне скучно». Отвечает невидимый голос: «Ах, добрый человек! Откудова тебя бог принес? Скоро тридцать лет, как я двум старцам верой-правдой служу, а за все это

время они ни разу меня с собой не сажали». Смотрит стрелец и удивляется: никого не видать, а кушанья с тарелок словно кто метелочкой подметает, а бутылки с вином сами подымаются, сами в рюмки наливаются, глядь — уж и пусты! Вот стрелец наелся-напился и говорит: «Послушай, Шмат-разум! Хочешь мне служить? У меня житье хорошее».— «Отчего не хотеть! Мне давно надоело здесь, а ты, вижу, — человек добрый».— «Ну, прибирай все да пойдем со мною!» Вышел стрелец из пещеры, оглянулся назад — нет никого... «Шмат-разум! Ты здесь?» — «Здесь! Не бойся, я от тебя не отстану». — «Ладно!» — сказал стрелец и сел на лягушку: лягушка надулась и перепрыгнула через огненную реку; он посадил ее в банку и отправился в обратный путь.

Пришел к теще и заставил своего нового слугу хорошенько угостить старуху и ее дочек. Шмат-разум так их употчевал, что старуха с радости чуть плясать не пошла, а лягушке за ее верную службу назначила по три банки молока в день давать. Стрелец распрощался с тещею и пустился домой. Шел-шел и сильно уморился; прибились его ноги скорые, опустились руки белые. «Эх,— говорит,— Шмат-разум! Если б ты ведал, как я устал; просто ноги отымаются».— «Что ж ты мне давно не скажешь? Я б тебя живо на место доставил». Тотчас подхватило стрельца буйным вихрем и понесло по воздуху так шибко, что с головы шапка свалилась. «Эй, Шмат-разум! Постой на минутку, моя шапка свалилась».— «Поздно, сударь, хватился! Твоя шапка теперь за пять тысяч верст назади». Города и деревни, реки и леса так и мелькают перед глазами...

Вот летит стрелец над глубоким морем, и гласит ему Шмат-разум: «Хочешь — я на этом море золотую беседку сделаю? Можно будет отдохнуть, да и счастье добыть».— «А ну, сделай!» — сказал стрелец и стал опущаться на́ море. Где за минуту только волны подымалися — там появился островок, на островку золотая беседка. Говорит стрельцу Шмат-разум: «Садись в беседку, отдыхай, на море поглядывай; будут плыть мимо три купеческих корабля и пристанут к острову; ты зазови купцов, угости-употчевай и променяй меня на три диковинки, что купцы с собой везут. В свое время я к тебе назад вернусь!»

Смотрит стрелец — с западной стороны три корабля плывут; увидали корабельщики остров и золотую беседку: «Что за чудо! — говорят.— Сколько раз мы тут плавали, кроме воды ничего не было, а тут — на́ поди! — золотая беседка явилась. Пристанемте, братцы, к берегу, поглядим-полюбуемся». Тотчас остановили корабельный ход и бросили якори; три купца-хозяина сели на легкую лодочку и поехали на остров. «Здравствуй, добрый человек!» — «Здравствуйте, купцы чужеземные! Милости просим ко мне, погуляйте, повеселитесь, роздых возьмите: нарочно для заезжих гостей и беседка выстроена! Купцы вошли в беседку, сели на скамеечку. «Эй, Шмат-разум! — закричал стрелец.— Дай-ка нам попить-поесть». Явился стол, на столе вина и кушанья, чего душа захочет — все мигом исполнено! Купцы только ахают. «Давай,— говорят,— меняться! Ты нам своего слугу отдай, а у нас возьми за то любую диковинку».— «А какие у вас диковинки?» — «Посмотри — увидишь!»

Один купец вынул из кармана маленький ящичек, только открыл его — тотчас по всему острову славный сад раскинулся и с цветами и с дорожками, а закрыл ящичек — и сад пропал. Другой купец вынул из-под полы топор и начал тяпать: тяп да ляп — вышел корабль! Тяп да ляп — еще корабль! Сто разов тяпнул — сто кораблей сделал, с парусами, с пушками и с матросами; корабли плывут, в пушки палят, от купца приказов спрашивают... Натешился он, спрятал свой топор — и корабли с глаз исчезли, словно их и не было! Третий купец достал рог, затрубил в один конец — тотчас войско явилося: и пехота и конница, с ружьями, с пушками, с знаменами; ото всех полков посылают к купцу рапорты, а он отдает им приказы: войска идут, музыка гремит, знамена развеваются... Натешился купец, взял трубу, затрубил с другого конца — и нет ничего, куда вся сила девалася!

«Хороши ваши диковинки, да мне не пригодны! — сказал стрелец.— Войска да корабли — дело царское, а я простой солдат. Коли хотите со мной поменяться, так отдайте мне за одного слугу-невидимку все три диковинки».— «Не много ли будет?» — «Ну как знаете; а я иначе меняться не стану!» Купцы подумали про себя: «На что нам этот сад, эти полки и военные корабли? Лучше поменяться; по крайней мере без всякой заботы будем и сыты и пьяны». Отдали стрельцу свои диковинки и говорят: «Эй, Шмат-разум! Мы тебя берем с собою; будешь ли нам служить верой-правдою?» — «Отчего не служить? Мне все равно — у кого ни жить». Воротились купцы на свои корабли и давай всех корабельщиков поить-угощать: «Ну-ка, Шмат-разум, поворачивайся!»

Перепились все допьяна и заснули крепким сном. А стрелец сидит в золотой беседке, призадумался и говорит: «Эх, жалко! Где-то теперь мой верный слуга Шмат-разум?» — «Я здесь, господин!» Стрелец обрадовался: «Не пора ли нам домой?» Только сказал, как вдруг подхватило его буйным вихрем и понесло по воздуху. Купцы проснулись, и захотелось им выпить с похмелья: «Эй, Шмат-разум, дай-ка нам опохмелиться!» Никто не отзывается, никто не прислуживает. Сколько ни кричали, сколько ни приказывали — нет ни на грош толку. «Ну, господа! Надул нас этот маклак [2]. Теперь черт его найдет! И остров пропал и золотая беседка сгинула». Погоревали-погоревали купцы, подняли паруса и отправились куда им было надобно.

Быстро прилетел стрелец в свое государство, опустился возле синего моря на пустом месте. «Эй, Шмат-разум! Нельзя ли здесь дворец выстроить?» — «Отчего нельзя! Сейчас готов будет». Вмиг дворец поспел, да такой славный, что и сказать нельзя: вдвое лучше королевского. Стрелец открыл ящичек, и кругом дворца сад явился с редкими деревьями и цветами. Вот сидит стрелец у открытого окна да на свой сад любуется — вдруг влетела в окно горлица, ударилась оземь и оборотилась его молодой женою. Обнялись они, поздоровались, стали друг друга расспрашивать, друг другу рассказывать. Говорит стрельцу жена: «С той самой поры, как ты из дому ушел, я все время по лесам да по рощам сирой горлинкой летала».

[2] Бессовестный человек, попрошайка.

На другой день поутру вышел король на балкон, глянул на сине море и видит — на самом берегу стоит новый дворец, а кругом дворца зеленый сад. «Какой это невежа вздумал без спросу на моей земле строиться?» Побежали гонцы, разведали и докладывают, что дворец тот стрельцом поставлен, и живет во дворце он сам, и жена при нем. Король пуще разгневался, приказал собрать войско и идти на взморье, сад дотла разорить, дворец на мелкие части разбить, а самого стрельца и его жену лютой смерти предать. Усмотрел стрелец, что идет на него сильное войско королевское, схватил поскорей топор, тяп да ляп — вышел корабль! Сто разов тяпнул — сто кораблей сделал. Потом вынул рог, затрубил раз — повалила пехота, затрубил в другой — повалила конница.

Бегут к нему начальники из полков, с кораблей и ждут приказу. Стрелец приказал начинать сражение; тотчас заиграла музыка, ударили в барабаны, полки двинулись; пехота ломит королевских солдат, конница догоняет, в плен забирает, а с кораблей по столичному городу так и жарят пушками. Король видит, что его армия бежит, бросился было сам войско останавливать — да куда! Не прошло и полчаса, как его самого убили. Когда кончилось сражение, собрался народ и начал стрельца просить, чтобы взял в свои руки все государство. Он на то согласился и сделался королем, а жена его королевою.

213

Был у царя стрелок, пошел поохотиться; глядь — летят три 122b
утицы: две серебряные, одна золотая. Жалко ему стрелять показалося. «Дай-ка,— думает,— пойду за ними следом; не сядут ли где? Авось удастся живьем изловить!» Утицы спустились на взморье, сбросили с себя крылышки — и стали прекрасные де́вицы, кинулись в воду и давай купаться. Стрелок подполз потихоньку и унес золотые крылышки. Де́вицы выкупались, вышли на́ берег, начали одеваться, начали навязывать крылышки — у Марьи-царевны пропажа объявилася: нет золотых крылышек. Говорит она своим сестрицам: «Полетайте, сестрицы! Полетайте, голубушки! Я останусь поискать мои крылышки; коли найду — на дороге вас нагоню, а коли нет — век меня не увидите. Спросит про меня матушка, вы скажите ей, что я по чисту полю залеталася, соловьиных песен заслушалась».

Сестрицы обернулись серебряными утицами и улетели; а Марья-царевна осталась на взморье: «Отзовись,— говорит,— кто взял мои крылышки? Коли стар человек — будь мне батюшка, а старушка — будь мне матушка; коли млад человек — будь сердечный друг, а красная де́вица — будь родная сестра!» Услыхал эту речь стрелок и приносит ей золотые крылышки. Марья-царевна взяла свои крылышки и промолвила: «Давши слово, нельзя менять; иду за тебя, за доброго мо́лодца, замуж! Вот тебе кустик — ночь ночевать, а другой кустик — мне». И легли они спать под разными кусточками.

Ночью встала Марья-царевна и вскричала громким голосом: «Батюшкины каменщики и плотнички, матушкины работнички! Явитесь сюда

наскоро». На тот зов набежало многое множество всяких слуг. Она им приказывает: поставить палаты белокаменные, изготовить ей и жениху платья подвенечные и привезть золотую карету, а в карете были бы запряжены кони вороные, гривы у них золотые, хвосты серебряные. Отвечали слуги в один голос: «Рады стараться! К свету все будет исполнено».

На заре на утренней послышался благовест в большой колокол; будит Марья-царевна своего жениха: «Встань-пробудись, царский стрелок! Уж звонят к заутрене; пора наряжаться да к венцу ехать». Пошли они в палаты высокие белокаменные, нарядились в платья подвенечные, сели в золотую карету и поехали в церковь. Отстояли заутреню, отстояли обедню, обвенчались, приехали домой, и был у них веселый и богатый пир. Наутро проснулся стрелок, услыхал звонкий птичий крик, выглянул в окошечко — на дворе птиц видимо-невидимо, так стаей и носятся. Посылает его Марья-царевна: «Ступай, милый друг, бей царю челом!» — «А где ж я возьму подарочек?» — «А вот стадо птиц, ты пойдешь, они за тобой полетят».

Стрелок нарядился и пошел во дворец; идет полем, идет городом, а за ним стая птиц несется. Приходит к царю: «Много лет вашему величеству! Бью челом тебе, государь, этими перелетными пташками; прикажи принять милостиво».— «Здравствуй, мой любимый стрелок! Спасибо на подарочек. Говори: что надобно?» — «Виноват, государь: на твоей земле без спросу устроился».— «Это вина невеликая; у меня много земель — где хочешь, там и дом станови».— «Есть другая вина: не сказавшись тебе, оженился на красной де́вице».— «Ну что ж! Это дело хорошее. Приходи завтра ко мне и жену на поклон приведи; посмотрю, хороша ли твоя суженая?»

На другой день увидал царь Марью-царевну и стал с ума сходить по ее красоте неописанной. Призывает он к себе бояр, генералов и полковников. «Вот вам моя золотая казна! Берите,— говорит,— сколько надобно, только достаньте мне такую ж красавицу, какова жена у моего придворного стрелка». Все бояра, генералы и полковники отвечали ему: «Ваше величество! Мы уже век доживаем, а другой подобной красавицы не видывали». — «Как знаете, а мое слово — закон!» Огорчились царские советники, вышли из дворца и носы повесили, вздумали с горя в трактир зайти да винца испить.

Сели за стол, спросили вина и закусок и призадумались молча. Подбежал к ним кабацкая теребень[1] в худом кафтанишке и спрашивает: «О чем, господа, пригорюнились?» — «Поди прочь, оборвыш!» — «Нет, вы меня не гоните, лучше рюмку винца поднесите; я вас на ум наведу». Поднесли ему рюмку вина; он выпил и сказал: «Эх, господа! Другой такой красавицы, как Марья-царевна Премудрая, во всем свете нет, и искать нечего. Воротитесь-ка к царю; пусть он призовет стрелка и велит ему разыскать козу золотые рога, что гуляет в заповедных лугах,

[1] Слово «теребень» значит: оборванный, общипанный пьяница.

сама песни поет, сама сказки сказывает. Он век свой проходит, а козы не найдет; тем временем отчего не жить государю с Марьей-царевною?»

Эта речь полюбилась царским советникам, озолотили они теребеня и бегом во дворец. Строго закричал на них государь: «Почто воротились?» — «Ваше величество! Другой такой красавицы, как Марья-царевна Премудрая, во всем свете нет, и искать нечего. Лучше призовите стрелка и велите ему разыскать козу золотые рога, что гуляет в заповедных лугах, сама песни поет, сама сказки сказывает. Он век свой проходит, а козы не найдет; тем временем, государь, отчего не жить тебе с Марьей-царевною?» — «И то правда!» В тот же час позвал государь стрелка и отдал ему приказ, чтобы непременно добыл козу золотые рога.

Стрелок царю поклон и пошел из светлицы вон; приходит домой невесел, буйну голову ниже плеч повесил. Спрашивает его жена: «О чем, добрый молодец, запечалился? Али слышал от царя кручинное слово, али я тебе не по мысли?» — «Царь нарядил на службу, приказал добыть козу золотые рога, что в заповедных лугах гуляет, сама песни поет, сама сказки сказывает».— «Ну, утро вечера мудренее; а теперь можно спать!» Стрелок лег и заснул, а Марья-царевна вышла на крылечко и вскричала громким голосом: «Батюшкины пастушки́, матушкины работнички! Собирайтесь сюда наскоро». На тот зов собралось многое множество верных слуг; Марья-царевна приказала привести к ней на двор козу золотые рога, что гуляет в заповедных лугах, сама песни поет, сама сказки сказывает. «Рады стараться! К утру будет исполнено». На заре на утренней пробудился стрелок — по двору ходит коза золотые рога; взял ее и отвел к царю.

В другой раз научил теребень царских советников: «Есть-де кобылица сивобурая, златогривая, в заповедных лугах гуляет, а за ней семьдесят семь злых жеребцов бегают; пусть стрелок ту кобылицу и тех жеребцов для царя добудет». Бояра, генералы и полковники побежали во дворец докладывать; государь стрелку приказ отдал, стрелок Марье-царевне рассказал, а Марья-царевна вышла на крылечко и вскричала громким голосом: «Батюшкины пастушки́, матушкины работнички! Собирайтесь сюда наскоро». Собралось к ней многое множество верных слуг: выслушали задачу и к утру исполнили. На заре на утренней пробудился стрелок, глянул в окошечко — по двору гуляет кобылица сивобурая, златогривая, и семьдесят семь жеребцов с нею; сел на ту кобылицу верхом и поехал к царю. Кобылица стрелой летит, а за ней семьдесят семь жеребцов бегут: так и месят около, словно рыба в воде возле корму сладкого.

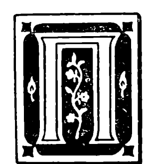
Царь видит, что дело его на лад нейдет, и опять принялся за своих советчиков. «Берите,— говорит,— казны сколько надобно, да достаньте мне такую ж красавицу, какова Марья-царевна есть!» Огорчились царские советчики, вздумали с горя в трактир зайти, винца испить. Вошли в трактир, сели за стол и спросили вина и закусок. Подбежал к ним кабацкая теребень в худом кафтанишке: «О чем, господа, пригорюнились? Поднесите мне рюмку винца, я вас на ум наведу, вашему горю пособлю». Они дали ему рюмку вина; теребень выпил и сказал: «Воротитесь-ка назад к государю и скажите, чтоб послал стрелка туда — неведомо куда,

принести то — черт знает что!» Царские советчики обрадовались, наградили его золотом и явились к царю. Увидя их, закричал царь грозным голосом: «Зачем воротились?» Бояра, генералы и полковники отвечали: «Ваше величество! Другой такой красавицы, как Марья-царевна Премудрая, во всем свете нет, и искать нечего. Лучше призовите стрелка и велите ему идти туда — неведомо куда, принести то — черт знает что». Как они научили, так царь и сделал.

Приходит стрелок домой невесел, ниже плеч буйну голову повесил; спрашивает его жена: «О чем, добрый мо́лодец, запечалился? Али слышал от царя кручинное слово, али я тебе не по мысли пришлась?» Он горько заплакал. «Нарядил,— говорит,— государь меня на новую службу, приказал идти туда — неведомо куда, принести то — черт знает что».— «Вот это служба, так служба!» — сказала Марья-царевна и дала ему мячик: куда мячик покатится, туда и ступай.

Пошел стрелок в путь-дорогу; мячик катился-катился и завел его в такие места, где и следу человеческой ноги не видать. Еще немного — и пришел стрелок к большому дворцу; встречает его царевна: «Здравствуй, зятюшка! Какими судьбами попал — волей али неволей? Здорова ли сестрица моя Марья-царевна?» — «По отходе моем здорова была, а теперь — не ведаю. Занесла меня к вам неволя горькая — нарядил царь на службу...». (Окончание сказки то же, как и в предыдущем списке.)

214

ошел отставной солдат Тарабанов странствовать; шел он неде- 122a
лю, другую и третью, шел целый год и попал за тридевять земель, в тридесятое государство — в такой дремучий лес, что кроме неба да деревьев ничего не видать. Долго ли, коротко ли — выбрался он на чистую поляну, на поляне огромный дворец выстроен. Смотрит на дворец да дивуется — этакого богатства ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать! Обошел кругом дворца — нет ни ворот, ни подъезда, нет ходу ниоткудова. Как быть? Глядь — длинная жердь валяется; поднял ее, приставил к балкону, напустил на себя смелость и полез по той жерди; взлез на балкон, растворил стеклянные двери и пошел по всем покоям — везде пусто, ни одна душа не попадается!

Входит солдат в большую залу — стоит круглый стол, на столе двенадцать блюд с разными кушаньями и двенадцать графинов с сладкими винами. Захотелось ему голод утолить; взял с каждого блюда по куску, отлил из каждого графина по рюмке, выпил и закусил; залез на печку, ранец в голова положил и лег отдыхать. Не успел задремать хорошенько — как вдруг прилетают в окно двенадцать лебедушек, ударились об пол и сделались красными де́вицами — одна другой лучше; крылышки свои на печь положили, сели за стол и начали угощаться — каждая с своего блюда, каждая из своего графина. «Послушайте, сестрицы,— говорит одна,— у нас что-то неладно. Кажись, ви́на отпиты и кушанья по́чаты».— «Полно, сестрица! Ты завсегда больше всех знаешь!» Солдат

заприметил, куда они положили крылышки; тотчас тихонько поднялся и взял пару крылышек той самой де́вицы, которая была всех догадливее; взял и спрятал.

Красные де́вицы пообедали, встали из-за стола, подбежали к печке и ну разбирать свои крылышки. Все разобрали, только одной не хватает. «Ах, сестрицы, моих крылышек нету!» — «Ну что ж? Зато ты больно хитра!» Вот одиннадцать сестер ударились об пол, обернулись белыми лебедушками и улетели в окно; а двенадцатая как была, так и осталась и горько-горько заплакала. Солдат вылез из-за печки; увидала его красная де́вица и начала жалостно упрашивать, чтоб отдал ей крылышки. Говорит ей солдат: «Сколько ни проси, сколько ни плачь — ни за что не отдам твоих крылышек! Лучше согласись быть моей женою, и станем жить вместе». Тут они меж собой поладили, обнялись и крепко поцеловались.

Повела его красная де́вица, своего нареченного мужа, в подвалы глубокие, отперла большой сундук, железом окованный, и говорит: «Забирай себе золота, сколько снести можешь, чтоб было чем жить — не прожить, было бы на что хозяйство водить!» Солдат насыпал себе полны карманы золота, выбросил из ранца старые заслужо́нные рубашки, набил и его золотом. После собрались они и пошли вдвоем в путь-дорогу дальнюю.

Долго ли, коротко ли — пришли в славный столичный город, наняли себе квартиру и расположились на житье. В один день говорит солдату его жена: «На́ тебе сто рублей, поди в лавки и как есть на всю сотню купи мне разного шелку». Солдат пошел в лавки, смотрит — на дороге кабак стоит. «Неужли,— думает,— из сотни рублей нельзя выпить и на гривенник? Дай зайду!» Зашел в кабак, выпил косушку, заплатил гривенник и отправился за шелком; сторговал большой сверток, приносит домой и отдает жене. Она спрашивает: «На сколько тут?» — «На сто рублей».— «Ан неправда! Ты купил на сто рублей без гривенника. Куда ж,— говорит,— ты гривенник девал? Верно, в кабаке пропил!» — «Ишь какая хитрая! — думает солдат про себя,— всю подноготную знает». Из того шелку вышила солдатская жена три чудных ковра и послала мужа продавать их; богатый купец дал за каждый ковер по три тысячи, дождался большого праздника и понес те ковры самому королю в подарок. Король как взглянул, так и ахнул от удивления: «Что за искусные руки работали!» — «Это,— говорит купец,— простая солдатская жена вышила».— «Быть не может! Где она живет! Я сам к ней поеду».

На другой же день собрался и поехал к ней новую работу заказывать; приехал, увидал красавицу и по уши в нее врезался. Вернулся во дворец и задумал думу нехорошую, как бы от живого мужа жену отбить. Призывает к себе любимого генерала. «Выдумай,— говорит,— как извести солдата; награжу тебя и чинами, и деревнями, и золотой казной».— «Ваше величество! Задайте ему трудную службу: пусть пойдет на край света да Сауру-слугу достанет; тот Саура-слуга может в кармане жить, и что ему ни прикажешь — живо все сделает!»

Король послал за солдатом, и как скоро привели его во дворец, тотчас на него накинулся: «Ах ты, неразумная голова! По кабакам, по тракти-

рам ходишь да все хвастаешь, что Сауру-слугу достать — для тебя плевое дело. Что ж ты наперед ко мне не пришел, ни единого слова про то не сказал? У меня ведь двери никому не заперты».— «Ваше величество! Мне такой похвальбы и на ум не всходило».— «Ну, брат Тарабанов! Не моги запираться! Ступай на край света и добудь мне Сауру-слугу. Не добудешь — злой смертью казню!» Прибежал солдат к жене и рассказал свое горе; она вынула колечко. «На,— говорит,— колечко; куда оно покатится, туда и ступай — ничего не бойся!» Наставила его на ум, на разум и отпустила в дорогу.

Кольцо катилось-катилось, докатилось до избушки, вспрыгнуло на крылечко, в дверь да под печку. Солдат за ним вошел в избушку, залез под печь и сидит-дожидается. Вдруг приходит туда старик — сам с ноготь, борода с локоть, и стал кликать: «Эй, Саура! Покорми меня». Только приказал, в ту ж минуту перед ним является бык печеный, в боку нож точеный, в заду чеснок толченый и сороковая бочка хорошего пива. Старик сам с ноготь, борода с локоть сел возле быка, вынул нож точеный, начал мясо порезывать, в чеснок помакивать, покушивать да похваливать. Обработал быка до последней косточки, выпил целую бочку пива и вымолвил: «Спасибо, Саура! Хорошо твое кушанье; через три года я опять к тебе буду». Попрощался и ушел.

Солдат вылез из-под печки, напустил на себя смелость и крикнул: «Эй, Саура! Ты здесь?» — «Здесь, служивый!» — «Покорми, брат, и меня». Саура подал ему жареного быка и сороковую бочку пива; солдат испугался: «Что ты, Саура, сколько подал! Мне этого и в год не съесть, не выпить». Съел куска два, выпил с бутылку, поблагодарил за обед и спрашивает: «Не хочешь ли, Саура, у меня служить?» — «Да коли возьмешь, я с радостью пойду; старик мой такой обжора, что иной раз из сил выбьешься, пока его досыта учествуешь».— «Ну, пойдем! Полезай в карман».— «Я давно, сударь, там».

Тарабанов вышел из той избушки; кольцо покатилось, стало путь показывать и — долго ли, коротко ли — привело солдата домой. Он тотчас явился к государю, кликнул Сауру и оставил его при короле служить. Опять призывает король генерала: «Вот ты сказывал, что солдат Тарабанов сам пропадет, а Сауры ни за что не добудет; а он вернулся целехонек и Сауру принес!» — «Ваше величество! Можно выискать потрудней того службу: прикажите-ка ему на тот свет идти да узнать, как поживает там ваш покойный батюшка?» Король не стал долго раздумывать и в ту ж минуту послал курьера, чтоб представили к нему солдата Тарабанова. Курьер поскакал: «Эй, служба, одевайся, король тебя требует».

Солдат почистил на шинели пуговицы, оделся, сел с курьером и поехал во дворец. Является к королю; король ему и говорит: «Послушай, неразумная голова! Что ты по всем трактирам, по кабакам хвастаешь, а мне не доложишься, будто можешь ты на тот свет дойтить и узнать, как поживает мой покойный батюшка?» — «Помилуйте, ваше величество! Такой похвальбы мне и в голову не всходило, чтоб на тот свет попасть. Окромя смерти, иной дороги туда — как перед богом! — не ведаю».—

«Ну как хочешь, так и делай, а непременно сходи и узнай про моего батюшку; не то мой меч — твоя голова с плеч!» Тарабанов воротился домой, повесил свою буйную голову ниже могучих плеч и сильно запечалился; спрашивает его жена: «О чем приуныл, любезный друг? Скажи мне сущую правду». Он ей рассказал все по порядку. «Ничего, не печалься! Ложись-ка спать; утро вечера мудренее».

На другой день поутру только проснулся солдат, посылает его жена: «Ступай к государю и проси себе в товарищи того самого генерала, который на тебя короля наущает». Тарабанов оделся, приходит к королю и просит: «Ваше королевское величество! Дайте мне генерала в товарищи; пусть он будет свидетелем, что я взаправду на том свете побываю и про вашего родителя безо всякого обману проведаю».— «Хорошо, братец! Ступай домой, собирайся; я его к тебе пришлю». Тарабанов воротился домой и начал в дорогу собираться; а король потребовал к себе генерала. «Ступай, — говорит, — и ты с солдатом; а то ему одному поверить нельзя». Генерал струхнул, да делать нечего — королевского слова нельзя ослушаться: нехотя побрел он на солдатскую квартиру.

Тарабанов наклал сухарей в ранец, налил воды в манерку, попрощался с своей женою, взял у нее колечко и говорит генералу: «Ну, теперь с богом в путь!» Вышли они на двор: у крыльца стоит дорожная коляска — четверней запряжена. «Это кому?» — спрашивает солдат. «Как кому? Мы поедем».— «Нет, ваше превосходительство! Коляски нам не потребуется: на тот свет надо пешком идти». Кольцо впереди катится, за кольцом солдат идет, а за ним генерал тащится. Путь далекий, захочется солдату есть — вынет из ранца сухарик, помочит в воде и кушает; а товарищ его только посматривает да зубами пощелкивает. Коли даст ему солдат сухарик — так и ладно, а не даст — и так идет.

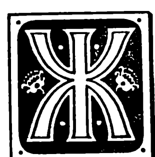
Близко ли, далеко ли, скоро ли, коротко ли — не так скоро дело делается, как скоро сказка сказывается — пришли они в густой, дремучий лес и спустились в глубокий-глубокий овраг. Тут кольцо остановилося. Солдат с генералом сели наземь и принялись сухари глодать; не успели покушать, как глядь — мимо их на старом короле два черта дрова везут — большущий воз! — и погоняют его дубинками: один с правого боку, а другой с левого. «Смотрите, ваше превосходительство! Никак это старый король?»— «Да, твоя правда! — говорит генерал.— Это он самый дрова везет».— «Эй, господа нечистые! — закричал солдат.— Ослободите мне этого покойника хоть на малое время; нужно кой о чем его расспросить».— «Да, есть нам время дожидаться! Пока ты будешь с ним разговаривать, мы за него дрова не потащим».— «Зачем самим трудиться! Вот возьмите у меня свежего человека на смену».

Черти мигом отпрягли старого короля, а на его место заложили в телегу генерала и давай с обеих сторон нажаривать; тот гнется, а везет. Солдат спросил старого короля про его житье-бытье на том свете. «Ах, служивый! Плохое мое житье. Поклонись от меня сыну да попроси, чтобы служил по моей душе панихиды; авось господь меня помилует — освободит от вечной муки. Да накрепко ему моим именем закажи, чтобы не обижал он ни черни, ни войска; не то бог заплатить!»— «Да ведь он,

пожалуй, веры не даст моему слову; дай мне какой-нибудь знак».— «Вот тебе ключ! Как увидит его — всему поверит». Только успели он разговор покончить, как уж черти назад едут. Солдат попрощался с старым королем, взял у чертей генерала и отправился вместе с ним в обратный путь.

Приходят они в свое королевство, являются во дворец. «Ваше величество! — говорит солдат королю.— Видел вашего покойного родителя — плохое ему на том свете житье. Кланяется он вам и просит служить по его душе панихиды, чтобы бог помиловал — освободил его от вечной муки; да велел заказать вам накрепко: пусть-де сынок не обижает ни черни, ни войска! Господь тяжко за то наказывает».— «Да взаправду ли вы на тот свет ходили, взаправду ли моего отца видели?» Генерал говорит: «На моей спине и теперь знаки видны, как меня черти дубинками погоняли». А солдат ключ подает; король глянул: «Ах, ведь это тот самый ключ от тайного кабинета, что как хоронили батюшку, так позабыли у него из кармана вынуть!» Тут король уверился, что солдат сущую правду говорил, произвел его в генералы и перестал думать об его жене-красавице.

215

Жил-был некоторый купец, весьма богат: имел при себе сына 122а
на возрасте. Вскоре купец помер. Оставался сын с матерью, стал торговать, и пошли его дела худо: ни в чем-то ему счастья не было; что отец три года наживал, то он в три дня терял, совсем проторговался, только и осталось от всего богатства — один старый дом. Знать уж такой бездольный уродился! Видит добрый мóлодец, что жить и питаться стало нечем, сел под окном на лавочке, расчесал буйну голову и думает: «Чем мне кормить будет свою голову и родную матушку?» Посидел немного и стал просить у матери благословения. «Пойду,— говорит,— наймусь к богатому мужику в казаки[1]». Купчиха его отпустила.

Вот он пошел и нанялся к богатому мужику — на все лето порядился за пятьдесят рублев; стал работать — охоты хоть много, да ничего не умеет: что топоров, что кос приломал, привел хозяина в убыток рублев на тридцать. Мужик насилу додержал его до половины лета и отказал. Пришел добрый мóлодец домой, сел на лавочку под окошечко, расчесал буйну головушку и горько заплакал: «Чем же мне кормить будет свою голову и матушкину?» Мать спрашивает: «О чем, дитя мое, плачешь?» — «Как мне не плакать, матушка, коли нет ни в чем счастья? Дай мне благословение; пойду, где-нибудь в пастухи наймусь». Мать отпустила его.

Вот он нанялся в одной деревне стадо пасти и рядился на лето за сто рублев; не дожил и до половины лета, а уж больше десятка коров растерял; и тут ему отказали. Пришел опять домой, сел на лавочку под окошечко, расчесал буйну головушку и заплакал горько; поплакал-поплакал и стал просить у матери благословения. «Пойду,— говорит,— куда голова

[1] Батраки.

понесет!» Мать насушила ему сухарей, наклала в мешок и благословила сына идти на все четыре стороны. Он взял мешок и пошел — куда глаза глядят; близко ли, далеко ли — дошел до другого царства. Увидал его царь той земли и стал спрашивать: «Откуда и куда путь держишь?» — «Иду работы искать; все равно — какая б ни попалася, за всякую рад взяться».— «Наймись у меня на винном заводе работать; твое дело будет дрова таскать да под котлы подкладывать».

Купеческий сын и тому рад и срядился с царем за полтораста рублев в год. До половины года не дожил, а почти весь завод сжег. Призвал его царь к себе и стал допытываться: «Как это сделалось, что у тебя завод сгорел?» Купеческий сын рассказал, как прожил он отцовское имение и как ни в чем таки ему счастья нет: «Где ни наймусь, дальше половины срока не удается мне выжить!» Царь пожалел его, не стал за вину наказывать; назвал его Бездольным, велел приложить ему в самый лоб печать, ни подати, ни пошлины с него не спрашивать, и куда бы он ни явился — накормить его, напоить, на ночлег пустить, но больше одних суток нигде не держать. Тотчас по царскому приказу приложили купеческому сыну печать ко лбу; отпустил его царь. «Ступай,— говорит,— куда знаешь! Никто тебя не захватит, ничего с тебя не спросят, а сыт будешь». Пошел Бездольный путем-дорогою; куда ни явится — никто у него ни билета, ни пашпорта не спрашивает, напоят, накормят, дадут ночь переночевать, а наутро со двора в шею гонят.

Долго ли, коротко ли бродил он по белу свету, случилось ему в темный лес зайти; в том лесу избушка стоит, в избушке старуха живет. Приходит к старухе; она его накормила-напоила и добру научила: «Ступай-ка ты по этой дорожке, дойдешь до синя моря — увидишь большой дом; зайди в него и сделай вот так-то и так-то». По сказанному, как по писаному, пустился купеческий сын по той дорожке, добрался до синя моря, увидал славный большой дом; входит в переднюю комнату — в той комнате стол накрыт, на столе краюха белого хлеба лежит. Он взял нож, отрезал ломоть хлеба и закусил немножко; потом взлез на печь, заклался дровами, сидит — вечера дожидается.

Только вечереть стало — приходят туда тридцать три девицы, родные сестрицы, все в один рост, все в одинаковых платьях и все равно хороши. Большая сестра впереди выступает, на краюху поглядывает. «Кажись,— говорит,— здесь русский дух побывал?» А меньшая назади отзывается: «Что ты, сестрица! Это мы по Руси ходили да русского духу и нахватались». Сели девицы за стол, поужинали, побеседовали и разошлись по разным покоям; в передней комнате осталась одна меньшая, тотчас она разделась, легла на постель и уснула крепким сном. Тем временем унес у нее добрый мóлодец платье.

Рано поутру встала девица, ищет — во что бы одеться: и туда и сюда бросится — нет нигде платья. Прочие сестры уж давно оделись, обернулись голубками и улетели на сине море, а ее одну покинули. Говорит она громким голосом: «Кто взял мое платье, отзовись, не бойся! Если ты старый старичок — будь мой дедушка, если старая старушка — будь моя бабушка, если пожилой мужичок — будь мой дядюшка, если пожилая

женщина — будь моя тетушка, если же молодой молодец — будь мой суженый». Купеческий сын, слез с печки и подал ей платье; она тотчас оделась, взяла его за руку, поцеловала в уста и промолвила: «Ну, сердечный друг! Не время нам здесь сидеть, пора в путь-дорогу собираться, своим домком заводиться».

Дала ему сумку на плечи, себе другую взяла и повела к погребу; отворила двери — погреб был битком набит медными деньгами. Бездольный обрадовался и ну загребать деньги пригоршнями да в сумку класть. Красная девица рассмеялась, выхватила сумку, вывалила все деньги вон и затворила погреб. Он на нее покосился: «Зачем назад выбросила? Нам бы это пригодилося».— «Это что за деньги! Станем искать получше». Привела его к другому погребу, отворила двери — погреб был сполна серебром навален. Бездольный пуще прежнего обрадовался, давай хватать деньги да в сумку класть; а девица опять смеется: «Это что за деньги! Пойдем, поищем чего получше». Привела его к третьему погребу — весь золотом да жемчугом навален: «Вот это так деньги, бери, накладывай обе сумки». Набрали они золота и жемчуга и пошли в путь-дорогу.

Близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли — скоро сказка сказывается, не скоро дело деется — приходят в то самое царство, где купеческий сын на заводе жил, вино курил. Царь его узнал: «Ах, да это ты, Бездольный! Никак ты женился, ишь какую красавицу за себя выискал! Ну, коли хочешь — живи теперь в моем царстве». Купеческий сын стал с своей женой советоваться, она ему говорит: «На честь не гребись, с чести не вались![2] Нам все равно — где ни жить; пожалуй, и здесь останемся». Вот они и остались жить в этом царстве, завелись домком и зажили ладком.

Прошло немного времени, позавидовал их житью-бытью ближний царский воевода, пошел к старой колдунье и говорит ей: «Послушай, бабка! Научи, как бы извести мне купеческого сына; называется он Бездольным, а живет вдвое богаче меня, и царь его жалует больше бояр и думных людей, и жена у него красота ненаглядная».— «Ну что ж! Пособить этому делу можно: ступай к самому царю и оговори перед ним Бездольного: так и так, дескать, обещается он сходить в город Ничто, принести неведомо что». Ближний воевода — к царю, царь — за купеческим сыном: «Что ты, Бездольный, по сторонам хвастаешь, а мне ни гу-гу! Завтра же отправляйся в дорогу: сходи в город Ничто, принеси неведомо что! Если не сослужишь этой службы, то жены лишен».

Приходит Бездольный домой и горько-горько плачет. Увидала жена и спрашивает: «О чем плачешь, сердечный друг? Разве кто тебе обиду нанес, али государь чарой обнес, не на то место посадил, трудную службу наложил?» — «Да такую службу, что трудно и выдумать, а не то что исполнить; вишь, приказал мне сходить в город Ничто, принести неведомо что!» — «Нечего делать, с царем не поспоришь; надо идти!» Принесла она ширинку да клубочек, отдала мужу и наказала, как и куда идти. Клубо-

[2] За честью не гонись, от чести не отказывайся! (*Ред.*).

чек покатился прямехонько в город Ничто; катится он и полями чистыми, и мхами-болотами, и реками-озерами, а следом за ним Бездольный шагает.

Близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли — стоит избушка на курьей ножке, на собачьей голяшке. «Избушка, избушка! Повернись к лесу задом, ко мне передом». Избушка повернулась; он отворил дверь на пя́ту; зашел в избушку — сидит на скамье седая старуха: «Фу-фу! Доселева русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче русский дух сам пришел. Ну, добрый мо́лодец, вовремя явился; я ведь голодна, есть хочу; убью тебя да скушаю, а живого не спущу».— «Что ты, старая чертовка! Как станешь есть дорожного человека? Дорожный человек и костоват и черен; ты наперед баньку истопи, меня вымой-выпари, да тогда и ешь на здоровье».

Старуха истопила баню; Бездольный вымылся, выпарился, достал женину ширинку и стал лицо утирать. «Откуда у тебя эта ширинка? Ведь это моя племянница вышивала!» — «Я твою племянницу замуж взял».— «Ах, зять возлюбленный! Чем же тебя потчевать?» Наставила старуха всяких кушаньев, всяких вин и медов; зять не чванится, не ломается, сел за стол и давай уплетать. Вот старуха накормила его, напоила, спать повалила; сама возле села и стала выспрашивать: «Куда идешь, добрый мо́лодец — по охоте аль по неволе?» — «Уж что за охота! Царь велел сходить в город Ничто, принести неведомо что». Поутру рано разбудила его старуха, кликнула собачку. «Вот,— говорит,— тебе собачка; она доведет тебя в тот город».

Целый год странствовал Бездольный, пришел в город Ничто — нет ни души живой, всюду пусто! Забрался он во дворец и спрятался за печку. Вечером приходит туда старик сам с ноготок, борода с локоток: «Эй, Никто! Накорми меня». Вмиг все готово; старик наелся-напился и ушел. Бездольный тотчас вылез из-за печки и крикнул: «Эх, Никто! Накорми меня». Никто накормил его. «Эй, Никто! Напой меня». Никто напоил его. «Эй, Никто! Пойдем со мной». Никто не отказывается.

Повернул Бездольный в обратный путь; шел-шел, вдруг навстречу ему человек идет, дубинкою подпирается. «Стой! — закричал он купеческому сыну.— Напой-накорми дорожного человека». Бездольный отдал приказ: «Эй, Никто! Подавай обед». В ту ж минуту в чистом поле стол явился, на столе всяких кушаньев, вин и медов — сколько душе угодно. Встречный наелся-напился и говорит: «Променяй своего Никто на мою дубинку».— «А на что твоя дубинка пригожается?» — «Только скажи: эй, дубинка, догони того-то и убей до смерти! — она тотчас настигнет и убьет хошь какого силача». Бездольный поменялся, взял дубинку, отошел шагов с пятьдесят и вымолвил: «Эй, дубинка, нагони этого мужика, убей его до смерти и отыми моего Никто». Дубинка пошла колесом — с конца на конец повертывается, с конца на конец перекидывается; нагнала мужика, ударила его по лбу, убила и назад вернулась.

Бездольный взял ее и отправился дальше; шел-шел, попадается ему навстречу другой мужик: в руках гусли несет. «Стой! — закричал встречный купеческому сыну.— Напой-накорми дорожного человека». Тот накормил его, напоил досыта. «Спасибо, добрый мо́лодец! Променяй своего

Никто на мои гусли».— «А на что твои гусли пригожаются?» — «Мои гусли не простые: за одну струну дернешь — сине море станет, за другую дернешь — корабли поплывут, а за третью дернешь — будут корабли из пушек палить». Бездольный крепко на свою дубинку надеется. «Пожалуй,— говорит,— поменяемся!» Поменялся и пошел своей дорогою; отошел шагов с пятьдесят и скомандовал своей дубинке; дубинка завертелась колесом, догнала того мужика и убила до смерти.

Стал Бездольный подходить к своему государству и вздумал сыграть шутку. открыл гусли, дернул за одну струну — сине море стало, дернул за другую — корабли под стольный город подступили, дернул за третью — со всех кораблей из пушек пальба началась. Царь испугался, велел собирать рать-силу великую, отбивать от города неприятеля. А тут и Бездольный явился: «Ваше царское величество! Я знаю, чем от беды избавиться; прикажите у своего ближнего воеводы отрубить правую ногу да левую руку — сейчас корабли пропадут». По царскому слову отрубили у воеводы и руку и ногу; а тем временем Бездольный закрыл свои гусли — и в ту ж минуту куда что девалося; нет ни моря, ни кораблей! Царь на радостях задал большой пир; только и слышно: «Эй, Никто! Подай то, принеси другое!»

С той поры воевода пуще прежнего невзлюбил купеческого сына и всячески стал под него подыскиваться; посоветовался с старой колдуньею, пришел на костыле во дворец и сказывает: «Ваше величество! Бездольный опять похваляется, будто может он сходить за тридевять земель, в тридесятое царство, и добыть оттуда кота-баюна, что сидит на высоком столбе в двенадцать сажóн и многое множество всякого люду насмерть побивает». Царь позвал к себе Бездольного, поднес ему чару зелена вина. «Ступай,— говорит,— за тридевять земель, в тридесятое царство, и достань мне кота-баюна. Если не сослужишь этой службы, то жены лишен!»

Купеческий сын горько-горько заплакал и пошел домой; увидала его жена и спрашивает: «О чем плачешь? Разве кто тебе обиду нанес, али государь чарой обнес, не на то место посадил, трудную службу наложил?» — «Да, задал такую службу, что трудно и выдумать, не то что выполнить; приказал добыть ему кота-баюна». — «Добро! Молись спасу да ложись спать; утро вечера мудренее живет». Бездольный лег спать, а жена его сошла в кузницу, сковала ему на голову три колпака железные, приготовила три просвиры железные, клещи чугунные да три прута: один железный, другой медный, третий оловянный. Поутру разбудила мужа: «Вот тебе три колпака, три просвиры и три прута; ступай за тридевять земель, в тридесятое царство, за котом-баюном. Трех верст не дойдешь, как станет тебя сильный сон одолевать — кот-баюн напустит. Ты смотри — не спи, руку за руку закидывай, ногу за ногой волочи, а инде[3] и катком катись; а если уснешь, кот-баюн убьет тебя!» Научила его, как и что делать, и отпустила в дорогу.

Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли — пришел Бездольный в тридесятое царство; за три версты стал его сон одолевать, он надевает

[3] Где-то, иной раз (*Ред.*).

три колпака железные, руку за руку закидывает, ногу за ногой волочит, а то и катком катится; кое-как выдержал и очутился у самого столба. Кот-баюн прыг ему на голову, один колпак разбил и другой разбил, взялся было за третий — тут добрый мо́лодец ухватил его клещами, сволок наземь и давай сечь прутьями; наперво сек железным прутом, изломал железный — принялся угощать медным, изломал медный — пустил в дело оловянный; этот гнется, не ломится, вкруг хребта увивается. Кот-баюн начал сказки сказывать: про попов, про дьяков, про поповых дочерей: а купеческий сын не слушает, знай его нажаривает. Невмоготу коту стало; видит, что заговорить нельзя, и возмолился: «Покинь меня, добрый человек! Что надо, все тебе сделаю».— «А пойдешь со мною?» — «Куда хошь — пойду!»

Бездольный выпустил кота-баюна; кот позвал его в гости, посадил за стол и наклал хлеба целые вороха. Бездольный съел ломтя три-четыре, да и будет! В горло не лезет. Заворчал на него кот, зауркал: «Какой же ты богатырь, коли не сможешь супротив меня хлеба съесть?» Отвечает Бездольный: «Я к вашему хлебу не привык; а есть у меня в сумке дорожные русские сухарики — взять было их и закусить на голодное брюхо!» Вынул железную просвиру и словно глодать собирается. «А ну,— просит кот-баюн,— дай-ка мне отведать, каковы русские сухари?» Купеческий сын дал ему железную просвиру — он всю дочиста сглодал, дал ему другую — и ту изгрыз, дал ему третью — он грыз-грыз, зубы поломал, бросил просвиру на стол и говорит: «Нет, не смогу! Больно крепки русские сухари». После того собрался Бездольный и пошел домой; вместе с ним и кот отправился.

Шли-шли, шли-шли и добрались куда надо; приходят во дворец, царь увидал кота-баюна и приказывает: «А ну, кот-баюн! Покажи мне большую страсть». Кот свои когти точит, на царя их ладит; хочет у него белу грудь раздирать, из живого сердце вынимать. Царь испугался и стал молить Бездольного: «Уйми, пожалуйста, кота-баюна! Все для тебя сделаю».— «Закопай воеводу живьем в землю, так сейчас уйму». Царь согласился; тотчас подхватили воеводу за руку да за ногу, потащили на двор и живьем закопали в сыру землю. А Бездольный остался жить при царе; кот-баюн их обоих слушался, Никто им прислуживал, и жили они долго и весело. Вот сказка вся, больше сказывать нельзя.

6 Заказ № 101

216. МУДРАЯ ЖЕНА

В некотором царстве, в некотором государстве жил в деревушке 123
старик со старухою; у него было три сына: два — умных, а третий — дурак. Пришло время старику помирать, стал он деньги делить: старшему дал сто рублей и среднему — сто рублей, а дураку и давать не хочет: все равно даром пропадут! «Что ты, батька! — говорит дурак.— Дети все равны, что умные, что дурак; давай и мне долю». Старик дал и ему сто рублей. Умер отец, похоронили его. Вот умные братья собрались на базар ехать быков покупать; и дурак поднялся. Умные купили быков, а он кошку да собаку привел. Через несколько дней старшие братья запрягли своих быков, хотят в дорогу ехать; смотря на них, и меньшой собирается. «Что ты, дурак! Куда собираешься? Али людей смешить?» — «Про то я знаю! Умным — дорога, и дуракам — путь не заказан».

Взял дурак собаку да кошку, взвалил мешок на плеча и пошел из дому. Шел-шел, на пути большая река, а заплатить за перевоз нет ни гроша; вот дурак долго не думал, набрал хворосту, сделал на берегу шалаш и остался в нем жить. Начала его собака по сторонам промышлять, краюшки хлеба таскать, и себя не забывает и хозяина с кошкой кормит. Плыл по той реке корабль с разными товарами. Дурак увидал и кричит: «Эй, господин корабельщик! Ты в торг едешь, возьми и мой товар из половины». И бросил на корабль свою кошку. «Куда нам этого зверя? — смеются корабельные работники. — Давайте, ребята, его в воду спустим».— «Эх вы какие,— говорит хозяин,— не трожьте, пускай эта кошка у нас мышей да крыс ловит».— «Что ж, это дело!»

Долго ли, коротко ли — приплыл корабль в иную землю, где кошек никто и не видывал, а крыс да мышей столько было, как травы в поле. Корабельщик разложил свои товары, стал продавать; нашелся и купец на них, закупил все сполна и позвал корабельщика. «Надо магарыч пить; пойдем,— говорит,— я тебя угощу!» Привел гостя в свой дом, напоил допьяна и приказал своим приказчикам стащить его в сарай: «Пусть-де его крысы съедят, все его богатство мы задаром возьмем!» Стащили корабельщика в темный сарай и бросили наземь; а с ним всюду кошка ходила, так привыкла к нему — ни на шаг не отстает. Забралась она в этот сарай и давай крыс душить; душила-душила, этакую кучу накидала! Наутро приходит хозяин, смотрит — корабельщик ни в чем невредим, а кошка последних крыс добивает. «Продай,— говорит,— мне твоего зверя». — «Купи!» Торговаться-торговаться — и купил ее купец за шесть бочонков золота.

Воротился корабельщик в свое государство, увидал дурака и отдает ему три бочонка золота. «Экая пропасть золота! Куда мне с ним?» — подумал дурак и пошел по городам да по селам оделять нищую братию; роздал два бочонка, а на третий купил ладану, сложил в чистом поле и зажег: воскурилось благоухание и пошло к богу на небеса. Вдруг является ангел: «Господь приказал спросить, чего ты желаешь?» — «Не

знаю»,— отвечает дурак. «Ну, ступай в эту сторону; там три мужика землю пашут, спроси у них — они тебе скажут». Дурак взял дубинку и пошел к пахарям. Приходит к первому: «Здравствуй, старик!» — «Здравствуй, добрый человек!» — «Научи меня, чего б пожелать мне от господа».— «А я почем знаю, что тебе надобно!» Дурак недолго думал, хватил старика дубинкою прямо по голове и убил до смерти.

Приходит к другому, опять спрашивает: «Скажи, старик, чего бы лучше пожелать мне от господа?» — «А мне почем знать!» Дурак ударил его дубинкою — и дохнуть не́ дал. Приходит к третьему пахарю, спрашивает у него: «Скажи ты, старче!» Старик отвечает: «Коли тебе богатство дать, ты, пожалуй, и бога забудешь; пожелай лучше жену мудрую». Воротился дурак к ангелу. «Ну, что тебе сказано?» — «Сказано: не желай богатства, пожелай жену мудрую».— «Хорошо! — говорит ангел.— Ступай к такой-то реке, сядь на мосту и смотри в воду; мимо тебя всякая рыба пройдет — и большая и малая; промеж той рыбы будет плотичка с золотым кольцом — ты ее подхвати и брось через себя о сырую землю».

Дурак так и сделал; пришел к реке, сел на мосту, смотрит в воду пристально — плывет мимо рыба всякая, и большая и малая, а вот и плотичка — на ней золотое кольцо вздето; он тотчас подхватил ее и бросил через себя о сырую землю — обратилась рыбка красной девицей: «Здравствуй, милый друг!» Взялись они за руки и пошли; шли, шли, стало солнце садиться — остановились ночевать в чистом поле. Дурак заснул крепким сном, а красная девица крикнула зычным голосом — тотчас явилось двенадцать работников. «Постройте мне богатый дворец под золотою крышею». Вмиг дворец поспел, и с зеркалами и с картинами. Спать легли в чистом поле, а проснулись в чудесных палатах. Увидал тот дворец под золотою крышею сам государь, удивился, позвал к себе дурака и говорит: «Еще вчера было тут место гладкое, а нынче дворец стоит! Видно, ты колдун какой!» — «Нет, ваше величество! Все сделалось по божьему повелению».— «Ну, коли ты сумел за одну ночь дворец поставить, ты построй к завтрему от своего дворца до моих палат мост — одна мостина серебряная, а другая золотая; а не выстроишь, то мой меч — твоя голова с плеч!»

Пошел дурак, заплакал. Встречает его жена у дверей: «О чем плачешь?» — «Как не плакать мне! Приказал мне государь мост состроить — одна мостина золотая, другая серебряная; а не будет готов к завтрему, хочет голову рубить».— «Ничего, душа моя! Ложись-ка спать; утро вечера мудренее». Дурак лег и заснул; наутро встает — уж все сделано: мост такой, что в год не насмотришься! Король позвал дурака к себе: «Хороша твоя работа! Теперь сделай мне за единую ночь, чтоб по обе стороны моста росли яблони, на тех яблонях висели бы спелые яблочки, пели бы птицы райские да мяукали котики морские; а не будет готово, то мой меч — твоя голова с плеч!»

Пошел дурак, заплакал; у дверей жена встречает: «О чем, душа, плачешь?» — «Как не плакать мне! Государь велел, чтоб к завтрему по обе стороны моста яблони росли, на тех яблонях спелые яблочки висели, птицы райские пели и котики морские мяукали; а не будет сделано —

хочет рубить голову».— «Ничего, ложись-ка спать; утро вечера мудренее». Наутро встает дурак — уж все сделано: яблоки зреют, птицы распевают, котики мяукают. Нарвал он яблоков, понес на блюде к государю. Король съел одно-другое яблоко и говорит: «Можно похвалить! Этакой сласти я еще никогда не пробовал! Ну, братец, коли ты так хитер, то сходи на тот свет к моему отцу-покойнику и спроси, где его деньги запрятаны? А не сумеешь сходить туда, помни одно: мой меч — твоя голова с плеч!»

Опять идет дурак да плачет. «О чем, душа, слезы льешь?» — спрашивает его жена. «Как мне не плакать! Посылает меня государь на тот свет — спросить у его отца-покойника, где деньги спрятаны».— «Это еще не беда! Ступай к королю да выпроси себе в провожатые тех думных людей, что ему злые советы дают». Король дал ему двух бояр в провожатые; а жена достала клубочек. «На,— говорит,— куда клубочек покатится — туда смело иди».

Вот клубочек катился-катился — и прямо в море: море расступилося, дорога открылася; дурак ступил раз-другой и очутился с своими провожатыми на том свете. Смотрит, а на покойном королевском отце черти до пекла дрова везут да гоняют его железными прутьями. «Стой!» — закричал дурак. Черти подняли рогатые головы и спрашивают: «А тебе что надобно?» — «Да мне нужно слова два перекинуть вот с этим покойником, на котором вы дрова возите».— «Ишь что выдумал! Есть когда толковать! Этак, пожалуй, у нас в пекле огонь погаснет».— «Небось поспеете! Возьмите на смену этих двух бояр, еще скорей довезут». Живой рукой отпрягли черти старого короля, а заместо его двух бояр заложили и повезли дрова в пекло. Говорит дурак государеву отцу: «Твой сын, а наш государь, прислал меня к твоей милости спросить, где прежняя казна спрятана?» — «Казна лежит в глубоких подвалах за каменными стенами; да сила не в том, а скажи-ка ты моему сыну: коли он будет королевством управлять так же не по правде, как я управлял, то и с ним то же будет! Сам видишь, как меня черти замучили, до костей спину и бока простегали. Возьми это кольцо и отдай сыну для большего уверения...» Только старый король покончил эти слова, как черти уж назад едут: «Но-но! Эх, какая пара славная! Дай нам еще разок на ней прокатиться». А бояре кричат дураку: «Смилуйся, не давай нас; возьми, пока живы!» Черти отпрягли их, и бояре воротились с дураком на белый свет.

Приходят к королю; он глянул и ужаснулся: у тех бояр лица осунулись, глаза выкатились, из спины, из боков железные прутья торчат. «Что с вами подеялось?» — спрашивает король. Дурак отвечает: «Были мы на том свете; увидал я, что на вашем покойном отце черти дрова везут, остановил их и дал этих двух бояр на смену; пока я с вашим отцом говорил, а черти на них дрова возили».— «Что ж с тобою отец наказал?» — «Да велел сказать: коли ваше величество будете управлять королевством так же не по правде, как он управлял, то и с вами то же будет. Вот и кольцо прислал для большего уверения». — «Не то говоришь! Где казна-то лежит?» — «А казна в глубоких подвалах, за каменными стенами спрятана». Тотчас призвали целую роту солдат, стали каменные стены ломать; разломали, а за теми стенами стоят бочки с серебром да с золотом — сум-

ма несчетная! «Спасибо тебе, братец, за службу! — говорит король дураку.— Только уж не погневайся: коли ты сумел на тот свет сходить, так сумей достать мне гусли-самогуды; а не достанешь, то мой меч — твоя голова с плеч!»

Дурак пошел и заплакал. «О чем, душа, плачешь?» — спрашивает у него жена. «Как мне не плакать! Сколько ни служить, а все голову сложить! Посылает меня государь за гуслями-самогудами».— «Ничего, мой брат их делает». Дала ему клубочек, полотенце своей работы, наказала взять с собою двух прежних бояр, королевских советников, и говорит: «Теперь ты пойдешь на́долго-на́долго: как бы король чего злого не сделал, на мою красоту не польстился! Пойди-ка ты в сад да вырежь три прутика». Дурак вырезал в саду три прутика. «Ну, теперь ударь этими прутиками и дворец и меня самоё по три раза и ступай с богом!» Дурак ударил — жена обратилась в камень, а дворец в каменную гору. Взял у короля двух прежних бояр и пошел в путь-дорогу; куда клубочек катится, туда и он идет.

Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли — прикатился клубочек в дремучий лес, прямо к избушке. Входит дурак в избушку, а там старуха сидит. «Здравствуй, бабушка!» — «Здравствуй, добрый человек! Куда бог несет?» — «Иду, бабушка, поискать такого мастера, чтобы сделал мне гусли-самогуды: сами бы гусли играли, и под ихнюю музыку все бы волей-неволей плясали».—«Ах, да ведь этакие гусли мой сынок делает! Подожди немножко — он ужо домой придет». Немного погодя приходит старухин сын. «Господин мастер! — просит его дурак.— Сделай мне гусли-самогуды». — «У меня готовые есть; пожалуй, подарю тебе, только с тем уговором: как стану я гусли настраивать — чтоб никто не спал! А коли кто уснет да по моему оклику не встанет, с того голова долой!» — «Хорошо, господин мастер!»

Взялся мастер за работу, начал настраивать гусли-самогуды; вот один боярин заслушался и крепко уснул. «Ты спишь?» — окликает мастер. Тот не встает, не отвечает, и покатилась голова его по полу. Минуты две-три — и другой боярин заснул; отлетела и его голова с плеч долой. Еще минута — и дурак задремал. «Ты спишь?» — окликает мастер. «Нет, не сплю! С дороги глаза слипаются. Нет ли воды? Промыть надобно». Старуха подала воды. Дурак умылся, достал шитое полотенце и стал утираться. Старуха глянула на то полотенце, признала работу своей дочери и говорит: «Ах, зять любезный! Не чаяла с тобой видеться; здорова ли моя дочка?» Тут пошло у них обниманье-целованье: три дня гуляли, пили-ели, прохлаждалися, а там наступило время и прощаться. На прощанье мастер подарил своему зятю гусли-самогуды; дурак взял их под мышку и пустился домой.

Шел-шел, вышел из дремучего леса на большую дорогу и заставил играть гусли-самогуды: век бы слушал — не наслушался!.. Попадается ему навстречу разбойник. «Отдай,— говорит,— мне гусли-самогуды, а я тебе дубинку дам».— «А на что твоя дубинка?» — «Да ведь она не простая; только скажи ей: эй, дубинка, бей-колоти — хоть целую армию, и ту на месте положит». Дурак поменялся, взял дубинку и велел ей убить раз-

бойника. Дубинка полетела на разбойника, раз-другой ударила и убила его до смерти. Дурак взял гусли-самогуды и дубинку и пошел дальше.

Приходит в свое государство. «Что,— думает,— мне к королю идти — еще успею! Лучше я наперед с женой повидаюсь». Ударил тремя прутиками в каменную гору — раз, другой, третий, и явился чудный дворец; ударил в камень — и жена перед ним. Обнялись, поздоровались, два-три слова перемолвили; после того взял дурак гусли, не забыл и дубинку и пошел к королю. Тот увидал. «Эх,— думает,— ничем его не уходишь, все исполняет!» Как закричит, как напустится на дурака: «Ах ты, такой-сякой! Вместо того чтобы ко мне явиться, ты наперед вздумал с женой обниматься!» — «Виноват, ваше величество!» — «Мне из твоей вины не шубу шить! Уж теперь ни за что не прощу... Подайте-ка мой булатный меч!» Дурак видит, что дело к расплате идет, и крикнул: «Эй, дубинка, бей-колоти!» Дубинка бросилась, раз-другой ударила и убила злого короля до смерти. А дурак сделался королем и царствовал долго и милостиво.

217—218. ТРИ КОПЕЕЧКИ

217

ил-был мальчик-сиротинка, кормиться нечем, пошел к 124а
богатому мужику и нанялся в работники: в год за одну копеечку порядился. Целый год работал, получил копеечку, приходит к колодезю и бросает ее в воду: «Коли не потонет, так возьму! Значит, я верно служил хозяину!» Копеечка потонула. Остался на другой год в работниках, опять получил копейку, бросил ее в колодезь — опять потонула. Остался на третий год; работал-работал, пришло время к расчету; хозяин дает ему рубль. «Нет,— говорит сиротинка,— мне твоего не надобно; давай копеечку!» Получил копеечку, бросил ее в колодезь, смотрит — все три копеечки поверх воды плавают; взял их и пошел в город.

Идет по улице, а малые ребятишки поймали котенка и мучают. Жалко ему стало: «Продайте мне, ребятки, этого котенка».— «Купи!» — «Что возьмете?» — «Давай три монетки». Вот сиротинка купил котенка и нанялся к купцу в лавке сидеть; пошла у того купца торговля на диво: товару напастись не может, покупщики живо все разбирают. Собрался купец за море, снарядил корабль и говорит сиротинке: «Дай мне своего котика, пусть на корабле мышей ловит да меня забавляет».— «Пожалуй, хозяин, возьми; только коли загубишь, я с тебя дешево не возьму...»

Приезжает купец в чужестранное государство и остановился на постоялом дворе. Хозяин заприметил, что у него денег-то много, и отвел ему

такую комнату, где мышей да крыс видимо-невидимо водилось: «Пусть-де его совсем съедят, мне деньги достанутся!» А в том государстве про кошек и не ведали, а мышь да крыса всех крепко одолевала. Купец пошел спать и котика с собой взял; поутру хозяин входит в эту комнату — купец живехонек, держит в руках котика, гладит по шерстке; котик мурлыкает да песенки распевает; а на полу целый ворох мышей да крыс надавлено! «Господин купец, продай мне этого зверька»,— говорит хозяин. «Купи».— «Что возьмешь?» — «Да недорого: на задние лапки зверька поставлю, за передние подниму, засыпь его кругом золотом — с меня и того довольно!» Хозяин согласился; купец отдал ему котика, забрал целый мешок золота и, справивши свои дела, поехал назад.

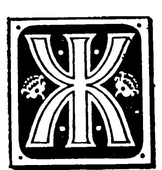
Плывет он по морю и думает: «Что мне отдавать сироте золото? За простого котика да столько денег отдать — жирно будет! Нет, лучше все себе возьму». Только решился на грех, вдруг поднялась буря, да такая сильная — вот-вот корабль потонет! «Ах я, окаянный! На чужое польстился. Господи, прости меня, грешного! Ни копейки не утаю». Стал купец молитву творить — и тотчас ветры стихли, море успокоилось, и приплыл корабль благополучно к пристани. «Здравствуй, хозяин! — говорит сиротинка.— А где мой котик?» — «Продал,— отвечает купец,— вот твои деньги, бери все сполна».

Сиротинка взял мешок с золотом, распрощался с купцом и пошел на взморье к корабельщикам; сторговал у них за свое золото целый корабль ладану, свалил ладан на берегу и зажег во славу божию: пошло по всему царству благоухание, и явился вдруг старичок. «Чего хочешь,— спрашивает сиротинку,— богатства или жену добрую?» — «Не знаю, старичок!» — «Ну, ступай ты в поле, там три брата землю пашут; спроси у них, что тебе скажут».

Пошел сиротинка в поле: видит — мужики землю пашут. «Помогай бог!» — «Спасибо, добрый человек! Что тебе надо?» — «Послал меня старик, велел спросить у вас, чего пожелать мне: богатства али доброй жены?» — «Спроси у большого брата; вон на той телеге сидит». Подходит сиротинка к телеге и видит ребенка малого — как бы трехлетка. «Уж ли ж это старший брат?» — подумал сиротинка и спрашивает у него: «Что повелишь мне взять: богатство али добрую жену?» — «Возьми добрую жену». Сиротинка воротился к старику. «Велено,— говорит,— жену просить».— «Ну и ладно!» — сказал старик и с глаз пропал.

Сиротинка оглянулся, а возле него стоит красавица: «Здравствуй, добрый молодец! Я,— говорит,— твоя жена; пойдем искать места, где бы можно жить нам». Пришли они в деревню и нанялись работать у одного помещика. Барин как увидал этакую красоту, сейчас в нее влюбился и задумал, как бы извести ее мужа... (Конец такой же, как в сказке «Мудрая жена»).

218

ил-был купец именитый; в одно время приходит к нему неведомый человек и наймывается в работники. Проработал год и просит у купца расчету; тот ему дает заслуженное жалованье, а работник берет за свою работу только одну копеечку, идет с ней к реке и бросает в воду. «Если,— говорит,— я служил верой и правдой, то моя копейка не утонет!» Копеечка утонула. Он опять пошел к тому же купцу работать; проработал год, купец опять дает ему денег, сколько надо, а работник опять берет одну копеечку, идет с ней к реке на старое место и бросает в воду. Копечка утонула. Пошел в третий раз к купцу работать; проработал год, купец дает ему денег еще больше прежнего за усердную его службу, а работник берет опять одну копеечку, идет с нею к реке и бросает ее в воду; глядь — все три копеечки поверх воды! Он взял их и пошел вдоль по дороге в свое место. 124b

Вдруг ему попадается купец — к обедне едет; он дает тому купцу копеечку и просит свечку образам поставить. Купец взошел в церковь, дает из кармана своего денег на свечи и как-то обронил ту копеечку на пол. Вдруг от той копеечки огонь возгорел; люди в церкви изумились, спрашивают, кто копеечку обронил. Купец говорит: «Я обронил, а мне ее дал на свечу какой-то работник». Люди взяли по свече и зажгли от той копеечки. А работник тем временем продолжает свой путь вперед.

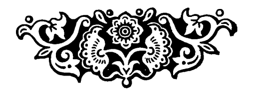
На дороге попадается ему другой купец — на ярмарку едет; работник вынимает из кармана копеечку, отдает купцу и говорит: «Купи мне на эту копеечку на ярмарке товару». Купец взял, накупил себе товару и думает: чего бы еще искупить? И вспомнил про копеечку. Вспомнил и не знает, чего бы на нее купить. Попадается ему мальчик, продает кота и просит за него ни больше, ни меньше, как одну копеечку; купец не нашел другого товару и купил кота.

Поплыл он на кораблях в иное государство торг торговать; а на то государство напал великий гнус [1]. Стали корабли в пристани; котик то и дело из корабля выбегает, гнус поедает. Узнал про то царь, спрашивает купца: «Дорог ли этот зверь?» Купец говорит: «Не мой это зверь; мне велел его купить один молодец»,— и нарочно молвил, что стоит трех кораблей. Царь отдал три корабля купцу, а котика себе взял. Воротился купец назад, а работник вышел на рынок, нашел его и говорит: «Купил ли ты мне на копеечку товару?» Купец отвечает: «Нельзя потаить — купил три корабля!» Работник взял три корабля и поплыл по морю.

Долго ли, коротко ли — приплыл к острову; на том острове стоит дуб; он взлез на него ночевать и слышит: внизу под дубом хвастается Ерахта [2] своим товарищам, что вот завтра среди бела дня он украдет у царя дочь. Товарищи ему говорят: «Если ты не утащишь, то мы тебя

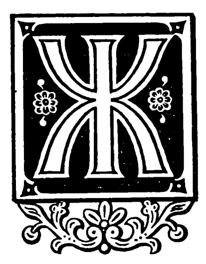
[1] Мыши, крысы.
[2] Черт.

всего железными прутьями исхлещем!» После того разговора они ушли; работник слез с дуба и идет к царю; пришел в палаты, вынул из кармана последнюю копеечку и зажег ее. Ерахта прибежал к царю и никак не сможет украсть его дочери; воротился ни с чем к братьям, а они давай его хлестать железными прутьями; хлестали-хлестали и бросили в неведомое место! А работник женился на царевне и стал себе жить-поживать, добра наживать.

219—226. МОРСКОЙ ЦАРЬ И ВАСИЛИСА ПРЕМУДРАЯ

219

Жил-был царь с царицею. Любил он ходить на охоту и 125а
стрелять дичь. Вот один раз пошел царь на охоту и увидел: сидит на дубу молодой орел; только хотел его застрелить, орел и просит: «Не стреляй меня, царь-государь! Возьми лучше к себе, в некое время я тебе пригожусь». Царь подумал-подумал и говорит: «Зачем ты мне нужен!» — и хочет опять стрелять. Говорит ему орел в другой раз: «Не стреляй меня, царь-государь! Возьми лучше к себе, в некое время я тебе пригожусь». Царь думал-думал и опять-таки не придумал, на что бы такое пригодился ему орел, и хочет уж совсем застрелить его. Орел и в третий раз провещал: «Не стреляй меня, царь-государь! Возьми лучше к себе да прокорми три года; в некое время я пригожусь тебе!»

Царь смиловался, взял орла к себе и кормил его год и два: орел так много поедал, что всю скотину приел; не стало у царя ни овцы, ни коровы. Говорит ему орел: «Пусти-ка меня на волю!» Царь выпустил его на волю; попробовал орел свои крылья — нет, не сможет еще летать! — и просит: «Ну, царь-государь, кормил ты меня два года; уж как хочешь, а прокорми еще год; хоть займи, да прокорми: в накладе не будешь!» Царь то и сделал: везде занимал скотину и целый год кормил орла, а после выпустил его на волю вольную. Орел поднялся высоко-высоко, летал-летал, спустился на землю и говорит: «Ну, царь-государь, садись теперь на меня; полетим вместе». Царь сел на птицу.

Вот и полетели они; ни много, ни мало прошло времени, прилетели на край моря синего. Тут орел скинул с себя царя, и упал он в море — по колени намок; только орел не дал ему потонуть, подхватил его на крыло и спрашивает: «Что, царь-государь, небось испужался?» — «Испужался,— говорит царь,— думал, что совсем потону!» Опять летели-летели, прилетели к другому морю. Орел скинул с себя царя как раз посеред моря — ажно царь по пояс намок. Подхватил его орел на крыло и спрашивает: «Что, царь-государь, небось испужался?» — «Испужал-

ся,— говорит он,— да все думал: авось, бог даст, ты меня вытащишь». Опять-таки летели-летели и прилетели к третьему морю. Скинул орел царя в великую глубь — ажно намок он по самую шею. И в третий раз подхватил его орел на крыло и спрашивает: «Что, царь-государь, небось испужался?» — «Испужался,— говорит царь,— да все думалось: авось ты меня вытащишь».— «Ну, царь-государь, теперь ты изведал, каков смертный страх! Это тебе за старое, за прошлое: помнишь ли, как сидел я на дубу, а ты хотел меня застрелить; три раза примался стрелять, а я все просил тебя да на мысли держал: авось не загубишь, авось смилуешься — к себе возьмешь!»

После полетели они за тридевять земель; долго-долго летели. Сказывает орел: «Посмотри-ка, царь-государь, что над нами и что под нами?» Посмотрел царь. «Над нами, — говорит, — небо, под нами земля». — «Посмотри-ка еще, что по правую сторону и что по левую?» — «По правую сторону поле чистое, по левую дом стоит».— «Полетим туда,— сказал орел,— там живет моя меньша́я сестра». Опустились прямо на двор; сестра выступила навстречу, примает своего брата, сажает его за дубовый стол, а на царя и смотреть не хочет; оставила его на дворе, спустила борзых собак и давай травить. Крепко осерчал орел, выскочил из-за стола, подхватил царя и полетел с ним дальше.

Вот летели они, летели; говорит орел царю: «Погляди, что позади нас?» Обернулся царь, посмотрел: «Позади нас дом красный». А орел ему: «То горит дом меньшой моей сестры— зачем тебя не примала да борзыми собаками травила». Летели-летели, орел опять спрашивает: — «Посмотри, царь-государь, что над нами и что под нами?» — «Над нами небо, под нами земля».— «Посмотри-ка, что будет по правую сторону и что по левую?» — «По правую сторону поле чистое, по левую дом стоит».— «Там живет моя середняя сестра; полетим к ней в гости». Опустились на широкий двор; середняя сестра примает своего брата, сажает его за дубовый стол, а царь на дворе остался; выпустила она борзых собак и притравила его. Орел осерчал, выскочил из-за стола, подхватил царя и улетел с ним еще дальше.

Летели они, летели; говорит орел: «Царь-государь! Посмотри, что позади нас?» Царь обернулся: «Стоит позади красный дом».— «То горит дом моей середней сестры!— сказал орел.— Теперь полетим туда, где живут моя мать и старша́я сестра». Вот прилетели туда; мать и старша́я сестра куда как им обрадовались и примали царя с честью, с ласкою. «Ну, царь-государь,— сказал орел,— отдохни у нас, а после дам тебе корабль, расплачусь с тобой за все, что поел у тебя, и ступай с богом домой». Дал он царю корабль и два сундучка: один — красный, другой — зеленый, и сказывает: «Смотри же, не отпирай сундучков, пока домой не приедешь; красный сундучок отопри на заднем дворе, а зеленый сундучок на переднем дворе».

Взял царь сундучки, распростился с орлом и поехал по синему морю; доехал до какого-то острова, там его корабль остановился. Вышел он на́ берег, вспомянул про сундучки, стал придумывать, что бы такое в них было и зачем орел не велел открывать их; думал-думал, не утерпел —

больно[1] узнать ему захотелось: взял он красный сундучок, поставил наземь и открыл, а оттудова столько разного скота вышло, что глазом не окинешь,— едва на острове поместились.

Как увидел это царь, взгоревался, зачал плакать и приговаривать: «Что же мне теперь делать? Как опять соберу все стадо в такой маленький сундучок?» И видит он — вышел из воды человек, подходит к нему и спрашивает: «Чего ты, царь-государь, так горько плачешь?» — «Как же мне не плакать! — отвечает царь.— Как мне будет собрать все это стадо великое в такой маленький сундучок?» — «Пожалуй, я помогу твоему горю, соберу тебе все стадо, только с уговором: отдай мне — чего дома не знаешь». Задумался царь: «Чего бы это я дома не знал? Кажись, все знаю». Подумал и согласился. «Собери, — говорит, — отдам тебе — чего дома не знаю». Вот тот человек собрал ему в сундучок всю скотину; царь сел на корабль и поплыл восвояси.

Как приехал домой, тут только уведал, что родился у него сын-царевич; стал он его целовать, миловать, а сам так слезами и разливается. «Царь-государь, — спрашивает царица, — скажи, о чем горьки слезы ронишь?» — «С радости»,— говорит; побоялся-то сказать ей правду, что надо отдавать царевича. Вышел он после на задний двор, открыл красный сундучок — и полезли оттуда быки да коровы, овцы да бараны, много-много набралось всякого скота, все сараи и варки[2] стали полны. Вышел на передний двор, открыл зеленый сундучок — и появился перед ним большой да славный сад: каких-каких деревьев тут не было! Царь так обрадовался, что и забыл отдавать сына.

Прошло много лет. Раз как-то захотелось царю погулять, подошел он к реке; на ту пору показался из воды прежний человек и говорит: «Скоро же ты, царь-государь, забывчив стал! Вспомни, ведь ты должен мне!» Воротился царь домой с тоскою-кручиною и рассказал царице и царевичу всю правду истинную. Погоревали, поплакали все вместе и решили, что делать-то нечего, надо отдавать царевича; отвезли его на взморье и оставили одного.

Огляделся царевич кругом, увидал тропинку и пошел по ней: авось куда бог приведет. Шел-шел и очутился в дремучем лесу; стоит в лесу избушка, в избушке живет баба-яга. «Дай зайду»,— подумал царевич и вошел в избушку. «Здравствуй, царевич! — молвила баба-яга.— Дело пытаешь или от дела лытаешь?» — «Эх, бабушка! Напой, накорми, да потом расспроси». Она его напоила-накормила, и царевич рассказал про все без утайки, куда и зачем идет. Говорит ему баба-яга: «Иди, дитятко, нá море; прилетят туда двенадцать колпиц, обернутся красными девицами и станут купаться; ты подкрадься потихоньку и захвати у старшей девицы сорочку. Как поладишь с нею, ступай к морскому царю, и попадутся тебе навстречу Объедало да Опивало, попадется еще Мороз-Трескун — всех возьми с собою; они тебе к добру пригодятся».

[1] Очень, сильно.

[2] Загороженные места, куда загоняют скот.

Простился царевич с ягою, пошел на сказанное место нá море и спрятался за кусты. Тут прилетели двенадцать колпиц, ударились о сырую землю, обернулись красными девицами и стали купаться. Царевич украл у старшей сорочку, сидит за кустом — не ворохнется. Девицы выкупались и вышли на берег, одиннадцать подхватили свои сорочки, обернулись птицами и полетели домой; оставалась одна старшая, Василиса Премудрая. Стала молить, стала просить добра молодца. «Отдай,— говорит,— мою сорочку; придешь к батюшке, водяному царю,— в то времечко я тебе сама пригожусь». Царевич отдал ей сорочку, она сейчас обернулась колпицею и улетела вслед за подружкáми. Пустился царевич дальше; повстречались ему на пути три богатыря: Объедало, Опивало да Мороз-Трескун; взял их с собою и пришел к водяному царю.

Увидал его водяной царь и говорит: «Здорово, дружок! Что так долго ко мне не бывал? Я устал, тебя дожидаючи. Примайся-ка теперь за работу; вот тебе первая задача: построй за одну ночь большой хрустальный мост, чтоб к утру готов был! Не построишь — голова долой!» Идет царевич от водяного, сам слезами заливается. Василиса Премудрая отворила окошечко в своем терему и спрашивает: «О чем, царевич, слезы ронишь?» — «Ах, Василиса Премудрая! Как же мне не плакать? Приказал твой батюшка за единую ночь построить хрустальный мост, а я топора не умею в руки взять».— «Ничего! Ложись-ка спать; утро вечера мудренее».

Уложила его спать, а сама вышла на крылечко, гаркнула-свистнула молодецким посвистом; со всех сторон сбежались плотники-работники: кто место ровняет, кто кирпичи таскает; скоро поставили хрустальный мост, вывели на нем узоры хитрые и разошлись по домам. Поутру рано будит Василиса Премудрая царевича: «Вставай, царевич! Мост готов, сейчас батюшка смотреть придет». Встал царевич, взял метлу; стоит себе на мосту — где подметет, где почистит. Похвалил его водяной царь. «Спасибо,— говорит,— сослужил мне единую службу, сослужи и другую; вот тебе задача: насади к завтрему зеленый сад — большой да ветвистый, в саду бы птицы певчие распевали, на деревьях бы цветы расцветали, груши-яблоки спелые висели». Идет царевич от водяного, сам слезами заливается. Василиса Премудрая отворила окошечко и спрашивает: «О чем плачешь, царевич?» — «Как же мне не плакать? Велел твой батюшка за единую ночь сад насадить».— «Ничего! Ложись спать; утро вечера мудренее».

Уложила его спать, а сама вышла на крылечко, гаркнула-свистнула молодецким посвистом; со всех сторон сбежались садовники-огородники и насадили зеленый сад, в саду птицы певчие распевают, на деревьях цветы расцветают, груши-яблоки спелые висят. Поутру рано будит Василиса Премудрая царевича: «Вставай, царевич! Сад готов, батюшка смотреть идет». Царевич сейчас за метлу да в сад: где дорожку подметет, где веточку поправит. Похвалил его водяной царь: «Спасибо, царевич! Сослужил ты мне службу верой-правдою; выбирай себе за то невесту из двенадцати моих дочерей. Все они лицо в лицо, волос в волос, платье в платье; угадаешь до трех раз одну и ту же — будет она твоею женою, не угадаешь — велю тебя казнить». Узнала про то Василиса Премудрая,

улучила время и говорит царевичу: «В первый раз я платком махну, в другой платье поправлю, в третий над моей головой станет муха летать». Так-то и угадал царевич Василису Премудрую до трех раз. Повенчали их и стали пир пировать.

Водяной царь наготовил много всякого кушанья — сотне человек не съесть! И велит зятю, чтоб все было поедено; коли что останется — худо будет.— «Батюшка!— просит царевич.— Есть у нас старичок, дозволь и ему закусить с нами».— «Пускай придет!» Сейчас явился Объедало; все приел — еще мало стало. Водяной царь наставил всякого питья сорок бочек и велит зятю, чтоб дочиста было выпито. «Батюшка! — просит опять царевич.— Есть у нас другой старичок, дозволь и ему выпить про твое здоровье».— «Пускай придет!» Явился Опивало, зараз опростал все сорок бочек — еще опохмелиться просит.

Видит водяной царь, что ничто не берет, приказал истопить для молодых баню чугунную жарко-на́жарко; истопили баню чугунную, двадцать сажо́н дров сожгли, докрасна печь и стены раскалили — за пять верст подойти нельзя. «Батюшка,— говорит царевич,— дозволь наперед нашему старичку попариться, баню опробовать».— «Пускай попарится!» Пришел в баню Мороз-Трескун: в один угол дунул, в другой дунул — уж сосульки висят. Вслед за ним и молодые в баню сходили, помылись-попарились и домой воротились. «Уйдем от батюшки водяного царя,— говорит царевичу Василиса Премудрая,— он на тебя больно сердит, не причинил бы зла какого!» — «Уйдем»,— говорит царевич. Сейчас оседлали коней и поскакали в чистое поле.

Ехали-ехали; много прошло времени. «Слезь-ка, царевич, с коня да припади ухом к сырой земле,— сказала Василиса Премудрая,— не слыхать ли за нами погони?» Царевич припал ухом к сырой земле: ничего не слышно! Василиса Премудрая сошла сама с доброго коня, прилегла к сырой земле и говорит: «Ах, царевич! Слышу сильную за нами погоню». Оборотила она коней колодезем, себя — ковшиком, а царевича — старым старичком. Наехала погоня: «Эй, старик! Не видал ли добра молодца с красной девицей?» — «Видал, родимые! Только давно: они еще в те́ поры проехали, как я молод был». Погоня воротилась к водяному царю. «Нет,— говорит,— ни следов, ни вести, только и видели, что старика возле колодезя, по воде ковшик плавает».— «Что ж вы их не́ брали?» — закричал водяной царь и тут же предал гонцов лютой смерти, а за царевичем и Василисой Премудрой послал другую смену. А тем временем они далеко-далеко уехали.

Услыхала Василиса Премудрая новую погоню; оборотила царевича старым попом, а сама сделалась ветхой церковью: еле стены держатся, кругом мохом обросли. Наехала погоня: «Эй, старичок! Не видал ли добра молодца с красной девицей?» — «Видел, родимые! Только давным-давно; они еще в те́ поры проехали, как я молод был, эту церковь строил». И вторая погоня воротилась к водяному царю: «Нет, ваше царское величество, ни следов, ни вести; только и видели, что старца-попа да церковь ветхую».— «Что ж вы их не́ брали?» — закричал пуще прежнего водяной царь; предал гонцов лютой смерти, а за царевичем и Василисою

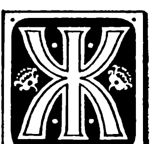
Премудрою сам поскакал. На этот раз Василиса Премудрая оборотила коней рекою медовою, берегами кисельными, царевича — селезнем, себя — серой утицею. Водяной царь бросился на кисель и сыту, ел-ел, пил-пил — до того, что лопнул! Тут и дух испустил.

Царевич с Василисою Премудрою поехали дальше; стали они подъезжать домой, к отцу, к матери царевича. Василиса Премудрая и говорит: «Ступай, царевич, вперед, доложись отцу с матерью, а я тебя здесь на дороге обожду; только помни мое слово: со всеми целуйся, не целуй сестрицы; не то меня позабудешь». Приехал царевич домой, стал со всеми здороваться, поцеловал и сестрицу, и только поцеловал — как в ту ж минуту забыл про свою жену, словно и в мыслях не была.

Три дня ждала его Василиса Премудрая; на четвертый нарядилась нищенкой, пошла в стольный город и пристала у одной старушки. А царевич собрался жениться на богатой королевне, и велено было кликнуть клич по всему царству, чтоб сколько ни есть народу православного — все бы шли поздравлять жениха с невестою и несли в дар по пирогу пшеничному. Вот и старуха, у которой пристала Василиса Премудрая, принялась муку сеять да пирог готовить. «Для кого, бабушка, пирог готовишь?» — спрашивает ее Василиса Премудрая. «Как для кого? Разве ты не знаешь: наш царь сына женит на богатой королевне; надо во дворец идти, молодым на стол подавать».— «Дай и я испеку да во дворец снесу; может, меня царь чем пожалует».— «Пеки с богом!» Василиса Премудрая взяла муки, замесила тесто, положила творогу да голубя с голубкою и сделала пирог.

К самому обеду пошла старуха с Василисою Премудрою во дворец; а там пир идет на весь мир. Подали на стол пирог Василисы Премудрой, и только разрезали его пополам, как вылетели оттудова голубь и голубка. Голубка ухватила кусок творогу, а голубь говорит: «Голубушка, дай и мне творожку!» — «Не дам,— отвечает голубка,— а то ты меня позабудешь, как позабыл царевич свою Василису Премудрую». Тут вспомнил царевич про свою жену, выскочил из-за стола, брал ее за белые руки и сажал возле себя рядышком. С тех пор стали они жить вместе во всяком добре и в счастии.

220

или мышь с воробьем ровно тридцать лет так дружно: кто 125b
что ни найдет — все пополам. Раз воробей нашел маковое зернышко. «Что тут делить? — подумал он.— Раз куснуть — нет ничего!» Взял да и съел один зернышко. Спознала про то мышь и не захотела больше жить с воробьем. «Давай,— говорит ему,— давай драться не на живот, а на смерть; ты собирай всех птиц, а я соберу всех зверей». Так и сделалось; собрались и звери и птицы, бились долго-долго. В этом бою побили одного орла; тот полетел на дубок и сел на ветку.

На ту пору мужик в лесу охотился; охота была неудачная. «Дай,— подумал мужик,— хоть орла убью». Не успел он взяться за ружье,

как орел провещал человеческим голосом: «Не бей меня, добрый человек! Я тебе ничего худого не сделал». Мужик пошел от него прочь, ходил-ходил, не нашел никакой птицы; подходит в другой раз к дубу и хочет орла убить. Уж совсем было приловчился, орел опять упросил его. Мужик пошел от него прочь; ходил-ходил, не нашел ничего; поравнялся опять с орлом, приложился и выстрелил — ружье у него осеклось. Проговорил орел: «Не бей ты меня, добрый человек, в некую пору пригожусь я тебе. Возьми лучше к себе, выходи да вылечи».

Мужик послушался, взял орла в избу к себе, стал его кормить мясом: то овцу зарежет, то теленка. В дому мужик жил не один; семья была большая — стали на него ворчать, что он весь на орла проживается. Мужик терпел долго; наконец говорит орлу: «Полетай, куда знаешь; больше держать тебя не смогу».— «Пусти меня сил попробовать»,— отвечает орел. Взлетел орел высоко, опустился наземь и говорит мужику: «Продержи меня еще три дня». Мужик согласился.

Прошло три дня; молвил орел мужику: «Пора нам с тобою рассчитаться; садись на меня». Мужик сел на орла; орел взвился и полетел на сине море. Отлетел от берега и спрашивает у мужика: «Погляди да скажи, что за нами и что перед нами, что над нами и что под нами?» — «За нами,— отвечает мужик,— земля, перед нами — море, над нами — небо, под нами — вода». Орел встрепенулся, мужик свалился; только орел не допустил его упасть в воду, на лету поймал. Взлетел орел на середину синя моря, опять стал спрашивать: «Что за нами и что перед нами, что над нами и что под нами?» — «И за нами — море и перед нами — море, над нами — небо, под нами — вода». Орел встрепенулся, мужик свалился и упал в море; орел не дал ему потонуть, подхватил и посадил на себя.

Подлетают они к другому берегу; стал опять орел спрашивать: «Что за нами и что перед нами, что над нами и что под нами?» Отвечает мужик: «За нами — море, перед нами — земля, над нами — небо, под нами — вода». Орел встрепенулся, упал мужик в море, стал совсем тонуть, чуть-чуть не захлебнулся... Орел вытащил его, посадил на себя и говорит: «Хорошо тебе тонуть было? Таково-то и мне было сидеть на дереве, как ты в меня из ружья целился. Теперь за зло мы рассчитались; давай добром считаться».

Взлетели они на берег; летели близко ли, далеко ли — видят посеред поля медный столб. «Прочти на столбе надпись», — приказывает орел мужику. Мужик прочел. «За этим столбом,— говорит,— стоит медный город на двадцать пять верст».— «Ступай в медный город; тут живет моя сестрица. Проси у нее медный ларчик с медными ключиками; что б она тебе ни давала, ничего другого не бери — ни злата, ни се́ребра, ни каме́нья самоцветного». Приходит мужик в город и прямо к царице: «Здравствуй! Тебе брат поклон шлет».— «А как ты знаешь моего брата?» — «Да я кормил его, больного, целые три года».— «Спасибо тебе, мужичок! Вот тебе злато, и се́ребро, и каме́нье самоцветное — бери сколько душе угодно!» Мужик ничего не берет, только просит медного ларчика с медными ключиками. Она ему отказала: «Нет, голубчик! Это

для меня стоит дорого».— «А дорого, так мне ничего не надобно». Поклонился, ушел за город и рассказал все орлу. «Ничего,— промолвил орел,— садись на меня». Мужик сел, орел полетел.

Стоит посеред поля столб — весь серебряный. Заставил орел мужика надпись читать. Тот прочел. «За этим столбом,— говорит,— стоит город серебряный на пятьдесят верст».— «Ступай в серебряный город; там живет моя другая сестрица, спроси у нее серебряный ларчик с серебряными ключиками». Мужик приходит в город, прямо к царице, орловой сестрице; рассказал ей, как у него братец орел проживал, как он его холил и кормил, и стал просить серебряный ларчик с серебряными ключиками. «Правда,— сказала царица мужику, — ты сберег моего братца; бери, сколько хочешь, злата и се́ребра и каме́нья самоцветного, а ларчика не отдам». Мужик вышел за город и рассказал все орлу. «Ничего,— сказал орел,— садись на меня». Мужик сел, орел полетел.

Стоит посеред поля столб — весь золотой. Заставил орел мужика читать на столбе надпись. «За этим столбом,— прочел мужик,— стоит золотой город на сто верст».— «Ступай туда; в этом городе живет моя любимая сестрица,— проговорил орел,— проси у нее золотой ларчик с золотыми ключиками». Мужик пришел прямо к царице, орловой сестрице; рассказал ей, как жил у него орел, как он за больным орлом ухаживал и чем его кормил-поил, и стал просить золотой ларчик с золотыми ключиками. Та слова ему не сказала — сейчас отдала ларчик: «Хоть дорог мне ларчик, а брат дороже!» Мужик взял подарок и вышел к орлу за город. «Ступай теперь домой, — сказал ему орел,— да смотри не отпирай ларчика до самого дому». Сказал и улетел.

Мужик долго крепился, да не выдержал до своего времени: не дошедши до двора, открыл золотой ларчик, и только успел открыть — как стал перед ним золотой город. Мужик смотрит — не насмотрится; чудно́ ему показалось, как это из ларчика да целый город выскочил! Меж тем царь той земли, на которой раскинулся золотой город, прислал сказать мужику, чтобы он или отдал ему город, или то, что есть у него дома и чего он не ведает. Не захотелось мужику отдавать города; он подумал: «То, чего я не знаю, не жалко и отдать будет!» и согласился на последнее. Только вымолвил ответ свой, глядь — города нет: стоит он в чистом поле один-одинехонек, а возле него золотой ларчик с золотыми ключиками. Взял мужик ларчик и поплелся домой.

Приходит в свою избу, а жена несет ему младенца, что без него родила. Тут только спохватился мужик и спознал, чего просил у него царь земли неверной. Делать было нечего; раскинул он золотой город и стал до времени растить сына. Стало сыну осьмнадцать лет; царь земли неверной прислал сказать, что пора-де рассчитаться. Поплакал мужик, благословил сына, да и послал к царю,

Идет молодец путем-дорогою, подходит ко Дунаю-реке и прилег тут на бережку отдохнуть. Видит он, что пришли двенадцать девушек — одна другой лучше, разделись, обернулись серыми утицами и полетели купаться. Молодец подкрался и взял платье одной девушки. Накупавшись. утицы вылетели на берег. Все оделись; одной недостало платья. Одетые

улетели, а та стала плакать и просить молодца: «Отдай мое платье; не в кую пору сама сгожусь я тебе». Молодец подумал-подумал и отдал ей платье.

Приходит он к царю неверному. «Слушай, добрый молодец! — говорит царь земли неверной.— Узнай ты мою меньшую дочь; узнаешь — пущу тебя на все на четыре стороны, не узнаешь — пеняй на себя!» Только вышел молодец из дворца, меньшая царевна навстречу ему: «Отдал ты мне платье, добрый молодец, пригожусь и я тебе. Завтра отец мой будет показывать тебе всех нас, сестер, и велит меня угадывать. Мы все похожи одна на другую; так ты смотри: у меня на левом ухе будет мошка ползать».

Наутро зовет к себе молодца царь неверный, показывает ему двенадцать своих дочерей. «Угадай, — говорит,— которая меньшая дочь?» Молодец посмотрел: у которой на левом ухе мошка, на ту и показал. Завопил, закричал царь: «Слушай молодец! Тут подлог есть, да я тебе не игрушка. Выстрой к завтрему мне белокаменные палаты; мои, вишь, стары, так я хочу в новые перейти. Выстроишь — отдам за тебя меньшую дочь, не выстроишь — живого съем!» Запечалился молодец, идучи от неверного царя, да царевна ему навстречу. «Не кручинься,— говорит,— молись богу да спать ложись; к завтрему все готово будет». Лег молодец, заснул. Поутру глядь в окошко — стоит новый дворец, мастера ходят кругом да кой-где гвоздики поколачивают. Царь земли неверной отдал свою меньшую дочь за молодца: не хотелось ему отступиться от своего слова царского. Да и замысла покинуть — тоже не хочется: задумал он съесть живьем молодца и с дочерью. Пошла молодая посмотреть, что делает ее батюшка с матушкой; подходит к двери и слышит, что они совет советуют, как дочь с зятем съесть.

Побежала царевна к мужу, оборотила его в голубя, сама перекинулась в голубку, и полетели на свою сторонку. Проведал про то царь неверный, послал их догонять. Догонщики мчали-скакали, никого не нагнали, увидели только голубя с голубкою, да и вернулись назад. «Никого не нагнали,— сказали они царю своему,— только и видели голубя с голубкою». Царь догадался, что это они были; рассердился на догонщиков, перевешал их и послал других. Погнались эти, мчали-скакали, прискакали к реке, а у той реки стоит дерево; видят, что нет никого, и вернулись к царю. Рассказали ему про речку, про дерево. «Это они и были!» — закричал царь земли неверной, велел перевешать и этих догонщиков. Погнался сам.

Ехал-ехал и наехал на божью церковь. Он в церковь, а там старичок ходит да свечи перед иконами зажигает. Спросил царь у него, не видал ли он беглецов? Старичок сказал, что они уж давно ушли в золотой город, что стоит на сто верст. Ударился царь неверный от злости оземь, да делать-то было нечего — поворачивай оглобли домой. Только что он уехал, церковь оборотилась царевною, а старичок — добрым молодцем, поцеловались, да и пошли к батюшке с матушкой в золотой город, что раскинулся на сто верст. Пришли и стали там жить да поживать да добра наживать.

221

Однажды мышь уговор сделала с воробьем, чтобы вместе в одной норе жить, в одну нору корм носить — про зиму в запас. Вот и стал воробей пуще прежнего воровать: благо теперь есть куды прятать! И много натаскал он в мышиную нору ячменю, конопляного и всякого зерна. Да и мышь не зевает: что ни найдет, туда же несет. Знатный запас снарядили на глухое зимнее времечко; всего вдоволь! «Заживу теперь припеваючи»,— думает воробей, а он, сердечный, порядком-таки поустал на воровстве. 125 с

Пришла зима, а мышь воробья в нору не пущает, знай его гонит, да еще в насмешку все перья на нем выщипала. Трудно стало воробью зиму маячить: и голодно и холодно! «Постой же, мышь каторжная! — говорит воробей.— Я на тебя управу найду, пойду на тебя своему царю жаловаться». Пошел жаловаться: «Царь-государь! Не вели казнить, вели миловать. Был у нас с мышью уговор, чтобы вместе в одной норе жить, в одну нору корм носить — про зиму запасать; а как пришла зима — не пущает она, каторжная, меня к себе, да еще в насмешку все перье мое повыдергала. Заступись за меня, царь-государь, чтоб не помереть мне с детишками непрасною смертию».— «Ладно,— вымолвил птичий царь,— я все это дело разберу». И полетел к царю звериному, рассказал ему, как мышь над воробьем наругалася. «Прикажи,— говорит,— моему воробью бесчестье то сполна заплатить».— «Позвать ко мне мышь»,— сказал звериный царь.

Мышь явилась, прикинулась такой смиренницей, такие лясы подпустила, что воробей стал кругом виноват: «Никогда-де уговору у нас не было, а хотел воробей насилком в моей норе проживать; а как не стала его пущать — так он в драку полез! Просто из сил выбилась; думала, что смерть моя пришла! Еле отступился, окаянный!» — «Ну, любезный государь,— говорит звериный царь птичьему,— мышь моя ни в чем не виновна; воробей твой сам ее обидел, и никакого бесчестья ему платить не приходится».— «Коли так,— сказал птичий царь звериному,— станем сражаться; вели своему войску выходить в чистое поле, там будет у нас расчет с вашим звериным родом; а свою птицу я в обиду не дам».— «Хорошо, будем сражаться».

На другой день чуть свет собралось на поляну войско звериное, собралось и войско птичее. Начался страшный бой, и много пало с обеих сторон. Куда силен звериный народ! Кого ногтем цапнет, глядишь — и дух вон: да птицы-то не больно поддаются, бьют все сверху; иной бы зверь и ударил и смял птицу, так она сейчас на лет пойдет: смотри на нее, да и только. В том бою ранили орла. Пытал было сердечный подняться ввысь, да силы не хватило; только и смог, что взлетел на сосну и уселся на верхушке. Окончилась битва, звери разбрелись по своим берлогам и норам, птицы разлетелись по гнездам; а он,

горемычный, сидит на дереве пригорюнившись: рана болит, а помочи неоткуда ждать.

В то самое время идет мимо охотник. День-деньской ходил он по лесу, ничего не выходил. «Эхма,— думает про себя,— видно, сегодня с пустыми руками домой ворочаться». Глядь — орел сидит на дереве. Стал охотник под него подходить, ружьецо на него наводить. «Не стреляй меня, млад охотничек! — провещал ему орел человеческим голосом.— Лучше живьем возьми — в некое время я тебе сам пригожусь». Взлез охотник на дерево, снял орла с сосновой макушки, посадил к себе на руку и принес его домой. «Ну, млад охотничек, — говорит ему орел, — день-деньской ты ходил, ничего не убил, бери теперь острый нож и ступай на поляну; был у нас там страшный бой со всяким зверьем, и много мы того зверья побили; будет и тебе поживишка немалая!»

Пошел охотник на поляну; а там лежит зверья побитого видимо-невидимо, куницам да лисицам счету нет! Отточил нож на бруске, поснимал звериные шкуры, свез в город и продал недешево; на те деньги накупил в запас хлеба и насыпал три закрома большущие — на три года хватит! Проходит один год — опустел один закром; у орла силы все не прибывает. Взял охотник нож, отточил на бруске. «Пойду,— говорит,— зарежу орла; здороветь он не здоровеет, даром только хлеб ест!» — «Не режь меня, добрый человек! — просит птица орел.— Потерпи хоть еще годок; будет время — добром тебе заплачу».— «Ну, господь с тобой! Не возьму греха на душу; кормил год, прокормлю и другой».

Вот еще года как не бывало, опустел и другой закром; у орла все силы не прибывает. Говорит охотник: «Пожалел я в прошлое лето орла, а нынче, видно, конец пришел: здороветь он не здоровеет, только даром хлеб поедает! Пойду его зарежу». Взял нож, отточил на бруске и пошел к орлу: «Ну, орел! Прощайся со светом божиим. Лечил я тебя, лечил, а толку нет ничего; только занапрасно хлеб на тебя извел!» — «Не режь меня, добрый человек! Потерпи еще годок; будет время — добром тебе заплачу». — «Господь с тобой! Не возьму греха на душу; кормил тебя два года, третий куда ни шел!» На третий год стал орел выправляться, стала прибывать у него сила великая, богатырская: хлопнет крыльями — в избе окна дрожат.

Вот и третий год на исходе, во всех закромах пусто; остался охотник без хлеба. «Спасибо тебе, млад охотничек,— говорит ему орел,— что умел ты меня выходить». Посадил на себя того охотника и полетел с ним по поднебесью к морю-океану, да как забрал в самую высоту — встрепенулся и сбросил его вниз. Сажен на двадцать только не дал ему долететь до синя моря, подхватил и посадил к себе на спину. «Хорошо ли тебе было?» — спрашивает орел охотника. «Уж чего хуже этого,— отвечает он,— я думал: смерть моя пришла!» — «Таково-то и мне легко было, как приходил ты с ножом ко мне в первый год».

Поднялся орел повыше прежнего, встрепенулся и сбросил охотника и, не допускаючи его до синя моря сажен на десять, подхватил опять к себе на спину. Сидит охотник ни жив ни мертв. «Каково показалось

тебе?» — спрашивает орел. «Чего хуже этого! Уж лучше бы ты один конец положил мне, да не томил моей душеньки».— «Таково-то мне было сладко, как приходил ты с ножом ко мне на другой год. Умел же ты меня помиловать, не останусь и я в долгу. Полетим,— говорит,— к моей старшей сестрице; станет она тебе давать много злата, и се́ребра, и ка́менья самоцветного — ничего не бери, проси сундучок».

Долго ли, коротко ли, прилетают они в тридевятое царство, в тридесятое государство. Выбегала навстречу им старшая сестрица, стала брата целовать, миловать, крепко к сердцу прижимать: «Свет ты мой милый, братец любезный! Где был-побывал, в каких землях странствовал? Уж мы по тебе давно сокрушались, слезами горючими обливались».— «А и вечные веки бы вам по мне сокрушаться да слезами горючими обливаться, коли б не сыскался мне благодетель — вот этот охотник; он меня три года лечил и кормил, чрез него свет божий вижу».

Взяла орлова сестрица охотника за руку, повела его в подвалы глубокие; в тех подвалах лежит казна великая: злата и се́ребра — полные кучи, ка́менья самоцветного целый угол навален. «Бери,— говорит,— сколько хочется». Отвечает ей охотник: «Не надо мне ни злата, ни се́ребра, ни ка́менья самоцветного; коли милость твоя будет, отдай мне сундучок». Как услышала таковы слова старшая сестрица — тотчас из лица переменяется, на иной лад речь поворачивает. «Как бы не так,— говорит,— знаем мы этих братьев, только и норовят, как бы выманить что получше да к своим рукам прибрать!» Не стал долго толковать с нею орел, подхватил охотника и полетел к середней сестрице; ну, и здесь случилось то же самое.

Полетел, наконец, к младшей сестрице; выбежала она навстречу, стала брата целовать, миловать, крепко к сердцу прижимать: «Свет ты мой милый, братец любезный! Где был-побывал, в каких землях странствовал? А уж мы тебя и жива не чаяли, много слез по тебе пролили».— «И вправду, лежать бы мне во сырой земле, выплакать бы тебе свои ясные очи, коли бы да не сыскался благодетель — вот этот охотник; он меня три года лечил и кормил, чрез него только и свет божий вижу!»

Сейчас повела орлова сестрица охотника в подвалы глубокие; в тех подвалах — казна великая: от ка́менья самоцветного аж глазам больно, про злато-се́ребро и говорить нечего! «Бери, — говорит ему, — сколько душа твоя хочет».— «Не надо мне,— отвечает охотник,— ни злата, ни се́ребра, ни ка́менья самоцветного; коли будет твоя милость, отдай сундучок».— «Отчего не дать! Я для братца любимого ничего не пожалею». Сказала и отдала ему сундучок. «Иди теперь с богом в свое государство,— сказал охотнику орел,— да одно помни: не отворяй сундучка до тех мест, пока домой не воротишься». Тут распростились они любовно; орел взмахнул крыльями и поднялся стрелою в небо, а добрый молодец поплелся своею дорогою.

Долго ли, коротко ли шел он — только взяло его раздумье: что если в сундучке-то пусто? Было из чего хлопотать, таскаясь по белу свету! «Дай посмотрю!» Отворил сундучок... Батюшки светы! Как полезло оттуда воинство; так и ва́лит, так и ва́лит. Собралася рать несметная:

и пешая и конная. «Как же теперь быть,— думает охотник,— как убрать в сундучок всю эту силу военную? Да этого и черт не сделает!» Глядь — стоит перед ним окаянный[1]. «Хочешь,— говорит,— я помогу твоей беде; только не поскупись, отдай мне — чего дома не знаешь».— «Изволь,— отвечает охотник,— готов тебе отдать чего дома не знаю, только с уговором: коли в три дня не сумеешь найти, так оно навсегда при мне останется».— «Ладно»,— сказал окаянный.

Воротился охотник домой, а у него сын народился; жаль стало ему отдавать черту детище родимое, залился слезами и рассказал жене про свое горе. Всем ведомо, что баба хитрее черта. Говорит жена охотнику: «Что будет — то будет, а слезами делу не поможешь. Давай-ка убьем нашу цепную собаку и зашьем сына в собачью шкуру, да и цепь на него наденем: пусть сидит на привязи, словно взаправду пес». Так и сделали, зашили мальчика в собачью шкуру, привязали на цепь, а сами стали усердно творить молитвы богу.

Ночью поднялся на дворе страшный шум — и явился лукавый; уж он метался-метался: кажись, всякий уголок раза три оглядел, ошарил, а мальчика нет как нет! Вот запел петух, надо домой убираться; бросился лукавый к своему старшо́му. «Нигде,— говорит,— не нашел мальчика».— «А зачем же ты не досмотрел цепную собаку?» — сказал старшо́й да схватил его за хвост, тряс, тряс и со злости бросил в самый жар.

На другую ночь охотник зашил сына в баранью шкуру, на третью ночь в козлиную; а сам с женою пуще прежнего богу молятся. Как ни бился лукавый, так-таки и не смог найти мальчика. После того выбрал охотник знатное место, выпустил из сундучка все свое воинство, велел лес рубить да город строить. Мигом закипела работа, и откуда что взялось, словно из земли вышло,— раскинулся большой и славный город; в том городе стал он царствовать, и царствовал долго и счастливо.

222

а тридевять земель, в тридесятом государстве жил-был царь 125d
с царицею; детей у них не было. Поехал царь по чужим землям, по дальним сторонам; долгое время домой не бывал; на ту пору родила ему царица сына, Ивана-царевича, а царь про то и не ведает. Стал он держать путь в свое государство, стал подъезжать к своей земле, а день-то был жаркий-жаркий, солнце так и пекло! И напала на него жажда великая; что ни дать, только бы воды испить! Осмотрелся кругом и видит невдалеке большое озеро; подъехал к озеру, слез с коня, прилег на брюхо и давай глотать студеную воду. Пьет и не чует беды; а царь морской ухватил его за бороду. «Пусти!» — просит царь. «Не пущу, не смей пить без моего ведома!» — «Какой хочешь возьми откуп — только отпусти!» — «Давай то,

[1] Черт.

чего дома не знаешь». Царь подумал-подумал — чего он дома не знает? Кажись, все знает, все ему ведомо,— и согласился. Попробовал — бороду никто не держит, встал с земли, сел на коня и поехал восвояси.

Вот приезжает домой, царица встречает его с царевичем, такая радостная; а он как узнал про свое милое детище, так и залился горькими слезами. Рассказал царице, как и что с ним было, поплакали вместе, да ведь делать-то нечего, слезами дела не поправишь. Стали они жить по-старому; а царевич растет себе да растет, словно тесто на опаре — не по дням, а по часам, и вырос большой. «Сколько ни держать при себе,— думает царь,— а отдавать надобно: дело неминучее!» Взял Ивана-царевича за руку, привел прямо к озеру. «Поищи здесь,— говорит,— мой перстень; я ненароком вчера обронил». Оставил одного царевича, а сам повернул домой.

Стал царевич искать перстень, идет по берегу, и попадается ему навстречу старушка. «Куда идешь, Иван-царевич?» — «Отвяжись, не докучай, старая ведьма! И без тебя досадно».— «Ну, оставайся с богом!» И пошла старушка в сторону. А Иван-царевич пораздумался: «За что обругал я старуху? Дай ворочу ее; старые люди хитры и догадливы! Авось что и доброе скажет». И стал ворочать старушку: «Воротись, бабушка, да прости мое слово глупое! Ведь я с досады вымолвил: заставил меня отец перстня искать, хожу-высматриваю, а перстня нет как нет!» — «Не за перстнем ты здесь; отдал тебя отец морскому царю: выйдет морской царь и возьмет тебя с собою в подводное царство».

Горько заплакал царевич. «Не тужи, Иван-царевич! Будет и на твоей улице праздник; только слушайся меня, старухи. Спрячься вон за тот куст смородины и притаись тихохонько. Прилетят сюда двенадцать голубиц — всё красных девиц, а вслед за ними и тринадцатая; станут в озере купаться; а ты тем временем унеси у последней сорочку и до тех пор не отдавай, пока не подарит она тебе своего колечка. Если не сумеешь этого сделать, ты погиб навеки: у морского царя кругом всего дворца стоит частокол высокий, на целые на десять верст, и на каждой спице по голове воткнуто; только одна порожняя, не угоди на нее попасть!» Иван-царевич поблагодарил старушку, спрятался за смородиновый куст и ждет поры-времени.

Вдруг прилетают двенадцать голубиц; ударились о сыру землю и обернулись красными девицами, все до единой красоты несказанныя: ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать! Поскидали платья и пустились в озеро: играют, плещутся, смеются, песни поют. Вслед за ними прилетела и тринадцатая голубица; ударилась о сыру землю, обернулась красной девицей, сбросила с белого тела сорочку и пошла купаться; и была она всех пригожее, всех красивее! Долго Иван-царевич не мог отвести очей своих, долго на нее заглядывался да припомнил, что говорила ему старуха, подкрался тихонько и унес сорочку.

Вышла из воды красная девица, хватилась — нет сорочки, унес кто-то; бросились все искать, искали-искали — не видать нигде. «Не ищите, милые сестрицы! Полетайте домой; я сама виновата — недосмотрела, сама и отвечать буду». Сестрицы — красные девицы ударились о сыру землю,

сделались голубками, взмахнули крыльями и полетели прочь. Осталась одна девица, осмотрелась кругом и промолвила: «Кто бы ни был таков, у кого моя сорочка, выходи сюда; коли старый человек — будешь мне родной батюшка, коли средних лет — будешь братец любимый, коли ровня мне — будешь милый друг!» Только сказала последнее слово, показался Иван-царевич. Подала она ему золотое колечко и говорит: «Ах, Иван-царевич! Что давно не приходил? Морской царь на тебя гневается. Вот дорога, что ведет в подводное царство; ступай по ней смело. Там и меня найдешь; ведь я дочь морского царя, Василиса Премудрая».

Обернулась Василиса Премудрая голубкою и улетела от царевича. А Иван-царевич отправился в подводное царство; видит: и там свет такой же, как у нас; и там поля, и луга, и рощи зеленые, и солнышко греет. Приходит он к морскому царю. Закричал на него морской царь: «Что так долго не бывал? За вину твою вот тебе служба: есть у меня пустошь на тридцать верст и в длину и в поперек — одни рвы, буераки да каменьё острое! Чтоб к завтрему было там как ладонь гладко, и была бы рожь посеяна, и выросла б к раннему утру так высока, чтобы в ней галка могла схорониться. Если того не сделаешь — голова твоя с плеч долой!»

Идет Иван-царевич от морского царя, сам слезами обливается. Увидала его в окно из своего терема высокого Василиса Премудрая и спрашивает: «Здравствуй, Иван-царевич! Что слезами обливаешься?» — «Как же мне не плакать? — отвечает царевич.— Заставил меня царь морской за одну ночь сровнять рвы, буераки и каменьё острое и засеять рожью, чтоб к утру она выросла и могла в ней галка спрятаться».— «Это не беда, беда впереди будет. Ложись с богом спать; утро вечера мудренее, все будет готово!» Лег спать Иван-царевич, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и крикнула громким голосом: «Гей вы, слуги мои верные! Ровняйте-ка рвы глубокие, сносите каменьё острое, засевайте рожью колосистою, чтоб к утру поспело».

Проснулся на заре Иван-царевич, глянул — все готово; нет ни рвов, ни буераков, стоит поле как ладонь гладкое, и красуется на нем рожь — столь высока, что галка схоронится. Пошел к морскому царю с докладом. «Спасибо тебе,— говорит морской царь,— что сумел службу сослужить. Вот тебе другая работа: есть у меня триста скирдов, в каждом скирду по триста копен — все пшеница белоярая; обмолоти мне к завтрему всю пшеницу чисто-начисто, до единого зернышка, а скирдов не ломай и снопов не разбивай. Если не сделаешь — голова твоя с плеч долой!» — «Слушаю, ваше величество!» — сказал Иван-царевич; опять идет по двору да слезами обливается. «О чем горько плачешь?» — спрашивает его Василиса Премудрая. «Как же мне не плакать? Приказал мне царь морской за одну ночь все скирды обмолотить, зерна не обронить, а скирдов не ломать и снопов не разбивать».— «Это не беда, беда впереди будет! Ложись спать с богом; утро вечера мудренее».

Царевич лег спать, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и закричала громким голосом: «Гей, мы, муравьи ползучие! Сколько вас на белом свете ни есть — все ползите сюда и повыберите зерно из батюшки-

ных скирдов чисто-начисто». Поутру зовет морской царь Ивана-царевича: «Сослужил ли службу?» — «Сослужил, ваше величество!» — «Пойдем, посмотрим». Пришли на гумно — все скирды стоят нетронуты, пришли в житницы — все закрома полнехоньки зерном. «Спасибо тебе, брат! — сказал морской царь.— Сделай мне еще церковь из чистого воску, чтоб к рассвету была готова: это будет твоя последняя служба». Опять идет Иван-царевич по двору и слезами умывается. «О чем горько плачешь?» — спрашивает его из высокого терема Василиса Премудрая. «Как мне не плакать, доброму мо́лодцу? Приказал морской царь за одну ночь сделать церковь из чистого воску».— «Ну, это еще не беда, беда впереди будет. Ложись-ка спать; утро вечера мудренее».

Царевич улегся спать, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и закричала громким голосом: «Гей вы, пчелы работящие! Сколько вас на белом свете ни есть — все летите сюда и слепите из чистого воску церковь божию, чтоб к утру была готова». Поутру встал Иван-царевич, глянул — стоит церковь из чистого воску, и пошел к морскому царю с докладом. «Спасибо тебе, Иван-царевич! Каких слуг у меня не было, никто не сумел так угодить, как ты. Будь же за то моим наследником, всего царства оберегателем; выбирай себе любую из тринадцати дочерей моих в жены». Иван-царевич выбрал Василису Премудрую; тотчас их обвенчали и на радостях пировали целых три дня.

Ни много, ни мало прошло времени, стосковался Иван-царевич по своим родителям, захотелось ему на святую Русь. «Что так грустен, Иван-царевич?» — «Ах, Василиса Премудрая, сгрустнулось по отцу, по матери, захотелось на святую Русь».— «Вот это беда пришла! Если уйдем мы, будет за нами погоня великая; царь морской разгневается и предаст нас смерти. Надо ухитряться!» Плюнула Василиса Премудрая в трех углах, заперла двери в своем тереме и побежала с Иваном-царевичем на святую Русь.

На другой день ранехонько приходят посланные от морского царя — молодых подымать, во дворец к царю звать. Стучатся в двери: «Проснитеся, пробудитеся! Вас батюшка зовет».— «Еще рано, мы не выспались; приходите после!» — отвечает одна слюнка. Вот посланные ушли, обождали час-другой и опять стучатся: «Не пора-время спать, пора-время вставать!» — «Погодите немного; встанем, оденемся!» — отвечает вторая слюнка. В третий раз приходят посланные: «Царь-де морской гневается, зачем так долго они прохлаждаются».— «Сейчас будем!» — отвечает третья слюнка. Подождали-подождали посланные и давай опять стучаться: нет отклика, нет отзыва! Выломали двери, а в тереме пусто. Доложили царю, что молодые убежали; озлобился он и послал за ними погоню великую.

А Василиса Премудрая с Иваном-царевичем уже далеко-далеко! Скачут на бо́рзых конях без остановки, без роздыху. «Ну-ка́, Иван-царевич, припади к сырой земле да послушай, нет ли погони от морского царя?» Иван-царевич соскочил с коня, припал ухом к сырой земле и говорит: «Слышу я людскую молвь и конский топ!» — «Это за нами гонят!» — сказала Василиса Премудрая и тотчас обратила коней зеленым лугом,

Ивана-царевича старым пастухом, а сама сделалась смирною овечкою.

Наезжает погоня: «Эй, старичок! Не видал ли ты — не проскакал ли здесь добрый мóлодец с красной девицей?» — «Нет, люди добрые, не видал,— отвечает Иван-царевич,— сорок лет как пасу на этом месте — ни одна птица мимо не пролетывала, ни один зверь мимо не прорыскивал!» Воротилась погоня назад: «Ваше царское величество! Никого в пути не наехали, видели только: пастух овечку пасет».— «Что ж не хватали? Ведь это они были!» — закричал морской царь и послал новую погоню. А Иван-царевич с Василисою Премудрою давным-давно скачут на бóрзых конях. «Ну, Иван-царевич, припади к сырой земле да послушай, нет ли погони от морского царя?» Иван-царевич слез с коня, припал ухом к сырой земле и говорит: «Слышу я людскую молвь и конский топ».— «Это за нами гонят!» — сказала Василиса Премудрая; сама сделалась церквою, Ивана-царевича обратила старепьким попом, лошадей деревьями.

Наезжает погоня: «Эй, батюшка! Не видал ли ты, не проходил ли здесь пастух с овечкою?» — «Нет, люди добрые, не видал; сорок лет тружусь в этой церкве — ни одна птица мимо не пролетывала, ни один зверь мимо не прорыскивал!» Повернула погоня назад: «Ваше царское величество! Нигде не нашли пастуха с овечкою; только в пути и видели, что церковь да попа-старика».— «Что же вы церковь не разломали, попа не захватили? Ведь это они самые были!» — закричал морской царь и сам поскакал вдогонь за Иваном-царевичем и Василисою Премудрою. А они далеко уехали.

Опять говорит Василиса Премудрая: «Иван-царевич! Припади к сырой земле — не слыхать ли погони?» Слез царевич с коня, припал ухом к сырой земле и говорит: «Слышу я людскую молвь и конский топ пуще прежнего».— «Это сам царь скачет». Оборотила Василиса Премудрая коней озером, Ивана-царевича селезнем, а сама сделалась уткою. Прискакал царь морской к озеру, тотчас догадался, кто таковы утка и селезень; ударился о сыру землю и обернулся орлом. Хочет орел убить их до смерти, да не тут-то было: что ни разлетится сверху... вот-вот ударит селезня, а селезень в воду нырнет; вот-вот ударит утку, а утка в воду нырнет! Бился-бился, так ничего и не смог сделать. Поскакал царь морской в свое подводное царство, а Василиса Премудрая с Иваном-царевичем выждали доброе время и поехали на святую Русь.

Долго ли, коротко ли, приехали они в тридесятое царство. «Подожди меня в этом лесочке, — говорит царевич Василисе Премудрой, — я пойду, доложусь наперед отцу, матери». — «Ты меня забудешь, Иван-царевич!»— «Нет, не забуду». — «Нет, Иван-царевич, не говори, позабудешь! Вспомни обо мне хоть тогда, как станут два голубка в окна биться!» Пришел Иван-царевич во дворец; увидали его родители, бросились ему на шею и стали целовать-миловать его; на радостях позабыл Иван-царевич про Василису Премудрую. Живет день и другой с отцом, с матерью, а на третий задумал свататься на какой-то королевне.

Василиса Премудрая пошла в город и нанялась к просвирне в работницы. Стали просвиры готовить; она взяла два кусочка теста, слепила пару

голубков и посадила в печь. «Разгадай, хозяюшка, что будет из этих голубков?» — «А что будет? Съедим их — вот и все!» — «Нет, не угадала!» Открыла Василиса Премудрая печь, отворила окно — и в ту ж минуту голуби встрепенулися, полетели прямо во дворец и начали биться в окна; сколько прислуга царская ни старалась, ничем не могла отогнать их прочь. Тут только Иван-царевич вспомнил про Василису Премудрую, послал гонцов во все концы расспрашивать да разыскивать и нашел ее у просвирни; взял за руки белые, целовал в уста сахарные, привел к отцу, к матери, и стали все вместе жить да поживать да добра наживать.

223

Як були собі цар да цариця; да у їх не було дітей; да були вони 125е
такі бідні, що і їсти нічого було. Раз пішов цар на заробітки; на дорозі йому захотілось пить, дивиться — коли криниця [1]. От він тільки що нахилився напиться води, аж його щось за бороду і ухватило. Він став проситься: «Пусти́ мене, хто ти!» Так воно і каже: «Ні, не пущу! Пообіщай оддать мені то, що у тебе єсть дома миліше після жінки». Він подумав: що ж у мене єсть миліше жінки? Нема нічо́го! Да і пообіщав; а те і каже з криниці: «Я ж до тебе через три годи прийду за ним». Цар вернувся додому, коли його жінка стріча з сином Іваном. Він так був рад йому, а згадавши, що син вже не його, дуже заплакав. Як пройшли три годи, то зараз той бородатий і прийшов за царевичем; тільки цар випросив оставить сина іще у себе на три годи. От як пройшли іще три годи, так теє оп'ять прийшло за ним да й каже: «Що глядіте? Пришлить його мені за́раз!»

На другий день цариця напекла йому на дорогу паляниць, розказала, куда іти, да ще й провела його недалеко за село; от він іде, коли дивиться — аж стоїть хатка. А вже смеркалось, так він і зайшов туда на́ ніч; а там живе П'ятінка святая. За́раз побачила його да й каже: «Здрастуй, Іван-царевич! Чи по волі, чи по неволі?» — «Ні, П'ятінко! Більше що по неволі»,— да й розказав, куди і чого він іде. Так вона і каже йому: «Гаразд [2] же, що ти до мене зайшов: я тебе научу, куди іти: там є двоє воріт, так ти не йди у ті ворота, що колком заперті, а в ті, що замком, да ще на їх стремить [3] на́ткнута чоловіча голова; но ти не бійся! Тільки постукай, то за́раз ворота самі і одчиняться, тоді іди усе по дорожці, і прийдеш до води, а там побачиш: купається дванадцять сестер, да всі перекинулись уточками, і плаття їх лежатимуть на бе́резі — усіх одинадцяти вмісті, а однієї особо; дак ти теє і возьми да й заховайся з ним. От всі сестри поодіваються да й підуть; а вона буде шукать своєго плаття, а послі скаже: озовись, хто моє плаття узяв, — тому буду матір'ю. А ти мовчи. Вона оп'ять скаже: хто моє плаття узяв — тому буду сестрою. Ти все мовчи. Тоді вона скаже: хто взяв моє плаття — того буду жінкою. От ти озовись і оддай їй плаття.

[1] Колодец.
[2] Догадлив, умен.
[3] Торчит.

Він так і зробив. Як оддав плаття, дак та царевна і каже: «Слухай же, Іван-царевич! Як ті прийдеш до мого батька, то він буде тобі казать, щоб ти вибирав собі із нас жінку, а нас усіх поставить рядом; дивись же: усі сестри будуть дуже хороші, а на мене нашлють усяких прищів. То ти й покаж на мене, що оцю возьму! З тебе будуть усі сміяться; а ті нічого не слухай. Тоді оп'ять цар на другий день нас поставить, і сестри усі будуть в золоті, а я в черному; ти оп'ять мене бери. Іще й на третій день цар нас покажеть, і ми вже усі будем одинакові; тільки ти дивись: я виставлю наперед ногу, то ти оп'ять на мене покаж. Більше вже не будуть тебе питать, і я буду твоя жінка». Як вона казала, так усе і зробилось.

На другий день кликнув Івана-царевича до себе цар. «Гляди, щоб ти мені до світа насадив такий сад, щоб ні у кого не було такого, і щоб уродилися такі яблуки, що золоте яблуко та срібне яблуко!» Так він прийшов до жінки да й плаче. Вона пита: «Чого ти, Іван-царевич, плачеш?» — «Як же мені не плакать, коли твій батько заказав мені таку роботу, що я й до віку не зроблю!» — «Мовчи, молись богу да лягай спать; до світа усе буде готово». Він ліг, а вона вийшла на двір, махнула платочком — набігли люди да і питають: «Чого тобі, царевно, треба?» Вона приказала, щоб до світа було усе то, що батько ні говорив. Цар вранці устав, дивиться — коли усе пороблено.

От він, дождавшись вечора, кликнув оп'ять зятя да й каже: «Гляди ж, щоб до завтрього зробив мені такий мост, щоб золота палочка да срібна палочка!» От він оп'ять прийшов до жінки, став плакать да й розказав, що йому велів зробить цар. Вона оп'ять каже: «Нічого, молись богу да лягай спать», — да зараз, як тільки він ліг спать, вийшла, як крикне — люди набігли і до світа усе зробили. Цар оп'ять рано встав, побачив, що усе пороблено, призвав на́ вечір зятя да й каже: «Гляди, щоб ти мені до світа зробив цілий дворець, да такий хороший, що ні у кого луччого нема». Він оп'ять прийшов додому і заплакав да і став говорить жінці, що йому велів цар. Вона положила його спать, а сама вийшла да крикнула — люди збіглись; вона їм приказала, щоб до світа усе було готово, і люди усе то поробили. Тоді цар побачив, що у його зять такий, — що йому ні прикажеш, усе зробить! Більше уже нічого не заставляв його робить і став його пускать гулять по саду.

От він раз пішов у сад да зійшов на могилку[4]; коли дивиться, а у його батька по двору бігають дітки; він догадався, що то його братики, заплакав да й пішов до жінки. Вона і пита його: «Чого ти плачеш?» — «Як же мені не плакать? У мого батька так весело, усі братики по двору ходять; я іще дивився із тієї могилки, що у саду́». Вона йому і каже: «Не плач! Ми утечем до твого батька», — да тричі плюнула у хаті, щоб за її стала слюна говорить. І пошли вони... На другий день батько ждав-ждав, щоб вони прийшли снідать, а вони не йдуть; пішов сам кликать, став під дверми да-й кличе, а слюна і говорить: «Постойте, за́раз прийду!» Він подождав, да оп'ять кличе; слюна оп'ять каже, що прийду. Тоді вже він розсердився і велів

[4] Курган.

двері разломать; коли дивиться, аж нікóго немає, то так розсердився, що велів разом верхових послать на всі концi.

А царевич з жінкою далеко вже стали! Тільки вона лягла на землю да й слуха, аж погоня уже близько; от і каже йому: «Будь ти дяк, а я буду церква; да як буде тебе хто питать, чи не бачив ти якого чоловіка і з жінкою, — ти нічóго не говóр, а усе читай». От вéрховень прибіг, увійшов у церков, побачив дяка да й каже: «Чи ти не бачив якого чоловіка з жінкою?» А дяк усе читає; він плюнув да й поїхав назад. Тоді вони оп'ять пішли, а одійшовши далеко, царевна оп'ять лягла послухать: чи не їдуть за ними? Чує, що погоня уже близько. Вона каже Івану-царевичу: «Будь же ти пастух, а я буду свинею, і як тебе хто буде питать, чи бачив ти яких людей, — ти кажи тільки: я свиню пасу, а більше нічóго не говóр». Так і зробили. Вéрховень приїхав, розпитував, а як не допитався нічóго — плюнув да й поїхав назад.

Тоді вони оп'ять пішли, а одійшовши, стали слухать, не їдуть лі за ними? Тільки чують, аж сам цар їде. От вона і каже: «Тепер же будь ти окунь, а я буду річкою». Так і зробили. Батька приїхав, побачив, що вже нічóго не можна зробить, розсердився і сказав: «Щоб же ти була річкою три годи!» — да і вернувсь додому.

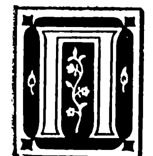
Тоді вже річка і стала говорить своєму мужу: «Іди ж ти додому, там застанеш у себе багато і сестер і братів, да хоть як вони будуть просить щоб ти їх поціловав — ти не цілуй, а то зáраз забудеш мене». Той так і зробив, прийшов додому, да тільки поціловався з батьком і з матір'ю, а більше ні з ким, як його ні просили. Уже проходив і третій год, як раз він і забув запертú тію хату, де ночував; а к йому і вбігла одна сестра да побачила, що він спить, підійшла тихесенько да й поціловала. Так він як проснувся, то вже і не згадав про свою жінку; а через місяць його посватали да й стали весілля [5] готовить.

От у суботу, уже як шишки стали бгать [6], дівка одна пішла до колодязя пó воду, да тільки що нагнулась брать, дивиться — коли там така хороша баришня. Вона вбігла у хату, розказала усім; тії пішли і собі туда, тільки уж нікóго не було, а як вернулись у хату, то та самая була у хаті. «Я, — говóрить, — прийшла вам помагать шишки бгать». Зліпила два голуба да й посадила їх на вікóнце: вони і стали говорить меж собою, аж усі удивилися. Тільки один голуб і говóрить другому: «Чи ти забув, як я була церквою, а ти дячком?» — «Забув, забув!» — «Чи ти забув, як я була свинею, а ты пастухом?» — «Забув, забув!» — «Чи ти ж забув, як я була річкою, а ти окунем, і як мене батько закляв, щоб я була три годи річкою, і я тебе просила, щоб ні з ким, ні з браттями, ні з сестрами не ціловався, а то мене позабудеш?» Тоді Іван-царевич усе згадав, пізнав свою жінку, прибіг до неї, став її ціловать і прóсить батька свого, щоб їх по-своєму повінчали. І з тих пор много води утекло, а вони усе живуть да хліб жують.

[5] Свадьбу.

[6] Как стали приготовлять свадебное печенье.

224

Посеял мужик рожь, и уродил ему господь на диво: едва мог с поля собрать! Вот перевез он снопы домой, смолотил и насыпал и думает: «Теперь-то стану жить, не тужить!» И повадились к мужику в амбар мышь да воробей; каждый божий день раз по пяти слазают, наедятся — и назад: мышь юркнет в свою норку, а воробей улетит в свое гнездо. Жили они вдвоем так-то дружно целые три года; все зерно приели, остается в закроме самая малость, с четверик — не больше. Видит мышь, что запас к концу подходит, и ну ухитряться, как бы воробья обмануть да всем достальным добром одной завладáть. И таки ухитрилась; собралась темною ночью, прогрызла в полу большущую дыру и спустила в подполье всю рожь до единого зернышка. 125б

Поутру прилетает воробей в амбар, захотелось ему позавтракать; глянул — нет ничего! Вылетел бедняжка голодный и думает про себя: «Обидела, проклятая! Полечу-ка я, добрый мóлодец, к ихнему царю, ко льву, стану просить на мышь — пусть он нас рассудит по правде». Снялся и полетел ко льву. «Лев, царь звериный! — бьет ему челом воробей.— Жил я с твоим зверем, мышью зубастою; целые три года кормились из одного закрома, и не было промеж нас никакой ссоры. А как стал запас к концу подходить, пошла она на хитрости: прогрызла в закроме дыру, спустила все зерно в подполье к себе, а меня, бедного, голодать оставила. Рассуди нас по правде; не рассудишь — полечу искать суда-расправы у своего царя, орла».— «Ну и лети с богом!» — сказал лев. Воробей бросился с челобитьем к орлу, рассказал ему всю свою обиду, как мышь своровала, а лев ей потатчик. Сильно разгневался в тé поры царь орел и сейчас же отправил ко льву легкого гонца: приходи завтра с своим-де звериным воинством на такое-то поле, а я соберу всех птиц и дам тебе сражение.

Нечего делать, послал царь лев клич кликать, на войну зверей созывать. Собралось их видимо-невидимо, и только пришли на чистое поле — летит на них орел со всем своим крылатым воинством, словно туча небесная. Началась битва великая. Бились они три часа и три минуточки; победил царь орел, завалил все поле трупами звериными и распустил птиц по домам, а сам полетел в дремучий лес, уселся на высокий дуб — избит, изранен, и стал думать думу крепкую, как бы назад воротить свою силу прежнюю.

Давно это было, а жил-был тогда купец с купчихою одни-одинехоньки, не было у них ни единого детища. Встал купец поутру и говорит жене: «Нехорош мне сон привиделся: навязалась будто к нам большая птица, жрет зараз по целому быку, выпивает по полному ушату; а нельзя отбыть, нельзя птицы не кормить! Пойду-ка я в лес, авось поразгуляюся». Захватил ружье и пошел в лес. Долго ли, коротко ли бродил он пó лесу, подошел, наконец, к дубу, увидел орла и хочет стрелять по нем. «Не бей меня, добрый мóлодец! — провещал ему орел человеческим голосом.— Убьешь — мало будет прибыли. Возьми лучше меня к себе в дом да прокорми три года, три месяца и три дня; я у тебя поправлюся, отращу свои

крылья, соберуся с силами и тебе добром заплачу».— «Какой заплаты от орла ожидать?» — думает купец и прицелился в другой раз. Орел провещал то же самое. Прицелился купец в третий раз, и опять орел просит: «Не бей меня, добрый мóлодец; прокорми меня три года, три месяца и три дня; как поправлюся, отращу свои крылья да соберуся с силами — все тебе добром заплачу!»

Сжалился купец, взял птицу орла и понес домой. Тотчас убил быка и налил полный ушат медовой сыты; надолго, думает, хватит орлу корму; а орел все зараз приел и выпил. Плохо пришлось купцу от незваного гостя, совсем разорился; видит орел, что купец-то обеднял, и говорит ему: «Послушай, хозяин! Поезжай в чистое поле; много там разных зверей побитых, пораненных. Сними с них дорогие меха и вези продавать в город; на те деньги и меня и себя прокормишь, еще про запас останется». Поехал купец в чистое поле, видит: много на поле лежит зверей побитых, пораненных; поснимал с них самые дорогие меха, повез продавать в город и продал за большие деньги.

Прошел год; велит орел хозяину везти его на то место, где высокие дубы стоят. Заложил купец повозку и привез его на то место. Орел взвился за тучи и с разлету ударил грудью в одно дерево: дуб раскололся надвое. «Ну, купец, добрый молодец,— говорит орел,— не собрался я с прежнею силою, корми меня еще круглый год». Прошел и другой год; опять взвился орел за темные тучи, разлетелся сверху и ударил грудью дерево: раскололся дуб на мелкие части. «Приходится тебе, купец, добрый молодец, еще целый год меня кормить; не собрался я с прежнею силою».

Вот как прошло три года, три месяца и три дня, говорит орел купцу: «Вези меня опять на то же место, к высоким дубам». Привез его купец к высоким дубам. Взвился орел повыше прежнего, сильным вихрем ударил сверху в самый большой дуб, расшиб его в щепки с верхушки до кореня, ажно лес кругом зашатался. «Спасибо тебе, купец, добрый молодец! — сказал орел.— Теперь вся моя старая сила со мною. Бросай-ка лошадь да садись ко мне на крылья; я понесу тебя на свою сторону и расплачусь с тобою за все добро».

Сел купец орлу на крылья; понесся орел на синее море и поднялся высоко-высоко. «Посмотри,— говорит,— на синее море, велико ли?» — «С колесо!»,— отвечает купец. Орел встряхнул крыльями и сбросил купца вниз, дал ему спознать смертный страх и подхватил, не допустя до воды. Подхватил и поднялся с ним еще выше. «Посмотри на синее море, велико ли?» — «С куриное яйцо!» Встряхнул орел крыльями, сбросил купца вниз и, опять не допустя до воды, подхватил его и поднялся вверх, повыше прежнего. «Посмотри на синее море, велико ли?» —«С маковое зернышко!» И в третий раз встряхнул орел крыльями и сбросил купца с поднебесья, да опять-таки не допустил его до воды, подхватил на крылья и спрашивает: «Что, купец, добрый молодец, спознал, каков смертный страх?» — «Спознал,— говорит купец,— я думал, совсем пропаду!» — «Да ведь и я то же думал, как ты в меня ружьем целил».

Полетел орел с купцом за́ море, прямо к медному царству. «Вот здесь живет моя старшая сестра; как будем у ней в гостях и станет она дары подносить, ты ничего не бери, а проси себе медный ларчик». Сказал так-то орел, ударился о сырую землю и оборотился добрым молодцем. Идут они широким двором. Увидала сестра и обрадовалась: «Ах, братец родимый! Как тебя бог принес? Ведь боле трех лет тебя не видала; думала — совсем пропал! Ну чем же тебя угощать, чем потчевать?» — «Не меня проси, не меня угощай, родимая сестрица! Я — свой человек; проси-угощай вот этого доброго мо́лодца: он меня три года поил-кормил, с голоду не уморил».

Посадила она их за столы дубовые, за скатерти браные, угостила-употчевала; повела потом в кладовые, показывает богатства несметные и говорит купцу, доброму молодцу: «Вот злато, и се́ребро, и каменья самоцветные; бери себе, что душа желает!» Отвечает купец, добрый молодец: «Не надобно мне ни злата, ни се́ребра, ни каменья самоцветного; подари медный ларчик».— «Как бы не так! Не тот ты сапог не на ту ногу надеваешь!» Осердился брат на такие речи сестрины, оборотился орлом, птицей быстрою, подхватил купца и полетел прочь. «Братец родимый, воротися! — кричит сестра.— Не постою и за ларчик!» — «Опоздала, сестра!»

Летит орел по поднебесью. «Посмотри, купец, добрый молодец, что назади и что впереди деется?» Посмотрел купец и сказывает: «Назади пожар виднеется, впереди цветы цветут!» — «То медное царство горит, а цветы цветут в серебряном царстве у моей середней сестры. Как будем у ней в гостях и станет она дары дарить, ты ничего не бери, а проси серебряный ларчик». Прилетел орел, ударился о сырую землю и оборотился добрым молодцем. «Ах, братец родимый! — говорит ему сестра.— Отколь взялся? Где пропадал? Что так долго в гостях не бывал? Чем же тебя, друга, потчевать?» — «Не меня проси, не меня угощай, родимая сестрица! Я — свой человек; проси-угощай вот доброго мо́лодца, что меня три года и поил и кормил, с голоду не уморил».

Посадила она их за столы дубовые, за скатерти браные, угостила-употчевала и повела в кладовые: «Вот злато, и се́ребро, и каменья самоцветные; бери, купец, что душа пожелает!» — «Не надобно мне ни злата, ни се́ребра, ни каменья самоцветного; подари один серебряный ларчик».— «Нет, добрый мо́лодец, не тот кусок хватаешь! Не ровен час — подавишься!» Осердился брат орел, оборотился птицею, подхватил купца и полетел прочь. «Братец родимый, воротися! Не постою и за ларчик!» — «Опоздала, сестра!»

Опять летит орел по поднебесью. «Посмотри, купец, добрый молодец, что назади и что впереди?» — «Назади пожар горит, впереди цветы цветут».— «То горит серебряное царство, а цветы цветут — в золотом, у моей меньшой сестры. Как будем у ней в гостях и станет она дары дарить, ты ничего не бери, а проси золотой ларчик». Прилетел орел к золотому царству и оборотился добрым молодцем. «Ах, братец родненький!— говорит сестра.— Отколь взялся? Где пропадал? Что так долго в гостях не бывал? Ну, чем же велишь себя потчевать?» — «Не меня проси, не меня угощай, я — свой человек; проси-угощай вот этого купца,

доброго молодца: он меня три года поил и кормил, с голоду не уморил».

Посадила она их за столы дубовые, за скатерти браные, угостила-употчевала; повела купца в кладовые, дарит его златом, и се́ребром, и каменьями самоцветными. «Ничего мне не надобно; только подари золотой ларчик».— «Бери себе на счастье! Ведь ты моего брата три года поил и кормил, с голоду не уморил; а ради брата ничего мне не жалко!» Вот пожил, попировал купец в золотом царстве; пришло время расставаться, в путь-дорогу отправляться. «Прощай,— говорит ему орел,— не поминай лихом, да смотри — не отмыкай ларчика, пока домой не воротишься».

Пошел купец домой; долго ли, коротко ли шел он, приустал, и захотелось ему отдохнуть. Остановился на чужом лугу, на земле царя Некрещеного Лба, смотрел-смотрел на золотой ларчик, не вытерпел и отомкнул. Только отпер — откуда ни возьмись, раскинулся перед ним большой дворец, весь изукрашенный, появились слуги многие: «Что угодно? Чего надобно?» Купец, добрый молодец, наелся, напился и спать повалился.

Увидал царь Некрещеный Лоб, что стоит на его земле большой дворец, и посылает послов: «Подите, разузнайте: что за невежа такой проявился, без спросу на моей земле дворец выстроил? Чтоб сейчас убирался вон подобру-поздорову!» Как пришло к купцу такое грозное слово, стал он думать да гадать, как бы собрать дворец в ларчик по-прежнему; думал-думал — нет, ничего не поделаешь! «Рад бы убраться,— говорит он послам,— да как? И сам не придумаю». Послы воротились и донесли про все царю Некрещеному Лбу. «Пусть отдаст мне то, чего дома не ведает; соберу ему дворец в золотой ларчик». Делать нечего, пообещал купец с клятвою отдать то, чего дома не ведает; а царь Некрещеный Лоб тотчас собрал дворец в золотой ларчик. Взял купец золотой ларчик и пустился в дорогу.

Долго ли, коротко ли, приходит домой; встречает его купчиха: «Здравствуй, свет! Где был-пропадал?» — «Ну, где был — там теперь меня нету!» — «А нам господь без тебя сынка даровал».— «Вот я чего дома не ведал»,— думает купец и крепко приуныл, пригорюнился. «Что с тобой? Али дому не рад?» — пристает купчиха. «Не то!» — говорит купец и тут же рассказал ей про все, что с ним было. Погоревали они. поплакали; да не век же и плакать! Раскрыл купец свой золотой ларчик, и раскинулся перед ним большой дворец, хитро изукрашенный, и стал он с женою и сыном жить в нем, поживать, добра наживать.

Прошло лет с десяток и побольше того; вырос купеческий сын, поумнел, похорошел и стал молодец молодцом. Раз поутру встал он весело и говорит отцу: «Батюшка! Снился мне нынешней ночью царь Некрещеный Лоб, приказывал к себе приходить: давно-де жду, пора и честь знать!» Прослезились отец с матерью, дали ему свое родительское благословение и отпустили на чужую сторону.

Идет он дорогою, идет широкою, идет полями чистыми, степями раздольными и приходит в дремучий лес. Пусто кругом, не видать души человеческой; только стоит небольшая избушка одна-одинехонька, к лесу передом, к Ивану гостиному сыну задом. «Избушка, избушка!— говорит он.—

Повернись к лесу задом, а ко мне передом». Избушка послушалась и повернулась к лесу задом, к нему передом. Вошел в избушку Иван гостиный сын, а там лежит баба-яга костяная нога, из угла в угол, титьки через грядку висят. Увидала его баба-яга и говорит: «Доселева русского духа слыхом было не слыхать, видом не видать, а ныне русский дух воочью проявляется! Отколь идешь, добрый мо́лодец, и куда путь держишь?» — «Эх ты, старая ведьма! Не накормила, не напоила прохожего человека, да уж вестей спрашиваешь».

Баба-яга поставила на стол напитки и наедки разные, накормила его, попоила и спать уложила, а поутру ранехонько будит и давай расспрашивать. Иван гостиный сын рассказал ей всю подноготную и просит: «Научи, бабушка, как до царя Некрещеного Лба дойти».— «Ну, хорошо, что ты ко мне зашел, а то не бывать бы тебе живому: Царь Некрещеный Лоб крепко на тебя сердит, что долго к нему не являлся. Послушай же, ступай по этой тропинке и дойдешь до пруда; спрячься за дерево и выжидай время: прилетят туда три голубицы — красные девицы, дочери царские; отвяжут свои крылышки, поснимают платья и станут в пруду плескаться. У одной крылышки будут пестренькие; вот ты улучи минуточку и захвати их к себе и до тех пор не отдавай, пока не согласится она пойти за тебя замуж. Тогда все хорошо будет!» Попрощался Иван гостиный сын с бабою-ягою и пошел по указанной тропинке.

Шел-шел, увидал пруд и спрятался за густое дерево. Немного спустя прилетели три голубицы, одна с пестрыми крылышками, ударились оземь и обернулись красными девицами; сняли свои крылышки, сняли свое платье и начали купаться. А Иван гостиный сын держит ухо остро, подполз потихохоньку и утащил пестрые крылышки. Смотрит: что-то будет? Выкупались красные девицы, вышли из воды; две тотчас же нарядились, прицепили свои крылышки, обернулись голубицами и улетели; а третья осталась пропажи искать.

Ищет, сама приговаривает: «Скажись, отзовись, кто взял мои крылышки; если старый старичок — будь мне батюшкой, если средних лет — милым дядюшкой, если ж добрый мо́лодец — пойду за него замуж». Иван гостиный сын вышел из-за дерева: «Вот твои крылышки!» — «Ну скажи теперь, добрый мо́лодец, нареченный муж, какого ты роду-племени и куда путь держишь?» — «Я — Иван гостиный сын, а путь держу к твоему батюшке, царю Некрещеному Лбу».— «А меня зовут Василиса Премудрая». А была Василиса Премудрая любимая дочь у царя: и умом и красой взяла! Указала она жениху своему дорогу к царю Некрещеному Лбу, вспорхнула голубицею и полетела вслед за сестрами.

Пришел Иван гостиный сын к царю Некрещеному Лбу; заставил его царь на кухне служить, дрова рубить, воду таскать. Невзлюбил его повар Чумичка, стал на него царю наговаривать: «Ваше царское величество! Иван гостиный сын похваляется, что может он за единую ночь вырубить большой дремучий лес, бревна в кучи складь, коренья повыкопать, а землю вспахать и засеять пшеницею; ту пшеницу сжать, смолотить и в муку смолоть; из той муки пирогов напечь, вашему величеству на завтрак поднесть».— «Хорошо,— говорит царь,— позвать его ко мне!» Явился Иван

7 Заказ № 101

гостиный сын. «Что ты там похваляешься, что за единую ночь можешь вырубить дремучий лес, землю вспахать — словно поле чистое, и засеять пшеницею; ту пшеницу сжать, смолотить и в муку обратить; из той муки пирогов напечь, мне на завтрак поднесть? Смотри же, чтоб к утру все было готово; не то — мой меч, твоя голова с плеч!»

Сколько ни отпирался Иван гостиный сын, ничего не помогло; приказ дан — надо исполнять. Идет он от царя и буйную голову свою повесил с горя. Увидала его царская дочь Василиса Премудрая и спрашивает: «Что так пригорюнился?» — «Что тебе и говорить! Ведь ты моему горю не пособишь?» — «Почем знать, может и пособлю!» Рассказал ей Иван гостиный сын, какую службу приказал ему царь Некрещеный Лоб. «Ну, это что за служба! Это — службишка, служба будет впереди! Ступай, богу молись да спать ложись; утро вечера мудренее, к утру все будет сделано».

Ровно в полночь вышла Василиса Премудрая на красное крыльцо, закричала зычным голосом — и в минуту сбежались со всех сторон работники: видимо-невидимо их! Кто деревья валит, кто коренья копает, а кто землю пашет; в одном месте сеют, а в другом уж жнут и молотят! Пошла пыль столбом; а к рассвету уж зерно смолото и пироги напечены. Понес Иван гостиный сын пироги на завтрак царю Некрещеному Лбу. «Молодец!» — сказал царь и велел наградить его из своей царской казны.

Повар Чумичка пуще прежнего озлобился на Ивана гостиного сына; стал опять наговаривать: «Ваше царское величество! Иван гостиный сын похваляется, что может за единую ночь сделать такой корабль, что будет летать по поднебесью».— «Хорошо, позвать его сюда!» Позвали Ивана гостиного сына. «Что ты слугам моим похваляешься, что можешь за единую ночь сделать чудесный корабль и тот корабль будет летать по поднебесью; а мне ничего не сказываешь? Смотри же у меня, чтоб к утру все поспело; не то — мой меч, твоя голова с плеч!»

Иван гостиный сын повесил с горя свою буйную голову ниже могучих плеч, идет от царя сам не свой. Увидала его Василиса Премудрая: «О чем пригорюнился, о чем запечалился?» — «Как мне не печалиться? Приказал царь Некрещеный Лоб построить за единую ночь корабль-самолет».— «Это что за служба! Это — службишка, служба будет впереди. Ступай, богу молись да спать ложись; утро вечера мудренее, к утру все будет сделано». В полночь вышла Василиса Премудрая на красное крыльцо, закричала зычным голосом — и в минуту сбежались со всех сторон плотники. Принялись топорами постукивать; живо работа кипит! К утру совсем готова! «Молодец! — сказал царь Ивану гостиному сыну. — Поедем теперь кататься».

Сели они вдвоем да третьего прихватили с собой повара Чумичку и полетели по поднебесью. Пролетают они над звериным двором; нагнулся повар вниз посмотреть, а Иван гостиный сын тем временем взял и столкнул его с корабля. Лютые звери тотчас разорвали его на мелкие части. «Ах,— кричит Иван гостиный сын,— Чумичка свалился!» — «Черт с ним! — сказал царь Некрещеный Лоб.— Собаке собачья и смерть!» Воротились во дворец. «Хитёр ты, Иван гостиный сын!— говорит царь.—

Вот тебе третья задача: объезди мне неезжалого жеребца, чтоб мог под ве́рхом ходить. Объездишь жеребца — отдам за тебя замуж дочь мою, а не то — мой меч, твоя голова с плеч!» — «Ну, это работа легкая!» — думает Иван гостиный сын; идет от царя, сам усмехается.

Увидала его Василиса Премудрая, расспросила про все и говорит: «Не умен ты, Иван гостиный сын! Теперь задана тебе служба трудная, работа нелегкая: ведь жеребцом-то будет сам царь Некрещеный Лоб, понесет он тебя по поднебесью выше лесу стоячего, ниже облака ходячего и размычет все твои косточки по чистому полю. Ступай поскорей к кузнецам, закажи, чтоб сделали тебе железный молот пуда в три; а как сядешь на жеребца, покрепче держись да железным молотом по голове осаживай».

На другой день вывели конюхи жеребца неезжалого: еле держат его! Храпит, рвется, на дыбы становится! Только сел на него Иван гостиный сын, поднялся жеребец выше лесу стоячего, ниже облака ходячего и полетел по поднебесью быстрей сильного ветра. А ездок крепко держится да все молотом по голове его осаживает. Выбился жеребец из сил и опустился на сырую землю; Иван гостиный сын отдал жеребца конюхам, а сам отдохнул и пошел во дворец. Встречает его царь Некрещеный Лоб с завязанной головою. «Объездил коня, ваше величество!» — «Хорошо; приходи завтра невесту выбирать, а нынче у меня голова болит».

Поутру говорит Ивану гостиному сыну Василиса Премудрая: «Нас у батюшки три сестры; обернет он нас кобылицами и заставит тебя выбирать невесту. Смотри-примечай: на моей уздечке одна блесточка потускнеет. Потом выпустит нас голубицами; сестры будут тихохонько гречиху клевать, а я нет-нет да взмахну крылышком. В третий раз выведет нас девицами — одна в одну и лицом, и ростом, и волосом; я нарочно платочком махну, по тому меня узнавай!»

Как сказано, вывел царь Некрещеный Лоб трех кобылиц — одна в одну, и поставил в ряд. «Выбирай за себя любую!» Иван гостиный сын зорко оглянул; видит, на одной уздечке блесточка потускнела, схватил за ту уздечку и говорит: «Вот моя невеста!» — «Дурную берешь! Можно и получше выбрать».— «Ничего, мне и эта хороша!» — «Выбирай в другой раз». Выпустил царь трех голубиц — перо в перо, и насыпал им гречихи; Иван гостиный сын заприметил, что одна все крылышком потряхивает, схватил ее за крыло: «Вот моя невеста!» — «Не тот кус хватаешь; скоро подавишься! Выбирай в третий раз». Вывел царь трех девиц — одна в одну и лицом, и ростом, и волосом. Иван гостиный сын увидал, что одна платочком махнула, схватил ее за руку: «Вот моя невеста!» Делать было нечего, отдал за него царь Некрещеный Лоб Василису Премудрую, и сыграли свадьбу веселую.

Ни мало, ни много прошло времени, задумал Иван гостиный сын бежать с Василисою Премудрою в свою землю. Оседлали они коней и уехали темною ночью. Поутру хватился царь Некрещеный Лоб и послал за ними погоню. «Припади к сырой земле,— говорит Василиса Премудрая мужу,— не услышишь ли чего?» Он припал к сырой земле, послушал и отвечает: «Слышу конское ржание!» Василиса Премудрая сделала его огородом, а себя кочном капусты. Воротилась погоня к царю с пустыми

руками: «Ваше царское величество! Не видать ничего в чистом поле, только и видели один огород, а в том огороде кочан капусты».— «Поезжайте, привезите мне тот кочан капусты; ведь это они умудряются!»

Опять поскакала погоня, опять Иван гостиный сын припал к сырой земле. «Слышу,— говорит,— конское ржание!» Василиса Премудрая сделалась колодцем, а его оборотила ясным соколом; сидит сокол на срубе да пьет воду. Приехала погоня к колодцу — нет дальше дороги! — и поворотила назад. «Ваше царское величество! Не видать ничего в чистом поле; только и видели один колодец, из того колодца ясный сокол воду пьет». Поскакал догонять сам царь Некрещеный Лоб. «Припади-ка к сырой земле, не услышишь ли чего?» — говорит Василиса Премудрая своему мужу. «Ох, стучит-гремит пуще прежнего!» — «То отец за нами гонится! Не знаю, не придумаю, что делать!» — «Я и поготово[1] не ведаю!»

Были у Василисы Премудрой три вещицы: щетка, гребенка и полотенце; вспомнила про них и говорит: «Еще бог милостив! Есть у меня оборона от царя Некрещеного Лба!» Махнула назад щеткою — и сделался большой дремучий лес: руки не просунешь, а кругом в три года не обойдешь! Вот царь Некрещеный Лоб грыз-грыз дремучий лес, проложил себе тропочку, пробился и опять в погонь. Близко нагоняет, только рукой схватить; Василиса Премудрая махнула назад гребенкою — и сделалась большая-большая гора: не пройти, не проехати! Царь Некрещеный Лоб копал-копал гору, проложил тропочку и опять погнался за ними. Тут Василиса Премудрая махнула назад полотенцем — и сделалось великое-великое море. Царь прискакал к морю, видит, что дорога заставлена, и поворотил домой.

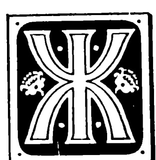
Стал подходить Иван гостиный сын с Василисою Премудрою к своей земле и сказывает ей: «Я вперед пойду, извещу о тебе отца с матерью, а ты меня здесь подожди».— «Смотри же,— говорит ему Василиса Премудрая,— как придешь домой, со всеми целуйся, не целуйся только с своей крестной матерью, а то меня позабудешь!» Иван гостиный сын воротился домой, всех перецеловал на радостях, поцеловал и крестную мать, да и забыл про Василису Премудрую. Стоит она, бедная, на дороге, дожидается; ждала-ждала — не идет за ней Иван гостиный сын; пошла в город и нанялась в работницы к одной старушке. А Иван гостиный сын задумал жениться, сосватал себе невесту и затеял пир на весь мир.

Василиса Премудрая узнала про то, нарядилась нищенкой и пошла на купеческий двор просить милостыньку. «Погоди,— говорит купчиха,— я тебе маленький пирожок испеку; от большого резать не стану».— «И за то спасибо, матушка!» Только большой пирог пригорел, а маленький хорош вышел. Купчиха отдала ей горелый пирог, а маленький за стол подала. Разрезали тот пирожок — и тотчас вылетели из него два голубя. «Поцелуй меня»,— говорит голубь голубке. «Нет, ты меня позабудешь, как забыл Иван гостиный сын Василису Премудрую!» И в другой и в третий раз говорит голубь голубке: «Поцелуй меня!» — «Нет, ты меня позабудешь, как забыл Иван гостиный сын Василису Премудрую». Опом-

[1] Тем более, подавно (*Ред.*).

нился Иван гостиный сын, узнал, кто такая нищенка, и говорит отцу, матери и гостям: «Вот моя жена!» — «Ну, коли у тебя есть жена, так и живи с нею!» Новую невесту богато одарили и домой отпустили; а Иван гостиный сын с Василисою Премудрою стали жить-поживать да добра наживать, лиха избывать.

225

ил-был богатый купец. Пошел он ходить по чужим сторонам, 125g
дошел до реки и захотел пить; стал он в той реке пить, и схватил его Чудо-Юдо Беззаконный и просит: «Отдай ты мне, чего дома не знаешь». Купец думал-думал: «Кажется, я все дома знаю!» И сказал: «Ну, возьми!» Чудо-Юдо отпустил его. Отправился купец на родину; немалое время был он в пути, пришел домой, а без него жена сына родила. И растет этот сын не по годам, не по дням, а по часам, по минутам. Требует Чудо-Юдо уплаты. «Подай,— говорит,— мне, что сам обещал». Отец не дает, жалко ему своего сына, а сын говорит: «Что же делать, батюшка! Благослови меня, я пойду».

Шел он, шел много ли, мало ли время и пришел к темному лесу; стоит избушка на куриных ножках, на бараньих рожках. Говорит Иван купецкий сын: «Избушка, избушка! Обратись к лесу задком, ко мне передком». Сейчас избушка повернулась; он взошел в нее, а в избушке сидит баба-яга костяная нога. «Ого,— говорит,— давно русским духом не пахло! Здравствуй, Иван купецкий сын! Мой братец Чудо-Юдо тебя ждет — не дождется». Он спрашивает: «Как же мне пройтить к нему?» Баба-яга дала ему шар и сказывает: «Куда покатится этот шар, туда и ступай!»

Прикатился этот шар к другой изобке[1]; взошел туда Иван купецкий сын, а в изобке сидит баба-яга костяная нога; сама на стуле, нос в потолок, одна нога в правый угол, а другая в левый. «Здравствуй, Иван купецкий сын! Мой братец тебя давно дожидается!» — «Как же мне пройтить к нему?» Баба-яга дала ему шар и сказывает: «Ступай, куда шар покатится». Прикатился шар к третьей изобке; Иван купецкий сын взошел в эту изобку, а в ней сидит Чудо-Юдова дочка. «Здравствуй, Иван купецкий сын! Мой батюшка давно тебя дожидается».— «Как же мне пройтить к нему?» — «А вот ступай по этой проталинке — и прямо выйдешь к моему батюшке».

Он пошел той проталинкою и дошел до моря синего. По одну сторону моря синего плавает семьдесят семь уточек, по другую сторону изгорода стоит, на изгороде висят всё человечьи головы. Говорит Иван купецкий сын: «Быть моей головушке на этой изгороде!» А сам слезно плачет. Вышла к нему девица-красавица и спрашивает: «Об чем ты, добрый мóлодец, плачешь?» — «Как же мне не плакать? Шел я много время, а никак не найду Чуда-Юда Беззаконного». Девица в ответ ему: «Шагни

[1] *Изобка* — изба.

назад три шага — и будешь там». Он шагнул назад три шага и очутился в большом доме. Говорит ему Чудо-Юдо: «Давно я тебя дожидаюсь, Иван купецкий сын! Вот тебе за провинок, что ты долго не приходил: поставь мне за ночь амбар; а если не поставишь, так голова твоя будет отрублена».

Вышел Иван купецкий сын, стоит и плачет около колодца, идет к нему девушка Василиса Премудрая: «Об чем плачешь, добрый мо́лодец?» — «Как же мне не плакать? Твой батюшка велел мне поставить за ночь амбар».— «Не плач, Иван купецкий сын! Молись богу да ложись спать». Вышла Василиса Премудрая на крыльцо и закричала: «Батюшкины работнички, матушкины заботнички! Подите сюда с вилами, с топорами и с долотами». Пришли работнички, за одну ночь амбар поставили. Василиса Премудрая говорит: «Иван купецкий сын! Поди к амбару и побивай там гвоздики». Он и пошел. Приходит к нему Чудо-Юдо: «А, Иван купецкий сын! Я хитер, а ты хитрее меня». Потом приказал ему: за ночь поле вспахать и сбороновать, пшеницу посеять, сжать, обмолотить и в амбар убрать.

Иван купецкий сын больше того еще заплакал; опять идет к нему Василиса Премудрая и говорит: «Об чем же ты плачешь, Иван купецкий сын?» — «Как же мне не плакать? Твой батюшка велел поле вспахать и пшеницу убрать».— «Не плачь, Иван купецкий сын! Молись богу да ложись спать; все будет сделано». Вышла Василиса Премудрая на крыльцо и закричала: «Батюшкины работнички, матушкины заботнички! Подите сюда с сохами и с боронами, с серпами и с цепами поле убирать». Вот поле вспахали, хлеб убрали и в амбар переносили. Василиса Премудрая посылает: «Ступай, Иван купецкий сын, и подметай в амбаре». Приходит в амбар Чудо-Юдо: «А, Иван, купецкий сын! Я хитер, а ты хитрее меня». Потом приказал ему поставить за ночь дворец рядом с своим домом, чтобы крыльцо было к крыльцу подведено.

Иван купецкий сын еще больше того залился слезами. Идет к нему Василиса Премудрая: «Об чем же ты плачешь, Иван купецкий сын?»— «Как же мне не плакать? Твой батюшка велел мне поставить дворец».— «Не плачь, Иван купецкий сын! Я все сделаю; молись богу да ложись спать». Василиса Премудрая вышла на крыльцо и закричала: «Батюшкины работнички, матушкины заботнички, подите сюда со всем своим струментом и за одну ночь поставьте дворец». Утром Василиса Премудрая говорит: «Иван купецкий сын! Поди к дому и поколачивай гвоздики». Он пошел. Приходит к нему Чудо-Юдо: «А, Иван купецкий сын! Я хитер, а ты хитрее меня. Ну, теперь узнай из семидесяти семи моих дочерей Василису Премудрую. Если узнаешь, отдам ее за тебя замуж».

Иван купецкий сын больше того заплакал. Вышла к нему Василиса Премудрая: «Об чем ты плачешь?» — «Как же мне не плакать? Твой батюшка велел узнать тебя изо всех своих дочерей».— «Не плачь, Иван купецкий сын! Все возможно сделать. Стану я входить в горницу — перейду через порог и топну ногой; сяду я на лавочку — платочком махну и колечко с руки на руку передену: по тому узнавай!» Чудо-Юдо велел всем дочерям собраться в одну горницу и приказал Ивану купецкому

сыну узнавать Василису Премудрую. Иван купецкий сын посмотрел и узнал Василису Премудрую. Чудо-Юдо говорит: «Ну, я хитер, а ты хитрее меня!» — и отдал за него Василису Премудрую замуж.

Стал Иван купецкий сын проситься в свою сторону: у нас весело жить! Василиса Премудрая снарядилась, взяла с собой убрус[2], мыло и гребенку, и пошли они в путь; а в доме посадили по всем четырем углам по кукле. Чудо-Юдо посылает людей звать к себе Василису Премудрую и Ивана купецкого сына чай кушать, а куклы отвечают: «Мы только что встали!» Немного спустя посылает опять звать; куклы отвечают: «Сейчас идем!» Чудо-Юдо посылает в третий раз: «Подите посмотрите — дома ли они?» Заглянули в горницу, в горнице по всем четырем углам куклы сидят, а их нету.

Чудо-Юдо рассердился, послал догонять. Стали гонцы догонять, Василиса Премудрая и говорит: «Иван купецкий сын! Припади к сырой земле, не догоняют ли нас?» Он припал к земле и говорит: «Догоняют!» Она бросила гребенку — сделался дремучий лес, нельзя ни пройтить, ни проехать. Которые догоняли их — дошли дó лесу и воротились назад; докладывают: «Никак нельзя пройти!» Чудо-Юдо велел взять топоры и рубить лес; тотчас принялись рубить и прорубили дорожку.

Стали опять догонять; Василиса Премудрая говорит: «Иван купецкий сын! Припади к сырой земле, не догоняют ли нас?» Он припал к земле и говорит: «Догоняют!» Василиса Премудрая бросила мыло — поднялась высокая гора. Которые догоняли — опять воротились назад: «На пути стоит высокая гора; никак нельзя ни пройтить, ни проехать!» Чудо-Юдо велел взять заступы и рыть гору. Прокопали дорожку и опять догоняют. Василиса Премудрая говорит: «Иван купецкий сын! Припади к сырой земле не догоняют ли нас?» Иван купецкий сын припал к земле и говорит: «Догоняют!» Василиса Премудрая сейчас кинула убрус — сделалось широкое море. Которые догоняли — подошли к морю: никак нельзя перейтить, и воротились назад.

А Иван купецкий сын и Василиса Премудрая пришли в свою сторону. Он собирается к отцу идти, а Василиса Премудрая села на дереве около пруда и сказала ему: «Со всеми поздоровайся, только не здоровайся с маленьким, что в люльке лежит; если ты с ним поцелуешься, то меня позабудешь». Иван купецкий сын пришел домой, со всеми поздоровался, поцеловался и с маленьким — и забыл свою Василису Премудрую. Отец приискал ему невесту и задумал его женить.

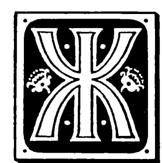
Утром пошла Иванова сестра за водой, увидала в воде Василису Премудрую и говорит: «Какая я хорошая, какая я пригожая! Не мне носить воду!» Бросила ведра и воротилась домой. Потом пошла другая сестра: «Ах, я еще лучше; да понесу я воду!» И эта бросила ведра. Пошла за водой мать, только почерпнула ведра, а Василиса кричит с дерева: «Здорово, тетушка! Возьми меня к себе погреться». Она взяла ее к себе в дом. Стала хозяйка пироги в печку сажать; Василиса Премудрая и говорит: «Тетушка, дай мне теста». Хозяйка не отказала; Василиса Пре-

[2] Платок, полотенце.

мудрая взяла да в это тесто пустила из своего пальчика крови, сделала пирожок и дала посадить в печь. Пирожок Василисы Премудрой вышел так хорош, так пригож, просто чудо! Хозяйка просит у Василисы Премудрой пирожок на княжий стол[1]; она и отдала ей.

Подали его на княжий стол, отрезали кусок — оттуда вылетел голубь; потом еще отрезали — вылетела голубка; голубь сел на окне, голубка села на печном столбе. Голубь заворковал, а голубка говорит ему: «Воркуй, воркуй, голубок! Не забудь ты свою голубку, как Иван купецкий сын свою позабыл!» Немножко погодя голубь опять заворковал, а голубка говорит: «Воркуй, воркуй, голубок! Не забудь ты свою голубку, как Иван купецкий сын свою позабыл!» Иван купецкий сын услышал то воркованье, вскочил из-за стола и сказал отцу с матерью: «Не эта моя суженая, а вот моя жена Василиса Премудрая». Взял ее за себя и стал с нею жить-поживать, добра наживать.

226

Жил-был охотник, ходил-бродил в лесах целые дни. Раз как-то и заплутался, и пристигла его темная-темная ночь, да такая холодная, что зубом на зуб не попадешь! Утомился, прозяб бедняга и не придумает, где и как ему ночь провести. Вдруг усмотрел — недалеко в стороне огонек светится; пошел на огонь и видит — у зажженного костра чернец сидит. А то не чернец был, а был сам нечистый. «Позволь, отче, погреться!» — просит охотник. «Если хочешь погреться,— отвечает черт,— то отдай мне то, чего дома не знаешь». Охотник согласился, а того не ведает, что ему бог сына даровал. Заснул у костра, а наутро воротился домой. *125, прим.*

Вот как подрос у него сын — этак лет десять сравнялось — и стал собою писаный красавец, то отец, глядя на него, не мог удержаться, чтоб не заплакать. «Батюшка! О чем плачешь?» — спрашивает сын. «Смотрю на тебя, что ты на беду зародился, и плачу». И рассказал ему, как у него с чертом было условлено. «Ну что ж? Ведь этого назад не воротишь! — сказал сын. — Пойду-ка я к нечистому».

Отец его благословил, и пошел он из дому. Шел-шел и очутился возле большого озера. Вдруг озеро разделилось на две стороны — промеж вод открылась сухая дорога. Мальчик отправился этой дорогою и пришел в самую глубь — к черту. А отец его с той самой поры, как отпустил сына, со великого горя зачал шибко, без просыпу пьянствовать; так с перепою и помер; поп его и хоронить не стал, а закопали его грешное тело на распутье. И попался этот опойца к тому же самому черту в работу; да еще было у черта двенадцать заклятых девушек — все на одно лицо, волос в волос, голос в голос; одна из них — такая мудрая, что мудрей самого нечистого! Черт заставляет мальчика выбирать невесту и женит его на мудрой де́вице, потом призывает его и приказывает: «Вот тебе

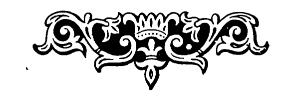
[1] *Княжий стол* — свадебный стол, стол, за которым сидят во время свадебного пира жених (князь) с невестой (княгиней) (*Ред.*).

первая служба: вставай завтра рано и гони моих кобылиц на луг, да смотри — ни одной не истеряй; не то голова долой!»

Добрый мо́лодец только выгнал кобылиц за ворота, как они, задрав хвосты, разбежались в разные стороны и с глаз пропали. Сидит он да плачет, а время уж к вечеру идет. «Ну,— думает,— загубил свою голову!» А тут вышла на зеленый луг его молодая жена. «Не тужи!» — говорит.— Я твоему горю пособлю». Крикнула громким голосом — и налетело видимо-невидимо оводов и слепней, словно туча нашла. Приказывает она: «Полетайте-ка в разные стороны да гоните сюда кобылиц!» Бросились слепни и оводы на тех кобылиц, так и обсыпали! Кусают да горячую кровь пьют; и вот так-то в короткое время всех их к пастуху собрали. Погнал пастух кобылиц домой, а слепни да оводы следом за ними летят, ни одной не дают от стада отбиться.

Задал нечистый доброму мо́лодцу иную задачу. «Есть,— говорит,— у меня на конюшне кобыла — тридцать лет как не езжена; завтра ж объезди ее». Рассказал мо́лодец про ту задачу своей жене, а она ему: «Знаю я — то будет не простая кобыла, а сама чертова жена!» И научила его, чтобы всякая сбруя конская — узда и подпруги — были острыми гвоздями утыканы, да велела взять с собой три железных прута. Мо́лодец послушался, подходит поутру к кобылице, а она словно лютый змей рвется — подступить не дает. Накинул на нее узду, закрепил подпруги, и вошли острые гвозди глубоко ей и в морду и в тело; сел на кобылицу, поскакал и давай ее по бокам угощать железными прутьями. Уж она носила-носила его и по мхам, и по болотам, и по крутым ярам, да пришлось смириться: такая кроткая стала, хоть ребенок поезжай!

Воротился мо́лодец домой, а черт приказывает ему третью задачу: «Прилетает сюда по вечерам трехглавый змей и моих голубей поедает, так ты его так проучи, чтоб вперед не показывался!» Говорит мо́лодцу мудрая жена: «Тот змей — сам нечистый будет!»— и научила его, как надо со змеем расправу чинить. И эту задачу исполнил добрый мо́лодец, задал черту такого трезвона железными прутьями, что долго он больной с боку на бок поворачивался; а как выздоровел, вздумал отпустить парня на волю: «Ступай, куда сам знаешь, и жену свою возьми! Да на дорогу выбери себе любого жеребца с моей конюшни; дарю тебе за службу». Мо́лодец поблагодарил и рассказал про то жене; она ему говорит: «Не бери себе хорошего жеребца, а бери шелудивую клячу, что вся в гною на заднем дворе лежит». Тот взял клячу, выбрался с женой из воды на берег, глядь — а заместо той лошаденки очутился его родной отец. «Я,— говорит,— был у черта рабочею клячею; да и другие кони, что у него на конюшне стоят, все — утопленники, опойцы да удавленники».

227—229. НЕОСТОРОЖНОЕ СЛОВО

227

В некотором селе жил старик со старухою в большой бедности; 126а
у них был сын. Взошел сын в совершенные лета, и стала старуха говорить старику: «Пора нам сына женить!» — «Ну, ступай сватать!» Пошла она к соседу сватать дочь за своего сына: сосед отказал. Пошла к другому мужику, и другой отказал, к третьему — и тот на ворота указал; всю деревню обходила — никто не отдает. Вернулась домой: «Ну, старик, пропащий наш парень!» — «Что так?» — «По всем дворам таскалася, никто за него не отдает своей дочери». — «Плохо дело! — говорит старик. — Скоро лето настанет, а у нас работа́ть некому. Ступай, старуха, в другую деревню; может, там высватаешь».

Потащилась старуха в другую деревню, с краю до краю все дворы обходила — а толку нет ни капли; куда ни сунется — везде отказывают. С чем из дому пошла, с тем и домой пришла. «Нет, — говорит, — никто не хочет с нами, бедняками, породниться». — «Коли так, — отвечает старик, — нечего и ног ломать, полезай на полати». Сын закручинился и стал проситься: «Родимый мой батюшка и родимая матушка! Благословите меня — я сам пойду искать свою судьбу». — «Да куда ж ты пойдешь?» — «А куда глаза глядят!» Они благословили его и отпустили на все четыре стороны.

Вот вышел парень на большую дорогу, горько-горько заплакал да, идучи, сам с собой говорит: «Неужели ж я хуже всех на свете зародился, что ни одна девка не хочет за меня замуж идти? Кажись, если б сам черт дал мне невесту, я б и тоё взял!» Вдруг словно из земли вырос — идет к нему навстречу старый старик: «Здравствуй, добрый молодец!» — «Здравствуй, старичок!» — «Про что ты сейчас говорил?» Парень испугался, не знает, что и отвечать. «А ты меня не бойся! Я тебе худого ничего не сотворю, а может, еще твоему горю пособлю. Говори смело!» Парень рассказал ему все по правде: «Бедная моя головушка! Ни одна-то девка за меня замуж нейдет. Вот я, идучи, раскручинился и с той кручины вымолвил: хоть бы черт мне невесту дал, я б и тоё взял!» Старик засмеялся и сказал: «Иди за мной; я тебе любую невесту на выбор дам».

Приходят они к озеру. «Обернись-ка спиной к озеру да ступай задом!» — приказывает парню старик. Только успел он оборотиться и ступить шаг-другой, как очутился под водой в белокаменных палатах; все комнаты славно убраны, хитро изукрашены. Накормил-напоил его старик; после выводит двенадцать девиц — одна другой краше: «Выбирай себе любую! Какую выберешь, ту и отдам за тебя». — «Это дело хитрое! Позволь, дедушка, до утра подумать». — «Ну, подумай!» — сказал старик и отвел его в особую светлицу.

Парень лег спать и думает: «Какую взять?» Вдруг дверь отворяется, входит к нему красная девица: «Спишь ли, добрый молодец, али нет?» —

«Нет, красная девица! И сон не берет, все думаю: какую невесту выбрать?» — «Я нарочно к тебе пришла посоветовать; ведь ты, добрый молодец, к черту попал в гости! Слушай же: если ты хочешь пожить еще на белом свете, то делай так, как велю; а не станешь по-моему делать — отсюда жив не уйдешь!» — «Научи, красная девица! По век не забуду».— «Завтра выведет нечистый двенадцать девиц — все одна в одну; а ты приглядывайся да меня выбирай: на правом глазу у меня будет мошка сидеть — то тебе примета верная!» И рассказала тут красная девица про себя, кто она такова. «Знаешь ли ты,— говорит,— в таком-то селе попа? Я его дочь — та самая, что девяти лет из дому пропала. Раз как-то отец на меня осерчал да в сердцах слово вымолвил: «Чтоб тебя черти побрали!» Я вышла на крыльцо, заплакала — вдруг подхватили меня нечистые и принесли сюда; вот и живу теперь с ними».

Поутру вывел старик двенадцать девиц — одна в одну — и приказывает доброму молодцу выбирать невесту. Он присмотрелся: у которой на правом глазу мошка сидела, ту и выбрал. Старику жалко ее отдавать, перемешал красных девиц и велит выбирать сызнова; добрый молодец указал ту же самую. Заставил его нечистый выбирать еще в третий раз — он опять угадал свою суженую. «Ну, твое счастье! Веди ее домой». Тотчас очутился парень с красной девицей на берегу озера, и пока на большую дорогу не выбрались — шли они задом. Бросились догонять их нечистые. «Отобьем,— кричат,— нашу девицу!» Смотрят: нет следов от озера, все следы ведут в воду! Побегали, поискали, да ни с чем и воротились.

Вот привел добрый молодец свою невесту на село и остановился против попова двора. Поп увидал и выслал работника: «Поди, спроси, что за люди?» — «Мы люди прохожие; пустите переночевать».— «У меня купцы в гостях,— говорит поп,— и без них в избе тесно».— «И, что ты, батюшка,— говорит один купец,— прохожего человека завсегда надо принять; они нам не помешают».— «Ну, пусть войдут!» Вошли они, поздоровались и сели на лавочку в заднем углу. «Узнаешь ли меня, батюшка? — спрашивает красная девица.— Ведь я твоя родная дочь». Рассказала все, как было; стали они обниматься, целоваться, радостные слезы проливать. «А это кто?» — «А это мой нареченный жених; он меня на белый свет вывел. Если бы не он, вечно б там осталась».

После того развязала красная девица свой узел, а в том узле была золотая да серебряная посуда — у чертей забрала. Купец глянул и говорит: «Ах! Посуда-то моя; пировал я однажды с гостями, спьяну осерчал на жену: «черт возьми!» — говорю и давай кидать со стола что ни попало за порог; с той поры и пропала моя посуда!» И взаправду так было; как помянул этот купец черта, нечистый тотчас явился у порога, стал забирать к себе золотую да серебряную посуду, а заместо ее черепков накидал.

Вот таким-то случаем добыл себе парень славную невесту, женился на ней и поехал к своим родителям; они считали его уж навеки пропащим: шутка ли — больше трех лет дома не бывал, а ему показалось, что он всего-то одни сутки у чертей прожил!

228

Один молодой промышленник остался зимовать на Груманте. 126b
Каждый вечер ложился он в своей гальете[1] и играл в гусли, и как только заиграет — слышно было, что кто-то невидимкой перед ним пляшет, только платье шумит. Захотелось ему увидать, кто такой пляшет. Однако что ни делал, как ни ухитрялся — все даром! Рассказал про это диво своему товарищу. «Эх, приятель! — сказал ему товарищ.— Да ты возьми сальну свечку, зажги и накрой ее черепком, а сам ляг на койку и заиграй в гусли; коли опять невидимка плясать станет — ты в ту же минуту открой свечку; ну, тогда и увидишь, кто пляшет!» Парень поблагодарил товарища за совет, вечером пошел на гальету и как сказано — так и сделал: взял свечку, зажег и покрыл черепком, а сам заиграл в гусли. Прислушался — опять кто-то пляшет под его музыку, только платье шумит! Открыл огонь — а перед ним де́вица красоты неописанной. «Ну, добрый мо́лодец,— сказала она,— догадался ты меня подсмотреть, буду ж я тебя любить по правде».

С той самой поры за́чала она приходить к нему каждый вечер, и жили они в любви целых три года. Под конец третьего года говорит парню де́вица: «Ну, милый друг, недолго осталось нам с тобою в любви жить; приходит время совсем расставаться...» — «Отчего так?» — «Да, вишь, отдают меня замуж в Питер, под калиновый мост, за черта».— «Как за черта! Тебе что за дело до нечистой силы, али ты сама такая ж чертовка?» — «Нет, я родилась в большом, славном городе; отец у меня был богатый купец; а попала я к нечистым оттого, что отец меня проклял. Как была я малых лет, подавала ему в один жаркий день стакан меду, да нечаянно и уронила стакан на пол; отец осерчал, прикрикнул на меня: «Экая дурища безрукая! Хоть бы черт тебя взял!» Только вымолвил он это слово, в ту ж минуту очутилась я в морской глубине, в каменном доме, у чертей под началом».

Попрощалась красная де́вица с парнем и дает ему ширинку узорчатую. «Возьми,— говорит,— сама вышивала; когда станешь ты по мне скучать, найдет на тебя грусть-тоска великая, ты только взгляни на эту ширинку — тебе веселей будет!» Остался добрый мо́лодец один, и как только придет ему на мысли прежняя любовь,— тяжко ему сделается, хоть руки на себя наложи! — возьмет он ширинку, взглянет — и тоска пройдет. Протекло с год времени; сказал он про ту ширинку своему товарищу, а тот и украл ее. С этой самой поры начал парень тосковать да с горя запоем пить, и до того дошел, что совсем пропился. «Пойду,— говорит,— в Питер на калиновый мост и брошусь в воду; заодно пропадать!» Пришел на калиновый мост и бросился в воду.

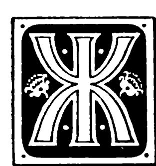
В ту ж минуту очутился он в подводном царстве: кругом — зеленые поля, сады и рощи. Идет дальше — стоит большой каменный дом; в окно смотрит купеческая дочь, увидала его и кричит: «Эй, милый! Приворачи-

[1] *Гальета* — малая галера (*Ред.*).

вай сюда; я здесь живу». Выбежала к нему навстречу: «Здравствуй, голубчик! Давно тебя не видала; уж и видеть-то не чаяла!» Начала его целовать-миловать, всякими закусками и напитками угощать; а после спрятала его в особую горницу и говорит: «Скоро мой муж придет и громким голосом закричит: «Русак! Зачем пришел?» Ты раз промолчи и в другой промолчи, а как в третий раз вскричит, ты ему отвечай: «А что в зыбке у тебя, то мое!» Он станет тебе за ребенка давать сто рублев— ты молчи, станет давать двести — все молчи, а как закричит с сердца: «Что, русак, молчишь? Возьми триста рублев»,— тут и скажи: «Кабы жару кулек — я бы взял!»

Только успели разговор покончить, как пришел нечистый и громко закричал: «Русак! Зачем пришел?» Парень молчит; нечистый в другой раз еще громче закричал — тот все молчит; а на третий спрос говорит: «Что в зыбке у тебя, то мое! Хочу с собой унести». — «Не уноси, брат; возьми сто рублев». Русак молчит. «Возьми двести!» Опять молчит. Нечистый осерчал: «Что ж ты молчишь? Хочешь триста рублев?» — «Нет, не хочу, кабы жару кулек — я бы взял, и то с таким уговором, чтоб ты меня с тем кульком на Русь вынес». Черт тотчас притащил кулек жару, посадил парня к себе на плечо и говорит ему: «Закрой глаза!» Парень закрыл глаза, и нечистый вихрем вынес его на святую Русь: очутился добрый мо́лодец опять на калиновом мосту, а подле него кулек с золотом. Вот так-то разбогател он, женился на хорошей де́вице и зажил себе счастливо; а кабы польстился он на деньги — черт наверно обманул бы его: вместо денег насыпал бы конского помету и всякой дряни.

229

ил старик со старушкою, и был у них сын, которого мать прокляла еще во чреве. Сын вырос большой, и отец женил его; вскоре после того пропал он без вести. Искали его, молебствовали об нем, а пропащий не находился. В одном дремучем лесу стояла сторожка; зашел туда ночевать старичок нищий и улегся на печке. Спустя немного слышится ему, что приехал к тому месту незнакомый человек, слез с коня, вступил в сторожку и всю ночь молился да приговаривал: «Бог суди мою матушку — за что меня прокляла во чреве!» Утром пришел нищий в деревню и прямо попал к старику со старухой на двор. «Что, дедушка,— спрашивает его старуха,— ты человек мирской, завсегда ходишь по миру, не слыхал ли чего про нашего пропащего сынка? Ищем его, молимся о нем, а все не находится». Нищий и рассказал ей, что ему в ночи почудилось: «Не ваш ли это сынок?»

126, прим.

К вечеру собрался старик, отправился в лес и спрятался в сторожке за печкою. Вот приехал ночью мо́лодец, молится богу да причитывает: «Бог суди мою матушку — за что меня прокляла во чреве!» Старик узнал сына, выскочил из-за печки и говорит: «Ах, сынок! Насилу тебя сыскал; уж теперь от тебя не отстану!» — «Иди за мной!» — отвечает сын, вышел из сторожки, сел на коня и поехал; а отец вслед за ним идет. Приехал

мо́лодец к проруби и прямо туда с конем — так и пропал! Старик постоял-постоял возле проруби, вернулся домой и сказывает жене: «Сына-то сыскал, да выручить трудно: ведь он в воде живет!» На другую ночь пошла в лес старуха и тоже ничего доброго не сделала; а на третью ночь отправилась молодая жена выручать своего мужа, добралась до места, вошла в сторожку и легла за печку.

Приезжает мо́лодец, молится и причитывает: «Бог суди мою матушку — за что меня прокляла во чреве!» Молодуха выскочила: «Друг мой сердечный, закон неразлучный! Теперь я от тебя не отстану!» — «Иди за мной!» — отвечал муж и привел ее к проруби. «Ты в воду, и я за тобой!» — говорит жена. «Коли так, сними с себя крест». Она сняла крест, бух в прорубь — и очутилась в больших палатах. Сидит там сатана на стуле; увидал молодуху и спрашивает ее мужа: «Кого привел?» — «Это мой закон!» — «Ну, коли это твой закон, так ступай с ним вон отсюдова! Закона нельзя разлучать». Вот так-то выручила жена мужа и вывела его от чертей на вольный свет.

230—231. КУПЛЕННАЯ ЖЕНА

230

Жил-был Иван купеческий сын: промотал по смерти отца 127а
свое имение и нанялся к родному дяде в приказчики. Дядя нагрузил свои корабли товарами и поехал вместе с племянником за море — в чужестранных землях торг вести. Приплыли они к знатному столичному городу, привалили к пристани, выгрузились и начали одни товары сбывать, а другие покупать да денежки наживать. Говорит дядя племяннику: «Вот тебе в награду сто рублей денег; ступай купи себе товару, какой полюбится. Долго прохлаждаться здесь не будем; как покончим дело, так и домой повернем».

Иван взял сто рублей и пошел на рынок, ходит около лавок в раздумье, приглядывается: какой бы товар купить? Вдруг откуда ни взялся — подходит к нему старик: «Чего, добрый человек, ищешь?» — «Хочу купить на сто рублей товару».— «Давай деньги, я тебя наделю таким товаром, что ты сроду этакого не видывал». Купеческий сын отдал ему сто рублей; старик взял деньги и говорит: «Ступай за мною!» Приводит его на самый край города — в прекрасный сад; в том саду за золотою решеткой сидит душа-де́вица — такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, разве в сказке сказать. «Вот мой товар — красная де́вица; бери ее за руку и веди домой!» — «Что ты, старина, этот товар мне не надо-

бен; я и так на красных девушек все отцовское добро промотал, да теперь закаялся».— «Ну, брат, коли тебе товар мой неугоден, так ступай с пустыми руками; нет тебе ни товару, ни денег!» Иван купеческий сын залился горькими слезами: «Что я за несчастный такой! — думает про себя.— Сто рублей задаром потерял». Вернулся к дяде. «Что ж, купил товару?» — «Нет, дядюшка! На сто рублей не укупишь».— «Ну вот тебе еще сотня».

На другой день пошел Иван на рынок, попадается ему навстречу тот же самый старик: «Здравствуй, добрый человек!» — «Здравствуй, божий старичок!» — отвечает Иван; смотрит старику прямо в глаза, а признать его не может. Что вчера было, то и теперь случилось; пропала у Ивана и другая сотня. На третий день получил он от дяди еще сотню и опять повстречал старика; старик взял с него деньги, привел к золотой решетке: «Вот,— говорит,— мой товар — красная де́вица; бери ее за руку и веди домой!»

Купеческий сын подумал-подумал: «Знать, судьба моя такова!»—взял де́вицу и повел с собою. Спрашивает ее дорогою: «Скажись, красная де́вица, ты какого рода, какого племени?»—«Я королевская дочь, а зовут меня Настасья Прекрасная; назад тому десять лет выпросилась я у батюшки, у матушки и пошла погулять на реку; увидала на воде лодочку хорошо приукрашенную, захотела на ней покататься, и только села в лодочку—как она поплыла, да так шибко, что в пять минут совсем берега пропали; принесло меня волной к зеленому саду, посадил меня старик за золотую решетку, и жила я там, пока ты меня выкупил».— «Как же я теперь покажусь дяде? — спрашивает Иван купеческий сын. — Триста рублей истратил, а товару не купил». — «Ничего, это дело поправное! — отвечала Настасья Прекрасная. — Наймем прежде всего квартиру».

Наняли квартиру, она уложила его спать, а сама за работу села и вышила чудный ковер; поутру будит купеческого сына: «На,—говорит,— ковер! Неси на рынок; коли кто станет покупать, ты денег не бери, а проси, чтоб напоил тебя допьяна». Иван купеческий сын так и сделал, напился допьяна, вышел из кабака и упал в грязную лужу; собралось много всякого народу, смотрят на него да смеются: «Хорош молодец! Хоть сейчас под венец веди!» — «Хорош — нехорош, а велю — Настасья Прекрасная меня в маковку поцелует».— «Не больно хвастайся! — говорит богатый купец.— Она на тебя и взглянуть не захочет — вишь ты какой захлюстанный [1]!» Начали спорить; купец говорит: «Давай об заклад биться — хочешь на десять тысяч?» — «Есть из чего хлопотать! Коли биться, так на все имение».— «Ну, пожалуй, на все имение!» Только порешили это дело, глядь — идет Настасья Прекрасная, подняла купеческого сына за руку, поцеловала в самую маковку, обтерла-обчистила и повела домой.

Выиграл Иван у того купца и лавки с товарами и подвалы с самоцветными каменьями; первый богач сделался. Говорит ему Настасья Пре-

[1] Неопрятный, у кого по́лы всегда в грязи.

красная: «Беги — созывай кирпичников да заказывай работу; пусть скорехонько кирпичи готовят, внутрь каждого кирпича самоцветные камни заделывают». Сказано — сделано. На много возов уложил Иван купеческий сын те кирпичи, покрыл рогожами и повез к своему дяде на корабль. «Здравствуй, племянник! Где был-пропадал? Какого добра накупил?» — «Да вот кирпичу привез».— «Эх ты, голова! Этого товару и в нашем царстве довольно. Какой с него барыш будет?» — «Бог милостив! Авось что-нибудь перепадет и мне на бедность».— «Ну, вали на корабль!» Иван тотчас свалил весь свой товар, съездил за Настасьей Прекрасною и ее на корабль доставил. Дядя увидал красну де́вицу и говорит племяннику: «А я думал — ты совсем остепенился; ан выходит, ты все такой же! Старины не покидаешь...»

Вот якори подняты, паруса поставлены, и поплыли корабли в открытое море. Долго ли, коротко ли — приехали дядя с племянником в свое государство: надо им к царю идти и подарки нести. Дядя берет кусок парчи да кусок бархату, а племянник два кирпичика. «Ты куда?» — спрашивает дядя. «К царю пойду».— «А что понесешь?» — «Вот два кирпичика».— «Эх, брат, лучше не ходи — и себя не срами и меня в ответ не вводи. Не ровен час — царь прогневается; беда будет!» — «Нет, дядя! Какой есть товар, тот и понесу». Дядя уговаривал его, уговаривал, видит, что никак не уломает. «Ну,— говорит,— коли что случится — на себя пеняй, а я в твоей вине не ответчик». Являются они к самому царю; дядя бил челом парчою да бархатом, а Иван купеческий сын подал на золотом блюде два кирпичика: «Извольте разломить, ваше величество!» Царь разломил кирпичи; оттуда так и посыпались дорогие самоцветные камни — всю комнату осветили. «Спасибо тебе за подарочек; этаких каменьев я отродясь не видывал. Выбирай себе первое место в городе и торгуй безданно-беспошлинно».

Иван купеческий сын выбрал лучшее место в городе, поставил дом и лавки и завел большой торг; а как все по хозяйству устроил, вздумал жениться на Настасье Прекрасной, а вздумавши, послал к ее отцу просить родительского благословения. Король думает: «Как-таки отдать королеву за простого торгаша? И смех и срам будет!» И начал он манить купеческого сына разными проволочками, а сам нарядил целый полк и приказал выкрасть Настасью Прекрасную.

Раз отлучился куда-то по своим делам Иван купеческий сын, больше месяца дома не бывал, а как воротился, невесту его уже выкрали и к отцу увезли. Заплакал он и пошел куда глаза глядят; шел-шел, много горя принял и холоду и голоду испытал; начал молитву творить: «Хоть бы господь послал мне попутчика — все б веселей было!» Смотрит — старичок идет. «Здравствуй, добрый мо́лодец! Куда путь держишь?» — «Эх, дедушка! Было в руках счастье, да не дал бог владать! Иду искать Настасью Прекрасную».— «Поздно собрался! Ее уж просватали за одного царевича».— «Мне хоть бы раз посмотреть на нее!» — «Ну, пойдем вместе, и мне туда ж дорога лежит».

Вот и пошли вдвоем; шли-шли, порядком проголодались. Вынул старик из-за пазухи просвирку, переломил пополам; себе взял одну поло-

вину, а другую дает своему товарищу. Купеческий сын отказывается. «Тебе самому,— говорит,— мало!» — «Бери! Бог даст — и этого не съедим, а сыты будем». Так и вышло: просвиры не съели, а уж оба сыты. Долго ли, коротко ли — приводит старик Ивана купеческого сына в королевский сад и говорит: «Стань под эту яблоньку и смотри — выйдет Настасья Прекрасная гулять пó саду и как раз мимо тебя пройдет; только как станут падать яблоки, ты их не моги сбирать да кушать, а не то заснешь непробудным сном».

Купеческий сын стал под яблоню; начали с дерева яблоки валиться, да такие славные, наливные, пахучие; он не вытерпел, поднял одно яблочко и скушал; скушал и заснул непробудным сном. Вышла Настасья Прекрасная пó саду погулять, увидала своего суженого и бросилась будить его; будила, будила, никак не могла разбудить, написала записочку: «Прощай, милый друг! Завтра моя свадьба»,— и положила ему в правую руку. Наутро проснулся Иван купеческий сын, прочитал записку и залился слезами. Приходит старик: «Я ж тебе говорил: не бери, не ешь яблоков; а ты не послушался! Ступай поскорее — не найдешь ли где дощечки».

Купеческий сын побежал по улице, нашел дощечку и принес старику. Тот взял ее, навязал струны, остановился у кабака и давай разные песни наигрывать. Что тут народу собралось — видимо-невидимо! Тотчас доложили королю: возле кабака такой-де музыкант проявился, что лучше королевских играет! Король приказал позвать его во дворец: «Пусть на свадьбе поиграет да гостей повеселит». Побежали гонцы, зовут старика на свадьбу; он отвечает: «Сейчас приду!» Снял с себя одежу, нарядил в нее купеческого сына, дал ему самодельную скрипочку и говорит: «Ступай ты заместо меня».— «Как мне идти, когда я играть не умею?» — «Ничего; ты только смычком води да руками перебирай, а скрипка сама играть станет».

Вот Иван купеческий сын пришел во дворец, стал промеж музыкантов, начал играть — его скрипка всю музыку покрывает, на диво гостям целые речи выговаривает. Раз заиграл — скрипка говорит: «Спи, спи, да не проспи!» В другой заиграл — скрипка говорит: «Гуляй, гуляй, да не прогуляй!» А в третий раз заиграл — скрипка стала выводить: «Спите крепко непробудным сном!» В ту ж минуту где кто стоял, где кто сидел — так все и заснули. Иван купеческий сын взял Настасью Прекрасную за белые руки, повел в церковь и обвенчался с нею. Король проснулся, видит — дело сделано, ничем не воротишь! И велел свадьбу справлять, пир пировать, гостей угощать.

231

В некотором городе жил-был купец, имел у себя много казны и *127b*
двенадцать лавок, и было у него детей всего-навсего один сын Иван. Вот захворал этот купец, призывает к себе сына и говорит: «Сын мой любезный! Я теперь хвор и скоро помру; после моей смерти оставляю тебе все мое имение; живи честно, никого не обижай и меня поминай!» Вскоре купец умер; сын по-

хоронил его, сделал богатые поминки и принялся сам за дела: торгует — не плошает, покупателей в лавки зазывает, всем умеет услужить, всем умеет удружить; народ к нему так и валит! Видя то, старые купцы начали говорить своим сыновьям: «Вот Иван купеческий сын так торгует! После отцовской смерти новый капитал приобрел, а вы только из дому в дом, из трактира в трактир бегаете».

Вот вся молодежь — купеческие сыновья рассердились: «Через него-де родители нам нагоняй задали!» — и стали подзывать с собой Ивана в трактир идти. Он никак не мог отговориться и пошел с ними. Вот они пришли в трактир, начали пить-гулять, в карты играть, и пробыли там до полуночи. Воротился Иван домой, мать у него спрашивает: «Где, сынок, так долго был?» — «Ох, матушка! Все в лавке сидел, страх как много покупщиков было!» Настает другой день; полюбилось Ивану в трактире сидеть, ждет не дождется своих товарищей, чтоб туда идти. Вот пришли за ним товарищи: «Ах, друзья мои любезные! Я давно вас дожидаюся». Прогулял Иван в трактире дольше вчерашнего, воротился домой и говорит матери: «Ходил-де сбирать с должников деньги, оттого и запоздал маленько!»

На третий день он сам пошел зазывать товарищей; прогулял в трактире и день и ночь; приходит домой уж на рассвете, стучится в ворота — они заперты; сильнее стучится — ему отвечают: «Ступай прочь. Нам не надо пьяницы». Приходит он в лавки, и лавки все заперты, запечатаны. Что ему делать? Видит, что мать все узнала; с горя пошел в кабак, прокутил с себя верхнее платье и до того напился, что его в шею вытолкали. Пришлось доброму мо́лодцу голодать да по улицам скитаться.

В то самое время двое дядей его сбирались ехать в иные города за разными товарами; купеческий сын кинулся на двор к одному дяде. Тетка его спрашивает: «Зачем пришел?» Он и говорит: «Не возьмет ли меня дядюшка к себе в работники?» — «Не знаю, его дома нет; приходи завтра, я его спрошу». Наутро приходит за ответом; тетка ему сказывает: «Говорила про тебя мужу, да он не берет; все ему думается, что ты и себя и его пропьешь!» Он, бедный, заплакал и пошел к другому дяде. Тот подумал-подумал: «Авось из племянника и человек выйдет!» — и принял его в работники. «Завтра,— говорит,— выезжаю, будь готов!» На другой день они выехали. Дядя ему и говорит: «Мать тебя благословляет тремя стами рублями; коли будешь хорошо себя вести, то и деньги получишь».

Вот они едут путем-дорогою, торгуют разными товарами, и племянник так себя хорошо ведет, что даже другой дядя скаялся, зачем не́ взял его в работники, и начал его переманивать: «Перейди ко мне жить; я тебе вдвое дам жалованья!» Отвечает купеческий сын: «Эх, дяденька! Ведь ты сам говорил, что я и тебя и себя пропью». Приезжают в большой город товары закупать; дядя дает ему сто рублев: «Купи и себе что-нибудь!» Племянник пошел в ряды, ходил-ходил, не нашел по мысли товара и повернул назад на квартиру; попадается ему старичок и спрашивает: «Куда идешь, добрый мо́лодец?» — «Да вот ходил по вашему городу, искал для себя товару, только не нашел по мысли!» — «А мно-

го ль у тебя денег?» — «Сто рублев».— «Ну пойдем ко мне; у меня есть какой хочешь товар!» Приводит его в белокаменные палаты. «Давай,— говорит, — деньги; сейчас тебе чудный товар покажу!» Взял старик сто рублев и выводит к нему де́вицу красоты неописанной. Купеческий сын рассердился: «Черт тебя возьми с этим товаром! Не надо мне ни денег, ни де́вицы». Так и ушел с пустыми руками.

Приходит на квартиру, дядя и спрашивает: «Купил ли что?» Он отвечает: «Нет, дядюшка! На сто рублев ничего не купишь». Дядя дал ему еще сотню: «Теперь у тебя двести рублев; есть на что купить!» На другой день пошел племянник в лавки; попадается ему средних лет человек: «Куда ты, добрый мо́лодец?» — «Ищу себе товару, да ничего нет по мысли в вашем городе».— «Пойдем ко мне; у меня есть товары хорошие». Приводит его в белокаменные палаты и спрашивает: «А много ли денег у тебя?» — «Сто рублев».— «Давай их сюда!» Взял деньги и выводит ему красную де́вицу. Купеческий сын рассердился, покинул свои деньги и вернулся домой ни при чем; дядя стал допытываться: «Купил ли что?» — «Нет, дядюшка! Много ли купишь на двести рублев!» Он ему отдал последнюю сотню: «На, любезный племянничек! Авось теперь купишь; на триста рублев можно товару найти».

Поутру отправился купеческий сын товару искать; все лавки, все рынки обошел, а по мысли ничего не нашел; поворотил назад на квартиру, а навстречу ему молодой парень идет и спрашивает: «Куда идешь?» — «Да вот по всем лавкам, по всем рынкам ходил; нигде не нашел товару по мысли».— «Пойдем ко мне; у меня есть хороший товар». Приходят они в белокаменные палаты; спрашивает хозяин купеческого сына: «А много ли денег у тебя?» — «Сто рублев».— «Подавай сюда». Взял деньги и вывел ему красную де́вицу. — «Что у вас за город — только и торгуют, что де́вицами!» — сказал купеческий сын, подумал-подумал, взял эту де́вицу и повел с собою. Она говорит дорогою: «Отчего ты не брал меня с первого разу? Только даром двести рублев потерял. Я — королевна Елена Прекрасная, а купец, что меня продал, злой колдун; как гуляла я в зелено́м саду, он украл меня у батюшки, у матушки и унес к себе».

Иван купеческий сын нанял особый дом и перешел туда на житье вместе с королевною. Елена Прекрасная дала ему три копейки. «Вот,— говорит,— поди, купи мне на три копеечки разноцветного шелку». Приходит он в лавку, спрашивает всех цветов шелку, купил и приносит домой. Елена Прекрасная села ковер вышивать, а Иван купеческий сын спать залег; поутру проснулся; она подает ему ковер и говорит: «Поди — продай мое рукоделье».— «А много ли просить?» — «Да ты не торгуйся; что дадут, то и бери». Вот приходит он в лавки, все купцы в одно слово говорят: «Нет, этот ковер не по нашим деньгам. Ступай-ка ты к богатейшему, именитому купцу; разве только ему осилить, а мы не можем купить». Бросился Иван к именитому купцу, показывает ему ковер; тот спрашивает: «Что тебе за него?» — «Да что толковать? Товар не худ, купец не глуп; чай, сам цену знаешь».— «Возьми три тысячи».— «Давай!» Продал ковер за три тысячи, взял деньги и вернулся домой.

Дает ему Елена Прекрасная шесть копеечек: «Поди — купи мне разноцветных шелков». Иван купеческий сын купил ей разноцветных шелков; села она за работу и в одну ночь вышила такой ковер, что всем на удивление. Поутру говорит Ивану: «Неси ковер продавать». Он спрашивает: «А что за него просить?» — «Продавай без торгу; что дадут — то и бери». Приходит он к купцам; они все от ковра отказываются: «Не по нашим деньгам! Отнеси к первостатейному купцу — может, он осилеет». Приносит к первостатейному купцу; тот спрашивает: «Сколько тебе за ковер надо?» — «Товар не худ, купец не глуп; чай, сам цену знаешь».— «Возьми шесть тысяч».— «Давай!» — говорит Иван; взял за ковер шесть тысяч и вернулся домой. В третий раз дает ему Елена Прекрасная девять копеек и посылает за шелком; опять вышила чудный ковер. «Поди,— говорит,— продай!» Вот он приходит к первостатейному купцу и взял с него без торгу, без ряду двенадцать тысяч.

«Ну,— думает Елена Прекрасная,— теперь у нас денег довольно!»— и велела Ивану купеческому сыну, чтобы он заказал обедню за упокой души его батюшки да сделал бы обед на всю нищую братию. На другой же день, вставши пораньше, Иван купеческий сын заказал отслужить обедню и сделал богатые поминки; на тех поминках и сам подпил, охмелел и свалился прямо в грязь. Подхватили его нищие и повели под руки. В это время проходил мимо молодой купец с женою-красавицей и стал насмехаться: «Вот каково без молодой жены на свете жить!» — «Врешь ты!— отозвался Иван.— У меня жена получше твоей; хочешь, об заклад побьемся?» Слово зá слово, и побились они об заклад: у кого жена лучше — тот берет у спорщика все его имение. Только по рукам ударили, вдруг прикатила карета; из кареты вышла Елена Прекрасная, подбежала к Ивану купеческому сыну и всю грязь с него вычистила. Тут все в один голос закричали, что у Ивана жена лучше купеческой, и купец принужден был отдать свое имение. Елена Прекрасная увезла Ивана купеческого сына с собою и говорит ему: «Вот придет купец и станет тебя упрашивать, чтоб пустил его на житье в старую баню, ты отдай ему назад и дом, и лавки, и все его имение, а себе возьми помойную яму, куда всякий сор убирают».

На другой день приходит купец и просится на житье в старую баню; Иван купеческий сын отдал ему и дом, и лавки, и все его имение, а себе выговорил одну помойную яму. Купец обрадовался, поблагодарил его и побежал к жене с радостной весточкой. «Экий чудак! — думает.— Нашел на что польститься!» А Иван нанял работников и велел вычистить яму; вот они начали чистить и дорылись до бочек: те бочки были крепко заколочены, златом, сéребром и драгоценными камнями насыпаны. Купеческий сын обмазал бочки дегтем, навалил на подводы и повез к дяде, у которого жил за работника. Дядя уже к отъезду готовился, увидал племянника и спрашивает: «Каких накупил товаров?» Иван отвечал, что купил несколько бочек дегтю. «Вот нашел невидаль! Ну зачем ты купил дегтю? Чай, сам не ведаешь!» — «Что ты, дядюшка! — говорит Иван.— Я купил по денежке фунт, а в нашем городе дают по семи копеек; вот почему я дегтю купил».— «Ну, брат, я тво-

его товару не могу нагружать на одно судно с моим; нужно тебе нанять другое».

Иван купеческий сын нанял под свою кладь другое судно; не забыл взять и Елену Прекрасную. Долго ли, коротко ли — приехали они со всеми прочими купцами в свое государство; тут купцы стали готовить подарки царю. Иван взял хрустальную миску и наложил полную бриллиантов; а Елена Прекрасная сделала ковер, на котором вышила все как есть царство, и этим ковром миску покрыла. Вот купцы собрались и пошли к царю; понес и Иван свой подарок. Идут они путем-дорогою и рассказывают — кто какой дар изготовил; спрашивают у Ивана: «А ты что несешь?» — «Деготь»,— отвечает он. Все купцы так и прыснули, начали над ним смеяться да подшучивать.

Пришли, стали в царских чертогах; Иван позади всех. Через полчаса времени выходит царь и отбирает у всех подарки с благодарностью; тут толкают Ивана, чтобы и он подносил свой подарок. Иван только подошел к царю, так все купцы, не удержась, громко расхохотались. Царь спрашивает: «Ты что принес?» — «Миску дегтю, ваше величество!» — «Ничего, подавай! — говорит царь. — Годится и деготь кареты смазывать». Иван развязал платок; царь, увидя полную миску бриллиантов да ковер, на котором все его царство вышито, обнял купеческого сына, поцеловал в уста и говорит: «Спасибо тебе! Выбирай за то любую невесту у трех богатейших купцов». Иван отговорился: «Ваше величество! Я привез себе невесту из чужих земель». Царь приказал Ивану сделать вечерины[1]: «Я-де сам у тебя побываю».

На другой день все было приготовлено, собрались на вечерину гости; приехал и царь, и как только увидал Елену Прекрасную, тотчас в нее влюбился. Вызвал Ивана и велел ему на следующее утро прийти к себе. Вечерины пропировали, ночь проспали, а наутро отправился Иван к царю; приходит, царь ему и говорит: «Иди в такое-то государство и выпроси у тамошнего короля, чтобы он приказал три моих корабля отпустить, а свадьбу свою отложи до приезду». Иван вернулся домой невесел; спрашивает его невеста: «Что ты, голубчик мой, кручинен?» Он ей сказал: «Царь велел мне отправиться в такое-то государство и выпросить у тамошнего короля, чтобы он отпустил три его корабля».— «Не кручинься попусту; этот король мой отец. Вот возьми мой именной перстень; если понадобится, чтобы я к тебе приехала, напиши письмо и запечатай этим перстнем». Иван взял перстень и отправился в дорогу.

Приехал Иван к королю, рассказал ему, кто он, на ком сосватался и зачем его царь прислал. Как услыхал король про свою дочь, сейчас написал к ней письмо, чтобы она немедля к нему приехала; ждал-ждал: дочь и сама не едет и вестей не присылает. «Что б это значило?» — думает король; вышел из терпения, напоил нареченного зятя допьяна и начал допытываться, отчего дочь и сама не едет и вестей не шлет. Иван купеческий сын спьяну и проговорился, что есть у него такой перстень,

[1] Предсвадебный вечер в доме невесты (*Ред.*).

которым коли запечатать письмо, так она наверно явится. Король положил в вино сонных капель; Иван выпил и заснул крепким сном. Тем временем король написал письмо к Елене Прекрасной, запечатал тем перстнем и послал с легким гонцом. На другой день, только Иван проснулся, король ему и говорит: «Поезжай, любезный зять, в свое отечество и скажи царю, что три корабля его будут вскоре отпущены».

Иван купеческий сын собрался и поехал наскоро; приезжает домой — а его невесты давно нету! Спрашивает: где она? Ему сказали, что как получила письмо за такой-то печатью, так и уехала в свое королевство. Спрашивает про царя; царь, говорят, умер, и теперь люди думают, кого бы царем выбрать. В тот же день выбрали царем Ивана купеческого сына. Он устроил свое царство и опять к тому королю отправился. А Елена Прекрасная как только к отцу приехала, тотчас и в беду попала. Закричал на нее король. «Что ты задумала за купеческого сына замуж выходить!» Посадил ее в терем на хлеб, на воду и велел взаперти держать, никуда не выпускать; только позволил в праздники в малой лодочке по́ морю кататься.

Иван купеческий сын приехал, узнал про все, побежал на взморье и подкупил лоцмана, чтобы он взял его к себе в работники. В первый воскресный день вышла Елена Прекрасная по́ морю покататься; смотрит — за веслом новый гребец сидит, на руке у него золотой перстень горит; ухватила его за руку: «Где взял этот перстень?» — и тотчас своего суженого узнала. Тут они обнялись, поцеловались и вернулись во дворец рука об руку. А король уж прослышал, что купеческий сын царем сделан, ну и смиловался и принял их ласково. Вот они обвенчались, погостили тут несколько времени и уехали в свое государство и начали жить-поживать да добра наживать.

232—233. ЦАРЬ-ДЕВИЦА

232

В некотором царстве, в некотором государстве был купец; жена 128а
у него померла, остался один сын Иван. К этому сыну приставил он дядьку, а сам через некоторое время женился на другой жене, и как Иван купеческий сын был уже на возрасте и больно хорош собою, то мачеха и влюбилась в него. Однажды Иван купеческий сын отправился на плотике по́ морю охотничать с дядькою; вдруг увидели они, что плывут к ним тридцать кораблей. На тех кораблях была царь-девица с тридцатью другими девицами, своими назваными сестрицами. Когда плотик сплылся с кораблями, тотчас все тридцать кораблей стали на якорях. Ивана купеческого сына вместе с дядь-

кою позвали на самый лучший корабль; там их встретила царь-девица с тридцатью девицами, назваными сестрицами, и сказала Ивану купеческому сыну, что она его крепко полюбила и приехала с ним повидаться. Тут они и обручились.

Царь-девица наказала Ивану купеческому сыну, чтобы завтра в то же самое время приезжал он на это место, распростилась с ним и отплыла в сторону. А Иван купеческий сын воротился домой, поужинал и лег спать. Мачеха завела его дядьку в свою комнату, напоила пьяным и стала спрашивать: не было ли у них чего на охоте? Дядька ей все рассказал. Она, выслушав, дала ему булавку и сказала: «Завтра, как станут подплывать к вам корабли, воткни эту булавку в одежу Ивана купеческого сына». Дядька обещался исполнить приказ.

Поутру встал Иван купеческий сын и отправился на охоту. Как скоро увидал дядька плывущие вдали корабли, тотчас взял и воткнул в его одежу булавочку. «Ах, как я спать хочу! — сказал купеческий сын.— Послушай, дядька, я покуда лягу да сосну, а как подплывут корабли, в то время, пожалуйста, разбуди меня».— «Хорошо! Отчего не разбудить?» Вот приплыли корабли и остановились на якорях; царь-девица послала за Иваном купеческим сыном, чтоб скорее к ней пожаловал; но он крепко-крепко спал. Начали его будить, тревожить, толкать, но что ни делали — не могли разбудить; так и оставили.

Царь-девица наказала дядьке, чтобы Иван купеческий сын завтра опять сюда же приезжал, и велела подымать якоря и паруса ставить. Только отплыли корабли, дядька выдернул булавочку, и Иван купеческий сын проснулся, вскочил и стал кричать, чтоб царь-девица назад воротилась. Нет, уж она далеко, не слышит. Приехал он домой печальный, кручинный. Мачеха привела дядьку в свою комнату, напоила допьяна, повыспросила все, что было, и приказала завтра опять воткнуть булавочку. На другой день Иван купеческий сын поехал на охоту, опять проспал все время и не видал царь-девицы; наказала она побывать ему еще один раз.

На третий день собрался он с дядькою на охоту; стали подъезжать к старому месту; увидали: корабли вдали плывут, дядька тотчас воткнул булавочку, и Иван купеческий сын заснул крепким сном. Корабли приплыли, остановились на якорях; царь-девица послала за своим нареченным женихом, чтобы к ней на корабль пожаловал. Начали его будить всячески, но что ни делали — не могли разбудить. Царь-девица уведала хитрости мачехины, измену дядькину и написала к Ивану купеческому сыну, чтобы он дядьке голову отрубил, и если любит свою невесту, то искал бы ее за тридевять земель, в тридесятом царстве. Только распустили корабли паруса и поплыли в широкое море, дядька выдернул из одежи Ивана купеческого сына булавочку, и он проснулся, начал громко кричать да звать царь-девицу; но она была далеко и ничего не слыхала. Дядька подал ему письмо от царь-девицы; Иван купеческий сын прочитал его, выхватил свою саблю острую и срубил злому дядьке голову, а сам пристал поскорее к берегу, пошел домой, распрощался с отцом и отправился в путь-дорогу искать тридесятое царство.

Шел он куда глаза глядят, долго ли, коротко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается,— приходит к избушке; стоит в чистом поле избушка, на куричьих голяшках[1] повертывается. Взошел в избушку, а там баба-яга костяная нога. «Фу-фу!— говорит.— Русского духу слыхом было не слыхать, видом не видать, а ныне сам пришел. Волей али неволей, добрый молодец?» — «Сколько волею, а вдвое неволею! Не знаешь ли, баба-яга, тридесятого царства?» — «Нет, не ведаю!» — сказала ягая и велела ему идти к своей середней сестре: та не знает ли?

Иван купеческий сын поблагодарил ее и отправился дальше; шел, шел, близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли, приходит к такой же избушке, взошел — и тут баба-яга. «Фу-фу! — говорит.— Русского духу слыхом было не слыхать, видом не видать, а ныне сам пришел. Волей али неволей, добрый молодец?» — «Сколько волею, а вдвое неволею! Не знаешь ли, где тридесятое царство?» — «Нет, не знаю!» — отвечала ягая и велела ему зайти к своей младшей сестре: та, может, и знает «Коли она на тебя рассердится да захочет съесть тебя, ты возьми у ней три трубы и попроси поиграть на них: в первую трубу негромко играй, в другую погромче, а в третью еще громче». Иван купеческий сын поблагодарил ягую и отправился дальше.

Шел-шел, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, наконец увидал избушку — стоит в чистом поле, на куричьих голяшках повертывается; взошел — и тут баба-яга. «Фу-фу! Русского духу слыхом было не слыхать, видом не видать, а ныне сам пришел!» — сказала ягая и побежала зубы точить, чтобы съесть незваного гостя. Иван купеческий сын выпросил у ней три трубы, в первую негромко играл, в другую погромче, а в третью еще громче. Вдруг налетели со всех сторон всякие птицы; прилетела и жар-птица. «Садись скорей на меня,— сказала жар-птица,— и полетим, куда тебе надобно; а то баба-яга съест тебя!» Только успел сесть на нее, прибежала баба-яга, схватила жар-птицу за хвост и выдернула немало перьев.

Жар-птица полетела с Иваном купеческим сыном; долгое время неслась она по поднебесью и прилетела, наконец, к широкому морю. «Ну, Иван купеческий сын, тридесятое царство за этим морем лежит; перенесть тебя на ту сторону я не в силах; добирайся туда, как сам знаешь!» Иван купеческий сын слез с жар-птицы, поблагодарил и пошел по берегу.

Шел-шел — стоит избушка, взошел в нее; повстречала его старая старуха, напоила-накормила и стала спрашивать: куда идет, зачем странствует? Он рассказал ей, что идет в тридесятое царство, ищет царь-девицу, свою суженую. «Ах! — сказала старушка.— Уж она тебя не любит больше; если ты попадешься ей на глаза — царь-девица разорвет тебя: любовь ее далеко запрятана!» — «Как же достать ее?» — «Подожди немножко! У царь-девицы живет дочь моя и сегодня обещалась побывать ко мне; разве через нее как-нибудь узнаем». Тут старуха обернула

[1] *Голяшки* — голени.

Ивана купеческого сына булавкою и воткнула в стену; ввечеру прилетела ее дочь. Мать стала ее спрашивать: не знает ли она, где любовь царь-девицы запрятана? «Не знаю»,— отозвалась дочь и обещала допытаться про то у самой царь-девицы. На другой день она опять прилетела и сказала матери: «На той стороне океана-моря стоит дуб, на дубу сундук, в сундуке заяц, в зайце утка, в утке яйцо, а в яйце любовь царь-девицы!»

Иван купеческий сын взял хлеба и отправился на сказанное место; нашел дуб, снял с него сундук, из него вынул зайца, из зайца утку, из утки яйцо и воротился с яичком к старухе. Настали скоро именины старухины; позвала она к себе в гости царь-девицу с тридцатью иными девицами, ее названными сестрицами; энто яичко испекла, а Ивана купеческого сына срядила по-праздничному и спрятала.

Вдруг в полдень прилетают царь-девица и тридцать иных девиц, сели за стол, стали обедать; после обеда положила старушка всем по простому яичку, а царь-девице то самое, что Иван купеческий сын добыл. Она съела его и в ту ж минуту крепко-крепко полюбила Ивана купеческого сына. Старуха сейчас его вывела; сколько тут было радостей, сколько веселья! Уехала царь-девица вместе с женихом — купеческим сыном в свое царство; обвенчались и стали жить да быть да добро копить.

233

В некотором царстве, в некотором государстве жил царь с царицею, у них был сын Василий-царевич, и был к нему дядька приставлен. Померла царица, остался царевич сиротою. Думает царь: не то сына женить, не то самому жениться? Вздумал сам жениться. Взял за себя молодую жену, и сделалась она в доме полной хозяйкою, Василью-царевичу злою мачехой. Пожил царь с нею несколько времени, заболел и помер; а царица связалась с дядькою. Раз зовет Василий-царевич своего дядьку: «Пойдем по городской стене погуляем». — «Пойдем, царевич!» 128b

Пошли; гуляли-гуляли, стали с городской стены спускаться, вдруг из каменной башни окликают царевича три голоса — лев, змей и ворон: «Выпусти нас, Василий-царевич, из неволи! Мы тебя от трех смертей избавим». Спрашивает царевич дядьку: «Слышишь, что у нас на городской стене деется?» — «Нет, Василий-царевич! Ничего не слышу».— «А коли не слышишь, чтоб тебе и вовек не слыхать!» Воротились они домой. Вечером рано ложится Василий-царевич спать, а дядьку от себя отсылает; дядька тому и рад, побежал с мачехой тешиться.

Вот царевич переждал сколько-то времени, встал потихоньку, взял железный лом в двадцать пять пудов, вылез в окошко и пошел к городской стене. Ударил раз-другой и разбил башню; вышли оттуда лев, змей и ворон, обступили кругом царевича и стали ему наказывать: «Слушай, Василий-царевич, нашего наказу! Как были у тебя отец да мать родные, долго они искали тебе невесту и таки выискали— за тридевять земель, в тридесятом царстве высватали за тебя царь-девицу и

такой уговор с нею сделали: тебе на иной не жениться, ей за иного замуж не выходить. Уж скоро двенадцать лет, как она ждет тебя — не дождется. Возьми-ка ты завтра гусли, сядь на корабль и ступай пó морю погулять. Как только выедешь в море да заиграешь в гусли, царь-девица сейчас к тебе будет. Только смотри: станет тебя сон клонить, а ты спать не моги! Коли уснешь, она тебя не добудится и назад уедет. Да еще тебе скажем: берегись, Василий-царевич, заутро смерть тебя ожидает».— «Какая смерть?» — спрашивает царевич. «Твоя мачеха испечет на змеином сале три лепешки и велит тебе подать; не моги их кушать, лучше в карман положи — через малое время все зло уведаешь».

Как сказано, так и сделано: взял царевич лепешки, положил в карман и пошел за городскую стену; слышит — что-то в кармане ползает, сунул туда руку и вытащил ужа, сунул вдругóрядь — вытащил змею, сунул в третий раз — вытащил лягушку. «Правду сказали лев, змей и ворон; съешь я лепешки — все бы это у меня в утробе народилося!» Ворочается царевич домой, берет гусли и говорит дядьке: «Пойдем на корабль, поплывем, пó морю погуляем». Дядька побежал с докладом к мачехе: «Царевич-де хочет гулять пó морю и гусли с собою берет». Говорит ему царица: «Вот тебе медная булавка, воткни ее царевичу в ворот кафтана; тогда он заснет крепким сном, и кто б ни пришел, кто бы ни приехал — ни за что его не разбудит!»

Дядька взял булавку и пошел с царевичем на пристань, сели на корабль и поехали в открытое море. Василий-царевич заиграл на гуслях; услыхала ту игру царь-девица из-за тридевяти земель, подымала шесть полков, поспешала на свои корабли легкие и пускалась в путь — к Василью-царевичу. Царевич завидел паруса за три версты и возгласил дядьке: «Это чьи корабли плывут?» — «А мне почем знать!» — отвечал дядька да тем временем вынул булавку и воткнул царевичу в ворот кафтана. «Ах! Что-то мне спать хочется», — проговорил царевич, лег и заснул крепким сном.

Вот наехала царь-девица, спустила с своего корабля сходни на корабль Василья-царевича, сошла к нему, стала его будить-целовать, на полотнах качать, нежные речи приговаривать; нет, не могла добудиться. Говорит она дядьке: «Поклонись от меня Василью-царевичу да скажи ему, чтоб ложился спать с вечера, обо мне не печалился: завтра я опять приеду». Сказала и уехала; как только отплыла царь-девица на версту или две, дядька видит, что теперь до нее голосом кричать — не докричаться, рукою махать — не домахаться, взял да и выдернул булавку. Василий-царевич проснулся и стал дядьке рассказывать: «Виделось мне во сне, будто какая пичужечка вокруг меня увивалася да так-то грустно щебетала, что у меня на душе и теперь тошно!» Отвечает дядька: «Не пичужечка то увивалася — увивалась прекрасная царь-девица, целовала тебя, миловала, на полотнах качала, никак не могла добудиться; уезжая, она приказала, чтобы ты, добрый молодец, ложился спать с вечера, поутру раненько вставал да опять сюда побывал».

Василий-царевич воротился домой и залег спать с вечера; только с горя, со кручины не мог уснуть крепким сном; поутру встал раным-рано

и говорит дядьке: «Поедем на корабле прогуляться!» Дядька побежал к мачехе докладывать, что Василий-царевич опять нá море собирается и берет с собой гусли звонкие. «Нá тебе другую булавку,— говорит ему царица,— сделай нонче то же самое, что и вчера делал». Дядька взял булавку и пошел с царевичем на пристань; сели на корабль и поехали в море. Василий-царевич заиграл на гуслях, да так нежно, сладко, что и сказать нельзя. Услыхала его игру царь-девица, не могла усидеть на месте, быстро вскочила и закричала громким голосом: «Ай вы, корабельщики! Подымайте якори железные, распускайте паруса тонкие и готовьтесь скорехонько плыть к Василью-царевичу: надо его пораньше застать, пока не заснул непробудным сном».

Понеслись ее корабли пó морю, словно птицы быстролетные; за три версты увидал Василий-царевич паруса белые и спросил у дядьки: «Это чьи корабли плывут?» — «А мне почем знать!» — отвечал дядька, вынул булавочку и воткнул царевичу в ворот кафтана. Начала дрема одолевать Василья-царевича, умылся он водою холодною — думал как-нибудь разгуляться! Нет-таки, не стерпел добрый мóлодец, повалился на палубу и заснул мертвым сном. Приехала царь-девица, спустила сходни на корабль Василья-царевича, сошла к нему, начала его будить-целовать, на полотнах качать; царевич спит — не пробуждается. Принялась на него брызгать, обливать холодной водою: авось проснется! Нет, ничего не помогает. Царь-девица написала письмецо, положила царевичу на белую грудь, ушла на свой корабль и поехала назад; а в том письмеце было написано: «Прощай, Василий-царевич! Не ожидай меня в третий раз; кто меня любит, тот сам найдет!»

Как только отъехала царь-девица, а дядька увидал, что до нее криком не докричаться, рукою не домахаться, тотчас взял да и выдернул булавку. Василий-царевич проснулся и говорит: «Что б это значило? Во второй раз мне привиделось, будто какая пичужечка вокруг меня долго увивалася». Отвечает дядька: «Не пичужечка то увивалась, увивалася прекрасная царь-девица, целовала тебя, миловала, на полотнах качала, холодной водой обливала, никак не могла добудиться».— «А что у меня на груди за бумага?» — «Это она письмецо написала». Василий-царевич раскрыл письмецо, прочитал и слезно заплакал: «Правду говорили мне лев, змей и ворон, чтоб я от сна воздержался; да видно — чему быть, того не миновать!» Приходит он домой в сердцах великих, берет ружье в белые руки и идет в зеленый сад горе размыкать. На любимой его яблоне сидит черный ворон да каркает: «Кар-кар, Василий-царевич! Не послушался ты, не сумел от сна воздержаться — вот теперь и пеняй на себя!» — «Как,— думает царевич,— уж и птица надо мной смеяться стала!» Тотчас навел ружье, спустил курок и обломил ворону правое крыло.

Еще тошней у него на душе стало, вышел в чистое поле, шел-шел, и попался ему пастух с табуном лошадей. «Бог помочь тебе стадо пасти!» — говорит Василий-царевич. «Добро жаловать, Василий-царевич!» — «А ты как меня знаешь?» — «Как же мне не знать тебя, коли я у твоего батюшки тридцать лет в пастухах служил. Зовут меня Иваш-

ка белая рубашка, сорочинская шапка; допрежде того был я первым воеводою, да отец твой разгневался и за провинок сослал меня в пастухи».— «Не ведаешь ли ты, Ивашка белая рубашка, коня по мне? Если выищешь мне доброго коня, я тебя по век не забуду и коли буду во времени — опять первым воеводою сделаю». Говорит ему Ивашка: «Не посмотря твоей силы, нельзя тебе и коня указать. Вот стоит ракитовый куст, попробуй — выдерни его с корнем».

Василий-царевич ухватился за куст и выдернул его с корнем — под тем кустом лежит меч-кладенец, боевая палица и вся богатырская сбруя: узда в три пуда, седло в двадцать пять пудов, боевая палица в полтораста пудов. «Ну, царевич, дожидай меня здесь,— говорит Ивашка белая рубашка, сорочинская шапка,— поутру пригоню я стадо кониное, впереди всех кобылица будет, а вслед за ней жеребец; кинутся они в воду и поплывут далеко-далеко, а как солнышко с полудня своротит да свалит жар, станет тот жеребец выгонять кобылицу в зеленые луга. В тé поры смотри не зевай: только ступит жеребец нá берег, тотчас и бей его промежду ушей своей палицей».

Сказано — сделано. На другой день выждал Василий-царевич удобный час, ударил жеребца боевой палицей промежду ушей — жеребец на колени пал; зауздал его добрый молодец уздой трехпудовою, надел на него седельце черкасское и сел верхом. Как очнулся жеребец от удара богатырского, как понес Василья-царевича по долам, по лугам, по высоким горам! Трое суток носил без роздыху, и не пот с коня, алая кровь капает. Возгласил тут добрый конь человечьим голосом: «Гой еси, Василий-царевич! Отпусти меня погулять три зари утренние; в синем море я искупаюся, на росе поваляюся, и буду я твой верный слуга». Царевич отпустил коня; конь погулял три дня и воротился таким сильным и бодрым, что лучше того и не видано и не слыхано.

Сел Василий-царевич на коня и поехал за тридевять земель, в тридесятое государство; долго ли, коротко ли, приезжает он в царство львиное. Говорит царь-лев: «Эй, мои детки семеры [1]! Берите вилы железные, подставляйте под мои очи старые, дайте мне посмотреть на доброго мóлодца!» Посмотрел, узнал его и обрадовался: «Добро жаловать, Василий-царевич! За твою услугу великую гости у меня, сколько надобно». Накормил его, напоил, спать положил, а наутро в путь-дорогу снарядил. Вот царевич ехал, ехал и приезжает в змеиное царство; царь-змей обрадовался, ласково гостя встретил и ласково проводил. Поехал царевич дальше — в вороново царство. Встречает его царь-ворон и говорит: «Хорош молодец, за что, про что обломил крыло у моего братца родимого? За такой провинок надо б с тебя голову снять; да уж так и быть — смертным страхом отделайся». Взял — посадил царевича на крылья, полетел на сине море и сбросил его в самую глубь. Василий-царевич упал, окунулся в воду и как скоро вынырнул, царь-ворон подхватил его и вынес на сушу. «Поезжай теперь, куда ведаешь!»

Опять сел на коня Василий-царевич, собирается дальше путь держать.

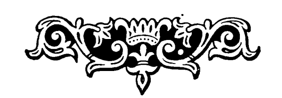
[1] Семь деток (*Ред.*).

Говорит ему добрый конь: «Крепче держись, Василий-царевич! Надо в три часа, в три минуточки поспеть в тридесятое царство. Под то царство подступил Иван, русский богатырь, рожа шитая, нос плетеный, язык строченый, ноги телячьи, уши собачьи. Если не поспеем туда в три часа, три минуточки, то возьмет он царь-девицу за себя». Приехал Василий-царевич к тридесятому царству, мимо Ивана, русского богатыря, проскакал, словно мо́лоньей просветил; разъезжались они на двадцать верст, припускали коней навстречу, как ударились боевыми палицами — ажно гром загремел! Бились-бились, никто не осилеет; приустали добрые витязи и условились дать друг другу перемирье на три дня. Василий-царевич разбил шатер, лег на отдых и заснул крепким богатырским сном.

Третьи сутки на исходе, а он все спит. Стал его будить добрый конь: «Гой еси, Василий-царевич! Не время спать, время вставать, с Иваном, русским богатырем, бой начинать». Разъезжались витязи на тридцать верст, разгоняли коней навстречу, бились-бились — ни тот, ни другой не осилеет; взяли перемирье еще на три дня. Царевич лег в шатре и опять уснул. Третьи сутки на исходе, будит его добрый конь: «Гой еси, Василий-царевич! Полно спать, время вставать, Ивану, русскому богатырю, голову сымать». Вскакивал Василий-царевич, седлал своего жеребца наскоро, подпруги подтягивал натуго — не для бодрости, а для крепости; едет он, под ним конь пляшет, а Иван, русский богатырь, едет, под ним конь слезно плачет.

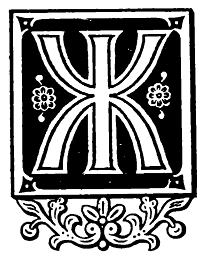
Разъезжались они на пятьдесят верст, припускали коней навстречу, как ударились — земля задрожала! Иван, русский богатырь, промах дал, не сдержал в руке боевую палицу, пала она острием наземь и ушла в глубину на три сажени; а Василий-царевич угодил его коню прямо в грудь, посадил того коня задом на сырую землю, самому Ивану-богатырю снял буйную голову. «Теперь путь мне, доброму мо́лодцу, не заказан; возьму-ка я гусли звончатые да пойду в любимый сад царь-девицы». Взял гусли, пришел в сад и заиграл так нежно да сладко, что и сказать нельзя.

Услыхала ту игру царь-девица, зовет своих нянюшек-мамушек, дает им портрет Василья-царевича и посылает в свой любимый сад: «Бегом бегите, хорошенько разглядите, не приехал ли Василий-царевич? Не он ли в саду на гуслях играет?» Нянюшки-мамушки побежали, посмотрели, с портретом сличили, вернулись к царь-девице и докладывают: «Нет, то не Василий-царевич на гуслях играет; хоть и схож на него, а все не он: Василий-царевич куда прекраснее!» Отвечает им царь-девица: «Ах вы глупые-неразумные! Ведь царевич теперь от великих трудов изнурился, оттого и портрет не приходится». Бросилась сама в сад, тотчас узнала своего суженого, брала его за руки белые и вела в свои терема высокие. Обвенчались они, отпраздновали свадьбу и поехали в государство Василья-царевича. Мачеху и дядьку приказал царевич на воротах расстрелять, а сам с молодой женою стал жить-поживать, добра наживать.

234—235. ПЕРЫШКО ФИНИСТА ЯСНА СОКОЛА

234

Жил-был старик, у него было три дочери: большая и сред- 129а
няя — щеголихи, а меньшая только о хозяйстве радела. Сбирается отец в город и спрашивает у своих дочерей: которой что купить? Большая просит: «Купи мне на платье!» И середняя то ж говорит. «А тебе что, дочь моя любимая?» — спрашивает у меньшой. «Купи мне, батюшка, перышко Финиста ясна сокола». Отец простился с ними и уехал в город; большим дочерям купил на платье, а перышка Финиста ясна сокола нигде не нашел. Воротился домой, старшую и середнюю дочерей обновами обрадовал. «А тебе,— говорит меньшой,— не нашел перышка Финиста ясна сокола».— «Так и быть,— сказала она,— может, в другой раз посчастливится найти». Большие сестры кроят да обновы себе шьют, да над нею посмеиваются; а она знай отмалчивается. Опять собирается отец в город и спрашивает: «Ну, дочки, что вам купить?» Большая и середняя просят по платку купить, а меньшая говорит: «Купи мне, батюшка, перышко Финиста ясна сокола». Отец поехал в город, купил два платка, а перышка и в глаза не видал. Воротился назад и говорит: «Ах, дочка, ведь я опять не нашел перышка Финиста ясна сокола!» — «Ничего, батюшка; может, в иное время посчастливится».

Вот и в третий раз собирается отец в город и спрашивает: «Сказывайте, дочки, что вам купить?» Большие говорят: «Купи нам серьги», а меньшая опять свое: «Купи мне перышко Финиста ясна сокола». Отец искупил золотые серьги, бросился искать перышка — никто такого не ведает; опечалился и поехал из городу. Только за заставу, а навстречу ему старичок несет коробочку. «Что несешь, старина?» — «Перышко Финиста ясна сокола».— «Что за него просишь?» — «Давай тысячу». Отец заплатил деньги и поскакал домой с коробочкой. Встречают его дочери. «Ну, дочь моя любимая,— говорит он меньшой,— наконец и тебе купил подарок; на, возьми!» Меньшая дочь чуть не прыгнула от радости, взяла коробочку, стала ее целовать-миловать, крепко к сердцу прижимать.

После ужина разошлись все спать по своим светелкам; пришла и она в свою горницу, открыла коробочку — перышко Финиста ясна сокола тотчас вылетело, ударилось об пол, и явился перед девицей прекрасный царевич. Повели они меж собой речи сладкие, хорошие. Услыхали сестры и спрашивают: «С кем это, сестрица, ты разговариваешь?» — «Сама с собой»,— отвечает красна девица. «А ну, отопрись!» Царевич ударился об пол — и сделался перышком; она взяла, положила перышко в коробочку и отворила дверь. Сестры и туда смотрят и сюда заглядывают — нет никого! Только они ушли, красная девица открыла окно, достала перышко и говорит: «Полетай, мое перышко, во чисто поле; погуляй до поры до времени!» Перышко обратилось ясным соколом и улетело в чистое поле.

На другую ночь прилетает Финист ясный сокол к своей девице; пошли у них разговоры веселые. Сестры услыхали и сейчас к отцу побежали: «Батюшка! У нашей сестры кто-то по ночам бывает; и теперь сидит да с нею разговаривает». Отец встал и пошел к меньшой дочери, входит в ее горницу, а царевич уж давно обратился перышком и лежит в коробочке. «Ах вы, негодные! — накинулся отец на своих больших дочерей.— Что вы на нее понапрасну взводите? Лучше бы за собой присматривали!»

На другой день сестры поднялись на хитрости: вечером, когда на дворе совсем стемнело, подставили лестницу, набрали острых ножей да иголок и натыкали на окне красной девицы.

Ночью прилетел Финист ясный сокол, бился-бился — не мог попасть в горницу, только крылышки себе обрезал. «Прощай, красна девица! — сказал он.— Если вздумаешь искать меня, то ищи за тридевять земель, в тридесятом царстве. Прежде три пары башмаков железных истопчешь, три посоха чугунных изломаешь, три просвиры каменных изгложешь, чем найдешь меня, добра мóлодца!» А девица спит себе: хоть и слышит сквозь сон эти речи неприветливые, а встать-пробудиться не может.

Утром просыпается, смотрит — на окне ножи да иглы натыканы, а с них кровь так и капает. Всплеснула руками: «Ах, боже мой! Знать, сестрицы сгубили моего друга милого!» В тот же час собралась и ушла из дому. Побежала в кузницу, сковала себе три пары башмаков железных да три посоха чугунных, запаслась тремя каменными просвирами и пустилась в дорогу искать Финиста ясна сокола.

Шла-шла, пару башмаков истоптала, чугунный посох изломала и каменную просвиру изглодала: приходит к избушке и стучится: «Хозяин с хозяюшкой! Укройте от темныя ночи». Отвечает старушка: «Милости просим, красная девица! Куда идешь, голубушка?» — «Ах, бабушка! Ищу Финиста ясна сокола».— «Ну, красна девица, далеко ж тебе искать будет!» Наутро говорит старуха: «Ступай теперь к моей середней сестре, она тебя добру научит; а вот тебе мой подарок: серебряное донце, золотое веретенце; станешь кудель прясть — золотая нитка потянется». Потом взяла клубочек, покатила по дороге и наказала вслед за ним идти, куда клубочек покатится, туда и путь держи! Девица поблагодарила старуху и пошла за клубочком.

Долго ли, коротко ли, другая пара башмаков изношена, другой посох изломан, еще каменная просвира изглодана; наконец прикатился клубочек к избушке. Она постучалась: «Добрые хозяева! Укройте от темной ночи красну девицу».— «Милости просим! — отвечает старушка.— Куда идешь, красная девица?» — «Ищу, бабушка, Финиста ясна сокола».— «Далеко ж тебе искать будет!» Поутру дает ей старушка серебряное блюдо и золотое яичко и посылает к своей старшей сестре: она-де знает, где найти Финиста ясна сокола!

Простилась красна девица со старухою и пошла в путь-дорогу; шла-шла, третья пара башмаков истоптана, третий посох изломан, и последняя просвира изглодана — прикатился клубочек к избушке. Стучится и говорит странница: «Добрые хозяева! Укройте от темной ночи красну девицу». Опять вышла старушка: «Поди, голубушка! Милости просим!

Откудова идешь и куда путь держишь?» — «Ищу, бабушка, Финиста ясна сокола».— «Ох, трудно, трудно отыскать его! Он живет теперь в этаком-то городе, на просвирниной дочери там женился». Наутро говорит старуха красной девице: «Вот тебе подарок: золотое пялечко да иголочка; ты только пялечко держи, а иголочка сама вышивать будет. Ну, теперь ступай с богом и наймись к просвирне в работницы».

Сказано — сделано. Пришла красная девица на просвирнин двор и нанялась в работницы; дело у ней так и кипит под руками: и печку топит, и воду носит, и обед готовит. Просвирня смотрит да радуется. «Слава богу! — говорит своей дочке.— Нажили себе работницу и услужливую и добрую: без наряду все делает!» А красная девица, покончив с хозяйскими работами, взяла серебряное донце, золотое веретенце и села прясть: прядет — из кудели нитка тянется, нитка не простая, а чистого золота. Увидала это просвирнина дочь: «Ах, красная девица! Не продашь ли мне свою забаву?» — «Пожалуй, продам!» — «А какая цена?» — «Позволь с твоим мужем ночь перебыть». Просвирнина дочь согласилась. «Не беда! — думает.— Ведь мужа можно сонным зельем опоить, а чрез это веретенце мы с матушкой озолотимся!»

А Финиста ясна сокола дома не было; целый день гулял по поднебесью, только к вечеру воротился. Сели ужинать; красная девица подает на стол кушанья да все на него смотрит, а он, добрый мо́лодец, и не узнает ее. Просвирнина дочь подмешала Финисту ясну соколу сонного зелья в питье, уложила его спать и говорит работнице: «Ступай к нему в горницу да мух отгоняй!» Вот красная девица отгоняет мух, а сама слезно плачет: «Проснись-пробудись, Финист ясный сокол! Я, красна девица, к тебе пришла; три чугунных посоха изломала, три пары башмаков железных истоптала, три просвиры каменных изглодала да все тебя, милого, искала!» А Финист спит, ничего не чует; так и ночь прошла.

На другой день работница взяла серебряное блюдечко и катает по нем золотым яичком: много золотых яиц накатала! Увидала просвирнина дочь. «Продай,— говорит,— мне свою забаву!» — «Пожалуй, купи».— «А как цена?» — «Позволь с твоим мужем еще единую ночь перебыть».— «Хорошо, я согласна!» А Финист ясный сокол опять целый день гулял по поднебесью, домой прилетел только к вечеру. Сели ужинать, красная девица подает кушанья да все на него смотрит, а он словно никогда и не знавал ее. Опять просвирнина дочь опоила его сонным зельем, уложила спать и послала работницу мух отгонять. И на этот раз, как ни плакала, как ни будила его красная девица, он проспал до утра и ничего не слышал.

На третий день сидит красная девица, держит в руках золотое пялечко, а иголочка сама вышивает — да такие узоры чудные! Загляделась просвирнина дочка. «Продай, красная девица, продай,— говорит,— мне свою забаву!» — «Пожалуй, купи!» — «А как цена?» — «Позволь с твоим мужем третью ночь перебыть».— «Хорошо, я согласна!» Вечером прилетел Финист ясный сокол; жена опоила его сонным зельем, уложила спать и посылает работницу мух отгонять. Вот красная девица мух отгоняет, а сама слезно причитывает: «Проснись-пробудись, Финист ясный

Гуси-лебеди. Рис. А. М. Куркина

½ 8 Заказ № 101

Емеля-дурак. Рис. А. М. Куркина

Ведьма и солнцева сестра. Рис. А. М. Куркина

Дочь и падчерица. Рис. А. М. Куркина

сокол! Я, красна девица, к тебе пришла; три чугунных посоха изломала, три пары железных башмаков истоптала, три каменных просвиры изглодала — все тебя, милого, искала!» А Финист ясный сокол крепко спит, ничего не чует.

Долго она плакала, долго будила его; вдруг упала ему на щеку слеза красной девицы, и он в ту ж минуту проснулся: «Ах, — говорит, — что-то меня обожгло!» — «Финист ясный сокол! — отвечает ему девица.— Я к тебе пришла; три чугунных посоха изломала, три пары железных башмаков истоптала, три каменных просвиры изглодала — все тебя искала! Вот уж третью ночь над тобою стою, а ты спишь — не пробуждаешься, на мои слова не отзываешься!» Тут только узнал Финист ясный сокол и так обрадовался, что сказать нельзя. Сговорились и ушли от просвирни. Поутру хватилась просвирнина дочь своего мужа: ни его нет, ни работницы! Стала жаловаться матери; просвирня приказала лошадей заложить и погналась в погоню. Ездила-ездила, и к трем старухам заезжала, а Финиста ясна сокола не догнала: его и следов давно не видать!

Очутился Финист ясный сокол со своею суженой возле ее дома родительского; ударился о сыру землю и сделался перышком: красная девица взяла его, спрятала за пазушку и пришла к отцу. «Ах, дочь моя любимая! Я думал, что тебя и на свете нет; где была так долго?» — «Богу ходила молиться». А случилось это как раз около святой недели. Вот отец с старшими дочерьми собираются к заутрене. «Что ж, дочка милая,— спрашивает он меньшую,— собирайся да поедем; нынче день такой радостный».— «Батюшка, мне надеть на себя нечего».— «Надень наши уборы», — говорят старшие сестры. «Ах, сестрицы, мне ваши платья не по кости! Я лучше дома останусь».

Отец с двумя дочерьми уехал к заутрене; в те́ поры красная девица вынула свое перышко. Оно ударилось об пол и сделалось прекрасным царевичем. Царевич свистнул в окошко — сейчас явились и платья, и уборы, и карета золотая. Нарядились, сели в карету и поехали. Входят они в церковь, становятся впереди всех; народ дивится: какой-такой царевич с царевною пожаловал? На исходе заутрени вышли они раньше всех и уехали домой; карета пропала, платьев и уборов как не бывало, а царевич обратился перышком. Воротилися и отец с дочерьми. «Ах, сестрица! Вот ты с нами не ездила, а в церкви был прекрасный царевич с ненаглядной царевною».— «Ничего, сестрицы! Вы мне рассказали — все равно что сама была». На другой день опять то же; а на третий, как стал царевич с красной девицей в карету садиться, отец вышел из церкви и своими глазами видел, что карета к его дому подъехала и пропала. Воротился отец и стал меньшую дочку допрашивать; она и говорит: «Нечего делать, надо признаться!» Вынула перышко; перышко ударилось об пол и обернулся царевичем. Тут их и обвенчали, и свадьба была богатая! На той свадьбе и я был, вино пил, по усам текло, во рту не было. Надели на меня колпак да и ну толкать; надели на меня кузов: «Ты, детинушка, не гузай [1], убирайся-ка поскорей со двора».

[1] Не мешкай.

8* Заказ № 101

235

Был-жил старик со старухою. У них было три дочери; меньшая 129b
была такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Раз собрался старик в город на ярмарку и говорит: «Дочери мои любезные! Что вам надобно, приказывайте,— все искуплю на ярмарке». Старшая просит: «Купи мне, батюшка, новое платье». Середняя: «Купи мне, батюшка, шалевой платочек». А меньшая говорит: «Купи мне аленький цветочек». Засмеялся старик над меньшою дочкою: «Ну что тебе, глупенькая, в аленьком цветочке? Много ли в нем корысти! Я тебе лучше нарядов накуплю». Только что ни говорил, никак не мог уговорить ее: купи аленький цветочек — да и только.

Поехал старик на ярмарку, купил старшей дочери платье, средней — шалевой платок, а цветочка аленького во всем городе не нашел. Уж на самом выезде попадается ему незнакомый старичок — несет в руках аленький цветочек. «Продай мне, старинушка, твой цветок!» — «Он у меня не продажный, а заветный; буде младшая дочь твоя пойдет за моего сына — Финиста ясна сокола, так отдам тебе цветок даром». Призадумался отец: не взять цветочка — дочку огорчить, а взять — надо будет замуж ее выдать, и бог знает за кого. Подумал-подумал, да таки взял аленький цветочек. «Что за беда! — думает.— После присватается, да коли нехорош, так и отказать можно!»

Приехал домой, отдал старшей дочери платье, средней шаль, а меньшухе отдает цветочек и говорит: «Не люб мне твой цветочек, дочь моя любезная, больно не люб!» А сам шепчет ей потихоньку на ухо: «Ведь цветочек-то заветный был, а не продажный; взял я его у незнакомого старика с условием отдать тебя замуж за его сына Финиста ясна сокола».— «Не печалься, батюшка,— отвечает дочка,— ведь он такой добрый да ласковый; ясным соколом летает по поднебесью, а как ударится о сырую землю — так и станет молодец молодцом!» — «Да ты разве его знаешь?» — «Знаю, знаю, батюшка! В прошлое воскресенье он у обедни был, все на меня смотрел; я и говорила с ним... ведь он любит меня, батюшка!» Старик покачал головой, посмотрел на дочь таково пристально, перекрестил ее и говорит: «Поди в светелку, дочка моя милая! Уж спать пора; утро вечера мудренее — после рассудим!» А дочка заперлась в светелке, опустила аленький цветочек в воду, отворила окошко, да и смотрит в синюю даль.

Откуда ни возьмись — взвился перед ней Финист ясен сокол, цветные перышки, впорхнул в окошечко, ударился об пол и стал молодцем. Девушка было испугалась; а потом, как заговорил он с нею, и невесть как стало весело и хорошо на сердце. До зари они разговаривали — уж не ведаю о чем; знаю только, что, как начало светать, Финист ясен сокол, цветные перышки, поцеловал ее, да и говорит: «Каждую ночь, как только поставишь ты аленький цветочек на окно, стану прилетать к тебе, моя милая! Да вот тебе перышко из моего крыла; если понадобятся тебе какие наряды, выйди на крылечко да только махни им в правую сторону — и вмиг

перед тобой явится все, что душе угодно!» Поцеловал ее еще раз, обернулся ясным соколом и улетел за темный лес. Девушка посмотрела вслед своему суженому, затворила окно и легла почивать. С той поры каждую ночь, лишь поставит она аленький цветочек на растворенное окошечко, прилетает к ней добрый мóлодец Финист ясен сокол.

Вот наступило воскресенье. Старшие сестры стали к обедне наряжаться. «А ты что наденешь? У тебя и обновок-то нету!» — говорят младшей. Она отвечает: «Ничего, я и дома помолюсь!» Старшие сестры ушли к обедне, а меньшуха сидит у окна вся запачканная да смотрит на православный народ, что идет к церкви божией. Выждала время, вышла на крылечко, махнула цветным перышком в правую сторону, и откуда ни возьмись — явились перед ней и карета хрустальная, и кони заводские, и прислуга в золоте, и платья, и всякие уборы из дорогих самоцветных каменьев.

В минуту оделась красная девица, села в карету и понеслась в церковь. Народ смотрит да красоте ее дивуется. «Видно, какая-нибудь царевна приехала!» — говорят промеж себя люди. Как запели «Достойно», она тотчас вышла из церкви, села в карету и укатила назад. Люд православный вышел было поглазеть, куда она поедет; да не тут-то было! Давно и след простыл. А наша красавица лишь подъехала к своему крылечку, тотчас махнула цветным перышком в левую сторону: вмиг прислуга ее раздела, и карета из глаз пропала. Сидит она по-прежнему как ни в чем не бывало да смотрит в окошечко, как православные из церкви по домам расходятся. Пришли и сестры домой. «Ну, сестрица,— говорят,— какая красавица была нонче у обедни! Просто загляденье, ни в сказке сказать, ни пером написать! Должно быть, царевна из иных земель приезжала — такая пышная, разодетая!»

Наступает другое и третье воскресенье; красная девица знай морочит народ православный, и сестер своих, и отца с матерью. Да в последний раз стала раздеваться и позабыла вынуть из косы бриллиантовую булавку. Приходят из церкви старшие сестры, рассказывают ей про царевну-красавицу да как взглянут на сестру-меньшуху, а бриллиант так и горит у нее в косе. «Ах, сестрица! Что это у тебя? — закричали девушки.— Ведь точь-в-точь этакая булавка была сегодня на голове у царевны. Откуда ты достала ее?» Красная девица ахнула и убежала в свою светелку. Расспросам, догадкам, перешептываньям конца не было; а меньшая сестра молчит себе да потихоньку смеется.

Вот большие сестры стали замечать за нею, стали по ночам у светелки подслушивать, и подслушали один раз разговор ее с Финистом ясным соколом, а на заре своими глазами увидели, как выпорхнул он из окна и полетел за темный лес. Злые, видно, были девушки — большие сестрицы: уговорились они поставить нá вечер потаенные ножи на окне сестриной светелки, чтобы Финист ясен сокол подрезал свои цветные крылышки. Вздумали — сделали, а меньшая сестра и не догадалась, поставила свой аленький цветочек на окно, прилегла на постель и крепко заснула. Прилетел Финист ясен сокол да как порхнет в окошко и обрезал свою левую ножку, а красная девица ничего не ведает, спит себе так сладко,

так спокойно. Сердито взвился ясен сокол в поднебесье и улетел за темный лес.

Поутру проснулась красавица, глядит во все стороны — уж светло, а добра мóлодца нет как нет! Как взглянет на окно, а на окне крест-накрест торчат ножи острые, и каплет с них алая кровь на цветок. Долго девица заливалась горькими слезами, много бессонных ночей провела у окна своей светелки, пробовала махать цветным перышком — все напрасно! Не летит ни Финист ясен сокол, ни слуг не шлет! Наконец со слезами на глазах пошла она к отцу, выпросила благословение. «Пойду,— говорит,— куда глаза глядят!» Приказала себе сковать три пары железных башмаков, три костыля железные, три колпака железные и три просвиры железные: пару башмаков на ноги, колпак на голову, костыль в руки, и пошла в ту сторону, откуда прилетал к ней Финист ясен сокол.

Идет лесом дремучим, идет через пни-колоды, уж железные башмаки истаптываются, железный колпак изнашивается, костыль ломается, просвира изглодана, а красная девица все идет да идет, а лес все чернее, все чаще. Вдруг видит: стоит перед ней чугунная избушка на курьих ножках и беспрестанно повертывается. Девица говорит: «Избушка, избушка! Стань к лесу задом, ко мне передом». Избушка повернулась к ней передом. Вошла в избушку, а в ней лежит баба-яга — из угла в угол, губы на грядке, нос в потолок. «Фу-фу-фу! Прежде русского духу видом было не видать, слыхом не слыхать, а нынче русский дух по вольному свету ходит, воочью является, в нос бросается! Куда путь, красная девица, держишь? От дела лытаешь али дела пытаешь?» — «Был у меня, бабуся, Финист ясен сокол, цветные перышки; сестры мои ему зло сделали. Ищу теперь Финиста ясна сокола».— «Далеко ж тебе идти, малютка! Надо пройти еще тридевять земель. Финист ясен сокол, цветные перышки, живет в пятидесятом царстве, в осьмидесятом государстве и уж сосватался на царевне».

Баба-яга накормила-напоила девицу чем бог послал и спать уложила, а наутро, только свет начал брезжиться, разбудила ее, дала дорогой подарок — золотой молоточек да десять бриллиантовых гвоздиков — и наказывает: «Как придешь к синему морю, невеста Финиста ясна сокола выйдет на берег погулять, а ты возьми золотой молоточек в ручки и поколачивай бриллиантовые гвоздики; станет она их покупать у тебя, ты, красная девица, ничего не бери, только проси посмотреть Финиста ясна сокола. Ну, теперь ступай с богом к моей середней сестре!»

Опять идет красная девица темным лесом — все дальше и дальше, а лес все чернее и гуще, верхушками в небо вьется. Уж другие башмаки истаптываются, другой колпак изнашивается, железный костыль ломается и железная просвира изгрызена — и вот стоит перед девицей чугунная избушка на курьих ножках и беспрестанно повертывается. «Избушка, избушка! Стань к лесу задом, ко мне передом; мне в тебя лезти — хлеба ести». Избушка повернулась к лесу задом, к девице передом. Входит туда, а в избушке лежит баба-яга — из угла в угол, губы на грядке, нос в потолок. «Фу-фу-фу! Прежде русского духу видом было не видать, слыхом

не слыхать, а нынче русский дух по вольному свету стал ходить! Куда, красная девица, путь держишь?» — «Ищу, бабуся, Финиста ясна сокола».— «Уж он жениться хочет. Нонче у них девишник»,— сказала баба-яга, накормила-напоила и спать уложила девицу, а наутро чуть свет будит ее, дает золотое блюдечко с бриллиантовым шариком и крепко-накрепко наказывает: «Как придешь на берег синя моря да станешь катать бриллиантовый шарик по золотому блюдечку, выйдет к тебе невеста Финиста ясна сокола, станет покупать блюдечко с шариком; а ты ничего не бери, только проси посмотреть Финиста ясна сокола, цветные перышки. Теперь ступай с богом к моей старшей сестре!»

Опять идет красна девица темным лесом — все дальше и дальше, а лес все чернее и гуще. Уж третьи башмаки истаптываются, третий колпак изнашивается, последний костыль ломается, и последняя просвира изглодана. Стоит чугунная избушка на курьих ножках — то и дело поворачивается. «Избушка, избушка! Повернись к лесу задом, ко мне передом; мне в тебя лезти — хлеба ести». Избушка повернулась. В избушке опять баба-яга, лежит из угла в угол, губы на грядке, нос в потолок. «Фу-фу-фу! Прежде русского духу видом было не видать, слыхом было не слыхать, а нынче русский дух по вольному свету ходит! Куда, красная девица, путь держишь?» — «Ищу, бабуся, Финиста ясна сокола».— «Ах, красная девица, уж он на царевне женился! Вот тебе мой быстрый конь, садись и поезжай с богом!» Девица села на коня и помчалась дальше, а лес все реже да реже.

Вот и сине море — широкое и раздольное — разлилось перед нею, а там вдали как жар горят золотые маковки на высоких теремах белокаменных. «Знать, это царство Финиста ясна сокола!» — подумала девица, села на сыпучий песок и поколачивает золотым молоточком бриллиантовые гвоздики. Вдруг идет по берегу царевна с мамками, с няньками, с верными служанками, остановилась и ну торговать бриллиантовые гвоздики с золотым молоточком. «Дай мне, царевна, только посмотреть на Финиста ясна сокола, я тебе их даром уступлю», — отвечает девушка. «Да Финист ясен сокол теперь спит, никого не велел пускать к себе; ну, да отдай мне свои прекрасные гвоздики с молоточком — уж я, так и быть, покажу его тебе».

Взяла молоточек и гвоздики, побежала во дворец, воткнула в платье Финиста ясна сокола волшебную булавку, чтобы он покрепче спал да побольше от сна не вставал; после приказала мамкам проводить красну девицу во дворец к своему мужу, ясну соколу, а сама гулять пошла. Долго девица убивалась, долго плакала над милым; никак не могла разбудить его... Нагулявшись вдоволь, царевна воротилась домой, прогнала ее и вынула булавку. Финист ясен сокол проснулся. «Ух, как я долго спал! Здесь,— говорит,— кто-то был, все надо мной плакал да причитывал; только я никак не мог глаз открыть — так тяжело мне было!» — «Это тебе во сне привиделось,— отвечает царевна,— здесь никто не бывал».

На другой день красная девица опять сидит на берегу синего моря и катает бриллиантовый шарик по золотому блюдечку. Вышла царевна

гулять, увидала и просит: «Продай мне!» — «Позволь только посмотреть на Финиста ясна сокола, я тебе и даром уступлю!» Царевна согласилась и опять приколола платье Финиста ясна сокола булавкою. Опять красна девица горько плачет над милым и не может разбудить его. На третий день она сидит на берегу синего моря такая печальная, грустная и кормит своего коня калеными угольями. Увидала царевна, что конь жаром кормится, и стала торговать его. «Позволь только посмотреть на Финиста ясна сокола, я тебе его даром отдам!» Царевна согласилась, прибежала во дворец и говорит: «Финист ясен сокол! Дай я тебе в голове поищу». Села в голове искать и воткнула ему в волосы булавку — он тотчас заснул крепким сном; после посылает своих мамок за красной девицей.

Та пришла, будит своего милого, обнимает, целует, а сама горько-горько плачет; нет, не просыпается! Стала ему в голове искать и выронила нечаянно волшебную булавку,— Финист ясен сокол, цветные перышки, тотчас проснулся, увидел красну девицу и так-то обрадовался! Она ему рассказала все как было: как позавидовали ей злые сестры, как она странствовала и как торговалась с царевною. Он полюбил ее больше прежнего, поцеловал в уста сахарные и велел, не мешкая, созвать бояр и князей и всякого чину людей. Стал у них спрашивать: «Как вы рассудите, с которой женою мне век коротать — с этой ли, что меня продавала, или с этою, что меня выкупала?» Все бояре и князья и всякого чину люди в один голос решили: взять ему ту, которая выкупала, а ту, что его продавала, повесить на воротах и расстрелять. Так и сделал Финист ясен сокол, цветные перышки!

236—237. ЕЛЕНА ПРЕМУДРАЯ

236

В стародревние годы в некоем царстве, не в нашем государстве, 130а
случилось одному солдату у каменной башни на часах стоять; башня была на замок заперта и печатью запечатана, а дело-то было ночью. Ровно в двенадцать часов слышится солдату, что кто-то гласит из этой башни: «Эй, служивый!» Солдат спрашивает: «Кто меня кличет?» — «Это я — нечистый дух, — отзывается голос из-за железной решетки, — тридцать лет как сижу здесь не пивши, не евши». — «Что ж тебе надо?» — «Выпусти меня на волю; как будешь в нужде, я тебе сам пригожусь; только помяни меня — и я в ту ж минуту явлюсь к тебе на выручку». Солдат тотчас сорвал печать, разломал замок и отворил двери — нечистый вылетел из башни, взвился кверху и сгинул быстрей молнии. «Ну,— думает солдат,— наделал я дела; вся моя служба ни за грош пропала. Теперь засадят меня под арест, отдадут под военный суд и,

чего доброго,— заставят сквозь строй прогуляться; уж лучше убегу, пока время есть». Бросил ружье и ранец на землю и пошел куда глаза глядят.

Шел он день, и другой, и третий; разобрал его голод, а есть и пить нечего; сел на дороге, заплакал горькими слезами и раздумался: «Ну, не глуп ли я? Служил у царя десять лет, завсегда был сыт и доволен, каждый день по три фунта хлеба получал; так вот нет же! Убежал на волю, чтобы помереть голодною смертию. Эх, дух нечистый, всему ты виною». Вдруг откуда ни взялся — стал перед ним нечистый и спрашивает: «Здравствуй, служивый! О чем горюешь?» — «Как мне не горевать, коли третий день с голоду пропадаю».— «Не тужи, это дело поправное!» — сказал нечистый, туда-сюда бросился, притащил всяких вин и припасов, накормил-напоил солдата и зовет его с собою: «В моем доме будет тебе житье привольное; пей, ешь и гуляй, сколько душа хочет, только присматривай за моими дочерьми — больше мне ничего не надобно». Солдат согласился; нечистый подхватил его под руки, поднял высоко-высоко на воздух и принес за тридевять земель, в тридесятое государство — в белокаменные палаты.

У нечистого было три дочери — собой красавицы. Приказал он им слушаться того солдата и кормить и поить его вдоволь, а сам полетел творить пакости; известно — нечистый дух! На месте никогда не сидит, а все по свету рыщет да людей смущает, на грех наводит. Остался солдат с красными девицами, и такое ему житье вышло, что и помирать не надо. Одно его кручинит: каждую ночь уходят красные девицы из дому, а куда уходят — неведомо. Стал было их про то расспрашивать, так не сказывают, запираются. «Ладно же, — думает солдат, — буду целую ночь караулить, а уж усмотрю, куда вы таскаетесь». Вечером лег солдат на постель, притворился, будто крепко спит, а сам ждет не дождется — что-то будет?

Вот как пришла пора-время, подкрался он потихоньку к девичьей спальне, стал у дверей, нагнулся и смотрит в замочную скважинку. Красные девицы принесли волшебный ковер, разостлали по́ полу, ударились о тот ковер и сделались голу́бками; встрепенулись и улетели в окошко. «Что за диво! — думает солдат.— Дай-ка я попробую». Вскочил в спальню, ударился о ковер и обернулся малиновкой, вылетел в окно да за ними вдогонку. Голубки опустились на зеленый луг, а малиновка села под смородинов куст, укрылась за листьями и высматривает оттуда. На то место налетело голубиц видимо-невидимо, весь луг прикрыли; посредине стоял золотой трон. Немного погодя осияло и небо и землю — летит по воздуху золотая колесница, в упряжи шесть огненных змеев; на колеснице сидит королевна Елена Премудрая — такой красы неописанной, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать! Сошла она с колесницы, села на золотой трон; начала подзывать к себе голубок по очереди и учить их разным мудростям. Покончила ученье, вскочила на колесницу и была такова!

Тут все до единой голубки снялись с зеленого лугу и полетели каждая в свою сторону, птичка-малиновка вспорхнула вслед за тремя сестрами и вместе с ними очутилась в спальне. Голубки ударились о ковер —

сделались красными девицами, а малиновка ударилась — обернулась солдатом. «Ты откуда?» — спрашивают его девицы. «А я с вами на зеленом лугу был, видел прекрасную королевну на золотом троне и слышал, как учила вас королевна разным хитростям».— «Ну, счастье твое, что уцелел! Ведь эта королевна — Елена Премудрая, наша могучая повелительница. Если б при ней да была ее волшебная книга, она тотчас бы тебя узнала — и тогда не миновать бы тебе злой смерти. Берегись, служивый! Не летай больше на зеленый луг, не дивись на Елену Премудрую; не то сложишь буйну голову». Солдат не унывает, те речи мимо ушей пропускает; дождался другой ночи, ударился о ковер и сделался птичкой-малиновкой. Прилетела малиновка на зеленый луг, спряталась под смородинов куст, смотрит на Елену Премудрую, любуется ее красотой ненаглядною и думает: «Если б такую жену добыть — ничего б в свете пожелать не осталося! Полечу-ка я следом за нею да узнаю, где она проживает».

Вот сошла Елена Премудрая с золотого трона, села на свою колесницу и понеслась по воздуху к своему чудесному дворцу; следом за ней и малиновка полетела. Приехала королевна во дворец; выбежали к ней навстречу няньки и мамки, подхватили ее под руки и увели в расписные палаты. А птичка-малиновка, порхнула в сад, выбрала прекрасное дерево, что как раз стояло под окном королевниной спальни, уселась на веточке и начала петь так хорошо да жалобно, что королевна целую ночь и глаз не смыкала — все слушала. Только взошло красное солнышко, закричала Елена Премудрая громким голосом: «Няньки и мамки, бегите скорее в сад; изловите мне птичку-малиновку!» Няньки и мамки бросились в сад, стали ловить певчую пташку; да куды им, старухам! Малиновка с кустика на кустик перепархивает, далеко не летит и в руки не дается.

Не стерпела королевна, выбежала в зеленый сад, хочет сама ловить птичку-малиновку; подходит к кустику — птичка с ветки не трогается, сидит опустя крылышки — словно ее дожидается. Обрадовалась королевна, взяла птичку в руки, принесла во дворец, посадила в золотую клетку и повесила в своей спальне. День прошел, солнце закатилось, Елена Премудрая слетала на зеленый луг, воротилась, начала снимать уборы, разделась и легла в постель. Малиновка смотрит на ее тело белое, на ее красу ненаглядную и вся как есть дрожит. Как только уснула королевна, птичка-малиновка обернулась мухою, вылетела из золотой клетки, ударилась об пол и сделалась добрым молодцем. Подошел добрый мо́лодец к королевниной кроватке, смотрел-смотрел на красавицу, не выдержал и чмок ее в уста сахарные. Видит — королевна просыпается, обернулся поскорей мухою, влетел в клетку и стал птичкой-малиновкой.

Елена Премудрая раскрыла глаза; глянула кругом — нет никого. «Видно,— думает,— мне во сне это пригрезилось!» Повернулась на другой бок и опять заснула. А солдату крепко не терпится; попробовал в другой и в третий раз — чутко спит королевна, после всякого поцелуя пробуждается. За третьим разом встала она с постели и говорит: «Тут что-нибудь да недаром: дай-ка посмотрю в волшебную книгу». Посмотрела в свою волшебную книгу и тотчас узнала, что сидит в золотой клетке не простая птичка-малиновка, а молодой солдат. «Ах ты невежа!— закричала Елена

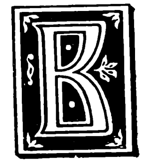
Премудрая.— Выходи-ка из клетки. За твою неправду ты мне жизнью ответишь».

Нечего делать — вылетела птичка-малиновка из золотой клетки, ударилась об пол и обернулась добрым молодцем. Пал солдат на колени перед королевною и зачал просить прощения. «Нет тебе, негодяю, прощения»,— отвечала Елена Премудрая и крикнула палача и плаху рубить солдату голову. Откуда ни взялся — стал перед ней великан с топором и с плахою, повалил солдата наземь, прижал его буйную голову к плахе и поднял топор. Вот махнет королевна платком, и покатится молодецкая голова!.. «Смилуйся, прекрасная королевна,— просит солдат со слезами,— позволь напоследях песню спеть».— «Пой, да скорей!» Солдат затянул песню такую грустную, такую жалобную, что Елена Премудрая сама расплакалась; жалко ей стало доброго мо́лодца, говорит она солдату: «Даю тебе сроку десять часов; если ты сумеешь в это время так хитро спрятаться, что я тебя не найду, то выйду за тебя замуж; а не сумеешь этого дела сделать — велю рубить тебе голову».

Вышел солдат из дворца, забрел в дремучий лес, сел под кустик, задумался-закручинился: «Ах, дух нечистый! Все из-за тебя пропадаю». В ту ж минуту явился к нему нечистый: «Что тебе, служивый, надобно?» — «Эх,— говорит,— смерть моя приходит! Куда я от Елены Премудрой спрячуся?» Нечистый дух ударился о сырую землю и обернулся сизокрылым орлом: «Садись, служивый, ко мне на́ спину; я тебя занесу в поднебесье». Солдат сел на орла: орел взвился кверху и залетел за облака-тучи черные. Прошло пять часов, Елена Премудрая взяла волшебную книгу, посмотрела — и все словно на ладони увидела; возгласила она громким голосом: «Полно, орел, летать по поднебесью; опускайся на низ — от меня ведь не укроешься». Орел опустился наземь.

Солдат пуще прежнего закручинился: «Что теперь делать? Куда спрятаться?» — «Постой,— говорит нечистый,— я тебе помогу». Подскочил к солдату, ударил его по щеке и оборотил булавкою, а сам сделался мышкою, схватил булавку в зубы, прокрался во дворец, нашел волшебную книгу и воткнул в нее булавку. Прошли последние пять часов. Елена Премудрая развернула свою волшебную книгу, смотрела-смотрела — книга ничего не показывает; крепко рассердилась королевна и швырнула ее в печь. Булавка выпала из книги, ударилась об пол и обернулась добрым молодцем. Елена Премудрая взяла его за руку. «Я,— говорит,— хитра, а ты и меня хитрей!» Не стали они долго раздумывать, перевенчались и зажили себе припеваючи.

237

некотором царстве, в некотором государстве была у царя золотая рота; в этой роте служил солдат по имени Иван — собой молоде́ц. Полюбил его государь и зачал чинами жаловать: в короткое время сделал его полковником. Вот старшее начальство ему позавидовало: «За что так мы служили до своих чинов лет по тридцати, а он все чины сразу схватил? Надо его *130b*

извести, а то и нас перегонит». Вздумали как-то генералы и думные бояре пó морю прогуляться, нарядили корабль, пригласили с собой и Ивана-полковника; выехали в открытое море и гуляли до позднего вечера. Иван утомился, лег на койку и заснул крепким сном; бояре и генералы только того и дожидались; взяли его, положили в шлюпку и пустили нá море, а сами назад воротились. Немного погодя набежали тучи, зашумела буря, поднялись волны и понесли шлюпку неведомо куда, занесли ее далеко-далеко и выкинули на остров. Тут Иван пробудился, смотрит,— место пустынное, корабля и следов нет, а море страшно волнуется. «Видно,— думает,— корабль бурей разбило, и все мои товарищи потонули; слава богу, что сам-то уцелел!» Пошел он осматривать остров; ходил-ходил — не видать нигде ни зверя прыскучего, ни птицы перелетной, ни жилья человеческого.

Долго ли, коротко ли — набрел Иван на подземный ход. Тем ходом спустился в глубокую пропасть и попал в подземное царство, где жил и царствовал шестиглавый змей. Увидал белокаменные палаты, вошел туда — в первой палате пусто, в другой нет никого, а в третьей спит богатырским сном шестиглавый змей; возле него стол стоит, на столе огромная книга лежит. Иван развернул ту книгу, читал, читал и дочитался до той страницы, где было сказано, что царь не может царя родить, а родится-де царь от царицы; взял — выскоблил эти слова ножичком и наместо их написал, что царица не может царя родить, а завсегда царь от царя родится.

Через час времени повернулся змей на другой бок, как п..... — таково громко, что сам проснулся, а Иван ажно ахнул. «Послушай, батюшка,— говорит он змею,— пора тебе вставать». Змей услыхал человеческий голос, окинул глазами гостя и спрашивает: «Ты откуда явился? Сколько лет живу я на свете, а доселева не видал в моем царстве ни единого человека».— «Как откуда? Да ведь я твой сын! Вот сейчас повернулся ты на другой бок да как грохнешь — я и выскочил...» — «А ну,— говорит змей,— дай-ка я посмотрю в книгу: может ли царь царя родить». Развернул свою книгу, прочитал, что в ней сказано, и уверился: «Правда твоя, сынок!» Взял Ивана за руку, повел по всем кладовым, показал ему богатства несчетные, и стали они жить-поживать вместе.

Прошло сколько-то времени, говорит шестиглавый змей: «Ну, сынок, вот тебе ключи от всех палат; всюду ходи — куда тебе захочется, только не смей заглядывать в одну палату, что заперта двумя замками, золотым да серебряным. А я полечу теперь кругом света, людей посмотрю, себя повеселю». Отдал ключи и улетел из подземного царства по белому свету гулять. Остался Иван один-одинехонек; живет месяц, другой и третий... вот уж и год на исходе; скучно ему сделалось, вздумал палаты осматривать, ходил-ходил и очутился как раз у запретной комнаты. Не стерпел добрый мóлодец, вынул ключи, отомкнул оба замка, золотой и серебряный, и отворил дверь дубовую.

В этой комнате сидят две дéвицы — на цепях прикованы: одна царевна Елена Премудрая, а другая ее прислужница. У царевны — золотые крылышки, у служанки — серебряные. Говорит Елена Премудрая: «Здрав-

ствуй, добрый мóлодец! Сослужи-ка нам службу невеликую, дай нам по стаканчику ключевой воды испить». Иван, глядя на ее красу несказанную, позабыл совсем про змея; жалко ему стало бедных затворниц, налил он два стакана ключевой воды и подал красным дéвицам. Они выпили, встрепенулися — железные кольца распаялись, тяжелые цепи свалилися, захлопали красные дéвицы крыльями и улетели в открытое окно. Тут только Иван опомнился, запер пустую комнату, вышел на крыльцо и сел на ступеньке, повесил свою буйную голову ниже могучих плеч и крепко-крепко запечалился: как ему будет ответ держать?

Вдруг засвистали ветры, поднялась сильная буря — прилетел шестиглавый змей: «Здравствуй, сынок!» Иван ни слова не отвечает. «Что ж ты молчишь? Али худо какое сделалось?» — «Худо, батюшка! Не соблюл я твоего запрету, заглянул в ту комнату, где сидели две дéвицы, на цепях прикованы; дал им ключевой воды испить; они выпили, встрепенулись, захлопали крыльями и улетели в открытое окно». Змей страшно рассердился, начал его ругать-поносить всячески; потом взял железный прут, накалил докрасна и отвесил ему три удара по спине. «Ну,— говорит,— счастье твое, что ты мой сын! А не то съел бы тебя живого». Как только зажила спина у Ивана, стал он проситься у змея: «Батюшка, позволь мне пойти по свету — поискать Елену Премудрую».— «Ну, куда тебе! Я ее добывал ровно тридцать три года и еле-еле ухитрился поймать». — «Отпусти, батюшка! Дай попытать счастья». — «А по мне, пожалуй! Вот тебе ковер-самолет: куда захочешь — туда и вынесет. Только жаль мне тебя, потому что Елена Премудрая больно хитра; если и поймаешь ее, она все-таки обойдет и обманет тебя».

Иван сел на ковер-самолет, вылетел из подземного царства и не успел моргнуть, как очутился в прекрасном саду. Подошел он к пруду, сел под ракитовым кусточком и стал смотреть-любоваться, как в светлой воде золотые и серебряные рыбки гуляют. Не прошло и пяти минут, как прилетела туда Елена Премудрая вместе с своею служанкою; тотчас сняли они свои крылышки, положили около кустика, разделись донага и бросились в воду купаться. Иван утащил потихоньку крылышки, вышел из-под ракитового кустика и крикнул громким голосом: «А! Теперь вы в моих руках». Красные дéвицы выскочили из пруда, набросили на себя платья, приступили к доброму мóлодцу и давай его молить-упрашивать, чтобы отдал им крылышки. «Нет,— отвечает Иван,— ни за что не отдам; полюбилась ты мне, Елена Премудрая, пуще солнца ясного; теперь повезу тебя к отцу, к матери, женюсь на тебе, и будешь ты моя жена, а я твой муж». Говорит ему царевнина служанка: «Слушай, добрый мóлодец! На Елене Премудрой ты жениться хочешь; а меня-то зачем держишь? Лучше отдай мои крылышки: в некое время я сама тебе пригожусь». Иван подумал-подумал и отдал ей серебряные крылышки; она быстро их подвязала, встрепенулась и улетела далёко-далёко.

После того сделал Иван ящичек, положил в него золотые крылышки и крепко на замок запер; сел на ковер-самолет, посадил с собой и Елену Премудрую и полетел в свое государство. Прилетает к отцу, к матери, приводит к ним свою нареченную невесту и просит любить ее и жало-

вать. Тут пошло веселье, какого никто не видал! На другой день отдает Иван своей матери ключик от ящика. «Побереги,— просит,— до поры до времени, никому ключа не давай; а я пойду — к царю явлюсь да позову его на свадьбу». Только что ушел, прибегает Елена Премудрая: «Матушка! Дай мне ключик от ящика; надо платье достать, к венцу наряжаться». Мать, ничего не ведая, отдала ей ключ без всякой опаски. Елена Премудрая бросилась к ящику, отворила крышку, взяла свои крылышки, подвязала, хлопнула ими раз-другой — только ее и видели! Воротился жених домой: «Матушка! Где же моя невеста? Пора к венцу собираться».— «Ах, сынок, ведь она улетела!»

Глубоко́ вздохнул добрый мо́лодец, распрощался с отцом с матерью, сел на ковер-самолет и полетел в подземное царство к шестиглавому змею. Увидал его змей и говорит: «Ну что, удалая голова! Ведь я недаром сказывал, что не добыть тебе Елены Премудрой, а и добудешь — так она проведет тебя».— «Правда твоя, батюшка! Да уж что ни будет, а еще попытаюсь; поеду ее сватать».— «Эх ты, неугомонный! Ведь у ней такой завет положо́н: всякий, кто за нее посватается, должен до трех раз прятаться, и коли она найдет его, тотчас велит рубить голову. Много к ней богатырей приезжало, да все до единого сложили свои буйные головы; и тебе то же готовится. Слушай же: вот тебе кремень и огниво; как заставит тебя Елена Премудрая прятаться, ты ударь в кремень огнивом, выруби огонек и прижги ковыль-траву; в ту ж минуту явится сизокрылый орел и подымет тебя за третьи облака. Не удастся это дело, выруби опять огонек и пусти в синее море — приплывет к берегу щука-рыба огромная и возьмет тебя — унесет в пучину морскую. Коли и здесь найдет тебя Елена Премудрая, то уж больше от нее негде прятаться!» Взял Иван кремень и огниво, поблагодарил шестиглавого змея и полетел на ковре-самолете.

Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, залетел он за тридевять земель, в тридесятое государство, где жила Елена Премудрая. Дворец ее словно жар горел — был он вылит из чистого серебра и золота; у ворот на железных спицах торчало одиннадцать голов богатырских. Призадумался Иван, добрый мо́лодец: «Одиннадцать голов на спицы подняты; моя, верно, будет двенадцатая!» Опустился на широкий двор, вступил на крылечко высокое и идет прямо в светлицу. Встречает его Елена Премудрая. «Ты,— говорит,— зачем пожаловал?» — «Хочу тебя замуж взять».— «Ну что ж! Попробуй; коли сумеешь от меня спрятаться — пойду за тебя замуж; а не сумеешь — головой поплатишься». Иван вышел в чистое поле, достал кремень и огниво, вырубил огонек и прижег ковыль-траву. Вдруг откуда не́ взялся — прилетел сизокрылый орел и молвил человечьим голосом: «Скорей, добрый мо́лодец, садись на меня и держись крепче, не то свалишься».

Иван сел на орла, обхватил его крепко руками; орел взмахнул крыльями, поднялся высоко вверх и забрался за третьи облака. Кажись, хорошо запрятался — никому не найти; да у Елены Премудрой есть такое зеркало: стоит только заглянуть в него, так вся вселенная и откроется; разом узнаешь, где и что в белом свете творится. Вот подошла она к этому

зеркалу, заглянула в него и тотчас узнала всю подноготную. «Полно, хитрец! — крикнула Елена громким голосом. — Вижу — залетел ты за третьи облака, занес тебя сизокрылый орел, а теперь время на землю спускаться».

Иван спустился на землю, слез с орла и пошел на взморье, ударил по кремню огнивом, вырубил огонек и пустил его на синее море. Вдруг откуда ни взялась — приплыла к берегу щука-рыба огромная. «Ну, добрый мо́лодец, — говорит щука, — полезай ко мне в рот, я тебя на дне моря спрячу». Разинула пасть, проглотила мо́лодца, опустилась вместе с ним в пучину морскую и кругом песками засыпалась. «Ну, — думает Иван, — авось ладно будет!» Не тут-то было; Елена Премудрая только глянула в зеркало и все сразу узнала: «Полно, хитрец! Вижу — забрался ты в щуку-рыбу огромную и сидишь теперь в пучине морской, под песками сыпучими. Время на сушу выходить!» Щука-рыба выплыла к берегу, выбросила из себя доброго мо́лодца и опять ушла в море. Воротился Иван к Елене Премудрой на широкий двор, сел на крылечко и крепко призадумался-пригорюнился.

На ту пору бежит по лесенке служанка Елены Премудрой: «О чем пригорюнился, добрый мо́лодец?» — «Как мне веселому быть? Коли в третий раз не спрячуся, то надобно с белым светом прощаться. Вот и сижу да смерти дожидаюся». — «Не тужи, не вещуй худого на свою буйную голову; было время: обещалась я тебе пригодиться — не пустое слово молвила; пойдем, я тебя спрячу». Взяла его за руку, повела во дворец и посадила за зеркало. Немного погодя прибегает Елена Премудрая; уж она глядела-глядела в зеркало — нет, не видать жениха; вот и срок прошел, рассердилась она и ударила с до́сады по зеркалу; стекло вдребезги распалося — и явился перед нею Иван, добрый мо́лодец. Тут, нечего делать, пришлось покориться. У Елены Премудрой не мед варить, не вино курить; в тот же день честным пирком да за свадебку; обвенчались они и стали себе жить-поживать, добра наживать.

238. ГУСЛИ-САМОГУДЫ

некотором царстве, в некотором государстве жил-был 131
мужик, а у этого мужика был сын. Мужика звали Алексеем, а сына Ванькою. Вот приходит лето. Алексей вспахал землю и посеял репу. И такая-то хорошая уродилась репа, да большая, да крупная, что и господи! Рад мужик, каждое утро ходит на поле, любуется репкою да бога благодарит. Один раз приметил он, что кто-то ворует у него репу, и начал караулить; караулил-караулил — нет никого! Посылает он Ваньку: «Поди ты, присмотри за репою».

Приходит Ванька в поле, смотрит — а какой-то мальчик репу роет, наклал два мешка, да такие большие, что и ну: взвалил их, сердешный, на спину, насилу тащит — ноги так и подгибаются, инда спина хрустит! Вот мальчик тащил-тащил, невмоготу, вишь, стало, бросил мешки наземь, глядь — а перед ним стоит Ванька. «Сделай милость, добрый человек, пособи мне дотащить мешки до дому; дедушка подарит тебя, пожалует». А Ванька как увидал мальчика, так и с места не тронется, вытаращил на него глаза да все и смотрит, пристально смотрит; после очнулся и говорит ему: «Ништо, хорошо!» Взвалил Ванька на плеча два мешка с репою и понес за мальчиком, а мальчик впереди бежит, припрыгивает и говорит: «Меня дедушка кажный день посылает за репою. Коли ты будешь носить ему, он даст тебе много серебра и золота; только ты не бери, а проси гусли-самогуды».

Вот, ладно, пришли они в избу; в углу сидит седой старик с рогами. Ванька поклонился. Старик дает ему комок золота за работу; у Ваньки глаза разгорелись, а мальчик шепчет: «Не бери!» — «Не надо,— бает Ванька,— дай мне гусли-самогуды, и вся репа твоя». Как сказал он про гусли-самогуды, у старика глаза на вершок выкатились, рот до ушей раскрылся, а рога так на лбу и запрядали. Ваньку страх взял; а мальчик и говорит: «Подари, дедушка!» — «Многого хошь! Ну, да так и быть: бери себе гусли, только отдай мне то, что тебе дома всего дороже». Ванька думает: домишко наш чуть в землю не врос; чему там быть дорогому! «Согласен!» — говорит; взял гусли-самогуды и пошел домой. Приходит, а отец его мертвый на пороге сидит. Погоревал, поплакал, похоронил отца и пошел искать счастья.

Добрался до одного большого города, где жил да был великий государь. Супротив дворца было поле, на том поле свиньи паслись. Ванька подошел к пастуху, купил у него свиней и начал пасти. Как только заиграет он в гусли-самогуды, сейчас все стадо и запляшет! Вот однажды царя дома не случилося, царевна подсела к окошечку, глядит — Ванька сидит на пенечке да играет в гусли-самогуды, а перед ним свиньи пляшут. Посылает царевна свою девушку, просит у пастуха продать ей хоть одну свинку. Ванька говорит: «Пусть сама придет!» Приходит царевна: «Пастух, пастух! Продай мне свинку».— «У меня свинки не продажные, а заветные».— «А какой завет?» — «Да коли угодно, царевна, свинку получить, так покажи мне свое бело тело до колен». Царевна подумала-подумала, поглядела на все на четыре стороны — никого нет, приподняла до колен платье, а у ней на правой ноге небольшое родимое пятнышко. Отдал пастух свинку, царевна велела привести ее во дворец, собрала музыкантов и заставила играть. Хочется посмотреть, как будет свинка выплясывать; а свинка только по углам прячется, визжит да хрюкает...

Приехал царь и вздумал отдавать свою дочь замуж. Созывает он всех бояр, и вельмож, и купцов, и крестьян; съезжаются к нему из чужих земель короли и королевичи и всякие люди. «Кто узнает,— говорит царь,— на моей дочке приметы — за того и замуж отдам». Никто не мог разузнать: как ни старались, как ни добивались, ничего не проведали. Вот напоследях вызвался Ванька: я-де узнаю, и сказал, что у царевны

на правой ноге есть небольшое родимое пятнышко. «Угадал!» — говорит царь, взял — повенчал его на своей дочери и задал пир на целый мир. Сделался Ванька царским зятем и зажил припеваючи.

239. ЦАРЕВНА, РАЗРЕШАЮЩАЯ ЗАГАДКИ

Жил-был старик; у него было три сына, третий-от Иван- 132
дурак. Какой-то был тогда царь — это давно уж было; у него была дочь. Она и говорит отцу: «Позволь мне, батюшка, отгадывать загадки; если у кого отгадаю загадки, тому чтобы голову ссекли, а не отгадаю, за того пойду замуж». Тотчас сделали клич; многие являлись, всех казнили: царевна отгадывала загадки. Иван-дурак говорит отцу: «Благословляй, батюшка! Я пойду к царю загадывать загадки!» — «Куда ты, дурак! И лучше-то тебя, да казнят!» — «Благословишь — пойду, и не благословишь — пойду!» Отец благословил. Иван-дурак поехал, видит: на дороге хлеб, в хлебе лошадь; он выгнал ее кнутиком, чтоб не отаптывала, и говорит: «Вот загадка есть!» Едет дальше, видит змею, взял ее заколол копьем и думает: «Вот другая загадка!»

Приезжает к царю; его приняли и велят загадывать загадки. Он говорит: «Ехал я к вам, вижу на дороге добро, в добре-то добро же, я взял добро-то да добром из добра и выгнал; добро от добра и из добра убежало». Царевна хватила книжку, смотрит: нету этой загадки; не знает разгадать и говорит отцу: «Батюшка! У меня сегодня головушка болит, мысли помешались; я завтра разгадаю». Отложили до завтра. Ивану-дураку отвели комнату. Он вечером сидит, покуривает трубочку; а царевна выбрала верную горнишну, посылает ее к Ивану-дураку: «Поди,— говорит,— спроси у него, что́ это за загадка; сули ему злата и серебра, чего угодно».

Горнишна приходит, стучится; Иван-дурак отпер двери, она вошла и спрашивает загадку, сулит горы золота и серебра. Иван-дурак и говорит: «На что мне деньги! У меня своих много. Пусть царевна простоит всю ночь не спавши в моей горнице, дак скажу загадку». Царевна услышала это, согласилась, стояла всю ночь — не спала. Иван-дурак утром сказал загадку, что выгнал из хлеба лошадь. И царевна разгадала.

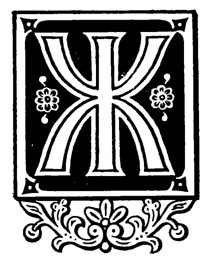
Иван-дурак стал другую загадывать: «Ехал я к вам, на дороге вижу зло, взял его да злом и ударил, зло от зла и умерло». Царевна опять схватила книжку, не может разгадать загадку и отпросилась до утра. Вечером посылает горнишну узнать у Ивана-дурака загадку: «Сули,— говорит,— ему денег!» — «На что мне деньги! У меня своих много,— отвечает Иван-дурак,— пусть царевна простоит ночь не спавши, тогда

скажу загадку». Царевна согласилась, не спала ночь и загадку разгадала.

Третью загадку Иван-дурак так не стал загадывать, а велел собрать всех сенаторов и загадал, как царевна не умела отгадывать те загадки и посылала к нему горнишну подкупать на деньги. Царевна не могла догадаться и этой загадки; опять к нему спрашивать — сулила серебра и золота сколько угодно и хотела отправить домой на прогоне. Не тут-то было! Опять простояла ночь не спавши; он как сказал ей, о чем загадка, — ей разгадывать-то нельзя; о ней, значит, узнают, как и те загадки она выпытывала у Ивана-дурака. И ответила царевна: «Не знаю». Вот веселым пирком, да и за свадебку: Иван-дурак женился на ней; стали жить да быть, и теперь живут.

240. ВЕЩИЙ СОН

ил-был купец, у него было два сына: Дмитрий да Иван. 133
Раз, благословляя их на ночь, сказал им отец: «Ну, дети, кому что во сне привидится — поутру мне поведайте; а кто утаит свой сон, того казнить велю». Вот наутро приходит старший сын и сказывает отцу: «Снилось мне, батюшка, будто брат Иван высоко летал по поднебесью на двенадцати орлах; да еще будто пропала у тебя любимая овца». — «А тебе, Ваня, что привиделось?» — «Не скажу!» — отвечал Иван. Сколько отец ни принуждал его, он уперся и на все увещания одно твердил: «не скажу!» да «не скажу!» Купец рассердился, позвал своих приказчиков и велел взять непослушного сына, раздеть донага и привязать к столбу на большой дороге.

Приказчики схватили Ивана и, как сказано, привязали его нагишом к столбу крепко-накрепко. Плохо пришлось доброму мóлодцу: солнце печет его, комары кусают, голод и жажда измучили. Случилось ехать по той дороге молодому царевичу; увидал он купеческого сына, сжалился и велел освободить его, нарядил в свою одежу, привез к себе во дворец и начал расспрашивать: «Кто тебя к столбу привязал?» — «Родной отец прогневался». — «Чем же ты провинился?» — «Не хотел рассказать ему, чтó мне во сне привиделось». — «Ах, как же глуп твой отец, за такую безделицу да так жестоко наказывать... А что тебе снилось?» — «Не скажу, царевич!» — «Как не скажешь? Я тебя от смерти избавил, а ты мне грубить хочешь? Говори сейчас, не то худо будет». — «Отцу не сказал, и тебе не скажу!» Царевич приказал посадить его в темницу; тотчас прибежали солдаты и отвели его, раба божьего, в каменный мешок.

Прошел год, вздумал царевич жениться, собрался и поехал в чужедальнее государство свататься на Елене Прекрасной. У того царевича была родная сестра, и вскоре после его отъезда случилось ей гулять

Перышко Финиста ясна сокола. Рис. А. М. Куркина

Белая уточка. Рис. А. М. Куркина

Иван-царевич и серый волк. Рис. А. М. Куркина

Баженов. Василиса Прекрасная. 1941 г.

И. Вакуров. Бой с драконом

возле самой темницы. Увидал ее в окошечко Иван купеческий сын и закричал громким голосом: «Смилуйся, царевна, выпусти меня на волю; может, и я пригожусь! Ведь я знаю, что царевич поехал на Елене Прекрасной свататься; только без меня ему не жениться, а разве головой поплатиться. Чай, сама слышала, какая хитрая Елена Прекрасная и сколько женихов на тот свет спровадила».— «А ты берешься помочь царевичу?» — «Помог бы, да крылья у сокола связаны». Царевна тотчас же отдала приказ выпустить его из темницы. Иван купеческий сын набрал себе товарищей, и было всех их и с Иваном двенадцать человек, а похожи друг на дружку словно братья родные — рост в рост, голос в голос, волос в волос. Нарядились они в одинаковые кафтаны, по одной мерке шитые, сели на добрых коней и поехали в путь-дорогу.

Ехали день, и два, и три; на четвертый подъезжают к дремучему лесу, и послышался им страшный крик. «Стойте, братцы!» — говорит Иван.— Подождите немножко, я на тот шум пойду». Соскочил с коня и побежал в лес; смотрит — на поляне три старика ругаются. «Здравствуйте, старые! Из-за чего у вас спор?» — «Эх, младой юноша! Получили мы от отца в наследство три диковинки: шапку-невидимку, ковер-самолет и сапоги-скороходы; да вот уже семьдесят лет как спорим, а поделиться никак не можем».— «Хотите, я вас разделю?» — «Сделай милость!» Иван купеческий сын натянул свой тугой лук, наложил три стрелочки и пустил в разные стороны; одному старику велит направо бежать, другому — налево, а третьего посылает прямо: «Кто из вас первый принесет стрелу, тому шапка-невидимка достанется; кто второй явится, тот ковер-самолет получит; а последний пусть возьмет сапоги-скороходы». Старики побежали за стрелками; а Иван купеческий сын забрал все диковинки и вернулся к своим товарищам. «Братцы,— говорит,— пускайте своих добрых коней на волю да садитесь ко мне на ковер-самолет».

Живо уселись все на ковер-самолет и полетели в царство Елены Прекрасной; прилетели к ее стольному городу, опустились у заставы и пошли разыскивать царевича. Приходят на его двор. «Что вам надобно?» — спросил царевич. «Возьми нас, добрых молодцев, к себе на службу; будем тебе радеть и добра желать от чистого сердца». Царевич принял их на свою службу и распределил кого в повара, кого в конюхи, кого куда. В тот же день нарядился царевич по-праздничному и поехал представляться Елене Прекрасной. Она его встретила ласково, угостила всякими ествами и дорогими напитками и потом стала спрашивать: «А скажи, царевич, по правде, зачем к нам пожаловал?» — «Да хочу, Елена Прекрасная, за тебя посвататься; пойдешь ли за меня замуж?» — «Пожалуй, я согласна; только выполни наперед три задачи. Если выполнишь — буду твоя, а нет — готовь свою голову под острый топор».— «Задавай задачу!» — «Будет у меня завтра; а что — не скажу; ухитрись-ка, царевич, да принеси к моему незнаемому свое под пару».

Воротился царевич на свою квартиру в большой кручине и печали. Спрашивает его Иван купеческий сын: «Что, царевич, не весел? Али чем досадила Елена Прекрасная? Поделись своим горем со мною; тебе легче будет».— «Так и так,— отвечает царевич,— задала мне Елена Прекрасная

9 Заказ № 101

такую задачу, что ни один мудрец в свете не разгадает».— «Ну, это еще небольшая беда! Молись-ка богу да ложись спать; утро вечера мудренее, завтра дело рассудим». Царевич лег спать, а Иван купеческий сын надел шапку-невидимку да сапоги-скороходы и марш во дворец к Елене Прекрасной; вошел прямо в почивальню и слушает. Тем временем Елена Прекрасная отдавала такой приказ своей любимой служанке: «Возьми эту дорогую материю и отнеси к башмачнику; пусть сделает башмачок на мою ногу, да как можно скорее».

Служанка побежала куда приказано, а следом за ней и Иван пошел. Мастер тотчас же за работу принялся, живо сделал башмачок и поставил на окошко; Иван купеческий сын взял тот башмачок и спрятал потихоньку в карман. Засуетился бедный башмачник — из-по́д носу пропала работа; уж он искал-искал, все уголки обшарил — все понапрасну! «Вот чудо! — думает.— Никак нечистый со мной пошутил?» Нечего делать, взялся опять за иглу, сработал другой башмачок и понес к Елене Прекрасной. «Экий ты мешкотный!— сказала Елена Прекрасная.— Сколько времени за одним башмаком провозился!» Села она за рабочий столик, начала вышивать башмак золотом, крупным жемчугом унизывать, самоцветными камнями усаживать. А Иван тут же очутился, вынул свой башмачок и сам то же делает: какой она возьмет камушек, такой и он выбирает; где она приткнет жемчужину, там и он насаживает. Кончила работу Елена Прекрасная, улыбнулась и говорит: «С чем-то царевич завтра покажется?» — «Подожди,— думает Иван,— еще неведомо, кто кого перехитрит!»

Воротился домой и лег спать; на заре на утренней встал он, оделся и пошел будить царевича; разбудил и дает ему башмачок: «Поезжай,— говорит,— к Елене Прекрасной и кажи башмачок — это ее первая задача!» Царевич умылся, принарядился и поскакал к невесте; а у ней гостей собрано полны комнаты — всё бояре да вельможи, люди думные. Как приехал царевич, тотчас заиграла музыка, гости с мест повскакивали, солдаты на караул сделали. Елена Прекрасная вынесла башмачок, крупным жемчугом унизанный, самоцветными камнями усаженный; а сама глядит на царевича, усмехается. Говорит ей царевич: «Хорош башмак, да без пары ни на что не пригоден! Видно, подарить тебе другой такой же!» С этим словом вынул он из кармана другой башмачок и положил его на стол. Тут все гости в ладоши захлопали, в один голос закричали: «Ай да царевич! Достоин жениться на нашей государыне, на Елене Прекрасной».— «А вот увидим! — отвечала Елена Прекрасная.— Пусть исполнит другую задачу».

Вечером поздно воротился царевич домой еще пасмурней прежнего. «Полно, царевич, печалиться! — сказал ему Иван купеческий сын.— Молись-ка богу да ложись спать; утро вечера мудренее». Уложил его в постель, а сам надел сапоги-скороходы да шапку-невидимку и побежал во дворец к Елене Прекрасной. Она в то самое время отдавала приказ своей любимой служанке: «Сходи поскорей на птичий двор да принеси мне уточку». Служанка побежала на птичий двор, и Иван за нею; служанухватила уточку, а Иван селезня, и тем же путем назад пришли. Елена

Прекрасная села за рабочий столик, взяла утку, убрала ей крылья лентами, хохолок бриллиантами; Иван купеческий сын смотрит да то же творит над селезнем. На другой день у Елены Прекрасной опять гости, опять музыка; выпустила она свою уточку и спрашивает царевича: «Угадал ли мою задачу?» — «Угадал, Елена Прекрасная! Вот к твоей уточке пара»,— и пускает тотчас селезня... Тут все бояре в один голос крикнули: «Ай да молодец царевич! Достоин взять за себя Елену Прекрасную».— «Постойте, пусть исполнит наперед третью задачу».

Вечером воротился царевич домой такой пасмурный, что и говорить не хочет. «Не тужи, царевич, ложись лучше спать; утро вечера мудренее»,— сказал Иван купеческий сын; сам поскорей надел шапку-невидимку да сапоги-скороходы и побежал к Елене Прекрасной. А она собралась на сине море ехать, села в коляску и во всю прыть понеслася; только Иван купеческий сын ни на шаг не отстает. Приехала Елена Прекрасная к морю и стала вызывать своего дедушку. Волны заколыхалися, и поднялся из воды старый дед — борода у него золотая, на голове волосы серебряные. Вышел он на́ берег: «Здравствуй, внучка! Давненько я с тобою не виделся; поищи-ка у меня в головушке». Лег к ней на колени и задремал сладким сном; Елена Прекрасная ищет у деда в голове, а Иван купеческий сын у ней за плечами стоит.

Видит она, что старик заснул, и вырвала у него три серебряных волоса; а Иван купеческий сын не три волоса, а целый пучок выхватил. Дед проснулся и закричал: «Что ты, с ума сошла? Ведь больно!» — «Прости, дедушка! Давно тебя не чесала, все волоса перепутались». Дед успокоился и немного погодя опять захрапел. Елена Прекрасная вырвала у него три золотых волоса; а Иван купеческий сын схватил его за бороду и чуть не всю оторвал. Страшно вскрикнул дед, вскочил на ноги и бросился в море. «Теперь царевич попался! — думает Елена Прекрасная.— Таких волос ему не добыть». На следующий день собрались к ней гости; приехал и царевич. Елена Прекрасная показывает ему три волоса серебряные да три золотые и спрашивает: «Видал ли ты где этакое диво?» — «Нашла чем хвастаться! Хочешь, я тебе целый пучок подарю». Вынул и подал ей клок золотых волос да клок серебряных.

Рассердилась Елена Прекрасная, побежала в свою почивальню и стала смотреть в волшебную книгу: сам ли царевич угадывает или кто ему помогает? И видит по книге, что не он хитёр, а хитёр его слуга — Иван купеческий сын. Воротилась к гостям и пристала к царевичу: «Пришли-де ко мне своего любимого слугу».— «У меня их двенадцать».— «Пришли того, что Иваном зовут».— «Да их всех зовут Иванами».— «Хорошо,— говорит,— пусть все приедут!» — а в уме держит: «Я и без тебя найду виноватого!» Отдал царевич приказание — и вскоре явились во дворец двенадцать добрых молодцев, его верных слуг; все на одно лицо, рост в рост, голос в голос, волос в волос. «Кто из вас большой[1]?» — спросила Елена Прекрасная. Они разом все закричали: «Я большой! Я большой!» — «Ну,— думает она,— тут спроста ничего не узнаешь!» — и велела

[1] Старший.

подать одиннадцать простых чарок, а двенадцатую золотую, из которой завсегда сама пила; налила те чарки дорогим вином и стала добрых молодцев потчевать. Никто из них не берет простой чарки, все к золотой потянулись и давай ее вырывать друг у друга; только шуму наделали да вино расплескали!

Видит Елена Прекрасная, что штука ее не удалася; велела этих молодцев накормить-напоить и спать во дворе положить. Вот ночью, как уснули все крепким сном, она пришла к ним с своею волшебною книгою, глянула в ту книгу и тотчас узнала виновного; взяла ножницы и остригла у него висок. «По этому знаку я его завтра узнаю и велю казнить». Поутру проснулся Иван купеческий сын, взялся рукой за голову — а висок-то острижен; вскочил он с постели и давай будить товарищей: «Полно спать, беда близко! Берите-ка ножницы да стригите виски». Через час времени позвала их к себе Елена Прекрасная и стала отыскивать виноватого; что за чудо? На кого ни взглянет — у всех виски острижены. С досады ухватила она свою волшебную книгу и забросила в печь. После того нельзя было ей отговариваться, надо было выходить замуж за царевича. Свадьба была веселая; три дня народ без просыпу пьянствовал, три дня кабаки и харчевни стояли отворены — кто хошь приходи, пей и ешь на казенный счет!

Как покончились пиры, царевич собрался с молодою женою ехать в свое государство; а двенадцать добрых молодцев вперед отпустил. Вышли они за́ город, разостлали ковер-самолет, сели и поднялись выше облака ходячего; летели-летели и опустились как раз у того дремучего лесу, где своих добрых коней покинули. Только успели сойти с ковра, глядь — бежит к ним старик со стрелкою. Иван купеческий сын отдал ему шапку-невидимку. Вслед за тем прибежал другой старик и получил ковер-самолет; а там и третий — этому достались сапоги-скороходы. Говорит Иван своим товарищам: «Седлайте, братцы, лошадей, пора в путь отправляться». Они тотчас изловили лошадей, оседлали их и поехали в свое отечество. Приехали и прямо к царевне явились; та им сильно обрадовалась, расспросила о своем родном братце, как он женился и скоро ль домой будет? «Чем же вас,— спрашивает,— за такую службу наградить?» Отвечает Иван купеческий сын: «Посади меня в темницу, на старое место». Как его царевна ни уговаривала, он таки настоял на своем; взяли его солдаты и отвели в темницу.

Через месяц приехал царевич с молодою супругою; встреча была торжественная: музыка играла, в пушки палили, в колокола звонили, народу собралось столько, что хоть по головам ступай! Пришли бояре и всякие чины представляться царевичу; он осмотрелся кругом и стал спрашивать: «Где же Иван, мой верный слуга?» — «Он,— говорят,— в темнице сидит».— «Как в темнице? Кто смел посадить?» Докладует ему царевна: «Ты же сам, братец, на него опалился и велел держать в крепком заточении. Помнишь, ты его про какой-то сон расспрашивал, а он сказать не хотел».— «Неужли ж это он?» — «Он самый; я его на время к тебе отпускала». Царевич приказал привести Ивана купеческого сына, бросился к нему на шею и просил не попомнить старого зла. «А знаешь, царе-

вич,— говорит ему Иван,— все, что с тобою случилося, мне было наперед ведомо; все это я во сне видел; оттого тебе и про сон не сказывал». Царевич наградил его генеральским чином, наделил богатыми именьями и оставил во дворце жить. Иван купеческий сын выписал к себе отца и старшего брата, и стали они все вместе жить-поживать, добра наживать.

241. ВЕЩИЙ СОН

или-были мужик да баба, и стало им по ночам чудиться, 134 будто под печкою огонь горит и кто-то стонет: «Ой, душно! Ой, душно!» Мужик рассказал про то соседям, а соседи присоветовали ему сходить в ближний город: там-де живет купец Асон, мастер разгадывать всякий сон. Вот мужик собрался и пошел в город; шел-шел и остановился на дороге переночевать у одной бедной вдовы. У вдовы был сын — мальчишка лет пяти; глянул тот мальчик на мужика и говорит: «Старичок! Я знаю, куда ты идешь».— «А куда?» — «К богатому купцу Асону. Смотри же, станет он тебе сон разгадывать и попросит половину того, что лежит под печкою; ты ему половины не давай, давай одну четверть. А коли спросит, кто тебя научил, про меня не сказывай».

На другой день поутру встал мужик и отправился дальше; приходит в город, разыскал Асонов двор и явился к хозяину. «Что тебе надобно?» — «Да вот, господин купец, чудится мне по ночам, будто в моей избушке под печкою огонь горит и кто-то жалобно стонет: ой, душно, ой, душно! Нельзя ли разгадать мой сон?» — «Разгадать-то можно, только дашь ли мне половину того, что у тебя под печкою?» — «Нет, половины не дам; будет с тебя и четверти». Купец было заспорил, да видит, что мужик стоит на своем крепко, и согласился; призвал рабочих с топорами, с лопатами и поехал вместе с ними к старику в дом. Приехал и велел ломать печь; как только печь была сломана, половицы подняты, сейчас и оказалась глубокая ямища — в косую сажень будет, и вся-то набита серебром да золотом.

Старик обрадовался и принялся делить этот клад на четыре части. А купец давай его выспрашивать: «Кто тебя научил, старичок, давать мне четверть, а не давать половины?» — «Никто не учил, самому в голову пришло».— «Врешь! Не с твоим умом догадаться. Слушай: коли признаешься, кто тебя научил, так все деньги твои будут; не возьму с тебя и четвертой доли». Мужик подумал-подумал, почесал в затылке и сказал: «А вот как поедешь домой, увидишь на дороге избушку; в той избушке живет бедная вдова, и есть у ней сын-малолеток — он самый и научил меня».

Купец тотчас в повозку и погнал лошадей скорою рысью. Приехал к бедной вдове. «Позволь,— говорит,— отдохнуть маленько да чайку испить».— «Милости просим!» Асон уселся на лавку, начал чай распивать, а сам все на мальчика поглядывает. На ту пору прибежал в избу петух, захлопал крыльями и закричал: «Кукуреку!» — «Экой голосистый какой! — сказал купец.— Хотел бы я знать, про что ты горланишь?» — «Пожалуй, я тебе скажу,— промолвил мальчик,— петух вещует. что придет время — будешь ты в бедности, а я стану владеть твоими богатствами». Напился купец чаю, стал собираться домой и говорит вдове: «Отдай мне своего сынишку; будет он жить у меня на всем на готовом, в довольстве, в счастии и не узнает, что такое бедность. Да и тебе лучше — лишняя обуза с рук долой!»

Мать подумала, что и в самом деле у купцов жизнь привольнее, благословила сына и отдала его Асону с рук нá руки. Асон привез мальчика в свой дом и велел идти на кухню; потом позвал повара и отдал ему такой приказ: «Зарежь ты мне того мальчика, вынь из него печень да сердце и приготовь к обеду». Повар воротился на кухню, взял нож и принялся на бруске точить. Мальчик залился слезами и стал спрашивать: «Дядюшка! Для чего ты нож точишь?» — «Хочу барашка колоть».— «Неправда твоя! Ты хочешь меня резать». У повара и нож из рук вывалился, жалко ему стало загубить душу человеческую. «Рад бы,— говорит,— отпустить тебя, да боюсь хозяина».— «Не бойся! Поди возьми у суки щенка, вынь из него печень да сердце, зажарь и подай своему хозяину». Повар так и сделал, угостил Асона собачиной, а мальчика до поры до времени у себя спрятал.

Месяца через два, через три приснился тамошнему королю такой сон: будто есть у него во дворце три золотые блюда, прибежали псы и зачали из тех блюд лакать. Задумался король, что бы такое тот сон значил? Кого ни спрашивал, никто ему не мог рассудить. Вот вздумал он послать за Асоном; рассказал ему свой сон и велел разгадывать, а сроку положил три дня: «Если в тот срок не отгадаешь, то все твое имение на себя возьму». Воротился Асон от короля сам не свой; ходит пасмурный да сердитый, кого ни встретит — всякому затрещину дает; а пуще всех на повара напустился: зачем-де мальчишку со свету сжил? Он бы теперь пригодился мне! На те речи повар возьми да и признайся, что мальчик-то живехонек. Асон тотчас потребовал его к себе. «А ну, — говорит, — отгадай мой сон; снилось мне нынешней ночью, будто есть у меня три золотые блюда и будто из тех блюд золотых псы лакали». Отвечает ему мальчик: «Это не тебе снилося, это снилося государю».— «Угадал, молодец! А что значит этот сон?» — «Знать-то я знаю, да тебе не скажу; вези меня к королю, перед ним ничего не скрою».

Асон приказал заложить коляску, мальчика на запятки поставил и поехал во дворец; подкатил к высокому крыльцу, вошел в белокаменные палаты и отдал королю поклон. «Здравствуй, Асон! Отгадал ли мой сон?» — спрашивает король. «Эх, государь! Твой сон не больно мудрен; не то что я, его малый ребенок рассудить может. Коли хочешь, позови моего мальчика; он тебе все как по-писаному расскажет». Король прика-

зал привести мальчика, и как только привели его во дворец, начал про свой сон выспрашивать. Отвечал мальчик: «Пусть-ка наперед Асон рассудит, а то вишь он какой! Ничего не ведая, чужим разумом жить хочет».— «Ну, Асон, говори ты прежде». Асон упал на колени и признался, что не может отгадать королевского сна. Тогда выступил мальчик и сказал королю: «Государь! Сон твой правдивый: есть у тебя три дочери — три королевны прекрасные; согрешили они перед богом и перед тобою и на днях родят тебе по внуку». Как сказал пятилеток, так и случилося; король отобрал у Асона все его имение и отдал тому мальчику.

242. СОЛЬ

В некоем городе жил-был купец, у него было три сына: пер- 135
вый — Федор, другой — Василий, а третий — Иван-дурак. Жил тот купец богато, на своих кораблях ходил в чужие земли и торговал всякими товарами. В одно время нагрузил он два корабля дорогими товарами и отправил их за́ море с двумя старшими сыновьями. А меньшой сын Иван завсегда ходил по кабакам, по трактирам, и потому отец ничего не доверял ему по торговле; вот как узнал он, что его братья за́ море посланы, тотчас явился к отцу и стал у него проситься в иные земли — себя показать, людей посмотреть да своим умом барыши зашибить. Купец долго не соглашался: «Ты-де все пропьешь и головы домой не привезешь!» — да, видя неотступную его просьбу, дал ему корабль с самым дешевым грузом: с бревнами, тесом и досками.

Собрался Иван в путь-дорогу, отвалил от берега и скоро нагнал своих братьев; плывут они вместе по синему морю день, другой и третий, а на четвертый поднялись сильные ветры и забросили Иванов корабль в дальнее место, к одному неведомому острову. «Ну, ребята,— закричал Иван корабельным работникам,— приворачивайте к берегу». Пристали к берегу, он вылез на остров, приказал себя дожидаться, а сам пошел по тропинке; шел-шел и добрался до превеликой горы, смотрит — в той горе ни песок, ни камень, а чистая русская соль. Вернулся назад к берегу, приказал работникам все бревна и доски в воду покидать, а корабль нагрузить солью. Как скоро это сделано было, отвалил Иван от острова и поплыл дальше.

Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли — приплыл корабль к большому богатому городу, остановился в пристани и якорь бросил. Иван купеческий сын сошел в город и отправился к тамошнему царю бить челом, чтобы позволил ему торговать по вольной цене; а для показу понес узелок своего товару — русской соли. Тотчас доложили про его приход государю; царь его позвал и спрашивает: «Говори, в чем дело —

какая нужда?» — «Так и этак, ваше величество! Позволь мне торговать в твоем городе по вольной цене».— «А каким товаром торги ведешь?» — «Русской солью, ваше величество!» А царь про соль и не слыхивал: во всем его царстве без соли ели. Удивился он, что́ такой за новый, небывалый товар? «А ну,— говорит,— покажь!» Иван купеческий сын развернул платок; царь взглянул и подумал про себя: «Да это просто-напросто белый песок!» И говорит Ивану с усмешкою: «Ну, брат, этого добра у нас и без денег дают!»

Вышел Иван из царских палат весьма печален, и вздумалось ему: «Дай пойду в царскую кухню да посмотрю, как там повара кушанья готовят — какую они соль кладут?» Пришел на кухню, попросился отдохнуть маленько, сел на стул и приглядывается. Повара то и дело взад-вперед бегают: кто варит, кто жарит, кто льет, а кто на чумичке вшей бьет. Видит Иван купеческий сын, что повара и не думают солить кушанья; улучил минутку, как они все из кухни повыбрались, взял да и всыпал соли, сколько надобно, во все ествы и приправы. Наступило время обед подавать; принесли первое кушанье. Царь отведал, и оно ему так вкусно показалося, как никогда прежде; подали другое кушанье — это еще больше понравилось.

Призвал царь поваров и говорит им: «Сколько лет я царствую, а никогда так вкусно вы не готовили. Как вы это сделали?» Отвечают повара: «Ваше величество! Мы готовили по-старому, ничего нового не прибавляли; а сидит на кухне тот купец, что приходил вольного торгу просить: уж не он ли подложил чего?» — «Позвать его сюда!» Привели Ивана купеческого сына к царю на допрос; он пал на колени и стал просить прощения: «Виноват, царь-государь! Я русскою солью все ествы и приправы сдобрил; так-де в нашей стороне водится».— «А почем соль продаешь?» Иван смекнул, что дело на лад идет, и отвечал: «Да не очень дорого: за две меры соли — мера серебра да мера золота». Царь согласился на эту цену и купил у него весь товар.

Иван насыпал полон корабль серебром да золотом и стал дожидаться попутного ветра; а у того царя была дочь — прекрасная царевна, захотелось ей посмотреть на русский корабль, и просится она у своего родителя на корабельную пристань. Царь отпустил ее. Вот она взяла с собой нянюшек, мамушек и красных девушек и поехала русский корабль смотреть. Иван купеческий сын стал ей показывать, как и что называется: где паруса, где снасти, где нос, где корма, и завел ее в каюту; а работникам приказал — живо якоря отсечь, паруса поднять и в море выходить. И как было им большое поветрие, то́ они скоро убежали от того города на далекое расстоянье. Царевна вышла на пулубу, глянула — кругом море, и заплакала. Иван купеческий сын начал ее утешать, уговаривать, от слез останавливать; и как он собою красавец был, то царевна скоро улыбнулась и перестала печалиться.

Долго ли, коротко ли плыл Иван с царевною по́ морю; нагоняют его старшие братья, узнали про его удаль и счастье и крепко позавидовали; пришли к нему на корабль, схватили его за руки и бросили в море; а после кинули промеж себя жребий и поделились так: большой брат

взял царевну, а середний — корабль с серебром и золотом. И случись на ту пору, как сбросили Ивана с корабля, плавало вблизи одно из тех бревен, которые он сам же покидал в море. Иван ухватился за то бревно и долго носился с ним по морским глубинам; наконец прибило его к неведомому острову.

Вышел он на землю и пошел по берегу — попадается ему навстречу великан с огромными усами, на усах вачеги[1] висят — после дождя сушит. «Что тебе здесь надобно?» — спрашивает великан. Иван рассказал ему все, что случилося. «Хочешь, я тебя домой отнесу; завтра твой старший брат на царевне женится; садись-ка ко мне на спину». Взял его, посадил на спину и побежал через море; тут у Ивана с головы шапка упала. «Ах,— говорит,— ведь я шапку сронил!» — «Ну, брат, далеко твоя шапка — верст с пятьсот назади осталась»,—отвечал великан; принес его на родину, спустил наземь и говорит: «Смотри же, никому не хвались, что ты на мне верхом ездил; а похвалишься — раздавлю тебя!» Иван купеческий сын обещал не хвалиться, поблагодарил великана и пошел домой.

Приходит, а уж там все за свадебным столом сидят, собираются в церковь ехать. Как увидала его прекрасная царевна, тотчас выскочила из-за стола, бросилась на шею. «Вот,— говорит,— мой жених, а не тот, что за столом сидит!» — «Что такое?» — спрашивает отец; Иван ему рассказал про все, как он солью торговал, как царевну увез и как старшие братья его в море спихнули. Отец рассердился на больших сыновей, согнал их со двора долой, а Ивана обвенчал на царевне. Начался у них веселый пир; на пиру гости подпили и стали хвастаться; кто силою, кто богатством, кто молодой женою. А Иван сидел-сидел да спьяна и сам похвастался: «Это что за похвальбы! Вот я так могу похвалиться: на великане через все море верхом проехал!» Только вымолвил — в ту же минуту является у ворот великан: «А, Иван купеческий сын, я тебе приказывал не хвалиться мною, а ты что сделал?» — «Прости меня! — молит Иван купеческий сын.— То не я хвалился, то хмель хвалился».— «А ну, покажи: какой-такой хмель?»

Иван приказал привезть сороковую бочку вина да сороковую бочку пива; великан выпил и вино и пиво, опьянел и пошел все, что ни попалось под руку, ломать и крушить; много доброго натворил: сады поваляд, хоромы разметал! После и сам свалился и спал без просыпу трое суток; а как пробудился, стали ему показывать, сколько он бед наделал; великан страх как удивился и говорит: «Ну, Иван купеческий сын, узнал я, каков хмель; хвались же ты мною отныне и дó веку».

[1] Суконные или шерстяные рукавицы, обшитые сверху кожей.

243. ЗОЛОТАЯ ГОРА

136

ромотался-прогулялся купеческий сын, до того пришло, что есть нечего; взял он лопату, вышел на торговую площадь и стал поджидать — не наймет ли кто в работники. Вот едет семисотный купец в раззолоченной карете; увидали его поденщики и все, сколько ни было, врозь рассыпались, по углам попрятались. Оставался на площади всего-навсего один купеческий сын. «Хочешь работы, молодец? Наймись ко мне»,— говорит семисотный купец. «Изволь; я за тем на площадь пришел».— «А что возьмешь?» — «Положи на день по сотне рублев, с меня и будет!» — «Что так дорого?» — «А дорого, так поди — ищи дешевого; вишь, сколько народу здесь было, а ты приехал — все разбежались».— «Ну, ладно! Приходи завтра на пристань». На другой день поутру пришел купеческий сын на пристань; семисотный купец давно его дожидается. Сели они на корабль и поехали в море.

Ехали-ехали — посреди моря остров виднеется, на том острове стоят горы высокие, а у самого берега что-то словно огнем горит. «Никак пожар виден!» — говорит купеческий сын. «Нет, это мой золотой дворец». Привалили к острову, вышли нá берег; навстречу семисотному купцу прибежала жена вместе с дочкою, а дочь — такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать. Тотчас они поздоровались, пошли во дворец и нового работника с собой взяли; сели за стол, стали пить-есть, веселиться. «Куда день ни шел! — говорит хозяин.— Сегодня попируем, а завтра и за работу примемся». А купеческий сын был собою молодец, статный, рослый, кровь с молоком; полюбился он красной дéвице. Вышла она в другую комнату, вызвала его тайком и дала ему кремень да кресало: «Возьми, будешь в нужде — пригодится!»

На другой день семисотный купец отправился с своим работником к высокой золотой горе: лезть на нее — не взлезть, ползти — не всползти! «Ну-ка,— говорит,— выпьем наперед». И поднес ему сонного зелья. Работник выпил и заснул. Купец достал нож, убил ледащую клячу, выпотрошил, положил парня в лошадиное брюхо, сунул туда лопату и зашил, а сам в кустах притаился. Вдруг прилетают вóроны черные, носы железные, ухватили падаль, унесли на гору и ну клевать; съели лошадь и стали было добираться до купеческого сына. Тут он проснулся, от черных воронов отмахнулся, глянул туда-сюда и спрашивает: «Где я?» Отвечает семисотный купец: «На золотой горе; бери-ка лопату да копай золото».

Вот он копал-копал, все на низ бросал; а купец на возы складывал. К вечеру девять возов поспело. «Будет! — говорит семисотный купец.— Спасибо за работу, прощай!» — «А я-то?» — «А ты как знаешь! Вас там на горе девяносто девять сгинуло; с тобой ровно сто будет!» — сказал купец и уехал. «Что тут делать? — думает купеческий сын.— Сойти с горы никак нельзя; приходится помереть голодною смертью!» Стоит на горе, а над ним так и вьются вóроны черные, носы железные: видно, добычу почуяли! Стал он припоминать, как все это сделалось, и пришло ему на ум, как вызывала его красная дéвица, подавала кремень да креса-

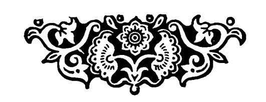
ло, а сама приговаривала: «Возьми, будешь в нужде — пригодится!» — «А ведь это она недаром сказала! Дай попробую». Вынул купеческий сын кремень и кресало, ударил раз — и тотчас выскочило два мо́лодца: «Что угодно? Чего надобно?» — «Снесите меня с горы к морскому берегу». Только успел вымолвить, они его подхватили и бережно с горы снесли.

Идет купеческий сын по берегу, глядь — мимо острова корабль плывет. «Эй, добрые люди корабельщики! Возьмите меня с собой».— «Нет, брат! Некогда останавливаться, мы за эту остановку сто верст сделаем». Миновали корабельщики остров — стали дуть им ветры встречные, поднялась буря страшная. «Ах! Видно, он не простой человек; лучше воротимся да возьмем его на корабль». Повернули к острову, пристали к берегу, взяли купеческого сына и отвезли его в родной город.

Много ли, мало ли прошло времени — взял купеческий сын лопату, вышел на торговую площадь и ждет наемщика. Опять едет в раззолоченной карете семисотный купец; увидали его поденщики, все врозь рассыпались, по углам попрятались. Оставался один купеческий сын. «Наймись ко мне»,— говорит ему семисотный купец. «Изволь! Положи на день по двести рублев и давай работу».— «Экой дорогой!» — «А дорогой, так поди — поймай дешевого; вишь, сколько народу здесь было, а ты показался — сейчас разбежались».— «Ну, ладно! Приходи завтра на пристань».

Наутро сошлись они у пристани, сели на корабль и поехали к острову. Там один день прогуляли, а другой настал — к золотой горе отправились. Приезжают туда, семисотный купец подносит работнику чарку: «Ну-ка выпей наперед!» —«Постой, хозяин! Ты всему голова, тебе первому и пить; дай я тебя своим попотчую». А уж купеческий сын загодя сонным зельем запасся; налил полный стакан и подает семисотному купцу. Тот выпил и заснул крепким сном. Купеческий сын зарезал самую дрянную клячу, выпотрошил, положил своего хозяина в лошадиное брюхо, сунул лопату и зашил, а сам в кустах спрятался.

Вдруг прилетели во́роны черные, носы железные, подхватили падаль, унесли на́ гору и принялись клевать. Пробудился семисотный купец, глянул туда-сюда: «Где я?» — спрашивает. «На горе; бери-ка лопату да копай золото; коли много накопаешь, научу — как с горы спуститься». Семисотный купец взялся за лопату, копал-копал, двенадцать возов накопал. «Ну, теперь довольно! — говорит купеческий сын.— Спасибо за труд, прощай!» — «А я-то?» — «А ты как знаешь! Вас там на горе девяносто девять сгинуло; с тобой ровно сотня будет!» Забрал купеческий сын все двенадцать возов, приехал в золотой дворец, женился на красной де́вице, дочке купца семисотного; овладел всем его богатством и со всей семьей переехал жить в столицу. А семисотный купец так на горе и остался; заклевали его во́роны черные, носы железные.

244—246. ЧУДЕСНАЯ ДУДКА

244

Жил-был поп с попадьею; у них был сын Иванушка и была дочь Аленушка. Раз Аленушка и просится: «Матушка, матушка! Я пойду в лес за ягодами, уж все подружки пошли».— «Ступай, да возьми с собой брата».— «Зачем? Он такой ленивый, все равно ничего не соберет!» «Ничего, возьми! А кто из вас больше ягод соберет, тому подарю красные чоботы [1]». Вот пошли брат с сестрой за ягодами, пришли в лес. Иванушка все рвет да рвет да в кувшинчик кладет, а Аленушка все ест да ест, все ест да ест; только две ягодки в положила в коробку. Глядит: у ней пусто, а Иванушка уж полный кувшин набрал. Завистно стало Аленушке. «Давай, — говорит, — братец, я поищу у тебя в головке». Он лег к ней на колени и заснул. Аленушка тотчас вынула острый нож и зарезала братца; выкопала яму и схоронила его, а кувшин с ягодами себе взяла. 137a

Приходит домой и отдает ягоды матери. «Где же твой братец Иванушка?» — спрашивает попадья. «Должно быть, в лесу отстал да заблудился; я его звала-звала, искала-искала — нет нигде». Отец с матерью долго-долго ждали Иванушку, так и не дождались.

А на могиле Иванушки выросла большая да ровная-ровная тростинка. Шли мимо овчары со стадом, увидали и говорят: «Какая славная тростинка выросла!» Один овчар срезал ее и сделал себе жилейку [2]. «Дай-ка, — говорит,— попробую!» Поднес к губам, жилейка и заиграла:

По малу, малу, вивчарику, грай!
Не врази ты мого́ серденька вкрай!
Мини сестрица-зрадница [3]
За красны ягодки, за червонни чоботки!

«Ах, какая чудесная дудка! — говорит овчар.— Как чисто выговаривает; ну, эта жилейка дорогого стоит». — «А дай-ка я попробую!» — говорит другой; взял жилейку, приложил к губам — и у него то же самое заиграла; попытал третий — и у третьего то же!

Пришли овчары в деревню, остановились возле поповой хаты: «Батюшка! Пусти нас переночевать».— «У меня тесно»,— отвечает поп. «Пусти, мы тебе диковинку покажем». Поп пустил их и спрашивает: «Не видали ли где мальчика, зовут Иванушкою? Пошел за ягодами, да и след пропал».— «Нет, не видали; а вот мы срезали по дороге тростинку, и какая чудесная жилейка из нее вышла: сама играет!» Вынул овчар жилейку и заиграл:

[1] Сапоги.
[2] Дудку, свирель.
[3] *Зрада* — измена. Иногда вместо овчаров говорится о купцах, которые ехали мимо с обозом и сделали дудку; дудка играет: «По малу, малу, москалику, грай!» и проч.

По малу, малу, вивчарику, грай!
Не врази ты мого́ серденька вкрай!
Мини сестрица-зрадница
За красны ягодки, за червонни чоботки!

«А ну-ка дай я поиграю»,— говорит поп; взял жилейку и заиграл:

По малу, малу, батеньку, грай!
Не врази ты мого́ серденька вкрай!
Мини сестрица-зрадница
За красны ягодки, за червонни чоботки!

«Ах, уж это не мой ли Иванушка сгублен?» — сказал поп и позвал жену: «Ну-ка, поиграй ты». Попадья взяла жилейку и заиграла:

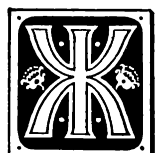
По малу, малу, матусенько, грай!
Не врази ты мого́ серденька вкрай!
Мини сестрица-зрадница
За красны ягодки, за червонни чоботки!

«А где дочка?» — спрашивает поп; а Аленушка уж спряталась, в темном углу притаилась. Нашли ее. «Ну-ка заиграй!» — говорит отец. «Я не умею».— «Ничего, играй!» Она было отнекиваться да отец пригрозил и заставил взять жилейку. Только что Аленушка приложила ее к губам, а жилейка сама выговаривает:

По малу, малу, сестрице, грай!
Не врази ты мого́ серденька вкрай!
Ты ж мини зрадила
За красны ягодки, за червонни чоботки!

Тут Аленушка во всем призналась; отец разгневался и прогнал ее из дому.

245

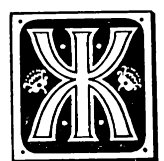
ил старик со старухой. У них детей было двое: сынок Иванушка и дочка Аннушка. Старик начал своих детей посылать в лес за ягодками, наказывает им: «Детки! Который из вас нарвет больше ягодок, тому поясок куплю шелковый». Они возрадовались и немедля пошли. Иванушка был меньшее детище, нарвал больше Аннушкиного; Аннушка из досады, что отец не ей купит поясок, озлившись, убила своего брата и схоронила его в том лесу. Пришла домой и сказала отцу, что брат мой Иванушка неизвестно куда ушел. 137h

Спустя несколько времени после того над могилой Иванушкиной выросла тростинка. Мимопроезжие купцы ее срезали, сделали дудку, и как начали играть в нее — изумились; из дудки выходил такой голос: «Подуди-ка, подуди-ка, дядюшка! Не ты меня убил, не ты меня сгубил; убила меня сестра моя — за красные ягодки, за шелковый поясок». Поехали те

купцы в село, и случилось им ночевать у Иванушкина отца; объявили ему про чудесную дудку и просили старика поиграть. Старик начал дудеть, а дудочка начала ему говорить: «Подуди-ка, подуди-ка, батюшка! Не ты меня убил, не ты меня сгубил; убила меня сестра моя Аннушка — за красные ягодки, за шелковый поясок».

После того дали сестре поиграть; дудка стала говорить: «Подуди-ка, подуди-ка, сестрица моя Аннушка! Ты меня убила, в лесу сгубила — за красные ягодки, за шелковый поясок». Отец, осердясь на дочку Аннушку, которая тут же призналась, поставил ее на воротах и расстрелял из поганого ружья. На дворе у них была лужа, а в ней щука, а в щуке-то огонец; этой сказочке конец.

246

ил да был старик и старуха. У старика, у старухи не было 137c
ни сына, ни дочери. Вышел старик на улицу, сжал комочек снегу и положил на печку под шубу — и стала девочка Снежевиночка. Пошла она с девушками в лес по ягодки; кто больше всех наберет — той красный сарафан отец с матерью сошьют, ту прежде других замуж отдадут. Снежевиночка побольше всех набрала ягодок; подружки взяли ее да убили, под сосенкой схоронили, катышком укатали, блюдечком утрепали[1]. Воротились в деревню; старик спрашивает: «Где же моя дочка?» — «Она пошла иной дорогой, мы ее искали-искали, кликали-кликали, не могли дозваться; уж солнце село, а ее все нет! Не ночевать же нам в лесу!..»

На могиле Снежевиночки вырос камыш; шли бурлаки да и срезали и сделали дудочку. Пришли к старику, отцу Снежевиночки, да и заиграли; дудочка и говорит: «Ду-ду, ду-ду, батюшка! Ду-ду, ду-ду, свет родной! Ты не знаешь моего горя великого: как меня девушки убили из-за блюдечка, из-за ягодок. Они меня убили, под сосенкой схоронили, катышком укатали, блюдечком утрепали». Старик говорит: «Что за диво, дудочка камышовая, а слова будто живой человек выговаривает». Вот он накормил-напоил бурлаков и просит: «Отдайте мне эту дудочку». Бурлаки отдали. Говорит старик старухе: «Давай-ка разломим дудочку да посмотрим, что там в середке есть?» Как разломили дудочку — так и выскочила оттуда девочка Снежевиночка. Старик и старуха обрадовались, стали с ней жить да быть да колпаки кроить. Тебе дали, мне послали; вот и сказка вся, больше и сказать нельзя.

[1] Сравняли, сгладили (*Ред.*).

247. ПТИЧИЙ ЯЗЫК

одном городе жил купец с купчихою, и дал им господь сына не по годам смышленого, по имени Василия. Раз как-то обедали они втроем; а над столом висел в клетке соловей и так жалобно пел, что купец не вытерпел и проговорил: «Если б сыскался такой человек, который отгадал бы мне вправду, что соловей распевает и какую судьбу предвещает, кажись — при жизни бы отдал ему половину имения, да и по смерти отказал много добра». А мальчик — ему было лет шесть тогда — посмотрел отцу с матерью в глаза озойливо[1] и сказал: «Я знаю, что́ соловей поет, да сказать боюсь».— «Говори без утайки!» — пристали к нему отец с матерью, и Вася со слезами вымолвил: «Соловей предвещает, что придет пора-время, будете вы мне служить: отец станет воду подавать, а мать полотенце — лицо, руки утирать». Слова эти больно огорчили купца с купчихою, и решились они сбыть свое детище; построили небольшую лодочку, в темную ночь положили в нее сонного мальчика и пустили в открытое море. На ту пору вылетел из клетки соловей-вещун, прилетел в лодку и сел мальчику на плечо. 138с

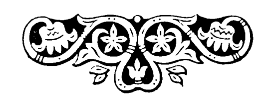
Вот плывет лодка по́ морю, а навстречу ей корабль на всех парусах летит. Увидал корабельщик мальчика, жалко ему стало, взял его к себе, расспросил про все и обещал держать и любить его, как родного сына. На другой день говорит мальчик новому отцу: «Соловей-де напевает, что подымется буря, поломает мачты, прорвет паруса; надо поворотить в становище». Но корабельщик не послушался. И впрямь поднялась буря, поломала мачты, оборвала паруса. Делать нечего, прошлого не воротишь; поставили новые мачты, поправили паруса и поплыли дальше. А Вася опять говорит: «Соловей-де напевает, что навстречу идут двенадцать кораблей, всё разбойничьих, во полон нас возьмут!» На тот раз корабельщик послушался, приворотил к острову и видел, как те двенадцать кораблей, всё разбойничьих, пробежали мимо.

Выждал корабельщик сколько надобно и поплыл дальше. Ни мало, ни много прошло времени, пристал корабль к городу Хвалынску; а у здешнего короля уже несколько годов перед дворцовыми окнами летают и кричат ворон с воронихою и вороненком, ни днем, ни ночью никому угомону[2] не дают. Что ни делали, никакими хитростями не могут их от окошек отжить[3]; даже дробь не берет! И приказано было от короля прибить на всех перекрестках и пристанях такову грамоту: ежели кто сможет отжить от дворцовых окошек ворона с воронихою, тому король отдаст в награду полцарства своего и меньшую королевну в жены; а кто возьмется за такое дело, а дела не сделает, тому отрублена будет голова. Много было охотников породниться с королем, да все головы свои под топор положили

[1] Пристально.
[2] Покоя.
[3] Отогнать.

Узнал про то Вася, стал проситься у корабельщика: «Позволь пойти к королю — отогнать ворона с воронихою». Сколько ни уговаривал его корабельщик, никак не мог удержать. «Ну, ступай,— говорит,— да если что недоброе случится — на себя пеняй!» Пришел Вася во дворец, сказал королю и велел открыть то самое окно, возле которого воронье летало. Послушал птичьего крику и говорит королю: «Ваше величество, сами видите, что летают здесь трое: ворон, жена его ворониха и сын их вороненок; ворон с воронихою спорят, кому принадлежит сын — отцу или матери, и просят рассудить их. Ваше величество! Скажите, кому принадлежит сын?» Король говорит: «Отцу». Только изрек король это слово, ворон с вороненком полетели вправо, а ворониха — влево.

После того король взял мальчика к себе, и жил он при нем в большой милости и чести; вырос и стал молодец молодцом, женился на королевне и взял в приданое полцарства. Вздумалось ему как-то поездить по разным местам, по чужим землям, людей посмотреть и себя показать; собрался и поехал странствовать. В одном городе остановился он ночевать; переночевал, встал поутру и велит, чтоб подали ему умываться. Хозяин принес ему воду, а хозяйка подала полотенце; поразговорился с ними королевич и узнал, что то были отец его и мать, заплакал от радости и упал к их ногам родительским; а после взял их с собою в город Хвалынск, и стали они все вместе жить-поживать да добра наживать.

248. ОХОТНИК И ЕГО ЖЕНА

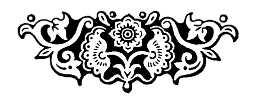
Жил-был охотник, и было у него две собаки. Раз как-то 139
бродил он с ними по лугам, по лесам, разыскивал дичи, долго бродил — ничего не видал, а как стало дело к вечеру, набрел на такое диво: горит пень, а в огне змея сидит. И говорит ему змея: «Изыми, мужичок, меня из огня, из полымя; я тебя счастливым сделаю: будешь знать все, что на свете есть, и как зверь говорит, и что птица поет!» — «Рад тебе помочь, да как?» — спрашивает змею охотник. «Вложи только в огонь конец палки, я по ней и вылезу». Охотник так и сделал. Выползла змея: «Спасибо, мужичок! Будешь разуметь теперь, что́ всякая тварь говорит; только никому про то не сказывай, а если скажешь — смертью помрешь!»

Опять охотник пошел искать дичь, ходил-ходил, и пристигла его ночь темная. «Домой далеко,— подумал он,— останусь-ка здесь ночевать». Развел костер и улегся возле вместе с собаками и слышит, что собаки завели промеж себя разговор и называют друг друга братом. «Ну, брат,— говорит одна,— ночуй ты с хозяином, а я домой побегу, стану двор

караулить. Не ровен час: воры пожалуют!» — «Ступай, брат, с богом!» — отвечает другая. Поутру рано воротилась из дому собака и говорит той, что в лесу ночевала: «Здравствуй, брат!» — «Здорово!» — «Хорошо ли ночь у вас прошла?» — «Ничего, слава богу! А тебе, брат, как дома поспалось?» — «Ох, плохо! Прибежал я домой, а хозяйка говорит: «Вот черт принес без хозяина!» и бросила мне горелую корку хлеба. Я понюхал, понюхал, а есть не стал; тут она схватила кочергу и давай меня потчевать, все ребра пересчитала! А ночью, брат, приходили на двор воры, хотели к амбарам да клетям подобраться, так я такой лай поднял, так зло на них накинулся, что куда уж было думать о чужом добре, только б самим уйти подобру-поздорову! Так всю ночь и провозился!» Слышит охотник, что́ собака собаке сказывает, и держит у себя на уме: «Погоди, жена! Приду домой — уж я те задам жару!»

Вот пришел в избу: «Здорово, хозяйка!» — «Здорово, хозяин!» — «Приходила вчера домой собака?» — «Приходила».— «Что ж, ты ее накормила?» — «Накормила, родимый! Дала ей целую крынку молока и хлеба покрошила».— «Врешь, старая ведьма! Ты дала ей горелую корку да кочергой прибила». Жена повинилась и пристала к мужу, скажи да и скажи, как ты про все узнал. «Не могу,— отвечает муж,— не велено сказывать».— «Скажи, миленький!» — «Право слово, не могу!» — «Скажи, голубчик!» — «Если скажу, так смертью помру».— «Ничего, только скажи, дружок!» Что станешь с бабой делать? Хоть умри, да признайся! «Ну, давай белую рубаху»,— говорит муж.

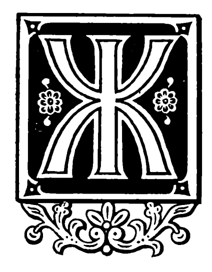
Надел белую рубаху, лег в переднем углу под образа, совсем умирать приготовился, и собирается рассказать хозяйке всю правду истинную. На ту пору вбежали в избу куры, а за ними петух и стал гвоздить[1] то ту, то другую, а сам приговаривает: «Вот я с вами разделаюсь! Ведь я не такой дурак, как наш хозяин, что с одной женой не справится! У меня вас тридцать и больше того, а захочу — до всех доберусь!» Как услыхал эти речи охотник, не захотел быть в дураках, вскочил с лавки и давай учить жену плеткою. Присмирела она: полно приставать да спрашивать!

[1] Клевать, бить.

249—253. ХИТРАЯ НАУКА

249

или себе дед да баба, был у них сын. Старик-то был 140а
бедный; хотелось ему отдать сына в науку, чтоб смолоду был родителям своим на утеху, под старость на перемену, а по смерти на помин души; да что станешь делать, коли достатку нет! Водил он его, водил по городам — авось возьмет кто в ученье; нет, никто не взялся учить без денег. Воротился старик домой, поплакал-поплакал с бабою, потужил-погоревал о своей бедности и опять повел сына в город. Только пришли они в город, попадается им навстречу человек и спрашивает деда: «Что, старичок, пригорюнился?» — «Как мне не пригорюниться! — сказал дед.— Вот водил-водил сына, никто не берет без денег в науку, а денег нетути!» — «Ну так отдай его мне,— говорит встречный,— я его в три года выучу всем хитростям. А через три года, в этот самый день, в этот самый час, приходи за сыном; да смотри: коли не просрочишь — придешь вовремя да узнаешь своего сына — возьмешь его назад; а коли нет, так оставаться ему у меня». Дед так обрадовался, и не спросил: кто такой встречный, где живет и чему учить станет малого? Отдал ему сына и пошел домой. Пришел домой в радости, рассказал обо всем бабе; а встречный-то был колдун.

Вот прошли три года, а старик совсем позабыл, в какой день отдал сына в науку, и не знает, как ему быть. А сын за́ день до срока прилетел к нему малою птичкою, хлопнулся о завалинку и вошел в избу добрым молодцем, поклонился отцу и говорит: завтра-де сравняется как раз три года, надо за ним приходить; и рассказал, куда за ним приходить, и как его узнавать. «У хозяина моего не я один в науке; есть,— говорит,— еще одиннадцать работников, навсегда при нем остались — оттого, что родители не смогли их признать; и только ты меня не признаешь, так и я останусь при нем двенадцатым. Завтра, как придешь ты за мною, хозяин всех нас двенадцать выпустит белыми голубями — перо в перо, хвост в хвост и голова в голову ровны. Вот ты и смотри: все высоко станут летать, а я нет-нет да возьму повыше всех. Хозяин спросит: узнал ли своего сына? Ты и покажь на того голубя, что повыше всех. После выведет он к тебе двенадцать жеребцов — все одной масти, гривы на одну сторону, и собой ровны; как станешь проходить мимо тех жеребцов, хорошенько примечай: я нет-нет да правой ногою и топну. Хозяин опять спросит: узнал своего сына? Ты смело показывай на меня. После того выведет к тебе двенадцать добрых молодцев — рост в рост, волос в волос, голос в голос, все на одно лицо и одежей ровны. Как станешь проходить мимо тех молодцев, примечай-ка: на правую щеку ко мне нет-нет да и сядет малая мушка. Хозяин опять-таки спросит: узнал ли своего сына? Ты и покажь на меня».

Рассказал все это, распростился с отцом и пошел из дому, хлопнулся о завалинку, сделался птичкою и улетел к хозяину. Поутру дед встал, собрался и пошел за сыном. Приходит к колдуну. «Ну, старик,— говорит колдун,— выучил твоего сына всем хитростям. Только, если не признаешь его, оставаться ему при мне на веки вечные». После того выпустил он двенадцать белых голубей — перо в перо, хвост в хвост, голова в голову ровны, и говорит: «Узнавай, старик, своего сына!» Как узнавать-то, ишь все ровны! Смотрел-смотрел, да как поднялся один голубь повыше всех, указал на того голубя: «Кажись, это мой!» — «Узнал, узнал, дедушка!» — сказывает колдун.

В другой раз выпустил он двенадцать жеребцов — все как один, и гривы на одну сторону. Стал дед ходить вокруг жеребцов да приглядываться, а хозяин спрашивает: «Ну что, дедушка! Узнал своего сына?» — «Нет еще, погоди маленько»; да как увидал, что один жеребец топнул правою ногою, сейчас показал на него: «Кажись, это мой!» — «Узнал, узнал, дедушка!» В третий раз вышли двенадцать добрых молодцев — рост в рост, волос в волос, голос в голос, все на одно лицо, словно одна мать родила. Дед раз прошел мимо молодцев — ничего не приметил, в другой прошел — тож ничего, а как проходил в третий раз — увидал у одного молодца на правой щеке муху и говорит: «Кажись, это мой!» — «Узнал, узнал, дедушка!» Вот, делать нечего, отдал колдун старику сына, и пошли они себе домой.

Шли-шли и видят: едет по дороге какой-то барин. «Батюшка,— говорит сын,— я сейчас сделаюсь собачкою; барин станет покупать меня, ты меня-то продай, а ошейника не продавай; не то я к тебе назад не ворочусь!» Сказал так-то да в ту ж минуту ударился оземь и оборотился собачкою. Барин увидал, что старик ведет собачку, зачал ее торговать: не так ему собачка показалася, как ошейник хорош. Барин дает за нее сто рублев, а дед просит триста; торговались-торговались, и купил барин собачку за двести рублев. Только стал было дед снимать ошейник,— куда! — барин и слышать про то не хочет, упирается. «Я ошейника не продавал,— говорит дед,— я продал одну собачку». А барин: «Нет, врешь! Кто купил собачку, тот купил и ошейник». Дед подумал-подумал (ведь и впрямь без ошейника нельзя купить собаку!) и отдал ее с ошейником. Барин взял и посадил собачку к себе, а дед забрал деньги и пошел домой.

Вот барин едет себе да едет, вдруг — откуда ни возьмись — бежит навстречу заяц. «Что,— думает барин, — али выпустить собачку за зайцем да посмотреть ее прыти?» Только выпустил, смотрит: заяц бежит в одну сторону, собака в другую — и убежала в лес. Ждал-ждал ее барин, не дождался и поехал ни при чем. А собачка оборотилась добрым молодцем. Дед идет дорогою, идет широкою и думает: как домой глаза-то показать, как старухе сказать, куда сына девал? А сын уж нагнал его. «Эх, батюшка! — говорит. — Зачем с ошейником продавал? Ну, не повстречай мы зайца, я б не воротился, так бы и пропал ни за́ что!»

Воротились они домой и живут себе помаленьку. Много ли, мало ли прошло времени, в одно воскресенье говорит сын отцу: «Батюшка, я

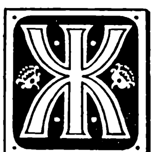
обернусь птичкою, понеси меня на базар и продай; только клетки не продавай, не то домой не ворочусь». Ударился оземь, сделался птичкою; старик посадил ее в клетку и понес продавать. Обступили старика люди, наперебой начали торговать птичку: так она всем показалася! Пришел и колдун, тотчас признал деда и догадался, что́ у него за птица в клетке сидит. Тот дает дорого, другой дает дорого, а он дороже всех; продал ему старик птичку, а клетки не отдает; колдун туда-сюда, бился с ним, бился, ничего не берет! Взял одну птичку, завернул в платок и понес домой. «Ну, дочка, — говорит дома, — я купил нашего шельмеца!» — «Где же он?» Колдун распахнул платок, а птички давно нет; улетела, сердешная!

Настал опять воскресный день. Говорит сын отцу: «Батюшка! Я обернусь нынче лошадью; смотри же, лошадь продавай, а уздечки не моги продавать; не то домой не ворочусь». Хлопнулся о сырую землю и сделался лошадью; повел ее дед на базар продавать. Обступили старика торговые люди, всё барышники: тот дает дорого, другой дает дорого, а колдун дороже всех. Дед продал ему сына, а уздечки не отдает. «Да как же я поведу лошадь-то? — спрашивает колдун.— Дай хоть до двора довести, а там, пожалуй, бери свою узду: мне она не в корысть!» Тут все барышники на деда накинулись: так-де не водится! Продал лошадь — продал и узду. Что с ними поделаешь? Отдал дед уздечку.

Колдун привел коня на свой двор, поставил в конюшню, накрепко привязал к кольцу и высоко притянул ему голову; стоит конь на одних задних ногах, передние до́ земли не хватают. «Ну, дочка,— сказывает опять колдун,— вот когда купил, так купил нашего шельмеца».— «Где же он?» — «На конюшне стоит». Дочь побежала смотреть; жалко ей стало до́бра молодца, захотела подлинней отпустить повод, стала распутывать да развязывать, а конь тем временем вырвался и пошел версты отсчитывать. Бросилась дочь к отцу. «Батюшка,— говорит,— прости! Грех меня попутал, конь убежал!»

Колдун хлопнулся о сырую землю, сделался серым волком и пустился в погоню: вот близко, вот нагонит! Конь прибежал к реке, ударился оземь, оборотился ершом и бултых в воду, а волк за ним щукою. Ерш бежал-бежал водою, добрался к плотам, где красные девицы белье моют, перекинулся золотым кольцом и подкатился купеческой дочери под ноги. Купеческая дочь подхватила колечко и спрятала. А колдун сделался по-прежнему человеком. «Отдай,— пристает к ней,— мое золотое кольцо».— «Бери!» — говорит девица и бросила кольцо наземь. Как ударилось оно, в ту ж минуту рассыпалось мелкими зернами. Колдун обернулся петухом и бросился клевать; пока клевал — одно зерно обернулось ястребом, и плохо пришлось петуху: задрал его ястреб! Тем сказке конец, а мне водочки корец.

250

Жил себе старик со старухою, был у них сын по имени Федор. Задумал старик отдать сына в науку и отдал к одному богатому купцу на три года; а тот купец до всего дошел, все премудрости знал! Вот через три года пошел старик за сыном, стал подходить близко — на ту пору увидал его сын, обернулся ясным соколом, прилетел навстречу и сел ему на голову. Старик ужáхнулся: кто-де меня прельщает? Сокол-птица скочил с головы, ударился о сыру землю и стал таким молодцем, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать; другого такого мóлодца и в свете нет! И говорит: «Здравствуй, батюшка! Ты идешь за мною, только трудно будет меня взять. Купец выведет тебе тридцать жеребцов — все как один, и велит меня узнавать. А я буду третий с правой руки; смотри же, хватай этого жеребца за узду и говори: вот мой сын!» Обернулся опять ясным соколом и улетел в свое место. 140b

Пришел старик к купцу; постучал под окошком и говорит: «Господин купец! Отдай моего сына».— «Хорошо,— отвечает купец,— наперед узнай его». Пошел на конюшню и вывел тридцать жеребцов — все как один, стоят рядом да о землю копытом бьют. Старик стал к жеребцам поближе, посмотрел-поглядел, схватил третьего с правой руки за узду и сказал: «Вот мой сын!» — «Правда! — отвечал купец.— Это твой сын! Только отдать его не согласен; приходи завтра и узнавай снова».

На другой день поутру поднимается старик ранёшенько, умывается белёшенько, сряжается[1] скорёшенько и идет к купцу, а сын опять обернулся ясным соколом, полетел к нему навстречу и сел ему на голову. Старик ужáхнулся и спрашивает: кто-де меня прельщает? Сокол-птица скочил с головы, ударился оземь и стал таким красавцем, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать. И говорит: «Здравствуй, батюшка! Идешь ты за мною, только трудно будет меня взять, да и трудно признать: купец выведет тебе тридцать девиц — все как одна. Смотри же, я натычу в косу булавок, а ты пройдись рукой по всем девицам — по головам: где кольнет, ту девицу и бери за руку и говори: вот мой сын!» Сказал и улетел назад ясным соколом.

Пришел старик, постучался под окошко: «Господин купец! Отдай моего сына». Ну, купец вывел в сад тридцать девиц — все как одна, и говорит: «Выбирай своего сына». Начал старик высматривать да гладить по головам; раз прошел и другой прошел — не признал приметы, пошел в третий — и уколол палец; тотчас взял ту девицу за руку и молвил: «Вот мой сын!» — «Правда,— отвечал купец,— это твой сын! Только отдать его не согласен; приходи ýтре[2] и выбирай снова». Пошел старик домой в тоске-печали, а купец говорит сыну: «Не отец твой мудёр, ты — мудёр!» И давай его бить и рвать, едва жива оставил.

[1] Одевается.
[2] Завтра.

Старик ночь ночевал, поутру поднимается ранёшенько, умывается белёшенько, сряжается крутёшенько[3] и идет к купцу. Сын увидал его, обернулся ясным соколом, полетел навстречу и сел ему на голову. Опять старик ужáхнулся: «Что это за мразь[4] прилетел!» Сокол-птица скочил с головы, ударился оземь и стал таким красавцем, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать. И говорит: «Здравствуй, батюшка! Идешь ты за мною, только трудно меня взять, да и трудно признать: нынче обернет нас купец тридцатью ясными соколами — все как один, выпустит на широкий двор и насыпет белоярой пшеницы, а мы соберемся в одно стадо и станем клевать. Смотри же: все будут зерно клевать, а я стану кругом бегать; по этой примете признаешь меня». Сказал, обернулся ясным соколом и полетел в свое место.

Старик по-прежнему пришел к купцу, постучался под окошко и скричал: «Господин купец, отдай моего сына!» Купец тотчас выпустил тридцать ясных соколов — все как один, насыпал им белоярой пшеницы. «Узнавай,— говорит,— своего сына». Все птицы собрались в одно стадо и стали зерно клевать, а один сокол кругом бегает. Старик подобрался к нему поближе, ухватил за крыло и говорит купцу: «Вот он мой сын!» — «Ну и возьми его! — сказал купец.— Не ты мудёр, мудёр твой сын».

Взял старик сына и направился домой. Идет путем-дорогою, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. На ту пору скачут охотники, промышляют зверя красного: впереди лиса бежит, норовит от них уйти. «Батюшка,— говорит сын,— я обернусь кобелем и схвачу лисицу; как наедут охотники и станут отбивать зверя, молви им: «Господа охотники, у меня свой кучко[5] есть, я тем голову свою кормлю!» Охотники скажут: «Продай нам кучка», ты и продай, да возьми сто рублев».

Тотчас обернулся он кобелем, погнал за лисой и схватил ее. Наехали охотники. «Ах ты, старый, — закричали они, — зачем пришел сюда нашу охоту переймать?» — «Господа охотники, — отвечает старик, — у меня свой кучко есть, я тем голову свою кормлю». Охотники говорят: «Продай кучка».— «Купите».— «А дорог?» — «Сто рублев». Охотники заплатили ему деньги и повели с собой кучка, а старик пустился один домой. Вот охотники ехали-ехали, глядь — бежит лисица, пустили за нею своих кобелей; те гоняли-гоняли, никак догнать не могли. Один охотник говорит: «Пустимте, братцы, нового кобеля!» И только пустили, кобель тотчас нагнал лису, ухватил и убежал вслед за стариком. Догнал отца, ударился о сырую землю и сделался молодцом по-старому, по-прежнему.

Пошли они дальше. Подходят к озеру, охотники стреляют гусей, лебедей и серых уточек. Летит стадо гусиное; говорит сын отцу: «Батюшка! Я обернусь ясным соколом и стану хватать-побивать гусей; придут к тебе охотники, начнут приставать, ты им и скажи: «У меня свой со-

[3] Скоро, поспешно.
[4] Дрянь, пóгань.
[5] Собака.

кол есть, я тем голову свою кормлю!» Будут они торговать сокола, ты продавай да проси два ста рублев». Обернулся ясным соколом, поднялся повыше стада гусиного и стал хватать-побивать гусей да на землю пускать. Старик едва в кучу собирать поспевает.

Как увидали охотники такую добычу, прибежали к старику: «Ах ты, старый! Зачем пришел сюда нашу охоту переймать?» — «Господа охотники! У меня свой сокол есть, я тем голову свою кормлю».— «Не продашь ли сокола?» — «Отчего не продать — купите!» — «А дорог?» — «Два ста рублев». Охотники заплатили деньги и взяли сокола, а старик пошел один. Вот летит другое стадо гусиное. «Пустимте, братцы, сокола!» — сказал один охотник. И только пустили, сокол поднялся повыше стада гусиного, убил одну птицу и полетел вслед за отцом; нагнал отца, ударился о сырую землю и сделался молодцом по-старому, по-прежнему.

Пришли они домой: стоит избушка ветхая. «Батюшка,— говорит сын,— я обернусь жеребцом, веди меня на ярмарку и бери триста рублев: надо лес покупать да новую избу строить. Только смотри: жеребца продавай, а узды не продавай; не то худо будет!» Ударился о сырую землю и оборотился жеребцом; повел его старик на ярмарку и стал продавать. Обступили торговые люди; пришел и тот купец, что все мудрости знал, до всего дошел. «Вот мой супостат! Хорошо же, будешь меня помнить!» — думает про себя. «Что, старичок, продаешь жеребца?» — «Продаю, господин купец».— «Говори, чего стоит?» — «Триста рублев».— «А меньше?» — «Одно слово — триста; меньше не возьму». Заплатил купец деньги и вскочил на жеребца. Старик хотел было узду снять. «Нет, старина, опоздал!» — сказал ему купец и поехал в чистое поле.

Трое суток ездил без отдыху, совсем истомил жеребца, приехал домой и привязал его в конюшне туго-натуго. У того купца были дочери, пришли на конюшню, увидали коня: стоит измученный, весь в мыле. «Ишь, — говорят, — как батюшка изъездил жеребца! А нет того, чтобы напоить, накормить его». Отвязали и повели поить его. Жеребец бросился вдруг в сторону, вырвался и убежал в чистое поле. «Где мой конь?» — спрашивает купец. «Мы отвязали его, хотели напоить,— говорят дочери,— а он вырвался и убежал со двора».

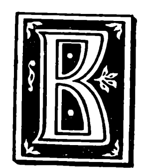
Как услышал про то купец, тотчас обернулся конем и что сил было поскакал в погоню. Вот-вот близко! Слышит Федор погоню, кинулся в море и обернулся ершом, а купец за ним щукою, и побежали морем. Ерш сунулся в ракову нору: щука-де ерша не берет с хвоста! Щука говорит: «Ерш, поворотись сюда головой!» А ерш в ответ: «Ну, ты щука, востра — съешь ерша с хвоста!» И так стояли трое суток. Наконец щука заснула, а ерш выскочил из норы и прибежал морем к некоему царству.

В то самое время вышла служанка на море почерпнуть воды. Ерш обернулся перстнем, какого лучше во всем царстве не было, и попал в ведро. Служанка подарила тот перстень царевне; крепко полюбился он ей — днем на руке носит, а ночью спит с молодцом. Узнал про то купец и пришел торговать перстень. А Федор наказал царевне: «Проси с него за перстень десять тысяч рублев, да как станешь отдавать — урони

перстень на пол; я рассыплюсь тогда мелким жемчугом, и прикатится одна жемчужина тебе под ноги — заступи ту жемчужину своим башмачком. Купец обернется петухом, станет клевать жемчуг, поклюет и скажет: «Теперь погубил я своего супостата!» Тогда, царевна, подними свою ножку с последней жемчужины: жемчужина обернется ястребом и разорвет петуха на две части».

Стал купец покупать перстень; взяла с него царевна целые десять тысяч и будто нечаянно уронила перстень на пол; рассыпался он мелким жемчугом, и прикатилось одно зерно прямо к ногам царевны. Она в ту ж минуту заступила его своим башмачком. А купец обернулся петухом и начал клевать жемчуг; поклевал все и говорит: «Ну, теперь погубил я своего супостата!» Царевна приподняла свою ножку: жемчужина обернулась ястребом, и разорвал ястреб петуха на две части. После того ударился о сырую землю и стал таким красавцем, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать. Женился на царевне, и стали провождать жизнь свою во всяком благополучии и веселье; и я там был, вино-пиво пил, по губам-то текло, а в рот не попало; тут мне колпак давали да вон толкали; я упирался да вон убирался.

251

В некотором царстве жила-была старуха бедная, неимущая. Был 140c
у нее сын, захотелось ей отдать сына в такую науку, чтоб можно было ничего не работа́ть, сладко есть и пить и чисто ходить. Только кого ни спросит — все над ней со смеху помирают: «Хоть весь свет изойди,— говорят люди,— а такой науки нигде не найдешь!» А старухе все неймется, продала свою избушку и говорит сыну: «Собирайся в путь, пойдем искать легкого хлеба!» Вот и пошли. Близко ли, далеко ли — пришли к могиле. Уморилась старуха с походу. «Сядем на могилу, отдохнем маленько»,— говорит сыну; стала садиться да с устали и воздохнула: «Ох!» Вдруг откуда не́ взялся — явился старец и спрашивает: «Чего тебе надобно? Зачем позвала?» Старуха переполошилась: «Что ты, что ты!— говорит. — Я тебя совсем не звала».— «Ну, нет! Ты кликнула: «Ох!» Я — самый Ох и есть; сказывай, в чем нужда?»

Сколько старуха ни отговаривалась, не могла отговориться, принуждена была признаться: веду-де сына в науку отдавать, чтобы знал легкий хлеб добывать, без работы сладко есть и пить и чисто ходить. «Отдай мне, я выучу,— сказал Ох,— только, чур, с уговором: ровно через семь лет приходи сюда и скажи: «Ох!» — я сейчас выйду, покажу тебе сына, и коли узнаешь его — бери с собой смело, и за ученье не возьму с тебя ни копейки; а коли до трех раз не узнаешь — пусть будет мой навсегда!» Как, думает старуха, не узнать свое родное детище! Отдала сына и распрощалась с ним на целые семь лет: живи — не тужи!

Много прошло времени до сроку, перебивалась старуха кое-как; на исходе седьмого года пошла на могилу, пришла и только промолвила: «Ох!» — Ох как тут. «Что,— спрашивает,— аль за сыном пришла?» —

«Да, батюшка, за сынком». Засвистал Ох своим молодецким посвистом, и вдруг прилетело двенадцать скворцов, сели все подряд на землю и начали щебетать. «Ну,— говорит Ох старухе,— коли надобен тебе сын — он здесь; узнавай его и бери себе».— «Что ты? — отвечает она.— Где тут быть моему сыну? Я отдала тебе человека, а ты кажешь мне птицу воздушную».— «Знай же, все это люди, а не скворцы; все также по-твоему искали легкого хлеба, попали ко мне в науку да навсегда у меня и остались, потому что ни отцы их, ни матери не признали. Приходи теперь за сыном через три года». Заплакала старуха и воротилась назад однаодинехонька, выждала три года и опять идет за сыном. Ох свистнул своим молодецким посвистом, и прилетело двенадцать голубей. «Узнавай сына!» — говорит старухе; вот она смотрела-смотрела, так и не узнала. «Приходи опять через три года,— сказал Ох,— то будет последний раз; коли и тогда не угадаешь — простись навеки с сыном».

Прошло еще три года, идет старуха за сыном в последний раз и видит: возле харчевни привязана к забору лошадь, и говорит ей эта лошадь человечьим голосом: «Здравствуй, матушка! Верно, опять за мной идешь?» Далась диву старуха: лошадь — а говорит человечьим голосом и называет ее матушкой. «Не дивись,— говорит конь,— я взаправду твой сын; хозяин приехал на мне в харчевню и теперь сидит там, гуляет. Как придешь ты к могиле, выведет тебе Ох двенадцать жеребцов — все одной шерсти, все на одну стать; я буду седьмой с правой руки». Пришла старуха к могиле и только молвила: «Ох!» — Ох как тут, свистнул своим молодецким посвистом — и прибежало двенадцать жеребцов, ростом, дородством, шерстью — все одинаковые, и стали в ряд. Старуха отсчитала седьмого справа и говорит Оху: «Это мой сын!» — «Угадала,— сказал Ох,— хоть и жалко, а делать нечего — бери его домой».

Взяла старуха сына, и пошли они добывать легкого хлеба. «Теперь, матушка,— говорит ей сын,— можешь водить меня по селам и городам и продавать барам да купцам за хорошую лошадь; я таким обернусь жеребцом, что тебе всякий даст за меня худо три тысячи! Помни только одно: как продашь коня, недоуздка ни за что не отдавай, снимай и бери себе; а то больше меня не увидишь!» Вот оборотился сын вороным жеребцом, а мать повела его на базар продавать. Приступились разные купцы, торговать-торговать, и купили коня за три тысячи; старуха взяла три тысячи, сняла с коня недоуздок и пошла своей дорогой. Долго-долго шла, дело стало к вечеру, пораздумалась она, вспомнила про сына: «Где-то мой сынок теперь?» Глядь — а он догоняет ее, как ни в чем не бывал.

На другой день опять старуха продала сына за хорошую лошадь, а недоуздок себе взяла. А на третий день, как повела жеребца на базар, повстречался ей Ох — тот самый, у которого сын был в науке. Только она его не признала. Сторговал и берет себе жеребца; баба хотела было снять недоуздок. «Что ты, бабушка! — говорит Ох.— Где это видано, чтоб продавать коня без повода!» Пхнул ее наземь, вскочил на коня верхом, усмехнулся и сказал: «Полно-де вам людей обманывать!» Ударил по лошади и был таков! Тут только догадалась старуха, кто купил у нее сына; горько заплакала, и деньгам не рада.

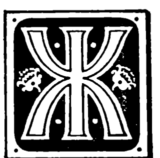
Целых три дня и три ночи ездил Ох на своем жеребце, бил его и пришпоривал до́ крови, скакал без отдыху по горам и долам: измучился жеребец, едва жив остался. После приехал Ох на постоялый двор, привязал коня к забору и так крепко притянул ему голову, что едва дышать можно; а сам пошел в избу и давай пить да гулять. Случись на ту пору, проходила мимо одна де́вица; жеребец говорит ей человечьим голосом: «Слушай, умница! Будь добра и будь милослива — сними с меня недоуздок». Де́вица послушала, сняла недоуздок, а жеребец со двора и пустился в чистое поле; только зад показал!

Ох увидал в окно, что жеребца-то нет у забора, бросился за ним в погоню. Заслышал жеребец погоню, ударился о сырую землю, перекинулся гончею собакою и побежал пуще прежнего. Тогда Ох обернулся серым волком да вслед за собакою: вот-вот настигнет, на клочки разорвет! Видит собака, что смерть на носу, ударилась о сырую землю, перекинулась медведем и хочет волка душить; волк догадался, обернулся львом и смело идет на медведя. Но тот себе на уме, ударился оземь и полетел по поднебесью белым лебедем; а Ох за ним ясным соколом.

Долго они летели, и стал нагонять сокол лебедя: вот-вот ударит! Видит лебедь: внизу река течет, упал прямо на́ воду, обернулся ершом — ощетинился. А сокол сделался щукою, не отстает от ерша, плывет за ним следом. И говорит щука ершу: «Поворотись ко мне головою, я тебя съем!» — «Врешь, проклятая щука!— отвечает ерш.— Меня не съешь, разве подавишься. А коли ты, щука, востра, так глотай меня с хвоста!» Долго ли, коротко ли они этак плавали, наконец подплыли к берегу; а тут на плоту стояла царевна и мыла белье. Ерш как выскочит из воды да прямо к ней под ноги и подкатился золотым кольцом. Царевна подняла кольцо, надела на пальчик, любуется и говорит: «Если б по этому колечку да найти мне добра мо́лодца — жениха себе!»

На другой день нарядился Ох богатым купцом, пришел к самому царю и сказывает: «Твоя царевна нашла мое кольцо, прикажи назад отдать». Царь тотчас позвал свою дочь, велит отдавать кольцо. Осерчала царевна на купца, сняла кольцо с пальчика и бросила наземь. Кольцо рассыпалось мелким просом, и одно зернышко попало царевне в башмачок. Купец оборотился петухом; поклевал петух просо, взлетел на окно, захлопал крыльями и закричал: «Кукуреку! Кого хотел, того съел». Тут выкатилось из царевнина башмачка последнее зернышко, ударилось оземь и сделалось быстрым ястребом. Бросился ястреб на петуха, запустил в него свои когти, начал щипать-теребить; только перья сыплются! «Врешь,— говорит,— не бывало того, чтобы петух да мог ястреба съесть!» — и разорвал его надвое. После ударился оземь и сделался таким молодцем, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером описать, и женился на царевне. И я на свадьбе был, мед-вино пил, по бороде текло, в рот не попало. Сказке конец, а добру мо́лодцу квасу корец.

252

Жил-был купец с купчихою, и было у них одно детище любимое; отдали они его учиться на разные языки к одному мудрецу, аль тоже знающему человеку, чтоб по-всячески знал — птица ли запоет, лошадь ли заржет, овца ли заблеет; ну, словом, чтоб все знал! Поучился он один годок, а уж лучше учителя все знал. Как кончилось ученье, приезжает за сыном отец, хочет его выкупить. А учитель говорит старику: «За ученье триста рублев, да прежде того узнай сына!» И сделал он из тридцати учеников своих тридцать молодцев: молодец к молодцу! А сын успел шепнуть отцу: «На моем-де лице мушка сядет, я ее платком смахну». Так и сделал; по той примете старик угадал сына. «Ну, не ты мудёр-хитёр,— сказал ему учитель,— мудёр-хитёр твой сын! Угадывай сызнова». На другой раз вывел он тридцать коней: волос к волосу! Все смирно стоят, а один с ноги на ногу переступает, и по той примете опять угадал старик своего сына. «Не ты мудёр-хитёр, мудёр-хитёр твой сын! Угадывай в третий раз»,— сказал учитель и выпустил тридцать сизокрылых голубей; все стоят не шелохнутся, а один голубок крылышком взмахнул. И опять-таки узнал купец сына. Нечего делать, надо было отдать ученика. 140d

Идут купец с сыном дорогою, а ворона летит да кричит: «Сын станет ноги мыть, а отец воду пить!» — «Что это, дитятко, ворона-то кричит?» Сыну стыдно было сказать. «Не знаю, батько!» — «Экой дурень! Чему ж тебя учили? За что я триста рублев заплатил?» — «Не попрекай, батько, деньгами; я тебе их с лишком отдам. Дойдем до базару, я обернусь конем; ты меня продавай, только уздечки не отдавай! Вот деньги и воротишь». Сказано — сделано; взял купец за сына триста рублев. Приходит домой, а сын уже дома. И во второй раз сын оборотился жеребцом; купец взял за него еще триста рублев, а уздечки не отдал. Вот и в третий раз повел он сына на базар.

Случись на то время быть там учителю. Пристал к купцу: «Продай да и продай лошадь!» — «Изволь, давай триста рублев».— «Дам, продай с уздечкою». Купец призадумался. «Продай — надбавлю!» Соблазнился старик и продал. Учитель сел на коня да и был таков! Взмылил он коня вспенил ему бока; а сам бьет да приговаривает: «Я ж тебя перехитрю, я ж тебя перемудрю!» До костей пронял и проехал на нем без отдыху тридцать верст к сестре своей в гости; привязал коня крепко-накрепко за кольцо к столбу, а сам вошел в горницу. Скоро вышла сестра его и увидала на дворе ретивого коня — всего в пене; сжалилась над ним, разнуздала и дала пшена белоярого и сыты́ медвяной.

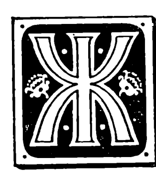
Вздумал учитель ехать домой, вышел: глядь-поглядь — а коня как не бывало; взъелся он на сестру: «Ты мне больше не сестра, я тебе не брат!» А сам пустился догонять: плохо пришлось купеческому сыну! На дороге попалась река; он скорее обернулся карасем да в воду, учитель за ним щукою. Купеческий сын выскочил из воды и сделался перстнем: лежит на проруби, так и сияет! Шла девка-чернавка, увидела перстень, поскорей

надела его на руку — и домой бежать. Марфида-царевна заприметила у девки-чернавки тот перстень, выпросила себе, а на промен дала целых три кольца. Живет купеческий сын у царевны: днем перстнем на руке, а ночью добрым молодцем на постели.

А учитель все знает, все ведает; взял себе гусли звончатые, идет по улице, разыгрывает. Марфида-царевна и говорит царю: «Нельзя ли, батюшка, позвать его к нам?» Царь велел позвать. Вот один раз был, на гуслях играл, царевну с царем потешал, и в другой, и в третий был. Спрашивает его царь: «Чем тебя наградить, чем за игру заплатить?» — «Да ничего, ваше царское величество, мне не нужно, окромя перстенька, что блестит на ручке у твоей царевны». Пришлось Марфиде-царевне разлучаться с перстеньком. А купеческий сын еще прежде научил ее: «Как будешь отдавать перстень, урони словно ненароком; я рассыплюсь мелким жемчугом — наступи ногой на одну жемчужину». Она так и сделала: перстень упал и рассыпался мелким жемчугом; учитель обратился в петуха и давай клевать жемчуг, а купеческий сын в ту минуту выскользнул из-под ножки царевниной, обернулся соколом и свернул петуху голову. Ну, дальше что и рассказывать: известное дело — купеческий сын женился на Марфиде-царевне и сделался после царем.

А отец и мать обедняли и стали ходить по дворам, побираться. Раз на праздниках пришли они вместе с другими убогими и нищими на царский двор. Царь велел их накормить, напоить, да и спать положить; таков был милослив! Вот дали им комнатку и уложили спать. Ночью старик проснулся, захотелось ему испить, посмотрел кругом — видит: стоит светлый таз с водою, давай из него пить. А в том тазу царь на ночь ноги полоскал: стало быть, правду ворона сказала. Поутру царь начал убогих расспрашивать: откуда, кто и как родом? И признал своих родителей. С того времени стали они вместе жить-поживать, не горевать.

253

ил богатый купец, у него был сын Иван. Вздумалось старику: повезу сына за́ море, отдам учиться птичьему языку. 140а
Отдал его в науку. Через три года приехал старик за сыном. «Заплати наперед за ученье, тогда и бери»,— говорит учитель; а купец тем временем обеднял, заплатить нечем. «Батюшка,— сказал ему сын,— выпроси меня к себе в гости; я достану тебе денег». Отец выпросил. Идут они дорогою, идут широкою. «Слышь, батюшка,— говорит Иван купеческий сын,— я оборочусь лошадью, веди меня на ярмарку и продавай за триста рублев». Сказано — сделано. Купил лошадь знатный боярин, захотел посмотреть ее прыти, сел и ну пришпоривать. Конь стал на дыбы, сбил седока и поскакал в чистое поле. «Лови, лови!» — кричит боярин конюхам. Ну где поймать буйный ветер на́ поле, ясна сокола в поднебесье?

Выкупил купец своего сына, и пустились домой; плывут по синю морю, а над ними летит стая гусей и так-то громко гогочут. «Что говорят гуси?» — спрашивает отец. «Не знаю»,— отвечает сын. Летит другая стая

лебедей, еще громче кричат. «Что говорят лебеди?» — спрашивает отец. «Не знаю», — отвечает сын. Купец разгневался: столько учился, а ничего не знает! Столкнул его с досады в море и поплыл дальше. А Ивана купеческого сына далеко-далеко занесло волнами и прибило к берегу тридесятого царства. Пошел он к тамошнему царю во дворец и напросился к нему в службу. Ни мало, ни много прошло времени, полюбился он царю больше родного детища, полюбился и царевне. Царь женил его на своей дочери, и сделался Иван купеческий сын Иваном-царевичем.

А отец его до того дошел, что сделался нищим и стал пó миру бродить, милостыню просить. Много исходил он городов, забрел, наконец, в тридесятое царство. Увидал его из окна Иван-царевич и велел привести во дворец, накормил-напоил и спать уложил. А с вечера царевич ноги мыл в золотом тазе, так эта вода в нем и осталась. Ночью захотелось старику напиться, попросить не посмел, взял да и напился из таза. Царевич услыхал и спрашивает: «Кто там возится?» — «Это я, батюшка! Пришел водицы испить».— «Что ты! Ведь я в этой воде ноги мыл!» И вспомнилось царевичу, как плыл он с отцом пó морю и что гоготали гуси-лебеди; стал расспрашивать убогого старика, узнал — кто он такой, и говорит: «А помнишь ли, старичок, как ехал ты с сыном по синю морю и спрашивал его, о чем гуси-лебеди разговор вели? Они вот что говорили: Ивану гостиному сыну ноги мыть, а отцу его воду пить! Ведь я — твой сын!» Старик испугался, хотел было в ноги повалиться, да царевич не допустил; обнялись они и поплакали на радостях. «Как же ты, сынок, не утонул?» — спросил отец. «Экой! Не на то я учился, чтобы топиться, а чтоб на царевне жениться».

254—255. ДИВО

254

ил-был рыбак. Раз поехал он на озеро, закинул сеть и 141а
вытащил щуку; вылез нá берег, развел огонек и начал эту щуку поджаривать. один бок поджарил, поворотил на другой. Вот и совсем готово — только бы съесть, а щука как прыгнет с огня, да прямо в озеро. «Вот диво,— говорит рыбак,— жареная рыба опять в воду ушла...» — «Нет, мужичок,— отзывается ему щука человечьим голосом,— это что за диво! Вот в этакой-то деревне живет охотник, так с ним точно было диво: сходи к нему, он сам тебе скажет».

Рыбак пошел в деревню, разыскал охотника, поклонился ему: «Здравствуй, добрый человек!» — «Здравствуй, земляк! Зачем пришел?» — «Да вот так и этак, расскажи: какое с тобой диво было?» — «Слушай,

земляк! Было у меня три сына, и ходил я с ними на охоту. Раз мы целый день охотились и убили три утки; ввечеру пришли в лес, развели огонь, ощипали уток и стали варить их к ужину; сварили и уселись было за трапезу. Вдруг старик идет: «Хлеб-соль, мо́лодцы!» — «Милости просим, старичок!» Старик подсел, всех уток съел да на закуску старшего сына моего проглотил. Остался я с двумя сыновьями. На другой день встали мы поутру и пошли на охоту; целый день исходили, трех уток убили, а ввечеру развели в лесу огонек и готовим ужин. Опять старик идет: «Хлеб-соль, мо́лодцы!» — «Милости просим, старичок!» Он сел, всех уток съел да середним сыном закусил. Остался я с одним сыном; вернулись домой, переспали ночь, а утром опять на охоту. Убили мы трех уток, развели огонек, живо сварили их и только было ужинать собрались, как тот же самый старик идет: «Хлеб-соль, мо́лодцы!» — «Милости просим, старичок!» Он сел, всех уток съел да меньшим сыном закусил.

Остался я один как перст; переночевал ночь в лесу, на другой день стал охотиться и столько настрелял птицы, что едва домой дотащил. Прихожу в избу, а сыновья мои лежат на полатях — все трое живы и здоровы!» Рыбак выслушал и говорит: «Вот это диво, так диво!» — «Нет, земляк,— отвечает охотник,— это что за диво! Вот в таком-то селе у такого-то мужика так подлинно диво сотворилося; пойди к нему, сам узнаешь».

Рыбак пошел в село, разыскал этого мужика, поклонился ему: «Здравствуй, дяденька!» — «Здравствуй, земляк! Зачем пришел?» — «Так и так, расскажи, какое с тобой диво приключилося?» — «Слушай!— говорит.— С молодых лет моих жил я с женою, и что же? Завела она полюбовника. Мне-то самому и невдомек это, да люди сказали. Вот один раз собрался я в лес за дровами, запряг лошадь, выехал за околицу; постоял с полчаса времени, вернулся потихоньку и спрятался на дворе. Как стемнело, слышу я, что моя хозяйка с своим другом в избе гуляет; побежал в избу и только было хотел проучить жену маленько, а она ухватила палку, ударила меня по спине и сказала: «Доселева был ты мужик, а теперь стань черным кобелем!» В ту ж минуту обернулся я собакою; взяла она ухват и давай меня возить по бокам: била-била и выгнала вон.

Выбежал я на улицу, сел на завалинку и думаю: авось жена опомнится да сделает меня по-старому человеком. Куда тебе! Сколько ни терся я около избы, не мог дождаться от злой бабы милости. Бывало — откроет окно да горячим кипятком так и обдаст всего, да все норовит, как бы в глаза попасть! А кормить совсем не кормит, хоть с голоду околевай! Нечего делать, побежал я в чистое поле; вижу — мужик стадо быков пасет. Пристал я к этому стаду, начал за быками ходить: который от стада отобьется — я сейчас пригоню; а волкам от меня просто житья не стало — ни одного не подпущу.

Увидал мужик мое старание, начал меня кормить и поить, и так он на меня положился, что не стал и за стадом ходить: заберется, бывало, в деревню и гуляет себе сколько хочется. Говорит ему как-то барин: «Послушай, пастух! Ты все гуляешь, а скот один в поле ходит; этак не годится! Пожалуй, вор придет, быков уведет».— «Нет, барин! Я на своего

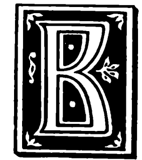
пса крепко надеюсь; никого не подпустит».— «Рассказывай! Хочешь, я сейчас любого быка уведу?» — «Нет, не уведешь!» Поспорили они, ударились об заклад о трех стах рублях и отдали деньги за руки. Барин пошел в поле и только за быка — как я кинулся, всю одежу на нем в клочки изорвал, так-таки и не допустил его. Мой хозяин получил заклад и с той поры возлюбил меня пуще прежнего: иной раз сам не доест, а меня непременно накормит.

Прожил я у него целое лето и захотел домой побывать: «Посмотрю,— думаю себе,— не смилуется ли жена, не сделает ли опять человеком?» Прибежал к избе, начал в дверь царапаться; выходит жена с палкою, ударила меня по спине и говорит: «Ну, бегал ты черным кобелем, а теперь полети дятлом». Обернулся я дятлом и полетел по лесам, по рощам. Пристигла холодная зима; есть крепко хочется, а корму нету и достать негде. Забрался я в один сад, вижу — стоит на дереве птичья принада [1]. «Дай полечу в эту принаду; пусть меня ребятишки поймают, авось кормить станут, да в избе и теплей зимовать будет!» Вскочил в западню, дверцы захлопнуло: взяли меня ребятишки, принесли к отцу: «Посмотри, тятя, какого мы дятла поймали!»

А ихний отец сам был знахарь; тотчас узнал, что я человек, не птица; вынул меня из клетки, посадил на ладонь, дунул на меня — и обернулся я по-прежнему мужиком. Дает он мне зеленый прутик и сказывает: «Дождись, брат, вечера и ступай домой, да как войдешь в избу — ударь свою жену этим прутиком и скажи: «Была ты, жена, бабою, а теперь будь козою!» Взял я зеленый прутик, прихожу домой вечером, потихохоньку подкрался к своей хозяйке, ударил ее прутиком и говорю: «Была ты, жена, бабою, а теперь будь козою!» В ту ж минуту сделалась она козою; скрутил я ее за рога веревкою, привязал в сарае и стал кормить ржаною соломою. Так целый год и держал ее на соломе; а потом пошел к знахарю: «Научи, земляк, как обернуть мою козу бабою».

Он дал мне другой прутик: «На, брат! Ударь ее этим прутиком и скажи: «Была ты козою, а теперь стань бабою!» Я воротился домой, ударил мою козу прутиком: «Была ты, говорю, козою, а теперь стань бабою!» Обернулась коза бабою; тут хозяйка моя бросилась мне в ноги, стала плакать, просить прощения, заклялась-забожилась жить со мною по-божьему. С тех пор живем мы с ней благополучно в любви и согласии». — «Спасибо, — сказал рыбак, — это подлинно диво дивное!»

255

некотором царстве, не в нашем государстве, жила-была стару- 141b
ха; у нее был сын, занимался охотою, бродил по разным местам да стрелял разных птиц и зверей — тем и себя и мать кормил. В одно время взял он ружье, надел сумку и пошел в поле. Недолго ходил, застрелил зайца, содрал с него шкурку и принес матери. Старуха разрубила зайца пополам, задок

[1] Приманка для птиц, западня.

зажарила да на столе поставила, а передок под лавку припрятала. Вот пока они ели задок, передок-то заячий выскочил вон из избы да ну улепетывать! «Матушка, посмотри-ка,— говорит мужик,— экое чудо: мы с тобой задок едим, а передок в поле ушел!» — «Эх, дитятко! Такое ли чудо бывает? Ты поди-ка на село да спроси мужика Арефия, вот с ним было чудо, так чудо!»

Сын встал из-за стола и пошел искать мужика Арефия. Идет по дороге и видит — седой старик землю пашет. «Бог помочь, старичок!» — «Спасибо! Куда идешь, добрый человек?» — «Ищу мужика Арефия; с ним, сказывают, чудо было».— «Правда, добрый человек! Был я женат; была у меня баба собой красивая, да зато гульливая. Как-то я застал ее с милым дружком; а он был большой колдун, ухватил плеть, стегнул меня и говорит: «Был ты мужик, а будь пес поганый!» Обернул меня псом и выгнал на двор; наутро, слышу, я, колдун сказывает моей жене: «Знаешь что, Аксинья? Зачем нам пса кормить? Лучше удушить его».— «И то правда!» — говорит баба. А у меня хоть вид собачий, да ум человечий; как почуял беду, сейчас улизнул со двора, и давай бог ноги!

Пристал я к одному барину, долго служил ему верою-правдою, всячески ему угождал и разные штуки выкидывал. Заставит, бывало, меня барин гостей вином угощать; а у меня хоть вид собачий, да ум человечий,— стану я на задние лапы, а в передние возьму поднос с чарками и стану гостей обносить, а сам-то кланяюсь. Что тут смеху было! И любил же меня хозяин; завсегда в холе держал и с своего стола кормил. А все соскучилось. Вздумал на жену посмотреть. Убежал от барина и пустился в деревню. Три дня не ел, не пил — все домой спешил, и пришло мне невмоготу: так на еду и позывает. Глядь — а на кусте черный ворон сидит. Вот я подкрался, да и сцапал его. Говорит мне ворон человечьим голосом: «Не ешь меня, отпусти на волю; я сам тебе пригожуся!» Пожалел я ворона, пустил его на волю и побежал дальше.

Кое-как добрался до деревни, прихожу на свой двор, смотрю в избу: жена возле печки стоит да блины печет, а колдун на лавке сидит да так-то их уписывает. Увидал он меня, ухватил плеть. «Ишь,— говорит,— опять проклятый пес воротился; а уж я чаял — ты совсем пропал!» Да как стеганет меня плетью. «Был ты,— говорит,— псом, теперь стань черным вороном!» Обернулся я черным вороном, взвился и полетел в темный лес. «Ну,— думаю,— пришла на меня беда хуже первой; жил я собакою, завсегда сыт был; а теперь еще как-то бог пошлет! Чего доброго, еще охотник из ружья пристрелит!» Вдруг прилетел ко мне ворон и кричит: «Кар-кар! Ты меня пожалел, а я тебя добру научу: полетай назад в свою избу, заберись потихоньку под лавку и перекинь плеть через себя — опять человеком сделаешься; тогда возьми эту плеть и проучи колдуна и свою жену вот так-то и этак-то».

Тотчас снялся я с дерева и полетел в деревню; прилетел, ударился со всего размаху в окно, стекло разбилось, а я поскорей в избу. Время было послеобеденное, колдун с моею хозяйкою ушли в клеть и легли спать; вижу я — в избе пусто, залез под лавку, отыскал плеть, ухватил ее клювом за один конец и насилу-насилу через себя перекинул; в ту ж минуту

обернулся я по-прежнему человеком. Взял плеть в руки и пошел расправляться. Колдун спит, жена храпит; вот я ударил сперва его и говорю: «Был ты добрый молоде́ц, а теперь стань вороной жеребец!» Как сказал, так и сделалось. После того ударил бабу: «Была ты,— говорю,— молодицею, а теперь стань кобылицею!» Глядь — стоит передо мной славная пара лошадей: жеребец хорош, а кобыла и того лучше!.. С тех пор на этой паре я и землю пашу и в извоз хожу. Вот оно какое чудо-то бывает!»

256. ДИВО ДИВНОЕ, ЧУДО ЧУДНОЕ

Жил-был богатый купец с купчихою; торговал дорогими и 142
знатными товарами и кажный год ездил с ними по чужим государствам. В некое время снарядил он корабль; стал собираться в дорогу и спрашивает жену: «Скажи, радость моя, что тебе из иных земель в гостинец привезти?» Отвечает купчиха: «Я у тебя всем довольна; всего у меня много! А коли угодить да потешить хочешь, купи мне диво дивное, чудо чудное».— «Хорошо; коли найду — куплю».

Поплыл купец за тридевять земель в тридесятое царство, пристал к великому, богатому городу, распродал все свои товары, а новые закупил, корабль нагрузил; идет по городу и думает: «Где бы найти диво дивное, чудо чудное?» Попался ему навстречу незнакомый старичок, спрашивает его: «Что так призадумался-раскручинился, добрый молодец?» — «Как мне не кручиниться!— отвечает купец.— Ищу я купить своей жене диво дивное, чудо чудное, да не ведаю, где».— «Эх ты, давно бы мне сказал! Пойдем со мной; у меня есть диво дивное, чудо чудное — так и быть, продам».

Пошли вместе; старичок привел купца в свой дом и говорит: «Видишь ли — вон на дворе у меня гусь ходит?» — «Вижу!» — «Так смотри же, что с ним будет... Эй, гусь, подь сюды!» Гусь пришел в горницу. Старичок взял сковороду и опять приказывает: «Эй, гусь, ложись на сковороду!» Гусь лег на сковороду; старичок поставил ее в печь, изжарил гуся, вынул и поставил на стол. «Ну, купец, добрый молодец! Садись, закусим; только костей под стол не кидай, все в одну кучу собирай». Вот они за стол сели да вдвоем целого гуся и съели. Старичок взял оглоданные кости, завернул в скатерть, бросил на пол и молвил: «Гусь! Встань, встрепенись и поди на двор». Гусь встал, встрепенулся и пошел на двор, словно и в печи не бывал! «Подлинно, хозяин, у тебя диво дивное, чудо чудное!» — сказал купец, стал торговать у него гуся и сторговал за дорогие деньги. Взял с собой гуся на корабль и поплыл в свою землю.

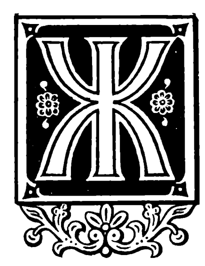
10 Заказ № 101

Приехал домой, поздоровался с женой, отдает ей гуся и сказывает, что с той птицею хоть всякий день некупленное жаркое ешь! Зажарь ее — она опять оживет! На другой день купец пошел в лавки, а к купчихе полюбовник прибежал. Такому гостю, другу сердечному, она куды как рада! Вздумала угостить его жареным гусем, высунулась в окно и закричала: «Гусь, подь сюды!» Гусь пришел в горницу. «Гусь, ложись на сковороду!» Гусь не слушает, нейдет на сковороду; купчиха осердилась и ударила его сковородником — и в ту ж минуту одним концом сковородник прильнул к гусю, а другим к купцовой жене, и так плотно прильнул, что никак оторваться нельзя! «Ах, миленький дружок,— закричала купчиха,— оторви меня от сковородника, видно, этот проклятый гусь заворожен!» Полюбовник обхватил купчиху обеими руками, хотел было от сковородника оторвать, да и сам прильнул...

Гусь выбежал на двор, на улицу и потащил их к лавкам. Увидали приказчики, бросились разнимать; только кто до них ни дотронется — так и прилипнет! Сбежался народ на то диво смотреть, вышел и купец из лавки, видит — дело-то неладно: что за друзья у жены проявились? «Признавайся,— говорит,— во всем; не то навек так — сольнувшись — останешься!» Нечего делать, повинилась купчиха; купец взял тогда — рознял их, полюбовнику шею накостылял, а жену домой отвел да изрядно поучил, приговаривая: «Вот тебе диво дивное! Вот тебе чудо чудное!»

257. СЧАСТЛИВОЕ ДИТЯ

ил-был именитый купец с купчихою — всякого добра много, а детей нету. Стали они богу молиться, чтобы дал им детище — в молодых летах на утеху, в старости на подмогу, а по смерти на помин души; стали они нищую братию кормить, милостыней оделять; а сверх того надумались на пользу всего люда православного построить длинный мост через топи-болота непроходимые. Много купец казны издержал, а мост построил, и как работы окончились, посылает он своего приказчика Федора: «Поди-ка, сядь по́д мост да послушай, что будут люди про меня сказывать: будут ли благословлять или корить станут». Федор пошел, сел по́д мост и слушает. Идут по́ мосту три святых старца и говорят промеж себя: «Чем наградить того, кто этот мост построил? Пусть у него народится счастливый сын: что ни скажет — то и сбудется, чего ни пожелает — то и даст господь!» Выслушал приказчик и вернулся домой. «Ну что, Федор, не слыхал ли чего?» — спрашивает купец. «Нет, ничего не слыхал». 143

В скором времени отяжелела купчиха и родила мальчика; окрестили его и положили в люльку. Приказчик позавидовал чужому счастью:

в глухую полночь, как все в доме крепко заснули, поймал голубя, зарезал его и замарал кровью постель, руки и уста родильницы; а ребенка украл и отдал на сторону выкормить.

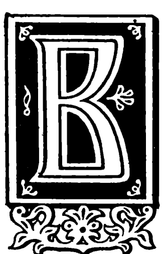
Наутро хватились отец с матерью, где их ребенок? Нет нигде, а приказчик начал доказывать: «Мать-де сама его съела: вишь, и руки и уста в крови!» Купец взял свою жену и посадил в темницу. Прошло несколько лет, сынок их подрос, стал бегать и говорить. Федор бросил купца, поселился на взморье и мальчика с собой взял; что только ему на ум взбредет, он приказывает этому мальчику: «Пожелай-де то-то и то-то»,— и тотчас все готово. Говорит он однажды: «А ну, малый, проси у бога, чтоб здесь новое царство стало, чтоб от самого этого места до дворца государева хрустальный мост повис через море и чтоб царевна за меня замуж вышла». Мальчик попросил у бога — и тотчас повис через все море хрустальный мост и явился богатый, знатный город с белокаменными палатами, церквами и царскими теремами.

На другой день, проснувшись, смотрит царь из окошечка, увидал хрустальный мост и спрашивает: «Кто этакое чудо построил?» Докладывают ему, что Федор. «Коли он так хитер,— сказал царь,— то отдам за него свою царевну замуж!» Скоро дело сладилось, обвенчали Федора с царевною, и стал он в новом городе царствовать да мальчиком помыкать: держит его у себя за работника, бьет и ругается всячески, иной раз и куска хлеба пожалеет дать.

Вот как-то лежит Федор с женой на постели да промеж себя разговаривают; а мальчик в темный угол забился и горько-горько плачет. Спрашивает царевна своего мужа: «Скажи, пожалуйста, откуда у тебя это богатство взялося? Ведь прежде ты был простым приказчиком».— «И богатство мое и сила — все от этого мальчика, что я у купца унес». — «Как так?» — «Жил я у такого-то купца в приказчиках, и было ему обещано, что народится у него сын, да не простой, а такой счастливый — что ни скажет, то и сбудется, чего ни пожелает, то и даст господь. Вот как ребенок народился, я его и скрал, а чтоб про то не проведали, наговорил на купчиху, будто сама свое детище съела».

Мальчик подслушал эти речи, вышел из угла и сказал: «По моему прошенью, по божьему изволенью будь ты, негодяй, собакою!» В ту ж минуту Федор обернулся собакою; мальчик надел ему на шею железную цепь и повел к своему отцу. Приходит и говорит ему: «Добрый человек! Дай мне горячих угольев».— «На что тебе?» — «Да вот надо пса покормить».— «Что ты? Бог с тобой! — отвечает купец.— Где это видано, чтоб собаки горячим угольем питались?» — «А где видано, чтоб мать могла съесть свое родное детище? Узнавай, батюшка, я твой сын, а вот этот пес — твой старый приказчик Федор, что меня унес да на мать наклепал». Купец расспросил про все подробно, освободил жену из темницы, и потом все они вместе переехали жить в новое царство, которое еще прежде по желанью купеческого сына явилось на взморье; царевна к своему отцу уехала, а Федор до самой смерти так и остался поганым псом.

258. КЛАД

В некоем царстве жил-был старик со старухою в великой бед- 144
ности. Ни много, ни мало прошло времени — померла старуха. На дворе зима стояла лютая, морозная. Пошел старик по суседям да по знакомым, просит, чтоб пособили ему вырыть для старухи могилу; только и суседи и знакомые, знаючи его великую бедность, все начисто отказали. Пошел старик к попу, а у них на селе был поп куды жадный, несовестливый. «Потрудись,— говорит,— батюшка, старуху похоронить».— «А есть ли у тебя деньги, чем за похороны заплатить? Давай, свет, вперед!» — «Перед тобой нечего греха таить: нет у меня в доме ни единой копейки! Обожди маленько, заработаю — с лихвой заплачу, право слово — заплачу!»

Поп не захотел и речей стариковых слушать: «Коли нет денег, не смей и ходить сюда!» — «Что делать,— думает старик,— пойду на кладбище, вырою кое-как могилу и похороню сам старуху». Вот он захватил топор да лопату и пошел на кладбище; пришел и зачал могилу готовить: срубил сверху мерзлую землю топором, а там и за лопату взялся, копал-копал и выкопал котелок, глянул — а он полнехонько червонцами насыпан, как жар блестят! Крепко старик возрадовался: «Слава тебе господи! Будет на что и похоронить и помянуть старуху». Не стал больше могилу рыть, взял котелок с золотом и понес домой.

Ну, с деньгами знамое дело — все пошло как по маслу! Тотчас нашлись добрые люди: и могилу вырыли и гроб смастерили; старик послал невестку купить вина и кушаньев и закусок разных — всего, как должно быть на поминках, а сам взял червонец в руку и потащился опять к попу. Только в двери, а поп на него: «Сказано тебе толком, старый хрен, чтоб без денег не приходил, а ты опять лезешь!» — «Не серчай, батюшка! — просит его старик.— Вот тебе золотой — похорони мою старуху, век не забуду твоей милости!» Поп взял деньги и не знает, как старика принять-то, где посадить, какими речами умилить: «Ну, старичок, будь в надёже, все будет сделано». Старик поклонился и пошел домой, а поп с попадьею стал про него разговаривать: «Вишь, старый черт! Говорят: беден, беден! А он золотой отвалил. Много на своем веку схоронил я именитых покойников, а столько ни от кого не получал...»

Собрался поп со всем причетом и похоронил старуху как следует. После похорон просит его старик к себе помянуть покойницу. Вот пришли в йзбу, сели за стол, и откуда что явилось — и вино-то, и кушанья, и закуски разные, всего вдоволь! Гость сидит, за троих обжирается, на чужое добро зазирается. Отобедали гости и стали по своим домам расходиться, вот и поп поднялся. Пошел старик его провожать, и только вышли на двор — поп видит, что со стороны никого больше нету, и начал старика допрашивать: «Послушай, свет! Покайся мне, не оставляй на душе ни единого греха — все равно как перед богом, так и передо мною: отчего так скоро сумел ты поправиться? Был ты мужик скудный, а теперь на́ поди, откуда что взялось! Покайся-ка, свет! Чью загубил ты душу, кого обо-

брал?» — «Что ты, батюшка! Истинною правдою признáюсь тебе: я не крал, не грабил, не убивал никого; клад сам в руки дался!» И рассказал, как все дело было.

Как услышал эти речи поп, ажно затрясся от жадности; воротился домой, ничего не делает — и день и ночь думает: «Такой ледащий мужичишка, и получил этакую силу денег. Как бы теперь ухитриться да отжилить у него котелок с золотом?» Сказал про то попадье; стали вдвоем совет держать и присоветали. «Слушай, матка! Ведь у нас козел есть?» — «Есть». — «Ну, ладно! Дождемся ночи и обработаем дело, как надо». Вечером поздно притащил поп в избу козла, зарезал и содрал с него шкуру — со всем, и с рогами и с бородой; тотчас натянул козлиную шкуру на себя и говорит попадье: «Бери, матка, иглу с ниткою; закрепи кругом шкуру, чтоб не свалилась». Попадья взяла толстую иглу да суровую нитку и обшила его козлиною шкурою.

Вот в самую глухую полночь пошел поп прямо к стариковой избе, подошел под окно и ну стучать да царапаться. Старик услыхал шум, вскочил и спрашивает: «Кто там?» — «Черт!..» — «Наше место свято!» — завопил мужик и начал крест творить да молитвы читать. «Слушай, старик! — говорит поп. — От меня хоть молись, хоть крестись, не избавишься; отдай-ка лучше мой котелок с деньгами; не то я с тобой разделаюсь! Ишь, я над твоим горем сжалился, клад тебе показал — думал: немного возьмешь на похороны, а ты все целиком и заграбил!» Глянул старик в окно — торчат козлиные рога с бородою: как есть нечистый! «Ну его совсем и с деньгами-то! — думает старик. — Наперед того без денег жил, и опосля без них проживу!» Достал котелок с золотом, вынес на улицу, бросил наземь, а сам в избу поскорее. Поп подхватил котел с деньгами и припустил домой. Воротился. «Ну, — говорит, — деньги в наших руках! На, матка, спрячь подальше да бери острый нож, режь нитки да снимай с меня козлиную шкуру, пока никто не видал».

Попадья взяла нож, стала было по шву нитки резать — как польется кровь, как заорет он: «Матка! Больно, не режь! Матка! Больно, не режь!» Начнет она пороть в ином месте — то же самое! Кругом к телу приросла козлиная шкура. Уж чего они ни делали, чего ни пробовали, и деньги старику назад отнесли — нет, ничего не помогло; так и осталась на попе козлиная шкура. Знáмо, господь покарал за великую жадность!

259. СКОРЫЙ ГОНЕЦ

В некотором царстве, в некотором государстве были болота непроходимые, кругом их шла дорога окольная: скоро ехать тою дорогою — три года понадобится, а тихо ехать — и пяти мало! Возле самой дороги жил убогий старик; у него было три сына: первого звали Иван, второго — Василий, а третьего — Семен малый юныш. Вздумал убогий расчистить эти болота, проложить тут дорогу прямохожую-прямоезжую и намостить мосты калиновые, чтобы пешему можно было пройти в три недели, а конному в трое суток проехать. Принялся за работу вместе с своими детьми, и не по малом времени все было исправлено: намощены мосты калиновые и расчищена дорога прямохожая-прямоезжая. 145

Воротился убогий в свою избушку и говорит старшему сыну Ивану: «Поди-ка ты, мой любезный сын, сядь под мостом и послушай, что про нас будут добрые люди говорить — добро или худо?» По родительскому приказанию пошел Иван и сел в скрытном месте под мостом.

Идут по тому мосту калиновому два старца и говорят промеж себя: «Кто этот мост мостил да дорогу расчищал — чего бы он у господа ни попросил, то бы ему господь и даровал!» Иван, как скоро услыхал эти слова, тотчас вышел из-под моста калинового. «Этот мост,— говорит,— мостил я с отцом да с братьями».— «Чего ж ты просишь у господа?» — спрашивают старцы. «Вот кабы господь дал мне денег на век!» — «Хорошо, ступай в чистое поле: в чистом поле есть сырой дуб, под тем дубом глубокий погреб, в том погребе множество и злата, и се́ребра, и каменья драгоценного. Возьми лопату и рой — даст тебе господь денег на целый век!» Иван пошел в чистое поле, вырыл под дубом много и злата, и се́ребра, и каменья драгоценного и понес домой. «Ну, сынок,— спрашивает убогий,— видел ли кого, что бы шел али ехал по́ мосту, и что про нас люди говорят?» Иван рассказал отцу, что видел двух старцев и чем они его наградили на целый век.

На другой день посылает убогий середнего сына Василия. Пошел Василий, сел под мостом калиновым и слушает. Идут по́ мосту два старца, поравнялись супротив того места, где он спрятался, и говорят: «Кто этот мост мостил — чего бы у господа ни попросил, то бы ему господь и дал!» Как скоро услыхал Василий эти слова, вышел к старцам и сказал: «Этот мост мостил я с батюшкой и с братьями».— «Чего же ты у бога просишь?» — «Вот кабы господь дал мне хлеба на век!» — «Хорошо, поди домой, выруби новину и посей: даст тебе господь хлеба на целый век!» Василий пришел домой, рассказал про все отцу, вырубил новину и засеял хлебом.

На третий день посылает убогий меньшего сына. Семен малый юныш сел под мостом и слушает. Идут по́ мосту два старца; только поравнялись с ним и говорят: «Кто этот мост мостил — чего бы у господа ни попросил, то бы ему господь и дал!» Семен малый юныш услыхал эти слова, выступил к старцам и сказал: «Этот мост мостил я с батюшкой и с брать-

ями».— «Чего же ты у бога просишь?» — «А прошу у бога милости: послужить великому государю в солдатах».— «Проси другого! Солдатская служба тяжелая; пойдешь в солдаты, к морскому царю в полон попадешь, и много будет твоих слез пролито!» — «Эх, люди вы старые, сами вы ведаете: кто на сем свете не плачет, тот будет плакать в будущем веке».— «Ну, коли уж ты похотел идти в царскую службу — мы тебя благословляем!» — сказали старцы Семену, наложили на него свои руки и обратили в оленя быстроногого.

Побежал олень к своему дому; усмотрели его из окошечка отец и братья, выскочили из избушки и хотели поймать. Олень повернул — и назад; прибежал к двум старцам, старцы обратили его в зайца. Заяц пустился к своему дому; усмотрели его отец и братья, выскочили из избушки и хотели было изловить, да он назад повернул. Прибежал заяц к двум старцам, старцы обратили его в маленькую птичку золотая головка. Птичка прилетела к своему дому, села у открытого окошечка; усмотрели ее отец и братья, бросились ловить — птичка вспорхнула, и назад. Прилетела к двум старцам, старцы сделали ее по-прежнему человеком и говорят: «Теперь, Семен малый юныш, иди на царскую службу. Если тебе понадобится сбегать куда наскоро, можешь ты обращаться оленем, зайцем и птичкою золотая головка: мы тебя научили».

Семен малый юныш пришел домой и стал у отца проситься на царскую службу. «Куда тебе идти,— отвечал убогий,— ты еще мал и глуп!» — «Нет, батюшка, отпусти; на то божья воля есть». Убогий отпустил, Семен малый юныш срядился, с отцом, с братьями простился и пошел в дорогу.

Долго ли, коротко ли — пришел он на царский двор, прямо к царю, и сказал: «Ваше царское величество! Не велите казнить, велите слово вымолвить».— «Говори, Семен малый юныш!» — «Ваше величество! Возьмите меня в военную службу».— «Что ты! Ведь ты мал и глуп; куда тебе идти в службу?» — «Хоть я мал и глуп, а служить буду не хуже других; в том уповаю на бога». Царь согласился, взял его в солдаты и велел быть при своем лице. Прошло несколько времени, вдруг объявил царю некоторый король жестокую войну. Царь начал в поход сряжаться; в урочное время собралось все войско в готовности. Семен малый юныш стал на войну проситься; царь не мог ему отказать, взял его с собою и выступил в поход.

Долго-долго шел царь с воинством, много-много земель за собой оставил, вот уж и неприятель близко — дня через три надо и бой зачинать. В те́ поры хватился царь своей боевой палицы и своего меча острого — нет ни той, ни другого, во дворце позабыл; нечем ему себе оборону дать, неприятельские силы побивать. Сделал он клич по всему войску: не возьмется ли кто сходить во дворец наскоро да принести ему боевую палицу и острый меч; кто сослужит эту службу, за того обещал отдать в супружество дочь свою Марью-царевну, в приданое пожаловать половину царства, а по смерти своей оставить тому и все царство. Начали выискиваться охотники; кто говорит: я могу в три года сходить; кто говорит: в два года, а кто — в один год; а Семен малый юныш доложил государю:

«Я, ваше величество, могу сходить во дворец и принести боевую палицу и острый меч в три дня». Царь обрадовался, взял его за руку, поцеловал в уста и тотчас же написал к Марье-царевне грамотку, чтоб она гонцу тому поверила и выдала ему меч и палицу. Семен малый юныш принял от царя грамотку и пошел в путь-дорогу.

Отойдя с версту, обернулся он в оленя быстроногого и пустился словно стрела, из лука пущенная; бежал, бежал, устал и обернулся из оленя в зайца; припустил во всю заячью прыть. Бежал-бежал, все ноги прибил и обратился из зайца в маленькую птичку золотая головка; еще быстрей полетел, летел-летел и в полтора дня поспел в то царство, где Марья-царевна находилась. Обернулся человеком, вошел во дворец и подал царевне грамотку. Марья-царевна приняла ее, распечатала, прочитала и говорит: «Как же это сумел ты столько земель и так скоро пробежать?» — «А вот как»,— отвечал гонец — обратился в оленя быстроногого, пробежал раз-другой по царевниной палате, подошел к Марье-царевне и положил к ней на колени свою голову; она взяла ножницы и вырезала у оленя с головы клок шерсти. Олень обратился в зайца, заяц попрыгал немного по комнате и вскочил к царевне на колени; она вырезала у него клок шерсти. Заяц обратился в маленькую птичку с золотой головкою, птичка полетала немного по комнате и села к царевне на руку; Марья-царевна срезала у ней с головы золотых перышков, и все это — и оленью шерсть, и заячью шерсть, и золотые перышки завязала в платок и спрятала к себе. Птичка золотая головка обратилась в гонца.

Царевна накормила его, напоила, в путь снарядила, отдала ему боевую палицу и острый меч; после они простились, на прощанье крепко поцеловались, и пошел Семен малый юныш обратно к царю. Опять побежал он оленем быстроногим, поскакал косым зайцем, полетел маленькой птичкою и к концу третьего дня усмотрел царский лагерь вблизи. Не доходя до войска шагов с триста, лег он на морском берегу, подле ракитова куста, отдохнуть с дороги; палицу боевую и острый меч около себя положил. От великой усталости он скоро и крепко уснул; в это время случилось одному генералу проходить мимо ракитова куста, увидал он гонца, тотчас столкнул его в море, взял боевую палицу и острый меч, принес к государю и сказал: «Ваше величество! Вот вам боевая палица и острый меч, я сам за ними ходил; а тот пустохвал, Семен малый юныш, верно года три проходит!» Царь поблагодарил генерала, начал воевать с неприятелем и в короткое время одержал над ним славную победу.

А Семен малый юныш, как сказано, упал в море. В ту ж минуту подхватил его морской царь и унес в самую глубину. Жил он у того царя целый год, стало ему скучно, запечалился он и горько заплакал. Пришел к нему морской царь: «Что, Семен малый юныш, скучно тебе здесь?» — «Скучно, ваше величество!» — «Хошь на русский свет?» — «Хочу, если ваша царская милость будет». Морской царь вынес его в самую полночь, оставил на берегу, а сам ушел в море. Семен малый юныш начал богу молиться: «Дай, господи, солнышка!» Перед самым восходом красного солнца явился морской царь, ухватил его опять и унес в морскую глубину.

Прожил там Семен малый юныш еще целый год; сделалось ему скучно, и он горько-горько заплакал. Спрашивает морской царь: «Что, али тебе скучно?» — «Скучно!» — молвил Семен малый юныш. «Хошь на русский свет?» — «Хочу, ваше величество!» Морской царь вынес его в полночь нá берег, сам ушел в море. Начал Семен малый юныш со слезами богу молиться: «Дай, господи, солнышка!» Только чуть-чуть рассветать стало, пришел морской царь, ухватил его и унес в морскую глубину. Прожил Семен малый юныш третий год в море, стало ему скучно, и он горько, неутешно заплакал. «Что, Семен, скучно тебе?..— спрашивает морской царь.— Хошь на русский свет?» — «Хочу, ваше величество!» Морской царь вынес его нá берег, сам ушел в море. Семен малый юныш начал со слезами богу молиться: «Дай, господи, солнышка!» Вдруг солнце осияло своими лучами, и уж морской царь не смог больше взять его в полон.

Семен малый юныш отправился в свое государство; оборотился сперва оленем, потом зайцем, а потом маленькой птичкой золотая головка; в короткое время очутился у царского дворца. А покуда все это сделалось, царь успел с войны воротиться и засватал свою дочь Марью-царевну за генерала-обманщика. Семен малый юныш входит в ту самую палату, где за столом сидели жених да невеста. Увидала его Марья-царевна и говорит царю: «Государь-батюшка! Не вели казнить, позволь речь говорить».— «Говори, дочь моя милая! Что тебе надобно?» — «Государь-батюшка! Не тот мой жених, что за столом сидит, а вот он — сейчас пришел! Покажи-ка, Семен малый юныш, как в тé поры ты наскоро сбегал за боевой палицей, за острым мечом». Семен малый юныш оборотился в оленя быстроногого, пробежал раз-другой по комнате и остановился возле царевны. Марья-царевна вынула из платочка срезанную оленью шерсть, показывает царю, в коем месте она ее срезала, и говорит: «Посмотри, батюшка! Вот мои приметочки». Олень оборотился в зайца; зайчик попрыгал-попрыгал по комнате и прискочил к царевне; Марья-царевна вынула из платочка заячью шерсть. Зайчик оборотился в маленькую птичку с золотой головкою; птичка полетала-полетала по комнате и села к царевне на колени; Марья-царевна развязала третий узелок в платке и показала золотые перышки. Тут царь узнал всю правду истинную, приказал генерала казнить, Марью-царевну выдал за Семена малого юнышу и сделал его своим наследником.

260—263. СЕСТРИЦА АЛЕНУШКА, БРАТЕЦ ИВАНУШКА

260

Жили-были себе царь и царица; у них были сын и дочь, сына звали Иванушкой, а дочь Аленушкой. Вот царь с царицею померли, остались дети одни и пошли странствовать по белу свету. Шли, шли, шли... идут и видят пруд, а около пруда пасется стадо коров. «Я хочу пить»,— говорит Иванушка. «Не пей, братец, а то будешь теленочком»,— говорит Аленушка. Он послушался, и пошли они дальше; шли-шли и видят реку, а около ходит табун лошадей. «Ах, сестрица, если б ты знала, как мне пить хочется».— «Не пей, братец, а то сделаешься жеребеночком». Иванушка послушался, и пошли они дальше, шли-шли и видят озеро, а около него гуляет стадо овец. «Ах, сестрица, мне страшно пить хочется».— «Не пей, братец, а то будешь баранчиком». Иванушка послушался, и пошли они дальше; шли-шли и видят ручей, а возле стерегут свиней. «Ах, сестрица, я напьюся; мне ужасно пить хочется».— «Не пей, братец, а то будешь поросеночком». Иванушка опять послушался, и пошли они дальше; шли-шли и видят: пасется у воды стадо коз. «Ах, сестрица, я напьюся».— «Не пей, братец, а то будешь козленочком». Он не вытерпел и не послушался сестры, напился и стал козленочком, прыгает перед Аленушкой и кричит: «Ме-ке-ке! Ме-ке-ке!» 146а

Аленушка обвязала его шелковым поясом и повела с собою, а сама-то плачет, горько плачет... Козленочек бегал-бегал и забежал раз в сад к одному царю. Люди увидали и тотчас доказывают царю: «У нас, ваше царское величество, в саду козленочек, и держит его на поясе девица, да такая из себя красавица». Царь приказал спросить, кто она такая. Вот люди и спрашивают ее: откуда она и чьего роду-племени? «Так и так,— говорит Аленушка,— был царь и царица, да померли; остались мы, дети: я — царевна, да вот братец мой, царевич; он не утерпел, напился водицы и стал козленочком». Люди доложили все это царю. Царь позвал Аленушку, расспросил обо всем; она ему приглянулась, и царь захотел на ней жениться. Скоро сделали свадьбу и стали жить себе, и козленочек с ними — гуляет себе по саду, а пьет и ест вместе с царем и царицею.

Вот поехал царь на охоту. Тем временем пришла колдунья и навела на царицу порчу: сделалась Аленушка больная, да такая худая да бледная. На царском дворе все приуныло; цветы в саду стали вянуть, деревья сохнуть, трава блекнуть. Царь воротился и спрашивает царицу: «Али ты чем нездорова?» — «Да, хвораю»,— говорит царица. На другой день царь опять поехал на охоту. Аленушка лежит больная; приходит к ней колдунья и говорит: «Хочешь, я тебя вылечу? Выходи к такому-то морю столько-то зорь и пей там воду». Царица послушалась и в сумерках пошла к морю, а колдунья уж дожидается, схватила ее, навязала ей на шею камень и бросила в море. Аленушка пошла на дно; козленочек прибежал

и горько-горько заплакал. А колдунья оборотилась царицею и пошла во дворец.

Царь приехал и обрадовался, что царица опять стала здоро́ва. Собрали на стол и сели обедать. «А где же козленочек?» — спрашивает царь. «Не надо его,— говорит колдунья,— я не велела пускать; от него так и несет козлятиной!» На другой день, только царь уехал на охоту, колдунья козленочка била-била, колотила-колотила и грозит ему: «Вот воротится царь, я попрошу тебя зарезать». Приехал царь; колдунья так и пристает к нему: «Прикажи да прикажи зарезать козленочка; он мне надоел, опротивел совсем!» Царю жалко было козленочка, да делать нечего — она так пристает, так упрашивает, что царь, наконец, согласился и позволил его зарезать. Видит козленочек: уж начали точить на него ножи булатные, заплакал он, побежал к царю и просится: «Царь! Пусти меня на́ море сходить, водицы испить, кишочки всполоскать». Царь пустил его. Вот козленочек прибежал к морю, стал на берегу и жалобно закричал:

Аленушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бе́режок.
Огни горят горючие,
Котлы кипят кипучие,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

Она ему отвечает:

Иванушка-братец!
Тяжел камень ко дну тянет,
Люта змея сердце высосала!

Козленочек заплакал и воротился назад. Посеред дня опять просится он у царя: «Царь! Пусти меня на́ море сходить, водицы испить, кишочки всполоскать». Царь пустил его. Вот козленочек прибежал к морю и жалобно закричал:

Аленушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бе́режок.
Огни горят горючие,
Котлы кипят кипучие,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

Она ему отвечает:

Иванушка-братец!
Тяжел камень ко дну тянет,
Люта змея сердце высосала!

Козленочек заплакал и воротился домой. Царь и думает: что бы это значило, козленочек все бегает на́ море? Вот попросился козленочек в третий раз: «Царь! Пусти меня на́ море сходить, водицы испить, кишочки всполоскать». Царь отпустил его и сам пошел за ним следом;

приходит к морю и слышит — козленочек вызывает сестрицу:

Аленушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бе́режок.
Огни горят горючие,
Котлы кипят кипучие,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

Она ему отвечает:

Иванушка-братец!
Тяжел камень ко дну тянет,
Люта змея сердце высосала!

Козленочек опять зачал вызывать сестрицу. Аленушка всплыла кверху и показалась над водой. Царь ухватил ее, сорвал с шеи камень и вытащил Аленушку на берег, да и спрашивает: как это сталося? Она ему все рассказала. Царь обрадовался, козленочек тоже — так и прыгает, в саду все зазеленело и зацвело. А колдунью приказал царь казнить: разложили на дворе костер дров и сожгли ее. После того царь с царицей и с козленочком стали жить да поживать да добра наживать и по-прежнему вместе и пили и ели.

261

дут двое сироток — сестрица Аленушка с братцем Иванушкой 146b
по дальнему пути, по широкому полю, а жар-то, жар их донимает. Захотелось Иванушке пить: «Сестрица Аленушка, я пить хочу!» — «Подожди, братец, дойдем до колодца». Шли-шли — солнце высоко, колодезь далеко, жар донимает, пот выступает! Стоит коровье копытце полно водицы. «Сестрица Аленушка, хлебну я из копытца?» — «Не пей, братец, теленочком скинешься». Братец послушался, пошел дальше. Солнце высоко, колодезь далеко, жар донимает, пот выступает! Стоит лошадиное копытце полно водицы. «Сестрица Аленушка, напьюсь я из копытца?» — «Не пей, братец, жеребеночком станешь». Вздохнул Иванушка, опять пошел. Солнце высоко, колодезь далеко, жар донимает, пот выступает! Стоит баранье копытце полно водицы. Братец увидел его и, не спросясь с Аленушкой, выпил до дна. Аленушка зовет Иванушку, а вместо Иванушки за ней бежит беленький баранчик. Догадалась она, залилась слезами, села под стожок — плачет, а баранчик возле нее по травке скачет. Ехал мимо барин, остановился и спрашивает: «О чем ты, красная девушка, плачешь?» Рассказала она ему свою беду. «Поди,— говорит,— за меня; я тебя наряжу и в платье и в серебро и баранчика не покину: где будешь ты, там будет и он». Аленушка согласилась; обвенчались и жили так, что добрые люди, глядя на них, радовались, а дурные завидовали.

Один раз мужа не было дома, Аленушка оставалась одна. Ведьма навязала ей на шею камень и бросила в воду, а сама нарядилась в ее

платье и заселилась в барских палатах; никто ее не распознал, сам муж обманулся. Одному баранчику все было ведомо, один он печалился, повесил голову, не бирал корму и утро и вечер ходил около воды по бережку да кричал: «Бя, бя!» Узнала о том ведьма, и нелюбо ей стало; велела разложить костры высокие, разогреть котлы чугунные, наточить ножи булатные и говорит: «Барана надо зарезать!» Послала слугу его поймать. Муж дивится: как жена-то любила барана, мне надоела — пой его, корми его, а то велит резать! А баранчик спроведал, что ему недолго жить, лег на бережку и причитывает:

Аленушка, сестрица моя!
Меня хотят зарезати;
Костры кладут высокие,
Котлы греют чугунные,
Ножи точат булатные!

Аленушка ему в ответ:

Ах, братец мой Иванушка!
Тяжел камень шею перетер,
Шелкова трава на руках свилась,
Желты пески на груди легли!

Человек слушает, что за чудо? Пошел, сказал барину; стали оба караулить. Баранчик пришел и опять стал вызывать Аленушку и плакаться над водою:

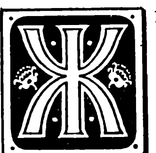
Сестрица моя, Аленушка!
Меня хотят зарезати;
Костры кладут высокие,
Котлы греют чугунные,
Ножи точат булатные!

Аленушка ему в ответ:

Ах, братец мой Иванушка!
Тяжел камень шею перетер,
Шелкова трава на руках свилась,
Желты пески на груди легли!

«Людей! Людей! — закричал барин.— Собирайся, челядь дворовая, запускай невода, закидай сети шелковые!» Собралась челядь дворовая, закинула сети шелковые; Аленушка и поймалась. Вытащили ее на бережок, отрезали камень, окунули ее, сполоснули в чистой воде, белым полотном обернули, и стала она еще лучше, чем была, и обняла своего мужа. Баранчик стал опять братец Иванушка, и зажили все по-старому, по-хорошему, только ведьме досталось; ну да ей, говорят, туда и дорога, об такой не жалеют!

262

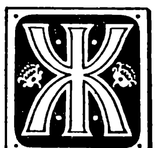
Жили сестрица и братец, и пошли они в лес по ягоды. Шли- 146е шли; вот на дороге лежит лошадино копытце с водицей; вот братец и говорит: «Сестрица, я пить хочу; я в этом копытце напьюсь».— «Нет, не пей, братец, коняшка будешь». Еще шли-шли, коровье копытце стоит. «Сестрица, сестрица, я пить хочу!» — «Нет, не пей, бычок будешь». Шли-шли; стоит овечье копытце. «Сестрица, сестрица! Я напьюсь».— «Нет, не пей, баранчик будешь». Шли, шли; стоит козино копытце. «Сестрица, сестрица, я напьюсь!» — «Нет, не пей, а то козельчик будешь». Пошли дальше; он не утерпел, отвернулся и напился, и обратился козельчиком, бежит и блеет. «Я говорила тебе: не пей!» Идут; барин едет и говорит: «Продай, девушка, козельчика».— «Нет, он у меня не продажный; это мой братец, а не козельчик!» Барин взял обоих их, увез и на девушке женился и козельчика ласкал.

Вот барин уехал, а эту жену его, Аленушку, дворовые ненавидели, взяли привязали ей на шею камень большущий и бросили в реку, а вместо ее другая убралась в ее платье. Барин приехал и не узнал. Эта другая жена хотела известь и козельчика и велела барину зарезать его. «Я,— говорит,— хочу козлиного мясца». Барин велел слугам зарезать козельчика. Козельчик почуял, приходит к барину и говорит: «Барин, барин! Пусти меня на речку водицы испить, кишочки промыть, твоей барыне лучше будет кушать!» — «Ступай, да не уходись[1]». Он пошел, на бережку сел и стал кричать: «Аленушка, сестричушка, тебе тошно, а мне тошней твоего; меня, козла, хотят резать, ножи точат булатные, котлы кипят немецкие, огни горят всё жаркие!» А она ему говорит, выныривая из реки: «Иванушка, родимый мой, тебе тошно, а мне тошней твоего; тяжел камень ко дну тянет, бела-рыба глаза выела, люта змея сердце высосала, шелкова трава ноги спутала!» Козельчик пошел домой, полежал и опять у барина просится на реку; барин пустил и послал следом слугу посмотреть, зачем он часто ходит туда. Козельчик сел на бережку и опять закричал: «Аленушка, сестричушка, тебе тошно, а мне тошней твоего; меня, козла, хотят резать, ножи точат булатные, котлы кипят немецкие, огни горят всё жаркие!» Она ему говорит: «Иванушка, родимый мой, тебе тошно, а мне тошней твоего; тяжел камень ко дну тянет, бела-рыба глаза выела, люта змея сердце высосала, шелкова трава ноги спутала!» Пришли домой, слуга ничего не сказал барину; а козельчик немножко повернулся и опять просится у барина на речку водицы испить, кишочки промыть. Барин отпустил и сам пошел следом. Козельчик сел на бережку и стал опять кричать: «Аленушка, сестричушка, меня, козла, хотят резать, ножи точат булатные, котлы кипят немецкие, огни горят всё жаркие!» И она выныривает из реки и говорить стала: «Иванушка, родимый мой!..» Как барин то угадал, да

[1] *Уходиться* — пропасть, погибнуть (*Ред*).

вдруг кинется и вытащил ее; узнал обо всем, всех пересек, а которая на место ее сделалась (ту) прогнал; а с этой начал жить-поживать попрежнему, и козельчику стало хорошо.

263

ил старик со старухой. У них был сынок Иванушка и дочка Оленушка. Отец послал их в лес за ягодками. Они пошли; пришли в лес и нашли земляночку. Оленушка сказала: «Давай, братец, взойдем в эту землянку». Взошли и увидели: лежит на печи и спит яга-баба. Они сели на лавку и стали играть Оленушкиным кольчиком[1]. Долго ли, коротко ли в ней посидели, потом вышли из землянки. Отойдя немножко, Оленушка сказала: «Ох, братец Иванушка! Я кольчико-то позабыла в землянке на окошечке; поди возьми его, да смотри не лижи козлиного сальца, что на лавочке лежит». 146, вар.

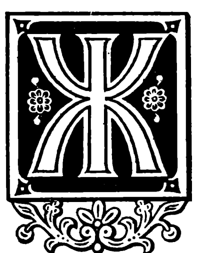
Пошел Иванушка и дорогою сам с собою думает: что мне сестрица не велела лизать сальца? Пришел в землянку, взял кольчико и лизнул сальце, да и сделался козлом. Надел кольчико на рога, бежит к Оленушке и блеет по-козлиному. «Ох ты дурачок, Иванушка! — говорит Оленушка.— Ведь я тебе наказывала, чтобы не лизал сальце; а ты не послушал-таки меня!..» Взял их барин к себе, и живут они у него с год времени.

Вот пришли к Оленушке дочери яги-бабы, зовут ее купаться. Долго она отказывалась; наконец уговорили. Пришли к воде, скинули с себя рубашки, полезли в воду. Ягины дочери привязали Оленушке на шею камень и пустили с ним в воду... Козленочек ходит на бережок и горько плачет, приговаривая: «Оленушка, сестрица моя! Ты выдь ко мне, ты выгляни: я братец твой, Иванушка, пришел к тебе с нерадостной весточкой, меня, козла, убить хотят, зарезати...» Оленушка из воды отвечает ему: «Ох, братец мой Иванушка! Я рада бы к тебе выглянуть, тяжел камень ко дну тянет...» Слуги прошли за козленочком, и как на его голос выглянула из реки Оленушка — они тотчас схватили ее и вытащили на берег. Барин взял Оленушку к себе в дом, а козла Иванушку пустил в сад гулять, а дочерей яги-бабы приказал расстрелять.

[1] Колечком (*Ред.*).

264. ЦАРЕВНА — СЕРА УТИЦА

ил царь с царицею, у них были дети: сын да дочь; сына 147
звали Дмитрий-царевич, а дочь — Марья-царевна. Были приставлены к царевне и няньки и мамки, и ни одна не могла ее укачать-убаюкать. Только брат и умел это сделать: бывало, придет к ее кроватке и начнет припевать: «Баю-баюшки, сестрица! Баю-баюшки, родная! Вырастешь большая, отдам тебя замуж за Ивана-царевича». Она закроет глазки и заснет. Прошло несколько лет, собрался Дмитрий-царевич и поехал в гости к Ивану-царевичу; прогостил там три месяца — много играли, много гуляли; стал уезжать и зовет к себе Ивана-царевича. «Хорошо,— говорит,— приеду!» Воротился домой, взял портрет своей сестры и повесил над своею постелью, и так хороша была царевна, что все бы смотрел на ее портрет: глаз оторвать невозможно!

Нежданно-негаданно приезжает Иван-царевич к Дмитрию-царевичу, входит в его комнату, а он спит себе крепким сном. Увидал Иван-царевич портрет Марьи-царевны — и в ту ж минуту влюбился в нее, выхватил свой меч и занес на ее брата. Бог не попустил греха, словно что толкнуло Дмитрия-царевича — вмиг проснулся и спрашивает: «Что ты делать хочешь?» — «Хочу тебя убить!» — «За что, Иван-царевич?» — «Ведь это портрет твоей невесты?» — «Нет, моей сестры Марьи-царевны».— «Ах, что же ты мне никогда об ней не сказывал! Я теперь жить без нее не могу». — «Ну что ж! Женись на сестре, будем братьями». Иван-царевич бросился обнимать Дмитрия-царевича. Тут они и поладили, по рукам ударили.

Иван-царевич домой уехал — к свадьбе готовиться, а Дмитрий-царевич стал собираться с своею сестрицею в путь-дорогу, к жениху в гости. Снарядили два корабля: в одном брат плывет, в другом сестра плывет, а при ней нянька с дочкою. Вот как выехали корабли посеред моря синего, нянька и говорит Марье-царевне: «Скинь с себя драгоценное платье да ложись на перину — тебе спокойней будет!» Царевна скинула платье, и только легла на перину — нянька ударила ее слегка по белому телу, и сделалась Марья-царевна серой утицею, взвилась-полетела с корабля на сине море. А нянька нарядила свою дочь в царевнино платье, сидят обе да величаются. Приехали в землю Ивана-царевича; он тотчас выбежал навстречу и портрет Марьи-царевны с собой захватил; смотрит, а невеста далеко на тот портрет не похожа! Разгневался на Дмитрия-царевича, велел посадить его в темницу, в день давать ему по куску черствого хлеба да по стакану воды; кругом были часовые приставлены, и наказано им настрого никого не пускать к заключеннику.

Приходит время к полуночи, стала сера утица с моря подыматься, полетела к родимому братцу — все царство собой осияла: крыльями машет, а с них словно жар сыпется! Подлетела к темнице да прямо в окошечко, крылышки на гвоздик повесила, а сама к брату пошла: «Родимый мой братец, Дмитрий-царевич! Тебе тошно в темнице сидеть, по

стакану воды пить, по куску хлеба есть; а мне, братец, тошнее того по синю морю плавать! Сгубила нас злая нянюшка, скинула с меня драгоценное платье — нарядила в него свою дочку». Братец с сестрицею поплакали, погоревали вместе; ранним утром улетела сера утица на сине море. Докладывают Ивану-царевичу: «Так и так, прилетала к заключеннику сера утица — все царство собой осияла!» Приказал он, чтоб сейчас дали ему знать, как скоро та утица опять прилетит.

Вот подходит время к полуночи; вдруг море заколыхалося, поднялась с него сера утица, полетела — все царство собой осветила, крылышками машет, а с них словно жар сыпется. Прилетела к темнице, крылышки свои на окне оставила, а сама к брату пошла. Тотчас же разбудили Ивана-царевича; он побежал к темнице, смотрит: на окне лежат крылышки, взял и велел их на огне спалить, а сам приложил ухо да слушает — про что говорят братец с сестрицею. «Родимый мой братец! — говорит Марья-царевна.— Тебе тошно в темнице сидеть, по стакану воды пить, по куску хлеба есть; а мне тошнее того по синю морю плавать! Сгубила нас злая нянюшка, скинула с меня драгоценное платье — нарядила в него свою дочку... Ах, братец, что-то гарью пахнет!» — «Нет, сестрица! Я ничего не слышу».

Иван-царевич отворил темницу, входит туда — Марья-царевна в ту ж минуту бросилась к окошечку, видит: крылышки ее до половины обожжены; тут ухватил ее Иван-царевич за белые руки, а она стала оборачиваться разными гадами. Иван-царевич не пугается, из рук ее не пущает... Вот, наконец, она веретеном обратилась; царевич переломил веретено надвое, один конец бросил вперед, а другой назад и говорит: «Стань передо мной красна девица, а за мной белая береза!» Стала позади его белая береза, а перед ним явилась Марья-царевна во всей своей красоте. Иван-царевич выпросил себе прощение у Дмитрия-царевича, и все трое во дворец пошли; а на другой день была свадьба: Иван-царевич женился на Марье-царевне; гости долго пировали, веселились, прохлаждались. А няньку с дочкою отослали в такое место, чтоб об них ни слуху ни духу не было!

265. БЕЛАЯ УТОЧКА

Один князь женился на прекрасной княжне и не успел еще на нее наглядеться, не успел с нею наговориться, не успел ее наслушаться, а уж надо было им расставаться, надо было ему ехать в дальний путь, покидать жену на чужих руках. Что делать! Говорят, век обнявшись не просидеть. Много плакала княгиня, много князь ее уговаривал, заповедовал не покидать высока терема, не ходить на беседу, с дурными людьми не ватажиться[1], худых речей не слушаться. Княгиня обещала все исполнить. Князь уехал; она заперлась в своем покое и не выходит.

Долго ли, коротко ли, пришла к ней женщинка, казалось — такая простая, сердечная! «Что,— говорит,— ты скучаешь? Хоть бы на божий свет поглядела, хоть бы по саду прошлась, тоску размыкала, голову простудила[2]». Долго княгиня отговаривалась, не хотела, наконец подумала: по саду походить не беда, и пошла. В саду разливалась ключевая хрустальная вода. «Что,— говорит женщинка,— день такой жаркий, солнце палит, а водица студеная — так и плещет, не искупаться ли нам здесь?» — «Нет, нет, не хочу!» — а там подумала: ведь искупаться не беда! Скинула сарафанчик и прыгнула в воду. Только окунулась, женщинка ударила ее по спине: «Плыви ты,— говорит,— белою уточкой!». И поплыла княгиня белою уточкой. Ведьма тотчас нарядилась в ее платье, убралась, намалевалась и села ожидать князя. Только щенок вякнул, колокольчик звякнул, она уж бежит навстречу, бросилась к князю, целует, милует. Он обрадовался, сам руки протянул и не распознал ее.

А белая уточка нанесла яичек, вывела деточек, двух хороших, а третьего заморышка, и деточки ее вышли — ребяточки; она их вырастила, стали они по реченьке ходить, злату рыбку ловить, лоскутики сбирать, кафтаники сшивать, да выскакивать на бережок, да поглядывать на лужок. «Ох, не ходите туда, дети!» — говорила мать. Дети не слушали; нынче поиграют на травке, завтра побегают по муравке, дальше, дальше, и забрались на княжий двор. Ведьма чутьем их узнала, зубами заскрипела; вот она позвала деточек, накормила-напоила и спать уложила, а там велела разложить огня, навесить котлы, наточить ножи. Легли два братца и заснули,— а заморышка, чтоб не застудить, приказала (им) мать в пазушке носить — заморышек-то и не спит, все слышит, все видит. Ночью пришла ведьма под дверь и спрашивает: «Спите вы, детки, иль нет?» Заморышек отвечает: «Мы спим — не спим, думу думаем, что хотят нас всех порезати; огни кладут калиновые, котлы высят кипучие, ножи точат булатные!» — «Не спят!»

Ведьма ушла, походила-походила, опять под дверь: «Спите, детки, или нет?» Заморышек опять говорит то же: «Мы спим — не спим, думу думаем,

[1] *Ватажиться* — знаться, сближаться, связываться, водиться (*Ред.*).

[2] Освежила чистым воздухом.

что хотят нас всех порезати; огни кладут калиновые, котлы высят кипучие, ножи точат булатные!» — «Что же это все один голос?» — подумала ведьма, отворила потихоньку дверь, видит: оба брата спят крепким сном, тотчас обвела их мертвой рукою [3] — и они померли.

Поутру белая уточка зовет деток; детки нейдут. Зачуяло ее сердце, встрепенулась она и полетела на княжий двор. На княжьем дворе, белы как платочки, холодны как пласточки, лежали братцы рядышком. Кинулась она к ним, бросилась, крылышки распустила, деточек обхватила и материнским голосом завопила:

Кря, кря, мои деточки!
Кря, кря, голубяточки!
Я нуждой вас выхаживала,
Я слезой вас выпаивала,
Темну ночь не досыпала,
Сладок кус не доедала!

«Жена, слышишь небывалое? Утка приговаривает».— «Это тебе чудится! Велите утку со двора прогнать!» Ее прогонят, она облетит да опять к деткам:

Кря, кря, мои деточки!
Кря, кря, голубяточки!
Погубила вас ведьма старая,
Ведьма старая, змея лютая,
Змея лютая, подколодная;
Отняла у вас отца родного,
Отца родного — моего мужа,
Потопила нас в быстрой реченьке,
Обратила нас в белых уточек,
А сама живет — величается!

«Эге!» — подумал князь и закричал: «Поймайте мне белую уточку!» Бросились все, а белая уточка летает и никому не дается; выбежал князь сам, она к нему на руки пала. Взял он ее за крылышко и говорит: «Стань белая береза у меня позади, а красная девица впереди!» Белая береза вытянулась у него позади, а красная девица стала впереди, и в красной девице князь узнал свою молодую княгиню. Тотчас поймали сороку, подвязали ей два пузырька, велели в один набрать воды живящей, в другой говорящей. Сорока слетала, принесла воды. Сбрызнули деток живящею водою — они встрепенулись, сбрызнули говорящею — они заговорили. И стала у князя целая семья, и стали все жить-поживать, добро наживать, худо забывать. А ведьму привязали к лошадиному хвосту, размыкали по полю: где оторвалась нога — там стала кочерга, где рука — там грабли, где голова — там куст да колода; налетели птицы — мясо поклевали, поднялися ветры — кости разметали, и не осталось от ней ни следа, ни памяти!

[3] Есть поверье, что воры запасаются рукою мертвеца и, приходя на промысел, обводят ею спящих хозяев, чтобы навести на них непробудный сон.

266. АРЫСЬ-ПОЛЕ

старика была дочь красавица, жил он с нею тихо и мирно, 149
пока не женился на другой бабе, а та баба была злая ведьма. Не возлюбила она падчерицу, пристала к старику: «Прогони ее из дому, чтоб я ее и в глаза не видала». Старик взял да и выдал свою дочку замуж за хорошего человека; живет она с мужем да радуется и родила ему мальчика. А ведьма еще пуще злится, зависть ей покоя не дает; улучила она время, обратила свою падчерицу зверем Арысь-поле и выгнала в дремучий лес, а в падчерицыно платье нарядила свою родную дочь и подставила ее вместо настоящей жены. Так все хитро сделала, что ни муж, ни люди — никто обмана не видит. Только старая мамка одна и смекнула, а сказать боится. С того самого дня, как только ребенок проголодается, мамка понесет его к лесу и запоет:

Арысь-поле! Дитя кричит,
Дитя кричит, пить-есть хочет.

Арысь-поле прибежит, сбросит свою шкурку под колоду, возьмет мальчика, накормит; после наденет опять шкурку и уйдет в лес. «Куда это мамка с ребенком ходит?» — думает отец. Стал за нею присматривать; увидал, как Арысь-поле прибежала, сбросила с себя шкурку и стала кормить малютку. Он подкрался из-за кустов, схватил шкурку и спалил ее. «Ах, что-то дымом пахнет; никак моя шкурка горит!» — говорит Арысь-поле. «Нет,— отвечает мамка,— это, верно, дровосеки лес подожгли». Шкурка сгорела, Арысь-поле приняла прежний вид и рассказала все своему мужу. Тотчас собрались люди, схватили ведьму и сожгли ее вместе с ее дочерью.

267—269. ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

267

стары годы, в старопрежни, у одного царя было три 150а
сына — все они на возрасте. Царь и говорит: «Дети! Сделайте себе по самострелу и стреляйте: кака женщина принесет стрелу, та и невеста; ежели никто не принесет, тому, значит, не жениться». Большой сын стрелил, принесла стрелу княжеска дочь; средний стрелил, стрелу принесла генеральска дочь; а малому Ивану-царевичу принесла стрелу из болота лягуша в зубах. Те братья были веселы и радостны, а Иван-царевич призадумался, заплакал: «Как я стану

жить с лягушей? Век жить — не реку перебрести или не поле перейти!» Поплакал-поплакал, да нечего делать — взял в жены лягушу. Их всех обвенчали по ихнему там обряду; лягушу держали на блюде.

Вот живут они. Царь захотел одиножды посмотреть от невесток дары, котора из них лучше мастерица. Отдал приказ. Иван-царевич опять призадумался, плачет: «Чего у меня сделат лягуша! Все станут смеяться». Лягуша ползат по полу, только квакат. Как уснул Иван-царевич, она вышла на улицу, сбросила кожух [1], сделалась красной де́вицей и крикнула: «Няньки-маньки [2]! Сделайте то-то!» Няньки-маньки тотчас принесли рубашку самой лучшей работы. Она взяла ее, свернула и положила возле Ивана-царевича, а сама обернулась опять лягушей, будто ни в чем не бывала! Иван-царевич проснулся, обрадовался, взял рубашку и понес к царю. Царь принял ее, посмотрел: «Ну, вот это рубашка — во Христов день [3] надевать!» Середний брат принес рубашку; царь сказал: «Только в баню в ней ходить!» А у большого брата взял рубашку и сказал: «В черной избе ее носить!» Разошлись царски дети; двое-то и судят между собой: «Нет, видно мы напрасно смеялись над женой Ивана-царевича, она не лягуша, а кака-нибудь хи́тра [4]!»

Царь дает опять приказанье, чтоб снохи состряпали хлебы и принесли ему напоказ, котора лучше стряпат? Те невестки сперва смеялись над лягушей; а теперь, как пришло время, они и послали горнишну подсматривать, как она станет стряпать. Лягуша смекнула это, взяла замесила квашню, скатала, печь сверху выдолбила, да прямо туда квашню и опрокинула. Горнишна увидела, побежала, сказала своим барыням, царским невесткам, и те так же сделали. А лягуша хитрая только их провела, тотчас тесто из печи выгребла, все очистила, замазала, будто ни в чем не бывала, а сама вышла на крыльцо, вывернулась из кожуха и крикнула: «Няньки-маньки! Состряпайте сейчас же мне хлебов таких, каки мой батюшка по воскресеньям да по праздникам только ел». Няньки-маньки тотчас притащили хлеба. Она взяла его, положила возле Ивана-царевича, а сама сделалась лягушей. Иван-царевич проснулся, взял хлеб и понес к отцу. Отец в то время принимал хлебы от бо́льших братовей; их жены как поспускали в печь хлебы так же, как лягуша,— у них и вышло кули-мули. Царь наперво принял хлеб от большого сына, посмотрел и отослал на кухню; от середнего принял, туда же послал. Дошла очередь до Ивана-царевича; он подал свой хлеб. Отец принял, посмотрел и говорит: «Вот это хлеб — во Христов день есть! Не такой, как у бо́льших снох, с закалой [5]!»

После того вздумалось царю сделать бал, посмотреть своих сношек, котора лучше пляшет? Собрались все гости и снохи, кроме Ивана-царевича; он задумался: «куда я с лягушей поеду?» И заплакал навзрыд наш Иван-царевич. Лягуша и говорит ему: «Не плачь, Иван-царевич! Ступай на бал. Я через час буду». Иван-царевич немного обрадовался,

[1] Кожа, шкурка.
[2] Мамки.
[3] В праздник.
[4] Т. е. чародейка.
[5] Сырое, непропеченное место в хлебе (*Ред.*).

как услыхал, что́ лягуша бает; уехал, а лягуша пошла, сбросила с себя кожух, оделась чудо как! Приезжает на бал; Иван-царевич обрадовался, и все руками схлопали: кака красавица! Начали закусывать; царевна огложет коску[6], да и в рукав, выпьет чего — остатки в другой рукав. Те снохи видят, чего она делат, и они тоже кости кладут к себе в рукава, пьют чего — остатки льют в рукава. Дошла очередь танцевать; царь посылает бо́льших снох, а они ссылаются на лягушу. Та тотчас подхватила Ивана-царевича и пошла; уж она плясала-плясала, вертелась-вертелась — всем на диво! Махнула правой рукой — стали леса и воды, махнула левой — стали летать разные птицы. Все изумились. Отплясала — ничего не стало. Други снохи пошли плясать, так же хотели: котора правой рукой ни махнет, у той кости-та и полетят, да в людей, из левого рукава вода разбрызжет — тоже в людей. Царю не понравилось, закричал: «Будет, будет!» Снохи перестали.

Бал был на отходе. Иван-царевич поехал наперед, нашел там где-то женин кожух, взял его да и сжег. Та приезжат, хватилась кожуха: нет! — сожжен. Легла спать с Иваном-царевичем; перед утром и говорит ему: «Ну, Иван-царевич, немного ты не потерпел; твоя бы я была, а теперь бог знат. Прощай! Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве». И не стало царевны.

Вот год прошел, Иван-царевич тоскует о жене; на другой год собрался, выпросил у отца, у матери благословенье и пошел. Идет долго уж, вдруг попадатся ему избушка — к лесу передом, к нему задом. Он и говорит: «Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила,— к лесу задом, а ко мне передом». Избушка перевернулась. Вошел в избу; сидит старуха и говорит: «Фу-фу! Русской коски слыхом было не слыхать, видом не видать, нынче русска коска сама на двор пришла! Куда ты, Иван-царевич, пошел?» — «Прежде, старуха, напой-накорми, потом вести расспроси». Старуха напоила-накормила и спать положила. Иван-царевич говорит ей: «Баушка! Вот я пошел доставать Елену Прекрасну[7]». — «Ой, дитятко, как ты долго (не бывал)! Она с первых-то годов часто тебя поминала, а теперь уж не помнит, да и у меня давно не бывала. Ступай вперед к середней сестре, та больше знат».

Иван-царевич поутру отправился, дошел до избушки и говорит: «Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила,— к лесу задом, а ко мне передом». Избушка перевернулась. Он вошел в нее, видит — сидит старуха и говорит: «Фу-фу! Русской коски слыхом было не слыхать и видом не видать, а нынче русска коска сама на двор пришла! Куда, Иван-царевич, пошел?» — «Да вот, баушка, доступать Елену Прекрасну».— «Ой, Иван-царевич,— сказала старуха,— как ты долго! Она уж стала забывать тебя, выходит взамуж за другого: скоро свадьба! Живет теперь у большой сестры, ступай туда да смотри ты: как станешь подходить — у нее узнают, Елена обернется веретешком[8], а

[6] Кость.
[7] Т. е. свою жену.
[8] Веретеном.

платье на ней будет золотом. Моя сестра золото станет вить, как совьет веретешко, и положит в ящик, и ящик запрет, ты найди ключ, отвори ящик, веретешко переломи, кончик брось назад, а корешок перед себя: она и очутится перед тобой».

Пошел Иван-царевич, дошел до этой старухи, зашел в избу; та вьет золото, свила его веретешко и положила в ящик, заперла и ключ куда-то положила. Он взял ключ, отворил ящик, вынул веретешко и переломил по сказанному, как по писаному, кончик бросил за себя, а корешок перед себя. Вдруг и очутилась Елена Прекрасна, начала здороваться: «Ой, да как ты долго, Иван-царевич? Я чуть за другого не ушла». А тому жениху надо скоро быть. Елена Прекрасна взяла ковер-самолет у старухи, села на него, и понеслись, как птица полетели. Жених-от за ними вдруг и приехал, узнал, что они уехали; был тоже хитрый! Он ступай-ка за ними в погоню, гнал-гнал, только сажо́н десять не догнал: они на ковре влетели в Русь, а ему нельзя как-то в Русь-то, воротился; а те прилетели домой, все обрадовались, стали жить да быть да животы [9] наживать — на славу всем людям.

268

У одного царя было три сына. Он оделил их по стрелке и велел 150b
стрелять: кто куда стрельнет, тому там и невесту брать. Вот старший стрельнул, и его стрелка упала к генералу на двор, и подняла ее генералова дочь. Он пошел и стал просить у ней: «Девица, девица! Отдай мою стрелку». Она говорит ему: «Возьми меня замуж!» Другой стрельнул, его стрелка упала к купцу на двор, и подняла ее купцова дочь. Он пошел просить: «Девица, девица! Отдай мою стрелку». Она говорит: «Возьми меня за себя замуж!» Третий стрельнул, и стрелка его упала в болото, и взяла ее лягушка. Он пошел просить: «Лягушка, лягушка! Отдай мою стрелку!» Она говорит: «Возьми меня замуж!»

Вот они пришли к отцу и сказали, кто куда попал, а меньшой сказал, что стрелка его попала к лягушке в болото. «Ну, — говорит отец, — знать твоя судьба такая». Вот он женил их и сделал пир. На пиру молодые снохи стали плясать; старшая плясала-плясала, махнула рукой — свекра ушибла; другая плясала-плясала, махнула рукой — свекровь ушибла; третья, лягушка, стала плясать, махнула рукой — явились луга и сады; так все и ахнули!

Вот стали они ложиться спать. Лягушка скинула свою лягушечью кожуринку [1] и стала человеком. Муж ее взял эту кожуринку и бросил в печь. Кожуринка закурилась. Лягушка учуяла [2], схватила ее, осерчала на мужа, Ивана-царевича, и говорит: «Ну, Иван-царевич, ищи ж меня в седьмом царстве. Железные сапоги износи и три железных просвиры сгложи!» Спорхнула и улетела.

[9] Имение, богатство, скот домашний.
[1] Шкурку («кожурина»).
[2] Чутьем почувствовала.

Вот, делать нечего, пошел искать, взял железные сапоги и три железных просвиры. Шел-шел, сапоги железные износил и три просвиры железных сглодал и опять захотел есть. Встречается щука. Он говорит ей: «Я есть хочу, я тебя съем!» — «Нет, не ешь меня, я тебе сгожусь». Пошел дальше; встречается медведь. Иван-царевич говорит ему: «Я есть хочу, я тебя съем!» — «Нет, не ешь меня, я тебе сгожусь». Иван-царевич пошел опять голодный; летит соколиха. Он говорит ей: «Я тебя съем!» — «Нет, не ешь меня; я тебе сгожусь». Опять так пошел; ползет рак. Иван-царевич говорит: «Я тебя съем!» — «Нет, не ешь меня; я тебе сгожусь».

Иван-царевич опять пошел. Стоит избушка; он взошел в нее. Там сидит старушка и спрашивает его: «Что, Иван-царевич, дело пытаешь или от дела лытаешь[3]?» Иван-царевич говорит: «Ищу лягушку, жену свою». Старушка говорит: «Ой, Иван-царевич, она тебя хочет известь; я ее мать. Поди же ты, Иван-царевич, за́ море; там лежит камень, в этом камне сидит утка, в этой утке яичко; возьми это яичко и принеси ко мне». Вот он пошел за́ море; пришел к морю и говорит: «Где моя щука? Она б мне рыбий мост настелила». Откуда ни возьмись щука, настелила рыбий мост. Он по нем пришел к камню, бил, бил — не расшиб и говорит: «Где мой медведь? Он бы мне расколол его». Явился медведь и ну колоть — расколол. Утка выскочила оттуда и улетела. Иван-царевич говорит: «Где моя соколиха? Она б мне утку поймала и принесла». Смотрит, а соколиха тащит ему утку. Он взял, разрезал ее, вынул яичко, стал мыть его и уронил в воду. «Где мой рак? — говорит Иван-царевич, — он бы достал мне яичко!» Смотрит, а рак несет ему яичко, он взял и пошел к старушке в избушку, отдал ей яичко. Она замесила и испекла из него пышечку; а Ивана-царевича посадила в коник[4] и приказала: «Вот скоро твоя лягушка прилетит, а ты молчи и вставай, когда я велю». Вот он сел в коник. Прилетела лягушка, железным пихтелем стучит и говорит: «Фу! Русским духом пахнет; каб Иван-царевич попался, я б его разорвала!» Мать-старушка говорит ей: «Ну это ты по Руси летала, русского духу нахваталась. На вот, закуси этой пышечки». Она съела эту пышечку — остались одни крошечки — и говорит: «Где мой Иван-царевич? Я по нем соскучилась. Я б с ним вот этой крошечкой поделилась». Мать велела выйти Ивану-царевичу; он вышел. Лягушка подхватила его под крылышко и улетела с ним в седьмое царство жить.

269

некоторем царстве, в некотором государстве жил да был царь с царицею; у него было три сына — все молодые, холостые, удальцы такие, что ни в сказке сказать, ни пером написать; младшего звали Иван-царевич. Говорит им царь таково слово: «Дети мои милые, возьмите себе по стрелке, натяните тугие луки и пустите в разные стороны; на чей двор стрела упадет, *150c*

[3] Бегаешь.

[4] *Ко́ник* — лавка с коробом в избе, у двери, для поклажи вещей.

там и сватайтесь». Пустил стрелу старший брат — упала она на боярский двор, прямо против девичья терема; пустил средний брат — полетела стрела к купцу на двор и остановилась у красного крыльца, а на том крыльце стояла душа-девица, дочь купеческая; пустил младший брат — попала стрела в грязное болото, и подхватила ее лягуша-квакуша. Говорит Иван-царевич: «Как мне за себя квакушу взять? Квакуша не ровня мне!» — «Бери! — отвечает ему царь.— Знать, судьба твоя такова».

Вот поженились царевичи: старший на боярышне, средний на купеческой дочери, а Иван-царевич на лягуше-квакуше. Призывает их царь и приказывает: «Чтобы жены ваши испекли мне к завтрему по мягкому белому хлебу». Воротился Иван-царевич в свои палаты невесел, ниже плеч буйну голову повесил. «Ква-ква, Иван-царевич! Почто так кручинен стал? — спрашивает его лягуша.— Аль услышал от отца своего слово неприятное?» — «Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка приказал тебе к завтрему изготовить мягкий белый хлеб».— «Не тужи, царевич! Ложись-ка спать-почивать; утро вечера мудренее!» Уложила царевича спать да сбросила с себя лягушечью кожу — и обернулась душой-девицей, Василисой Премудрою; вышла на красное крыльцо и закричала громким голосом: «Мамки-няньки! Собирайтесь, снаряжайтесь, приготовьте мягкий белый хлеб, каков ела я, кушала у родного моего батюшки».

Наутро проснулся Иван-царевич, у квакуши хлеб давно готов — и такой славный, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать! Изукрашен хлеб разными хитростями, по бокам видны города царские и с заставами. Благодарствовал царь на том хлебе Ивану-царевичу и тут же отдал приказ трем своим сыновьям: «Чтобы жены ваши соткали мне за единую ночь по ковру». Воротился Иван-царевич невесел, ниже плеч буйну голову повесил. «Ква-ква, Иван-царевич! Почто так кручинен стал? Аль услышал от отца своего слово жесткое, неприятное?» — «Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка приказал за единую ночь соткать ему шелковый ковер». — «Не тужи, царевич! Ложись-ка спать-почивать; утро вечера мудренее!» Уложила его спать, а сама сбросила лягушечью кожу — и обернулась душой-девицей, Василисою Премудрою; вышла на красное крыльцо и закричала громким голосом: «Мамки-няньки! Собирайтесь, снаряжайтесь шелковый ковер ткать — чтоб таков был, на каком я сиживала у родного моего батюшки!»

Как сказано, так и сделано. Наутро проснулся Иван-царевич, у квакушки ковер давно готов — и такой чудный, что ни вздумать, ни взгадать, разве в сказке сказать. Изукрашен ковер златом-сéребром, хитрыми узорами. Благодарствовал царь на том ковре Ивану-царевичу и тут же отдал новый приказ, чтобы все три царевича явились к нему на смотр вместе с женами. Опять воротился Иван-царевич невесел, ниже плеч буйну голову повесил. «Ква-ква, Иван-царевич! Почто кручинишься? Али от отца услыхал слово неприветливое?» — «Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка велел, чтобы я с тобой на смотр приходил; как я тебя в люди покажу!» — «Не тужи, царевич! Ступай один к царю в гости, а я вслед за тобой буду, как услышишь стук да гром — скажи: это моя лягушонка в коробчонке едет».

Вот старшие братья явились на смотр с своими женами, разодетыми, разубранными; стоят да с Ивана-царевича смеются: «Что ж ты, брат, без жены пришел? Хоть бы в платочке принес! И где ты этакую красавицу выискал? Чай, все болота исходил?» Вдруг поднялся великий стук да гром — весь дворец затрясся; гости крепко напугались, повскакивали с своих мест и не знают, что им делать; а Иван-царевич говорит: «Не бойтесь, господа! Это моя лягушонка в коробчонке приехала». Подлетела к царскому крыльцу золоченая коляска, в шесть лошадей запряжена, и вышла оттуда Василиса Премудрая — такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать! Взяла Ивана-царевича за́ руку и повела за столы дубовые, за скатерти браные.

Стали гости есть-пить, веселиться; Василиса Премудрая испила из стакана да последки себе за левый рукав вылила; закусила лебедем да косточки за правый рукав спрятала. Жены старших царевичей увидали ее хитрости, давай и себе то ж делать. После, как пошла Василиса Премудрая танцевать с Иваном-царевичем, махнула левой рукой — сделалось озеро, махнула правой — и поплыли по воде белые лебеди; царь и гости диву дались. А старшие невестки пошли танцевать, махнули левыми руками — забрызгали, махнули правыми — кость царю прямо в глаз попала! Царь рассердился и прогнал их нечестно.

Тем временем Иван-царевич улучил минуточку, побежал домой, нашел лягушечью кожу и спалил ее на большом огне. Приезжает Василиса Премудрая, хватилась — нет лягушечьей кожи, приуныла, запечалилась и говорит царевичу: «Ох, Иван-царевич! Что же ты наделал? Если б немножко ты подождал, я бы вечно была твоею; а теперь прощай! Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве — у Кощея Бессмертного». Обернулась белой лебедью и улетела в окно.

Иван-царевич горько заплакал, помолился богу на все на четыре стороны и пошел куда глаза глядят. Шел он близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли — попадается ему навстречу старый старичок: «Здравствуй,— говорит,— добрый мо́лодец! Чего ищешь, куда путь держишь?» Царевич рассказал ему свое несчастье. «Эх, Иван-царевич! Зачем ты лягушью кожу спалил? Не ты ее надел, не тебе и снимать было! Василиса Премудрая хитрей, мудреней своего отца уродилась; он за то осерчал на нее и велел ей три года квакушею быть. Вот тебе клубок; куда он покатится — ступай за ним смело».

Иван-царевич поблагодарствовал старику и пошел за клубочком. Идет чистым полем, попадается ему медведь. «Дай,— говорит,— убью зверя!» А медведь провещал ему: «Не бей меня, Иван-царевич! Когда-нибудь пригожусь тебе». Идет он дальше, глядь,— а над ним летит селезень; царевич прицелился из ружья, хотел было застрелить птицу, как вдруг провещала она человечьим голосом: «Не бей меня, Иван-царевич! Я тебе сама пригожусь». Он пожалел и пошел дальше. Бежит косой заяц; царевич опять за ружье, стал целиться, а заяц провещал ему человечьим голосом: «Не бей меня, Иван-царевич! Я тебе сам пригожусь». Иван-царевич пожалел и пошел дальше — к синему морю, видит — на песке лежит, издыхает щука-рыба. «Ах, Иван-царевич,— провещала щука,—

сжалься надо мною, пусти меня в море». Он бросил ее в море и пошел берегом.

Долго ли, коротко ли — прикатился клубочек к избушке; стоит избушка на куриных лапках, кругом повертывается. Говорит Иван-царевич: «Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила,— ко мне передом, а к морю задом». Избушка повернулась к морю задом, к нему передом. Царевич взошел в нее и видит: на печи, на девятом кирпичи, лежит баба-яга костяная нога, нос в потолок врос, сопли через порог висят, титьки на крюку замотаны, сама зубы точит. «Гой еси, добрый мо́лодец! Зачем ко мне пожаловал?» — спрашивает баба-яга Ивана-царевича. «Ах ты, старая хрычовка! Ты бы прежде меня, доброго мо́лодца, накормила-напоила, в бане выпарила, да тогда б и спрашивала».

Баба-яга накормила его, напоила, в бане выпарила; а царевич рассказал ей, что ищет свою жену Василису Премудрую. «А, знаю! — сказала баба-яга.— Она теперь у Кощея Бессмертного; трудно ее достать, нелегко с Кощеем сладить: смерть его на конце иглы, та игла в яйце, то яйцо в утке, та утка в зайце, тот заяц в сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и то дерево Кощей как свой глаз бережет».

Указала яга, в каком месте растет этот дуб; Иван-царевич пришел туда и не знает, что ему делать, как сундук достать? Вдруг откуда не́ взялся — прибежал медведь и выворотил дерево с корнем; сундук упал и разбился вдребезги, выбежал из сундука заяц и во всю прыть наутек пустился; глядь — а за ним уж другой заяц гонится, нагнал, ухватил и в клочки разорвал. Вылетела из зайца утка и поднялась высоко-высоко; летит, а за ней селезень бросился, как ударит ее — утка тотчас яйцо выронила, и упало то яйцо в море. Иван-царевич, видя беду неминучую, залился слезами; вдруг подплывает к берегу щука и держит в зубах яйцо; он взял то яйцо, разбил, достал иглу и отломил кончик: сколько ни бился Кощей, сколько ни метался во все стороны, а пришлось ему помереть! Иван-царевич пошел в дом Кощея, взял Василису Премудрую и воротился домой. После того они жили вместе и долго и счастливо.

270. ЦАРЕВНА-ЗМЕЯ

хал казак путем-дорогою и заехал в дремучий лес; в том 182
лесу на прогалинке стоит стог сена. Остановился казак отдохнуть немножко, лег около стога и закурил трубку; курил-курил и не видал, как заронил искру в сено. После отдыха сел на коня и тронулся в путь; не успел и десяти шагов сделать, как вспыхнуло пламя и весь лес осветило. Казак оглянулся, смотрит: стог сена горит, а в огне стоит красная де́вица и говорит громким голосом: «Казак, добрый человек! Избавь меня от смерти».— «Как же тебя избавить? Кругом пламя, нет к тебе подступу».— «Сунь в огонь свою пику; я по ней выберусь». Казак сунул пику в огонь, а сам от великого жару назад отвернулся.

Тотчас красная де́вица оборотилась змеею, влезла на пику, скользнула казаку на шею, обвилась вокруг шеи три раза и взяла свой хвост в зубы. Казак испугался, не придумает, что ему делать и как ему быть. Провещала змея человеческим голосом: «Не бойся, добрый мо́лодец! Носи меня на шее семь лет да разыскивай оловянное царство, а приедешь в то царство — останься и проживи там еще семь лет безвыходно. Сослужи́шь эту службу, счастлив будешь!»

Поехал казак разыскивать оловянное царство, много ушло времени, много воды утекло, на исходе седьмого года добрался до крутой горы; на той горе стоит оловянный за́мок, кругом за́мка высокая белокаменная стена. Поскакал на́ гору, перед ним стена раздвинулась, и въехал он на широкий двор. В ту ж минуту сорвалась с его шеи змея, ударилась о сырую землю, обернулась душой-де́вицей и с глаз пропала — словно ее не было. Казак поставил своего доброго коня на конюшню, вошел во дворец и стал осматривать комнаты. Всюду зеркала, серебро да бархат, а нигде не видать ни одной души человеческой. «Эх,— думает казак,— куда я заехал? Кто меня кормить и поить будет? Видно, пришлось помирать голодною смертию!»

Только подумал, глядь — перед ним стол накрыт, на столе и пить и есть — всего вдоволь; он закусил и выпил, подкрепил свои силы и вздумал пойти на коня посмотреть. Приходит в конюшню — конь стоит в стойле да овес уплетает. «Ну, это дело хорошее: можно, значит, без нужды прожить».

Долго-долго оставался казак в оловянном за́мке, и взяла его скука смертная: шутка ли — завсегда один-одинешенек! Не с кем и словечка перекинуть. С горя напился он пьян, и вздумалось ему ехать на вольный свет; только куда ни бросится — везде стены высокие, нет ни входу, ни выходу. За досаду то ему показалося, схватил добрый мо́лодец палку, вошел во дворец и давай зеркала и стекла бить, бархат рвать, стулья ломать, серебро швырять: «Авось-де хозяин выйдет да на волю выпустит!» Нет, никто не является. Лег казак спать; на другой день проснулся, погулял-походил и вздумал закусить; туда-сюда смотрит — нет ему ничего!

«Эх,— думает,— сама себя раба бьет, коль нечисто жнет! Вот набедокурил вчера, а теперь голодай!» Только покаялся, как сейчас и еда и питье — все готово!

Прошло дня три; проснувшись поутру, смотрит казак в окно — у крыльца стоит его добрый конь оседланный. Что бы такое значило? Умылся, оделся, богу помолился, взял свою длинную пику и вышел на широкий двор. Вдруг откуда ни взялась — явилась красная де́вица: «Здравствуй, добрый мо́лодец! Семь лет окончилось — избавил ты меня от конечной погибели. Знай же: я королевская дочь; полюбил меня Кощей Бессмертный, унес от отца, от матери, хотел взять за себя замуж, да я над ним насмеялася; вот он озлобился и оборотил меня лютой змеею. Спасибо тебе за долгую службу! Теперь поедем к моему отцу; станет он награждать тебя золотой казной и камнями самоцветными, ты ничего не бери, а проси себе бочонок, что в подвале стоит».— «А что за корысть в нем?»— «Покатишь бочонок в правую сторону — тотчас дворец явится, покатишь в левую — дворец пропадет».— «Хорошо»,— сказал казак, сел на коня, посадил с собой и прекрасную королевну; высокие стены сами перед ним пораздвинулись, и поехал он в путь-дорогу.

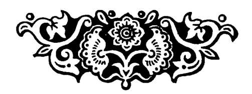
Долго ли, коротко ли — приезжает в сказанное королевство. Король увидал свою дочь, возрадовался, начал благодарствовать и дает казаку полны мешки золота и жемчугу. Отвечает добрый мо́лодец: «Не надо мне ни злата, ни жемчугу; дай мне на память тот бочоночек, что в подвале стоит». — «Многого хочешь, брат! Ну, да делать нечего: дочь мне всего дороже! За нее и бочонка не жаль; бери с богом». Казак взял королевский подарок и отправился по белу свету странствовать.

Ехал-ехал, попадается ему навстречу древний старичок. Просит старик: «Накорми меня, добрый мо́лодец!» Казак соскочил с лошади, отвязал бочонок, покатил его вправо — в ту ж минуту чудный дворец явился. Взошли они оба в расписные палаты и сели за накрытый стол. «Эй, слуги мои верные! — закричал казак.— Накормите-напоите моего гостя». Не успел вымолвить — несут слуги целого быка и три котла пива. Начал старик уписывать да похваливать; съел целого быка, выпил три котла пива, крякнул и говорит: «Маловато, да делать нечего! Спасибо за хлеб за соль».

Вышли из дворца; казак покатил свой бочонок в левую сторону — и дворца как не бывало. «Давай поменяемся,— говорит старик казаку,— я тебе меч отдам, а ты мне бочонок».— «А что толку в мече?» — «Да ведь это меч-саморуб; только стоит махнуть — хоть какая будь сила несметная, всю побьет! Вон видишь — лес растет; хочешь — пробу сделаю?» Тут старик вынул свой меч, махнул им и говорит: «Ступай, меч-саморуб, поруби дремучий лес!» Меч полетел и ну деревья рубить да в сажени класть; порубил и назад к хозяину воротился. Казак не стал долго раздумывать, отдал старику бочонок, а себе взял меч-саморуб; махнул мечом и убил старика до смерти. После привязал бочонок к седлу, сел на коня и вздумал к королю вернуться. А под стольный город того короля подошел сильный неприятель; казак увидал рать-силу несметную, махнул на нее мечом: «Меч-саморуб! Сослужи-ка службу, поруби войско вражее».

Полетели головы, полилася кровь, и часу не прошло, как все поле трупами покрылося.

Король выехал казаку навстречу, обнял его, поцеловал и тут же решил выдать за него замуж прекрасную королевну. Свадьба была богатая: на той свадьбе и я был, мед-вино пил, по усам текло, во рту не было.

271—272. ЗАКОЛДОВАННАЯ КОРОЛЕВНА

271

некотором царстве, в некотором государстве жил именитый купец; у него был сын Иван. Нагрузил купец свои корабли, дом и лавки приказал жене да сыну и отправился в дальний путь. Едет он морями месяц, и два, и три, пристает в земли чужестранные, закупает товары заморские, а свои по хорошей цене продает. Тем временем над Иваном купеческим сыном стряслась беда немалая; озлобились на него все купцы и мещане: «Зачем-де он такой счастливый? Весь торг у нас отбил!» Собрались целым обществом, написали челобитную, что такой-то купеческий сын — вор и гуляка, не достоин быть в нашем звании, и присудили отдать его в солдаты. Забрили ему, сердешному, лоб и отправили в полк. 152а

Служит Иван, горе мыкает — не один годочек; десять лет прошло, и вздумал он побывать на родине, записался в отпуск, взял билет на шесть месяцев и пошел путем-дорогою. Отец и мать ему обрадовались; прожил он, прогостил у них сколько надобно, а тут время и назад отправляться. Взял его купец, повел в подвалы глубокие, златом-сéребром насыпанные, и говорит ему: «Ну, любезный сын, бери себе денег, сколько душе хочется». Иван купеческий сын наложил карманы, принял от отца, от матери их родительское, навеки нерушимое благословение, простился с сродниками и поехал в полк; отец-то ему важного коня купил! С той разлуки обуяла его, доброго мóлодца, грусть-тоска великая; видит он — на дороге кабак стоит, заехал с горя вина испить: выпил косушку — мало показалось, выпил другую — опьянел и повалился спать.

Отколь ни взялися ошары[1] кабацкие, вынули у него деньги — все до единой копеечки. Иван купеческий сын проснулся, хвать — нет ни копейки, потужил-потужил и пустился дальше. Пристигла его темная ночь в пустынных местах; ехал-ехал, трактир стоит, возле трактира столб, на столбу написано: кто ночевать заедет, с того — сто рублей. Что тут делать? Не с голоду ж помирать; стукнул в ворота — выбегает мальчик, ведет его в

[1] Промотавшиеся, пропившиеся люди.

горницу, а коня на конюшню. Что только душа просит, всего подают Ивану купеческому сыну; наелся-напился он, сел и призадумался. «О чем, господин служивый, призадумался? — спрашивает хозяин.— Али расплатиться нечем?» — «Не то, хозяин! Я у тебя сыт, а мой верный конь так стоит».— «Нет, служивый! Хоть сам посмотри, у него и сена и овса вдоволь».— «Да не в том дело! Наши лошади уж так привычны: коли я сам буду возле коня, так он станет есть; а без меня и до корму не дотронется». Трактирщик побежал в конюшню, заглянул — так и есть: конь стоит, повеся голову, на овес и не смотрит. «Экая умная лошадь! Знает своего господина»,— подумал трактирщик и велел для солдата изготовить постель в конюшне. Иван купеческий сын залег там спать, да ровно в полночь, как все в доме заснули, встал, оседлал коня и ускакал со двора долой.

На другой день к вечеру заехал он в трактир, где за одну ночь по двести рублей брали; удалось ему и тут обмануть. На третий день попадается ему трактир еще лучше прежних двух; на столбе написано: кто ночевать заедет, с того — триста рублей. «Ну,— думает,— была не была, попробую и здесь удали!» Заехал, важно наелся, напился, сел и призадумался. «О чем, служивый, призадумался? Али расплатиться нечем?»— спрашивает хозяин. «Нет, не угадал! Мне вот что думается: сам-то я сыт, а мой верный конь так стоит».— «Как можно! Я ему и сена наклал и овса насыпал — всего вдоволь».— «Да наши лошади уж так привычны: коли я сам возле коня буду, так он станет есть, а без меня и до корму не дотронется».— «Ну что ж! Ложись в конюшне».

А у того трактирщика была жена-волшебница, кинулась она смотреть в свои книги и тотчас узнала, что у солдата нет за душой ни копейки; поставила у ворот работников и строго-накрепко приказала смотреть, чтобы как-нибудь солдат со двора не улизнул. В самую полночь встал Иван купеческий сын и собрался было тягу дать, смотрит— работники на часах стоят; лег и заснул; пробудился — уж заря занимается, оседлал поскорей коня, сел и едет со двора. «Стой! — закричали сторожа.— Ты еще с хозяином не расплатился; подавай-ка деньги!» — «Какие деньги? Убирайтесь к черту!» — отвечал Иван и хотел было проскочить мимо; работники тотчас сгребли его и давай бить по загривку. Такой шум подняли, что весь дом сбежался. «Бей его, ребята, до смерти!» — «Будет с него! — говорит хозяин.— Оставьте его живого, пущай у нас три года проживет да триста рублей заработает».

Нечего делать, остался Иван купеческий сын жить в трактире; день живет, и два, и три живет. Говорит ему хозяин: «Что, господин служивый, чай умеешь из ружья стрелять?» — «Для чего не уметь? Нас тому в полку учат».— «Ну так ступай, настреляй дичи; в наших местах и всякий зверь и всякая птица водится». Иван купеческий сын взял ружье и пошел на охоту; долго бродил по лесу — ничего не попадается, уже к самому вечеру увидал зайца на опушке и только хотел прицелиться — заяц вскочил и давай бог ноги! Охотник за ним бросился и выбежал на большой зеленый луг, на том лугу великолепный дворец стоит, из чистого мрамора выстроен, золотой крышею покрыт. Заяц на двор прыснул, и Иван

туда ж; смотрит туда-сюда — нет зайца, его и след простыл! «Ну, хоть на дворец посмотрю!»

Пошел он в палаты; ходил-ходил — во всех покоях убранство такое знатное, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать; а в одном покое стол накрыт, на столе разные закуски и вина приготовлены, богатые приборы поставлены. Иван купеческий сын взял — изо всякой бутылочки выпил по рюмочке, со всякой тарелочки съел по кусочку, напился-наелся, сидит себе и в ус не дует! Вдруг подкатилась к крыльцу коляска, и приехала королевна — сама вся черная, и люди черные, и кони вороные.

Иван вспомнил военную выправку, вскочил и стал у дверей навытяжку; входит королевна в комнату — он тотчас ей на караул сделал. «Здорово, служивый! — приветила королевна.— Как сюда зашел — волею али неволею? От дела лытаешь али дела пытаешь? Садись-ка со мной рядом, потолкуем ладом». И просит его королевна: «Можешь ли сослужить мне службу великую? Сослужишь — счастлив будешь! Говорят, русские солдаты ничего не страшатся; а у меня вот этим дворцом нечистые завладели...» — «Ваше высочество! Рад вам до последней капли крови служить».— «Ну так слушай: до двенадцати часов пей и гуляй, а как двенадцать пробьет — ложись на постель, что посреди большой палаты на ремнях висит, и что над тобой ни будет делаться, что тебе ни представится — не робей, лежи себе молча».

Сказала королевна, попрощалась и уехала; а Иван купеческий сын начал пить-гулять, веселиться, и только полночь ударило — лег на показанное место. Вдруг зашумела буря, раздался треск и гром, того и смотри все стены попа́дают, в тартарары провалятся; полны палаты чертей набежало, завопили-закричали, пляс подняли; а как увидали гостя, стали напущать на него разные страсти. Вот откуда ни возьмись — прибегает фельдфебель: «Ох, Иван купеческий сын! Что ты задумал? Ведь тебя в бегах зачислили; ступай скорей, а то плохо будет».

За фельдфебелем бежит ротный командир, за ротным — батальонный, за батальонным — полковой: «Что ты, подлец, тут делаешь? Видно, сквозь строй захотел прогуляться! Эй, принести сюда свежих палок!» Принялись нечистые за работу и живо натаскали целые вороха палок, а Иван купеческий сын ни гу-гу, лежит да отмалчивается. «Ах, мерзавец! — говорит полковой командир.— Он палок-то совсем не боится; должно быть, за свою службу больше этого видал! Прислать ко мне взвод солдат с заряженными ружьями, пусть его, негодяя, расстреляют!» Словно из земли вырос — взвод солдат появился; раздалась команда, солдаты прицелились... вот-вот выпалят! Вдруг закричали петухи — и все мигом исчезло: нет ни солдат, ни командиров, ни палок.

На другой день приезжает во дворец королевна — уже с головы по грудь белая стала, и люди ее и лошади — тоже. «Спасибо, служивый! — говорит королевна.— Видел ты страсть, а увидишь того больше. Смотри, не сробей, прослужи еще две ночи, я тебя счастливым сделаю». Стали они вместе есть-пить, веселиться; после того королевна уехала, а Иван купеческий сын лег на свое место. В полночь зашумела буря, раздался гром и треск — набежали нечистые, завопили, заплясали... «Ах, братцы!

Солдат-то опять здесь,— закричал хромой, одноглазый чертенок,— вишь, повадился! Что ты, али хочешь у нас палаты отбить? Сейчас пойду скажу дедушке». А дедушка сам отзывается, приказывает чертям притащить кузницу да накалить железные прутья: «Теми прутьями горячими проймите его до самых костей, чтобы знал он да ведал, как в чужие палаты ходить!» Не успели черти кузницу справить, как запели петухи — и все мигом пропало.

На третий день приезжает во дворец королевна, смотрит Иван — дивуется: и сама королевна, и люди ее, и лошади — все до колен стали белые. «Спасибо служивый, за верную службу; как тебя бог милует?» — «Пока жив и здоров, ваше высочество!» — «Ну, постарайся последнюю ночь; да вот на́ тебе тулуп, надень на себя, а не то нечистые тебя когтями доймут... Теперь они страшно злы!» Сели они вместе за стол, ели-пили, веселилися; после королевна попрощалась и уехала, а Иван купеческий сын натянул на себя тулуп, оградился крестом и лег на свое прежнее место.

Ударило полночь — зашумела буря, от грома и треску весь дворец затрясся; набежало чертей видимо-невидимо, и хромых, и кривых, и всякого роду. Бросились к Ивану купеческому сыну: «Берите его, подлеца! Хватайте, тащите!» — и давай когтями цапать: тот хватит, другой хватит, а когти все в тулупе остаются. «Нет, братцы! Видно, его так не проймешь; возьмемте-ка родного его отца с родной матерью да станем с них с живых кожи драть!» В ту ж минуту притащили точь-в-точь Ивановых родителей и принялись их когтями драть; они ревут: «Иван, голубчик! Смилуйся, сойди с своего места; за тебя с нас с живых кожи дерут». Иван купеческий сын лежит — не ворохнется, знай отмалчивается. Тут петухи запели — и разом все сгинуло, словно ничего и не бывало.

Утром приезжает королевна — лошади белые, люди белые, и сама вся чистая, да такая красавица, что и вообразить лучшей нельзя: видно, как из косточки в косточку мозжечок переливается. «Видел страсть,— говорит Ивану королевна,— больше не будет! Спасибо тебе за службу; теперь пойдем поскорей отсюда». — «Нет, королевна! — отвечает Иван купеческий сын.— Надо бы отдохнуть часок-другой».— «Что ты! Станешь отдыхать — совсем пропадешь». Вышли они из дворца и пустились в путь-дорогу. Отойдя немного, говорит королевна: «Оглянись-ка, добрый мо́лодец, что назади делается!» Иван оглянулся — дворца и следов не осталось, сквозь землю провалился, а на том месте пламя пышет. «Вот так бы и мы пропали, если б замешкались! — сказала королевна и подает ему кошелек.— Возьми, это кошелек не простой, если понадобятся деньги, только тряхни — и тотчас червонцы посыплются, сколько душе угодно. Теперь ступай, расплатись с трактирщиком и приходи вот на такой-то остров к соборной церкви, я тебя ждать буду. Там отстоим мы обедню и обвенчаемся: ты будешь мой муж, а я твоя жена. Да смотри не опоздай; если сегодня не успеешь — завтра приходи, не придешь завтра — приходи на третий день, а упустишь три дня, век меня не увидишь».

Тут они распрощались; королевна пошла направо, Иван купеческий сын — налево. Приходит он в трактир, тряхнул перед хозяином своим ко-

11 Заказ № 101

шельком, золото так и посыпалось: «Что, брат! Ты думал: у солдата денег нет, так его на три года закабалить можно; ан врешь! Отсчитывай, сколько надобно». Заплатил ему триста рублей, сел на коня и поехал, куда ему сказано. «Что за диво? Откуда у него деньги взялись?» — думает трактирщица, кинулась к своим волшебным книгам и увидела, что он избавил заклятую королевну и та подарила ему такой кошелек, что завсегда деньги будут. Сейчас позвала мальчика, послала его в поле коров пасти и дала ему наговоренное яблоко: «Подойдет к тебе солдат, попросит напиться; ты ему скажи: воды нету, а вот тебе яблочко наливное!»

Мальчик погнал коров в поле; только успел пригнать, глядь — едет Иван купеческий сын: «Ах, братец,— говорит,— нет ли у тебя водицы напиться? Страшно испить хочется!» — «Нет, служивый, вода далеко отсюда; а есть у меня яблочко наливное, коли хочешь — скушай, авось освежишься!» Иван купеческий сын взял яблочко, скушал, и напал на него крепкий-крепкий сон; трое суток без просыпу спал. Понапрасну ожидала королевна своего жениха три дня сряду: «Видно, не судьба моя быть за ним замужем!» Вздохнула, села в коляску и поехала; видит — мальчик коров пасет: «Пастушок, пастушок! Не видал ли ты доброго мо́лодца, русского солдата?» — «Да вот он под дубом третьи сутки спит».

Королевна глянула — он самый и есть! Стала его толкать, будить; но сколько ни старалась — ничего не могла сделать, чтобы он проснулся. Взяла она листок бумаги, достала карандаш и написала такую записку: «Если ты не пойдешь на такой-то перевоз, то не бывать тебе в тридесятом государстве, не называться моим мужем!» Положила записку Ивану купеческому сыну в карман, поцеловала его сонного, заплакала горькими слезами и уехала далеко-далеко; была, да и нет ее!

Вечером поздно проснулся Иван и не знает, что ему делать. А мальчик стал ему рассказывать: «Приезжала-де сюда красная де́вица, да такая нарядная! Будила тебя, будила, да не добудилась, написала записку и положила в твой карман, а сама села в коляску, да и с глаз пропала». Иван купеческий сын богу помолился, на все стороны поклонился и поскакал на перевоз.

Долго ли, коротко ли, прискакал туда и кричит перевозчикам: «Эй, братцы! Перевезите меня как можно скорей на другую сторону; вот вам и плата вперед!» Вынул кошелек, начал встряхивать и насыпал им золота полную лодку. Перевозчики ажно ахнули. «Да тебе куда, служивый?» — «В тридесятое государство».— «Ну, брат, в тридесятое государство кривой дорогой три года ехать, а прямой — три часа; только прямо-то проезду нет!» — «Как же быть?» — «А мы тебе вот что скажем: прилетает сюда Гриб-птица [2]— собой словно гора великая — и хватает здесь всякую падаль да на тот берег носит. Так ты разрежь у своей лошади брюхо, вычисти и вымой; мы тебя и зашьем в середку. Гриб-птица подхватит падаль, перенесет в тридесятое государство и бросит своим детенышам: тут ты поскорей вылезай из лошадиного брюха и ступай, куда тебе надобно».

[2] Гриб (Грип)-птица вместо Гриф-птица.

Иван купеческий сын отрубил коню голову, разрезал брюхо, вычистил, вымыл и залез туда; перевозчики зашили лошадиное брюхо, а сами ушли — спрятались. Вдруг Гриб-птица летит, как гора валит, подхватила падаль, понесла в тридесятое государство и бросила своим детенышам, а сама полетела опять за добычею. Иван распорол лошадиное брюхо, вылез и пошел к королю на службу проситься. А в том тридесятом государстве Гриб-птица много пакости делала; каждый божий день принуждены были выставлять ей по единому человеку на съедение, чтоб только в конец царство не запустошила.

Вот король думал-думал, куда деть этого странника. И приказал выставить его злой птице на съедение. Взяли его королевские воины, привели в сад, поставили возле яблони и говорят: «Карауль, чтоб не пропало ни одно яблочко!» Стоит Иван купеческий сын, караулит; вдруг Гриб-птица летит, как гора валит. «Здравствуй, добрый мо́лодец! Я не знала, что ты в лошадином брюхе был; а то б давно тебя съела».— «Бог знает, либо съела, либо нет!» Птица одну губу ведет по́ земи, а другую крышей расставила, хочет съесть доброго мо́лодца. Иван купеческий сын махнул штыком и приткнул ей нижнюю губу плотно к сырой земле, после выхватил тесак и давай рубить Гриб-птицу — по чем по́падя. «Ах, добрый мо́лодец,— сказала птица,— не руби меня, я тебя богатырем сделаю; возьми пузырек из-под моего левого крыла да выпей — сам узнаешь!»

Иван купеческий сын взял пузырек, выпил, почуял в себе великую силу и еще бойчей на нее напал: знай машет да рубит! «Ах, добрый мо́лодец, не руби меня; я тебе и другой пузырек отдам, из-под правого крыла». Иван купеческий сын выпил и другой пузырек, почуял еще бо́льшую силу, а рубить все не перестает. «Ах, добрый мо́лодец, не руби меня; я тебя на счастье наведу: есть тут зеленые луга, в тех лугах растут три высокие дуба, под теми дубами — чугунные двери, за теми дверями — три богатырские коня; в некую пору они тебе пригодятся!» Иван купеческий сын птицу слушать — слушает, а рубить — все-таки рубит; изрубил ее на мелкие части и сложил в большущую кучу.

Наутро король призывает к себе дежурного генерала: «Поди,— говорит,— вели прибрать кости Ивана купеческого сына; хоть он из чужих земель, а все человечьим костям без погребения непригоже валяться». Дежурный генерал бросился в сад, смотрит — Иван жив, а Гриб-птица на мелкие части изрублена; доложил про то королю. Король сильно обрадовался, похвалил Ивана и дал ему своеручный открытый лист: позволяется-де ему по всему государству ходить, во всех кабаках и трактирах пить-есть безденежно.

Иван купеческий сын, получа открытый лист, пошел в самый богатый трактир, хлопнул три ведра вина, три ковриги хлеба да полбыка на закуску пошло, воротился на королевскую конюшню и лег спать. Вот так-то жил он у короля на конюшне круглых три года; а после того явилась королевна — она кривой дорогой ехала. Отец радехонек, стал расспрашивать: «Кто тебя, дочь любезная, от горькой доли спас?» — «Такой-то солдат из купеческих детей».— «Да ведь он сюда пришел и мне большую радость сделал — Гриб-птицу изрубил!» Что долго думать-то? Обвенчали

Ивана купеческого сына на королевне и сотворили пир на весь мир, и я там был, вино пил, по усам текло, во рту не было.

В скором времени пишет к королю трехглавый змей: «Отдай свою дочь, не то все королевство огнем сожгу, пеплом развею!» Король запечалился, а Иван купеческий сын хлопнул три ведра вина, три ковриги хлеба да полбыка на закуску пошло, кинулся в зеленые луга, поднял чугунную дверь, вывел богатырского коня, надел на себя меч-кладенец да боевую палицу, сел на коня и поскакал сражаться. «Эх, добрый мо́лодец,— говорит змей,— что ты задумал... Я тебя на одну руку посажу, другой прихлопну — только мокренько будет!» — «Не хвались, прежде богу помолись!» — отвечал Иван, махнул мечом-кладенцом и сшиб разом все три головы. После победил он шестиглавого змея, а вслед за тем и двенадцатиглавого и прославился своей силою и доблестью во всех землях.

272

некоем королевстве служил у короля солдат в конной гвардии, 152b
прослужил двадцать пять лет верою и правдою; за его честное поведение приказал король отпустить его в чистую отставку и отдать ему в награду ту самую лошадь, на которой в полку ездил, с седлом и со всею сбруею. Простился солдат с своими товарищами и поехал на родину; день едет, и другой, и третий... вот и вся неделя прошла, и другая, и третья — не хватает у солдата денег, нечем кормить ни себя, ни лошади, а до дому далеко-далеко! Видит, что дело-то больно плохо, сильно есть хочется; стал по сторонам глазеть и увидел в стороне большой за́мок. «Ну-ка,— думает,— не заехать ли туда; авось хоть на время в службу возьмут — что-нибудь да заработаю».

Поворотил к замку, взъехал на двор, лошадь на конюшню поставил и задал ей корму, а сам в палаты пошел. В палатах стол накрыт, на столе и вина и ества, чего только душа хочет! Солдат наелся-напился. «Теперь,— думает,— и соснуть можно!» Вдруг входит медведица: «Не бойся меня, добрый мо́лодец, ты на добро сюда попал: я не лютая медведица, а красная де́вица — заколдованная королевна. Если ты устоишь да переночуешь здесь три ночи, то колдовство рушится — я сделаюсь по-прежнему королевною и выйду за тебя замуж».

Солдат согласился, медведица ушла, и остался он один. Тут напала на него такая тоска, что на свет бы не смотрел, а чем дальше — тем сильнее; если б не вино, кажись бы одной ночи не выдержал! На третьи сутки до того дошло, что решился солдат бросить все и бежать из за́мка; только как ни бился, как ни старался — не нашел выхода. Нечего делать, поневоле пришлось оставаться. Переночевал и третью ночь; поутру является к нему королевна красоты неописанной, благодарит его за услугу и велит к венцу снаряжаться. Тотчас они свадьбу сыграли и стали вместе жить, ни о чем не тужить.

Через сколько-то времени вздумал солдат об своей родной стороне, захотел туда побывать; королевна стала его отговаривать: «Оставайся, друг, не езди; чего тебе здесь не хватает?» Нет, не могла отговорить.

Прощается она с мужем, дает ему мешочек — сполна семечком насыпан, и говорит: «По какой дороге поедешь, по обеим сторонам кидай это семя: где оно упадет, там в ту же минуту деревья повырастут; на деревьях станут дорогие плоды красоваться, разные птицы песни петь, а заморские коты сказки сказывать». Сел добрый мо́лодец на своего заслуженного коня и поехал в дорогу; где ни едет, по обеим сторонам семя бросает, и следом за ним леса подымаются, так и ползут из сырой земли!

Едет день, другой, третий и увидал: в чистом поле караван стоит, на травке, на муравке купцы сидят, в карты поигрывают, а возле них котел висит; хоть огня и нет под котлом, а варево ключом кипит. «Экое диво!— подумал солдат.— Огня не видать, а варево в котле так и бьет ключом; дай поближе взгляну». Своротил коня в сторону, подъезжает к купцам: «Здравствуйте, господа честны́е!» А того и невдомек, что это не купцы, а всё нечистые. «Хороша ваша штука: котел без огня кипит! Да у меня лучше есть». Вынул из мешка одно зернышко и бросил наземь — в ту же минуту выросло вековое дерево, на том дереве дорогие плоды красуются, разные птицы песни поют, заморские коты сказки сказывают. По той похвальбе узнали его нечистые. «Ах,— говорят меж собой,— да ведь это тот самый, что королевну избавил; давайте-ка, братцы, опоим его за то зельем, и пусть он полгода спит». Принялись его угощать и опоили волшебным зельем; солдат упал на траву и заснул крепким, беспробудным сном; а купцы, караван и котел вмиг исчезли.

Вскоре после того вышла королевна в сад погулять; смотрит — на всех деревьях стали верхушки сохнуть. «Не к добру! — думает.— Видно, с мужем что худое приключилося! Три месяца прошло, пора бы ему и назад вернуться, а его нет как нету!» Собралась королевна и поехала его разыскивать. Едет по той дороге, по какой и солдат путь держал, по обеим сторонам леса растут, и птицы поют, и заморские коты сказки мурлыкают. Доезжает до того места, что деревьев не стало больше — извивается дорога по чистому полю, и думает: «Куда ж он девался? Не сквозь землю же провалился!» Глядь — стоит в сторонке такое же чудное дерево и лежит под ним ее милый друг.

Подбежала к нему и ну толкать-будить — нет, не просыпается; принялась щипать его, колоть под бока булавками, колола-колола — он и боли не чувствует, точно мертвый лежит — не ворохнется. Рассердилась королевна и с сердцо́в проклятье промолвила: «Чтоб тебя, соню негодного, буйным ветром подхватило, в безвестные страны занесло!» Только успела вымолвить, как вдруг засвистали-зашумели ветры, и в один миг подхватило солдата буйным вихрем и унесло из глаз королевны. Поздно одумалась королевна, что сказала слово нехорошее, заплакала горькими слезами, воротилась домой и стала жить одна-одинехонька.

А бедного солдата занесло вихрем далеко-далеко, за тридевять земель, в тридесятое государство, и бросило на косе промеж двух морей; упал он на самый узенький клинышек; направо ли сонный оборотится, налево ли повернется — то́тчас в море свалится, и поминай как звали! Полгода проспал добрый мо́лодец, ни пальцем не шевельнул; а как проснулся — сразу вскочил прямо на ноги, смотрит — с обеих сторон волны подыма-

ются, и конца не видать морю широкому; стоит да в раздумье сам себя спрашивает: «Каким чудом я сюда попал? Кто меня затащил?» Пошел по косе и вышел на остров; на том острове — гора высокая да крутая, верхушкою до облаков хватает, а на горе лежит большой камень.

Подходит к этой горе и видит — три черта дерутся, кровь с них так и льется, клочья так и летят! «Стойте, окаянные! За что вы деретесь?» — «Да, вишь, третьего дня помер у нас отец, и остались после него три чудные вещи: ковер-самолет, сапоги-скороходы да шапка-невидимка, так мы поделить не можем».— «Эх вы, проклятые! Из таких пустяков бой затеяли. Хотите, я вас разделю; все будете довольны, никого не обижу».— «А ну, земляк, раздели, пожалуйста!» — «Ладно! Бегите скорей по сосновым лесам, наберите смолы по сту пудов и несите сюда». Черти бросились по сосновым лесам, набрали смолы триста пудов и принесли к солдату. «Теперь притащите из пекла самый большой котел». Черти приволокли большущий котел — бочек сорок войдет! — и поклали в него всю смолу.

Солдат развел огонь и, как только смола растаяла, приказал чертям тащить котел нá гору и поливать ее сверху донизу. Черти мигом и это исполнили. «Ну-ка,— говорит солдат,— пихните теперь вон энтот камень; пусть он с горы катится, а вы трое за ним вдогонку приударьте: кто прежде всех догонит, тот выбирай себе любую из трех диковинок; кто второй догонит, тот из двух остальных бери — какая покажется; а затем последняя диковинка пусть достанется третьему». Черти пихнули камень, и покатился он с горы шибко-шибко; бросились все трое вдогонку; вот один черт нагнал, ухватился за камень — камень тотчас повернулся, подворотил его под себя и вогнал в смолу. Нагнал другой черт, а потом и третий, и с ними то же самое! Прилипли крепко-накрепко к смоле! Солдат взял под мышку сапоги-скороходы да шапку-невидимку, сел на ковер-самолет и полетел искать свое царство.

Долго ли, коротко ли — прилетает к избушке, входит — в избушке сидит баба-яга костяная нога, старая, беззубая. «Здравствуй, бабушка! Скажи, как бы мне отыскать мою прекрасную королевну?» — «Не знаю, голубчик! Видом ее не видала, слыхом про нее не слыхала. Ступай ты за столько-то морей, за столько-то земель — там живет моя середняя сестра, она знает больше моего; может, она тебе скажет». Солдат сел на ковер-самолет и полетел; долго пришлось ему по белу свету странствовать. Захочется ли ему есть-пить, сейчас наденет на себя шапку-невидимку, спустится в какой-нибудь город, зайдет в лавки, наберет — чего только душа пожелает, на ковер — и летит дальше. Прилетает к другой избушке, входит — там сидит баба-яга костяная нога, старая, беззубая. «Здравствуй, бабушка! Не знаешь ли, где найти мне прекрасную королевну?» — «Нет, голубчик, не знаю; поезжай-ка ты за столько-то морей, за столько-то земель — там живет моя старшая сестра; может, она ведает».— «Эх ты, старая хрычовка! Сколько лет на свете живешь, все зубы повывалились, а доброго ничего не знаешь». Сел на ковер-самолет и полетел к старшей сестре.

Долго-долго странствовал, много земель и много морей видел, наконец прилетел на край света, стоит избушка, а дальше никакого ходу нет —

одна тьма кромешная, ничего не видать! «Ну,— думает,— коли здесь не добьюсь толку, больше лететь некуда!» Входит в избушку — там сидит баба-яга костяная нога, седая, беззубая. «Здравствуй, бабушка! Скажи, где мне искать мою королевну?» — «Подожди немножко; вот я созову всех своих ветров и у них спрошу. Ведь они по всему свету дуют, так должны знать, где она теперь проживает». Вышла старуха на крыльцо, крикнула громким голосом, свистнула молодецким посвистом; вдруг со всех сторон поднялись-повеяли ветры буйные, только изба трясется! «Тише, тише!» — кричит баба-яга, и как только собрались ветры, начала их спрашивать: «Ветры мои буйные, по всему свету вы дуете, не видали ль где прекрасную королевну?» — «Нет, нигде не видали!» — отвечают ветры в один голос. «Да все ли вы налицо?» — «Все, только южного ветра нет».

Немного погодя прилетает южный ветер. Спрашивает его старуха: «Где ты пропадал до сих пор? Еле дождалась тебя!»— «Виноват, бабушка! Я зашел в новое царство, где живет прекрасная королевна; муж у ней без вести пропал, так теперь сватают ее разные цари и царевичи, короли и королевичи».— «А сколь далеко до нового царства?» — «Пешему тридцать лет идти, на крыльях десять лет нестись; а я повею — в три часа доставлю». Солдат начал со слезами молить, чтобы южный ветер взял его и донес в новое царство. «Пожалуй,— говорит южный ветер,— я тебя донесу, коли дашь мне волю погулять в твоем царстве три дня и три ночи».— «Гуляй хоть три недели!» — «Ну, хорошо; вот я отдохну денька два-три, соберусь с силами, да тогда и в путь».

Отдохнул южный ветер, собрался с силами и говорит солдату: «Ну, брат, собирайся, сейчас отправимся; да смотри — не бойся: цел будешь!» Вдруг зашумел-засвистал сильный вихорь, подхватило солдата на воздух и понесло через горы и моря под самыми облаками, и ровно через три часа был он в новом царстве, где жила его прекрасная королевна. Говорит ему южный ветер: «Прощай, добрый мо́лодец! Жалеючи тебя, не хочу гулять в твоем царстве».— «Что так?» — «Потому — если я загуляю, ни одного дома в городе, ни одного дерева в садах не останется; все вверх дном поставлю!» — «Ну, прощай! Спасибо тебе!» — сказал солдат, надел шапку-невидимку и пошел в белокаменные палаты.

Вот пока его не было в царстве, в саду все деревья стояли с сухими верхушками; а как он явился, тотчас ожили и начали цвесть. Входит он в большую комнату, там и сидят за столом разные цари и царевичи, короли и королевичи, что приехали за прекрасную королевну свататься; сидят да сладкими винами угощаются. Какой жених ни нальет стакан, только к губам поднесет — солдат тотчас хвать кулаком по стакану и сразу вышибет. Все гости тому удивляются, а прекрасная королевна в ту ж минуту догадалася. «Верно,— думает,— мой друг воротился!»

Посмотрела в окно — в саду на деревьях все верхушки ожили, и стала она своим гостям загадку загадывать: «Была у меня шкатулочка самодельная с золотым ключом; я тот ключ потеряла и найти не чаяла, а теперь тот ключ сам нашелся. Кто отгадает эту загадку, за того замуж пойду». Цари и царевичи, короли и королевичи долго над тою загадкою ломали

свои мудрые головы, а разгадать никак не могли. Говорит королевна: «Покажись, мой милый друг!» Солдат снял с себя шапку-невидимку, взял ее за белые руки и стал целовать в уста сахарные. «Вот вам и разгадка! — сказала прекрасная королевна.— Самодельная шкатулочка — это я, а золотой ключик — это мой верный муж». Пришлось женихам оглобли поворачивать, разъехались они по своим дворам, а королевна стала с своим мужем жить-поживать да добра наживать.

273—274. ОКАМЕНЕЛОЕ ЦАРСТВО

273

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был солдат; 153а
служил он долго и беспорочно, царскую службу знал хорошо, на смотры, на ученья приходил чист и исправен. Стал последний год дослуживать — как на беду, невзлюбило его начальство, не только большое, да и малое: то и дело под палками отдувайся! Тяжело солдату, и задумал он бежать: ранец через плечо, ружье на плечо и начал прощаться с товарищами, а те его спрашивать: «Куда идешь? Аль батальонный требует?» — «Не спрашивайте, братцы! Подтяните-ка ранец покрепче да лихом не поминайте!» И пошел он, добрый мóлодец, куда глаза глядят.

Много ли, мало ли шел — пробрался в иное государство, усмотрел часового и спрашивает: «Нельзя ли где отдых взять?» Часовой сказал ефрейтору, ефрейтор офицеру, офицер генералу, генерал доложил про него самому королю. Король приказал позвать того служивого перед свои светлые очи. Вот явился солдат, как следует — при форме, сделал ружьем на караул и стал как вкопанный. Говорит ему король: «Скажи мне по совести, откуда и куда идешь?» — «Ваше королевское величество, не велите казнить, велите слово вымолвить». Признался во всем королю по совести и стал на службу проситься. «Хорошо,— сказал король,— наймись у меня сад караулить; у меня теперь в саду неблагополучно — кто-то ломает мои любимые деревья, так ты постарайся — сбереги его, а за труд дам тебе плату немалую». Солдат согласился, стал в саду караул держать.

Год и два служит — все у него исправно; вот и третий год на исходе, пошел однажды сад оглядывать и видит — половина что ни есть лучших деревьев поломаны. «Боже мой! — думает сам с собою.— Вот какая беда приключилася! Как заметит это король, сейчас велит схватить меня и повесить». Взял ружье в руки, прислонился к дереву и крепко-крепко призадумался. Вдруг послышался треск и шум, очнулся добрый мóлодец, глядь — прилетела в сад огромная, страшная птица и ну валять деревья.

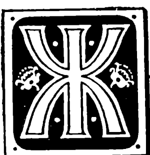
Солдат выстрелил в нее из ружья, убить не убил, а только ранил ее в правое крыло; выпало из того крыла три пера, а сама птица наутек пустилась. Солдат за нею; ноги у птицы быстрые, скорехонько добежала до провалища и скрылась из глаз.

Солдат не убоялся и вслед за нею кинулся в то провалище: упал в глубокую-глубокую пропасть, отшиб себе все печенки и целые сутки лежал без памяти. После опомнился, встал, осмотрелся — что же? — и под землей такой же свет. «Стало быть,— думает,— и здесь есть люди!» Шел-шел, перед ним большой город, у ворот караульня, при ней часовой; стал его спрашивать — часовой молчит, не движется; взял его за руку — а он совсем каменный! Взошел солдат в караульню — народу много, и стоят и сидят, только все окаменелые; пустился бродить по улицам — везде то же самое: нет ни единой живой души человеческой, всё как есть камень! Вот и дворец расписной, вырезной, марш туда, смотрит — комнаты богатые, на столах закуски и напитки всякие, а кругом тихо и пусто.

Солдат закусил, выпил, сел было отдохнуть, и послышалось ему — словно кто к крыльцу подъехал; он схватил ружье и стал у дверей. Входит в палату прекрасная царевна с мамками, няньками; солдат отдал ей честь, а она ему ласково поклонилась. «Здравствуй, служивый! Расскажи,— говорит,— какими судьбами ты сюда попал?» Солдат начал рассказывать: «Нанялся-де я царский сад караулить, и повадилась туда большая птица летать да деревья ломать; вот я подстерег ее, выстрелил из ружья и выбил у ней из крыла три пера; бросился за ней в погоню и очутился здесь».— «Эта птица — мне родная сестра: много она творит всякого зла и на мое царство беду наслала — весь народ мой окаменила. Слушай же: вот тебе книжка, становись вот тут и читай ее с вечера до тех пор, пока петухи не запоют Какие бы страсти тебе ни казалися, ты знай свое — читай книжку да держи ее крепче, чтоб не вырвали; не то жив не будешь! Если простоишь три ночи, то выйду за тебя замуж».— «Ладно!» — отвечал солдат.

Только стемнело, взял он книжку и начал читать. Вдруг застучало, загремело — явилось во дворец целое войско, подступили к солдату его прежние начальники и бранят его и грозят за побег смертию; вот уж и ружья заряжают, прицеливаются... Но солдат на то не смотрит, книгу из рук не выпускает, знай себе читает. Закричали петухи — и все разом сгинуло! На другую ночь страшней было. а на третью и того пуще: прибежали палачи с пилами, топорами, молотами, хотят ему кости дробить, жилы тянуть, на огне его жечь, а сами только и думают, как бы книгу из рук выхватить. Такие страсти были, что едва солдат выдержал. Запели петухи — и демонское наваждение сгинуло! В тот самый час все царство ожило, по улицам и в домах народ засуетился, во дворец явилась царевна с генералами, со свитою, и стали все благодарствовать солдату и величать его своим государем. На другой день женился он на прекрасной царевне и зажил с нею в любви и радости.

274

Жил-был старик; у старика был сын — славный сын; вздумал чего идти в дорогу, простился-благословился и пошел. Шел долго ли, коротко ли, скоро сказка сказывается, не скоро дело делается; приходит в одно царство, видит — кругом камни! И скот и люди — где кто был, стоял или сидел, кто куда ехал, там все и окаменели: иной дрова рубил, руку с топором поднял, да так и остался! Враг[1] пошутил над ними! Вот этот парень походил по городу — ни одного человека не нашел живого; вошел в царский чертог и думает: подожду, не будет ли кто? Вдруг прибегает царская дочь, увидела этого человека, поклонилась, расспросила его: откудова он, куда пошел и зачем, и говорит: «Вот бы надо крепкого человека, чтобы он по три ночи молился во дворце; тогда бы люди все стали опять людьми!» 153b

Он согласился; уговорились, чтобы после (если бог велит воротить царя и людей по-прежнему) она вышла за него замуж, и положили на том записи. Она дала ему восковых свеч три снопухи[2] — по снопухе на каждую ночь, сама уехала. Наступила ночь; крестьянский сын стал на молитву. В полночь вдруг и набежало дьяволов множество; кто дразнит его, кто говорит — надо заколоть, кто огня подпускает под него, кто — воду, чего-чего не было! Страшно! А он стоит да молится. Петух спел — и дьяволов не стало. Он в ночь снопуху свеч изжег, утром лег спать. Царская дочь приезжает, спрашивает: «Что, жив ли ты?» — «Жив, слава богу».— «Ну, каково тебе было?» — «Страшно, да ничего, бог милостив!» — «Смотри, на эту ночь еще страшней будет!» Переговорила и уехала.

И точно, на другую ночь еще больше дьявола́ страшили; крестьянский сын промолился. На третью ночь и пуще того; он опять промолился, все свечи издержал. А царская дочь после третьей ночи велела ему залезти в печь и написать рукопись, как спасал царство. «А то,— говорит,— отец мой оживится, рассердится, забегает — беда тебе!» Он так и сделал. Утро настало — вдруг весь народ оживился, начали ходить, бегать, стали переезжать, только стук-от стоит! Царь также ожил, забегал, осердился. «Кто смел,— говорит,— шутить над моим царством?» — и увидел у печи рукопись, прочитал. Приехала дочь; она рукопись утвердила, сказала отцу что точно так было. Царю понравилось; тотчас свадьбу: крестьянский сын женился на царской дочери. Тесть по смерти своей благословил все свое царство милому зятю. Крестьянский сын то все из-под больших смотрел, а тут сам царем сделался, и теперь царствует — такой добрый для подданных, особливо для солдат!

[1] Нечистая сила.
[2] Связки.

275. БЕРЕЗА И ТРИ СОКОЛА

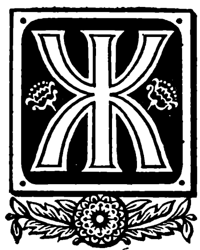
тслужил солдат свой законный срок, получил отставку и 154
пошел на родину. Идет путем-дорогою, а навстречу ему нечистый. «Стой, служивый! Куда идешь?» — «Домой иду».— «Что тебе дома! Ведь у тебя ни рода, ни племени. Наймись лучше ко мне в работники; я тебе большое жалованье положу».— «А в чем служба?» — «Служба самая легкая: мне надобно ехать за синие моря к дочери на свадьбу, а есть у меня три сокола; покарауль их до моего приезду». Солдат согласился. «Без денег,— думает,— плохое житье; хоть у черта, все что-нибудь да заработаю!» Нечистый привел его в свои палаты, а сам уехал за синие моря.

Вот солдат ходил, ходил по разным комнатам; сделалось ему скучно, и вздумал он пойтить в сад; вышел, смотрит — стоит береза. И говорит ему береза человеческим голосом: «Служивый! Сходи вот в такую-то деревню, скажи тамошнему священнику, чтобы дал тебе то самое, что ему нынче во сне привиделось». Солдат пошел, куда ему сказано; священник тотчас достал книгу: «Вот тебе — возьми!» Солдат взял; приходит назад. «Спасибо, добрый человек! — говорит береза.— Теперь становись да читай».

Начал он читать эту книгу; одну ночь читал — вышла из березы красная девица, красоты неописанной, по самые груди; другую ночь читал — вышла по пояс; третью ночь читал — совсем вышла. Поцеловала его и говорит: «Я — царская дочь; похитил меня нечистый и сделал березою. А три сокола — мои родные братья; хотели они меня выручить, да сами попались!» Только вымолвила царевна это слово, тотчас прилетели три сокола, ударились о сырую землю и обратились добрыми мóлодцами. Тут все они собрались и поехали к отцу, к матери, и солдата с собой взяли. Царь и царица обрадовались, щедро наградили солдата, выдали за него замуж царевну и оставили жить при себе.

276. ЗАКЛЯТЫЙ ЦАРЕВИЧ

ил-был купец, у него было три дочери. Пришлось ему 155
ехать в чужие земли за товарами, спрашивает он у дочерей: «Что вам привезти из-за моря?» Старшая просит — обновку, середняя — то ж, а младшая взяла лист бумаги, нарисовала цветок: «Мне,— говорит,— батюшка, привези вот этакий цветок». Долго разъезжал купец по разным государствам, а такого цветка нигде не видал.

Стал домой ворочаться и усмотрел на пути славный высокий дворец с теремами, башнями, с садом. Зашел по-

гулять в саду: что тут всяких деревьев, что всяких цветов! Один цветок другого прекраснее! Смотрит, а вот и точно такой растет, какой ему дочь нарисовала. «Дай,— думает,— сорву да повезу любимой дочери; кажись, никого нет, никто не увидит!» Нагнулся и сорвал, и только сделал это — как в ту ж минуту поднялся буйный ветер, загремел гром и явилось перед ним страшное чудище — безобразный крылатый змей с тремя головами. «Как ты смел в моем саду хозяйничать?— закричал змей на купца.— Зачем цветок сорвал?» Купец испугался, пал на колени и стал просить прощения. «Хорошо,— говорит змей,— пожалуй, я тебя прощу, только с тем условием: кто тебя первый по приезде домой встретит, того мне на весь век отдай. А если обманешь, то не забудь, что от меня нигде не спрячешься; везде тебя найду!»

Купец согласился; подъезжает к своему дворцу, а меньшая дочь усмотрела его в окошечко и выбежала навстречу. Купец и голову повесил; смотрит на свою любимую дочь и горькими слезами плачет. «Что с тобой? О чем плачешь, батюшка?» Он отдал ей цветок и рассказал, что́ с ним случилося. «Не печалься, батюшка!— говорит меньшая дочь.— Бог даст, мне и там хорошо будет! Вези меня к змею». Отец отвез ее, оставил во дворце, попрощался и уехал домой.

Вот красная девица, дочь купеческая, ходит по разным комнатам — везде золото да бархат, а никого не видать, ни единой души человеческой! А время идет да идет; проголодалась красавица и думает: «Ах, как бы я теперь покушала!» Не успела подумать, а уж перед нею стол стоит, а на столе и кушанья, и напитки, и сласти; разве только птичьего молока нет! Села она за стол — напилась, наелась; встала — и все исчезло! Вот и смерклось; купеческая дочь вошла в спальню, хочет спать ложиться. Вдруг зашумел буйный ветер, и явился перед нею трехглавый змей. «Здравствуй, красная девица! Постели-ка мне постель возле этой двери». Красная девица постлала ему постель возле двери, а сама легла на кроватке.

Проснулась поутру, опять во всем доме не видать ни души; одно хорошо: чего бы ни пожелала она — все тотчас и явится! Вечером прилетает змей и приказывает: «Теперь, красная девица, постели мне постель рядом с твоею кроваткою». Она постлала ему рядом с своею кроваткою. Ночь прошла, девица проснулась — опять во дворце ни души! В третий раз прилетает змей вечером и говорит: «Ну, красная девица, теперь я с тобой на одной кровати лягу». Страшно было купеческой дочери спать на одной постели с таким безобразным чудищем, а делать нечего — скрепила свое сердце, легла с ним.

Наутро говорит ей змей: «Если скучно тебе, красная девица, поезжай к отцу, к сестрам, побудь с ними день, а к вечеру назад приезжай, да смотри — не опоздай: если хоть минуту опоздаешь — я с горя помру!» — «Нет, не опоздаю!» — говорит купеческая дочь. Вышла на крыльцо, а уж коляска давно готова; села и в ту ж минуту очутилась на батюшкином дворе. Отец увидал, обнимает, целует ее, расспрашивает: «Как тебя бог милует, дочка моя любимая? Хорошо ли тебе?» — «Хорошо, батюшка!»

Стала рассказывать, какое во дворце богатство, как ее змей любит, как все, что только она задумает, тотчас исполняется.

Сестры слушают и не знают что делать от зависти. День на исходе; красная девица назад собирается, с отцом, с сестрами прощается: «Так и так,— говорит,— домой пора! Велено к сроку быть». Завистливые сестры натерли себе глаза луком и будто плачут: «Не уезжай, сестрица! Останься до завтрева». Жалко ей стало сестер, осталась до другого дня. Поутру простилась со всеми и уехала во дворец. Приезжает — во дворце пусто по-прежнему; пошла в сад, смотрит, а змей мертвый в пруде лежит: с горя в воду бросился. «Ах, боже мой, что я сделала!» — вскрикнула красная девица и залилась слезами, прибежала к пруду, вытащила змея из воды, обняла одну голову и поцеловала крепко-крепко — змей встрепенулся и вмиг обратился в доброго мóлодца. «Спасибо тебе, красная девица! — говорит ей мóлодец.— Ты меня избавила от великого несчастия; я не змей, а заклятый царевич!» Тотчас поехали они к купцу, перевенчались и стали жить-поживать да добра наживать.

277. СОПЛИВЫЙ КОЗЕЛ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был купец, 156
и было у него три дочери. Построил он себе новый дом и посылает на новоселье ночевать старшую дочь, чтоб после рассказала ему, что и как ей во сне привидится. И привиделось ей во сне, что она выйдет замуж за купеческого сына. На другую ночь посылает купец на новоселье среднюю дочь, что ей привидится? И приснилось ей, что она выйдет замуж за дворянина. На третью ночь дошла очередь до меньшой дочери, послал и ту; и приснилось ей, бедняжке, что выйдет она замуж за козла.

Перепугался отец, не велел своей любимой дочери даже на крыльцо выходить. Так нет вот, не послушалась, вышла! А козел в это время подхватил ее на высокие рога и унес за крутые берега. Принес к себе и уложил на полати спать: сопли у него бегут, слюни текут, а бедняжка то и дело платочком утирает, не брезгует; понравилось это козлу, знай чешет свою бороду! Поутру встала наша красавица, глядь — ан двор огорожен частоколом, и на каждой тычинке по девичьей головке; только одна тычинка простая стоит. Обрадовалась бедняжка, что смерти избежала. А слуги давно ее будят: «Не пора, сударыня спать, пора вставать; в горницах мести, сор на улицу нести!»

Выходит она на крылечко; летят гуси. «Ах вы, гуси мои серые! Не с родной ли вы со сторонушки, не от родного ли батюшки несете мне весточку?» А гуси ей в ответ: «С твоей-то мы со сторонушки, принесли-

то мы тебе весточку: у вас дома сговор, старшую сестрицу твою замуж выдают за купеческого сына». Козел с полатей все слышит и говорит слугам: «Эй вы, слуги мои верные! Несите платья самоцветные; закладывайте вороных коней; чтоб три раза скакнули и были на месте».

Принарядилась бедняжка и поехала; кони мигом привезли ее к отцу. На крыльце встречают гости, в доме пир горой! А козел в то время обернулся добрым молодцем и ходит по двору с гуслями. Ну, как на пир гусляра не созвать? Он пришел в хоромы и начал выигрывать: «Козлова жена, соплякова жена! Козлова жена, соплякова жена!» А бедняжка по одной щеке его хлоп, по другой хлоп, а сама на коней и была такова!

Приехала домой, а козел уж на полатях лежит. Сопли у него бегут, слюни текут; бедняжка то и дело платочком утирает, не брезгует. Поутру будят ее слуги: «Не пора, сударыня, спать, пора вставать; в горницах мести, сор на улицу нести!» Встала она, прибрала все в горницах и вышла на крылечко; летят гуси. «Ах вы, гуси мои серые! Не с родной ли вы со сторонушки, не от родного ли батюшки несете мне весточку?» А гуси в ответ: «С твоей-то мы со сторонушки, принесли-то мы тебе весточку: у вас дома сговор, среднюю сестрицу твою замуж выдают за дворянина богатого». Опять поехала бедняжка к отцу; на крыльце ее гости встречают, в доме пир горой! А козел обернулся добрым молодцем и ходит по двору с гуслями; позвали его, он и стал выигрывать: «Козлова жена, соплякова жена! Козлова жена, соплякова жена!» Бедняжка по одной щеке его хлоп, по другой хлоп, а сама на коней — и была такова!

Воротилась домой; козел лежит на полатях: сопли бегут, слюни текут! Прошла еще ночь; поутру встала бедняжка, вышла на крылечко; опять летят гуси. «Ах вы, гуси мои серые! Не с родной ли вы со сторонушки, не от родного ли батюшки несете мне весточку?» А гуси в ответ: «С твоей-то мы со сторонушки, принесли тебе весточку: у отца твоего большой стол». Поехала она к отцу: гости на крыльце встречают, в доме пир горой! На дворе гусляр похаживает, на гуслях выигрывает. Позвали его в хоромы; гусляр опять по-старому: «Козлова жена, соплякова жена! Козлова жена, соплякова жена!»

Бедняжка в одну щеку его хлоп, в другую хлоп, а сама мигом домой. Смотрит на полати, а там одна козлиная шкурка лежит; гусляр не успел еще оборотиться в козла. Полетела шкурка в печь очутилась меньшая купеческая дочь замужем не за козлом, а за добрым молодцом; стали они себе жить да поживать да добра наживать.

278. НЕУМОЙКА

тслужил солдат три войны, не выслужил и выеденного яйца, и отпустили его *в чистую*[1]. Вот он вышел на дорогу, шел-шел, пристал и сел у озера; сидит да думу думает: «Куда теперь мне деваться, чем прокормиться?.. К черту, что ли, в работники наняться!» Только вымолвил эти речи, а чертенок тут как тут — стоит перед ним, кланяется: «Здорово, служба!» — «Тебе что надо?» — «Да не сам ли ты захотел к нам в работники наняться? Что ж, служивый, наймись! Жалованье большое дадим».— «А какова работа?»— «Работа легкая: только пятнадцать лет не бриться, не стричься, соплей не сморкать, нос не утирать и одежи не переменять!» — «Ладно,— говорит солдат,— я возьмусь за эту работу, но с тем уговором, чтобы все мне было готово, чего душа пожелает!» — «Уж это как водится! Будь спокоен, за нами помешки не будет».— «Ну так по рукам! Сейчас же перенеси меня в большой столичный город да кучу денег притащи; ты ведь сам знаешь, что этого добра у солдата без малого ничего!» *157*

Чертенок бросился в озеро, притащил кучу денег и мигом перенес солдата в большой город; перенес — и был таков! «Вот на дурака напал!— говорит солдат.— Еще не служил, не работал, а деньги взял». Нанял себе квартиру, не стрижется, не бреется, носа не утирает, одежи не переменяет, живет — богатеет; до того разбогател, что некуда стало денег девать. Что делать с серебром да с золотом? «Дай-ка,— вздумал он,— начну помогать бедным; пусть за мою душу молятся». Начал солдат раздавать деньги бедным, и направо дает, и налево дает — а денег у него не только не убывает, а еще прибавляется. Пошла об нем слава по всему царству, по всем людям.

Вот так-то жил солдат лет четырнадцать; на пятнадцатом году не хватило у царя казны; велел он позвать к себе этого солдата. Приходит к нему солдат небритый, немытый, нечесаный, сопли не вытерты, одежа не переменена. «Здравия желаю, ваше величество!» — «Послушай, служивый! Ты, говорят, всем людям добро делаешь; дай мне хоть взаймы денег. У меня на жалованье войскам не хватает. Если дашь, сейчас тебя генералом пожалую».— «Нет, ваше величество, я генералом быть не желаю; а коли хочешь жаловать, отдай за меня одну из своих дочерей, и бери тогда казны, сколько надобно». Тут король призадумался; и дочерей жалко, и без денег обойтись нельзя. «Ну,— говорит,— хорошо; прикажи списать с себя портрет, я его дочерям покажу — которая за тебя пойдет?» Солдат повернулся, велел списать с себя портрет — точь-в-точь как он есть, и послал его к царю.

У того царя было три дочери, призвал их отец, показывает солдатский портрет старшей: «Пойдешь ли за него замуж? Он меня из великой нужды выведет». Царевна видит, что нарисовано страшилище, волоса всклокочены, ногти не выстрижены, сопли не вытерты! «Не хочу! — го-

[1] Т. е. в отставку.

ворит.— Я лучше за черта пойду!» А черт откуда взялся — стоит позади с пером да с бумагой, услыхал это и записал ее душу. Спрашивает отец середнюю дочь: «Пойдешь за солдата замуж?» — «Как же! Я лучше в девках просижу, лучше с чертом повяжуся[2], чем за него идти!» Черт записал и другую душу. Спрашивает отец у меньшой дочери; она ему отвечает: «Видно, судьба моя такова! Иду за него замуж, а там что бог даст!»

Царь обрадовался, послал сказать солдату, чтоб к венцу готовился, и отправил к нему двенадцать подвод за золотом. Солдат потребовал к себе чертенка: «Вот двенадцать подвод — чтобы сейчас все были золотом насыпаны!» Чертенок побежал в озеро, и пошла у нечистых работа: кто мешок тащит, кто два; живой рукой насыпали воза́ и отправили к царю во дворец. Царь поправился и начал звать к себе солдата почитай каждый день, сажал с собою за единый стол, вместе с ним и пил и ел. Вот, пока готовились они к свадьбе, прошло как раз пятнадцать лет: кончился срок солдатской службы. Зовет он чертенка и говорит: «Ну, служба моя покончилась: сделай теперь меня молодцом». Чертенок изрубил его на мелкие части, бросил в котел и давай варить; сварил, вынул и собрал все воедино как следует: косточка в косточку, суставчик в суставчик, жилка в жилку; потом взбрызнул мертвой и живой водою — и солдат встал таким молодцом, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Обвенчался он с младшею царевною, и стали они жить-поживать, добра наживать; я на свадьбе был, мед-пиво пил, было у них вино — выпивал его по самое дно!

Прибежал чертенок в озеро; потребовал его дедушка к отчету: «Что, как солдат?» — «Отслужил свой срок верно и честно, ни разу не брился, не стригся, соплей не утирал, одежи не переменял». Рассердился на него дедушка: «В пятнадцать лет,— говорит,— не мог соблазнить ты солдата! Что даром денег потрачено, какой же ты черт после этого?» — и приказал бросить его в смолу кипучую. «Постой, дедушка!— отвечает внучек.— За солдатскую душу у меня две записаны».— «Как так?» — «Да вот как: задумал солдат на царевне жениться, так старшая да средняя сказали отцу, что лучше за черта пойдут замуж, чем за солдата! Стало быть, они — наши!» Дедушка оправил чертенка и велел его отпустить: знает-де свое дело!

[2] Свяжуся (*Ред.*).

279—282. КОСОРУЧКА

279

некоторой царстве, не в нашем государстве, жил купец богатый; у него двое детей, сын и дочь. И померли отец с матерью. Братец и говорит сестрице: «Пойдем, сестрица, с эстого города вон; вот я займусь в лавочке — будем торговать, тебе найму фатерку[1] — будешь жить». Ну, вот они пошли в другую губерню. Пришли в другую губерню. Вот брат определился, нанял лавочку с красным товаром. Вздумалось братцу жениться; вот он женился, взял таку себе жену — волшебницу. Собирается брат в лавочку торговать и приказыват сестрице: «Смотри, сестрица, в доме». Жене ненавистно стало, что он приказыват сестре. Только она фтрафила[2] — как мужу возвратиться, взяла перебила всю небель[3] и ожидает мужа. Она встречает его и говорит: «Вот какая у тебя сестра, перебила у нас в кладовой всю небель!» — «Что же, это наживное дело»,— отвечает муж. 158а

Вот на другой день отправляется в лавку, прощается с женою и сестрой и приказыват сестре: «Смотри, сестрица, пожаласта, в доме как можно лучше». Вот жена это узнала время, в какое быть мужу, входит в конюшню и мужниному любимому коню голову снесла саблей. Стоит на крыльце и ждет его. «Вот,— говорит,— какая сестра твоя! Любимому коню твоему,— говорит,— голову снесла!» — «Эх, собачье собакам есть»,— отвечает муж.

На третий день опять идет муж в лавки, прощается и говорит сестре: «Смотри, пожаласта, за хозяйкой, чтоб она сама над собой что не сделала али над младенцем, паче чаяния она родиг». Она как родила младенца, взяла и голову срубила. Сидит и плачет над младенцем. Вот приходит это муж. «Вот какая твоя сестрица! Не успела я родить младенца, она взяла и саблей ему голову снесла». Вот муж ничего не сказал, залился слезьми и пошел от них прочь.

Приходит ночь. В самую полночь он подымается и говорит: «Сестрица милая! Собирайся, поедем мы с тобой к обедне». Она и говорит: «Братец родимый! Нынче, кажется, праздника никакого нет».— «Нет, сестрица, есть праздник, поедем».— «Еще рано,— говорит,— нам ехать, братец!» — «Нет, ваше (дело) девичье, скоро ли,— говорит,— вы уберетесь!» Сестрица милая стала убираться; убирается — не убирается она, руки у ней всё отваливаются. Подходит братец и говорит: «Ну, проворней, сестрица, одевайся».— «Вот,— говорит,— еще рано, братец!» — «Нет, сестрица, не рано — время».

Собралась сестрица. Сели и поехали к обедне. Ехали долго ли, не мало; подъезжают к лесу. Сестра говорит: «Что это за лес?» Он отвечает: «Это ограда вокруг церкви». Вот за кустик зацепились дрожечки. Братец

[1] Квартиру.
[2] Потрафила.
[3] Мебель.

говорит: «Встань, сестрица, отцепи дрожечки».— «Ах, братец мой милый, я не могу, я платье замараю».— «Я, сестрица, тебе новое платье куплю, лучше этого». Вот она встала с дрожек, стала отцепливать, братец ей по локоть ручки отрубил, сам вдарил по лошади и уехал от нее.

Осталась сестрица, залилась слезьми и пошла по лесу. Вот она сколько ни шла, долго ли, коротко ли ходила по лесу, вся ощипалась, а следу не найдет, как выйти из лесу. Вот тропиночка вышла и вывела ее из лесу уже через несколько годов. Вышла она с эстого лесу, и приходит в купеческий город, и подходит к богатищему купцу под окна милостину просить. У этого купца сын был, единый, как глаз во лбу, и влюбился он в нищенку. Говорит: «Папенька с маменькой, жените мене».— «На кого же тебе женить?» — «На этой нищенке».— «Ах, друг мой, разве в городе у купцов нет дочерей хороших?» — «Да жените; ежели вы мене не жените, я что-нибудь, — говорит,— над собой сделаю». Вот им это обидно, что один сын, как глаз во лбу; собрали всех купцов, все священство и спрашивают: что присудят, женить ли на нищенке или нет? Вот священники сказали: «Стало, его судьба такая, что его бог благословляет на нищенке жениться».

Вот он с нею пожил год и другой и отправляется в другую губерню, где ее брат, значит, сидит в лавочке. Вот он прощается и просит: «Папенька с маменькой! Не оставьте вы мою жену: не равно она родит, вы пишите ко мне тот раз и тот час». Как уехал сын, так чрез два ли, три ли месяца жена его родила: по локти в золоте, по бокам часты звезды, во лбу светел месяц, против сердца красно солнце. Как отец с матерью обрадовались, так тотчас сыну своему любимому письмо стали писать. Посылают старичка с запиской с эстою поскоряючи. А невестка уж, значит, узнала об этом, зазывает старичка: «Поди, батюшка, сюда, отдохни». — «Нет, мне некогда, на скорую руку посылают».— «Да поди, батюшка, отдохни, пообедаешь».

Вот посадила его обедать, а сумочку его унесла, вынула записочку, прочитала, изорвала ее на мелкие клочьи и написала другую, что твоя, говорит, жена родила — половина собачьего, половина ведмежачьего[4]; прижила в лесу с зверями. Приходит старичок к купеческому сыну, подает записку; он прочитал да слезьми и залился. Написал письмо, что до мово приезду не трогать; сам приеду и узнаю, какой младенец народился. Вот потом эта волшебница опять зазывает старичка: «Поди посиди, отдохни»,— говорит. Вот он зашел, она кой-как опять заговорила его, вытащила у него записку, прочитала, изорвала и написала, что как записка на двор, так чтоб ее со двора согнать. Принес старик эту записку; прочитали и огорчились отец и мать. «Что ж это,— говорят,— он нас в изъян ввел? Женили мы его, стало, ему жена не надобна стала!» Жаль им не так жену, как жаль младенца. Взяли благословили ее и младенца, привязали младенца к ее грудям и отпустили со двора.

Вот она пошла, залилась горькими слезьми, шла долго ли, коротко ли — все чистое поле, нет ни лесу, ни деревни нигде. Подходит она к ло-

[4] Медвежьего.

щине, и так ей напиться захотелось. Глянула в правую сторону — стоит колодезь. Вот ей напиться-то хочется, а наклониться боится, чтоб не уронить ребенка. Вот поглазилось [5] ей, что будто бы вода ближе стала. Она наклонилась, ребенок и выпал и упал в колодезь. И ходит она вокруг колодезя и плачет, как младенца достать из воды? Подходит старичок и говорит: «Что ты, раба, плачешь?» — «Как мне не плакать! Я наклонилась к колодцу воды напиться, младенец мой упал в воду».— «Поди нагнись, возьми его».— «Нет, батюшка, у меня рук нет — одни локоточки».— «Да поди нагнись, возьми ребенка!» Вот она подошла к колодезю, стала протягивать руки, ей господь и пожаловал — очутились целые руки. Она нагнулась, достала ребенка и стала богу молиться на все четыре стороны.

Помолилась богу, пошла и пришла ко двору, где ее брат и муж, и просится ночевать. Вот муж говорит: «Брат, пусти нищенку; нищенки умеют и сказки, и присказки, и правды умеют сказывать». Вот невестка говорит: «У нас негде ночевать, тесно».— «Нет, брат, пусти, пожаласта; смерть люблю, как нищенки сказывают сказки и присказки». Вот пустили ее. Она и села на печку с младенцем своим. Муж и говорит: «Ну, душенька, скажи-ка нам сказочку... ну, хоть какую сторьицу [6] скажи».

Она и говорит: «Сказки я не умею сказывать и присказки, а умею правду сказывать. Слушайте,— говорит,— господа, как я вам буду правду сказывать»,— и начала рассказывать: «В некотором царстве, не в нашем государстве, жил купец богатый; у него двое детей, сын и дочь. И померли отец с матерью. Братец и говорит сестрице: пойдем, сестрица, с эстого города. И пришли они в другую губерню. Брат определился, нанял лавочку с красным товаром. Вот вздумалось ему жениться; он женился — взял себе жену волшебницу...» Тут невестка заворчала: «Вот пошла вякать [7], б.... этакая!» А муж говорит: «Сказывай, сказывай, матушка; смерть люблю такие стории!» — «Вот,— говорит нищенка,— собирается брат в лавочку торговать и приказывает сестрице: смотри, сестрица, в доме! Жена обижается, что он всё сестре приказывает; вот она по злости всю небель переколотила...» И как она все рассказала, как он ее к обедне повез, ручки отрезал, как она родила, как невестка заманула [8] старичка,— невестка наизнова кричит: «Вот начала чепуху городить!» Муж говорит: «Брат, вели своей жене замолчать; ведь стория-то славная!» Вот она досказала, как муж писал, чтоб оставить робенка до приезда, а невестка ворчит: «Вот чушь какую порет!» Вот она досказала, как она пришла к дому этому; а невестка заворчала: «Вот, б...., начала орать!» Муж говорит: «Брат, вели ей замолчать; что она все перебивает?» Вот досказала, как ее пустили в избу и как начала она им правды сказывать... Тут она указывает на них и говорит: «Вот мой муж, вот мой брат, а это моя невестка!» Тут муж вскочил к ней на печку и говорит: «Ну, мой друг, покажи же мне младенца, правду ли писали отец и мать». Взяли робеночка, развили [9] — так всю комнату и осветило! «Вот правда-истина, что не

[5] Почудилось, показалось.

[6] Исторьицу.

[7] Надоедать рассказами, болтать пустяки.

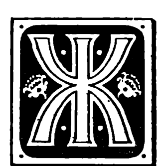
[8] Заманила, зазвала.

[9] Т. е. сняли свивальник и пеленки.

сказки-то говорила; вот моя жена, вот мой сын — по локти в золоте, по бокам часты звезды, во лбу светел месяц, а против сердца красно солнце!»

Вот брат взял из конюшни самую что ни лучшую кобылицу, привязал к хвосту жену свою и пустил ее по чисту́ полю. Потель[10] она ее мыкала, покель принесла одну косу ее, а самоё растрепала по полю. Тогда запрягли тройку лошадей и поехали домой к отцу, к матери; стали жить да поживать, добра наживать; я там была и мед-вино пила, по усам текло и в рот не попало.

280

ил купец, были у него сын да дочь. Пришло время купцу 158б
помирать; он и просит сына, чтобы он сестру свою любил, берег, никому в обиду не давал. Вот отец умер; сын через несколько дней на охоту поехал, а была у него злая жена, взяла да и выпустила коня на волю. Муж приезжает домой, она с жалобой: «Вот ты любишь свою сестру, лелеешь ее, а она твоего коня выпустила».— «Собака его ешь! Конь — дело наживное, а другой сестры я не наживу». Через несколько дней опять отлучился муж на охоту; жена его выпустила сокола из клетки. Только что воротился он домой, она стала жаловаться: «Вот ты сестре своей все спускаешь, а она выпустила сокола из клетки!» — «Э, сова его клюй! Сокол — дело наживное, а другой сестры у меня не будет!» В третий раз отлучился муж куда-то по своим делам; жена схватила своего единственного сына, побежала в табун и бросила лошадям под ноги. Муж воротился, она опять жалуется: «Вот какова твоя сестра! За всю любовь твою она нашего сына конями истоптала!» Тот страшно рассердился, взял сестру и отвез в дремучий лес.

Много ли, мало ли она в нем жила, обносилась вся и засела в дупло. В некое время охотился в этом лесу королевский сын; собаки набежали на красную девицу, обступили кругом дерево и лают. «Знать, на звериный след напали!» — думает королевич и давай травить. «Не трави меня, млад юноша! — отозвалась купеческая дочь.— Я человек, а не зверь».— «Выходи из дупла»,— говорит ей королевич. «Не могу, я нага и боса». Он сейчас слез с коня и бросил ей свой плащ; она оделась и вышла. И видит королевич совершенную красавицу, взял ее с собою, привез домой, поместил в особую горницу и не стал никуда ездить — все дома сидит. Спрашивает его отец: «Любезный мой сын! Что с тобой сталося? Прежде ты отлучался на охоту по неделе и больше, а теперь все дома сидишь».— «Государь мой батюшка и государыня матушка! Виноват я перед вами: нашел я в лесу такую красавицу, что ни вздумать, ни взгадать! Если б только вы меня благословили, не желал бы я себе иной супруги».— «Хорошо! Покажь нам ее». Приводит он свою суженую; король с королевою согласились на его просьбу и обвенчали их.

Пожил королевич с своей женою несколько времени, и понадобилось ему на службу ехать. Просит он своего отца: «Кого бы ни родила моя

[10] До тех пор; *покель* — пока.

жена — уведомьте меня с скорым гонцом». Королевна родила без него сына — по локоть руки в золоте, по колена ноги в се́ребре, во лбу месяц, супротив ретива сердца красное солнце. Тотчас изготовили письмо о новорожденном сыне и послали к королевичу скорого гонца. Случилось ему проезжать мимо того города, где проживал купеческий сын; поднялась буря, гонец и заехал в тот дом, откуда была ихняя королевна вывезена. Хозяйка истопила ему баню, послала париться, а сама переписала письмо: «Твоя-де жена родила козла с бородой»,— и запечатала. Гонец приезжает к королевичу, подает бумаги; тот прочитал и пишет к отцу: «Что бог ни дал — беречь до меня!»

На обратном пути заезжает гонец в тот же дом. Хозяйка по-прежнему отправила его в баню, а сама за бумаги и переписала письмо, чтоб отрубить у королевны руки по локоть, привязать младенца на грудь и отвести ее в темный лес.

Так и было исполнено. Ходила-ходила королевна по лесу, увидала колодец, захотела напиться, наклонилась в колодец и уронила туда своего сына. Стала она слезно просить бога, чтоб даровал ей руки младенца вытащить. Вдруг чудо совершилось — руки явилися; она вытащила сына и пошла странствовать.

Много ли, мало ли странствовала, приходит в нищенском рубище на родину и попросилась ночевать у брата. Сноха ее не узнала. Вот она села в уголок, то и дело что прикрывает своему сыну руки да ноги. На ту пору приезжает туда же королевич, начал с ее братом — купеческим сыном есть, пить, веселиться. Брат говорит: «Кто бы нас потешил — из короба в короб орехи пересыпал?» Мальчик просится: «Пусти меня, матушка! Я их потешу»: а она не пускает. Брат услыхал, что она не позволяет, и говорит: «Поди, поди, сиротиночка! Пересыпь орешки». Мальчик взял орехи и стал сказывать: «Два ореха в короб, два из короба... Жил-был брат с сестрой; у брата была злая жена, сгубила сестру наговорами. Два ореха в короб, два из короба... Отвез брат сестру в дремучий лес; натерпелась она и голоду и холоду, обносилась вся. Два ореха в короб, два из короба... Приехал с охотой в дремучий лес королевский сын; увидал мою матушку, влюбился в нее. Два ореха в короб, два из короба... Взял ее за себя, родила она меня — по локоть руки в золоте, по колена ноги в се́ребре, во лбу месяц, супротив ретива сердца красное солнышко. Два ореха в короб, два из короба...» И так-то, пересыпая орехи из короба в короб, рассказал все, что с ними было, а после и говорит: «Здравствуйте, родимый батюшка и богоданный дядюшка!» Дядя взял свою жену и по общему суду казнил ее, а потом все вместе поехали к старому королю. Король со королевою сильно возрадовались, увидя свою невестку со внуком; и стали королевич с королевною жить-поживать да добра наживать.

281

ыў бацька з маткаю, мел дачку́ з сынам. Бацька з маткаю памер, і пакінулі брата з сястрою. Узяў брат дай ажаніўся; ідзе ў госці — сястру кліча, ідзе на спацыр [1] — сястру кліча, гдзе якую сукню [2] купіць, то для сястры лепшую [3]. Дак жонцы крыўда [4] стала! Даў бог сястры дзіцятка, а ў сястры есць муж, да вельмі далека. Жонка кажа: «Ну што ты лепша сястры глядзішь, як мяне. Прыедзе яе муж, то будзе яну глядзеці». Пагадзіўшы, прыежджае муж; дак яна гаворыць: «Ты прыехаў да яе, а яна з братам жыве — не глядзіць цябе!» Дак мужык [5] кажа: «Жонка! Прыберыся, пайдзем на спацыр і вазьмі дзіця з сабою». Пашлі яны ў лес, прывеў ён да карча [6]: «Палажы рукі!» Як яна палажыла, дак ён узяў дай па локці адсек. 158

Яна ўзяла дзіця і пашла; прыходзіць яна да вады, дак рук няма; як напіцца вады? Нагнулася дай дзіця упусціла. Стаіць, бедная, дай плача, дак ёй з вады адзываецца: «Дзеўка, дзеўка! Не плач, бяры дзіця». Дак яна адказывая [7]: «Якже ж я буду брацъ, калі ў мяне рук няма!» — «Тачы [8] ваду́, дасць бог рукі». Як яна адтачыла, даў бог рукі; дак яна ўзяла дзіця дай пашла. Ідзе дарогаю, сустрэчае яну пан; дак ён пытаецца: «Адкуль ты, кабета?» [9]. Дак яна адказала: «Няма чаго пану казаць, адкуль я; некалі была паняй, цяпер кабетай завуць».— «Ні пашла б ты ка мне на службу?» Яна кажа: «Пайду; алі [10] ці во́зьмешь мяне з дзіцём?» Дак ён кажа: «Вазьму».

Яна прыехала, дак той сын расце да усе заве [11] яго та́там [12]. Ён кажа: «Якій я твой тата?» Дак ён кажа: «Прашу, татулячко, не прагневацца, маёй матульцы [13] татулько рукі адсек, дак матулька пашла плачучы і мяне ў ваду ўкінула; з вады аддалося матульцы: «Не плач, кабетко! Бяры дзіця, дасць бог рукі». Дак матулька ўтачыла ваду, даў бог рукі. Матулька шла і татулька пазнала, а татулька маткі не!»

282

ил-был царь, у него были сын и дочь. Царь помер, и остались одни — братец с сестрицей. «Сестрица,— говорит он,— отдадим тебя замуж».— «Нет, братец, лучше тебя наперед женим». Вот он и женился, а сестрицу все не забывает и при жене любит и почитает ее по-старому; в ином деле жены не послушает, а что скажет сестрица — то и сделает. Братниной жене стало то завистно. Вот раз как-то он уехал, жена возьми что ни есть лучшего коня под золотым ковром — изрубила на мелкие части. Приезжа- 158 прим.

[1] На гулянье (от нем. spazieren).
[2] Юбку (*Ред.*).
[3] Лучшую.
[4] Обида.
[5] Муж.
[6] К пню.
[7] Отвечает.
[8] *Точить* — проливать, цедить (здесь в смысле: омочи водою).
[9] Женщина; раба.
[10] Но.
[11] Зовет.
[12] Отцом.
[13] Матери.

ет муж, она сидит да плачет. «Что ты плачешь?» — «Как же мне не плакать? Твоя сестра-злодейка пришла в конюшню да что ни есть лучшего коня под золотым ковром изрубила на мелкие части».— «Ну, пусть волкам будет мясо!» В другой раз уехал муж; жена взяла сокола в золотой клетке — изрубила на мелкие части, сама сидит да плачет. Воротился муж. «Чего ты плачешь?» — «Как же мне не плакать? Твоя сестра-злодейка взяла сокола в золотой клетке — изрубила на мелкие части».— «Ну что ж, сова его клюй!»

Опять уехал муж, жена взяла свое дитя, изрубила на мелкие части, сидит и разливается горючими слезами. Приехал муж и спрашивает: «Чего ты плачешь?» — «Как же мне не плакать? Твоя сестра-злодейка изрубила нашего детеныша». Брат приказал сестрице нарядиться: «Приоденься-ка да поедем со мною!» Не говоря ни слова, она оделась; брат взял топор и повез ее в лес; остановился у дубового пня и говорит: «Ну, сестра, клади свою голову на этот пень. Я ее отрублю!» Стала сестрица лить перед ним слезы и упрашивать: «Родимый мой братец! Не руби головы, отруби лучше мои белые руки по самые локотки». Он отрубил ей руки по самые локотки и уехал домой, а сестрица пошла скитаться по лесу: где день, где ночь! Ходючи по темному лесу, изорвалась она, всю одежду по кустам оставила, и стали кусать ее комары да мошки — а прогнать-то нечем! Вот она и спряталась в дупло.

На ту пору выехал на охоту королевич; собаки напали на ее след, прибежали к дуплу, так и вьются вокруг дерева да лают. «Кто здесь? — спросил королевич.— Отзовись и выйди!» — «Я бы вышла,— говорит девица,— да я голая!» — «Ничего, выходи и так!» Вот она и вышла; увидал королевич, что она такая красавица, а без рук, взял ее одел и повез к себе во дворец. Только снится ему, что говорит чей-то голос: возьми ты за себя замуж эту безрукую — она породит тебе сына — по локти руки в золоте, по колена ноги в серебре, во лбу красное солнце, на затылке светел месяц. Снится раз, и два, и три раза. Вздумал королевич на ней жениться, а мать говорит ему: «Разве нельзя найти королевну, что хочешь на ней жениться? Она хоть и красавица, да рук нету».— «Ничего,— говорит,— ведь ей не работать; я красоту ее и сплю — в глазах вижу!» Ну и поженился.

Стали они жить. Только королевичу понадобилось ехать в то государство, откудова пришла его жена; он и наказывает своей матери: «Матушка, как скоро родится у меня сын — сейчас напиши ко мне». Простился и уехал. Пришло время; королевичева жена родила сына — по локти руки в золоте, по колена ноги в серебре, во лбу красное солнце, на затылке светел месяц. Королева сейчас написала к сыну письмо; посланный с этим письмом зашел в дом к злой братниной жене. Та выведала обо всем и подменила письмо другим, в котором написала: родила-де твоя жена щенка, а не сына. Как прочитал королевич письмо, призадумался и написал к матери в ответ, чтоб до приезда его выслали королевну из царства вон, а то-де как приеду — совсем ее изрублю.

Вот делать-то нечего, привязали ей ребенка полотенцем к плечам и выслали из царства. Пошла она куда глаза глядят. Шла долго-долго; захо-

телось ей напиться, вот она нагнулась к колодцу и уронила мальчика в воду. Стоит и плачет. Идет старец — Никола, угодник божий. «Что ты плачешь?» — «Сына уронила в воду, дедушка!» — «Достань его».— «О, если б у меня были руки!» — «Нагнись только и протяни локотки». Она нагнулась и протянула локотки — и вдруг стали у нее руки; она взяла ребенка и стала благодарить бога. «Ну, ступай с богом!» — сказал старец и невидимо исчез.

Пошла королевна путем-дорогою, пришла к своему брату, а там и королевич; попросилась она ночевать. Пустили ее и заставляют сказывать сказки. Она говорит: «Я сказывать сказки не умею, а умею сказывать правду. Только чур меня не перебивать, а кто перебьет — с того голова долой!» На том и положили... (Продолжается сказка так же, как и напечатанная под № 279.) Узнал королевич свою жену и обрадовался. Братнину жену тотчас присудили привязать к злому жеребцу и пустить в чистое поле. Понес ее жеребец и размыкал по полю: где ударилась она головою — там сделалась высокая могила, где ударилась задом — там стала глубокая долина. А королевич и теперь живет с своею королевною да радуется.

283—287. ПО КОЛЕНА НОГИ В ЗОЛОТЕ, ПО ЛОКОТЬ РУКИ В СЕРЕБРЕ

283

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь, 159а
у него был сын Иван-царевич — и красивый, и умный, и славный; об нем песни пели, об нем сказки сказывали; он красным девушкам во сне снился. Пришло ему желанье поглядеть на бел свет; берет он у царя-отца благословенье и позволенье и едет на все четыре стороны, людей посмотреть, себя показать.

Долго ездил, много видел добра и худа и всякой всячины; наконец подъехал к палатам высоким, хорошим, каменным. Видит: на крылечке сидят три сестрицы-красавицы и между собой разговаривают. Старшая говорит: «Если б на мне женился Иван-царевич, я б ему напряла рубашку тонкую, гладкую, какой во всем свете не спрядут». Иван-царевич стал прислушиваться. «А если б меня взял,— сказала средняя,— я б выткала ему кафтан из серебра, из золота, и сиял бы он как Жар-птица».— «А я ни прясть, ни ткать не умею,— говорила меньшая,— а если бы он меня полюбил, я бы родила ему сынов, что ни ясных соколов: во лбу солнце, а на затылке месяц, по бокам звезды».

Иван-царевич все слышал, все запомнил и, возвратясь к отцу, просил

позволенье жениться. Отказа не было; он взял за себя меньшую сестру и стал с нею жить-поживать душа в душу; а старшие сестры стали сердиться да завидовать меньшой сестре, начали ей зло мерить; подкупили нянюшек, мамушек, и когда у Ивана-царевича родился сын, когда он ждал, что ему поднесут дитя с солнцем во лбу, с месяцем на затылке, с звездами по бокам, вместо того подали ему просто-напросто котенка и заверили, что жена его обманула. Сильно он огорчился, долго сердился, наконец стал ожидать другого сына.

Те же нянюшки, те же мамушки были с царевной, опять украли ее настоящего ребенка с солнцем во лбу и подложили щенка. Иван-царевич заболел с горя-печали; много он любил царевну, но еще больше хотелось ему поглядеть на хорошее детище. Начал ожидать третьего. В третий раз ему показали простого ребенка, без звезд и месяца. Иван-царевич не стерпел, отказался от жены, приказал ее судить.

Собралися, съехалися люди старшие — нет числа! Судят-рядят, придумывают-пригадывают, и придумали: царевне отрубить голову. «Нет,— сказал главный судья,— слушайте меня или нет, а моя вот речь: выколоть ей глаза, засмолить с ребенком в бочке и пустить на море; виновата — потонет, пра́ва — выплывет». Речь полюбилась; выкололи царевне глаза, засмолили вместе с ребенком в бочку и бросили в море. А Иван-царевич женился на ее старшей сестре, на той самой, что детей его покрала да спрятала в отцовском саду в зеленой беседке.

Там мальчики росли-подрастали, родимой матушки не видали, не знали; а она, горемычная, плавала по́ морю по океану с подкидышком, и рос этот подкидышек не по дням, а по часам; скоро пришел в смысл, стал разумен и говорит: «Сударыня-матушка! Когда б, по моему прошенью, по щучью веленью, по божью благословенью, мы пристали к берегу!» Бочка остановилась. «Сударыня-матушка, когда б, по моему прошенью, по щучью веленью, по божью благословенью, наша бочка лопнула!» Только он молвил, бочка развалилась надвое, и он с матерью вышли на́ берег. «Сударыня-матушка! Какое веселое, славное место; жаль, что ты не видишь ни солнца, ни неба, ни травки-муравки. По моему прошенью, по щучью веленью, по божью благословенью, когда б здесь явилась банька!»

Ту ж минуту как из земли выросла баня: двери сами растворились, печи затопились, и вода закипела. Вошли, взял он веничек и стал теплою водою промывать больные глаза матери. «По моему прошенью, по щучью веленью, по божью благословенью, когда б моя матушка проглянула».— «Сынок! Я вижу, вижу, глаза открылись!» — «По моему прошенью, по щучью веленью, по божью благословенью, когда б, сударыня-матушка, твоего батюшки дворец да к нам перешел и с садом и с твоими детьми».

Откуда ни взялся дворец, перед дворцом раскинулся сад, в саду на веточках птички поют, посреди беседка стоит, в беседке три братца живут. Мальчик-подкидышек побежал к ним. Вошел, видит — накрыт стол, на столе три прибора. Возвратился он поскорее домой и говорит: «Дорогая сударыня-матушка! Испеки ты мне три лепешечки на своем молоке». Мать послушала. Понес он три лепешечки, разложил на три тарелочки,

а сам спрятался в уголок и ожидает: кто придет? Вдруг комната осветилась — вошла три брата с солнцем, с месяцем, с звездами; сели за стол, отведали лепешек и узнали родимой матери молоко. «Кто нам принес эти лепешечки? Если б он показался и рассказал нам об нашей матушке, мы б его зацеловали, замиловали и в братья к себе приняли». Мальчик вышел и повел их к матери. Тут они обнимались, целовались и плакали. Хорошо им стало жить, было чем и добрых людей угостить.

Один раз шли мимо нищие старцы; их зазвали, накормили, напоили и с хлебом-солью отпустили. Случилось: те же старцы проходили мимо дворца Ивана-царевича; он стоял на крыльце и начал их спрашивать: «Нищие старцы! Где вы были-пробывали, что видели-повидали?» — «А мы там были-пробывали, то видели-повидали: где прежде был мох да болото, пень да колода, там теперь дворец — ни в сказке сказать, ни пером написать, там сад — во всем царстве не сыскать, там люди — в белом свете не видать! Там мы были-пробывали, три родных братца нас угощали: во лбу у них солнце, на затылке месяц, по бокам часты звезды, и живет с ними и любуется на них мать-царевна прекрасная». Выслушал Иван-царевич и задумался... кольнуло его в грудь, забилося сердце; снял он свой верный меч, взял меткую стрелу, оседлал ретивого коня и, не сказав жене: «прощай!», полетел во дворец — что ни в сказке сказать, ни пером написать. Очутился там, глянул на детей, глянул на жену — узнал и не вспомнился от радости — душа просветлела!

В это время я там была, мед-вино пила, все видела, всем было очень весело, горько только одной старшей сестре, которую так же засмолили в бочку, так же бросили в море, но не так ее бог хранил: она тут же канула на дно, и след пропал!

284

Не в каком царстве, не в каком государстве был-жил царь и царица; у царя, у царицы было три дочери, три родные сестрицы. Бóльшая сестра говорит: «Сестрицы! Пойдемте к бабушке-задворенке на вечеринки; там поговорим да посоветуем». Согласились и пошли. «Здорóво, бабушка-задворенка! Мы пришли к тебе на беседушку».— «Милости просим!» Бóльшая сестра стала говорить: «Кабы меня взял Иван-царевич замуж, я бы вышила ему ковер-самолет; куда похочешь — туда и лети!» А Иван-то царевич стоит под окошечком, слушает да про себя думает: «Это не заслуга мне! Ковер-самолет я и сам могу добыть». Другая сестра говорит: «Кабы меня взял Иван-царевич, я бы с собой привезла кота-баюна: кот-баюн сказки сказывает — за три версты слышно». Иван-царевич стоит, слушает: «Это не заслуга мне! Кота-баюна я и сам могу купить». Меньшáя сестра говорит: «Кабы меня взял Иван-царевич, я бы родила ему девять сыновей — по колена ноги в золоте, по локти руки в сéребре, по косицам часты мелки звездочки». 159b

Иван-царевич выслушал девичьи речи и поехал домой к отцу, к матери; приехал и сказал: «Батюшка и матушка! Я хочу жениться, возьму себе

малую царевну из тридесятого царства». Отец и мать его благословили и за невестой проводили. Приезжает он в дальние кра́и и бьет царю челом: «Отдай,— говорит,— малую дочь за меня, за Ивана-царевича». Царь свадьбу заводил, дубовы столы становил, Ивана-царевича с невестой за стол садил; пили, ели, веселилися, и свадьба отошла.

Жил Иван-царевич у тестя своего год или два, и вдруг приносят ему письмо и челобитье, что батюшка и матушка его умерли, пора ему на царство ехать. Поехал Иван-царевич с молодою женою, Марфою-царевною, в свою землю и стал царствовать. Долго ли, коротко ли — Марфа-царевна обеременела, а Иван-царевич поехал на охоту в чистое поле гулять, бить гусей да лебедей, и проездил долгое время. Без него царевна родила трех сыновей — по колена ноги в золоте, по локоть руки в се́ребре, по косицам часты мелки звездочки: насмотреться невозможно! Послали сейчас гонца за бабкою-повитушкою; попалась ему навстречу баба-яга, спрашивает: «Куда идешь?» Гонец отвечает: «Недалеко».— «Скажи: куда? Не скажешь — сейчас съем тебя!» — «Иду за бабкою-повитушкою; царевна Марфа Прекрасная родила трех сыновей — таких, как сама сказывала». Яга-баба говорит: «Возьми меня в бабки».— «Нет, яга-баба! Не смею тебя звать; Иван-царевич мне голову срубит».— «Не возьмешь — сейчас тебя съем!» — «Ну, делать нечего — пойдем».

Яга-баба пришла и начала свое дело справлять: отобрала у Марфы Прекрасной трех сыновей, а на замен оставила трех поганых щенят; после ушла в лес и спрятала деток в подземелье, возле старого дуба. Приезжает Иван-царевич домой; ему тотчас объявили, что твоя-де царевна родила трех щенят. Он страшно рассердился, щенят приказал бросить в море, а ей хотел за то голову срубить, да потом одумался: «Ну,— сказал,— первая вина прощается; подожду до другого брюха».

Вот долго ли, коротко ли — жена его опять стала беременна, а Иван-царевич на охоту поехал; Марфа Прекрасная долго его не пускала и горько-горько плакала, но царевич не послушался, сел на коня и поскакал в чистое поле. Немного погодя родила Марфа Прекрасная шесть сыновей — по колена ноги в золоте, по локоть руки в се́ребре, по косицам часты мелки звездочки: насмотреться невозможно! И послала гонца за бабушкою. «Не зови только ягу-бабу!» — приказывает ему со слезами в очах. Посланный пошел за бабушкою; попалась ему навстречу яга-баба и спрашивает: «Куда пошел?» — «Так, недалеко!» — «Скажи: куда? Если не скажешь — сейчас тебя съем!» — «Эх, баба-яга! Иду за бабушкой-повитушкою; у нас Марфа Прекрасная шесть сыновей родила».— «Возьми меня».— «Нет, не возьму; боюсь Ивана-царевича: он убьет меня, голову срубит». Баба-яга грозит гонцу: «Не возьмешь — сейчас тебя съем, и с косточками!» — «Ну, пойдем».

Баба-яга пошла во дворец и взяла с собой на обмен шесть поганых щенят: царевна Марфа Прекрасная, как скоро увидела, что баба-яга идет, схватила одного сына и спрятала в рукав. Яга положила к ней на постель поганых щенят, а пять малых деточек унесла в темный лес; шестого искала-искала, так и не доискалась.

Приезжает Иван-царевич домой; ему тотчас доложили, что твоя-де

жена родила шесть щенят. Он страшно рассердился, приказал посадить ее в бочку; на ту бочку железные обручи навести, кругом заколотить, засмолить и в океан-море спустить. Приказ в ту ж минуту исполнен. Посадили царевну вместе с сыном в бочку, заколотили, засмолили и бросили в океан-море широкое. Долго носило бочку пó морю, наконец прибило к берегу; стала бочка на мель. А сын Марфы-царевны рос не по дням, а по часам; вырос большой и говорит: «Матушка! Я потянусь».— «Потянись, дитя!» Как он потянулся — вмиг бочку рóзорвало.

Вышли мать и сын на высокую гору. Сын огляделся на все стороны и вымолвил: «Кабы здесь, матушка, дом да зеленый сад — вот бы пожили!» Она говорит: «Дай бог!» Того часу устроилось великое царство: явились славные палаты — белокаменные, зеленые сады — прохладные; к тем палатам тянется дорога широкая, гладкая, утоптанная. По той по дороге идут нищие, люди убогие, просят святую милостыньку. Марфа Прекрасная позвала их в палаты белокаменные, накормила-напоила, в путь-дорожку проводила.

Нищие, люди убогие, пришли к Ивану-царевичу и рассказали, что в этаком-то месте, где прежде были гóры высоки, ручьи глубоки, леса непроходимы, там стоит царство великое: в том царстве живет вдова, а у ней сын есть — красоты невиданной и неслыханной: по колена ноги в золоте, по локоть руки в сéребре, по косицам часты мелки звездочки — насмотреться невозможно! «Мать с сыном нас, убогих людей, накормили-напоили, на дорогу хлебом наделили и в путь с честью проводили». Иван-царевич говорит: «Разве поехать мне посмотреть, что там за царство устроилось?» А яга-баба — живет тут у царевича — услыхала эти речи и стала сказывать: «Вот невидаль! У меня в лесу у старого дуба восемь таких молодцов: у всех по колена ноги в золоте, по локти руки в сéребре, по косицам часты мелки звездочки!»

Иван-царевич остался дома, не поехал в новое царство; а нищие, люди убогие, опять туда побрели просить святой милостыньки. Марфа Прекрасная позвала их в палаты белокаменные, накормила-напоила и спать повалила; назавтрее стала их спрашивать: «Калики вы голосисты! Где вы были-побывали и что вы слыхали?» Отвечают калики: «А мы как от вас пошли, так прямым путем и направились к Ивану-царевичу; он подсел к нам, начал спрашивать: где что слыхали, где что видали? Мы всё ему рассказали, что видели твое новое царство, как живешь ты вдовою и что есть у тебя сын, краше которого в белом свете нет. Иван-царевич хотел было сюда ехать — посмотреть, да баба-яга не пустила; вот, молвила, невидаль! У меня в лесу у старого дуба восемь таких молодцов: у всех по колена ноги в золоте, по локти руки в сéребре, по косицам часты мелки звездочки!»

Как скоро ушли нищие, люди убогие, говорит Марфа Прекрасная сыну: «Это мои детки, а твои братцы, в лесу у старого дуба сидят!» — «Матушка,— отвечает он,— дай мне хлеба, я пойду — их достану, домой приведу».— «Ступай, дитя, с богом!» Нацедила она из своей груди молока, на том молоке спекла восемь хлебов, отдала ему и отправила в путь-дорогу.

Долго ли, коротко ли шел добрый мо́лодец; скоро сказка сказывается, да тихо дело делается; пришел к старому дубу — у того дерева лежит большой камень; отвалил камень, глянул и увидал своих братьев: сидят вокруг стола в подземелье. Он спустил им по единому хлебцу; братья съели и заплакали. «Эти хлебцы кабыть[1] на молоке нашей матушки!» Он спустил им ременья и вытащил всех на вольный свет. Поцеловались, поздоровались и пошли домой к матери. Марфа Прекрасная выбежала встречать их, стала миловать-целовать, крепко к сердцу прижимать.

Живут они вместе. Опять зашли туда нищие, люди убогие, милостыньки просить. Марфа Прекрасная позвала их в палаты белокаменные, накормила-напоила, спать уложила, назавтрее хлебом в дорогу наградила, с честью в путь проводила. Приходят нищие к Ивану-царевичу. Он начал выспрашивать: «Гой еси, калики голосистые! Где вы были-побывали и что видели?» — «Были мы побывали, ночь ночевали в новом царстве; молодая вдова нас накормила-напоила, на дорогу хлебом наградила; есть у ней девять сыновей — краше в свете нет! У всех по колена ноги в золоте, по локти руки в се́ребре, по косицам часты мелки звездочки». Иван-царевич приказал лошадей закладывать; а бабе-яге нечем больше похвастать, сидит да молчит.

Поехал царевич в новое царство; долго ли, коротко ли — увидал град великий; остановился у палат белокаменных. Марфа Прекрасная и девять сыновей вышли навстречу; обнималися-целовалися, много сладких слез пролили, пошли в палаты и сделали пир на весь крещеный мир. Я там был, пиво и вино пил, по усу текло, а в рот не попало.

285

короля Додона были три дочери. Приехал к ним свататься 159c
Иван-царевич: у него были по колено ноги в се́ребре, по локоть руки в золоте, во лбу красно солнышко, на затылке светел месяц. Стал он сватать у короля Додона дочек: «Я,— говорит,— ту возьму, которая в трех брюхах родит семь молодцев — таких, как я сам, чтоб по колено ноги были в се́ребре, по локоть руки в золоте, во лбу красно солнышко, на затылке светел месяц». Выскочила меньшая дочь Марья Додоновна и говорит: «Я рожу в трех брюхах семь молодцев еще лучше тебя!» Полюбилась эта речь Ивану-царевичу, взял он Марью-царевну за себя замуж. Прошло несколько времени, стала она беременна, а Иван-царевич собирается на службу ехать. «Как же ты меня одну покидаешь?» — «Я пошлю за твоей сестрой». Привезли сестру; он и уехал.

Немного спустя родила Марья-царевна трех молодцев: по колено ноги в се́ребре, по локоть руки в золоте, во лбу красно солнышко, на затылке светел месяц. На ее бессчастье и сука ощенилась в ту ж пору. Сестра взяла сыновей Марьи Додоновны и забросила на остров, а как приехал Иван-царевич, она принесла ему трех щенков и говорит: «Вот твоя хва-

[1] Как будто, кажись (*Ред.*).

стунья трех щенков принесла!» Иван-царевич отвечал: «Ну, пусть до другого брюха!» В другой раз Марья Додоновна сделалась беременна; опять Иван-царевич уехал на службу. Жена без него родила еще трех молодцев; на ее бессчастье и сука ощенилася. Сестра взяла детей, не показала матери и забросила на тот же остров. Иван-царевич приехал домой, она и говорит ему: «Вот твоя хвастунья опять трех щенков принесла!»— «Пусть до третьего брюха»,— сказал царевич.

В третий раз сделалась Марья Додоновна беременна; опять Иван-царевич уехал на службу. Она родила одного мальчика; на ее бессчастье и сука ощенилася. Марья Додоновна не показала никому этого ребенка, спрятала его за пазуху; сестра пристает: «Если не покажешь этого ребенка, я тебя удушу!» Нет, не показала. Приехал Иван-царевич, сестра тащит ему щенка и говорит: «Вот твоя хвастунья опять щенка принесла!» Иван-царевич заковал свою жену в бочку и пустил на сине море. Она плавала, плавала по́ морю, а ребеночек растет все больше да больше, начал уж и говорить. «Матушка! Позволь мне протянуться».— «Нет, душечка! Еще бочка не шарахтит [1], глубь под нею, пожалуй, утонем!» Бочка все дале, дале, к берегу ближе, ближе, стала шарахтить со́ дну. «Ну, матушка! Теперь мы на мель попали, можно мне протянуться?» — «Теперь протянись!» Он протянулся — обручи все лопнули.

Вышли они из бочки на остров; ходят по острову да дороги ищут, куда идти. Шли-шли, нашли тропочку; пустились по этой тропочке, шли-шли, нашли дом. Входят в дом, глядь туда-сюда — лежат на стульях рубашечки ношеные, немытые. Марья Додоновна взяла эти рубашечки, перестирала, переполоскала, пересушила, перекатала и в передний угол уклала. И посуда на столе стоит немытая; как покушано — не прибрано. Она и посуду перемыла, перетерла, пол подмела; везде чисто стало. Потом говорит сыну: «Кто-то сюда идет; пойдем, за печку спрячемся». Спрятались за печку, постояли немножко и видят, что вошли в горницу шесть человек, вошли и обрадовались, что все в доме вымыто и убрано. «Кто таков мыл-убирал у нас? Покажись! — говорят мо́лодцы.— Если ты красная девица — будешь нам родная сестра, а если ты в полвека молодица — будешь нам родная матушка!»

Марья Додоновна вышла из-за печки; шесть молодцев бросились к ней на шею и говорили таково слово: «Будь же ты нам родимая матушка!» Стали они все вместе жить, стали ее расспрашивать: «Откуда явилась ты к нам, родимая матушка?» Отвечала она: «Была я замужем за Иваном-царевичем, родила в первом брюхе трех мальчиков — по колено ноги в се́ребре, по локоть руки в золоте, во лбу красно солнышко, на затылке светел месяц. Сестра захватила их, куда-то спровадила, а мужу сказала: «Вот твоя хвастунья трех щенков принесла!» Иван-царевич не тронул меня до второго брюха; опять родила я трех мальчиков, опять сестра их спровадила, а мужу трех щенков показала. Иван-царевич не тронул меня до третьего брюха. В третий раз родила я одного мальчика

[1] *Не шарахтит* — не шаркает, не трется (*Ред.*).

и спрятала его за пазуху; сестра побежала к мужу. «Твоя, говорит, хвастунья опять щенка принесла!» Он заковал меня с сыном в бочку и пустил на сине море. Долго мы плавали; сынок мой вырос, протянулся — бочка лопнула; мы вышли на этот остров и попали к вам в дом. А вы, мои детушки, где родилися-воспиталися?» — «Где родились, мы и сами не ведаем; а выросли на этом острове, нас львица своим молоком выпоила».

Тут сняли мóлодцы свои шапочки, глядит Марья Додоновна, а у них у всех на лбу красно солнышко, на затылке светел месяц. «Ах, мои милые детушки! Видно, вы мои рожоные!» — сказала Марья-царевна и упала с радости замертво. Взяли они ее, подняли, оттерли — и она ожила. «Мама! Благослови нас в путь-дорогу батюшку искать».— «Бог вас благослови!» Пошли они все семеро, добрались до того царства, где Иван-царевич жил, и спросили про него. Их тотчас впустили во дворец; мóлодцы понадвинули себе на лбы шапочки, вошли к Ивану-царевичу и говорят: «Не угодно ли послушать историйку?» — «Хорошо, сказывайте; я люблю историйки». Они и рассказали, как забросила их злая тетка на остров, как они выросли и мать нашли; потом сняли шапочки. Иван-царевич увидал, что у них по колено ноги в сéребре, по локоть руки в золоте, во лбу красно солнышко, на затылке светел месяц, признал их за своих детей; не мешкая, послал гонцов за женою; а ехидную тетку привязал к жеребцу за хвост и приударил того жеребца плетью: он полетел стрелою в чистое поле и размыкал ее по кустам, по оврагам. Марья Додоновна воротилась к мужу, и стали они жить-поживать да добра наживать.

286

В некотором государстве был один купец, имел двух дочерей; 159d
разослал он афишки по всему государству: кто из царевичей возьмет замуж его меньшую дочь, тому она родит троих сыновей — по колена в сéребре, по грудь в золоте, во лбу светел месяц, по бокам часты звезды. Приискался из иного государства Иван-королевич и женился на купеческой дочери; пожил с нею год, она забеременела и родила сына — по колена в сéребре, по грудь в золоте, во лбу светел месяц, по бокам часты звезды. Старшая сестра позавидовала, подкупила бабку; а та взяла ребенка — обратила голубем и пустила в чистое поле; пришла к королевичу и говорит: «Твоя жена родила котенка!» Королевич рассердился, да оставил до другого сына.

На другой год родила ему купеческая дочь такого же славного сына; бабка обратила его голубем, пустила в чистое поле и сказала королевичу, что его жена родила щененка. Немало королевич гневался, да рассудил дожидаться третьего сына. Но и в третий раз случилось то же самое; бабка обратила мальчика голубем, а королевичу доложила, что у него не сын родился, а обрубок дерева. Все три брата-голубя собралися вместе и улетели за тридевять земель, в тридесятое царство. Королевич рассудил подождать четвертого сына; а четвертый сын простой родился — ни в золоте, ни в сéребре, без звезд, без месяца. Как узнал о том королевич, тотчас созвал своих вельмож и князей; судили-рядили и все заодно поло-

жили: посадить королевну с ее детищем в бочку, засмолить и пустить пó морю.

Вот посадили их в бочку и пустили пó морю; бочка все дальше и дальше плывет, а у королевны сын не по часам, по минутам растет. Прибило волной бочку к острову и разбило ее о край берега. Сын с матерью вышли на остров, стали кругом осматривать, для жилья место выискивать. Заходят они в темный лес, и увидал сын: лежит на дорожке кошелек; поднял его и обрадовался — в кошельке кремень и огниво будет чем огонь высекать. Вот он ударил огнивом о кремень — тотчас выскочили топорок и дубинка: «Что делать прикажете?» — «Постройте нам дворец, да чтоб было что поесть-попить!» Топор принялся рубить, а дубинка сваи вбивать, и вмиг построили такой славный дворец, какого ни в одном государстве не бывало — ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать, ни в сказке сказать! А во дворце всего вдоволь; чего только душа запросит — все есть!

Проезжали мимо острова купцы-торговцы, тому дворцу дивовалися; приплывали они в государство Ивана-королевича, а уж Иван-королевич успел жениться на другой жене. Как только привалили корабли с товарами к берегу, тотчас пошли купцы к королевичу с докладом, с гостинцами. «Гой, купцы-торговцы! — говорит им Иван-королевич.— Вы много морей изъездили, во многих землях побывали; не слыхали ль где каких новостей?» Отвечают купцы, что на море-океане, на таком-то острове доселева рос дремучий лес да разбой стоял: нельзя было ни пешему пройти, ни конному проехать, а теперь стоит там такой дворец, какого лучше во всем свете нет! А живет в том дворце прекрасная королевна с сыном.

Иван-королевич стал собираться на остров; хочется ему поехать, самому на то диво посмотреть. А старшая сестра-лиходейка давай его останавливать: «Это,— говорит,— что за диво! Вот диво — так диво: за тридевять земель, в тридесятом царстве есть зеленый сад; в том саду есть мельница — сама мелет, сама веет и пыль на сто верст мечет, возле мельницы золотой столб стоит, на нем золотая клетка висит, и ходит по тому столбу ученый кот: вниз идет — песни поет, вверх поднимается — сказки сказывает».

Поехали купцы назад и заехали к королевне на остров; она встречает их с честию, угощает с радостью. То, другое — стали промеж себя разговаривать; купцы и рассказали: как были они у Ивана-королевича, как Иван-королевич хотел было на остров ехать дворец смотреть и как старшая сестра остановила его. Сын королевнин все это выслушал и, только купеческие корабли отплыли, вынул свой кошелек, ударил огнивом о кремень — тотчас выскочили топорок и дубинка: «Что делать прикажете?» — «Чтоб заутро около нашего дворца был зеленый сад, а в том саду была мельница — сама бы молола, сама бы веяла и пыль на сто верст метала; чтоб возле мельницы золотой столб стоял, на нем бы золотая клетка висела и ходил бы по тому столбу ученый кот!» На другой день проснулась королевна с сыном, а уж все исполнено: около дворца сад растет, в саду мельница, возле мельницы золотой столб стоит и ученый кот песни поет, сказки сказывает. Много ли, мало ли прошло времени — про-

езжают мимо острова купцы-торговцы, тому чуду дивуются; увидал белые паруса королевнин сын, обернулся мухою, полетел и сел на корабль.

Приплывают корабли в государство Ивана-королевича, привалили к берегу, стали на якорях, и пошли купцы во дворец с докладом, с гостинцами; вслед за ними и муха полетела. «Гой, купцы-торговцы, люди бывалые! — говорит Иван-королевич.— Вы много морей изъездили, много разных земель видели, не слыхали ль где каких новостей?» Отвечают купцы: «На море-океане, на таком-то острове доселева рос дремучий лес да разбой стоял: нельзя было ни пешему пройти, ни конному проехать; а теперь там такой дворец, какого лучше во всем свете нет! Живет во дворце прекрасная королевна с сыном. Около дворца зеленый сад раскинулся, в том саду есть мельница — сама мелет, сама веет, на сто верст пыль мечет; а возле мельницы золотой столб стоит, на нем золотая клетка висит, и ходит по тому столбу ученый кот; вниз идет — песни поет, вверх поднимается — сказки сказывает». Иван-королевич стал собираться на остров, хочется ему на те дива посмотреть; а старшая сестра-лиходейка стала его удерживать-останавливать: «Это,— говорит,— что за чудо! Вот диво — так диво: за тридевять земель, в тридесятом царстве есть золотая сосна, на ней сидят птицы райские, поют песни царские!» Тут муха озлилася, укусила тетку за нос — и в окно!

Прилетел королевнин сын домой мухою, обернулся добрым молодцем, вынул кремень и огниво, ударил — выскочили топорок и дубинка: «Что делать прикажете?» — «Чтоб заутро стояла в саду золотая сосна, на ней сидели бы птицы райские, распевали бы песни царские!» На другой день проснулась королевна с сыном — а сосна уж в саду растет. Опять проезжали мимо острова купцы-торговцы, тому диву дивовалися; приехали в царство Ивана-королевича, а королевнин сын комаром обернулся да с ними ж на корабле приплыл. «Гой, купцы-торговцы, люди бывалые! — говорит Иван-королевич.— Вы много морей изъездили, много разных земель видели; не слыхали ль где каких новостей?» Отвечают ему купцы: «На море-океане, на таком-то острове живет во дворце прекрасная королевна с сыном; около дворца зеленый сад раскинулся, в том саду есть мельница — сама мелет, сама веет, на сто верст пыль мечет; возле золотой столб стоит с золотою клеткою, и ходит по тому столбу ученый кот; вниз идет — песни поет, вверх поднимается — сказки сказывает. Да растет в саду золотая сосна, на ней сидят птицы райские, поют песни царские!» Иван-королевич стал собираться на остров, хочется ему на те дива посмотреть; а старшая сестра-лиходейка его удерживает: «Это что за чудо! Вот диво — так диво: за тридевять земель, в тридесятом царстве есть три братца родные — по колена в се́ребре, по грудь в золоте, во лбу светел месяц, по бокам часты звезды!» Тут комар озлился, больней прежнего укусил тетку за нос, зажужжал — и в окно! Прилетел домой, обернулся добрым молодцем и рассказал про все матери. «Ах,— говорит королевна,— то мои сыновья, а твои братья!» — «Я пойду их отыскивать!»

Долго ли, коротко ли — пришел королевнин сын в тридесятое царство; смотрит — дом на поляне. «Дай зайду, отдохну!» Входит в горницу — там стол накрыт, на столе три просвиры лежат, три бутылки с вином

12 Заказ № 101

стоят; а нет ни души! Взял он, отломил и съел от каждой просвиры по кусочку, отпил из каждой бутылки по глоточку и спрятался за печку. Вдруг прилетают три голубя, ударились оземь и сделались добрыми мо́лодцами — по колена в се́ребре, по грудь в золоте, во лбу светел месяц, по бокам часты звезды. Подошли к столу, глядь — просвиры надъедены, вино надпито, и говорят промеж собой: «Если б вор забрался, он бы все унес; а этот только попробовал... видно, добрый человек к нам в гости зашел!» Меньшой брат услыхал эти речи, вылез из-за печки и говорит: «Здравствуйте, родные братцы! Матушка велела вам кланяться да к себе звать». Что тут было радости! Что веселья! После того ударились они четверо оземь, поделались голубками и полетели к своей матушке.

В короткое время проходили мимо острова купеческие корабли. Купцы-торговцы смотрят на тот остров да дивуются... Вот приплыли они в государство Ивана-королевича, пошли к нему с докладом, с гостинцами. Он спросил их: «Не слыхали ль где каких новостей?» Купцы рассказали ему про чудный остров: «А на том острове живет прекрасная королевна с четырьмя сыновьями; три сына красоты неописанной — по колена в се́ребре, по грудь в золоте, во лбу светел месяц, по бокам часты звезды! Ходят-гуляют по́ саду — весь сад освещают!» Иван-королевич не стал больше откладывать, сел на корабль и поплыл к острову; а там встречают его жена и четыре сына. Целовались, обнимались, про былое расспрашивали. Как узнал Иван-царевич всю подноготную, тотчас же отдал приказ расстрелять старшую сестру-лиходейку; вторую жену покинул, а стал жить с первою, и жили они долго и счастливо.

287

Было ў бацькі тры дачкі; пашлі на рэчку бялізну [1] мыць. Ехаў каралеў сын. Адна кажэ: «От, каб я за каралеваго сына пашла, то б я адной голкай [2] весь двор абшыла». Другая кажэ: «Каб я за каралеваго сына пашла, то б я адной булкай весь двор абкарміла». А трэцяя кажэ: «Каб я за каралеваго сына пашла, то б два сыны́ прывяла: на лбе па месяцу, ў патыліцы [3] па звездаццы». Прыехаў кароль да таё (жениться), што казала: «Два сыны прывяла б»; дак яны жывуць гадок, другі, стала яна ў цёнжы [4]. Паехаў круль і прыказывае мацяры: што бог дасць жонцы, то няхай [5] гадуе [6]. Ад'ехаў ён міль дваццаць, как бог даў жонцы дзіця; прывяла яна два сыны: на лбе па месяцу, на патыліцы па звездаццы. Напісала жонка карту [7] — што бог даў два сыны́: на лбе па месяцу, на патыліцы па звездаццы; парабак [8] панес карту да яго і зайшоў да яе сястры начаваць і не ведаў, што яго пані сястра. Лег ён спаць, дак яна ўзяла дай адкрыла карту, тое скасавала [9], што было напісано: на лбе па месяцу, на патыліцы па звездаццы, а напісала, 159е

[1] Белье.
[2] Иголкой.
[3] На затылке.
[4] Забеременела.
[5] Пусть.
[6] Вскармливает, воспитывает.
[7] Грамоту, письмо.
[8] Батрак, наймит, слуга.
[9] Польс. kasować — смарать, вытереть написанное.

што ні уж, ні гад — ні знаць што прывяла. Той чалавек даганіў круля, падаў ліст. Ён прачытаў: «Што ёй бог даў, то няхай не траціць без мяне». Уже назад ён ішоў, зайшоў туды зноў начаваць; яна ўзяла зноў лісты, адкрыла і тое скасавала, што ён напісаў, і напісала: пакуль [10] ён вернецца, каб пахаваць [11] тые сыны. Як ён прышоў кралева жана перачытала і стала плакаць, ёй жаль было тые харошые сынкі пахаваць. На дворе выкапала две магілкі і пахавала; выраслі два явары — залатая галінка [12] і срэбраная. Прыехаў круль да хаты і адправіў [13] за тое, што пахавалі без яго.

Паехаў ён жаніцца да другой да жонінай сястры. Жывуць яны, дак яна кажэ то: «Мой мужу найяснейшы, каб мы гэтые явары ссеклі да зрабілі ложко [14] сабе». — «Ах, мужу мой найяснейшы, пасячом мы гэта ложко і спалім, а по́пел на дарогу высыплем». Гнаў пастух авечкі; адна аўца забегла і по́пелу ўхваціла, прывела два бараны: на лбе па месяцу, на патыліцы па звездаццы. Дак яна [15] знелюбіла тых бараноў, вялела парэзаць і кішкі на уліцу выкінуть. Первая [16] жонка вышла, кішкі падабрала, зваріла і з'ела і стала ў цёнжы і прывела два сыны́: на лбе па месяцу, на патыліцы па звездаццы. Дак тые сыны́ растуць, дак растуць, і шапачкаў не знімаюць. Дак круль захацеў, каб хто шоў байкі баяць [17]; дак там сказалі: «Есць два браты, яны ўмеюць байкі баяць». Дак яны прышлі байкі баяць.

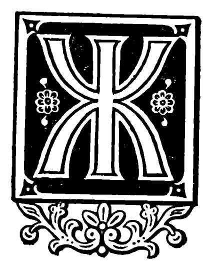
Стал баяць байку: «Быў сабе круль з кралеўнаю; прывела кралеўна два сыны́: на лбе па месяцу, на патыліцы па звездаццы. После круль паехаў на паляванне [18], напісала каралеўна карту і паслала. Чалавек зайшоў на нач да сястры; яна ўзяла, адкрыла карту і напісала, што ні уж, ні гадзіна — ні знаць што прывяла кралеўна. Круль, прачытаўшы, адпісаў, што няхай гадуюцца ці уж, ці гадзіна. Чалавек, шоўшы дадому, і зноў туда зайшоў, гдзе начаваў. Яна адкрыла і напісала, каб пахавала да майго прыезду. Дак яна [19] выкапала две ямы-магілы і закапала, і выраслі два явары — залатая галінка і серэбненкая. Яна [20] нацялася, каб пасеч і ложко зрабіць, і стала яна спаць, і стаў ёй цёнжар [21] рабіцца; яна вялела гэта ложко пасеч і спаліць і на двор по́пел выкінуць. Пастух авечкі гнаў; адна авечка по́пелу захваціла і стала котная [22], прывяла два бараны: на лбе па месяцу, на патыліцы па звездаццы. Каралеўна [23] вялела тые бараны парэзаць і кішкі на уліцу выкінуць; яна [24] вышла на уліцу, кішкі падабрала ў хату, зваріла і з'ела і ў ценжы стала, прывяла два сыны́: на лбе па месяцу, на патыліцы па звездаццы». Хлопчыкі гэтые скланілісё да шапачкі знялі, так і засвяцілі весь пакой. Другую жонку на железную барану расцягалі, а першую (круль) ўзяў, і сталі жыць.

[10] Покуда.
[11] Похоронить, зарыть.
[12] Ветвь.
[13] Отпустил (от себя жену).
[14] Ложе, кровать.
[15] Новая королева.
[16] Прежняя.
[17] Сказки сказывать.
[18] На охоту.
[19] Мать.
[20] Злая сестра.
[21] Тяжело.
[22] Суягная.
[23] Новая.
[24] Прежняя королева.

288—289. ПОЮЩЕЕ ДЕРЕВО И ПТИЦА-ГОВОРУНЬЯ

288

Жил царь очень любопытен, все под окнами слушал; а было у купца три дочери, и говорят как-то эти дочери отцу; одна говорит: «Если б меня взял царский хлебодар!» А другая говорит: «Если б меня царский слуга взял за себя замуж!» А третья говорит: «А я желала бы за самого царя выйти; я бы принесла ему два сына и одну дочку!» Царь весь этот разговор слышал; спустя несколько времени царь сделал точно так, как они желали: старшая дочь вышла за хлебодара[1], средняя дочь вышла за слугу царского, а меньшая за самого царя. Царь хорошо жил со своею супругой, и стала она беременна; потом стала родить. Вот царь посылает за городской бабкой; а сестры царской жене и говорят: «Для чего посылать? Мы и сами можем быть у тебя бабками». Как родила царица сына, то эти бабки взяли да и сказали царю, что ваша супруга родила щенка, а младенца новорожденного положили в коробочку и пустили в царском саду в пруд. Царь разгневался на свою супругу, хотел было ее в пушки расстрелять; да отговорили приезжие короли — на первый-де раз надобно простить. Ну, царь и простил; до другого разу оставил. 160а

Через год стала царица другим ребенком беременна и родила сына; сестры опять сказали царю, что ваша супруга родила котенка. Царь еще больше того рассердился и хотел было свою супругу совсем казнить, да опять упросили-уговорили его. Он одумался и оставил ее до третьего разу. А сестры и другого младенца положили в коробочку и пустили в пруд. Вот еще царица стала беременна третьим и родила прекрасную дочь; сестры опять доложили царю, что ваша супруга родила неведомо что. Царь больше того рассердился, поставил виселицу и хотел было свою жену повесить; да приезжие из других земель короли сказали ему: «Лучше возьми да поставь около церкви часовню и посади ее туда: кто будет идти к обедне, всякий будет ей в глаза плевать!» Царь так и сделал; а ей не только что плевать в глаза, всякий несет кто калачей, кто пирогов. А которых царица родила детей, а бабки в пруд попущали, царский садовник взял их к себе и стал воспитывать.

Эти царские дети росли не по годам, а по месяцам, не по дням, а по часам; царевичи выросли такие молодцы, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать; а царевна такая красавица — просто ужасть! И вошли они в пору и стали просить садовника, чтобы позволил им поставить дом за городом. Садовник позволил; они поставили большой отличный дом и начали хорошо жить. Братья любили ходить за зайцами; раз они пошли на охоту, а сестра одна осталась дома. И приходит к ней в дом старая старушка и говорит этой девушке: «Хорошо у вас в доме и красиво; только нет у вас трех вещей». Царевна спрашивает у старушки: «Чего же нет

[1] Раздаватель хлеба (*Ред.*).

у нас? Кажется, у нас все есть!» Старушка говорит: «Вот чего у вас нет: птицы-говоруньи, дерева певучего и живой воды». Вот приезжают братья с охоты, сестра их встречает и говорит: «Братцы! Все у нас есть, только трех вещей нету!» Братья спрашивают: «Чего же у нас, сестрица, нету?» Она говорит: «Нету у нас птицы-говоруньи, дерева певучего и живой воды». Старший брат и просит: «Сестрица, благослови меня, я пойду доставать эти диковины. А если я помру или меня убьют, так вы меня вот по чему узнавайте: поторкну я в стену ножичек; если с ножичка капнет кровь — это будет знак, что я помер».

Вот он и пошел; шел-шел и пришел в лес. Сидит на дереве старый старичок; он его и спрашивает: «Как бы мне достать птицу-говорунью, дерево певучее и живой воды?» Старик дал ему каточек: «Куда этот каточек покатится, туда и ступай за ним!» Каточек покатился, а царевич за ним; прикатился каточек к высокой горе и пропал; царевич пошел в гору, дошел до половины горы, да вдруг и пропал. В доме его тотчас же капнула с ножичка кровь; сестра и говорит среднему брату, что помер наш большой брат: вот капнула с его ножичка кровь! Отвечает ей средний брат: «Теперь я пойду, сестрица, доставать птицу-говорунью, дерево певучее и живой воды». Она его благословила; он и пошел; шел-шел, много ли, мало ли верст, и пришел в лес. Сидит на дереве старый старичок; царевич его и спрашивает: «Что, дедушка, как бы мне достать птицу-говорунью, дерево певучее и живой воды?» Старичок говорит: «Нá вот тебе каточек[2] — куда он покатится, туда и ступай». Старик бросил — каточек покатился, а царевич за ним пошел; прикатился каточек к крутой высокой горе и скрылся; полез он в гору, дошел до половины, да вдруг и пропал.

Вот сестра дожидалася его много, много годов, а его все нет! — и говорит: «Должно быть, и другой мой братец помер!» Пошла сама доставать птицу-говорунью, дерево певучее и живой воды; шла она много ли, мало ли времени и пришла в лес. Сидит на дереве старый старичок; спрашивает его: «Дедушка! Как бы мне достать птицу-говорунью, дерево певучее и живой воды?» Отвечает старичок: «Где тебе достать! Здесь похитрее тебя ходили, да все пропали». Девушка просит: «Скажи, пожалуйста!» И говорит ей старичок: «Нá вот тебе каточек, ступай за ним!» Каточек покатился, девушка за ним пошла. Долго ли, коротко ли — прикатился этот каточек к крутой высокой горе; девушка полезла в гору, и зачали на нее кричать: «Куда ты идешь? Мы тебя убьем! Мы тебя съедим!» Она знай себе идет да идет; взошла нá гору, а там сидит птица-говорунья.

Девушка взяла эту птицу и спрашивает у ней: «Скажи мне, где достать дерево певучее и живой воды?» Птица говорит: «Вот туда ступай!» Пришла она к певучему дереву, на том дереве разные птицы поют; отломила от него ветку и пустилась дальше; пришла к живой воде, почерпнула кувшинчик и понесла домой. Стала под гору спускаться, взяла да и прыснула живою водой: вдруг вскочили ее братья и говорят: «Ах, сестрица,

[2] Клубочек, шарик.

как мы долго спали!» — «Да, братцы, если б не я, вы бы век здесь спали!» И говорит им сестра: «Вот, братцы, достала я птицу-говорунью, дерево певучее и живой воды». Братья возрадовались. Пришли они домой и посадили певучее дерево в своем саду; оно во весь сад распустилось, и поют на нем птицы разными голосами.

Раз как-то поехали братья на охоту и попадается им навстречу царь. Полюбились царю эти охотники, стал их просить к себе в гости. Они и говорят: «Мы попросим у сестрицы позволения; если она позволит, то непременно будем!» Вот приезжают они с охоты, сестра их встречает, рада за ними ухаживать; говорят ей братья: «Позволь нам, сестрица, к царю в гости сходить; он нас честью просил». Царевна им позволила; они и поехали в гости. Приехали; царь их отлично принял и на славу угостил; стали они царю докладывать и просить, чтобы и он навестил их. Вот спустя некое время приезжает к ним царь, они его так же хорошо приняли-угостили и показали ему дерево певучее и птицу-говорунью. Царь удивился и говорит: «Я царь, да у меня этого нет!» Тут сестра и братья говорят царю: «Мы-де ваши дети!» Царь узнал про все, обрадовался, и остался у них навсегда жить, и супругу свою из часовни взял; и жили они все вместе много лет во всяком счастии.

289

 одном городе жил купец, у которого было три дочери. Чрез некоторое время он помер. Однажды девицы сидели под окошком и разговаривали; старшая говорила: «Я бы желала хоть за хлебопеком царя быть!» Средняя: «А я бы за поваром!» Малая: «А я бы желала быть за самим царем и родила бы ему двух сыновей — по локоть руки в золоте, по колен ноги в се́ребре, в затылке светел месяц, а во лбу красно солнышко, да одну дочь, которая как улыбнется — посыплются розовые цветы, а как заплачет — то дорого́й жемчуг!» Царь гулял в это время по́ полю, ехал мимо их дома и подслушал этот разговор; на другой день послал он за купеческими дочерями и спросил: что они говорили вчерашнего дня? Ну, они сознались; царь старшую дочь выдал за своего хлебопека, среднюю за повара, а младшую взял за себя. 160b

Чрез некоторое время царица обеременела, и пришла пора ей родить. Царь начал заботиться, хотел посылать разыскивать хороших повивальных бабок; но сестры, досадуя на младшую свою сестру, просили царя, чтобы он позволил им заступить место бабушек. Царь уважил их; сестры пришли во дворец, и когда царица родила сына — точно такого, как говорила до замужества, они взяли его, положили в крепкий ящик и пустили по реке, а вместо его подложили щененка. Царь увидал, что жена его вместо сына родила щенка, собрал всех своих министров и хотел ее казнить; но министры посоветовали первую вину простить, и царь на то согласился. Чрез некоторое время царица опять обеременела; царь хотел было посылать за хорошими бабушками, но сестры царицыны стали его просить, чтобы дозволил им заступить место бабушек. И когда царица

родила такого же сына, то сестры положили его в ящик и пустили по реке, а вместо сына подложили котенка. Царь увидал, что жена его родила котенка, собрал министров и хотел ее казнить; но министры уговорили его простить и вторую вину.

Чрез несколько времени царица опять обеременела. Когда пришло время ей родить, то царь хотел было посылать за хорошими бабушками; но сестры царицыны опять его упросили, что они сами всё могут исправить за бабушек. Царь на это согласился, и когда царица родила такую точно дочь, какую обещалась до замужества, то сестры взяли девочку, положили в ящик и пустили по реке, а вместо ее подложили кусок дерева. Царь увидал, что царица вместо дочери родила кусок дерева, собрал своих министров и хотел ее казнить, но министры упросили его, чтобы не казнил ее, а заклал бы в каменный столб. Детей же царских, пущенных по реке, всех троих перенял один генерал, воспитал их как можно лучше, а после помер, и остались они сиротками.

Однажды братья отправились на охоту, а в то время пришла в дом к сестре их старушка; царевна приняла ее хорошо. Посидевши тут, пошли они в сад. «Что, бабушка, нравится ли тебе мой сад, и всего ли в нем довольно?» — «Всего довольно,— отвечала старушка,— только трех вещей нету: живой воды, мертвой воды и говорящей птицы». От тех слов царевна сделалась грустна и печальна. Приехали ее братья, спросили, что она так печальна? Она сказала им все, что слышала от старушки. «Хорошо,— отвечал старший брат,— я поеду искать эту птицу». Дает ей ножичек и говорит: «Если на ножичке кровь покажется, то меня в живых не будет!»

Ехал он долгое-долгое время; приехал к какой-то горе, а подле нее стоит огромный дуб, под тем дубом старик сидит, у того старика волоса, брови, борода заросли уже в землю. «Здорово, старичок!» — «Добро пожаловать»,— отвечал он. «А что, можно ли достать живой и мертвой воды и говорящую птицу?» — «Можно, да не легко; ходят-то много, да возвращаются мало». Простившись с старичком, отправился он нá гору; взошел на нее и услышал позади себя крик: «Держи, лови руби его!»— и только оглянулся — вмиг окаменел. Сестра его посмотрела на ножичек и узнала, что старшего брата в живых нет.

Малый брат также захотел сходить за этими чудными вещами или хоть найти брата; он дал сестре вилочку: «Если на вилочке кровь покажется, меня в живых не будет», и отправился в путь. Добрался до высокой горы, увидел старика, поговорил с ним и пошел нá гору; там услыхал тот же крик, оглянулся — и окаменел. Сестра взглянула на вилочку, узнала, что и меньшего ее брата нет в живых; заперла свой дом и отправилась сама отыскивать живую и мертвую воду и говорящую птицу.

Приходит она к той же самой горе, увидела старика, поздоровалась с ним и подрезала ему волосы и брови, так как с ней были и ножницы и зеркало. «Посмотрись,— сказала она старику,— как ты похорошел!» Он посмотрелся в зеркало: «И в самом деле,— говорит,— я хорош стал! Сидел я здесь целые тридцать лет, никто меня не подстригал; только ты догадалась. Куда ты, красавица, идешь?» Она ему рассказала все, зачем и

куда идет. «Ступай же ты, красавица,— сказал старик,— на эту гору; там ты услышишь крик: «лови, держи, руби ее!» — но не оглядывайся, а то сейчас окаменеешь. Как взберешься на́ гору, увидишь там колодезь и говорящую птицу; возьми эту птицу, почерпни из колодезя живой воды — и назад. Как пойдешь назад, увидишь на горе стоячие камни: ты их все живой водой обрызгай».

Девица поблагодарила за наставленье и пошла на́ гору; идет и слышит страшные крики, но она не оглядывается. Добралась до сказанного колодезя благополучно, почерпнула живой и мертвой воды, взяла говорящую птицу и пошла назад. На возвратном пути все стоячие камни обрызгала; из тех камней поделались люди. Дальше она нашла еще два такие же камня, побрызгала живой водой — из них сделались ее братья. «Ах, милая сестрица! Как ты сюда и зачем зашла?» Она им сказала, что за живой и мертвой водой и говорящей птицей, а больше того хотела их, милых братьев, отыскать. Воротились они домой и жили благополучно.

Царь узнал, что в таком-то месте есть девица, которая когда рассмеется — то будут розовые цветы, а когда заплачет — то жемчуг, и захотел на ней жениться. Однажды он приехал к ним в гости; его приняли с должною честию. Погулявши везде, взошел он в сад и увидел там говорящую птицу; а птица ему сказала, чтобы он ту девицу, которую хотел взять за себя замуж, не брал. «Почему ж не брать?» — спросил царь. «А потому,— отвечала птица,— что она твоя родная дочь».— «Да каким же побытом[1] она моя дочь?» Говорящая птица рассказала ему все, что было. А царь рассказал все детям; после отправился вместе с ними во дворец и приказал разломать тот столб, где его жена была закладена. Вот царицу освободили, а сестер ее расстреляли. После того царь и царица с царевичами и царевною жили долго и счастливо.

290—291. СВИНОЙ ЧЕХОЛ

290

великого князя была жена-красавица, и любил он ее без памяти. Умерла княгиня, осталась у него единая дочь, как две капли воды на мать похожа. Говорит великий князь: «Дочь моя милая! Женюсь я на тебе». Она пошла на кладбище, на могилу матери, и стали умильно плакать. Мать и говорит ей: «Вели купить себе платье — чтоб кругом были часты звезды». Отец купил ей этакое платье и пуще прежнего в нее влюбился. Пошла дочь в другой раз к матери. Мать говорит: «Вели купить себе платье — на спине бы светел месяц был, 161а

[1] Образом, случаем (*Ред.*).

на груди красно солнышко». Отец купил и еще больше влюбился. Опять пошла дочь на кладбище и стала умильно плакать: «Матушка! Отец еще пуще в меня влюбился».— «Ну, дитятко,— сказала мать,— теперь вели себе сделать свиной чехол». Отец и то приказал сделать; как только приготовили свиной чехол, дочь и надела его на себя. Отец плюнул на нее и прогнал из дому, не дал ей ни служанок, ни хлеба на дорогу. Она перекрестила себе глаза и вышла за ворота. «Пойду,—говорит,—на божью волю!» Идет день, идет другой, идет третий — и зашла в чужую землю.

Вдруг надвинулись тучи, началась гроза. Где от дождя укрыться? Увидала княжна огромный дуб — влезла на него и села в густых ветвях. Тем временем ехал на охоту царевич; стал проезжать мимо этого дуба, собаки его бросились — так и рвут и лают на дуб. Любопытно стало царевичу, отчего так собаки на дуб лают? Послал своего слугу посмотреть; слуга возвратился и сказал: «Ах, ваше высочество! На дубу сидит зверь — не зверь, а чудо чудное, диво дивное!» Царевич подошел к дубу и спросил: «Что ты за чудо? Говоришь ты али нет?» Княжна отвечала: «Я Свиной Чехол!» Не поехал царевич на охоту, а посадил Свиной Чехол к себе на повозку и говорит: «Повезу-ка я к отцу. к матери чудо чудное, диво дивное!» Отец и мать подивовались и отправили ее в особую комнату.

Немного спустя собрался у царя бал; все придворные пошли веселиться. Свиной Чехол и спрашивает у царской прислуги: «Могу ли я у дверей постоять да на бал посмотреть?» — «Куда тебе, Свиной Чехол!» Она вышла в чистое поле, нарядилась в блестящее платье — кругом часты звезды! Свистнула-гаркнула — и подали ей карету; села, поехала на бал. Приехала и пошла танцевать. Все удивились: откуда взялась такая красавица? Потанцевала-потанцевала и скрылась; опять надела свиной чехол и прибежала в свою комнату. Царевич пришел к ней и спрашивает: «Не ты ли, Свиной Чехол, там была этакой красавицей?» Она отвечает: «Куды я гожусь с своим чехлом? Я только у дверей постояла».

В другой раз собрались к царю на бал. Свиной Чехол просит позволения прийти посмотреть. «Куда тебе!» Она вышла в чистое поле, свистнула-гаркнула не соловейским посвистом, а своим девичьим голосом — явилась карета; скинула свой свиной чехол, надела платье: на спине светел месяц, на груди красно солнышко! Приехала на бал и пошла танцевать. Все на нее прилежно глядят. Потанцевала и опять скрылась. «Что нам делать теперь? — говорит царевич.— Как узнать, кто такова эта красавица?» Придумал: взял да и засмолил первую ступеньку смолою, чтоб ее башмак пристал.

На третий бал княжна еще лучше показалась, да как стала выходить из дворца — башмачок ее и прилип к смоле. Царевич взял этот башмачок и пошел искать по всему царству, кому башмачок впору? Всю свою землю изъездил — никому по ноге не приходится. Приехал домой, пошел к Свиному Чехлу и говорит: «Покажи свои ноги». Она показала; примерил — как раз впору. Царевич разрезал свиной чехол и снял с княжны; потом взял ее за белую руку, повел к отцу, к матери и просит позволения же-

ниться на ней. Царь с царицею благословили. Вот и обвенчали их; стал царевич у своей жены спрашивать: «Отчего на тебе был свиной чехол надет?» — «Оттого,— говорит,— что была я похожа на покойную мою мать и отец хотел на мне жениться».

291

Як був собі піп да попаддя, та була в їх одна дочка́. Як вмерла попаддя, піп і каже дочці: «А ну, дочко! Убирайся, підем вінчаться». Дочка пішла на материну могилу да й плаче. Мати виходить із могили й питає дочку: «Чого ти, доню, плачеш?» — «Як же мені не плакать, коли батько хоче на мені жениться». — «Коли так, дочко, скажи ж батькові: нехай він тобі справить плаття таке, як місяць і сонце, і весь прибір до плаття». Батько їй справів таке плаття, яке вона сказала, і весь прибір, да й каже дочці вп'ять: «Кажу тобі, дочко, убирайся вінчаться». Дочка вп'ять пішла до матері на могилу плакать. «Чого ти вп'ять прийшла плакать?» — питає мати. «Як же мені не плакать, що плаття таке, як ти казала, справив батько та й кличе вп'ять вінчаться?» — «Так скажи ж, дочко, батькові: нехай справить тобі плаття таке, як зо́рі, і увесь прибір до плаття; та тогді, дочко, і повінчаєшся з ним». Піп справив дочці все, як вона сказала, та й каже знову: «Убирайся, дочко, підем вінчаться!» Дочка в третій раз пішла до матері на могилу, а мати й питає. «Чого ти, доню, вп'ять прийшла до мене плакать?» — «Як же мені не плакать, що батько справив все, що ти сказала, і вп'ять-таки хоче зо мною вінчаться».— «Так скажи ж батькові,— каже мати,— нехай він тобі справить кожух свинячий і до кожуха весь прибір, чоботи і платок». Батько вп'ять справив дочці і кожух і усе, що вона хотіла, да й каже, як і попе́реду: «Ну, дочко, убирайся, підем вінчаться!» 161b

От дочка батькові і гово́рить: «Потривайте [1], тату, піду за́раз уберусь», да й пішла із куклами убираться: сама убралась у свинячий кожух, а кукол трьох убрала у плаття, що їй батько посправляв; а убравшись, прийшла на горо́д та й поставила трьох кукол коло се́бе, а сама посере́дині. От одна кукла й гово́рить: «Розступись, сира земле, щоб красна дівиця пішла у те́бе!» І друга́ те саме гово́рить, і третя те саме; пішли вони під землю; ідуть, ідуть в інше царство, в інше государство, та й увійшли у ліс, а там стоїть хатка на курячій ніжці. Вони думали, думали, що робить, та взяли та під хаткою й сіли; кукли собі сидять, а попівна стала золотом вишивать.

Коли їде царенко і каже: «Здорова була! Сідай на віз зо мною». А вона каже: «Як же мені можна з вами сидіть, коли ви царенко, а я попівна і у свинячому кожусі». Дак він каже чоловікові: «Возьми, посади її!» А той взяв да й посадив. Поїхали вони і приїхали додо́му. Тут він ввів її у хату до своєї матері да й каже: «Мамо! Дозвольте мені на їй жениться». А мати йому на те: «Як же тобі, сину, на їй жениться, що ти царенко, а вона попівна у свинячому кожушку!» — «Дак проженем же її, мамо, під піч!»

[1] Подождите.

Тогді була субота, а завтра неділя [2]; от він устав вранці да й каже чоловікові: «Давай лишень [3] кухоль!» [4] А вона вискочила із-під печі да й подала йому; но він тільки ударив її кухлем, сказавши: «Піди геть під піч, свиня!» Вона побігла да й сидить собі, а він поїхав до церкви. Як тільки він поїхав, вона попросилась у цариці да, прибравшись під піччю, і сама пішла до церкви; прийшла да й стоїть собі на правому крилосі. Царенко, побачивши її, підійшов да й питає: «Відкіля ти, голубко?» — «Я із-під Кухлева», — сказала попівна, і як тільки задзвонили на «Достойно» — вийшла з церкви да й побігла собі вп'ять під піч, знову надівши свинячий кожушок.

Приїхав царенко з церкви да й каже матері: «Яку я, мамо, гарну панночку бачив у церкві! І спитав її: відкіль вона? А вона сказала: з-під Кухлева». Сподобалась [5] царенкові панночка, поїхав неборак [6] шукать Кухлева; їздив цілу неділю; вернувсь в суботу да й каже матері: «Не найшов панночки». А попівна сидить усе під піччю. Прийшла неділя, він встав вранці да й кличе чоловіка: «Дай лишень, — каже, — мені рушник!» [7] Попівна вибігла й подала йому рушник, но він ударив її рушником і прогнав від себе. Оп'ять поїхав він до церкви. Вона випросилась у цариці, наділа плаття таке, як місяць і сонце, пішла до церкви да й стала на правому крилосі. Царенко оп'ять підійшов до неї, питає знову: відкіль вона? «Із-під Рушниківки», — каже попівна. «Поміняємось, серце, кольцями!» — «Не треба, у мене своїх багацько». Тільки задзвонили на «Достойно», вона побігла додому, роздяглась да й сидить під піччю.

Приїхав із церкви царенко да вп'ять і каже матері: «Мамо, яку я гарну панночку бачив!» Поїхав царенко знову шукать Рушниківку, довго їздив, а не найшов нічо́го, і, вернувшись, розказав об своїй недо́лі матері; а попівна слухає під піччю да сміється. Прийшла знову неділя, встав царенко вранці да й каже: «Ей, хлопче, подай гребінець!» Попівна вискочила із-під печі і подала гребінець йому; но він гребінцем тільки ударив її і, сказавши: «Піди геть, свиня!» — оп'ять прогнав під пічку. Як тільки після сього царенко поїхав до церкви, вона оп'ять випросилась у цариці і, надівши платтє таке, як зо́ри, пішла і собі до церкви і стала на правому крилосі. Царенко побачів її і оп'ять спитав: відкіля вона? «Із-під Гребінцевки», — сказала попівна. «Поміняймось, серце, кольцями!» — «Поміняймось». І вони помінялись. Потім, як задзвонили на «достойно», попівна за́раз побігла додому; дивиться, а наймички у цариці вареники роблять; от вона і просить: «Дайте, — каже, — дівчата, і я зліплю вареничок». — «Добре, зліпи, коли єсть охота». Попівна вареник зліпила да і вліпила в його те кольце, що вьміняла у царенка.

Вернувсь царенко з церкви, а попівна уже сидить під піччю. «А що, мамо, пора снідать, — каже син цариці, — нехай лишень дівчата дадуть чого поїсти: чи нема вареників, або що? Так за печінки й тягне!» Поставили на стіл макитру, і царенко тільки що взяв на шпичку первий вареник — жирний да смачний, да положив його в рот з голодухи, аж щось об зуби

[2] Воскресенье
[3] Ка, же.
[4] Кувшин, рукомойник.
[5] Полюбилась, понравилась.
[6] Бедняга.
[7] Полотенце..

забряжчало; дивиться, а то те кольце, що він оддав попівні. Як закричить він на всю хату: «Хто, — каже, — ліпив вареники? Сейчас мені сюди подавайте!» Наймички перелякались[8]: «Ми, паничику, — кажуть, — ліпили; далебі[9], ми! Тільки один вареничок зліпила попівна, що сидить під піччю». — «Кличте її сюди! Побачим, — може ви брешете, вражі дочки!» Покликали попівну. Вона зперва наділа найкраще своє плаття, а тогді вже й вийшла — така красавиця, що луччої нема й на світі; вийшла да й цмок царицю в ручку. Царенко зробився сам не свій од радості; став рядком з попівною, узяв її за білу рученьку да й каже: «Благословіть нас, мамо; нехай піп нам руки зв'яже — нам на щастя, вам на утіху!» Цариця благословила діток; вони перевінчались да і живуть собі, хліб жують, решетом воду носять, а постолом[10] добро возять.

292. ЗОЛОТОЙ БАШМАЧОК

Жил-был старик со старухой. У старика, у старухи было 162
две дочери. Старик однажды поехал на посад[1] и купил там одной сестре рыбку и другой тоже рыбку. Старшая скушала свою рыбку, а младшая пошла на колодец и говорит: «Матушка рыбка! Скушать ли тебя или нет?» — «Не кушай меня,— говорит рыбка,— а пусти в воду; я тебе пригожусь». Она спустила рыбку в колодец и пошла домой. Старуха очень не любила своей младшей дочери. Она нарядила сестру ее в самолучшее лопотьё[2] и пошла с ней в церковь к обедне, а младшей оставила две меры ржи и велела ей вышестать[3] до прихода из церкви.

Девушка пошла за водой, сидит у колодца и плачет; рыбка выплыла наверх и спрашивает ее: «Об чем ты, красная девица, плачешь?» — «Как же не плакать мне? — отвечает ей красная девица.— Мати нарядила сестру мою в самолучшее лопотьё, ушла с ней к обедне, а меня оставила дома и велела вычистить две меры ржи до прихода своего из церкви!» Рыбка говорит: «Не плачь, ступай наряжайся да поезжай в церковь; будет рожь вычищена!» Она нарядилась, приехала к обедне. Мати не могла ее опознать. Обедня зачала отходить, девушка уезжает домой; мати тоже приходит домой и спрашивает: «Что ты, дура, вычистила ли рожь?» — «Вычистила»,— отвечает она. «Что у обедни была за красавица! — говорит мати.— Поп не поет, не читает — все на ей глядит; а ты, дура, взгляни-ка на себя, в чем в эком ходишь!» — «Хоть не была, да знаю!» — говорит девица. «Где тебе знать?» — сказала ей мати.

[8] Перепугались.
[9] Ей-ей (*Ред.*).
[10] Лаптем.

[1] В город.
[2] Платье.
[3] Вычистить, содрать шелуху.

На другой раз мати нарядила старшую дочь свою в самолучшее лопотьё, пошла с ей к обедне, а младшей оставила три меры жита и говорит: «Покамест я молюсь богу, ты вышестай жито». Вот она и пошла к обедне, а дочь пошла по воду на колодец; сидит у колодца и плачет. Рыбка выплыла наверх и спрашивает: «О чем, красна девица, плачешь?» — «Как же не плакать,— отвечает ей красна девица,— мати нарядила сестру мою в самолучшее лопотьё, пошла с ей к обедне, а меня оставила дома и велела вычистить три меры жита до прихода своего из церкви». Рыбка говорит: «Не плачь, ступай наряжайся да поезжай за ей в церковь; жито вычистится!»

Она нарядилась, приехала в церковь, стала богу молиться. Поп не поет, не читает — все на ей глядит! Обедня зачала отходить. Был в то время у обедни той стороны царевич; красна девица наша больно ему поглянулась; он захотел узнать: чья этакая? Взял да и бросил ей под башмак смолы. Башмак остался, а она уехала домой. «Чей башмак,— говорит царевич,— ту замуж возьму!» Башмак-от был весь вышит золотом. Вот и старуха пришла домой. «Что там была за красавица! — говорит она.— Поп не поет, не читает — все на ей смотрит; а ты, дура, посмотри-ка на себя: что эка за оборванка!»

А в те́ поры царевич по всем волостям искал де́вицы, что потеряла башмак; никак он не мог найти, чтоб башмачок был впору. Он пришел к старухе и говорит: «Покажи-ка ты свою девку, ладен ли будет башмак ей?» — «Дочь моя замарает башмак»,— отвечает старуха. Пришла красна девица; царевич примерил ей башмак — башмак ей ладен. Он взял ее замуж; стали они жить да поживать да добра наживать. Я там был, пиво пил, по губам текло, в рот не попало. Дали мне синь кафтан, ворона летит да кричит: «Синь кафтан! Синь кафтан!» Я думаю: «Скинь кафтан!» — взял да и скинул. Дали мне колпак, стали в шею толкать. Дали мне красные башмачки, ворона летит да кричит: «Красные башмачки! Красные башмачки!» Я думаю: «Украл башмачки!» — взял да и бросил.

293. ЧЕРНУШКА

Жил-был барин; у него была жена добрая, а дочь красавица — звали ее Машею. Только жена-то померла, а он на другой женился — на вдове; у той своих было две дочери, да такие злые, недобрые! Всячески они угнетали бедную Машу, заставляли ее на себя работать, а когда работы не было — заставляли ее сидеть у печки да выгребать золу; оттого Маша всегда и грязна и черна, и прозвали они ее девкой Чернушкой. Вот как-то заговорили люди, что ихний князь жениться хочет, что будет у него

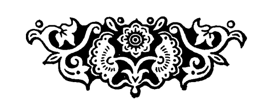
большой праздник и что на том празднике выберет он себе невесту. Так и было. Созвал князь всех в гости; стали собираться и мачеха с дочерьми, а Машу не хочет брать; сколько та ни просилась — нет да нет! Вот уехала мачеха с дочерьми на княжий праздник, а падчерице оставила целую меру ячменя, муки и сажи: все вместе перемешано, — и приказала до ее приезда разобрать все по зернышку, по крупинке.

Маша вышла на крыльцо и горько заплакала; прилетели два голубка, разобрали ей ячмень, и муку, и сажу, потом сели ей на плеча — и вдруг очутилось на девушке прекрасное новое платье. «Ступай,— говорят голубки,— на праздник, только не оставайся там долее полуночи». Только взошла Маша во дворец, так все на нее и загляделись; самому князю она больше всех понравилась, а мачеха и сестры ее совсем не узнали. Погуляла, повеселилась с другими девушками; видит, что скоро и полночь; вспомнила, что́ ей голубки наказывали, и убежала поскорей домой. Князь за нею; хотел было допытаться, кто она такова, а ее и след простыл!

На другой день опять у князя праздник; мачехины дочери о нарядах хлопочут да на Машу то и дело кричат да ругаются: «Эй, девка Чернушка! Переодень нас, платье вычисти, обед приготовь!» Маша все сделала, вечером повеселилась на празднике и ушла домой до полуночи; князь за нею — нет, не догнал. На третий день у него опять пир горою; вечером голубки обули-одели Машу лучше прежнего. Пошла она во дворец, загулялась, завеселилась и забыла про время — вдруг ударила полночь; Маша бросилась скорей домой бежать, а князь загодя приказал всю лестницу улить смолою и дегтем. Один башмачок ее прилип к смоле и остался на лестнице; князь взял его и на другой же день велел разыскать, кому башмачок впору.

Весь город обошли — никому башмачок по ноге не приходится; наконец пришли к мачехе. Взяла она башмачок и стала примерять старшей дочери — нет, не лезет, велика нога! «Отрежь большой палец! — говорит мать дочери.— Как будешь княгинею — не надо и пешком ходить!» Дочь отрезала палец и надела башмачок; княжие посланные хотят во дворец ее везти, а голубки прилетели и стали ворковать: «Кровь на ноге! Кровь на ноге!» Посланные глянули — у девицы из башмачка кровь течет. «Нет,— говорят,— не годится!» Мачеха пошла примеривать башмачок середней дочери, и с этой то же самое было.

Посланные увидали Машу, приказали ей примерить; она надела башмачок — и в ту же минуту очутилось на ней прекрасное блестящее платье. Мачехины дочери только ахнули! Вот привезли Машу в княжие терема, и на другой день была свадьба. Когда пошла она с князем к венцу, то прилетели два голубка и сели к ней один на одно плечо, другой на другое; а как воротились из церкви, голубки вспорхнули, кинулись на мачехиных дочерей и выклевали у них по глазу. Свадьба была веселая, и я там был, мед-пиво пил, по усам текло, в рот не попало.

294. ЦАРЕВНА В ПОДЗЕМНОМ ЦАРСТВЕ

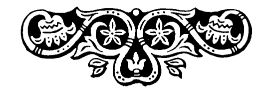
Жив сабе царь да царица, у их быв сын и дачка́. Яны приказали сыну, штоб йон, як яны умруть, жанився на сястре. 164 Ти[1] бага́та, ти мала паживши, во упасля́ таго, як приказали сыну свайму жаницца на сястре, царь и царица памерли. Во брат и кажа сястре, штоб гатава́лась[2] к вянцу, а сам пашо́в да папа́ прасить, штоб их павянча́в. Сястра зачала́ адева́цца к вянцу и зрабила три куклы, поставила их на во́кнах, стала пасерёд хаты да и кажа: «Кукалки, куку!» Первая кажа: «Чаго?» Другая кажа: «Брат сястру бяре́». Третья гаво́ря: «Земля раступисе, сястра правалися!» и в дру́гий и в третий раз также. Прихо́дя брат и спра́шивая у сястры: «Чи савсем аделась?» Сястра кажа: «Ни[3], не савсем». Йон и пашо́в у сваи палаты дажидацца, паку́ля сястра аденецца. Сястра зно́в кажа: «Кукалки, куку!» Первая кажа: «Чаго?» Другая гаво́ря: «Брат сястру бяре́!» Третья кажа: «Земля раступисе, сястра правалися!» Яна правалилась и пашла на тей свет. Брат, пришовши, не нашо́в сястры и застався[4] так.

Правалившись на тей свет, царевна иде́ да иде́ — аж стаить дуб. Яна пришла к таму дубу, разделась. Дуб раступився; яна палажила у дупло сваю адежу и, зрабившись старухаю, пашла. Иде́ да иде́ — аж стая́ть палаты царские; яна, пришо́вши туда, начала прасицца, штоб яе́ нання́ли. Во яе́ и наняли печи тапить. У таго царя, у яко́го у палатах служила царевна, был сын халастый. Пришла няделя[5]. Царский сын сабирався да церкви и вяле́в царевне-старухе пада́ть гребенец[6]. Яна нескоро падала́; йон рассярдився и ударив яе́ па щаце[7]. Во упасля́ таго убра́вся и паехав да церкви. Царевна-старуха пашла к дубу, где захава́ла адежу; дуб раступився. Яна аделась, зрабилась царевнаю-красавицаю и пашла в церкавь. Царевич, увидавши яе́ в церкви, спрасив у лакея: атку́дава яна? А лакей знав яе́, што е́та — тая старуха, яка́я у их у палатах печи то́пя, и што царевич ударив яе́ гребенцом; во лакей и кажа: «Яна из города Бита-Гребешкова». Царевич приехав дамо́в, шука́в-шука́в[8] таго горада в сваём царстве и не найшов.

Случилась я́кся[9], што царевич рассярдився и ударив царевну-старуху сапагом и во упасля́ таго паехав у церкавь. Та́матка была и яна, перядевшись у платье, што палажила у дуб. Во царевич, павида́вши зно́ва незнакомаю красавицу, спрашивая у лакея: аткудава яна? Лакей кажа: «Из Бита-Сапагова». Царевич шука́в-шука́в таго горада в сваём царстве и не найшов. Во начав думать да гадать, як бы сюю незнакомаю красавицу спазнать, бо[10] палюбив яе́ и хатев на ей жаницца. А дале выдумав и приказав на то́я ме́ста, где яна становицца у церкви, налить смалы, так штоб ей было невдамёт.

[1] Чи.
[2] Готовилась.
[3] Нет.
[4] Остался.
[5] Воскресный день.
[6] Гребешок.
[7] По щеке.
[8] Искал, искал.
[9] Как-то.
[10] Ибо, потому что.

В няделю царевна пришла у церкавь, перядевшись, и стала на сваём месте. Кончилась служба, и як толька яна саступила з места, штоб идти дамóв, бушмак [11] улип у смалу и застався на месте. Яна и пашла дамóв у адном бушмаку. Царевич вялёв узять тей бушмак, привёз дамóв, став примерять всем девушкам, якие были у его царстве. Никаму не пришовся тей бушмак па наге, акрамя старухи, што тапила печи. Во царевич став яé дапрашувать; яна призналась, хто яна и откуда. Йон и ажанився на ей. Я на свадьбе быв, мед-вино пив, в роте не былó, а па бараде патякло.

295—296. НЕЗНАЙКО

295

Начинается сказка от сивки, от бурки, от вещей каурки. 65а
На море на океане, на острове на Буяне стоит бык печеный, в заду чеснок толченый; с одного боку-то режь, а с другого макай да ешь. Жил-был купец, у него был сын; вот как начал сын подрастать да в лавках торговать — у того купца померла первая жена, и женился он на другой. Прошло несколько месяцев, стал купец собираться в чужие земли ехать, нагрузил корабли товарами и приказывает сыну хорошенько смотреть за домом и торговлю вести как следует. Просит купеческий сын: «Батюшка! Пока не уехал, поищи мое счастье».— «Сын мой любезный! — отвечает старик.— Где же я его найду?» — «Мое счастье недолго искать! Как встанешь завтра поутру, выдь за ворота и первую встречу, какая тебе попадется, купи и отдай мне». — «Хорошо, сынок!»

На другой день встал отец ранешенько; вышел за ворота, и попалась ему первая встреча — тащит мужик паршивого, ледащего жеребенка собакам на съедение. Купец ну его торговать и сторговал за рубль серебром, привел жеребенка на двор и поставил в конюшню. Спрашивает купеческий сын: «Что, батюшка, нашел мое счастье?» — «Найти-то нашел, да уж больно плохое!» — «Стало быть, так надо! Каким счастьем господь наделил, тем и владать буду».

Отец отправился с товарами в иные земли, а сын стал в лавке сидеть да торгом заниматься, и была у него такая привычка: идет ли в лавку, домой ли ворочается — завсегда наперед зайдет к своему жеребенку. Вот невзлюбила мачеха своего пасынка, принялась искать ворожей, как бы его извести; нашла старую ведьму, которая дала ей зелья и наказала положить под порог в то самое время, как пасынку надо будет домой прийти.

[11] Башмак.

Ворочаясь из лавки, купеческий сын зашел в конюшню и видит — его жеребенок стоит во слезах по щиколки; ударил он его по бедру и спрашивает: «Что, мой добрый конь, плачешь, а мне ничего не скажешь?» Отвечает жеребенок: «Ах, Иван купеческий сын, мой любезный хозяин! Как мне не плакать? Мачеха хочет извести тебя. Есть у тебя собака; как подойдешь к дому, пусти ее наперед себя — увидишь, что́ будет!» Купеческий сын послушался; только собака через порог переступила, тут ее и разорвало на мелкие части.

Иван купеческий сын и виду не подал мачехе, что ведает ее злобу; на другой день отправляется он в лавку, а мачеха к ворожее. Старуха приготовила ей другого зелья и велела положить в пойло. Вечером, идучи домой, зашел купеческий сын в конюшню — опять жеребенок стоит по щиколки во слезах; ударил его по бедру и спрашивает: «Что, мой добрый конь, плачешь, а мне ничего не скажешь?» — «Как мне не плакать, как не тужить? Слышу я великую невзгоду, хочет мачеха тебя совсем извести. Смотри, как придешь в горницу да сядешь за стол, мачеха поднесет тебе пойло в стакане — ты его не пей, а за окно вылей; сам тогда увидишь, что́ за окном поделается». Иван купеческий сын то и сделал: только вылил за окно пойло, как начало землю рвать! Он и тут не сказал мачехе ни слова.

На третий день отправляется он в лавку, а мачеха опять к ворожее; старуха дала ей волшебную рубашку. Вечером, идучи из лавки, заходит купеческий сын к жеребенку и видит — стоит его добрый конь по щиколки во слезах; ударил его по бедру и сказал: «Что ты, мой добрый конь, плачешь, а мне ничего не скажешь?» — «Как мне не плакать? Хочет тебя мачеха совсем извести. Слушай же, что я скажу: как придешь домой, пошлет тебя мачеха в баню и рубашку пришлет тебе с мальчиком; ты рубашку на себя не надевай, а надень на мальчика: что тогда будет — сам увидишь!» Вот приходит купеческий сын в горницу, вышла мачеха и говорит ему: «Не хочешь ли попариться? У нас баня готова». — «Хорошо», — говорит Иван и пошел в баню; немного погодя приносит мальчик рубашку. Как скоро купеческий сын надел ее на мальчика, тот в ту же минуту закрыл глаза и пал на помост совсем мертвый; а как снял с него эту рубашку да кинул в печь — мальчик ожил, а печь на мелкие части распалась.

Видит мачеха — ничто не берет, бросилась опять к старой ворожее, просит и молит ее, как бы извести пасынка. Отвечает старуха: «Пока конь его жив будет, ничего нельзя сделать! А ты притворись больной, да как приедет твой муж, скажи ему: видела-де я во сне, что надо зарезать нашего жеребенка, достать из него желчь и тою желчью вымазаться — тогда и хворь пройдет!» Пришло время купцу возвращаться, сын собрался и пошел навстречу. «Здравствуй, сынок! — говорит отец.— Все ли у нас дома здорово?» — «Все благополучно, только матушка больна». Выгрузил купец товары, приходит домой — жена лежит на постели, охает. «Тогда,— говорит,— поправлюся, когда мой сон исполнишь». Купец тотчас согласился, призывает своего сына: «Ну, сынок, я хочу зарезать твоего коня; мать больна, надо ее вылечить». Иван купеческий сын горько

заплакал: «Ах, батюшка! Ты хочешь отнять у меня последнее счастье». Сказал и пошел в конюшню.

Жеребенок увидал его и стал говорить: «Любезный мой хозяин! Я тебя отводил от трех смертей; избавь ты меня хоть от единыя, попроси у своего отца — в последний раз на мне проехаться, погулять в чистом поле с добрыми товарищами». Просится сын у отца погулять в последний раз на своем коне; отец позволил, Иван купеческий сын сел на коня, поскакал в чистое поле, позабавился с своими друзьями-товарищами; а после написал к отцу такую записку: «Лечи-де мачеху нагайкою о двенадцати хвостах; кроме этого снадобья, ничем ее не вылечишь!» Послал эту записку с одним из добрых товарищей, а сам поехал в чужедальние стороны. Купец прочитал письмецо и принялся лечить свою жену нагайкою о двенадцати хвостах; скоро баба выздоровела.

Едет купеческий сын по полю чистому, раздолью широкому, видит — гуляет рогатый скот. Говорит ему добрый конь: «Иван купеческий сын! Пусти меня погулять на воле; выдерни из моего хвоста три волоска; когда я тебе понадоблюсь — только зажги один волосок, я тотчас явлюсь перед тобой, как лист перед травой! А ты, добрый мо́лодец, ступай к пастухам, купи одного быка и зарежь его; нарядись в бычью шкуру, на голову пузырь надень и, где ни будешь, о чем бы тебя ни спрашивали, на все один ответ держи: не знаю!» Иван купеческий сын отпустил коня на волю, нарядился в бычью шкуру, на голову пузырь надел и пошел на взморье. По синю морю корабль бежит; увидали корабельщики этакое чудище — зверь не зверь, человек не человек, на голове пузырь, кругом шерстью обросло, подплывали к берегу на легкой лодочке, стали его выспрашивать — из ума выведывать. Иван купеческий сын один ответ ладит: «Не знаю!» — «Коли так, будь же ты Незнайкою!»

Взяли его корабельщики, привезли с собой на корабль и поплыли в свое королевство. Долго ли, коротко ли — приплыли они к стольному городу, пошли к королю с подарками и объявили ему про Незнайку. Король повелел поставить то чудище пред свои очи светлые. Привезли Незнайку во дворец, сбежалось народу видимо-невидимо на него глазеть. Стал король его выспрашивать: «Что ты за человек?» — «Не знаю».— «Из каких земель?» — «Не знаю».— «Чьего роду-племени?» — «Не знаю». Король плюнул и отправил Незнайку в сад: пусть-де наместо чучела птиц с яблонь пугает! — а кормить его наказал с своей королевской кухни.

У того короля было три дочери: старшие хороши, меньшая еще лучше! В скором времени стал за меньшую королевну арапский королевич свататься, пишет к королю с такими угрозами: «Если не отдашь ее из доброй воли, то силой возьму». Королю это не по нраву пришло, отвечает арапскому королевичу: «Начинай-де войну; что велят судьбы божии!» Собрал королевич силу несметную и обложил все его государство. Незнаюшка сбросил с себя шкуру, снял пузырь, вышел на чистое поле, припалил волосок и крикнул громким голосом, богатырским посвистом. Откуда ни взялся его чудный конь — конь бежит, земля дрожит: «Гой еси, добрый мо́лодец! Что так скоро меня требуешь?» — «На войну пора!» Сел Незнаюшка на своего коня доброго, а конь его спрашивает: «Как

тебя высоко нести — вполдерева или поверх леса стоячего?» — «Неси поверх леса стоячего!» Конь поднялся от земли и полетел на вражье воинство.

Наскакал Незнайко на неприятелей, у одного меч боевой выхватил, у другого шишак золотой сдернул да на себя надел, закрылся наличником[1] и стал побивать силу арапскую: куда ни повернет, так и летят головы — словно сено косит! Король и королевны с городовой стены смотрят да дивуются: «Что за витязь такой! Отколь взялся? Уж не Егорий ли Храбрый[2] нам помогает?» А того и на мыслях нет, что это тот самый Незнайко, что ворóн в саду пугает. Много войск побил Незнаюшка, да не столько побил, сколько конем потоптал; оставил в живых только самого арапского королевича да человек десять для свиты — на обратный путь. После того побоища великого подъехал он к городовой стене и говорил: «Ваше королевское величество! Угодна ли вам моя послуга?» Король его благодарил, к себе в гости звал; да Незнайко не послушался: ускакал в чистое поле, отпустил своего доброго коня, вернулся домой, надел пузырь да шкуру и начал по-прежнему пó саду ходить, ворон пугать.

Прошло ни много, ни мало времени, опять пишет к королю арапский королевич: «Коли не отдашь за меня меньшую дочь, то я все государство выжгу, а ее в полон возьму». Королю это не показалося; написал в ответ, что ждет его с войском. Арапский королевич собрал силу больше прежнего, обложил государство со всех сторон, трех могучих богатырей вперед выставил. Узнал про то Незнаюшка, сбросил с себя шкуру, снял пузырь, вызвал своего доброго коня и поскакал на побоище. Выехал супротив него один богатырь; съехались они, поздоровались, копьями ударились. Богатырь ударил Незнайку так сильно, что он едва-едва в одном стреме удержался; да потом оправился, налетел молодцом, снес с богатыря голову, ухватил ее за волосы и подбросил вверх: «Вот так-то всем головам летать!» Выехал другой богатырь, и с ним то же сталося. Выехал третий; бился с ним Незнаюшка целый час: богатырь рассек ему руку до крови; а Незнайко снял с него голову и подбросил вверх; тут все войско арапское дрогнуло и побежало врозь. В тé поры король с королевнами на городовой стене стоял; увидала меньшая королевна, что у храброго витязя кровь из руки струится, снимала с своей шеи платочек и сама ему рану завязывала; а король звал его в гости. «Буду,— отвечал Незнайко,— только не теперь». Ускакал в чистое поле, отпустил коня, нарядился в шкуру, на голову пузырь надел и стал пó саду ходить, ворон пугать.

Ни много, ни мало прошло времени — просватал король двух старших дочерей за славных царевичей и затеял большое веселье. Пошли гости в сад погулять, увидали Незнайку и спрашивают: «Это что за чудище?» Отвечает король: «Это Незнайко, живет у меня вместо пугала — от яблонь птиц отгоняет». А меньшая королевна глянула Незнайке на руку, заприметила свой платочек, покраснела и слова не молвила. С той поры, с того времени начала она в сад почасту ходить, на Незнайку засматри-

[1] Забралом (*Ред.*).
[2] Святой Георгий (*Ред.*).

ваться, про пиры, про веселье и думать забыла. «Где ты, дочка, все ходишь?» — спрашивает ее отец. «Ах, батюшка! Сколько лет я у вас жила, сколько раз по́ саду гуляла, а никогда не видала такой умильной пташки, какую теперь видела!» Потом стала она отца просить, чтоб благословил ее за Незнайку замуж идти; сколько отец ее ни отговаривал, она все свое. «Если,— говорит,— за него не выдашь — так век в девках останусь, ни за кого не пойду!» Отец согласился и обвенчал их.

После того пишет к нему арапский королевич в третий раз, просит выдать за него меньшую дочь. «А коли не так — все государство огнем сожгу, а ее силой возьму». Отвечает король: «Моя дочь уж обвенчана; если хочешь, приезжай — сам увидишь». Арапский королевич приехал; видя, что такое чудище да на такой прекрасной королевне обвенчано, задумал Незнайку убить и вызвал его на смертный бой. Незнайко сбросил с себя шкуру, снял с головы пузырь, вызвал своего доброго коня и выехал таким молодцом, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Съехались они в чистом поле, широком раздолье; бой недолго длился: Иван купеческий сын убил арапского королевича. Тут только король узнал, что Незнайко — не чудище, а сильномогучий и прекрасный богатырь, и сделал его своим наследником. Стал Иван купеческий сын с своей королевною жить-поживать да добра наживать и родного отца к себе взял; а мачеху казни предали.

296

В некотором селе, не далеко, не близко, не высоко, не низко — 165b
жил-был старик, имел у себя три сына: Гришка да Мишка, третий Ванюшка. Ванюшка не хитёр, не мудёр, а куды смысловат! Работа́л не работа́л, все на печке лежал; отлежал бока и говорит братьям: «Эх вы, тетери! Отпирайте-ка двери; хочу идти туда — сам не знаю куда». И пристал он к отцу, к матери: «Выделите меня совсем, а что за выделом останется, в тот братнин живот[1] я вступаться не буду». Старик выделил, дал ему триста рублев. Ванюшка взял денежки, дому поклон, из села бегом, пришел в столицу и начал по городу бродить, по трактирам ходить, по кабакам гулять да пьяниц созывать. Спроша́ли его пьяницы: «Как тебя по имени зовут?» А он в ответ: «Право, братцы, не знаю! Когда поп крестил да имя нарекал — в те́ поры я был глуп и мал». С того самого и прозвали его Незнайкою.

Прогулял Незнайко все свои деньги с теми пьяницами и стал думать, как ему, горемыке, жить да как бы пущей беды не нажить. Пошел наниматься к прасолам[2]. «А что возьмешь?» — спрашивают прасолы. Незнайко подумал, что хлеб-то годом, а деньги переходом, и отвечал: «Не прошу с вас за работу деньгами, только кормите меня досыта да пойте допьяна; мне на вас не просить, вам с меня не спрашивать!» Пра-

[1] Имущество, богатство.
[2] Скупщикам мяса, рыбы (*Ред.*).

солы на то согласились — любо им, что работник безденежный; тотчас договором утвердили, судом закрепили. А Незнайко рад вину-хлебу даровому; начал жить — не тужить, порядком ежедён напиваться, без памяти валяться; чуть проспится — опять за вино, и много время так провождал, никогда не работа́л. Стали его наряжать, на работу посылать, а он в ответ: «Ну вас к богу! Чего пристали? Ведь у нас ряжено: кормить меня досыта, поить допьяна; мне на вас не просить, вам с меня не спрашивать!» Рады прасолы от него отстать: «Пропадай наши и хлеб и вино, только б по суду не сыскивал!»

Пошел Незнайко от них к царским садовникам, нанимается сады караулить; садовники живо его порядили и на том же договор учинили: за работу ничего не платить, а кормить его досыта и поить допьяна. Принялся Незнайко сады караулить, и днем и ночью гуляет, трезвый николи не бывает. Случилось по одну ночь — садовников дома не было, и удумал Незнайко яблони, винограды и прочие древеса пересадить. А у царя было три дочери; две на спокое были, а меньшая за цветами сидела, во всю ночь не сыпа́ла и видела, как Незнайко сады пустошил, свою силу объявил: старые деревья с корня вырывал да за тын метал. Утром пришли садовники, закричали-заругалися: «Что ты за дурак такой! Ни за чем усмотреть не сможешь! Говори, кто это сделал?» — «Не знаю!» Тотчас его нечестно брали, перед царя поставляли. Очутился Незнайко в царских палатах, крест клал по-писаному, поклон вел по-ученому, приступил близко, поклонился низко, стал прямо, говорил смело: «Ваше величество! Твои сады не порядком были высажены; не беда, коли деревья повырваны, за тын побросаны! Позволь, я все поправлю, а меня со всякое дело станет!»

Царь позволил; по другую ночь взялся́ Незнайко сады ровнять, цветы-деревья рассаживать: которого дерева двадцать человек не поднимут, то он единой рукою подхватывает! К утру все сады готовы, по порядку высажены. Царь Незнайку к себе призывает, чару зелена вина ему наливает; а Незнайко правой рукой чару принимает, за единый дух выпивает. После того вынул Незнайко три яблочка и подносит царевнам: старшей дает перезрелое, середней спелое, а меньшой — зеленое. Царь смотрит да умом смекает, что царевны его на возрасте: старшей давно время быть замужем, и середней пора пришла, да и самой меньшой недолго ждать. В тот же день собрал он князей, и бояр, и думных советников; начали они думу думать, как тех царевен замуж отдать. Вот и придумали — напечатали именные указы, разослали во все державы: такой-то-де царь хочет своих дочерей замуж выдавать, дак на тот случа́й чтобы женихи со всего свету съезжалися.

Вот и собрались на царский двор царевичи, королевичи и сильномогучие богатыри; задал им царь великий пир, все на пиру наедалися, все на пиру напивалися и сидели пьяны и веселы. Царь приказал своим дочерям снарядиться в платья разноцветные, выступить из теремов и выбирать себе суженых по душе, по нраву. Царевны снарядились в платья разноцветные, выступали на посмотрение, подошли к гостям близко, по-

клонились низко: собой они статны, умом сверстны[3], очи ясные, как у сокола, брови черные, как у соболя; наливали чаши зелена вина и пошли по́ ряду избирать себе супружников. Большая подавала чашу царевичу, середняя королевичу, а малая сестра носила, носила, на стол постановила и говорит отцу: «Государь-батюшка! Здесь мне жениха нет».— «Ах, дочь моя милая! Этакие молодцы сидят, а тебе не по нраву!» После пира гости разъехались.

Во второй раз собрал царь княжеских, боярских и богатых купеческих детей, приказал своей малой дочери снарядиться в цветное платье и идти — себе жениха выбирать. Снарядясь, она выступила, наливала чашу зелена вина, ходила-ходила, чашу на стол постановила, отдала отцу поклон и сказала: «Государь батюшка! Здесь нет по мне жениха». Отвечал на то отец: «Ах ты, дочь моя разборчивая! Из каких же людей тебе жениха надобно? Коли так, соберу теперь мещан да крестьян, дураков — голь кабацкую, скоморохов, плясунов да песельников; хочешь не хочешь — выбирай себе мужа!»

Разослал царь свое повеление по всем городам, деревням и селам; собралось на царский двор мещан и крестьян, дураков — пьяниц кабацких, плясунов и песельников многое множество; в том числе и Незнайко был. Снарядилась царевна в цветное платье, выступила на красное крыльцо, наливала чашу зелена вина и смотрела на тот простой народ. Увидала Незнайку: ростом он всех больше, туловом толще, кудри словно золото по плечам рассыпаются; подошла к нему близко, поклонилась низко, подала ему чашу заздравную и таково слово молвила: «Пей, мой суженый! Тебя со всякое дело станет». Незнайко принимал чашу правой рукой, выпивал за единый дух, брал царевну за руки белые, целовал в уста сахарные, и пошли они к самому царю. Царь приказал всем троим зятьям свадьбы играть; свадьбы сыграли, пиры отпировали, и стали царевны с мужьями жить — ни о чем не тужить.

За теми свадьбами захлопотался царь и позабыл воротить назад своих посланников, что поехали с его указами — из чужих стран женихов сзывать. А посланники в те́ поры успели до срацынского королевства добраться; кликнули клич по торгам, по рынкам и повестили царский указ. Вот и собралось трое братьев; были то храбрые борцы, сильные богатыри, много земель на своем веку изъездили, много держав покорили. Сперва отправился в путь меньшой брат, а за ним пошло войско несчетное. Подошел он к столице этого царя и узнал, что царевны уж замужем; очень рассердился и послал к царю грозное письмо: «Приехал-де я от срацынского королевства с добрым делом — сватовством, проезжал для того многие земли и области, а ты дочерей замуж отдал, своих посланников не закликнул[4]; заплати мне теперь за протори, за убытки. Ежели не заплатишь, весь город пожгу, весь народ прибью и тебя самого при старости лютой смерти предам!»

Говорит тогда царь: «Зятья мои милые! Как нам быть, что делать?»

[3] Одинаковы, равны (*Ред.*).
[4] Т. е. не отозвал.

Отвечали королевич с царевичем: «Мы той грозы не боимся, сами с богатырем сразимся! Собирай-ка, батюшка, силу-армию и конную гвардию». По тем словам собиралось войско немалое: царевич устроил пехотные полки, королевич — конные; выехали оба в чистое поле далеким-далеко, увидали храброго борца, сильного богатыря, убоялись и уезжали в господские дачи, за леса дремучи, за болота зыбучи: не найти их, не сыскать! Оставались полки без начальства; что делать — не ведают, страшного суда ждут. А Незнайко на печке лежит, его богатырское сердце кипит; говорит своей жене: «Жена моя милая! Пойдем-ка в деревню; того и смотри что город сожгут, людей прибьют, отца твоего в полон возьмут, а мы этому делу не виновны, этой беде не причинны».— «Нет,— отвечала царевна,— я лучше умру, от отца, от матери не уйду». Простилась она с Незнайкою и пошла к отцу на балкон; царь на балконе стоит, во чистое поле в подзорную трубку глядит.

Незнайко срядился по-деревенски — надел шляпу, кафтан, рукавицы, вышел за город никому невидимо, никому незнаемо, пришел на высокий холм и скричал тут богатырским голосом, молодецким посвистом. На тот его крик да бежит из чиста поля добрый конь со всеми доспехами: изо рта у него огонь-пламя пышет, из ушей дым кудряв валит, из ноздрей искры сыплются; хвост у коня в три сажени, грива до копыт легла. Незнайко-дурак подошел поближе, накладывал на коня потники, войлоки, седельце черкасское; подтянул двенадцать подпруг, тринадцатую нагрудную; подпруги были белошелковые, пряжицы красного золота, спенки[5] были булатные — то не для басы[6] их, для крепости богатырския, что шелк не рвется, булат не гнется, красное золото в земле не ржавеет. На себя накладывал все доспехи военные: латы железные, щит булатный, копье долгомерное, меч-палицу боевую и саблю вострую; садился да на добра коня, бил коня по крутым бедрам, просекал мясо до белых костей. Его добрый конь возъяряется, от сырой земли кверху подымается, что повыше лесу стоячего, пониже облака ходячего; начал скакать — по мерной версте за единый скок; ископыть[7] коня богатырского — целые печи земли выворачивались[8], подземные ключи воздымалися, во озерах вода колебалася, с желтым песком помешалася, во лесах деревья пошаталися, к земле приклонялися.

Скричал Незнайко богатырским голосом, сосвистал молодецким посвистом — звери на цепях заревели, соловьи в садах запели, ужи-змеи зашипели. Такова была поездка Незнайкина! Ехал он мимо дворца государева, мимо крыльца красного, говорил: «Здравствуй, великий государь, со всей свитой царскою!» Перескочил через те стены белокаменные, через те башни наугольные да во чисто́ поле, где стояла сила-армия и конная гвардия; скричал: «Здравствуйте, ребята! Где ваши начальники?» Увидал да во чистом поле храброго борца, сильного богатыря: на добре коне разъезжа-

[5] Шпеньки (*Ред.*).

[6] Красоты.

[7] *Ископыть* — земля, грязь, снег из-под копыт бегущего коня (*Ред.*).

[8] Сравни: «Песни, собр. Киреевским», I, 46.

ет, как орел воспархивает, силу-армию устрашивает; закричал Незнайко зычным голосом, аки трубою громкою, и начали они в одно место съезжатися, подняли палицы железные в пятьдесят пудов.

И как съехались — словно горы скатилися, палицами ударились — палицы поломалися, одни чивья в руках их осталися. Расскочились еще надвое далеким-далеко да по чистому полю, добрых коней обворачивали, в одно место съезжалися; копьями ткнулися — их копья до рук погнулися, а лат проколоть не смогли; срацынский богатырь во седле пошатнулся. Еще расскочилися да по чистому полю; как в третий раз съехались — ударились мечами вострыми, и вышиб Незнайко срацынского рыцаря из седла на сыру землю; во глазах ему свет сменился[9], изо рта, из носу кровь потекла! Соскочил Незнайко да со своего коня, прижал богатыря да к сырой земле, выхватил из кармана чинбалишшо[10] — булатный нож в полтора пуда, распорол у срацынского рыцаря платье его цветное, вскрыл его груди белые, досмотрел его сердце ретивое, пролил его кровь горячую, выпустил его силу богатырскую; отрубил потом ему буйну голову, подымал на то копье долгомерное и скричал по-богатырскому: «Ай вы, други мои милые! Выезжайте, зятья, из дубровы да забирайте войска — все живы, здоровы».

Потом обворачивал Незнайко своего доброго коня; его конь как ясен сокол летит, до земли не дотыкается; скоро подъезжает он к городу. Государь, и вся свита, и жена его, Незнайкина,— все с балкона бегут, навстречу спешат; а Незнайко лицо свое закрывает: «Пусть-де никто меня не признает!» Говорит ему государь таково слово: «Храбрый молодой рыцарь! Коих ты родов, какого отца-матери, и кто тебя из каких городов послал в помочь нам? Чем тебя дарить — не знаю, чем наградить — не ведаю; милости просим к нам во дворец!» Отвечал на то добрый мо́лодец: «Не ваш хлеб кушаю, не вас и слушаю!» Уезжал за город в зелену дуброву, расседлал своего коня, отпускал на волю; сымал с себя латы булатные, кольчуги железные, прибирал доспехи богатырские в свое место до времени, сам домой пошел. Как пришел в свою хату — в старое платье снарядился, на печку спать повалился.

Прибежала его жена молодая, говорила таково слово: «Ах, муж ты мой Незнаюшко! Ничего ты не знаешь, не ведаешь. Выезжал из дубровы молодой боец, кричал зычным голосом — аж гражда́не все убоялися; перескочил через те стены белокаменные, через те башни наугольные, да во чисто́ поле, где стояла сила-армия и конная гвардия,— едва устранилися! Затрубил он в трубу громкую; услыхал то срацынский рыцарь, скоро своего коня обворачивал. Стали они во единое место съезжаться, словно тучи грозные скататься; съехались, палицами ударились — их палицы поломалися, только чивья в руках оставалися; во второй раз съехались, копьями ткнулися — их копья до рук погнулися; в третий раз еще съехались, мечами сразилися, и упал срацынский рыцарь на сырую землю, а молодой боец выпрянул из своего седла, наскочил ему на груди на богатырские,

[9] Помутился.
[10] *Чингалище* — кинжал.

вспорол у него тело белое, досмотрел у него сердце ретивое, снял со плеч голову буйную, поднял на то копье долгомерное и уезжал во чисто́ поле».— «Ах ты, глупая женщина! Не видала ты на миру людей, в темном лесе зверей; этакие ли богатыри на белом свете водятся!»

Тем временем царские зятья из лесов, из дубровы воздымалися, в чистом поле собиралися, забирали свою силу-армию и конную гвардию и погнали в город; в городе звоны зазвонили, в полках в барабаны забили, в трубы заиграли и песни запели. Государь на радостях скоро им ворота отпирает, силу-армию в город запускает, во всех трактирах и кабаках солдат вином угощает, а на весь честно́й народ задает великий пир. Целые шесть недель пировали, все у царя да напивалися, все у него да наедалися, все в городе были и пьяны и веселы; только малый зять его Незнайко мало здоров с таковых ударов: никто про то дело не ведает, сколько плечи его вынесли! Говорит он жене своей: «Жена моя милая, отцу своему постылая! Поди-тка, попроси у царя чашу зелена вина выпить да свиной окорок на закуску».

Пошла царевна к отцу, подходила к нему близко, поклонялась низко, смотрела прямо, говорила смело: «Государь ты мой батюшка! Прошу твоей милости — дай мужу моему, а твоему зятю, Незнайку-дураку, чашу зелена вина выпить да свиной окорок на закуску». Отвечал ей царь: «Под лежачий камень и вода нейдет! Вот твой муж, а наш зять, когда было скучно-печально, так он — всем людям на посмех — в деревню убежал; а теперь, как мы победили, назад воротился да на печку повалился. Кабы, дочь моя милая, вышла ты за такого мо́лодца, что на брань выезжал да вражью силу побивал, и нам бы любо и тебе не подло[11] было! Ну, так и быть: как со стола понесут, тогда и вам остаточки подадут». Говорила на то царевна: «Не всем таковым быть, как твои старшие зятья, что в боевое время в заповедных лесах пролежали, а теперь на пир прибежали — пьют да веселятся! А нам с мужем после их блюдолизничать — статошное ль дело?»

Еще пир не скончался, а курьер уже догнал во срацынское королевство; скоро к сильным богатырям приезжал, скорее того несчастие объявлял: «Наезжал-де молодой боец, убил брата вашего, на́ поле трупло его валяется, горячая кровь проливается, сила-армия и конная гвардия вся в плен ушла». Тут братья-богатыри рассердилися, скорёхонько на коней садилися, накладывали на себя латы булатные, кольчуги железные, прибирали оружие военное: мечи-кладенцы, боевые палицы, сабли вострые, копья долгомерные, и отправлялись во путь, во дорогу; наперед себя посылали к царю посланника с таковым письмом: «Отдай-де того мо́лодца, что пролил кровь нашего брата; ежели не отдашь, то всю силу твою мечом побьем, стольный город на огонь пустим, народ в плен возьмем, а тебя самого при старости горькой смерти предадим». Приезжает посланник в царский дворец и подает то письмо государю; царь взял, распечатал и как стал читать — его резвые ножки подломилися, его белые ручки подрогнули, ясные очи смотреть не могут — катятся слезы горючие...

[11] Не обидно.

Здумал царь, велел послать во все стороны курьеров, собирать думных людей, генералов и начальных офицеров; от малого до великого начал выспрашивать: кто из них ведает про того мо́лодца, что срацынского рыцаря на бою победил? Никто не знает, не ведает; большие чины за средних хоронятся, средние за малых прячутся, а от малых ответу нет. Так ни с чем и отпустил царь посланника. Подступили срацынские богатыри[12], начали города-села разбивать, огню предавать. Незнайко на печке лежит, его ретивое сердце кипит; говорит он жене таковую речь: «Жена моя милая, у отца постылая! Пойдем со мной в деревню, здесь жить тесно стало». Отвечает царевна: «Я в деревню нейду, лучше здесь помру!» Сошел Незнайко с печки, воздохнул тяжело: «Прощай,— говорит,— жена моя милая! Коли отца твоего побьют, и тебе живой не остаться». Брал на плечи деревенское платье, на голову шляпу, в руки батог[13], вышел — сам осматривается: не увидал бы кто. Заприметил его царь с балкона — богоданный батюшка: «Что это за дурак такой! Убежать хочет, а того не ведает: коли что случится, всех найдут...» Старшие зятья возле стоят, думают — как бы честь свою показать: «Государь наш батюшка! Собирай-ка силу-армию и конную гвардию; мы тебе в беде помога!»

Начал царь силу собирать, полки устраивать; зятья свои рати прибавили и пошли на брань. Напустились срацынские богатыри на те передовые полки, страшно мечами бьют, вдвое конями мнут; потекла кровь ручьями, раздались стоны раненых. Незнайко услыхал, на помочь поспешал, пришел на высокий холм и скричал богатырским голосом, молодецким посвистом. На тот его крик бежит из чиста́ поля добрый конь, бежит-спотыкается. «Ах ты, волчья сыть, травяной мешок! Что бежишь-спотыкаешься? Аль несчастье слышишь?» Отвечает добрый конь: «Будет кровь на обоих — на коне и на хозяине!» Накладывал Незнайко на своего коня узду тесмянную, потники, войлоки, седельце немецкое, подтягивал двенадцать подпруг, тринадцатую нагрудную: подпруги все были белошелковые — того шелку чистого, пряжицы были красного золота — того золота аравицкого, спенки были булатные — того булата заморского, и то не для басы добра мо́лодца, а для крепости богатырския, потому — шелк не рвется, булат не гнется, красное золото не ржавеет. Снарядил коня, начал себя снаряжать: накладывал платье рыцарское, латы булатные, в руки брал железный щит, боевую палицу, к ногам прицеплял копье крепкое, долгомерное, на бедре саблю вострую, позади себя меч-кладенец.

Садился Незнайко на добра коня, вкладывал ноги резвые в стремена немецкие, еще брал плеточку шелковую, бил коня по крутым бедрам, рассекал кожу лошадиную. Его конь возъяряется, от сырой земли подымается, что повыше лесу стоячего, пониже облака ходячего; скакал с горы на́ гору, реки-озера промеж ног пропускал, зыбучие болота хвостом устилал; изо рта коня огонь-пламя пышет, из ноздрей искры сыплются, из ушей

[12] Рассказчик разом вывел на сцену обоих богатырей, и среднего, и старшего, и тем нарушил строй сказки; обычный эпический прием требует, чтобы сказочные герои *три раза* сражались со своими врагами, с каждым порознь

[13] Палку («Опыт областн. великор. словаря»).

дым кудряв валит; ископыть того коня — целые печи земли выворачивались, подземные ключи воздымались. Скричал Незнайко богатырским голосом, сосвистал молодецким посвистом — в озерах вода сколебалася, с желтым песком помешалася, старые дубы пошаталися, верхушками до земли догибалися. В чистом поле — срацынский богатырь [14] на коне как копна сидит; его конь как сокол летит, да сырой земли не дотыкается, сам богатырь похваляется — хочет Незнайку целком проглотить.

Как скоро они съехались, проговорил Незнайкин конь: «Ну, хозяин! Преклони свою голову на мою гриву — может быть спасешься». Только Незнайко головой прикорнул, как срацынский богатырь мечом махнул, левую руку с плеча ему повредил, у коня левое ухо срубил; а Незнайко тем часом угодил ему копьем в самую пельку [15] и обворотил его, как ржаного снопа. Упал срацынец на сырую землю, и лежало тут трупло богатырское — валялося, горячая кровь проливалася. Скоро сила-армия надвигала, конная гвардия наскакала, а Незнайко уезжал на своем добром коне к царским палатам и кричал зычным голосом: «Люди добрые! Не предайте меня смерти напрасныя, захватите мою кровь горячую». Побежала с балкону вся свита царская, впереди всех царевна — жена Незнайкина, именным платком левую руку ему завязала, а своего мужа не признала; он пот с лица утирал, себя, добра мо́лодца, укрывал.

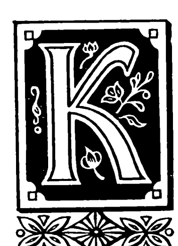
Поехал Незнайко к своей хате, бросил коня без привязи, вошел в сени, на пол свалился и покрыл лицо свое рукою. А царь ничего не ведает, стоит на балконе да смотрит, как зятья его управляются. Вот жена Незнайкина подошла к хате, глядь — у крыльца стоит лошадь богатырская со всеми доспехами, а в сенях богатырь лежит; наскоро побежала, про все отцу рассказала. В тот час государь поспешил туда со всей свитою, дверь отворяет, на колени припадает, говорит речь умильно: «Ты скажись, добрый мо́лодец, ты какого роду-племени? Как тебя по имени будет звать, по отчеству величать?» Отвечает Незнайко: «Ах ты, богоданный мой государь-батюшка; аль меня не признаешь? Ты ж меня завсегда дураком называешь». Тут все его признали, за сильномогучего богатыря почитали; а старшие зятья как прослышали про то дело, тотчас с женами своими сряжались да по своим домам убирались. Незнайко скоро поправлялся, зелена вина напивался, заводил пир на весь мир; а по смерти царя начал сам царствовать, и житие его было долгое и счастливое.

[14] Незнайко сражается с одним срацынским богатырем, о другом умолчано.

[15] *Пе́лька* — часть всякой одежды, находящаяся на груди у горла.

297. НЕСМЕЯНА-ЦАРЕВНА

ак подумаешь, куда велик божий свет! Живут в нем люди 166
богатые и бедные, и всем им просторно, и всех их призирает и рассуждает господь. Живут роскошные — и празднуют; живут горемычные — и трудятся; каждому своя доля!

В царских палатах, в княжьих чертогах, в высоком терему красовалась Несмеяна-царевна. Какое ей было житье, какое приволье, какое роскошье! Всего много, все есть, чего душа хочет; а никогда она не улыбалась, никогда не смеялась, словно сердце ее ничему не радовалось.

Горько было царю-отцу глядеть на печальную дочь. Открывает он свои царские палаты для всех, кто пожелает быть его гостем. «Пускай,— говорит,— пытаются развеселить Несмеяну-царевну; кому удастся, тому она будет женою». Только это вымолвил, как закипел народ у княжьих ворот! Со всех сторон едут, идут — и царевичи и княжевичи, и бояре и дворяне, полковые и простые; начались пиры, полились меды — царевна все не смеется.

На другом конце в своем уголке жил честной работник; по утрам он двор убирал, вечерами скот пасал [1], в беспрестанных был трудах. Хозяин его — человек богатый, правдивый, платою не обижал. Только покончился год, он ему мешок денег на стол: «Бери,— говорит,— сколько хочешь!», а сам в двери и вышел вон. Работник подошел к столу и думает: как бы перед богом не согрешить, за труды лишнего не положить? Выбрал одну только денежку, зажал ее в горсть да вздумал водицы напиться, нагнулся в колодезь — денежка у него выкатилась и потонула на дно.

Остался бедняк ни при чем. Другой бы на его месте заплакал, затужил и с досады б руки сложил, а он нет. «Все,— говорит,— бог посылает; господь знает, кому что давать: кого деньгами наделяет, у кого последние отнимает. Видно, я худо рачи́л [2], мало трудился, теперь стану усердней!» И снова за работу — каждое дело в его руках огнем горит! Кончился срок, минул еще год, хозяин ему мешок денег на стол: «Бери,— говорит,— сколько душа хочет!», а сам в двери и вышел вон. Работник опять думает, чтоб бога не прогневить, за труд лишнего не положить; взял денежку, пошел напиться и выпустил невзначай из рук — денежка в колодезь и потонула. Еще усерднее принялся он за работу: ночь недосыпает, день недоедает. Поглядишь: у кого хлеб сохнет, желтеет, а у его хозяина все бутеет [3]; чья скотина ноги завивает [4], а его по улице брыкает; чьих коней по́д гору тащат, а его и в поводу не сдержать. Хозяин разумел, кого благодарить, кому спасибо говорить. Кончился срок, миновал третий год, он кучу денег на стол: «Бери, работничек, сколько душа хочет; твой труд, твоя и деньга!», а сам вышел вон.

Берет работник опять одну денежку, идет к колодезю воды испить — глядь: последняя деньга цела, и прежние две наверх выплыли. Подобрал

[1] Пас.
[2] Усердно старался (*Ред.*).
[3] Толстеть, наливаться, тучнеть (*Ред.*).
[4] Тащиться, плестись (*Ред.*).

он их, догадался, что бог его за труды наградил; обрадовался и думает: «Пора мне бел свет поглядеть, людей распознать!» Подумал и пошел куда глаза глядят. Идет он полем, бежит мышь: «Ковалек, дорогой куманек! Дай денежку; я тебе сама пригожусь!» Дал ей денежку. Идет лесом, ползет жук: «Ковалек, дорогой куманек! Дай денежку; я тебе сам пригожусь!» Дал и ему денежку. Поплыл рекой, встрелся сом: «Ковалек, дорогой куманек! Дай денежку; я тебе сам пригожусь!» Он и тому не отказал, последнюю отдал.

Сам пришел в город; там людей, там дверей! Загляделся, завертелся работник на все стороны, куда идти — не знает. А перед ним стоят царские палаты, сребром-золотом убраты, у окна Несмеяна-царевна сидит и прямо на него глядит. Куда деваться? Затуманилось у него в глазах, нашел на него сон, и упал он прямо в грязь. Откуда ни взялся сом с большим усо́м, за ним жучок-старичок, мышка-стрижка; все прибежали. Ухаживают, ублаживают: мышка платьице снимает, жук сапожки очищает, сом мух отгоняет. Глядела-глядела на их услуги Несмеяна-царевна и засмеялась. «Кто, кто развеселил мою дочь?» — спрашивает царь. Тот говорит: «Я»; другой: «Я». — «Нет! — сказала Несмеяна-царевна.— Вон этот человек!» — и указала на работника. Тотчас его во дворец и стал работник перед царским лицом молодец-молодцом! Царь свое царское слово сдержал; что обещал, то и даровал. Я говорю: не во сне ли это работнику снилось? Заверяют, что нет, истинная правда была,— так надо верить.

298—299. НОЧНЫЕ ПЛЯСКИ

298

Был-жил король вдовый; у него было двенадцать дочерей, 167
одна другой лучше. Каждую ночь уходили эти царевны, а куда — неведомо; только что ни сутки — изнашивали по новой паре башмаков. Не наготовится король на них обуви, и захотелось ему узнать, куда это они по ночам уходят и что делают? Вот он сделал пир, созвал со всех земель королей и королевичей, дворян, и купцов, и простых людей и спрашивает: «Не сумеет ли кто разгадать ему эту загадку? Кто разгадает — за того отдаст любимую дочь замуж да полцарства в приданое». Никто не берется узнать, где бывают по ночам королевны; вызвался один бедный дворянин. «Ваше королевское величество! Я узнаю».— «Ладно, узнай!»

После бедный дворянин одумался и говорит сам себе: «Что я наделал? Взялся узнать, а сам ничего не ведаю! Если теперь не узнаю, ведь

король меня под караул отдаст». Вышел из дворца за́ город, идет — раскручинился-пригорюнился; попадается ему навстречу старушка и спрашивает: «О чем, добрый мо́лодец, призадумался?» Он в ответ: «Как мне, бабушка, не призадуматься? Взялся я у короля проведать, куда его дочери по ночам уходят».— «Да, это дело трудное! Только узнать можно. Вот тебе шапка-невидимка, с нею чего не высмотришь! Да помни: как будешь спать ложиться, королевны подадут тебе сонных капель испить; а ты повернись к стене и вылей в постель, а пить не моги!» Бедный дворянин поблагодарил старуху и воротился во дворец.

Время к ночи подходит; отвели ему комнату рядом с тою, в которой королевны почивали. Прилег он на постель, а сам сторожить собирается. Тут приносит одна королевна сонных капель в вине и просит выпить за ее здоровье. Не мог отказаться, взял чарку, оборотился к стене и вылил в постель. В самую полночь пришли королевны посмотреть: спит ли он? Бедный дворянин притворился, будто крепко, беспробудно спит, а сам за всяким шорохом следит. «Ну, сестрицы! Наша стража заснула; пора нам на гульбище идти».— «Пора! Пора!»

Вот нарядились в лучшие свои наряды; старшая сестра подошла к своей кровати, отодвинула ее — и вдруг открылся ход в подземное царство к заклято́му царю. Стали они спускаться по лестнице; бедный дворянин встал потихоньку с кровати, надел на себя шапку-невидимку и пошел за ними. Наступил нечаянно младшей королевне на платье; она испугалась, сказала сестрам: «Ах, сестрицы, будто кто на мое платье наступил; эта примета беду нам пророчит».— «И, полно! Ничего не будет». Спустились с лестницы в рощу, в той роще золотые цветы растут. Бедный дворянин взял сломил одну веточку — вся роща зашумела. «Ах, сестрицы,— говорит младшая королевна,— что-то недоброе нам сулит! Слышите, как роща шумит?» — «Не бойся; это у заклято́го царя музыка гремит!»

Приходят они во дворец, встречает их царь с придворными; заиграла музыка, и начали танцевать; до тех пор танцевали, пока башмаки изорвали. Велел царь вино наливать да гостям разносить. Бедный дворянин взял с подноса один бокал, вино выпил, а бокал в карман сунул. Кончилось гулянье; королевны распростились с кавалерами, обещались и на другую ночь прийти; воротились домой, разделись и легли спать.

Поутру призывает король бедного дворянина: «Что — укараулил ты моих дочерей?» — «Укараулил, ваше величество!» — «Куда ж они ходят?» — «В подземное царство к заклято́му царю, там всю ночь танцуют». Король позвал дочерей, начал их допрашивать: «Где вы ночью были?» Королевны запираются: «Нигде не были!» — «А у заклято́го царя не были? Вот бедный дворянин на вас показывает, уличить вас хочет».— «Где ж ему, батюшка, уличить нас, когда он всю ночь мертвым сном проспал?» Бедный дворянин вынул из кармана золотой цветок и бокал: «Вот,— говорит,— и улика налицо!» Что тут делать? Сознались королевны отцу; король велел засыпать ход в подземное царство, а бедного дворянина женил на младшей дочери, и стали все они счастливо жить да быть.

299

ахотелось царю узнать, куда ходит по ночам его дочь. И взялся за то дело солдат, купил у мясника коровий пузырь, приладил его к подбородку и явился во дворец на часы. У царя были гости, гремела музыка, и своим порядком шли танцы за танцами; но только пробило девять часов, как царевна сказалась больною и ушла в свою спальню; так она всегда делала. Немного погодя выбегает ее служанка и зовет солдата к царевне, а у них уже был готов стакан с сонным зельем. Подносит ему стакан сама царевна: «Выпей, служивый!» Он принял стакан, притворился, что пьет, да заместо того в пузырь вылил. После того пошел, покачиваясь, и стал у дверей на карауле; постоял-постоял, да нарочно и свалился на пол, закрыл глаза и ну храпеть — точно и вправду заснул! *167, прим.*

Тут царевна с служанкою оболоклись в нарядные платья, выбежали из палат, спустились с крыльца и прямо в сад; солдат приподнялся потихохоньку да вслед за ними. Вот как пришли они в сад, царевна сорвала три яблочка, бросила одно через яблоню и промолвила: «Лети, мое яблочко, через дерево, а мать сыра земля расступися!» Земля расступилась, и обе де́вицы ушли в провал к подземному царю. Уходя в провал, царевна выбросила оттуда другое яблочко и проговорила: «Вылети, мое яблочко, и пади на сыру землю, а ты, мать сыра земля, состу́пися!» Земля соступилась.

Солдат все это выглядел, все это высмотрел и сам хочет туда ж отправляться. Сорвал одно яблочко, протянул было за другим руку и услышал позади себя большой гам и крик. Оглянулся, а то два мужика дерутся.«Эй вы! За что бьетеся?» — спросил их солдат. Мужики отвечали: «Есть у нас шапка-невидимка да сапоги-скороходы, да не знаем, как поделить!» — «Давайте я поделю! Вот я брошу это яблоко: кто его подхватит да на́перво прибежит ко мне, тому и шапка-невидимка и сапоги-скороходы». И закинул яблоко далеко-далеко; мужики бросились за яблоком, а он надел те сапоги на ноги, шапку-невидимку на голову, сорвал три яблочка, перекинул одно через яблоньку и промолвил: «Лети, мое яблочко, через дерево, а мать сыра земля расступися!» Земля расступилась, солдат сошел в провал, явился невидимо во дворец к подземному царю и застал, что тот царь с царевною уже портретами меняются, кольцами обручаются; солдат утащил оба кольца и портреты и на другой день уличил царевну.

300. МАЛЬЧИК С ПАЛЬЧИК

Жил себе старик со старухою. Раз старуха рубила капусту 168
на пироги, задела нечаянно по руке и отрубила мизинный палец; отрубила и бросила за печку. Вдруг послышалось старухе, кто-то говорит за печкой человеческим голосом: «Матушка! Сними меня отсюда». Изумилась она, сотворила честной крест и спрашивает: «Ты кто таков?» — «Я твой сынок, народился из твоего мизинчика». Сняла его старуха, смотрит — мальчик крохотный-крохотный, еле от земли видно! И назвала его Мальчик с пальчик. «А где мой батюшка?» — спрашивает Мальчик с пальчик. «Поехал на пашню».— «Я к нему пойду, помогать стану».— «Ступай, дитятко».

Пришел он на пашню: «Бог в помочь, батюшка!» Осмотрелся старик кругом. «Что за чудо! — говорит.— Глас человеческий слышу, а никого не вижу. Кто таков говорит со мною?» — «Я — твой сынок».— «Да у меня и детей сроду не бывало!» — «Я только что народился на белый свет: рубила матушка капусту на пироги, отрубила себе мизинный палец с руки, бросила за печку — вот я и стал Мальчик с пальчик! Пришел тебе помогать — землю пахать. Садись, батюшка, закуси чем бог послал да отдохни маленько!» Обрадовался старик, сел обедать; а Мальчик с пальчик залез лошади в ухо и стал пахать землю; а наперед отцу наказал: «Коли кто будет торговать меня, продавай смело; небось — не пропаду, назад домой приду».

Вот едет мимо барин, смотрит и дивуется: конь идет, соха орет[1], а человека нет! «Этого,— говорит,— еще видом не видано, слыхом не слыхано, чтобы лошадь сама собой пахала!» — «Что ты, разве ослеп! — отозвался ему старик.— То у меня сын пашет».— «Продай его мне!» — «Нет, не продам; нам только и радости со старухой, только и утехи, что он!»— «Продай, дедушка!» — пристает барин. «Ну, давай тысячу рублев — твой будет!» — «Что так дорого?» — «Сам видишь: мальчик мал, да удал, на ногу скор, на посылку легок!» Барин заплатил тысячу, взял мальчика, посадил в карман и поехал домой. А Мальчик с пальчик напаскудил ему в карман, прогрыз дыру и ушел.

Шел-шел, и пристигла его темная ночь; спрятался он под былинку подле самой дороги, лежит себе, спать собирается. Идут мимо три вора. «Здравствуйте, добрые мо́лодцы!» — говорит Мальчик с пальчик. «Здорово!» — «Куда идете?» — «К попу».— «Зачем?» — «Быков воровать».— «Возьмите и меня с собой!» — «Куда ты годишься? Нам надо такого молодца, чтоб раз дал — и дух вон!» — «Пригожусь и я: в подворотню пролезу да вам ворота отопру».— «И то дело! Пойдем с нами».

Вот пришли вчетвером к богатому попу; Мальчик с пальчик пролез в подворотню, отворил ворота и говорит: «Вы, братцы, здесь на дворе постойте, а я заберусь в сарай да выберу быка получше и выведу к вам».— «Ладно!» Забрался он в сарай и кричит оттуда во всю глотку: «Какого

[1] *Орет* — пашет.

быка тащить — бурого али черного?» — «Не шуми,— говорят ему воры,— тащи какой под руку попадется». Мальчик с пальчик вывел им быка что ни есть самого лучшего; воры пригнали быка в лес, зарезали, сняли шкуру и стали делить мясо. «Ну, братцы,— говорит Мальчик с пальчик,— я возьму себе требуху: с меня и того будет». Взял требуху и тут же залез в нее спать, ночь коротать; а воры поделили мясо и пошли по домам.

Набежал голодный волк и проглотил требуху вместе с мальчиком; сидит он в волчьем брюхе живой, и горя ему мало! Плохо пришлось серому! Увидит он стадо, овцы пасутся, пастух спит, и только что подкрадется овцу унести — как Мальчик с пальчик и закричит во все горло: «Пастух, пастух, овечий дух! Ты спишь, а волк овцу тащит!» Пастух проснется, бросится на волка с дубиною да притравит его собаками, а собаки ну его рвать — только клочья летят! Еле-еле уйдет сердешный!

Совсем отощал волк, пришлось пропадать с голоду. «Вылези!» — просит волк. «Довези меня домой к отцу, к матери, так вылезу»,— говорит Мальчик с пальчик. Побежал волк в деревню, вскочил прямо к старику в избу; Мальчик с пальчик тотчас вылез из волчьего брюха задом, схватил волка за хвост и кричит: «Бейте волка, бейте серого!» Старик схватил дубинку, старуха другую и давай бить волка; тут его и порешили, сняли кожу да сынку тулуп сделали. И стали они жить-поживать, век доживать.

301. ВЕРЛИОКА

или-были дед да баба, а у них были две внучки-сиротки — такие хорошенькие да смирные, что дед с бабушкой не могли ими нарадоваться. Вот раз дед вздумал посеять горох; посеял — вырос горох, зацвел. Дед глядит на него, да и думает: «Теперь буду целую зиму есть пироги с горохом». Как назло деду, воробьи и напали на горох. Дед видит, что худо, и послал младшую внучку прогонять воробьев. Внучка села возле гороха, машет хворостиной да приговаривает: «Кишь, кишь, воробьи! Не ешьте дедова гороху!» Только слышит: в лесу шумит, трещит — идет Верлиока, ростом высокий, об одном глазе, нос крючком, борода клочком, усы в пол-аршина, на голове щетина, на одной ноге — в деревянном сапоге, костылем подпирается, сам страшно ухмыляется. У Верлиоки была уже такая натура: завидит человека, да еще смирного, не утерпит, чтобы дружбу не показать, бока не поломать; не было спуску от него ни старому, ни малому, ни тихому, ни удалому. Увидел Верлиока дедову внучку — такая хорошенькая, ну как не затрогать ее? Да той, видно, не понравились его 169

13 Заказ № 101

игрушки: может быть, и обругала его — не знаю; только Верлиока сразу убил ее костылем.

Дед ждал-ждал — нет внучки, послал за нею старшую. Верлиока и ту прибрал. Дед ждет-пождет — и той нет! — и говорит жене: «Да что они там опозднились? Пожалуй, с парубками развозились, как трещотки трещат, а воробьи горох лущат. Иди-ка ты, старуха, да скорей тащи их за ухо». Старуха с печки сползла, в углу палочку взяла, за порог перевалилась, да и домой не воротилась. Вестимо, как увидела внучек да потом Верлиоку, догадалась, что это его работа; с жалости так и вцепилась ему в волосы. А нашему забияке то и на руку...

Дед ждет внучек да старуху — не дождется; нет как нет! Дед и говорит сам себе: «Да что за лукавый! Не приглянулся ли и жене парень чернявый? Сказано: от нашего ребра не ждать нам добра; а баба все баба, хоть и стара!» Вот так мудро размысливши, встал он из-за стола. надел шубку, закурил трубку, помолился богу, да и поплелся в дорогу. Приходит к гороху, глядит: лежат его ненаглядные внучки — точно спят; только у одной кровь, как та алая лента, полосой на лбу видна, а у другой на белой шейке пять синих пальцев так и оттиснулись. А старуха так изувечена, что и узнать нельзя. Дед зарыдал не на шутку, целовал их, миловал да слезно приговаривал.

И долго бы проплакал, да слышит: в лесу шумит, трещит — идет Верлиока, ростом высокий, об одном глазе, нос крючком, борода клочком, усы в пол-аршина, на голове щетина, на одной ноге — в деревянном сапоге, костылем подпирается, сам страшно ухмыляется. Схватил деда и давай бить; насилу бедный вырвался да убежал домой. Прибежал, сел на лавку, отдохнул и говорит: «Эге, над нами строить штуки! Постой, брат, у самих есть руки... Языком хоть что рассуждай, а рукам воли не давай. Мы и сами с усами! Задел рукой, поплатишься головой. Видно тебя, Верлиока, не учили сызмала пословице: делай добро — не кайся, а делай зло — сподевайся[1]! Взял лычко, отдай ремешок!» Долго рассуждал дед сам с собою, а, наконец, наговорившись досыта, взял железный костыль и отправился бить Верлиоку.

Идет-идет и видит ставок[2], а на ставке сидит куцый селезень. Увидал деда селезень и кричит: «Так, так, так! Ведь я угадал, что тебя сюда поджидал. Здоров, дед, на сто лет!» — «Здорово, селезень! Отчего же ты меня поджидал?» — «Да знал, что ты за старуху да за внучек пойдешь к Верлиоке на расправу».— «А тебе кто сказал?» — «Кума сказала».— «А кума почем знает?» — «Кума все знает, что на свете делается; да другой раз еще дело и не сделалось, а кума куме уж о том на ухо шепчет, а нашепчутся две кумы — весь мир узнает». — «Смотри, какое диво!» —говорит дед. «Не диво, а правда! Да такая правда, что бывает не только с нашим братом, а водится и промеж старшими». — «Вот что!» — молвил дед и рот разинул; а потом, опомнившись, снял шапку,

[1] Ожидай отплаты.
[2] Пруд.

поклонился куцему селезню и говорит: «А вы, добродею [3], знаете Верлиоку?» — «Как, как, как не знать! Знаю я его, кривого».

Селезень поворотил голову на сторону (сбоку они лучше видят), прищурил глаз, поглядел на деда, да и говорит: «Эге! С кем не случается беда? Век живи, век учись, а все дурнем умрешь. Так, так, так!» Поправил крылья, повертел задом и стал учить деда: «Слушай, дедушка, да учись, как на свете жить! Раз как-то вот тут на берегу начал Верлиока бить какого-то горемыку. А в те́ поры была у меня за каждым словом поговорка: ах, ах, ах! Верлиока потешается, а я сижу в воде, да так себе и кричу: ах, ах, ах!.. Вот он, управившись по-своему с горемыкою, подбежал ко мне, да, не говоря худого слова, хвать меня за хвост! Да не на таковского напал, только хвост у него в руках остался. Оно хоть хвост и невелик, а все-таки жаль его... Кому свое добро не дорого? Говорят же: всякой птице свой хвост ближе к телу. Верлиока пошел домой, да и говорит дорогою: «Постой же! Научу я тебя, как за других заступаться». Вот я и взялся за ум и с той поры — кто бы что ни делал, не кричу: ах, ах, ах! а все придакиваю: так, так, так! Что же? И житье стало лучше, и почету от людей больше. Все говорят: «Вот селезень — хоть куцый, да умный!» — «Так не можешь ли ты, добродею, показать мне, где живет Верлиока?» — «Так, так, так!» Селезень вылез из воды и, переваливаясь с боку на бок, словно купчиха, пошел по берегу, а дед за ним.

Идут-идут, а на дороге лежит бечевочка и говорит: «Здравствуй, дедушка, умная головушка!» — «Здравствуй, бечевочка!» — «Как живешь? Куда идешь?» — «Живу и так и сяк; а иду к Верлиоке на расправу; старуху задушил, двух внучек убил, а внучки были такие хорошие — на славу!» — «Я твоих внучек знала, старуху поважала [4]; возьми и меня на подмогу!» Дед подумал: «Может, пригодится связать Верлиоку!» — и отвечал: «Полезай, когда знаешь дорогу». Веревочка и поползла за ними, словно змея.

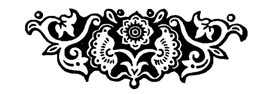
Идут-идут, на дороге лежит колотушка, да и говорит: «Здравствуй, дедушка, умная головушка!» — «Здравствуй, колотушка!» — «Как живешь? Куда идешь?» — «Живу и так и сяк; а иду к Верлиоке на расправу. Подумай: старуху задушил, двух внучек убил, а внучки были на славу».— «Возьми меня на подмогу!» — «Ступай, когда знаешь дорогу». А сам думает: «Колотушка и впрямь поможет». Колотушка поднялась, уперлась ручкой о землю и прыгнула.

Пошли опять. Идут-идут, а на дороге лежит желудь и пищит: «Здравствуй, дед долгоногий!» — «Здравствуй, желудь дубовый!» — «Куда это так шагаешь?» — «Иду Верлиоку бить, когда его знаешь».— «Как не знать! Пора уж с ним расплатиться; возьми и меня на подмогу».— «Да чем ты поможешь?» — «Не плюй, дед, в колодезь — достанется водицы напиться; синица не велика птица, да все поле спалила. А еще говорят: мал золотник, да дорог; велика Федора, да дура!» Дед подумал: «А пускай

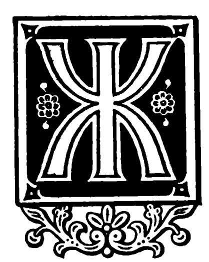
[3] Сударь (*Ред.*).
[4] Уважать, почитать (*Ред.*).

его! Чем больше народу, тем лучше», и говорит: «Плетись позади!» Какое — плетись! Желудь так и скачет впереди всех.

Вот и пришли они в густой, дремучий лес, а в том лесу стоит избушка. Глядят — в избушке никого нет. Огонь давно погас, а на шестке стоит кулиш [5]. Желудь не промах — вскочил в кулиш, веревочка растянулась на пороге, колотушку положил дед на полку, селезня посадил на печку, а сам стал за дверью. Пришел Верлиока, кинул дрова на землю и стал поправлять в печке. Желудь, сидя в кулише, затянул песню: «Пи... пи... пи! Пришли Верлиоку бить!» — «Цыц, кулиш! В ведро вылью»,— крикнул Верлиока. А желудь не слушает его, знай свое пищит. Верлиока рассердился, схватил горшок да бух кулиш в ведро. Желудь как выскочит из ведра, щелк Верлиоку прямо в глаз, выбил и последний. Верлиока кинулся было наутек, да не тут-то было — веревочка перецепила его, и Верлиока упал. Колотушка с полки, а дед из-за дверей, и давай его потчевать; а селезень за печкой сидит да приговаривает: «Так, так, так!» Не помогли Верлиоке ни его сила, ни его отвага. Вот вам сказка, а мне бубликов вязка.

302. ЛИХО ОДНОГЛАЗОЕ

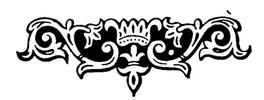
Жил один кузнец. «Что,— говорит,— я горя никакого не 170
видал. Говорят, лихо на свете есть; пойду поищу себе лихо». Взял и пошел, выпил хорошенько и пошел искать лихо. Навстречу ему портной. «Здравствуй!» — «Здравствуй!» — «Куда идешь?» — «Что, брат, все говорят: лихо на свете есть: я никакого лиха не видал, иду искать».— «Пойдем вместе. И я хорошо живу и не видал лиха; пойдем поищем». Вот они шли-шли, зашли в лес, в густый, темный, нашли маленькую дорожку, пошли по ней — по узенькой дорожке. Шли-шли по этой дорожке, видят: изба стоит большая. Ночь; некуда идти. «Сём,— говорят,— зайдем в эту избу». Вошли; никого там нету, пусто, нехорошо. Сели себе и сидят. Вот и идет высокая женщина, худощавая, кривая, одноокая. «А! — говорит.— У меня гости. Здравствуйте». — «Здравствуй, бабушка! Мы пришли ночевать к тебе». — «Ну, хорошо; будет что поужинать мне!» Они перепугались. Вот она пошла, беремя дров большое принесла; принесла беремя [1] дров, поклала в печку, затопила. Подошла к ним, взяла одного, портного, и зарезала, посадила в печку и убрала [2].

Кузнец сидит и думает: что делать, как быть? Она взяла — поужина-

[5] Пшенная кашица.
[1] Охапку, вязанку (*Ред.*).
[2] Съела (*Ред.*).

ла. Кузнец смотрит в печку и говорит: «Бабушка, я кузнец».— «Что умеешь делать-ковать?» — «Да я все умею».— «Скуй мне глаз».— «Хорошо,— говорит,— да есть ли у тебя веревка? Надо тебя связать, а то ты не дашься; я бы тебе вковал глаз». Она пошла, принесла две веревки, одну потоньше, а другую толще. Вот он связал ее одною, которая была потоньше. «Ну-ка, бабушка, повернися!» Она повернулась и разорвала веревку. «Ну,— говорит,— нет, бабушка! Эта не годится». Взял он толстую веревку да этою веревкою скрутил ее хорошенько. «Повернись-ка, бабушка!» Вот она повернулась — не порвала. Вот он взял шило, разжег его, наставил на глаз-то ей на здоровый, взял топор да обухом как вдарит по шилу. Она как повернется — и разорвала веревку, да и села на пороге. «А, злодей, теперича не уйдешь от меня!» Он видит, что опять лихо ему, сидит, думает: что делать? Потом пришли с поля овцы; она загнала овец в свою избу ночевать. Вот кузнец ночевал ночь. Поутру стала она овец выпускать. Он взял шубу, да вывернул шерстью вверх, да в рукава-то надел и подполз к ней, как овечка. Она все по одной выпускала; как хватит за спинку, так и выкинет ее. И он подполз; она и его хватила за спинку и выкинула. Выкинула его, он встал и говорит: «Прощай, Лихо! Натерпелся я от тебя лиха; теперь ничего не сделаешь». Она говорит: «Постой, еще натерпишься, ты не ушел!»

И пошел кузнец опять в лес по узенькой тропинке. Смотрит: в дереве топорик с золотой ручкой; захотел себе взять. Вот он взялся за этот топорик, рука и пристала к нему. Что делать? Никак не оторвешь. Оглянулся назад: идет к нему Лихо и кричит: «Вот ты злодей, и не ушел!» Кузнец вынул ножичек, в кармане у него был, и давай эту руку пилить; отрезал ее и ушел. Пришел в свою деревню и начал показывать руку, что теперь видел лихо. «Вот,— говорит,— посмотрите — каково оно: я,— говорит,— без руки, а товарища моего совсем съела». Тут и сказке конец.

303. ГОРЕ

В одной деревушке жили два мужика, два родные брата: один 171
был бедный, другой богатый. Богач переехал на житье в город, выстроил себе большой дом и записался в купцы; а у бедного иной раз нет ни куска хлеба, а ребятишки — мал мала меньше — плачут да есть просят. С утра до вечера бьется мужик как рыба об лед, а все ничего нет. Говорит он однова́[1] своей жене: «Дай-ка пойду в город, попрошу у брата: не поможет ли чем?» Пришел к богатому: «Ах, братец родимый! Помоги сколько-нибудь моему горю; жена и дети без хлеба сидят, по целым дням голодают».— «Проработай

[1] Однажды, как-то (*Ред.*).

у меня эту неделю, тогда и помогу!» Что делать? Принялся бедный за работу: и двор чистит, и лошадей холит, и воду возит, и дрова рубит. Через неделю дает ему богатый одну ковригу хлеба: «Вот тебе за труды!» — «И за то спасибо!» — сказал бедный, поклонился и хотел было домой идти. «Постой! Приходи-ка завтра ко мне в гости и жену приводи: ведь завтра — мои именины».— «Эх, братец; куда мне? Сам знаешь: к тебе придут купцы в сапогах да в шубах, а я в лаптях хожу да в худеньком сером кафтанишке».— «Ничего, приходи! И тебе будет место».— «Хорошо, братец, приду».

Воротился бедный домой, отдал жене ковригу и говорит: «Слушай, жена! Назавтрее нас с тобой в гости звали».— «Как в гости? Кто звал?» — «Брат; он завтра именинник».— «Ну что ж, пойдем». Наутро встали и пошли в город, пришли к богатому, поздравили его и уселись на лавку. За столом уж много именитых гостей сидело; всех их угощает хозяин на славу, а про бедного брата и его жену и думать забыл — ничего им не дает; они сидят да только посматривают, как другие пьют да едят. Кончился обед; стали гости из-за стола вылазить да хозяина с хозяюшкой благодарить, и бедный тож — поднялся с лавки и кланяется брату в пояс. Гости поехали домой пьяные, веселые, шумят, песни поют.

А бедный идет назад с пустым брюхом. «Давай-ка, — говорит жене, — и мы запоем песню!» — «Эх ты, дурак! Люди поют от того, что сладко поели да много выпили; а ты с чего петь вздумал?» — «Ну, все-таки у брата на именинах был; без песен мне стыдно идти. Как я запою, так всякий подумает, что и меня угостили...» — «Ну, пой, коли хочешь, а я не стану!» Мужик запел песню, и послышалось ему два голоса; он перестал и спрашивает жену: «Это ты мне подсобляла петь тоненьким голоском?» — «Что с тобой? Я вовсе и не думала».— «Так кто же?» — «Не знаю! — сказала баба.— А ну, запой, я послушаю». Он опять запел; поет-то один, а слышно два голоса; остановился и спрашивает: «Это ты, Горе, мне петь пособляешь?» Горе отозвалось: «Да, хозяин! Это я пособляю».— «Ну, Горе, пойдем с нами вместе».— «Пойдем, хозяин! Я теперь от тебя не отстану».

Пришел мужик домой, а Горе зовет его в кабак. Тот говорит: «У меня денег нет!» — «Ох ты, мужичок! Да на что тебе деньги? Вишь, на тебе полушубок надет, а на что он? Скоро лето будет, все равно носить не станешь! Пойдем в кабак, да полушубок по боку...» Мужик и Горе пошли в кабак и пропили полушубок. На другой день Горе заохало, с похмелья голова болит, и опять зовет хозяина винца испить. «Денег нет»,— говорит мужик. «Да на что нам деньги? Возьми сани да телегу — с нас и довольно!» Нечего делать, не отбиться мужику от Горя: взял он сани и телегу, потащил в кабак и пропил вместе с Горем. Наутро Горе еще больше заохало, зовет хозяина опохмелиться; мужик пропил и борону и соху. Месяца не прошло, как он все спустил; даже избу свою соседу заложил, а деньги в кабак снес. Горе опять пристает к нему: «Пойдем да пойдем в кабак!» — «Нет, Горе! Воля твоя, а больше тащить нечего».— «Как нечего? У твоей жены два сарафана: один оставь, а другой пропить

надобно». Мужик взял сарафан, пропил и думает: «Вот когда чист! Ни кола, ни двора, ни на себе, ни на жене!»

Поутру проснулось Горе, видит, что у мужика нечего больше взять, и говорит: «Хозяин!» — «Что, Горе?» — «А вот что: ступай к соседу, попроси у него пару волов с телегою». Пошел мужик к соседу: «Дай,— просит,— на времечко пару волов с телегою; я на тебя хоть неделю за то проработаю».— «На что тебе?» — «В лес за дровами съездить».— «Ну, возьми; только не велик воз накладывай».— «И, что ты, кормилец!» Привел пару волов, сел вместе с Горем на телегу и поехал в чистое поле. «Хозяин! — спрашивает Горе.— Знаешь ли ты на этом поле большой камень?» — «Как не знать!» — «А когда знаешь, поезжай прямо к нему». Приехали они на то место, остановились и вылезли из телеги. Горе велит мужику поднимать камень; мужик поднимает, Горе пособляет; вот подняли, а под камнем яма — полна золотом насыпана. «Ну, что глядишь? — сказывает Горе мужику.— Таскай скорей в телегу».

Мужик принялся за работу и насыпал телегу золотом, все из ямы повыбрал до последнего червонца; видит, что уж больше ничего не осталось, и говорит: «Посмотри-ка, Горе, никак там еще деньги остались?» Горе наклонилось: «Где? Я что-то не вижу!» — «Да вон в углу светятся!» — «Нет, не вижу».— «Полезай в яму, так и увидишь». Горе полезло в яму; только что опустилось туда, а мужик и накрыл его камнем. «Вот этак-то лучше будет! — сказал мужик.— Не то коли взять тебя с собою, так ты, Горе горемычное, хоть не скоро, а все же пропьешь и эти деньги!» Приехал мужик домой, свалил деньги в подвал, волов отвел к соседу и стал думать, как бы себя устроить; купил лесу, выстроил большие хоромы и зажил вдвое богаче своего брата.

Долго ли, коротко ли — поехал он в город просить своего брата с женой к себе на именины. «Вот что выдумал! —сказал ему богатый брат.—У самого есть нечего, а ты еще именины справляешь!» — «Ну, когда-то было нечего есть, а теперь, слава богу, имею не меньше твоего; приезжай — увидишь».— «Ладно, приеду!» На другой день богатый брат собрался с женою, и поехали на именины; смотрят, а у бедного-то голыша хоромы новые, высокие, не у всякого купца такие есть! Мужик угостил их, употчевал всякими наедками, напоил всякими медами и винами. Спрашивает богатый у брата: «Скажи, пожалуй, какими судьбами разбогател ты?» Мужик рассказал ему по чистой совести, как привязалось к нему Горе горемычное, как пропил он с Горем в кабаке все свое добро до последней нитки: только и осталось, что душа в теле; как Горе указало ему клад в чистом поле, как он забрал этот клад да от Горя избавился.

Завистно стало богатому: «Дай,— думает,— поеду в чистое поле, подниму камень да выпущу Горе — пусть оно дотла разорит брата, чтоб не смел передо мной своим богатством чваниться». Отпустил свою жену домой, а сам в поле погнал; подъехал к большому камню, своротил его в сторону и наклоняется посмотреть, что́ там под камнем? Не успел порядком головы нагнуть — а уж Горе выскочило и уселось ему на шею. «А,— кричит,— ты хотел меня здесь уморить! Нет, теперь я от тебя ни за что не отстану».— «Послушай, Горе! — сказал купец.— Вовсе не я за-

садил тебя под камень...» — «А кто же, как не ты?» — «Это мой брат тебя засадил, а я нарочно пришел, чтоб тебя выпустить».— «Нет, врешь! Один раз обманул, в другой не обманешь!» Крепко насело Горе богатому купцу на шею; привез он его домой, и пошло у него все хозяйство вкривь да вкось. Горе уж с утра за свое принимается; каждый день зовет купца опохмелиться; много добра в кабак ушло. «Этак несходно жить! — думает про себя купец.— Кажись, довольно потешил я Горе; пора б и расстаться с ним, да как?»

Думал-думал и выдумал: пошел на широкий двор, обтесал два дубовых клина, взял новое колесо и накрепко вбил клин с одного конца в втулку. Приходит к Горю: «Что ты, Горе, все на боку лежишь?» — «А что ж мне больше делать?» — «Что делать! Пойдем на двор в гулючки играть». А Горе и радо; вышли на двор. Сперва купец спрятался — Горе сейчас его нашло, после того черед Горю прятаться. «Ну,— говорит,— меня не скоро найдешь! Я хоть в какую щель забьюсь!» — «Куда тебе! — отвечает купец.— Ты в это колесо не влезешь, а то — в щель!» — «В колесо не влезу? Смотри-ка, еще как спрячусь!» Влезло Горе в колесо; купец взял да и с другого конца забил в втулку дубовый клин, поднял колесо и забросил его вместе с Горем в реку. Горе потонуло, а купец стал жить по-старому, по-прежнему.

304. ДВЕ ДОЛИ

Жил да был мужик, прижил двух сыновей и помер. Заду- 172
мали братья жениться: старший взял бедную, младший — богатую; а живут вместе, не делятся. Вот начали жены их меж собой ссориться да вздорить; одна говорит: «Я за старшим братом замужем; мой верх должóн быть!» А другая: «Нет, мой верх! Я богаче тебя!» Братья смотрели-смотрели, видят, что жены не ладят, разделили отцовское добро поровну и разошлись. У старшего брата что ни год, то дети рожаются, а хозяйство все плоше да хуже идет; до того дошло, что совсем разорился. Пока хлеб да деньги были — на детей глядя, радовался, а как обеднял — и детям не рад! Пошел к меньшому брату: «Помоги-де в бедности!» Тот наотрез отказал: «Живи, как сам знаешь! У меня свои дети подрастают».

Вот немного погодя опять пришел бедный к богатому. «Одолжи,— просит,— хоть на один день лошади; пахать не на чем!» — «Сходи нá поле и возьми на один день; да смотри — не замучь!» Бедный пришел нá поле и видит, что какие-то люди на братниных лошадях землю пашут. «Стой! — закричал.— Сказывайте, что вы зá люди?» — «А ты что за спрос?» — «Да то, что эти лошади моего брата!» — «А разве не видишь

ты,— отозвался один из пахарей,— что я — Счастье твоего брата; он пьет, гуляет, ничего не знает, а мы на него работаем».— «Куда же мое Счастье девалось?» — «А твое Счастье вон там-то под кустом в красной рубашке лежит, ни днем, ни ночью ничего не делает, только спит!» — «Ладно,— думает мужик,— доберусь я до тебя».

Пошел, вырезал толстую палку, подкрался к своему Счастью и вытянул его по́ боку изо всей силы. Счастье проснулось и спрашивает: «Что ты дерешься?» — «Еще не так прибью! Люди добрые землю пашут, а ты без просыпу спишь!» — «А ты небось хочешь, чтоб я на тебя пахал? И не думай!» — «Что ж? Все будешь под кустом лежать? Ведь этак мне умирать с голоду придется!» — «Ну, коли хочешь, чтоб я тебе по́мочь делал, так ты брось крестьянское дело да займись торговлею. Я к вашей работе совсем непривычен, а купеческие дела всякие знаю».— «Займись торговлею!.. Да было бы на что! Мне есть нечего, а не то что в торг пускаться». — «Ну хоть сними с своей бабы старый сарафан да продай; на те деньги купи новый — и тот продай! А уж я стану тебе помогать: ни на шаг прочь не отойду!» — «Хорошо!»

Поутру говорит бедняк своей жене: «Ну, жена, собирайся, пойдем в город».— «Зачем?» — «Хочу в мещане приписаться, торговать зачну».— «С ума, что ли, спятил? Детей кормить нечем, а он в город норовит!» — «Не твое дело! Укладывай все имение, забирай детишек и пойдем». Вот и собрались. Помолились богу, стали наглухо запирать свою избушку и послышали, что кто-то горько плачет в избе. Хозяин спрашивает: «Кто там плачет?» — «Это я — Горе!» — «О чем же ты плачешь?» — «Да как же мне не плакать? Сам ты уезжаешь, а меня здесь покидаешь».— «Нет, милое! Я тебя с собой возьму, а здесь не покину. Эй, жена! — говорит.— Выкидывай из сундука свою поклажу». Жена опорожнила сундук. «Ну-ка, Горе, полезай в сундук!» Горе влезло; он его запер тремя замками; зарыл сундук в землю и говорит: «Пропадай ты, проклятое! Чтоб век с тобой не знаться!»

Приходит бедный с женой и с детьми в город, нанял себе квартиру и начал торговать: взял старый женин сарафан, понес на базар и продал за рубль; на те деньги купил новый сарафан и продал его за два рубля. И вот таким-то счастливым торгом, что за всякую вещь двойную цену получал, разбогател он в самое короткое время и записался в купцы. Услыхал про то младший брат, приезжает к нему в гости и спрашивает: «Скажи, пожалуй, как это ты ухитрился — из нищего богачом стал?» — «Да просто,— отвечает купец,— я свое Горе в сундук запер да в землю зарыл».— «В каком месте?» — «В деревне, на старом дворе». Младший брат чуть не плачет от зависти; поехал сейчас на деревню, вырыл сундук и выпустил оттуда Горе. «Ступай,— говорит,— к моему брату, разори его до последней нитки!» — «Нет! — отвечает Горе.— Я лучше к тебе пристану, а к нему не пойду; ты — добрый человек, ты меня на свет выпустил! А тот лиходей — в землю упрятал!» Немного прошло времени — разорился завистливый брат и из богатого мужика сделался голым бедняком.

305—307. МАРКО БОГАТЫЙ И ВАСИЛИЙ БЕССЧАСТНЫЙ

305

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был бога- *173а*
тейший купец; у него была одна дочь Анастасия Прекрасная, и было ей всего лет пять от роду. Купца звали Марко, по прозванию Богатый. Марко терпеть не мог нищих: только подойдут к окошку, сейчас велит слугам своим гнать их и травить собаками.

В одно время подходят к окошку два седеньких старичка. Марко увидал и велел их травить собаками. Услыхала то Анастасия Прекрасная и стала просить: «Родимый мой батюшка! Хоть для меня пусти их в скотную избу». Отец согласился и велел пустить нищих в скотную избу. Вот как все в доме заснули, Анастасия встала и пошла в скотную, залезла на полати и глядит на нищих. Пришло время быть заутрене, у икон сама свеча затеплилась; старички встали, вынули из мешочков ризы, надели и стали служить заутреню. Прилетает ангел божий: «Господи! В таком-то селе у такого-то крестьянина родился сын; как ему велишь нарещи имя и каким наделить его счастием?» Один старичок сказал: «Имя нарицаю ему — Василий, прозвание — Бессчастный, а награждаю его богатством Марка Богатого, у которого мы ночуем». Анастасия все это слышала. Рассвело. Старички снарядились в дорогу и вышли из избы. Анастасия пришла к отцу и сказывает ему все, что в скотной видела и слышала.

Отец усумнился, как бы не сбылось сказанное, и захотел испытать, точно ли родился на селе младенец; велел запрячь карету и поехал туда; приехал прямо к священнику и спросил: «Родился ли у вас такого-то дня младенец?» — «Родился, — сказал священник, — у самого бедного крестьянина; я ему нарек имя Василий и прозвал Бессчастным, да еще не крестил, потому что к бедняку никто в кумовья нейдет». Марко вызвался быть крестным, попадью попросил быть кумою и велел изготовить богатый стол; принесли младенца, окрестили и пировали, как им было угодно. На другой день Марко Богатый призвал к себе бедняка-крестьянина, обласкал его и стал ему говорить: «Куманек! Ты человек бедный, воспитать сына не сможешь; отдай-ка мне его, я его выведу в люди, а тебе на прожитие дам тысячу рублей». Старик подумал-подумал и согласился. Марко наградил кума, взял ребенка, окутал его в лисьи шубы, положил в карету и поехал. Дело было зимою. Проехав несколько верст, Марко Богатый велел остановиться, отдал крестника своему приказчику и приказал: «Возьми его за ноги и выбрось в овраг!» Приказчик взял и бросил его в крутой овраг. А Марко сказал: «Вот там и владей моим имением!»

На третий день по той же дороге, где проехал Марко, случилось ехать купцам: везли они Марку Богатому двенадцать тысяч рублей долгу; поравнялись купцы против оврага, и послышался им детский плач. Остановились, стали вслушиваться и послали приказчика узнать, что там такое?

Приказчик сошел в овраг, видит там зеленый луг, а на том лугу сидит ребенок и играет цветами. Приказчик рассказал про все хозяину; хозяин вышел сам, взял ребенка, завернул в шубу, сел в повозку, и поехали. Приезжают к Марку Богатому. Вот Марко их и спрашивает, где они взяли этого ребенка. Купцы рассказали, и он тотчас догадался, что это Василий Бессчастный, его крестник; взял его на руки, подержал и отдал дочери: «Вот тебе, дочка, нянчай!» — а сам стал угощать купцов разными напитками и просит, чтоб они отдали ему мальчика. Купцы было не соглашались, да как Марко сказал: «Я вас прощаю всем долгом!», то отдали ему ребенка и уехали. Анастасия так была этому рада, что сейчас нашла люльку, повесила занавесы, и стала ухаживать за мальчиком, и не расставалась с ним ни день, ни ночь. Прошел день и другой; на третий Марко воротился домой попозже, когда Анастасия спала, взял младенца, посадил его в бочонок, засмолил и бросил с пристани в воду.

Бочонок плыл да плыл и приплыл к монастырю. На ту пору вышел монах за водою. Послышался ему детский крик; осмотрелся он и увидал бочонок; тотчас сел в лодку, поймал бочонок, разбил его, а в бочонке — дитя; взял его и принес в монастырь к игумну. Игумен назвал ребенка Васильем и прозвал Бессчастным; с тех пор Василий Бессчастный жил в монастыре шестнадцать лет и выучился грамоте — читать и писать. Игумен его полюбил и сделал ключарем.

Марку Богатому случилось ехать в иное государство за получением долгов — на годичное время, и заехал он по пути в монастырь. Здесь его встретили как человека богатого. Игумен велел ключарю идти в церковь; ключарь идет, зажигает свечи, поет и читает. Марко Богатый спрашивает игумна: «Давно ли он поступил к вам в монастырь?» Игумен рассказал все, как вынули его из бочонка и сколько тому лет назад. Марко рассчел и узнал, что это его крестник. Вот он и говорит игумну: «Как бы у меня был такой расторопный человек, как ваш ключарь, я бы сделал его главным приказчиком и всю казну поручил бы ему под смотренье; нельзя ли вам отдать его мне?» Игумен долго отговаривался. Марко посулил за него монастырю двадцать пять тысяч рублей. Игумен посоветовался с братией; удумали и согласились отпустить Василия Бессчастного.

Марко послал Василья домой и написал с ним к жене такое письмо: «Жена! Как получишь мое письмо, сейчас же отправься с этим посланным на мыльный завод и как пойдешь возле большого кипучего котла, толкни его туда; да непременно исполни! А не исполнишь, я на тебе взыщу строго: этот малый — мне злодей!» Василий получил письмо и пошел путем-дорогою; попадается ему навстречу старичок и сказал: «Куда ты, Василий Бессчастный, идешь?» Василий сказал: «В дом Марка Богатого к жене с письмом».— «Покажи письмо». Василий вынул письмо и дал старичку; старичок сломил печать, дал Василью прочитать. Василий прочитал и прослезился: «Что я этому человеку сделал, что послал меня на погубление!» Старичок ему сказал: «Не печалься, бог тебя не оставит!», дунул на письмо, печать и письмо сделались такие ж, как и были. «Ступай теперь и отдай письмо жене Марка Богатого».

Василий пришел в дом Марка Богатого, отдал письмо его жене. Жена

прочитала, задумалась, позвала свою дочь Анастасию и прочитала ей отцово письмо, а в письме написано: «Жена! Как получишь мое письмо, на другой же день обвенчай Анастасию с этим посланным; да непременно исполни! А не исполнишь, будешь мне отвечать». У богатых людей не пиво варить, не вино курить — все готово, веселым пирком, да и за свадебку. Василья нарядили в хорошее платье, показали Анастасии, и Василий ей полюбился. Вот и обвенчали их.

В один день жене Марка Богатого повестили, что прибыл к пристани ее муж, и она с зятем и дочерью отправилась встречать его. Марко увидел зятя, рассердился и говорит своей жене: «Как ты осмелилась обвенчать с ним дочь нашу?» — «По твоему приказанию»,— отвечала жена. Марко спросил свое письмо, прочитал и уверился, что точно он сам то написал.

Пожил Марко с зятем месяц, другой и третий; в один день позвал он зятя к себе и говорит ему: «Вот тебе письмо, иди с ним за тридевять земель, в тридесятое государство, к другу моему царю Змию, получи от него дань за двенадцать лет за то, что построил он дворец на моей земле, и узнай там о двенадцати моих кораблях, что пропадают целые три года. Завтра же поутру отправляйся!» Василий взял письмо, пошел к жене своей и рассказал все, что ему Марко приказывал. Анастасия горько заплакала, а упрашивать отца не посмела.

Василий поутру рано, помолясь богу, взял с собой в котомочку сухариков и пошел. Шел он путем-дорогою, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, только слышит в стороне голос: «Василий Бессчастный, куда ты идешь?» Он оглядывается на все стороны и говорит: «Кто меня кличет?» — «Я — дуб, тебя спрашиваю, куда ты идешь?» — «Я иду к царю Змию за двенадцать лет взять с него дань». Дуб сказал: «Как будешь во времени — обо мне вспомни: что стоит дуб триста лет, долго ли еще ему стоять?» Василий выслушал и отправился в путь-дорогу. Пришел Василий к реке, на которой перевозит перевозчик. Василий сел на паром, перевозчик его спрашивает: «Куда ты, мой друг, идешь?» Василий ему отвечал то же, что и дубу. И перевозчик просит его напомянуть царю, что перевозит он тридцать лет; долго ли еще ему перевозить? «Хорошо,— сказал Василий,— скажу!» — и пошел. Приходит к морю, через море лежит кит-рыба, по ней идут и едут. Как пошел по ней Василий, кит-рыба заговорила: «Василий Бессчастный, куда ты идешь?» Василий сказал ей то же, что и перевозчику, и кит его просит: «Когда будешь во времени, обо мне вспомяни: что лежит кит-рыба через море, конные и пешие пробили у нее тело до ребер; долго ли ей еще лежать?»

Василий обещался и пошел. Приходит он на зеленый луг; на лугу стоит большой дворец. Василий взошел во дворец, ходит по комнатам; комната комнаты лучше убрана. Приходит он в последнюю и видит: на постели сидит девица-красавица и горько плачет. Как увидала Василья, встала она, подошла к нему и спрашивает: «Что ты за человек и как зашел в этакое проклятое место?» Василий показал ей письмо и сказал, что Марко Богатый велел взять с царя Змия дань за двенадцать лет. Девица бросила письмо в печь, а Василью сказала: «Ты не за данью

сюда прислан, а Змию на съедение. Да какими путями ты шел? Не случилось ли тебе дорогою что видеть и слышать?» Василий рассказал ей про дуб, перевозчика и кит-рыбу. Только успели они переговорить, затряслась земля и дворец; девица тотчас заперла Василья в сундук под кроватью и сказала ему: «Слушай же, что мы с Змием будем говорить».

А сама стала встречать Змия. Как взошел он в комнату, сказал: «Что здесь русским духом пахнет?» Девица отвечала: «Как сюда может зайти русский дух? Ты по Руси летал, русского духу наймался!» [1] Змий сказал: «Я сильно устал, поищи-ка у меня в голове!» — и лег на постелю. Девица сказала ему: «Царь, какой я без тебя сон видела! Будто я иду по дороге, кричит мне дуб: «Скажи царю-та, долго ли мне еще стоять?» — «Ему стоять до тех пор,— сказал царь,— как подойдет к нему кто да толкнет его ногою, тогда он выворотится с корнем и упадет, а под ним злата и серебра многое множество — столько нет у Марка Богатого!» — «А еще пришла я к реке, на которой перевозит перевозчик; он спрашивал, долго ли ему перевозить?» — «Пусть он первого, кто придет к нему, посадит на паром и толкнет паром от берегу — тот и будет вечно перевозить, а он пойдет домой».— «Еще будто я шла по морю через кит-рыбу, и она мне говорила, долго ли ей лежать?» — «Ей лежать до тех пор, покуда вырыгнет двенадцать кораблей Марка Богатого: тогда пойдет в воду, и тело ее нарастет». Сказал царь Змий и заснул крепким сном.

Девица выпустила из сундука Василья Бессчастного и дала ему наставление: «По эту сторону кит-рыбе не сказывай, чтобы она вырыгнула двенадцать кораблей Марка Богатого, а перейди на ту сторону и скажи. Равно́ придешь к перевозчику, на этой стороне не говори ему того, что слышал; а к дубу придешь — толкни его ногою на восход, и тут увидишь несчетное богатство». Василий Бессчастный поблагодарил девицу и пошел.

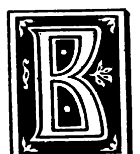
Приходит к киту-рыбе; она его спрашивает: «Говорил ли обо мне?» — «Говорил; вот перейду и скажу». Как перешел, и сказал: «Вырыгни двенадцать кораблей Марка Богатого». Кит-рыба рыгнула, и корабли пошли на парусах — ни в чем невредимы; а Василий Бессчастный очутился от того в воде по колена. Пришел Василий к перевозчику. Перевозчик спрашивает: «Говорил ли царю Змию обо мне?» — «Говорил,— сказал ему Василий.— Наперед перевези меня». Как переехал на другой берег, и сказал перевозчику: «Кто к тебе придет первый, посади его на паром и толкни паром от берегу; тот вечно и будет перевозить, а ты отправляйся в свой дом». Пришел Василий Бессчастный к дубу, толкнул его ногою, дуб свалился; под ним злата и серебра и каменья драгоценного что ни есть числа! Оглянулся Василий назад, видит — плывут прямо к берегу двенадцать кораблей, что вырыгнула кит-рыба. Кораблями управляет тот самый старичок, что попался Василью навстречу, когда он шел к жене Марка Богатого с письмом. Старичок сказал Василью: «Вот, Василий, чем тебя господь благословил!», а сам сошел с корабля и пошел своей дорогою.

[1] Набрался.

Матросы переносили злато и серебро на корабли и как совсем исправились — пустились в путь, а с ними и Василий Бессчастный. Дали знать Марку Богатому, что плывет его зять с двенадцатью кораблями и что наградил его царь Змий несчетным богатством.

Марко рассердился, что не сбылось по его желанию, велел запрячь повозку и поехал сам к царю Змию попенять ему. Приехал к перевозчику, сел на паром; перевозчик отпихнул паром — и Марко остался вечно перевозить. А Василий Бессчастный прибыл к жене и теще, стал жить да поживать да добра наживать, бедным помогать, нищих награждать, поить и кормить, и завладел всем имением Марка Богатого.

306

ишь, где-то и когда-то жил богатый Марко; на свету божьевом 173b
не было такого! Все его знали. Он, вишь, был заводчик, что чугуны-то делает. Только господь не даровал ему сыновей, а была лишь одна дочь. Вишь, бог-то не равняет нас — кому даст, а кому нет. Ездил этот Марко Богатый куда-то. Застигла его ночь, а ночью, вестимо, куда ехать? — и завернул он к мужику обночевать. Только у того мужика и случись родина: бог дал ему сына. Мужик очинно возрадовался и учал выпрашивать господа: «Господи! Какое имя будет сыну и какое счастье?» — «Имя ему Андрей,— сгуторил ангел небесный,— а счастье ему — Маркино!» Марко Богатый слушал это под окном и взъелся злобою, что другому дается его талан. Как подслушал, и учал проситься ночевать. Для радости отчего ж и не пустить? Пустили, он увидал того мальчика, что родился, и стал гуторить: «Продай мне! Я вот такой-то, детей у меня нетути, а дам тебе денег много». Мужик-то был бедный, покалякал-покалякал, и сладили.

Рано на другой день Марко запряг лошадей, взял с собой купленного мальчика и пошел. Выехал он в поле — а была зима — и бросил младенца в снег. Андрюша погиб бы, да, спасибо, ехал тут барин и усмотрел его; взял, отдал кормить,— вот Андрюша и взрос. Барин наставил его в лакеи, и он служил верой-правдой ему. Марко Богатый не знал об этом, думал, что Андрей сгиб. Случись ему заехать к барину, кой вскормил Андрея-то. А обычай у помещиков знамо какой — приказывать. Вот и стал он гуторить: «Андрей! Подай того-сего и энтого!» Андрей служит очинно прекрасно. Марко Богатый и ну спрашивать барина: «Где взял ты такого слугу?» Он и рассказал ему про все, что было. Марко Богатый взял себе это в темя [1] и опять взъелся злобою на Андрея. «Продай его мне, — бает он,— вот тебе десять тысяч рублей». Помещик продал и деньги взял.

Марко Богатый написал писульку и дает Андрею: «На, ступай ко мне домой и дожидайся меня; я скоро буду». А в писульке-то и пишет: «Убейте сего человека до моего приезда». Андрей идет, сам не зная, что несет в грамотке. Вдруг на пути с ним и повстречайся один святой отец,— а его бог послал,— возьми у Андрея ту грамотку, а другую, писанную под

[1] На ум.

Маркину руку, и отдай ему. В этой же написано было: «Любезная моя супружница! Отдай любезную нашу дочь за сего купленного человека и сотвори свадьбу до моего приезда». Андрей приходит в дом и отдает писульку. Все дивуются, а делать нечего — честным пирком да за свадебку. После сего прибыл Марко Богатый, узнал об этом, так его и ошпетило [2], а делать нечего: бог повенчает, человек не развенчает. Марко же пуще серчает: а враг [3] тут и был и учал вещать ему: «Дай денег работникам, они его улилёкают [4]».

Вот Марко и приказывает ребятам: «Лишь выйдет Андрей смекать [5] за вами, прямо его барахтай в жар; вот вам за это!» Работники взяли деньги и заварнакали [6]: «Ну что ж, малый, угодим!» На другой день встал рано Андрей и убирается посмотреть на заводе; а жена его, дочь-то Маркина, и ну умолять: «Верный мой! Не ходи туда; худо тебе будет; что-то мне снилось нехорошее». Андрей послушался и не пошел; а Марко чуть свет взбузыкался [7] на завод, думает, что его зять изжарен. Хорошо. Лишь приходит туда, а ребята давно ждут Андрея на пагубу; вдруг его и сцылипляли [8]. «Стой, малый! Вот он!» — загорланили. Марко рвется: «Батюшки, это я, ваш старый хозяин!» А они не слушают его голоса и прямо бултых в жар! Там ему и быть; такая и дорога! Священное писание прямо гуторит: не рой яму другому, а то сам там будешь. Что же после? Андрею и досталось все Маркино наследие, и вестимою учинилась вестка ангела небесного: «А счастье ему — Маркино!»

307

обрый мо́лодец поступил на службу к царю и заслужил его любовь; товарищи ему позавидовали и обнесли перед царем: «Он-де похваляется узнать, отчего красное солнышко трое суток не светит». Призывает мо́лодца царь: «Что ж ты,— говорит,— другим хвастаешься, а мне ничего не скажешь!» Отвечает добрый мо́лодец: «Знать ничего не знаю, ведать не ведаю!» — «Нет, брат! У меня коли похвалился, так и дело сделай; сейчас же отправляйся и узнай, отчего красное солнышко трое суток не светит?» *173, прим.*

Оседлал добрый мо́лодец коня, сел и поехал. Ехал-ехал и добрался до широкого моря; через море лежит щука-рыба великая, и ездят по ней конные, и ходят по ней пешие — испробили ей тело до самых костей. Говорит ему щука: «Едешь ты к красному солнышку; спроси у него, долго ль мне этак мучиться?»— «Хорошо, спрошу». Переехал по щуке через море широкое и видит — стоит в поле дом, а в нем шум, крик и драка. Кричат ему оттудова: «Ты едешь к красному солнышку; спроси у него, долго ли нам так мучиться?» Едет он дальше — стоит на дороге

[2] Ошеломило.
[3] Черт.
[4] Убьют.
[5] Наблюдать.
[6] *Варнакать*—врать; болтать.
[7] Бросился.
[8] Схватили.

мужик, весь запачканный, дует на него ветер и несет ему и в рот и в нос страшную пыль. После того увидал добрый мо́лодец двух баб — стоят на дороге да друг дружку водой поливают; а еще проехал — увидал, как две большие коровы мужика на рогах носят; и все-то его просят: «Ты едешь к красному солнышку; спроси у него, долго ль нам мучиться?»

Вот приехал добрый мо́лодец к красному солнышку и начал его выспрашивать. «Скажи,— говорит,— отчего ты, красное солнышко, трое суток не светило?» — «Оттого, что все это времечко спорило я с Еленою Прекрасною — кто из нас красотой выше».— «Как ехал я к тебе, красное солнышко, видел на пути двух больших коров — бегают они по́ полю да мужика на рогах носят; будет ли ему прощение?» — «Нет ему прощения; как жил он на том свете да был пастухом, он за стадами не смотрел, на хорошую траву коров не гонял; вот за то теперь и мучается».— «Видел я еще мужика, весь в пыли стоит; будет ли ему прощение?» — «Нет ему прощения; зачем он свою избу затыкал крепко-накрепко, чтоб ни ветер туда не дул, ни солнышко не пекло?» — «Видел я еще двух баб — стоят на дороге да поливают друг дружку водою».— «Это за то, что они постояльцев пущали, им молоко продавали да в то молоко воды подливали; не видал ли еще чего?» — «Видел я дом, а в доме шум, крик и драка; велено у тебя спросить: долго ли так мучиться?» — «Это за то,— сказало красное солнышко,— что люди эти ели по постам скоромное, дрались, и бранились, и блуд творили; не будет им от меня прощения!» — «Да, ехал я еще через море, и наказывала мне щука-рыба великая спросить у тебя: долго ли ей мучиться?» — «Она проглотила три корабля с товарами; когда отпустит их, тогда и прощенье ей будет». Воротился добрый мо́лодец к царю и привел с собой три корабля. Царь полюбил его больше прежнего.

308—309. ИСТОРИЯ О СЛАВНОМ И ХРАБРОМ БОГАТЫРЕ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ И О СОЛОВЬЕ-РАЗБОЙНИКЕ

308

В славном было городе Муроме, в селе Карачарове — жил 174а
крестьянин Иван Тимофеевич. У него было любимое детище Илья Муромец; сидел он сиднем тридцать лет, и как минуло тридцать лет, то стал он ходить на ногах крепко, и ощутил в себе силу великую, и сделал себе сбрую ратную и копье булатное, и оседлал коня доброго, богатырского. Приходит к отцу и матери и стал у них просить благословения: «Государи мои, батюшка и матушка! Отпустите меня в славный город Киев богу помолиться, а князю киевскому поклонить-

ся». Отец и мать его дают ему благословение, кладут на него заклятие великое и говорят такие речи: «Поезжай ты прямо на Киев-град, прямо на Чернигов-град, и на пути своем не делай никакой обиды, не проливай напрасно крови христианской». Илья Муромец принял у отца и матери благословение, богу молится, с отцом и с матерью прощается, и поехал в путь свой.

И так далеко заехал во темны леса, что наехал на таборы разбойничьи; и те разбойники увидели Илью Муромца, и разгорелись у них сердца разбойнические на коня богатырского, и стали между себя разговаривать, чтобы лошадь отнять, что такой лошади ни в которых местах не видывали, а ныне едет на таком добром коне незнамо какой человек. И стали на Илью Муромца напущать человек по десяти и по двадцати; и стал Илья Муромец остановлять коня своего богатырского, и вынимает из колчана калену стрелу, и накладывает на тугой лук. Пустил он калену стрелу по-над землею, калена стрела стала рвать на косую сажéнь. И, видя то, разбойники испужались и собирались во един круг, пали на колени и стали говорить: «Государь ты наш батюшка, удал добрый мóлодец! Виноваты мы перед тобою, и за такую вину нашу бери казны, сколько надобно, и платья цветного, и табуны лошадей, сколько угодно». Илья, усмехнувшись, сказал: «Некуды мне девать!.. А если хотите живы быть, так вперед не отважьтесь!» — и поехал в путь свой к славному граду Киеву.

Подъезжает он ко граду Чернигову, и под тем градом Черниговом стоят войска басурманские, что и сметы[1] нет, и Чернигов-град осадили, и хотят его вырубить и божии церкви на дым пустить, а самого князя и воеводу черниговского живых в полон взять. И той великой силе Илья Муромец ужаснулся; однако положился на волю создателя своего господа бога и вздумал положить главу свою за веру христианскую. И стал Илья Муромец побивать силу басурманскую копием булатным, и всю силу поганую побил, и царевича басурманского в полон взял и ведет во град Чернигов. Встречают его из града Чернигова граждане с честию, идет сам князь и воевода черниговский, принимают доброго мóлодца с честию, благодарение господу богу воссылают, что господь прислал нечаянно граду очищение и не дал всем напрасно погибнути от такой силы басурманския; взяли его в палаты свои, и сотвориша великий пир, и отпустиша его в путь.

Илья Муромец поехал ко граду Киеву прямою дорогою от Чернигова, которую заложил Соловей-разбойник ровно тридцать лет, не пропущал ни конного, ни пешего, а убивал не оружием, но своим свистом разбойничьим. Выехал Илья Муромец в чисто поле и увидел попрыски[2] богатырские, и по них поехал, и приехал на те леса Брянские, на те грязи топучие, на те мосты калиновы и к той реке Смородинке. Соловей-разбойник послышал себе кончину и бессчастие великое и, не допуская Илью Муромца за двадцать верст, засвистал своим свистом разбойническим крепко; но богатырское сердце не устрашилось. И, не допуская еще за десять

[1] Счета, числа (*Ред.*).

[2] Следы [богатырского коня] (*Ред.*).

верст, засвистал он громче того, и с того свисту под Ильёю Муромцем конь спотыкнулся. Приехал Илья Муромец под самое гнездо, которое свито на двенадцати дубах; и Соловей-разбойник, на гнезде сидя, увидел святорусского богатыря, и засвистал во весь свист, и хотел Илью Муромца убить до смерти.

Илья Муромец снимает с себя тугой лук, накладывает калену стрелу и пускает на то гнездо Соловьиное, и попал ему в правый глаз и вышиб вон; Соловей-разбойник свалился с гнезда, что овсяный сноп. Илья Муромец берет Соловья-разбойника; привязал его крепко к стремени булатному и поехал к славному граду Киеву. На пути стоят палаты Соловья-разбойника, и как поравнялся Илья Муромец против палат разбойнических, у которых окна были растворены и в те окна смотрели разбойничьи три дочери,— увидела его меньшая дочь и закричала своим сестрам: «Вон наш батюшка едет с добычею и везет к нам мужика, привязанного у стремени булатного». А большая дочь посмотрела и горько заплакала: «Это не батюшка наш едет; это едет незнамо какой человек и везет нашего батюшку». И закричали они мужьям своим: «Мужья наши милые! Поезжайте к мужику навстречу и отбейте у него нашего батюшку, не кладите наш род в таком позоре».

Мужья их, сильные богатыри, поехали против святорусского богатыря; кони у них добрые, копья острые, и хотят они Илью на копьях поднять. И увидел Соловей-разбойник и стал говорить: «Зятья мои милые! Не позорьтесь вы и не дразните такого сильного богатыря, чтобы всем вам не принять от него смерти; лучше с покорностию попросите его в дом мой выпить чару зелена вина». По просьбе зятей поворотил Илья в дом, не ведая их злобы. Большая дочь подняла железную на цепях подворотню, чтоб его пришибить. Но Илья усмотрел ее на воротах, ударил копием и ушиб до смерти.

И как приехал Илья Муромец в Киев-град, въезжает прямо на княженецкий двор и входит в палаты белокаменные, богу молится и князю кланяется. Князь киевский спрашивает: «Скажи, добрый мо́лодец, как тебя зовут и из которого города ты уроженец?» Ответ держит Илья Муромец: «Меня, государь, зовут Ильюшкою, а по отечеству Иванов, уроженец города Мурома, села Карачарова». Князь спрашивает: «Которою дорогою ехал ты из Мурома?» — «На Чернигов-град, и под Черниговом побил войска басурманские, что и сметы нет, и очистил Чернигов-град; и оттуда поехал прямою дорогою, и взял сильного богатыря Соловья-разбойника, и привел его с собою у стремени булатного».

Князь, осердясь, сказал: «Что ты обманываешь!»

Как услышали это богатыри Алеша Попович и Добрыня Никитич, они бросились смотреть и, увидев, князя уверили, что справедливо так. И приказал князь поднести чару зелена вина доброму мо́лодцу. Захотелось князю разбойнического свисту послушать. Илья князя со княгинею обернул в шубу соболью и, поставя их под мышки, призвал Соловья и приказал в полсвиста засвистать соловьем. А Соловей-разбойник засвистал во весь разбойнический свист и оглушил богатырей так, что они упали на пол; и за то убил его Илья Муромец.

Илья Муромец назвался с Добрынею Никитичем братьями. И оседлали они своих добрых коней, и поехали в чистые поля гулять, и ездили ровно три месяца, не нашли себе супротивника. Только наехали в чистом поле: идет калечище[3] прохожий; гуня[4] на нем в пятьдесят пуд, шляпа в девять пуд, костыль в десять саже́н. Илья Муромец стал на него коня напущать и хочет отведать с ним своей силы богатырския. И увидал калечище прохожий Илью Муромца и говорит: «Ой ты еси, Илья Муромец! Помнишь ли, мы с тобою в одной школе грамоте учились, а ныне ты на меня, такого калику, напускаешь коня, как на некоего неприятеля; а того ты не ведаешь, что во славном городе Киеве великая невзгодушка учинилась: приехал неверный сильный богатырь Идолище нечестивый, голова у него с пивной котел, а в плечах сажень, промеж бровьми пядь, промеж ушей калена стрела, а ест он по быку, а пьет он по котлу; и князь киевский вельми о тебе соболезнует, что ты его в этакой печали оставил».

Нарядясь в калечищино платье, едет Илья Муромец прямо на княженецкий двор и закричал богатырским голосом: «Ой еси ты, князь киевский! Сошли мне, калечищу прохожему, милостыню». И увидел его князь и говорит такову речь: «Поди ко мне в палаты, калечище! Я тебя накормлю-напою и золотой казны на дорогу дам». И вошел калечище в палаты и стал у печи — поглядывает. Идолище просит есть. Принесли ему быка целого жареного, а он его и с костьми съел. Идолище просит пить. Принесли котел пива, а несли двадцать человек; и он взял его за уши и выпил весь. Илья Муромец говорит: «Была у моего батюшки кобыла обжорлива, обожралась и издохла!» Идолище не утерпел и говорит: «Ой еси ты, калечище прохожий! Что ты меня замаешь[5]? Мне тебя нечего и в руки взять! Не то что ты,— каков был у вас Илья Муромец, я бы и с тем стычку дал».— «Да вот каков он!» — сказал Илья Муромец, и схватил с себя шляпу, и ударил его в голову тихонько — только прошиб стену палат, и взял туловище (Идолищино) — туда ж выкинул. И за то князь Илью Муромца почтил великими похвалами и причел в сильные, могучие богатыри.

309

Во славном граде Муроме слушал Илья Муромец заутреню вос- 174b
кресную, поход держал ко граду Киеву, ко славному князю Владимиру Всеславьевичу, а завет положил, чтоб отнюдь во всю широкую дорогу острой сабли из ножен не вынимать, а на крепкий лук тетивы не накладывать.

И тако поехал Илья Муромец тою дорогою. Как будет он под градом Себежем, и там стоят три царевича заморские, а силы с ними триста тысяч, и хотят они Себеж-град за щитом взять, а самого царя себежского в полон взять.

[3] *Калика* — нищий, просящий милостыню пением псалмов и духовных песен.

[4] *Гуня* — худая одежда, рубище; поддевка, иногда рубашка.

[5] *Замать* — трогать.

И тако поехал Илья Муромец в сугонь[1] за тремя царевичами, и нагнал их у морской пристани, и достальных людей побил, а трех царевичей в полон взял, и возвратился во град Себеж. И увидели его граждане и возвестили о нем царю себежскому.

И потом себежский царь приказал отворять врата градские и принимать Илью Муромца за руки белые, а сам говорит: «Гой еси ты, добрый молодец, как твое имя и коего ты граду?» Отвещает Илья Муромец: «Зовут меня Ильею, по отечеству Иванов сын, уроженец града Мурома». Потом рече себежский царь: «Откуда твоя дорога лучилась[2]?» Отвещает Илья Муромец: «Еду я на мосты калиновы». А Илья Муромец спрашивает у него дороги ко граду Киеву. И рече ему себежский царь: «Прямая у нас дорога лежит на мосты калиновы; только та у нас дорога залегла давно: тридцать лет от Соловья никакой человек не прохаживал и птица никакая не пролетала».

И тут поехал Илья Муромец тою дорогою. Как будет он на мосту калиновом, и там увидел его Соловей и засвистал своим посвистом. В то время под Ильею Муромцем добрый его конь спотыкнулся. И вынул Илья Муромец свой крепкий лук, и наложил калену стрелу, и попал Соловью в правый глаз; в то время упал Соловей с девяти дубов, что овсяный сноп. А Илья Муромец слез с своего доброго коня и хочет ретиво сердце вынуть. И возмолится ему Соловей: «Гой еси ты, добрый мóлодец! Оставь душу мою хотя на покаяние!» И говорит ему Илья Муромец: «Где твоя лежит злата казна?» Отвещает Соловей: «Лежит моя злата казна в моих селах Кутузовых, а гонцы гоняют (туда) по два месяца, а скоро-наскоро месяц».

И тут поехал Илья Муромец тою дорогою. Как будет он под селом Кутузовом, и увидели Соловья его двенадцать сынов, и надевают на себя сбрую богатырскую, и хотят с Ильей Муромцем битися. И говорит Соловей: «Светы мои дети малые! Зовите вы его за столы дубовые, а подносите ему меду сладкого...»

(*В рукописи пропуск.*)

...Потом вшел Илья Муромец в ту палату каменную ко князю Владимиру, и молится он чудным образам и князю Владимиру поклоняется, а после на все четыре стороны. И в то время у князя Владимира было пированье великое. Потом князь Владимир принимает Илью Муромца за руки белые, а сам говорит: «Гой еси ты, добрый мóлодец! Как твое имя и коего ты граду?» Отвещает Илья Муромец: «Зовут меня Ильею, по отечеству Иванов сын, уроженец града Мурома». Потом рече князь Владимир: «Когда ты, Илья Муромец, выехал из Мурома?» Отвещает Илья Муромец: «Поехал я из града Мурома, слушавши заутреню воскресную; как я будучи под градом Себежем, и там стоят три царевича заморские, а силы с ними триста тысяч, и хотели они Себеж-град за щитом взять, а самого царя себежского в полон взять. Вторая причина: как я будучи

[1] Погоня.
[2] *Лучилась* — случилась, приключилась (*Ред.*).

на мосту калиновом, и там увидел (меня) Соловей и засвистал своим посвистом; в то время подо мною конь спотыкнулся. И я его из лука попал в правый глаз и привел его с собою, и теперь он стоит у моего доброго коня». И выглянул Илья Муромец во оконце и велел Соловью засвистать. И Соловей стал свистать; в то время у князя Владимира кресла подломилися, и у палаты своды потряслися, и все богатыри на землю попадали, а ветхие хоромы и совсем повалились. И князь Владимир стал весел и говорит ему: «Послужи ты мне, Илья Муромец, верою и правдою и покажи свою силу богатырскую!»

310. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ЗМЕЙ

е в котором царстве, не в котором государстве жил-был му- 175
жичок и с хозяюшкою. Живет он богатой рукой, всего у него довольно, капитал хороший имеет. И говорят они промеж собой, сидя с хозяйкою: «Вот, хозяйка, довольно всего у нас, только у нас детей нету; станем просить бога, авось господь нам создаст детище хотя бы напоследях, при старости». Стали просить бога, и забрюхатела она, и время пришло — родила детище. Прошел год, и два, и три года прошли, ноги у него не ходят, а должно б ему ходить; восемнадцать годов прошло — все без ног сидит.

Вот пошел отец с матерью на покос убирать сено, и остался сын один. Приходит к нему нищенский братия и просит у него милостыньку: «Хозяинушка! Сотвори старичку господню милостыньку Христа ради!» Вот он ему и говорит: «Старичок господень, не могу я тебе подать милостыньку: я без ног». Вошел старичок в избу. «Ну-тка,— говорит,— встань-ка с постели, дай мне ковшичек». Вот, взявши, дал ему ковшичек. «Поди,— говорит,— принеси мне водицы». Принес ему воды и подает в ручки: «Извольте, старичок господень!» Вот он ему назад и отдает. «Выпей,— говорит,— в ковше всеё воду». Опять посылает он его за водою: «Опять сходи, принеси другой ковшик воды». Шедши он за водою за которое дерево ни ухватится — из корню выдернет. Старичок господень и спрашивает у него: «Слышишь ли теперь в себе силу?» — «Слышу, старичок господень! Сила теперь во мне есть большая: кабы утвердить в подвселенную такое кольцо, я бы смог поворотить подвселенную». Как принес он другой ковшик, старичок господень выпил полковша, а другую половину дал ему выпить: силы у него и поубавилось. «Будет,— говорит он,— с тебя и этой силы!» Помолился старичок господень богу и пошел домой. «Оставайся,— говорит,— с богом!»

Скучно ему лежать, и пошел он копать в лес, свою силу пробовать. И ужахнулся народ, чтó он сделал, сколько лесу накопал! Вот идет и отец

с матерью с покосу. Что это такое? Лес весь вырыт; кто такой вырыл? Подходят ближе. Жена и говорит своему мужу: «Хозяин, ведь это наш Илюшенька роет!» — «Дура,— говорит он,— не может наш Илюшенька это сделать; пустяки, что это наш Илюшенька!» И подошли к нему: «Ах, батюшка ты наш, как тебе господь создал это?» Вот и говорит Илья: «Пришел ко мне старичок господень, милостыньку просить стал; я ему и отвечаю: «Старичок господень, не могу я тебе милостыньку подать: я без ног». Вот он ко мне и пришел в избу: «Ну-тка, говорит, встань-ка с постели, дай мне ковшичек!» Встал я и дал ему ковшичек. «Поди, говорит, принеси мне водицы». Принес ему воды и подал в ручки. «Выпей,— говорит старичок,— в ковше всеё воду!» Выпил — и стала во мне сила великая!»

Вот сходятся мужики на улицу, говорят промеж собою: «Вона какой он стал сильный, могучий богатырь! — называют этак мужики Илью.— Вишь он наделал какую ко́пать! Надобно,— говорят,— в городе объявить про него». Вот узнал об нем и государь, что есть такой сильный, могучий богатырь; призвал его к себе, и показался[1] он государю, и нарядил его государь в платье, како следует. И показался он всем и служить стал хорошо. Вот и говорит государь: «Сильный, могучий ты богатырь! Подымешь ли мой дворец по́д угол?» — «Извольте, ваше царское величество! Хошь набок, как угодно подыму его». Вот у царя дочь прекрасная, красавица такая, что не можно вздумать, ни взгадать, ни в бумаге пером написать. И показалась она ему очненно, и хочет с ней обвенчаться.

Вот как-то государь и поехал в друго государство к королю к другому. Приезжает к другому королю, а у другого короля тоже весьма хороша дочь, и повадился к ней змей летать об двенадцати голов, всеё ее иссушил: совсем извелась! Вот государь и говорит этому королю: «У меня есть такой сильный, могучий богатырь, он убьет змея об двенадцати голов». Король и просит: «Пожалуйте — ко мне его пришлите». Вот как приехал он в свое государство и разговаривает с своей государыней: «У этакого-то короля повадился змей об двенадцати глав летать к дочери, всеё ее извел, иссосал». И говорит: «Илья Иванович! Не можешь ли ты послужить, его убить?» — «Извольте, ваше царское величество, могу; я его убью».

Вот государь и говорит: «На почте поедешь и трахтами пойдешь, так и так-то возьмешь».— «Я верхом один поеду, пожалуйте мне жеребца».— «Войди в конюшню,— говорит ему государь,— выбирай любого». А дочь просит его в другой комнате: «Не ездите, Илья Иванович; вас убьет змей об двенадцати головах, не сможете с ним сладить». Он и говорит: «Извольте оставаться и ничего не думать; я приеду в сохранности и в добром здоровье». Пошел в конюшню жеребца себе выбирать; пришел к жеребцу к первому, наложил на жеребца руку, тот спотыкнулся; перепробовал всех жеребцов в конюшне: на которого ни наложит руку — всякий спотыкается, ни один не удержит. Пришел к самому последнему жеребцу — так, в забросе стоял,— ударил его по спине рукой; он только заржал.

[1] Понравился, полюбился.

И говорит Илья: «Вот мой верный слуга, не спотыкнулся!» Приходит к государю: «Выбрал, ваше царское величество, себе жеребца, слугу верного». Отпущают его с молебном, со добрыми порядками.

Сел на доброго коня, ехал долго ли, мало ли, подъезжает к горе: прекрутая, большая гора, и на ней все песок; насилу въехал. На горе стоит столб, на столбе подписано три дороги: по одной дороге ехать — сам сыт будешь, конь голоден; по другой дороге ехать — конь сыт, сам голоден; по третьей дороге ехать — самого убьют. Вот он взял да и поехал по этой дороге, по которой самого убьют; а он на себя надеялся. Долго ли, мало ли ехал лесами дремучими: не можно взглянуть — такой лес! А тут сделалась в лесу елань[2] такая широкая, а на ней стоит избушка. Подъезжает он к избушке и говорит: «Избушка, избушка! Стань к лесу задом, ко мне передом». Избушка поворотилася, стала к лесу задом, к нему передом. Слезает он с доброго коня и привязывает его к столбу. И услышала это баба-яга и говорит: «Кто такой невежа приехал? Русского духу и дед мой и прадед не слыхали, а таперьча и сама русский дух хочу очьми видеть».

Вот, взявши, ударила она жезлом по двери, и дверь отворилась. А у ней в руках коса кривая, и хочет она ею взять богатыря за шею и срезать ему голову. «Постой, баба-яга! — говорит он.— Я с тобой поправлюсь». Взял у ней выдернул косу эту из рук, схватил ее за волосы, ударил ее и говорит: «Ты бы прежде спросила, какой я фамилии, какого роду и какого поведения и куды еду». Вот она и спрашивает: «Какой вы фамилии, какого роду и куда едете?» — «Меня зовут Илья Иванович, а еду туда-то».— «Пожалуйте,— говорит,— Илья Иванович, ко мне в горницу». Вот он и пошел к ней в горницу; она сажает его за стол, ставит на стол кушанья и напитки всякие и потчевает, а девушку послала баньку топить для него. Вот покушал он и выпарился, перестоял у нее сутки и собирается опять в путь-дорогу, куда надлежит. «Извольте,— говорит баба-яга,— я напишу письмо к сестрице, чтоб она вас не тронула, а приняла бы с честью с хорошею... А то она вас убьет, как завидит!» Отдает ему письмо и провожает его с честью доброю, хорошею.

Вот садится богатырь на доброго коня и поехал лесами дремучими; ехал много ли, мало ли: не можно взглянуть — такой лес! И приезжает на елань — такая широкая елань, а на ней стоит избушка наслана. Подъезжает он к избушке, и слезает с добра коня, и привязывает своего добра коня к столбу. Услышала это баба-яга, что он привязывает к столбу коня, и закричала: «Что такое? Русского духу и дед мой и прадед не слыхали, а таперьча и сама русский дух очьми хочу видеть». Вот она ударила жезлом по двери; дверь отворилася. И хватает она его саблею по шее; он и говорит: «Ты не моги со мною барахтаться! Вот тебе письмо сестрица прислала». Она прочитала и принимает его с честью к себе в дом: «Пожалуйте ко мне в гости!» Идет Илья Иванович. Она сажает его за стол и становит на стол кушанья всякие, напитки и наедки[3], потчевает, а сама

[2] Поляна в лесу.
[3] Сласти.

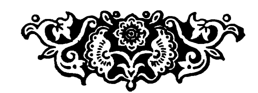
послала девушку топить для него баньку. Покушавши, пошел выпарился в бане. Двое суток он у ней перестоял, сам отдохнул, и добрый конь его отдохнул. Стал на добра коня садиться, и провожает она его с честью. «Ну, Илья Иванович,— говорит,— таперьча тебе не проехать; тут Соловей-разбойник ждет, на семи дубах у него гнездо свито, он не допустит на тридесять верст — свистом оглушит!»

Вот он ехал долго ли, мало ли, подъезжает к тому месту, что послышал свист от Соловья-разбойника, и как до половины дороги доехал, конь его спотыкнулся. Вот он и говорит: «Не спотыкайся, добрый конь, уж послужи мне». Подъезжает к Соловью-разбойнику, он все свищет. Подъехавши к гнезду, взял стрелу, натянул и пустил в него — и упал Соловей с гнезда. Вот он его на земле и ударил однова́[4], чтобы не до смерти убить, и посадил к себе в корока[5] на седло, и едет к дворцу. Видят его из дворца и говорят: «Соловей-разбойник везет кого-то в короках!» Подъезжает богатырь ко дворцу и подает бумагу. Подали королю от него бумагу; тот прочитал и приказал его впустить. Вот и говорит король Илье Ивановичу: «Велите Соловью-разбойнику засвистать». А Соловей-разбойник говорит: «Вы бы накормили и напоили Соловья-разбойничка: у меня уста запеклися». Вот и принесли ему винца, а он говорит: «Что мне штофик! Вы бы бочоночек принесли мне порядочный». Принесли ему бочонок вина, вылили в ведро. Он выпил зараз и говорит: «Еще бы Соловью-разбойничку две ведерочки, так выпил бы!» — да уж не дали ему. И просит король: «Ну, прикажи,— говорит,— ему засвистать». Илья велел ему засвистать, а короля и всю его фамилию[6] поставил к себе под руки, под мышки: «А то, — говорит, — он оглушит вас!» Как засвистал Соловей-разбойник, насилу остановил его Илья Иванович, ударил его жезлом — он и перестал свистать, а то было попадали все!

Вот и говорит король Илье Ивановичу: «Послужишь ты мне вот этакую службу, как я стану тебя просить? К моей дочери вот летает змей о двенадцати голов; как бы его убить?» — «Извольте, ваше королевское величество! Что для вас угодно — все сделаю».— «Пожалуйста, Илья Иванович; вот в таком-то часу прилетит змей к моей дочери, так постарайся!» — «Извольте, ваше королевское величество!..» Лежит королевна в своей комнате; в двенадцать часов и летит к ней змей. Вот и стали они драться: как ни ударит Илья, так с змея голова долой; как ни ударит, голова долой! Дрались много ли, мало ли время, осталась одна голова; и последнюю голову с него сшиб: ударил жезлом и расшиб ее всю. Радехонька же королевна встала, пришла к нему и его благодарила; доложила отцу с матерью, что убит змей: все-де головы посбивал! Король и говорит: «Благодарю тебя; изволь послужить сколько-нибудь у меня».— «Нет,— говорит,— я поеду в свое государство». Отпустил его король от себя с честью хорошею. Вот он и поехал опять тою же дорогою. Как приехал к первой бабе-яге ночевать, приняла она его с честию; и к другой

[4] Один раз.
[5] *Торока* — мешок, сума за седлом.
[6] Семью.

приехал, и та приняла его с честью со всякою. Приехал в свое государство и подал государю от того короля бумагу. И государь принял его с честию, а дочь государева насилу дождалася: «Ну, тятенька, извольте, я за него замуж пойду». Отец с ней воли не снял: «Ну, коли угодно, так поди!» Обвенчалися и таперьча живут.

311. ВАСИЛИЙ БУСЛАВИЧ

Жил-был Буслав девяносто годов, живучи Буслав переставился[1]. Остается его любима молода жена Ванилфа Тимофеевна, остается у нее млад сын Василий Буславич. И стал этот сын Василий Буславич с малыми ребятками поигрывати: у кого руку оторвет, у кого голову роско́лет. Отдала Ванилфа Тимофеевна своего сына любимого старику Угрумищу учить — во ли́сты писать; а выучился Василий Буславич не во ли́сты писать, а выучился соколом летать. Вот однажды у старика Угрумища сделались пир и беседа; он не позвал на него своего любимца Василья Буславича. 176

Пришел сам Василий Буславич на пир на беседу, из переднего угла гостей повыхватал, со скамеечки повыдергал, проводил на новы сени черным вязом. Старша́ Угрумища осерчал на него, на своего любимца, и сказал ему: «Ты не секчи́, молодой сектун! Тебе не выпить из Оби воды, не выбить из граду людей; выпьешь из Оби воду, выбьешь из граду людей — вот тебе пятьсот рублей!» Пришел наш Василий Буславич домой к своей матери и говорит: «Ах, матушка родимая! Я в молодых летах расхвастался, с старшо́м Угрумищей рассорился». Мать взяла его пьяного напоила и в темную темницу заложила.

Вот народ собрался с ним воевать, а он в темнице спит да спит, ничего не знат. Женщина по воду ходила и ему в окошко закричала: «Что,— говорит,— Василий Буславич, спишь, ничего не знашь; я,— говорит,— по воду ходила, сколько людей коромыслом прибила!» Василий Буславич, услыхав эти слова, вышиб каменную стену у темницы и пошел народ-силу бить. Старша́ Угрумища и возмо́лился ему: «Гой ли ты, Василий Буславич! Уходи,— говорит,— свое сердце ретивое, утоли плеча богатырские: я тебе пятьсот сулил, а теперь отдам всю тысячу!» Вот Василий Буславич смиловался и пошел к своей матери: «Ах,— говорит,— матушка родимая! Я сегодня много крови пролил, много народу побил!»

Вот мать на него осерчала, сделала ему корабль, набрала людей и отправила по́ морю; сказала ему, чтоб ехал он куды хочет и рукой вслед махнула. Василий Буславич приплыл на зеленые луга. Тут лежит морская

[1] Т. е. преставился, умер.

пучина — вокруго́м глаза. Он вокруг нее похаживает, сапожком ее попинывает, а она ему и говорит: «Василий Буславич! Не пинай меня, и сам тут будешь». Вот после этого рабочие его расшутились меж собой и стали скакать через морскую пучину. Все перескочили, а он скакнул напоследке и задел ее только пальцем правой ноги, да тут и помер.

312. АЛЕША ПОПОВИЧ

а небесах зародился млад-светел месяц, на земле-то у старо- 177
го соборного у Леонтья-попа зародился сын — могучий богатырь; а имя нарекли ему млад Алеша Попович — имечко хорошенькое. Стали Алешу кормить-поить: у кого недельный, он денной такой; у новы́х [1] годовой, Алеша недельный такой. Стал Алеша по улочке похаживати, стал с малыми ребятками поигрывати: кого возьмет за ручку — ручка прочь, кого за ножку — ножка прочь; игра-то у него некорыстно пошла! Кого за середку [2] возьмет — живота лишит. И стал Алеша на возрасте; учал у отца-матери просить благословеньица: ехать-гулять во чисто́ поле. Отец говорит: «Алеша Попович! Поезжаешь ты во чисто́ поле; есть у нас и посильней тебя; ты возьми себе в слуги верные Марышка Паранова сына». И садились добры мо́лодцы на добрых коней; как поехали они во чисто́ поле — пыль столбом закурилася: только добрых молодцев и видели!

Приезжали добры мо́лодцы ко князю ко Владимиру; тут Алеша Попович прямью́ [3] идет в белокаменные палаты ко князю ко Владимиру, крест кладет по-писаному, поклоняется по-ученому на все на четыре стороны, а князю Владимиру на особицу. И встречает добрых молодцев Владимир-князь и сажает их за дубовый стол: хорошо добрых молодцев попоить-покормить и втапор вестей поспросить; учали добры мо́лодцы есть пряники печатные, запивать винами крепкими. Тут спросил добрых молодцев Владимир-князь: «Кто вы, до́бры мо́лодцы? Сильные ли богатыри удалые или путники перехожие — сумки переметные? Не знаю я вам ни имени, ни отчины». Ответ держит Алеша Попович: «Я сын старого соборного Леонтья-попа Алеша Попович млад, а в товарищах слуга Марышко Паранов сын». Как поел да попил Алеша Попович, учал пра́виться [4] на кирпичну печь, лег полудновать [5], а Марышко за столом сидит.

В те́ поры да в то времечко наезжал Змеевич-богатырь и облатынил [6] все царство князя Владимира. Идет Тугарин Змеевич в палаты белокаменны ко князю Владимиру; он левой ногой на порог ступил, а правой ногой

[1] Иных.
[2] Поперек.
[3] Прямо.
[4] *Правиться* — собраться, отправиться (*Ред.*).
[5] Отдыхать после полудня.
[6] Обратил в латинскую веру (*Ред.*).

за дубовый стол; он пьет и ест и с княгиней обнимается, а над князем Владимиром играется и ругается; он кладет ковригу за щеку, а другую за другую кладет; на язык кладет целого лебедя, пирогом попихнул — все вдруг проглотнул.

Лежит Алеша Попович на кирпичной печи и говорит такие речи Тугарину Змеевичу: «Было у нашего батюшки у старого у Леонтья-попа — было коровище, было обжорище, ходило по пивоварням и съедало целые кадцы пивоварные с гущею; дошло коровище, дошло обжорище до озера, всю воду из озера выпило — взяло его тут и ро́зорвало, а и тебя бы Тугарина так за столом-то всего при́рвало!» Рассердился Тугарин на Алешу Поповича, бросил в его булатным ножом; Алеша Попович увертлив был, увернулся от его за дубовый столб. Говорит Алеша таково слово: «Спасибо тебе, Змеевич Тугарин-богатырь, подал ты мне булатный нож; распорю я тебе груди белые, застелю я тебе очи ясные, засмотрю я твоего ретива́ сердца».

В те́ поры выскакал Марышко Паранов сын из-за стола из-за дубового на резвы ноги и хватил Тугарина за на́вороть[7], выхватил из-за сто́лья и бросил о палату белокаменну — и посыпались оконницы стекольчатые. Как возговорит Алеша Попович с кирпичной печи: «Ой ты, Марышко, Марышко Паранов сын, ты верная слуга неизменная!» Отвечает Марышко Паранов сын: «Подай-ка ты мне, Алеша Попович, булатный нож; распорю я Тугарину Змеевичу груди белые, застелю я ему очи ясные, засмотрю его ретива́ сердца». Ответ держит Алеша с кирпичной печи: «Ох ты, Марышко Паранов сын! Не ру́ди[8] ты палат-то белокаменных, отпусти его во чисто́ поле; некуда́ он там девается; съедемся с ним заутро во чистом поле».

Поутру раным-ранешенько подымался вместях с солнышком Марышко Паранов сын, выводил он резвых коней пить воды на быстру реку. Летает Тугарин Змеевич по поднебесью и просит Алешу Поповича во чисто́ поле. И приезжал Марышко Паранов сын к Алеше Поповичу: «Бог тебе судья, Алеша Попович! Не дал ты мне булатного ножа; распорол бы я поганцу груди белые, застлал бы я его очи ясные, высмотрел бы я его ретива́ сердца; теперя что возьмешь у него, у Тугарина? Летает он по поднебесью». Говорит Алеша таково слово: «Не замена моя, все измена!»

Выводил Алеша своего добра коня, обседлал во черкасское седло, подтянул двенадцатью подпругами шелковыми — не ради басы[9], ради крепости, поехал Алеша во чисто́ поле. Едет Алеша по чисту полю и видит Тугарина Змеевича: он летает по поднебесью. И взмолился Алеша Попович: «Пресвятая мати богородица! Накажи-ка ты тучу черную; дай бог из тучи черной часта дождичка крупенистого, смочило бы у Тугарина крыльица бумажные». У Алеши была мольба доходная: накатилася туча черная; из той тучи грозной дал бог дождичка частого, частого да крупенистого, и смочило у Тугарина крыльица бумажные; пал он на сыру землю и поехал по чисту полю.

[7] *На́вороть* — воротник (*Ред.*).

[8] Не марай.

[9] Красоты, щегольства.

Не две горы вместе скатаются, то Тугарин с Алешей съезжалися, палицами ударились — палицы по чи́вьям [10] поломалися, копьями соткнулися — копья чи́вьями извернулися, саблями махнулися — сабли исщербилися. Тут-то Алеша Попович валился с седла, как овсяный сноп; и тут Тугарин Змеевич учал бить Алешу Поповича, а тот ли Алеша увертлив был, увернулся Алеша под конное черево, с другой стороны вывернулся из-под черева и ударил Тугарина бу́латным ножом под правую пазуху, и спихнул Тугарина со добра коня, и учал Алеша Попович кричать Тугарину: «Спасибо тебе, Тугарин Змеевич, за булатный нож; распорю я тебе груди белые, застелю я твои очи ясные, засмотрю я твоего ретива́ сердца».

Отрубил ему Алеша буйну голову, и повез он буйну голову ко князю ко Владимиру; едет да головушкой поигрывает, высоко головушку выметывает, на востро копье головушку подхватывает. Тут Владимир ополо́хнулся [11]: «Везет-де Тугарин буйну голову Алеши Поповича! Попленит он теперь наше царство христианское!» Ответ держит Марышко Паранов сын: «Не тужи ты, красно солнышко Владимир стольный, киевский! Если едет по́ земли, а не летает по поднебесью поганый Тугарин, сложит он свою буйну голову на мое копье булатное; не печалуйся, князь Владимир: какова пора — я с им побра́таются!»

Посмотрел тут Марышко Паранов сын в трубочку подзорную, опознал он Алешу Поповича: «Вижу я ухватку богатырскую, поступку молодецкую: накруто Алеша коня поворачивает, головушкой поигрывает, высоко головушку выметывает, на востро копье головушку подхватывает. Едет это не Тугарин поганый, а Алеша Попович, сын Леонтья-попа старого соборного; везет он головушку поганого Тугарина Змеевича».

313. ДАНИЛО БЕССЧАСТНЫЙ

178

Во городе Киеве у нашего князя Владимира много слуг и крестьян, да был при нем Данило Бессчастный дворянин: придет день воскресный — Владимир-князь всем по рюмке горького подаст, а ему в горб да в горб; придет большой праздник — кому награда, а ему все ничего! Накануне было светлого воскресения, во страстную субботу, зовет Владимир-князь Данилу Бессчастного, отдает ему на руки сорок сороков соболей, велит к празднику шубу сшить: соболь не делан, пуговицы не литы, петли не виты; в пуговицах наказано лесных зверей заливать, в петлях заморских птиц зашивать.

[10] *Чивье* — рукоятка.
[11] Испугался, устрашился.

Опостылела Даниле Бессчастному работа, бросил — пошел за ворота, пошел ни путем ни дорогою и слезно плачет. Идет ему навстречу старая старуха: «Мотри, Данило, не распороть бы те брюха! О чем ты, Бессчастный, плачешь?» — «Ах ты, старая пузырница,— пузырем ж... заплачена, лихорадкой подхвачена! Поди прочь, мне не до тебя!» Отошел немного и думает: «Зачем я ее разбранил!» Стал к ней подходить и такие речи говорить: «Бабушка-голубушка! Прости меня; вот мое горе: дал мне Владимир-князь сорок сороков неделаных соболей, чтоб заутра шуба поспела; были бы часты пуговицы литые, шелковые петли витые; в пуговицах были бы львы золотые, а в петлях были бы птицы заморские завиты — пели бы, распевали! А где мне того взять? Лучше за стойкой чарку водки держать!»

Говорит ему старуха заплатано брюхо: «А, теперь бабушка-голубушка! Поди же ты к синему морю, стань у сырого дуба; в самую полночь сине море всколыхается, выйдет к тебе Чудо-Юдо, морская гу́ба, без рук, без ног, с седой бородою; ухвати его за бороду и бей по тех пор, пока Чудо-Юдо спросит: за что ты, Данило Бессчастный, бьешь меня? А ты отвечай: хочу, чтоб явилась передо мной Лебедь-птица, красная девица, сквозь перьев бы тело виднелось, сквозь тело бы кости казались, сквозь костей бы в примету было, как из косточки в косточку мозг переливается, словно жемчуг пересыпается». Пришел Данило Бессчастный к синю морю, стал у сыра дуба. В самую полночь сине море всколыхалося, вышло к нему Чудо-Юдо, морская гу́ба, без рук, без ног — одна борода седая! Ухватил его Данило за ту бороду и принялся бить о сырую землю. Спрашивает Чудо-Юдо: «За что ты бьешь меня, Данило Бессчастный?» — «А вот за что: дай мне Лебедь-птицу, красную девицу, сквозь перьев бы тело виднелось, сквозь тело бы — косточки, а из косточки в косточку мозг бы переливался, словно жемчуг пересыпался».

Через малое время плывет Лебедь-птица, красная девица; приплывает к берегу и говорит таково слово: «Что, Данило Бессчастный, от дела лытаешь или дела пытаешь?» — «Ах, Лебедь-птица, красная девица! Где от дела лытаю, а где вдвое пытаю. Вот Владимир-князь дал мне шубу сшить: соболь не делан, пуговицы не литы, петли не виты!» — «Возьмешь ли меня за себя? В те́ поры все будет сделано!» Начал он думу думать: как возьму ее за себя? «Ну, Данило, что думаешь?» — «Нечего делать, возьму за себя». Она крылышками махнула, головкой кивнула — вышли двенадцать молодцев, все плотники, пильщики, каменщики, и принялись за работу: сейчас и дом готов! Берет ее Данило за правую руку, целует во уста сахарные и ведет в палаты княжеские; сели они за стол, пили-ели, прохлаждалися, за одним столом обручалися. «Теперь, Данило, ложись-почивай, ни о чем не помышляй! Все будет готово».

Уложила его спать, сама вышла на хрустальный крылец, крылышками махнула, головкой тряхнула: «Родимый мой батюшка! Подавай мне своих мастеров». Явились двенадцать молодцев и спрашивают: «Лебедь-птица, красная девица! Что прикажешь делать?» — «Сейчас сшейте мне шубу: соболи не деланы, пуговицы не литы, петли не виты». Принялись за работу; кто соболь делает да шубу шьет, кто кует — пуговицы льет, а кто

петли вьет, и вмиг шуба на диво сработана. Лебедь-птица, красная девица, подходит и будит Данилу Бессчастного: «Вставай, милый друг! Шуба готова, а в городе Киеве у князя Владимира слышен благовест; время тебе подняться, к заутрене убраться». Данило встал, надел шубу и пошел. Она глянула в окошечко, остановила, дала ему серебряну трость и наказывает: «Как выйдешь от заутрени — ударь ею в грудь; весело птицы запоют, грозно львы заревут. Ты сымай шубу с своих плеч да уряди[1] князя Владимира в тот час, не забывал бы он нас. Станет он тебя в гости звать, станет чару вина подавать — не пей чару до дна, а выпьешь до дна — не увидишь добра! Да не хвались ты мною; не хвались, что за едину ночь дом построили с тобою». Данило взял трость и отправился; она опять его воротила, подает ему три яичка: два серебряные, одно золотое, и говорит: «Серебряными похристосуйся со князем, со княгинею, а золотым — с кем тебе век прожить».

Распростился с нею Данило Бессчастный и пошел к заутрене. Все люди удивляются: «Вот Данило Бессчастный каков! И шуба поспела у него к празднику». После заутрени подходит он ко князю со княгинею, начал христосоваться и вынул нечаянно золотое яйцо. Увидал это Алеша Попович, бабий пересмешник. Стали расходиться из церкви, Данило Бессчастный ударил себя в грудь серебряной тростью — птицы запели, львы заревели, все удивляются, на Данилу глядят; а Алеша Попович, бабий пересмешник, перерядился нищим-каликою и просит святой милостыньки. Все ему подают, только один Данило Бессчастный стоит да думает: «Что я-то подам? Нет ничего!» Ради праздника великого подал ему золотое яичко. Алеша Попович, бабий пересмешник, взял то золотое яйцо и переоделся во свое платье прежнее. Владимир-князь позвал всех к себе на закуску. Вот они пили-ели, прохлаждалися, собой величалися. Данило пьян напивается, спьяну женой похваляется. Алеша Попович, бабий пересмешник, стал на пиру хвастаться, что он знает Данилину жену; а Данило говорит: «Коли ты знаешь мою жену — мне рубить голову, а коли не знаешь — тебе рубить голову!»

Пошел Алеша — куда глаза глядят; идет да плачет. Попадается ему навстречу старая старуха: «О чем ты плачешь, Алеша Попович?» — «Отойди, старуха-пузырница! Мне не до тебя».— «Ладно же, пригожусь и я тебе!» Вот он начал ее спрашивать: «Бабушка родимая! Что ты мне сказать хотела?» — «А, теперь бабушка родимая!» — «Да вот я похвастался, что знаю жену Данилину...» — «И-и, батюшка! Где тебе ее знать? Туда мелкая пташка не залетывала. Поди ты к такому-то дому, зови ее к князю обедать; она станет умываться, собираться, положит на окно цепочку; ту цепочку ты унеси, и покажь ее Даниле Бессчастному». Вот подходит Алеша к косящату окну, зовет Лебедь-птицу, красную девицу, на обед к князю; она стала было умываться, наряжаться, на пир собираться: в то самое время унес Алеша цепочку, побежал во дворец и казал ее Даниле Бессчастному. «Ну, Владимир-князь,— говорит Данило Бес-

[1] Надень, наряди, набрось (*Рсд.*).

счастный,— вижу теперь, что надо рубить мою голову; позволь мне домой сходить да с женой проститься».

Вот приходит домой: «Ах, Лебедь-птица, красная девица! Что я наделал: спьяну тобой похвалился, своей жизни лишился!» — «Все знаю, Данило Бессчастный! Поди зови к себе в гости и князя с княгинею и всех горожан. А станет князь отзываться на пыль да на грязь, ныне-де пути недобрые, сине море всколыхалося, топи зыбкие открылися,— ты скажи ему: не бойся, Владимир-князь! Через топи, через реки строены мосты калиновые, перево́дины [2] дубовые, устланы мосты сукнами багровыми, а убиты всё гвоздями полуженными: у добра мо́лодца сапог не запылится, у его коня копыто не замарается!» Пошел Данило Бессчастный гостей звать, а Лебедь-птица, красная девица, выступила на крылечко, крылышками тряхнула, головкой кивнула — и сделала мост от своего дома до палат князя Владимира: весь устлан сукнами багровыми, а убит гвоздями полуженными; по одну сторону цветы цветут, соловьи поют, по другую сторону яблоки спеют, фрукты зреют.

Срядился князь со княгинею в гости и поехал в путь-дорогу со всем храбрым воинством. К первой реке подъехал — славное пиво бежит; около того пива много солдат попадало. К другой реке подъехал — славный мед бежит; больше половины войска храброго тому меду поклонилося, на бок повалилося. К третьей реке подъехал — славное вино бежит; тут офицеры кидалися, допьяна напивалися. К четвертой реке подъехал — бежит крепкая водка, тому же вину тетка; оглянулся князь назад, все генералы на боку лежат. Остался князь сам-четверт: князь со княгинею, Алеша Попович, бабий пересмешник, да Данило Бессчастный. Приехали гости званые, вошли в палаты высокие, а в палатах столы стоят кленовые, скатерти шелковые, стулья раскрашо́ные; сели за стол — много было разных кушаньев, а напитков заморских не бутыли, не штофы — реки целые протекли! Князь Владимир со княгинею не пьют ничего, не кушают, только смотрят: когда ж выйдет Лебедь-птица, красная девица?

Долго за столом сидели, долго ее поджидали: время и домой собираться. Данило Бессчастный звал ее раз, и другой, и третий — нет, не пошла к гостям. Говорит Алеша Попович, бабий пересмешник: «Если б это сделала моя жена, я б ее научил мужа слушать!» Услыхала то Лебедь-птица, красная девица, вышла на крылечко, молвила словечко: «Вот-де как мужей учат!», крылышком махнула, головкой кивнула, взвилась-полетела, и остались гости в болоте на кочках: по одну сторону море, по другую — горе, по третью — мох, по четвертую — ох! Отложи, князь, спесь, изволь на Данилу верхом сесть. Пока до палат своих добрались, с головы до ног грязью измарались! Захотелось мне тогда князя со княгиней повидать, да стали со двора пихать; я в подворотню шмыг — всю спину сшиб!

[2] Перила (*Ред.*).

314. ВАСИЛИЙ-ЦАРЕВИЧ И ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ

В некоторой царстве, в некотором государстве жил-был царь Иван, и у того царя был брат Василий-царевич — ни в чем ему счастья не было! Самый царь на него распрогневался и и выгнал из своего дому; с той поры и прозвали его несчастным Васильем-царевичем; наконец дошел он до такой бедности, что не имел у себя даже новой одежи. Приходит праздник — Христов день; накануне того дня ходит весь народ царя поздравлять, а царь для того праздника дарит кого деньгами, кого чем. Вот в самую-таки страстную субботу шел Василий-царевич куда-то по улице, и попадается ему навстречу бабка голубая шапка и говорит: «Здравствуй, Василий-царевич! Что ходишь невесел, что головушку повесил?» А он ей в ответ: «Ах, бабка голубая шапка! Как мне быть радостному? Приходит этакий праздник, все имеют хорошую одежу; а я, царский брат, не имею ничего, даже и разговеться нечем».— «Поди же ты,— говорит она царевичу,— к брату Ивану-царю и попроси, чтобы он тебя пожаловал — чем-нибудь да подарил». 179

Василий-царевич послушался; вошел он в царскую комнату, увидал его брат и спрашивает: «Что скажешь, Василий Несчастный?» — «Я пришел до тебя, братец,— сказал Василий-царевич,— для этакого праздника ты всех даришь, а меня еще ничем не пожаловал». В это время было у царя много всяких генералов, и начал царь над братом смеяться, говорит ему: «Чем я тебя, дурака, подарю, чем пожалую?» И выносит ему царь подарочек — сорок сороков черных соболей, и еще дарит золота на пуговицы, шелку на петельки: «Вот тебе, брат, и подарочек! Сшей из него тулуп ко христовской заутрене, и чтоб в каждой пуговице было по райской птице, по коту заморскому!» Поблагодарил его Василий-царевич, заплакал и пошел; не рад и подарку стал. Вот он идет да идет по улице, и попадается ему опять навстречу бабка голубая шапка; спрашивает его: «Чем, Василий-царевич, подарил тебя братец?»— «Ой, бабка голубая шапка! Подарил мне брат сорок сороков черных соболей, чистого золота на пуговицы и зеленого шелку на петельки; велел сшить ко христовской заутрене шубу, и чтобы в каждой пуговице райские птицы пели и коты заморские мяукали». Говорит бабка голубая шапка: «Иди за мной, Василий-царевич! Не тужи и не печалься».

Идут они путем-дорожкой, и близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли — приходят ко дворцу Елены Прекрасной; говорит бабка голубая шапка: «Ты, Василий-царевич, останься за воротами, а я пойду к Елене Прекрасной и буду за тебя сватать». Входит она к Елене Прекрасной и комнату и сказывает: «Матушка Елена Прекрасная! Я пришла сватать тебя за Василья-царевича». Елена Прекрасная спрашивает бабку голубую шапку: «А где же Василий-царевич?» Она отвечает: «Василий-царевич остался за воротами; не спросясь, не смеет взойти». Елена Прекрасная тотчас приказала взойти Василью-царевичу, глянула на него, и он ей весьма понравился; посылала она царевича в другую комнату, давала ему двух слуг и почитала его женихом своим; а бабка глубая шапка го-

ворит: «Ах, матушка Елена Прекрасная! Ему брат подарил на тулуп сорок сороков черных соболей, чистого золота на пуговицы, зеленого шелку на петельки и приказал ко христовской заутрене шубу сшить, и чтобы в каждой пуговице пели птицы райские, кричали коты заморские». Елена Прекрасная, выслушав, отвечает бабке, что все будет готово. Бабка голубая шапка распростилась и ушла.

Под вечер Елена Прекрасная выходит на свой крылец и кричит: «Гой еси, братец Ясен Сокол, лети ко мне скоро-наскоро, время-навремя!» И вот прилетает Ясен Сокол, ударился о крылец и сделался удал молодец. «Здравствуй, сестрица!» — «Здравствуй, братец!» Кое о чем потолковали, посудачили; наконец Елена Прекрасная сказала своему братцу: «Я выбрала себе жениха, Василия-царевича; сшей ты ему тулуп ко христовской заутрене». Отдает ему сорок сороков черных соболей, чисто золото на пуговицы и зеленый шелк на петельки и накрепко наказывает, чтобы в каждой пуговице пели птицы райские и мяукали коты заморские и чтобы тулуп непременно был готов вовремя. «Не беспокойся, сестрица, все будет сделано». А Василий-царевич того и не ведает, что завтра будет с обновою.

Только заблаговестили заутреню, прилетел Ясен Сокол, ударился о крылец, сделался удал добрый молодец; сестрица выходит встречать брата, а он отдает ей готовый тулуп. Поблагодарила Елена Прекрасная своего братца за такую услугу, отослала эту одежу к Василью-царевичу и приказала надеть. Обрадовался царевич, нарядился и приходит в комнату Елены Прекрасной. Она тотчас приказала заложить в повозку лошадей, чтобы ехать к заутрене; перед отъездом отдала ему три яичка: «Первым яичком похристосовайся с протопопом, второе отдай брату Ивану-царю, а третье тому, кто тебе больше мил; а в церкву войдешь — становись впереди своего братца родного». Приезжает он к заутрене и становится, как ему велено, поперед брата. Царь не узнал его, сам с собой думает: что это за человек? Приказывает своему генералу подойти поближе и спросить поучтивее: кто он таков? Генерал подходит и спрашивает Василья-царевича: «Царь приказал узнать: царь ли вы царевич, король ли вы королевич или сильный, могучий богатырь?» Он ему отвечает: «Я здешний».

На отходе заутрени Василий-царевич стал наперед христосоваться с протопопом; похристосовавшись, отдает ему яичко; идет потом к брату Ивану-царю и говорит: «Христос воскресе, братец!» Тот отвечает: «Воистину воскресе!» И отдает ему Василий-царевич другое яичко; оставалось у него еще одно. Выходит он из церкви, попадается ему Алеша Попович: «Христос воскресе, Василий-царевич!» — «Воистину воскресе!» Пристает Алеша Попович: «Давай яичко!» — «Нет у меня»,— отвечает Василий-царевич, пришел домой, похристосовался с Еленой Прекрасной и отдал ей третье яичко. Она говорит: «Ну, Василий-царевич, а я не думала, чтоб ты мне оставил яичко; теперь я согласна выйти за тебя замуж; поезжай просить своего братца на свадьбу к нам». Василий-царевич поехал к брату; тот ему шибко обрадовался. Стал Василий-царевич просить его на свадьбу к себе; а брат спрашивает: «Где ж ты берешь невесту?» — «Я беру невесту Елену Прекрасную».

14 Заказ № 101

Вот сыграли они свадьбу, после той свадьбы сделал Иван-царь пир на весь мир и позвал брата Василья-царевича с женой Еленой Прекрасною. Время приходит на пир идти, зовет Василий-царевич жену свою; она говорит: «Василий-царевич! Я так хороша, что боюсь, как бы меня не изурочили [1]; поезжай лучше один». Приезжает к брату Василий-царевич, а тот спрашивает: «Что же ты один приехал, а не с женою?» — «Она нездорова, братец!» Вот они много ли, мало ли попировали, и, подгулявши, каждый из гостей начал хвалиться; у этого то хорошо, у другого другое; а Василий-царевич молчит, ничем не хвалится. Подходит к нему брат и спрашивает: «Ты, братец, что сидишь, ничем не похвалишься?» — «Да чем похвалюсь я?» — говорит Василий-царевич. «Ну, хоть тем похвались, что жена у тебя хороша».— «Да, правда твоя, братец, жена у меня хорошая». Вдруг подбегает к Василью-царевичу Алеша Попович и говорит: «Ну, уж хороша! Я с нею без тебя ночь спал». Тут все гости сказали: «Коли ты спал с нею, так поди же с нею выпарься в бане и принеси именное ее кольцо; тогда мы поверим. А не принесешь кольца — поведем тебя на виселицу». Нечего делать, пошел Алеша Попович, сам запечалился.

Идет он путем-дорожкою; попадается ему навстречу бабка голубая шапка и спрашивает: «Что ты, Алеша, так печален?» — «Как мне не печалиться! Похвалился я у царя, что с Еленой Прекрасною ночь переспал; тут все гости сказали: коли ты с нею спал, так поди ж с нею выпарься в бане и принеси именное ее кольцо; а не принесешь — велим тебя повесить».— «Не печалься, пойдем со мною!» — говорит бабка. Приходят они к дому Елены Прекрасной; бабка голубая шапка Алешу Поповича оставляет за воротами, а сама подлезла в подворотню, взошла в сени, глядь — а перстень именной тут на лавке лежит: позабыла его Елена Прекрасная в то самое время, как после отдыха умывалась. Сохватила старая это кольцо, отдала его Алеше Поповичу да велела ему зайти нá реку, намочить водой голову, будто в бане был. Он то и сделал. Приходит к царю во двор, показывает всем именное кольцо. Василий-царевич крепко огорчился, тотчас поехал домой и продал Елену Прекрасную купцам за сто рублей.

В городе, куда увезена Елена Прекрасная, помер царь, и поэтому был клич, чтобы все сходились в тот город выбирать царя; а царей у них выбирали так: кто войдет в церковь со свечкой и коли свеча сама затеплится, тому и царем быть. Все перепробовали свое счастье, свеча ни у кого не затеплилась. Елена Прекрасная услыхала про то и думает себе: «Дай и я пойду, попробую своего счастья». Одевается она в мужскую одежу, берет в руки свечу и идет в церковь; только взошла в церковь, у ней тотчас свеча и затеплилась. Все обрадовались и посадили ее на царство. Стала она царствовать и не забыла распроведать о своем муже Васильецаревиче, где он и как поживает? Узнала, что он крепко по ней скучает, и послала за ним послов. Вот когда он приехал да рассказал, как и что было, Елена Прекрасная догадалась, кто были виновники ихнего горя, и помирилась с мужем.

[1] Сглазить, навести порчу (*Ред*

Послали они за Алешей Поповичем, и он во всем им сознался, что кольцо отдала ему бабка голубая шапка, а он насказал у царя на Елену Прекрасную нарочно, потому-де, что христосовался он с Васильем-царевичем да просил у него яичко, а царевич ему не дал. Послали и за бабкою голубою шапкою; когда ее привезли, тотчас начали допрашивать: зачем она украла у Елены Прекрасной именное кольцо? «Затем,— сказала,— что ты, Елена Прекрасная, хотела меня поить-кормить три года, да не исполнила». Тут повелели Алешу Поповича и бабку голубую шапку расстрелять, а Василью-царевичу Елена Прекрасная поручила царство, и стали они жить-поживать да добра наживать.

315. БАЛДАК БОРИСЬЕВИЧ

Во славном городе во Киеве у царя у Владимира собирались 180
князья и бояре и сильномогучие богатыри на почестный пир. Возговорил Владимир-царь таково слово: «Гой есте, мои ребята! Собирайтеся, сокопляйтеся за единый стол». Собиралися за единый стол, вполсыта наедалися, вполпитья напивалися, и возговорил Владимир-царь: «Кто бы сослужил мне службу великую: съездил за тридевять земель, в тридесятое царство, к самому салтану турецкому — увести у него коня златогривого, вышничка багрового (?), убить кота-бахаря[1], самому салтану турецкому в глаза наплевать?» Выбирался добрый мо́лодец Илья Муромец, сын Иванович. У царя у Владимира была дочь возлюбленная; возговорит она таково слово: «Гой еси, мой батюшка, Владимир-царь! Хоша хвалится Илья Муромец, сын Иванович, не сослужить ему этой службы! Распусти, батюшка, почестный пир; поди искать по своему граду по царевым кабакам млада Балдака, сына Борисьевича, от роду семилетнего».

И послушал царь своей дочери, пошел искать млада Балдака, сына Борисьевича, и нашел в кабаке — спит под лавкою. Ткнул его носком Владимир-царь; от того Балдак скочил ото сна, как ни в чем не бывал. «Гой еси, Владимир-царь! К чему меня требуешь?» На то отвечал ему Владимир-царь: «Прошу тебя на почестный пир». — «Не достоин я на почестный пир идти; в кабаках я запиваюся, под ногами валяюся». Возговорит ему Владимир-царь таково слово: «Когда на пир зову, надо идти; есть до тебя нужда великая». И посылает его млад Балдак, сын Борисьевич, из кабака обратным путем в чердаки[2] царские, а я-де скоро за тобой буду.

[1] *Бахарь* — баюн, говорун.
[2] Терема.

Оставался Балдак один в кабаке, опохмелялся тут зеленым вином, сколько требовалось, и пошел к царю Владимиру в чердаки бездокладочно; крест кладет он по-писаному, поклон ведет по-ученому; поклоняется на все стороны, самому царю в особину: «Здравствуй, Владимир-царь! На что меня требовал?» Отвечает ему Владимир-царь: «Гой еси, млад Балдак, сын Борисьевич! Сослужи мне службу великую: сходи за тридевять земель, в тридесятое царство, к салтану турецкому; уведи у него коня златогривого, вышничка багрового, убей кота-бахаря, самому салтану турецкому в глаза наплюй. Бери с собой народу-силы сколько надобно; бери золотой казны сколько хочется!» И возговорит млад Балдак, сын Борисьевич: «Уж ты гой еси, Владимир-царь! Дай мне силы только двадцать девять молодцев, а сам я тридцатый буду».

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается; отправлялся млад Балдак, сын Борисьевич, во путь во дорожку к салтану турецкому; приноровился приехать в самую полночь. Вошел на салтанский двор, увел из конюшни коня златогривого, вышничка багрового, схватил кота-бахаря, разорвал его надвое, самому салтану глаза заплевал. А был у салтана турецкого любимый сад — на три версты; всякие древа в саду понасажены, всякие цветы произве́дены. Млад Балдак, сын Борисьевич, приказал своим товарищам, двадцати девяти мо́лодцам, весь сад повалить-вырубить, а сам достал огоньку, да тем огнем выжег все начисто, да поставил тридцать белых тонких полотняных шатров.

Поутру ранешенько просыпается от сна турецкий салтан; был у него первый взгляд на свой на любимый сад, и как скоро взглянул — видит, что все деревья порублены, повыжжены, а стоят в саду тридцать белых полотняных шатров. «Кто такой наехал ко мне,— думает он про себя,— царь ли царевич, или король королевич, или сильномогучий богатырь?» Закричал тут салтан громким голосом своему лю́бимому паше турецкому, призывает к себе его и возговорит таково слово: «Неблагополучно в царстве моем! Дожидался я русского виновника — млада Балдака, сына Борисьевича; а теперь наехал на меня... царь ли царевич, или король королевич, или сильномогучий богатырь? — того не ведаю, и как сведать — не придумаю».

На тот совет выходит салтана турецкого бо́льшая дочь и говорит своему отцу: «О чем вы советуете, а узнать не можете? Ох ты, батюшка турецкий салтан! Дай-ка мне свое благословение да прикажи выбрать во всем царстве двадцать девять девиц, чтобы лучше их по красе не было! Я сама будут тридцатая, я пойду в те шатры полотняные ночь ночевать и открою вам виновного». И на то отец согласился, и пошла она к тем шатрам с двадцатью девятью девицами: лучше их по красе во всем царстве не было. Выходил к ней млад Балдак, сын Борисьевич, взял ее за белые руки и крикнул своим громким голосом: «Эй вы, мо́лодцы-товарищи! Вы берите красных девиц по рукам, ведите их по своим шатрам и что знаете — то и делайте!» Переспали вместе единую ночь; наутро воротилась к салтану турецкому его бо́льшая дочь, говорит ему: «Гой еси, любезный батюшка! Прикажи из белых полотняных шатров всем тридцати молодцам к тебе в дом прийти; я сама укажу виновника».

В тот час посылает салтан турецкий к тем шатрам своего любимого пашу, чтобы по́звал к нему, потребовал млада Балдака, сына Борисьевича, со всеми его товарищами. Вышли из шатров тридцать молодцев; все на один лик, словно братцы родные, волос — в волос, голос — в голос! И говорят послу таково слово: «Ступай назад, а мы за тобой скоро будем!» Млад Балдак, сын Борисьевич, молвил своим ребятам: «Нет ли на мне какой зна́чки? Осмотрите всего». И оказалось на нем: по колен ноги в золоте, по локоть руки в се́ребре. «Она хитра, а я разе того не разумею!» — сказал Балдак и сделал у всех своих товарищей такую же зна́чку: по колен у ребят ноги в золоте, по локоть руки в се́ребре; велел им надевать на руки перчатки. «Как заедем к салтану в дом, без приказу моего никто не сымай!»

Вот пришли они к салтану в дом; выступает его бо́льшая дочь и узнает виновника, млада Балдака, сына Борисьевича. Говорит ей Балдак: «Ты почем меня признаешь — по каким уликам?» Отвечает салтанова бо́льшая дочь: «Скинь-ка с ноги сапог да с руки перчатку: тут у меня зна́чка положена — по колен ноги в золоте, по локоть руки в се́ребре».— «Разве у нас таких молодцев не бывает?» — и приказывает млад Балдак, сын Борисьевич, своим ребятам: «Скидавайте все с ноги по сапогу, с руки по перчатке!» Какая зна́чка у него, такая и у всех объявилась — в покоях все осияло! А салтан турецкий был добре милослив, на то дочери своей не поверовал: «Врешь ты! Мне один виновник надобен, а теперь по-твоему все тридцать оказалися!» Приказал салтан турецкий: «Убирайтесь все вон!»

После того еще больше закручинился, еще больше запечалился и стал опять думать, со своим любимым пашою советовать, как бы узнать им виновного? На тот совет выходит вторая салтанова дочь и говорит салтану турецкому: «Дай мне, батюшка, двадцать девять девиц; я сама буду тридцатая, пойду с ними к белым полотняным шатрам, переночую в тех шатрах единую ночь и открою вам виновника». Сказано — сделано. Поутру зовет салтан турецкий млада Балдака, сына Борисьевича, в палаты к себе, а зовет его с товарищами чрез своего пашу любимого. Отвечает Балдак по-прежнему: «Ступай назад, а мы скоро будем!» Как скоро ушел паша, млад Балдак вскричал своим громким голосом: «Выходите из шатров все мои товарищи, двадцать девять молодцев; поглядите, нет ли на мне какой зна́чки?» Тотчас все из шатров выскочили и усмотрели у него на голове золотые волосы. Возговорит млад Балдак, сын Борисьевич: «Она хитра, а разе я не разумею того!» Сделал у всех молодцев, равно как у себя, золотые волосы и велел наложить шапки на буйные головы: «Как будем в палатах у салтана турецкого, без моего приказу никто не сымай!»

Как скоро вошел млад Балдак, сын Борисьевич, со своими товарищи в палаты салтанские,— сказал тут салтан своей средней дочери: «Узнавай, дочь любезная, который — виновник?» А она знает наверное — по тому самому, что переспала с ним единую ночь; подходит прямо к младу Балдаку и говорит: «Вот вам виновник!» Отвечает на то млад Балдак, сын Борисьевич: «Почем ты меня признаешь — по каким уликам?» — «Сними с головы своей шапку; тут у меня зна́чка сделана — волосы золотые».— «А разве у нас таких молодцев не бывает!» — и приказал млад

Балдак всем своим ребятам скинуть шапки долой: объявились у них золотые волосы — в покоях все осияло! Рассердился салтан на свою вторую дочь: «Неправда твоя! Мне один виновник надобен, а по-твоему все оказались!» — и приказал: «Убирайтесь-ка из палат вон!»

Еще пуще запечалился-закручинился салтан турецкий; выходит третья, меньша́я дочь и хулит двух старших сестер, а сама у отца напрашивается: «Любезный мой батюшка! Прикажи мне выбрать двадцать девять девиц — чтоб лучше их во всем царстве не было; я сама буду тридцатая и узнаю тебе виновника». По прошенью своей младшей дочери исполнил салтан. Отправилась она к тем же шатрам ночь ночевать. Выскочил тут млад Балдак, сын Борисьевич, из своего шатра, берет салтанову дочь за белые руки и ведет к себе; а своим мо́лодцам вскричал громким голосом: «Берите-ка, ребята, красных девиц по рукам да ведите по своим шатрам». Переночевали ту ночь, и пошли девицы наутро домой. Посылает салтан за добрыми мо́лодцами своего любимого пашу. Идет посол к белым полотняным шатрам, зазывает млада Балдака с товарищи в палаты к самому салтану турецкому. «Ступай назад, а мы за тобой скоро будем!» Возговорит млад Балдак, сын Борисьевич, своим товарищам: «Ну, ребятушки, смотрите, нет ли на мне какой зна́чки?» Везде высмотрели, везде выглядели — не могли найти. «Ах, братцы, видно я теперь погиб!» — и стал млад Балдак просить, чтоб сослужили ему службу последнюю; раздавал им по вострой сабле и велел держать под одежею: «А как знак подам — руби во все стороны!»

Как скоро пришли они пред салтана турецкого, выступила его меньшая дочь, указала на млада Балдака: «Вот он, виновник-то! Есть у него под пятой золотая звезда». И по тем речам означилась у него под пятой золотая звезда. Высылал салтан турецкий из своих палат всех двадцать девять молодцев; оставлял одного виновника — млада Балдака, сына Борисьевича, закричал на него громким, зычным голосом: «Как возьму тебя, на одну ладонь посажу да другой прихлопну — только мокренько будет!» Отвечает ему млад Балдак: «Гой еси, турецкий салтан! Боялись тебя цари-царевичи, короли-королевичи и сильномогучие богатыри, а я, семилетний мальчишка, тебя не боюсь: увел у тебя коня златогривого, вышничка багрового, убил кота-бахаря, тебе, салтану, в глаза наплевал, а еще порубил-повыжег твой любимый сад!» Осерчал салтан больше прежнего, приказал своим служителям, чтоб поставили на площади два столба дубовые, перекладину кленовую, а на той перекладине три петли сготовили: первую шелковую, другую пеньковую, третью лычаную, и давал знать по всему городу, чтобы все, от малого до великого, собирались на площадь смотреть, как будут казнить русского виновника.

Сам салтан турецкий садился в легкую повозку, брал с собой любимого пашу и меньшую дочь, что открыла виновника; а млада Балдака связали, сковали, у ног посадили, и поехали прямо к дубовым столбам. Вот дорогою завел млад Балдак таковые речи: «Стану я загадки загадывать, а ты, салтан турецкий, отгадывай. Добро конь идет, на что хвост волочится?» — «Не дурак ли ты? — отвечал салтан.— Конь с хвостом и на свет родится». Немного проехали, говорит опять Балдак: «Передние коле-

са конь везет, а задние почто черт несет?» — «Вот дурак! Наготово до смерти с ума сошел, в словах завирается! Мастер четыре колеса сделал — четыре и катятся». Приехали на площадь и вышли из повозки вон; взяли виновного, развязали, расковали, повели на виселицу.

Млад Балдак, сын Борисьевич, перекрестился, на все стороны поклонился и возговорил громким голосом: «Гой еси, турецкий салтан! Не прикажи казнить, прикажи слово вымолвить».— «Говори, что такое?»— «Есть у меня батюшкино подареньице, матушкино благословение — игральный рожок. Прикажи мне при последнем времени поиграть в него: себя потешить и вас повеселить».— «Играй, играй при последнем времени!» Млад Балдак заиграл веселую — у всех разум помутился; загляделись на него, заслушались, позабыли — зачем приехали; у салтана язык не шевелится. Услыхали рожок двадцать девять молодцев, зашли с задних рядов и давай вострыми саблями народ сечь. Млад Балдак до тех пор играл, пока мо́лодцы, его товарищи, не посекли весь народ, пока не дошли они до самой виселицы.

Тут млад Балдак, сын Борисьевич, покинул играть и молвил салтану турецкому последнее слово: «Не ты ли дурак! Обернись-ка, назад погляди: мои гуси твою пшеницу клюют!» Салтан турецкий обернулся — весь народ побит, на земле лежит; только и осталось их трое при виселице: сам салтан с дочерью да любимый паша. Млад Балдак приказал своим мо́лодцам повесить салтана в петлю шелковую, любимого его пашу в пеньковую, а меньшую дочь в лычаную. Тем дело свое покончили и отправились во славный город Киев к самому царю Владимиру.

316. ВАСИЛИСА ПОПОВНА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был Василий-поп. У него была дочь Василиса Васильевна. Одевалась она в мужское платье, ездила верхом на лошади, стреляла из ружья и все делала совсем не по-девичьи, так что очень немногие знали, что она — девушка, а думали, что она — мужчина, и звали ее Василием Васильевичем; а больше потому, что Василиса Васильевна была охоча до водки; а это, знашь, девушкам совсем не к лицу. Вот единова царь Бархат (так звали царя той стороны) поехал поохотиться за дичинкой, и ему навстречу попалась Василиса Васильевна. Ехала она верхом в мужской одежде тоже за охотой. Царь Бархат, увидав ее, спрашивает у своих слуг: «Кто это такой молодой человек?» Один слуга ему и отвечает: «Это ведь, царь, не мужчина, а девушка; мне доведомо известно, что это дочь попа Василия и что зовут ее Василисой Васильевной».

Лишь только царь Бархат воротился до двора, тотчас написал к попу Василию грамотку, чтобы он своего сына Василия Васильевича отпустил к нему в гости отведать царского стола. А между тем сам пошел к бабушке-задворенке-ягинишне и давай ее выпытывать, как бы узнать, что Василий Васильевич точно девушка. Бабушка-задворенка-ягинишна и говорит ему: «Ты по праву-то руку в палате своей повесь пяла[1], а по леву-то руку ружья; если она точно Василиса Васильевна, то, когда взойдет в палату, прежде всего хватится за пяла, а если — Василий Васильевич, то за оружия». Царь Бархат послушался бабушку-задворенку-ягинишну и велел своим слугам поставить в палату пяла и развесить ружья.

Как только грамотка царская дошла до отца Василия и он показал ее своей дочери, тотчас Василиса Васильевна пошла на конюший двор, оседлала для себя коня сивого, коня сивого-сивогривого, и прямо бух к царю Бархату на двор. Царь Бархат ее встречает; она по-учтивому богу молится, по-писаному крест кладет, на все четыре сторонушки поклон отдает, с царем Бархатом ласково здоровается и входит с ним в царские палаты. Сели вместе за стол и давай пить питья пьяные и есть яствы сахарные. После обеда Василиса Васильевна стала с царем Бархатом по палатам разгуливаться и как только увидала пяла, то и учала царя Бархата осуждать: «Что то,— говорит,— такое у тебя, царь Бархат, за дрянь? У моего батюшки этакого девичья шелепетья и видом не видать и слыхом не слыхать, а у царя Бархата девичье шелепетье в палатах ви́сится!» Потом она с царем Бархатом по-учтивому распростилась и поехала домой. Царь не мог изведать, что она точно девушка.

Этак дня через два, не больше, царь Бархат посылает опять к попу Василию грамотку и просит его отпустить к нему своего сына Василия Васильевича. Тотчас, как только Василиса Васильевна услыхала об этом, пошла на конюший двор, оседлала для себя коня сивого, коня сивого-сивогривого, и пахнула[2] прямо к царю Бархату на двор. Царь Бархат ее встречает. Она с ним ласково здоровается, по-учтивому богу молится, по-писаному крест кладет, на все четыре сторонушки поклон отдает. Царь Бархат по наказу бабушки-задворенки-ягинишны велел к ужину сварить кашу и начинить ее жемчугом; вишь, бабушка-то сказала ему, что если она точно Василиса Васильевна, то жемчуг будет в горсточку класть, а если Василий Васильевич, то под стол кидать.

Вот подошло время и ужинать. Сел царь за стол, а Василису Васильевну посадил по праву руку, и стали они пить питья пьяные и есть яствы сахарные. После всего подали кашу, и как только Василиса Васильевна ее хлебнула и попалась ей жемчужина, она швырк ее под стол вместе с кашею и учала царя Бархата осуждать. «Что это,— говорит,— за дрянь такая в каше накладена? У моего батюшки этакого девичья шелепетья и видом не видать и слыхом не слыхать, а у царя Бархата девичье шелепетье в кушанье кладут!» Потом она с царем Бархатом по-учтивому распрости-

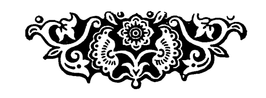
[1] Пяльцы.
[2] Прискакала (*Ред.*).

лась и поехала домой. Царь опять не мог изведать, что она точно девушка; а ведь это больно ему хотелось.

Дня через два царь Бархат по наказу бабушки-задворенки-ягинишны велел истопить баню; вишь, бабушка-то сказала ему, что если она точно Василиса Васильевна, то в баню вместе с царем не пойдет. Истопили баню.

Опять царь Бархат пишет к попу Василию грамотку, чтобы он своего сына Василия Васильевича в гости к нему отпустил. Как только Василиса Васильевна узнала об этом, тотчас пошла на конюший двор, оседлала своего коня сивого, коня сивого-сивогривого, и прямо бухнула к царю Бархату на двор. Царь ее встречает на парадном крылечке. Она с ним ласково здоровается и входит по бархатному коврику в палаты; взошед в оные, по-учтивому богу помолилась, по-писаному перекрестилась, на все четыре сторонушки низехонько поклонилась; села с царем Бархатом за стол и стала с ним пить питья пьяные и есть яствы сахарные.

После обеда царь и говорит: «Не в угоду ли, Василий Васильевич, со мной в баньку сходить?» — «Извольте, ваше царское величество,— отвечает Василиса Васильевна,— я давным-давно в бане не бывал и больно охоч париться». Вот они и пошли вместе в баню. Покóлесь царь Бархат разоблакался в передбанке, она в ту пору успела искупаться, да и была такова. Царь не мог и в бане ее захватить. Василиса Васильевна, вышед из бани, писала меж тем к царю писульку и велела слугам отдать ему, когда он сам выйдет из бани. А в этой писульке было написано: «Ах ты ворона, ворона, царь Бархат! Не умела ты, ворона, сокола в саду споймать! А я ведь не Василий Васильевич, а Василиса Васильевна». Вот наш царь Бархат и остался на бобах: вишь, какая Василиса-то Васильевна была мудрая, да и лепообразная!

317. ПРО МАМАЯ БЕЗБОЖНОГО

На Русе было на православной, княжил князь тут Дмитрий 182
Иванович. Засылал он с даньёй русского посла Захарья Тютрина к Мамаю безбожному, псу смердящему. Прáвится путем-дорогой русский посол Захарий Тютрин; пришел он к Мамаю безбожному, псу смердящему. «Давай-примай,— говорит,— дань от русского князя Дмитрия Ивановича!» Отвечает Мамай безбожный: «Покуль не омоешь ног моих и не поцелуешь бахил[1], не приму я дани князя Дмитрия Ивановича». Взадь[2] отвечает русский посол Захарко Тют-

[1] Обувь, сапоги.
[2] Наоборот.

рин: «Чем бы с дороги мо́лодца напоить-накормить, в бане выпарить, вте́пор вестей попросить, а ты, Мамай безбожный, пес смердящий (за эвти-то слова раздуй твою утробу толще угольной ямы!), того-пе́рво велишь мыть твои басурманские ноги и целовать бахилы; не след мыть ноги и целовать бахилы русскому послу Захарью Тютрину! Пусть поганый татарин, Мамай безбожный, буде есть вера, целует ноги русского посла Захарья Тютрина!»

Разъярился собака-татарин, рвал свои черные кудри, метал их наземь — по застолью, княжеские бумаги при́драл и писал свои ярлыки скорописчатые: «Когда будет овес кудряв, баран мохнат, у коня под копытом трава и вода, вте́пор Мамай безбожный будет с святой Русью воевать: вте́пор мне ни воды, ни хлеба не надо!» Набрал он из татар сильных, могучих богатырей тридцать человек без одного, посылает их на нечестное побоище: «Пошли,— говорит,— слуги мои верные, попервée русского посла Захарья Тютрина; дорогой уходи́те его в темных лесах, в крутых угорах, а тело вздымите на леси́ну в откормку птицам».

Пра́вится путем-дорогой русский посол Захарий Тютрин; пристигала его темна ночь на бору: не оснащается ночевать — одно идет вперед. Поутру, на восхожем на солнышке, видит русский посол Захарий Тютрин: выходят из лесу тридцать без одного сильных, могучих богатырей. Не у́робил[3] Захарий Тютрин поганых таtаровей, захватил оберуч корзоватую уразину[4] и ждет незваных гостей. Ударили татаровья на Захарья Тютрина, поставили на округ[5] доброго мо́лодца. Учал Захарко поворачиваться, учал он уразиной гостей чествовать: кого раз ударит — грязьёй сделает. Невмоготу стало поганым татаровьям супротивничать русскому послу Захарью Тютрину, учали они конаться[6] ему хорошими речьми: «Отпусти ты нас живьем, русский посол Захарий Тютрин, не посмеем больше перечить тебе!» Глядит Захарко на сильных, могучих богатырей: из тридцати голов без одной остались живы только пять голов, да и те уразиной испроломаны, кушаками головы завязаны; сжаля́лся он над погаными нехристями, отпустил их к Мамаю безбожному. «Правьтесь, — говорит, — скажите, каково обидеть русского посла Захарья Тютрина».

Ударил он своего доброго коня по крутым бедрам: конь по первый ускок сделал сто саженей печатных, вторым ускоком версту промеж ногами проложил, третьего ускока на земле опятнать[7] не могли. Смекнул дело путем-дорогой русский посол Захарий Тютрин: наимал[8] он двенадцать ясных соколов да тридцать белых кречетов; первее того испридрал[9]

[3] Испугался.

[4] Двумя руками суковатую дубину (*Ред.*).

[5] *Поставить на округ* — окружить, обстать кого-нибудь со всех сторон, лишить средств к побегу; так говорят: «мы двоима с собакой постановили медведя на округ», т. е. с одной стороны охотник, а с прочих собаки не позволили зверю выйти из известного круга.

[6] Просить, умолять.

[7] *Опятнать* — значит собственно найти сбежавшего коня по его следу на земле; в настоящем же случае опятнать — доправить, найти на земле след копыт.

[8] Наловил.

[9] Разодрал.

ярлыки Мамая поганого и писал свои листы скорописчаты; написавши, привязал к птичьим хвостам и примолвил: «Ясные соколы и белые кречеты! Полетите вы ко князю ко Дмитрию Ивановичу в каменну Москву, накажите, чтоб Задонский князь Дмитрий Иванович собирал по городам и селам и по дальним деревням рать-силу несметную; оставлял бы по домам только слепых, да хромых, да малых ребят-недоростков — их печаловать. А я пойду, накажите, в свое место, стану собирать мохначей, бородачей — донских казаков».

Поутру было, на всхожем на солнышке, пошли морока[10] по ясну небу, понесли с собой частый, мелкий дождь со буйным ветром со вихорем. Во шуму, во грому ничего не чуть[11] стало, только чуть громкий зык от терема княжеского; Задонский князь Дмитрий Иванович наказал клич кликать по всей Москве белокаменной: «Собирайтесь все князья и бояра, и сильные, могучие богатыри, и все поленицы[12] удалые ко князю во светлый терем на трапезу». Собирались со всех концов Москвы белокаменной все князи и бояра, сильные, могучие богатыри и все поленицы удалые ко князю во светлый терем на трапезу — послушать его разумных речей, а и того пуще — посмотреть его очи ясные. Как матерый дуб промеж тонкими кустами вересовыми[13], что вершиною в небо взвивается,— значи́т великий князь промеж своими князьями и боярами.

Не золота трубочка вострубила, Задонский князь Дмитрий Иванович стал речь держать: «Воины мои любимые! Не на попойку призывал я вас, не на радостный пир вы ко мне собиралися; собиралися вы ко мне за печальной весточкой: Мамай безбожный, пес смердящий, со всема своима ордами некрещеными, идет святую Русь воевать; будет нам от Мамая-собаки пить горькая чаша! Пойдемте, мои любимые воины, к океан-морю, изладим легкие струги, и побежим мы из океан-моря в море Хвалынское[14] к соловецким чудотворцам: запремся там — и нечего с нас будет взять Мамаю безбожному, псу смердящему; в другую сторону[15] он нас полонит, очи выкопает и злой смерти предаст».

Отвечают князи и бояре, буйны головы понуривши: «Задонский князь Дмитрий Иванович! Одно солнышко катится по́ небу — один князь княжит над Русью православною: не перечить мы пришли твоему слову крепкому; позволь нас заставить речь-ответ держать, как надоть ладить с Мамаем безбожным, псом смердящим. Задонский князь Дмитрий Иванович! Пойдем мы к океан-морю, прирубим легкие струги, скале́пки[16] смечем в океан-море, сами соберем рать-силу великую и будем драться с Мамаем безбожным, псом смердящим, до последней капли крови — и будет на Мамая безбожного победа!» — «Что за слых, что за гром грянул по трапезе?» — говорит Задонский князь Дмитрий Иванович. Отвечает калика перехожая[17] — сумка переметная: «Это, Задонский князь Дмитрий Иванович, нечистая, неприятная сила (что тебе под ухо шептала,

[10] Облака, тучи.
[11] Не слышно.
[12] *Поленицы* — богатырши (*Ред.*).
[13] *Верес* — можжевельник.
[14] *Хвалынское море* — Каспийское море (*Ред.*).
[15] Иначе, в противном случае.
[16] Отрубки, щепки.
[17] Нищий, калека, убогой.

чтоб шел ты к океан-морю строить легкие струги, из океан-моря в море Хвалынское), когда ты бога прославил, из терема побежала».

Задонский князь Дмитрий Иванович чинил крепкие наказы, чтоб собирали рать-силу несметную по городам с пригородками, по селам с приселками и по всем дальним печи́щам [18], оставляли б дома только слепых, да хромых, да малых ребят-недоростков им в печальники. Собрали со всех концов Руси православной рать-силу великую, утвердили силу по-за Москве белокаменной, расклали силу по жеребьям: Семену Тупику, Ивану Квашнину, русскому послу Захарью Тютрину и семи братьям Белозерцам. Пошла сила на поле на Куликово, Москвы не хватаючи. На поле на Куликове учали думу думать, как надо силу сметить? Русский посол Захарий Тютрин садился на своего доброго коня, объезжал окру́г силы три дня и три часа — не мог силы сметить: на сколько верст стоит?

Задонский князь Дмитрий Иванович проговорил таково слово: разойтись силе по чисту полю и взять силе по камушку, по злаченой пуговке, и приказал дубы заметывать [19] теми камушками. Заметала сила семь дубов: с комля [20] и до вершины дубов не видно! Разделили ту силу несметную на три полка: первый полк взял Задонский князь Дмитрий Иванович, другой — русский посол Захарий Тютрин, третий полк взяли: Семен Тупик, Иван Квашнин и семь братьев Белозерцев. Учали они кидать жеребьи: кому первому на татаровей поганых идти? Первый жеребий выпал русскому послу Захарью Тютрину, с мохначами, бородачами — донскими казаками; другой — Семену Тупику, Ивану Квашнину и семи братьям Белозерцам, третий жеребий выпал Задонскому князю Дмитрию Ивановичу.

Вте́пор заслышал шведский король про великое побоище, на́брал силы сорок тысяч: «Подите, воины мои любимые, на поле на Куликово, Москвы не хватаючи; станьте, мои воины, на бугры на высокие: станет Задонский князь Дмитрий Иванович побивать Мамая безбожного — по Дмитрию Ивановичу пристаньте; буде Мамай безбожный побивать Дмитрия Ивановича — по Мамаю пристаньте». Лукав был шведский король, велел по правой силе приставать! Турецкий король заслышал про великое побоище, приказал набрать силы сорок тысяч и посылал их на поле на Куликово — сам наказывал: «Воины мои любимые! Какую силу побивать будут, по той пристаньте». Прост был турецкий король, по виноватой силе велел приставать!

Засряжалась рать-сила могучая на поле на Куликове на кровавое побоище; пере́д держал русский посол Захарий Тютрин с мохначами, бородачами — донскими казаками. Палась им встрету сила Мамая безбожного: когда сила с силою сходилась, мать сыра земля подгибалась, вода подступалась. Вте́пор выскочил из земли Кроволин-татарин — вышина

[18] Крестьяне Шенкурского уезда, живущие по рекам Сюме и Нелинге, называют всякую деревню *печищем*: печище Маслово, печище Часовинское, печище Подволочское и пр. Не назывался ли первоначально этим словом каждый дом в деревне, так же как *дым*, *труба* заменяли прежде слово: изба?

[19] *Заметывать* — метить (*Ред.*).

[20] *Комель* — корень.

семь сажень; скричал татарин зычным голосом: «Задонский князь Дмитрий Иванович! Давай мне-ка поединщика; буде не поставишь мне поединщика, я твою силу один побью-вырублю, грязьёй сделаю!»

Говорит Задонский князь Дмитрий Иванович: «Не на кого мне-ка надеяться; самому пришло идти супротивником-поединщиком на Кроволина-татарина!» Оболокает он свои латы крепкие, застегает пуговицы воальянские; обседлали ему добра коня во седло черкасское, берет он с собой палицу боевую, поезжает к Кроволину-татарину. Пал ему встрету незнамый воин: «Осади лошадь, Задонский князь Дмитрий Иванович! Пойду я на Кроволина-татарина, отрублю ему по плеч басурманскую голову!» Седлал он своего доброго коня, подтягивал двенадцатима подпругима шелко́выми не ради басы́, ради крепости. «Обороню я тебя, Задонский князь Дмитрий Иванович, от первыя смерти! Буде я побью Кроволина-татарина, то бейся и дерись ты с окаянным врагом, с Мамаем безбожным, псом смердящим, до последней капли крови: и будет на Мамая безбожного победа!»

Задонский князь Дмитрий Иванович с незнамым воином обменялись конями, простились, и благословил его князь Дмитрий Иванович на дело великое, на побоище смертное. Съехались два сильные, могучие богатыря на чистом поле на Куликове в бою-драке переведаться. Палицами ударились — палицы по чи́вья поломались; копьями соткнулись — копья извернулись; саблями махнулись — сабли исщербились; скакали они со добрых коней, и бились они рукопашным боем, и бились они три дня, три ночи, три часа не пиваючи, бились не едаючи; на четвертый день оба тут и упокоились. И учал князь Дмитрий Иванович досматривать: незнамый воин правую руку на тулово[21] Кроволина-татарина накинул. Князь своего воина срядил, похоронил, над ним крест поставил и вызолотил.

У Мамая безбожного, пса смердящего, выскочил из земли другой воин и звопил своим зычным голосом: «Задонский князь Дмитрий Иванович! Подавай мне-ка супротивника; в другую сторону я твою силу побью, и тебе, князю, глаза выкопаю — свет отниму!» Понурил буйну голову Задонский князь Дмитрий Иванович: «Не на кого мне-ка надеяться, самому пришло идти на Кроволина-татарина». Садился он на своего добра коня, поезжал на Кроволина-татарина. Пал ему встрету другой воин: «Осади лошадь, Задонский князь Дмитрий Иванович! Избавлю я тебя от скорыя смерти. Буде я побью собаку-татарина, бейся и дерись со Мамаем безбожным, псом смердящим, до последней капли крови: и будет на Мамая безбожного победа! А буде Квашнино́к-богатырек побьет меня, садись на моего доброго коня: увезет он тебя от смерти от скорыя».

Князь Дмитрий Иванович и незнамый воин обменялись конями, простились, и благословил его Дмитрий Иванович на дело великое, на побоище смертное. Съехались два сильные, могучие богатыря на чистом поле

[21] Туловище.

на Куликове в бою-драке переведаться. Впервые палицами они ударились — палицы по чи́вья поломались, копьями кололись — копья извернулись, вострыми саблями рубились — сабли исщербились; скочили они со добрых коней, бились-дрались рукопашным боем, бились-дрались три дня, три ночи и три часа, не пиваючи, не едаючи и ясных глаз не смыкаючи; на четвертый день оба тут и упокоились. И учал князь Дмитрий Иванович досматривать: у воина князева права пола́ на поганого татарина накинулась. Князь своего воина честно срядил, похоронил и на могиле крест поставил и вызолотил.

Вте́пор русский посол Захарий Тютрин с мохначами, бородачами — донскими казаками напущался на силу Мамая безбожного. Светлый день идет ко вечеру, а бой-драка еще не кончилась: когда кончилась драка, учали смечать: у кого сколько силы пало? У русского посла Захарья Тютрина на одного мохнача, бородача — донского казака по две тысячи по двести татаровей выпало. Стал попущаться другой по́лок [22], Семена Тупика, Ивана Квашнина и семи братьев Белозерцев. Красное солнышко из-за леса привздымается, бой-драка не умаляется; красное солнышко на́ покать пошло, нашу силу побивать стали.

Вте́пор стал попускаться Задонский князь Дмитрий Иванович. Живет он в силе Мамая безбожного, как острая коса в сеностав [23] в мягкой траве; куда проедет на коне — там улица, поворотится — переулочек, оборота на коне даст — площадью силу сделает. Невмогу́ту стало биться Задонскому князю Дмитрию Ивановичу: забрызгал он свои очи ясные поганою татарскою кровью, тут у него и свет выбрало — отемнел. Законался [24] он своему коню доброму: «Увези ты меня, конь, от скорыя смерти!» Бил он коня по крутым бедрам; подымался конь — только топ стоит! Привозил его конь в поле чистое к кудрявой березе, а опричь тоё кудрявой березы на поле нет ни леси́нки. Слезал он со добра коня: «Побега́й, мой добрый конь, в чистые поля, в широкие луга, ешь шелкову траву, пей свежую воду; не достанься, мой добрый конь, поганому Мамаю безбожному, псу смердящему».

Сел Задонский князь Дмитрий Иванович на кудрявую березу. Летит по небу через поле чистое стадо белых лебедей. Поглядел на стадо Дмитрий Иванович, сам прого́ворил: «За грехи мои окаянные попущает господь бог на землю русскую Мамая безбожного; не по нас птицы летят: будет на Русь православную победа!» Обсиделся Задонский князь Дмитрий Иванович; мало [25] — бежит по чисту полю стадо серых волков. «Господи, истинный Христе! Смилуйся над Русью православною, не отдай нас в лихо к некрещеному поганому татарину; не по нас звери бежат: пить нам от Мамая безбожного, пса смердящего, горькая чаша!» За́спал Задонский князь Дмитрий Иванович на кудрявой березе.

Вте́пор сила Мамая безбожного, пса смердящего, нашу силу побивать стала. Русский посол Захарий Тютрин с мохначами, бородачами — дон-

[22] Отряд, полк.
[23] В сенокосную пору.
[24] Замолился.
[25] *Мало* — спустя несколько времени, через несколько минут.

скими казаками, Семен Тупик, Иван Квашнин и семь братьев Белозерцев и вся Дмитрия Ивановича сила-рать могучая господу богу возмо́лились: «Господи Иисусе, истинный Христос, Дон-мать[26] пресвятая богородица! Не попустите некрещеному татарину наругаться над храмами вашими пречистыми, пошлите нам заступника Георгия Храброго». Из-за тех ли темных лесов, зеленых дубрав выезжает сильное воинство; ударилось оно на силу Мамая безбожного. Побежали поганые татары по чисту полю, прибега́ли поганые татары в зыбкую о́рду[27], в этой о́рде поганые татары и живот скончали.

Спохватилась рать-сила могучая Задонского князя Дмитрия Ивановича. Русский посол Захарий Тютрин, Семен Тупик, Иван Квашнин и семь братьев Белозерцев учали силу спрашивать: не пометил ли кто пути-дороги Задонского князя Дмитрия Ивановича? Молчит рать-сила могучая: ни от кого ответа нет. Русский посол Захарий Тютрин, Семен Тупик, Иван Квашнин и семь братьев Белозерцев понурили свои буйны головы; положили они на скопе[28]: погиб Задонский князь Дмитрий Иванович в бою-драке от поганых татаровей. Взадь пошла рать-сила могучая по чистому полю. Увидел русский посол Захарий Тютрин в чистом поле кудрявую березу, а на той кудрявой березе черни́зину[29]; походил Захарко на черни́зину, признавал он Задонского князя Дмитрия Ивановича. В ноги пал он князю Дмитрию Ивановичу: «Возрадуйся, Задонский князь Дмитрий Иванович! Постояли мы за матушку Русь православную, победили Мамая безбожного, пса смердящего!» Сходит князь Дмитрий Иванович с кудрявой березы; на восток он три раза земно кланяется. Настигали они рать-силу могучую, находили в том радость-веселие.

318. СКАЗАНИЕ ОБ АЛЕКСАНДРЕ МАКЕДОНСКОМ

ил на свете царь; имя его было Александр Македонский. 183
Это было в старину, давно-давно, так что ни деды, ни прадеды, ни прапрадеды, ни пращуры наши не запомнят. Царь этот был из богатырей богатырь. Никакой силач в свете не мог победить его. Он любил воевать, и войско у него было все начисто богатыри. На кого ни пойдет войною царь Александр Македонский — все победит. И покорил он под свою власть все царства земные. И зашел он на край света и нашел такие народы, что

[26] *Дон-мать* — Матерь Дона, донская пресвятая богородица.

[27] Орда, у крестьян архангельской губернии — зыбкая тундра, болото, покрытое мохом

[28] На общем собрании.

[29] Отдаленный предмет, чернеющий вдали.

сам, как ни был храбр, ужаснулся их: свирепы пуще лютых зверей и едят живых людей; у иного из них один глаз — и тот во лбу, а у иного три глаза; у иного одна только нога, а у иного три, и бегают они так быстро, как летит из лука стрела. Имя этих народов было: Гоги и Магоги.

Однако ж царь Александр Македонский от этих дивиих народов не струсил; начал он с ними воевать. Долго ли, коротко ли он с ними вел войну — это неведомо; только дивии народы струсили и пустились от него бежать. Он за ними, гнать-гнать, и загнал их в такие трущобы, пропасти и горы, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Там-то они и скрылись от царя Александра Македонского. Что же сделал с ними царь Александр? Он свел над ними одну гору с другою сводом, и поставил на своде трубы, и ушел назад в свою землю. Подуют ветры в трубы, и подымется страшный вой; они, сидя там, кричат: «О, видно еще жив Александр Македонский!» Эти Гоги и Магоги до сих пор еще живы и трепещут Александра, а выйдут оттудова перед самою кончиною света.

ПРИЛОЖЕНИЯ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АА — *Андреев Н. П.* Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.
Азадовский. Литература и фольклор. — Азадовский М. К. Литература и фольклор. Л.: Гослитиздат, 1938.
Азерб. ск. — Азербайджанские сказки. Сост. А. Ахундов. Баку, 1960.
Аникин — Аникин В. П. Русская народная сказка. М.: Просвещение, 1978.
Арайс-Медне — Arājs K., Medne A. Latviesu Pasaku tipu Rāditājs. Riga, 1977.
Арм. ск. — Армянские сказки/Сост. А. И. Иоаннисиан. М., 1968.
Афанасьев. Поэт. воззрения — Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865—1869, т. I—III.
Башк. творч. — Башкирское народное творчество. Сказки. Уфа, 1976—1983, кн. I—V. (Тексты на башкирском, комментарии на русском языках).
Бессонов. Башк. ск. — Башкирские народные сказки/Запись и пер. А. Г. Бессонова, под ред. Н. К. Дмитриева, Уфа, 1941.
Бронницын — Бронницын Б. Русские народные сказки. СПб., 1838, кн. I.
ВГО — Всесоюзное географическое общество (см. РГО).
Гильфердинг — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950, 1951, т. II, III.
Зеленин. Перм. ск. — Великорусские сказки Пермской губернии. Сборник Д. К. Зеленина (Записки *РГО*, 1914, т. XLI).
Казах. ск. — Казахские народные сказки в трех томах. Алма-Ата, 1971, т. I—III.
Карельск. ск. — Карельские народные сказки. Южная Карелия. Изд. подг. У. Конкка, А. Тупицина. Л., 1967.
Лекарство... — Лекарство от задумчивости и бессонницы, или Настоящие русские сказки. СПб., печ. у Вильковского и Галченкова, 1786 (периздания: 1793, 1815, 1819, 1830).
Мелетинский — Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. М.: Изд-во восточной литературы, 1958.
Новиков — Новиков Н. В. Образы восточнославянской волшебной сказки. Л.: Наука, 1974.
Осет. ск. — Осетинские народные сказки/Собрал Г. А. Дзагуров. М., 1973.
Перм. сб. — Пермский сборник, 1859, кн. I, отд. 2; 1860, кн. II, отд. 2.
Повествователь... — Повествователь русских сказок. М., 1787.
Погудка... — Старая погудка на новый лад, или Полное собрание древних простонародных сказок. Издана для любителей оных иждивением московского купца Ивана Иванова. М., тип. А. Решетникова, 1795, ч. I—III.
Прогулки... — Дедушкины прогулки, содержащие в себе 10 русских сказок. СПб., 1819. Первое изд. — СПб., 1786.
Пропп. Ист. ск. — Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.
Пушкин. Прил. 1 — Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6-ти т. М.; Л., 1936, т. II, прил. 1. Записи сказок, с. 483—489.
РГО — Русское географическое общество (см. *ВГО*).
Ровинский — Русские народные картинки/Собрал и описал Д. Ровинский. СПб., 1881, кн. I—V.
Рыбников — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2-е. М., 1909—1910, т. I—II.
Ск. Дагестана — Сказки народов Дагестана/Пер., сост. и примеч. Х. Халилова. М., 1965.
Ск. дедушки — Сказки моего дедушки. Новейшее российское сочинение. М., 1820.
Ск., лег. Башк. — Сказки, легенды и предания Башкирии в новых записях на русском языке. Под ред. и с коммент. Л. Г. Барага. Уфа, 1975.

Смирнов — Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества. Вып. I—II. Издал А. М. Смирнов (Записки РГО, 1917, т. XLIV).
Страпарола. Приятные ночи — Джованфранческо Страпарола Да Какаваджо. Приятные ночи/Изд. подготовили: А. С. Бобович, А. А. Касаткин, Н. Я. Рыкова М.: Наука, 1978.
СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка/Сост. Бараг Л. Г., Березовский И. П., Кабашников К. П., Новиков Н. В. Л.: Наука, 1979
Тат. творч.— Татарское народное творчество. Сказки. Казань, 1977—1981, т. I—III (на татарском яз.).
Тимофеев — Сказки русские, содержащие в себе 10 различных сказок. Собр и изд. Петром Тимофеевым. М., тип. Пономарева, 1787.
Узбек. ск.— Узбекские народные сказки. Сост. Афзалов М., Х. Расулев, З. Хусаинова. Ташкент, 1963, т. I—II.
Худяков — Великорусские сказки в записях И. А. Худякова/Изд подг. В. Г. Базанов и О. Б. Алексеева. М., Л.: Наука, 1964.
Четкарев — Марийские народные сказки/Записи, пер. и комм. К. А. Четкарева. Йошкар-Ола, 1956.
Шейн. Материалы — Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. СПб., 1893, т. II.
Этногр. обозр.— Этнографическое обозрение. Издание Этнографического общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете.
AT — The types of the folktale. A classification and bibliography. Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen translated and enlarged by Smith Thompson. 2. revision. Helsinki, 1964.
Benfey — Benfey Th. Pantschatantra. Leipzig, 1859, Bd. I.
Chauvin — Chauvin V. Bibliographie des ouvrages arabes ou relatifs aux arabes, publiés de 1810 à 1885, Liège, 1892—1922, t. I—XII.
FF — FF Communications. Edited for the Folklore Fellows.
Krzyżanowski — Krzyżanowski J. Polska bajka ludowa w uk'adzie systematycznym. Wyd. 2. Wroc'aw, Warszawa; Kraków, 1962—1963, t. I—II.
Krzyżanowski. Par. — Krzyżanowski J. Paralelé. Studia porownawacze z pogranicza literatury i folkloru. Warszawa, 1961.
Liungman — Liungman W. Die schwedischen Volksmärchen. Berlin, 1961.
Novelline — Anderson W. Novelline populari sammarinesi. Tartu, 1927—1929, 1933, t. I—III.
Polivka — Polivka J. Phadkoslovné studie. Praha, 1904.
Saintyves — Saintyves P. Les contes de Perrault et récits parallèles. Paris, 1923.
Wesselski — Wesselski A. Märchen des Mittelalters. Berlin, 1925.
Wesselski. Vers.— Wesselski A. Versuch: einer Theorie des Märchens. Reichenburg, 1931.

ПРИМЕЧАНИЯ

179—181. СИВКО-БУРКО
(с. 5—10)

179 (105 а) Записано в Шадринском уезде Пермской губ. государственным крестьянином А. Н. Зыряновым. Рукопись — в архиве *ВГО* (р. XXIX, оп. 1, № 32 а, лл. 18 об.— 22; 1850).

АТ 530 (=*АА 530А*. Сивко-бурко). Сюжет широко известен во всех странах Европы. Его варианты учтены *АТ* в сделанных в Северной и Южной Америке записях на французском, английском и испанском языках, а также в афро-азиатском (арабском, турецком, кавказском, индийском) фольклорном материале. Русских вариантов — 60, украинских — 41, белорусских — 14. Варианты, сходные с восточнославянскими и значительно отличающиеся от них, встречаются в фольклоре многих народов Советского Союза (*Башк. творч.*, II, № 18; *Тат. твор.*, I, № 65, 66, 80; *Азерб. ск.*, с. 124—135). Отдельные мотивы этого сюжета прослеживаются исследователями в западноевропейском фольклорно-литературном материале, начиная с XIII столетия (см.: *Boberg J. M.* Prinsessen pă glassbjoerget.— Danske Studier, 1928, s. 16—53). История сказок на западноевропейской культурной почве связана с народными книгами эпохи позднего средневековья. В XVIII в. сказочный сюжет об освобождении от заклятья дочери короля, находившейся на стеклянной горе, был обработан в стихотворной форме английским поэтом Александром Попом и немецким поэтом К. Ф. Николаи. Сюжет этот получил своеобразное отражение в новелле Вашингтона Ирвинга «Принц Ахмед аль Камаль» (1825). Литературной обработкой чешской народной сказки является сказка Божены Немцовой «Волшебный меч» (1845). В восточнославянском, особенно в русском, фольклорном и лубочном материале преобладает весьма отличная от западноевропейских сказок о стеклянной горе разновидность сюжетного типа *530:* три брата поочередно караулят ночью на могиле отца; младший (Иван-дурак) получает от умершего отца волшебного коня Сивку-бурку и благодаря ему побеждает в состязаниях женихов — доскакивает до царевны, находящейся в высоком тереме, целует ее, получает от нее перстень и в конце концов женится на ней. Текст сборника Афанасьева является для сказок о Сивке-бурке характерным. Первые публикации относятся к XVIII в. (*Лекарство..*, с. 189—236; *Тимофеев*, с. 173—218). Народные сказки этого типа литературно обрабатывались многократно. Самыми удачными из обработок являются: «Сивка-бурка» К. Д. Ушинского и под тем же названием сказка А. Н. Толстого. Исследования: *Мелетинский*, с. 133—142; *Новиков*, с. 112—113. Мифологическое истолкование сказочного образа Сивки-бурки — см.: *Афанасьев*. Поэт. воззрения, I, с. 616—628. Афанасьев внес в текст несколько мелких поправок, например, в печатном тексте Афанасьева «Куда к черту тебе быть! Сиди, дурак, на пече» (в рукописи: «Куды к черту тебе быть дурак сиди на пече»); «чрез немного время» (в рукописи: «Чрез немнюго времяни»). См. комм. ко II т. сказок Афанасьева изд. 1938 г. (с. 590).

180 (105b) Записано в Курской губ.

АТ 530. В этом варианте есть необычные подробности: царевна Елена Прекрасная — сирота, она сама решает сесть на высоком троне в «храме о двенадцать столбов» и ждет там удалого молодца-жениха. Обычно в сказках этого типа вначале повествуется о том, как младший из трех братьев добыл волшебнюго коня, а здесь он получает коня от умершего отца уже после того, как царевна назначила конное состязание женихов.

181 (105c) Записано в Новогрудском уезде Гродненской губ. учителем М. А. Дмитриевым. Язык белорусский. *АТ 530*.

182—184. СВИНКА ЗОЛОТАЯ ЩЕТИНКА, УТКА ЗОЛОТЫЕ ПЕРЫШКИ, ЗОЛОТОРОГИЙ ОЛЕНЬ И ЗОЛОТОГРИВЫЙ КОНЬ

(с. 10—22)

182 (106a) Записано П. И. Якушкиным, место записи неизвестно. Текст заимствован Афанасьевым из рукописного собрания П. В. Киреевского.

AT 530 A (=*AA 530 B*. Свинка золотая щетинка). Сказки этого типа отличаются от сказок *AT 530* тем, что имеют дополнительные эпизоды, которые составляют продолжение повествования о подвигах героя, совершенных благодаря волшебному коню. В *AT* учтены только русские варианты, но данный сюжет характерен, хотя и не в одинаковой мере для репертуара восточнославянских народов. Русских вариантов — 42, украинских — 8, белорусских — 4; встречается также в словацких, латышских, эстонских, башкирских, казахских, татарских, узбекских и в некоторых других сказках соседних с восточными славянами народов. Близко соответствует восточнославянским сказкам, например, башкирская сказка типа *530 A* (*Башк. творч.*, II, № 19). Мотив добывания для царя животных-диковинок, подобных тем, которые добывает герой сказок типа *530 A*, известен сказкам народов Ближнего Востока,— например, персидским (Персидские сказки/Сост. Н. Османов. М., 1959, с. 34—49). В сборнике Афанасьева обстоятельно переданы характерные для восточнославянских вариантов особенности сюжета.

После слов «ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать» (с. 11) Афанасьевым дана сноска: «В другом списке отец дает дураку в первую ночь Сивку-бурку, во вторую — свинку золотую щетинку, а в третью — коня златогривого; с помощью Сивки-бурки дурак женится на царевне, а потом ему легко уже было исполнить царские задачи, то есть достать свинку золотую щетинку и златогривого коня».

После слов «достаньте мне ее» (с. 13) дана сноска. В ней отмечено, что «царь приказывает, вместо свинки, добыть корову или козу золотые рога».

183 (106b) Записано в Бобровском уезде Воронежской губ. В этом уезде сказки записывал Афанасьев, но он обозначил не все сказки Бобровского уезда как записанные им.

AT 530 A. В варианте опущен традиционный вступительный эпизод «Три ночи на могиле отца»; три брата — купеческие, а не крестьянские сыновья — отправляются добывать царевну в то время, когда отец их жив; меньший брат, дурак, неведомо как оказался обладателем волшебного коня. Изменения обычного развития действия несколько нарушают его логику. Необычным для таких сказок является появление в эпизоде добывания золотогривого и золотохвостого коня двух чудесных молодцов, готовых исполнить любое желание героя, как в сказках о волшебном кольце (*AT 560*).

184 (106c) Место записи неизвестно. Язык — украинский.

AT 530 A. Образы трех волшебных коней разных мастей, полученных героем от умершего отца, встречаются в ряде опубликованных восточнославянских и сказок других народов СССР. Аналогичный эпизод есть, например, в упомянутой в прим. к тексту № 182 башкирской сказке: отец, выходя из могилы к меньшему своему сыну дураку Кинзябулату, дарит ему сначала черного, а затем рыжего и в третью ночь белого коней.

185. ВОЛШЕБНЫЙ КОНЬ

(с. 22—26)

185 (107) Место записи неизвестно.

AT 531 (Конек-горбунок. См. прим. к текстам № 169—170)+*518* (Обманутые великаны или черти, лешие). В варианте отсутствуют некоторые традиционные эпизоды сюжета, но есть и не обычные для него подробности: новорожденный герой становится крестником государя (ср. характерную восточнославянскую разновидность этого сюжета — «Трем сын» — о крестнике, приемном сыне трех старцев), герой проникает в опочивальню Настасьи прекрасной королевны, целует ее спящую (ср. *AT 551* — Молодильные яблоки); попадает в тюрьму, его конь оборачивается птичкой, а он сам старичком; возвращаясь к царю с похищенной Настасьей-королевной, сражается с вражеским войском и побеждает чудесным помелом и чудесной клюкой, добытыми у обманутых им великанов. Особым номером — *518* обозначен в международном указа-

теле не самостоятельный сюжет, а всемирно распространенный мотив, эпизод об обманутых великанах или нечистых, который входит в самые различные фольклорные и лубочные сказки. Русских вариантов — 42, украинских — 22, белорусских — 13. История сюжетного мотива связана с мифами о Персее, сказками древних восточных сборников «Типитака», «Катхасаритсагара» («Сомадева»), «Шиди-хюр» («Волшебный мертвец»), «Тысяча и одна ночь». Исследование: *Wesselski*. Vers., S. 164.

186—187. КОНЬ, СКАТЕРТЬ И РОЖОК
(с. 27—28)

186 (108) Записано в Липецком уезде Тамбовской губ. Источник — в комм. ко II т. сказок Афанасьева изд. 1938 г. не отмечен. Рукопись в архиве ВГО (р. XL, оп. 1, № 36, лл. 6—8; 1848).

AT 563 (Чудесные дары). Сюжет бытует во всех частях света, имеется во многих не учтенных в *AT* сборниках сказок народов СССР (например: *Башк. творч.*, II, № 55, 56; *Тат. творч.*, III, № 66; *Узбек. ск.*, I, с. 76—80, II, с. 341—344, Киргизские сказки/Сост. Д. Брудного и К. Эшмамбетова. М., 1968, с. 57—62; Чувашские легенды и сказки/Сост. Е. Сидорова. Чебоксары, 1979, с. 75—76; *Арм. ск.*, с. 21—24; Сказки народов Памира/Сост. А. Грюнберга и И. Стеблин-Каменского. М., 1976, № 61). Русских вариантов — 18, украинских — 30, белорусских — 10. Древнейшие версии этого сюжетного типа находятся в китайском сборнике VI в. «Лю ый сянг» и в индийском сборнике «Двадцать пять рассказов Веталы» (параллели: тибетский сборник «Игра Веталы с человеком» и монголо-ойратский сборник «Волшебный мертвец» — сказка «Два брата»). Исследования: *Aarne A.* Die Zaubergaben. Eine vergleichende Märchenforschung (Journal de la Société Finno-Ougrienne, t. XXVII, Helsingfors, 1909); *Пропп. Ист. ск.*, с. 173—174, 177—179. В сказке «Конь, скатерть и рожок», как и в ряде других восточнославянских сказок, в роли дарителя выступает журавль, пойманный на засеянном поле. Волшебный рожок герой получает обычно после того, как скатерть-самобранка и чудесная коза были подменены обыкновенными скатертью и козой. С помощью рожка герою возвращаются два первых подарка. В нашем варианте из сюжета выпали некоторые традиционные звенья, и логика действия нарушилась.

Стилистические отступления Афанасьева от рукописи следующие:

Страница и строка	Напечатано:	Рукопись:
27, 2—3 св.	был сын дурак. Вот однажды нашел дурак	был сын дурак. Не занимались они долгое время хлебопашеством. Вот однажды дурак нашел
4 св.	Когда горох взошел, стал он его караулить	Потом, как взошел горох, он стал караулить оный
5 св.	раз	однажды
5—6 св.	сидит на нем журавль и клюет	журавль на нем сидит и клюет оный
7 св.	убью!	убью теперь!
9 св.	журавль дал ему	дал ему журавль
10 св.	захочется	хочется
10—11 св.	наберешь	насытишься
15 св.	дает ей строгий приказ	дает строгий приказ матери, говоря
16 св.	А сам тут же ушел	И тут же ушел сам
16—17 св.	Мать была долго в раздумье: Для чего говорил он мне	Мать после него была долго в раздумье... Для чего он мне говорил
18—19 св.	поспешно начала она	она поспешно начала
19 св.	в свою коробью	в коробью свою

Страница и строка	Напечатано:	Рукопись:
27, 21—22 св.	опять застал на своем горохе журавля, поймал его и грозил	на своем горохе опять застал журавля; и поймавши его, угрожал
23 св.	захочешь ты	ты захочешь
24—26 св.	сделал опыт, сказал: *развернись*! Скатерть развернулась. Он наелся-напился и говорит	сделал опыт. Наелся, напился и сказал —
20 сн.	а говори: *свернись*!	а — свернись!
19 сн.	пошел	ушел
19 сн.	Мать и со скатертью сделала то же	Любопытная мать то же сделала и со скатертью
18 сн.	есть и пить	пить, есть
17 сн.	Скатерть и свернулась	— И свернулась
16 сн.	опять поймал на горохе	на горохе опять поймал
16 сн.	который дал ему	который за свое спасение дал дураку
11 сн.	говорит	говорит ей
10 сн.	а говори: в рожок!	а в рожок!
9 сн.	Сейчас выскочили	Вот и выскочили
7—8 сн.	она кричит во все горло. Дурак услыхал крик	она кричит во все горло. И принуждена была отдать им все деньги. Дурак у соседа услыхал такой крик
4 сн.	сказывал	говорил
3 сн.	дурак задумал задать пир	дурак и вздумал сделать бал
2 сн.	и говорит	говорит
27, 1 сн.— 28, 1 св.	и почали грабить себе деньги да прятать по карманам	и в великом смехе начали грабить себе деньги по карманам
2 св.	только	лишь только
2 св.	Видит дурак	Потом дурак видит
4—5 св.	закусок и напитков поставлено великое множество. Гости начали пить	напитков и закусок великое множество: начали пить
6 св.	стали	начали
7 св.	еще что-нибудь	что-нибудь еще
8 св.	и приносит	Вот и приносит
9—10 св.	начали колотить их изо всей мочи и до того	и начали колотить гостей из всей мочи — до того
11 св.	украденные деньги, а сами разбежались	и деньги украденные. Таким образом все гости и разбежались
12 св.	Жить да поживать да	Жить и поживать и

К словам «Конь и рассыпался в серебро» (с. 27) Афанасьевым дана сноска: «В других списках выводится конь, который испражняется деньгами».

187. ДВОЕ ИЗ СУМЫ

(с. 28—30)

187 (109) Записано в слободе Казачьей, Тамбовской губ. Рукопись — в архиве *ВГО* (р. XL, оп. 1, № 36, с. 117—124).

АТ 564 (Чудесные дары: вместо подмененной сумы, которая исполняет все желания, герой получает суму, из которой выскакивают два кнутобойца и с помощью второй сумы возвращает себе первую). Данная разновидность сюжетного типа «Чудесные дары» так же, как разновидность типа *563*, имеет всемирную известность, но встречается в фольклорных сборниках реже. Русских вариантов — 27, украинских — 10, белорусских — 7. Многие восточнославянские сказки этого типа отличаются социальной заостренностью. Подобные сказки имеются и в сборниках фольклора неславянских народов СССР (например: *Тат. творч.*, II, № 30).

Многочисленные мелкие поправки, внесенные Афанасьевым в текст рукописи, перечислены в комм. ко II т. сказок Афанасьева изд. 1938 г. (с. 593—595). Так, например, вместо «Журавль отвечает ему» напечатано «Журавль ему отвечает», вместо «ворчит сама в себе» напечатано «ворчит промеж себя»; вместо «и восхвалила старика» напечатано «и похвалила старика».

После слов «Пойдем со мной в дом» (с. 28) в сноске Афанасьева отмечено: «В „Собрании старинных русских сказок" это место изложено обстоятельнее: «Старик выскочил из-за куста, и, подходя ближе к тенетам, говорил сам себе: «Ну, слава богу! Теперь старуха на меня не будет ворчать; я ей принесу журавля, которого убьем, наварим, нажарим и вместе съедим». Журавль, услыша сие, возговорил старику человеческим голосом: «Почтенный старик! Не носи ты меня в дом и не бей, но выпусти из тенет и дай мне свободу; будь ты мне отцом, а я тебе буду сын». Старик отпустил журавля, но старуха рассердилась за то на него, прибила и прогнала со двора. Старик идет к журавлю и получает суму, и т. д.».

К словам «Двое из сумы» (с. 28) дан вариант: «из торбы».

В Примечаниях к сказкам (кн. IV, с. 231—232) Афанасьев дал следующий вариант без указания его источника: «Жило-было два брата: старший — богатый да злой, меньшой — работящий да бедный. Что ни делал бедняк, все ему не удавалось. Вот он вдумал и пошел искать свою Долю; долго ли, коротко ли — нашел ее в поле; лежит себе Доля прохлаждается! Стал ее бить плетью, а сам приговаривает: «Ах ты, Доля ленивая! У других людей доли ночь не спят, все для своих хозяев труждаются; а ты и днем ничего не делаешь. По твоей милости мне скоро и с женой и с детками придется умирать с голоду!» — «Полно, перестань драться! — отвечает ему Доля.— Вот тебе лубочный кузовок, только раскрой, будет что и попить и поесть тебе». Мужик пришел домой, раскрыл кузовок, а там — чего только душа желает! Старший брат прослышал про то, пришел и отнял у него диковинку силою. Отправился бедняк опять к Доле, она ему дала золотой кузовок. Вышел он на дорогу, не захотел долго откладывать и тотчас открыл золотой кузовок — как выскочили оттуда молодцы с дубинками и давай его бить. Больно прибили и спрятались в кузов. «Ну — думает мужик,— этот кузовок не накормит, не напоит, а больше здоровья отымет! Не хочу его и брать-то с собою!» Бросил золотой кузов на дороге и пустился в путь: прошел с версту, оглянулся назад — а кузов у него за плечами висит. Испугался мужик, сбросил его долой и побежал во всю прыть; бежит, ажно задыхается! Оглянулся назад — а кузов опять за плечами. Нечего делать, принес его домой. Старший брат польстился на золотой кузовок, пришел меняться: «Я тебе,— говорит,— отдам лубочный кузовок, а ты подавай сюда золотой». Поменялся, да потом долго-долго помнил эту неудачную мену».

188. ПЕТУХ И ЖЕРНОВКИ

(с. 30—31)

188 (110) Записано в Воронежской губ. В первом издании отсутствует.

Начало этой, как и целого ряда других русских сказок о чудесном петухе, напоминает сюжетный тип *АТ 1960 G* (Горох до неба. См. прим. к тексту № 19). В основном относится к типу *715А* (Петух и жерновцы). Сказки этого типа распространены во всех частях света, но неравномерно: они не отмечены, например, в чешских и словацких сборниках. В отличие от характерных для западноевропейского фольклорного материала волшебных сказок о петухе-великане, проглатывающем на своем пути

разбойника, лиса, льва, огонь и т. п. (такие варианты сюжета имеются и в западноукраинском, западнобелорусском материале) восточнославянские сказки о петушке, отнявшем у барина украденные или захваченные тем у бедных старика и старухи чудесные жерновцы и проучившем жадного и надменного барина, в своем большинстве социально заострены, сатиричны. Русских вариантов — 33, украинских — 8, белорусских — 8. Сходные с восточнославянскими варианты есть в некоторых сборниках сказок тюркоязычных народов СССР, например, башкир (*Башк. творч.*, I, № 37). Исследования: *Boggs R. S.* A comparative survey of the folktales of ten peoples (*FFC*, N 93). Helsinki, 1930; *его же:* The Nalfchick Tale in Spain and France (*FFC*, N 111). Helsinki, 1933. Русские народные сказки этого типа неоднократно издавались в литературно обработанном виде. Первая русская публикация: *Ваненко И.* Народные русские сказки и побаски. М., 1849, кн. 2, № 1.

После слов «Лез-лез и взобрался на небо» (с. 30) Афанасьевым в сноске дан вариант начала сказки: «Жил себе дед да баба. Раз ели они горох и уронили под пол одну горошину. Стала она расти, росла, росла и выросла до самого потолка. Дед разобрал крышу и потолок; а горошина взяла расти до самого неба. Полез дед на небо...»

189. ЧУДЕСНЫЙ ЯЩИК
(с. 31—33)

189 Записано в Шадринском уезде Пермской губ. А. Н. Зыряновым. Рукопись — в ар-
(111) хиве *ВГО* (р. XXIX, оп. 1, № 32а, лл. 10—12; 1850).

Отчасти *AT 561* (Лампа Аладина). Неполно передающая сюжет сказка «Чудесный ящик» отличается своеобразными эпизодами, напоминающими другие сюжеты — о чародейской «хитрой науке» (*AT 325*), о подземных царствах (*AT 301*).

Всемирную известность сюжет о волшебной лампе, генетически восходящий к сюжету о волшебном кольце *AT 560* (см. тексты № 190, 191), получил благодаря сказочной повести о лампе Аладина из «Тысячи и одной ночи» (см.: «Халиф на час». Новые сказки из книги «Тысяча и одна ночь»/Пер. М. А. Салье. М., 1961, с. 161—231). История народных сказок типа *561* связана вместе с тем и со средневековым восточным романом «Сорок везиров», многочисленными переделками сказки «Тысячи и одной ночи». Драма «Аладин, или волшебная лампа» относится к наиболее популярным произведениям датского поэта-романтика А. Г. Эленшлегера (1805). В России сюжет этот получил распространение преимущественно через лубочные книжки. Русских варантов — 7, украинских — 8, белорусских — 1. Исследования: *Zottenberg H.* Histoire d'Ala ad Dïn, ou la lampe mervelleuse/Text arabe, publié avec une notice sur quelques manuscripts des Mille et une nuit. Paris, 1888; *Elberling C.* Et og Andet om Aladdin. København, 1888; *Ranke K.* Aladdin.— Enzyklapädie des Märchens, Bd. I. Lieferung 1. Berlin; New York, 1976, S. 239—246.

Изменения, внесенные Афанасьевым в текст записи, незначительны. Они перечислены в комм. ко II т. сказок Афанасьева изд. 1938 г. (с. 596—597). Так, стремясь приблизить публикуемый текст к диалектной речи рассказчика, Афанасьев, например, заменил слова «одного», «вещи», «у него», «никого», «ящик» нелитературными — «одново», «вешши», «у нево», «никово», «яшшик».

190—191. ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО
(с. 33—44)

190 Записано в Новгородской губ.
(112а) *AT 560* (Волшебное кольцо). Всемирно известный сюжет, встречается во многих сборниках сказок народов СССР, не учтенных в *AT*. Русских вариантов — 55, украинских — 28, белорусских — 12. Истоки сюжета восходят к древнему индийскому сборнику «Двадцать пять рассказов Веталы» (рассказ 8-й — о самоцвете, исполняющем все желания); параллели имеются в тибетском сборнике «Игра Веталы с человеком» и в монголо-ойратском сборнике «Волшебный мертвец». Первые европейские публикации относятся к XVII в.: «Пентамерон» Базиле (III, № 5; IV, № 1). Лубочные переделки многократно издавались в России и других странах. Такой переделкой народной русской сказки является, например, «Сказка об Иване, купеческом сыне» лубочной книги «Деревенская забавная старушка» (М., 1804). Исследования: *Aarne A.* Ver-

gleichende Marchenforschungen. Das Märchen vom Zauberring.— Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, XXV, 1908, S. 1—82; *Аникин*, с. 154—156 (анализ текста № 191); *Пропп. Ист. ск.*, с. 290—293. Мифологическое истолкование сюжета о волшебном кольце — см.: *Афанасьев. Поэт. воззрения*, I, с. 776—777. Чаще всего в сказках этого типа герой получает кольцо от спасенной им змеи, а не снимает с руки мертвой царевны, как в этом варианте, но параллелей к этому эпизоду в фольклорном и лубочном восточнославянском материале немало. Своеобразно разработан здесь эпизод утешения находящегося в тюрьме героя «знатной музыкой», которой он «потемнил» царских посланников и самого царя.

191 Место записи неизвестно.

(112b) *АТ 560*. Данный вариант замечателен обстоятельностью, цельностью и красочностью изложения, целым рядом своеобразных подробностей.

В сносках Афанасьев дал ряд вариантов к отдельным местам текста:

После слов «а кота посадил в мешок и повез домой» (с. 37) — вариант начала: «В некоем селе жил старик со старухою, и было у них три сына: два умных, третий — дурак. Умные то и дело на работе, а дурак завсегда на печи валяется. За досаду то умникам показалося, стали они к отцу приставать: «Прогони дурака, сбей его со двора! За что, про что мы его кормим?» Отец подумал-подумал, дал дураку сто рублев на разживу и прогнал его с глаз долой. Дурак купил на те деньги собаку и кошку...»

После слов «царь той подземельной стороны» (с. 38) — вариант предыдущих эпизодов: «Добрый мо́лодец получил от матери сто рублей и пошел в город; на дороге видит — мальчишки бьют змею палками. «За что вы, ребята, ее мучаете? Лучше продайте мне; вот вам сто рублей». Мальчишки бросили палки, взяли деньги и разбежались по сторонам. Говорит тогда змея: «Смотри, добрый мо́лодец, я сделаюсь клубочком; куда клубочек покатится, туда и ты иди». Долго-долго шел он за клубочком, много лет пролетело, и зашел в такую землю, где нет ни души человеческой, ни птиц, ни зверей, только одни змеи кишат. То было змеиное царство. Встречает доброго мо́лодца царь-змей и говорит: «Ты мою дочь от смерти избавил; проси у меня какой хочешь награды».— «Не хочу,— отвечает тот,— ни злата, ни серебра, дай мне волшебное кольцо». Афанасьев добавляет: «По другому списку герой сказки, странствуя по белому свету, приходит в очарованное сонное царство, видит во дворце спящую царевну и снимает с ее правой руки золотой перстень. Перстень оказывается волшебный».

К словам «чтоб... был сделан хрустальный мост» (с. 39) — вариант: «И чтоб от того дворца до королевского был сделан мост — одна мостинка золотая, а другая серебряная». После слов «мышонок... схватил кольцо... и отнес к своему царю» (с. 42) указан вариант: «Добрый мо́лодец любил ходить на охоту; раз долго ходил он по́ лесу, да не видел ни одной птицы, вздумал домой вернуться, сделал шагов десять назад и увидел на дубу во́рона. Только было прицелился из ружья, как провещал ему ворон человечьим голосом: «Не убивай меня, добрый мо́лодец! Я тебе дам воронёнка; в некое время он тебе пригодится». Охотник взял воронёнка и принес домой (после того он добывает волшебное кольцо; женится на королевне; та его обманывает, и король заключает бедняка в темницу). Ворonёнок полетел разыскивать кольцо; долго ли, коротко ли, прилетел он в тридесятое государство, увидал мышь, бросился на нее, захватил в когти и давай клевать. Мышь стала молить о пощаде; говорит ей ворonёнок: «Хорошо, я тебя пущу на волю, только заберись к такой-то королевне и украдь у ней колечко». Ровно в полночь очутилась мышь во дворце, обмочила свой хвостик в помоях и всунула его королевне прямо в рот; та начала харкать, плевать и выплюнула волшебное кольцо. Мышь подхватила кольцо и отдала ворonёнку, а этот отнес его к своему хозяину».

К словам «подхватила его рыба-белужина» (с. 43) — вариант: «щука».

В Примечаниях к сказке (кн. IV, 1873, с. 244—246) Афанасьев приводит рукописный вариант, записанный в Пермской губернии. Вариант приведен им не полностью: «В некоем царстве был купец с купчихою; жили они в ладу и в совете, а детей не имели долгое время. Помолились богу, и даровал им господь сынка, по имени Ивана. Рос этот мальчик не по годам, а по часам, как пшеничное тесто на опаре киснет, а с крестьянской гущи и того пуще. Отец помер, а сын в лета вошел; стала ему мать говорить: «Что же ты, сынок, ничего не делаешь? В твои годы все торговлей занимаются». Дала ему сто рублев денег и послала товар закупать. Купе-

ческий сын собрался и пошел; вот идет он дорогою и видит, что мужик веревку плетет. «Что ты, добрый человек, делаешь?» — «Веревку плету, хочу кота давить; больно блудлив, каналья, стал, то и дело говядину ворует да из кринок молоко хлебает!» — «Продай его мне!» — «Изволь!» Купил Иван кота за сто рублев. Точно так же покупает он на другой день собаку, а на третий — змею. «Что, мужичок, делаешь?» — спрашивает он мужика. «Веревку плету, хочу змею давить; много уж она пакостит, у коров вымя выедает!» Купеческий сын выкупил змею за сто рублев и понес ее домой. Говорит ему змея: «Отпусти меня, Иван купеческий сын! Я тебе много добра сделаю».— «Какого добра?» — «А вот пойдем к моему отцу Змиулану, он тебя наградит дорогим перстнем». Пришли к Змиулану; тот насыпал блюдо серебра и подносит гостю, а гость не берет; Змиулан насыпал полное блюдо золота и опять подносит, Иван и золота не берет. Тогда, нечего делать, взял Змиулан дорогой перстень о двенадцати вставах, положил на блюдо и подает Ивану купеческому сыну. Иван с радостью принял тот перстень двенадцативставочный, благодарствовал за подарочек и наскоро домой ворочался. Дома он перекинул перстень с руки на́ руку — из перстня выскочили двенадцать молодцев и спрашивают: «Что угодно, Иван сын купеческий?» — «Постройте против моих хоро́м три славные лавки: одна лавка с парчами, другая с атласами, а третья с бархатами».— «Хорошо, все будет исполнено!» Наутро просыпается, вышел на улицу — против самых хоро́м выстроены три лавки, и привалило туда народу видимо-невидимо! Отколь только набился? Просто нет ни входу, ни выходу. Сам хозяин насилу в одну лавку пробрался, смотрит,— а там стоит красная девица красоты неописанной и выбирает себе дорогие наряды, а с нею двенадцать других девушек. Купеческий сын глаз не сводит с красавицы, больно она ему поглянулась: хоть сейчас мо́лодец взял бы под венец! А то была не простая дочь купеческая, не дворянская, а сама царевна. Пристал Иван к своей матушке: «Высватай за меня царевну!» — «Что ты, сынок! Как можно за тебя отдать? Если и царь на то соизволит, дак все короли и королевичи над ним смеяться будут».— «Ну, это еще не ведомо: не то смеяться, не то плакать станут, а ты высватай!». Пошла купчиха к царю: «Так и так,— говорит,— не вели казнить, вели слово вымолвить». Царь выслушал ее и в ответ сказал: «Приходи, умница, завтра! Я разберу это дело». Воротилась мать к сыну: «Ну, сынок, царь не приказал и не отказал нам, а хочет разобрать это дело завтра». На другой день от царя было такое слово купчихе: «Слушай, умница! Если твой сын желает со мной породниться, так пусть за одну ночь кругом всего моего царства сады насадит, каналы проведет да устроит корабельную пристань с военными кораблями и торговыми барками. Так присудили бояре и думные воеводы!» (Далее вариант этот ничем не отличается от других списков)».

В этих же примечаниях приведен текст сказки про перстень о двенадцати винтах, перепечатанный из журнала «Русское слово» (1861, № 1), который мы даем в III т. под рубрикой «Сказочные тексты из примечаний Афанасьева».

192—194. РОГА
(с. 44—50)

192 (113а) Записано в Малоархангельском уезде Орловской губ. П. И. Якушкиным.

AT 1061 (Кто раскусит железные шарики или камни: человек раскусывает орехи. См. прим. к тексту № 120) + *1095 A* (Человек и черт сдирают кожу со спины друг друга: человек в железных перчатках) + *518* (Обманутые великаны или черти, лешие. См. комм. к тексту № 185) + *566* (Рога). Эпизоды посрамления и обмана глупых чертей служат вступлением к повествованию о чудесных рогах. Сюжет типа *1095 A* учтен в *AT* лишь в двух литовских сказочных текстах, но встречается, кроме данной, еще в одной русской и одной украинской сказках. Сюжет-мотив типа *518* довольно часто входит в качестве вводного эпизода в сказки о чудесных рогах, бытующие преимущественно в странах Европы: жена похищает чудесные предметы, которые были добыты героем у обманутых им чертей. Немногочисленные записи сказок типа *566* отмечены в *AT* также в азиатском (турецком, индийском, индонезийском, китайском) и американском (на европейских языках и языке индейцев) материале. Русских вариантов — 47, украинских — 16, белорусских — 11. Варианты этого сюжетного типа, близкие восточнославянским, имеются в сказках башкир (см.: *Зеленин. Перм. ск.*, № 99), осетин (*Осет. ск.*, № 78) и других неславянских народов СССР. Сказки

о чудесных рогах, записанные в странах Ближнего Востока и Юго-Западной Азии, существенно отличаются от восточнославянских и западноевропейских сказок. Мотивы чудесных превращений, напоминающие сюжетный тип *566*, есть в ряде древних памятников фольклора и литературы («Золотой осел» Апулея, «Типитака»). Однако устойчивую сложную форму этот сюжетный тип получил в западноевропейской фольклорной и лубочной традиции XIV—XVI вв. История сказок типа *566* связана со средневековым латинским сборником «Gesta Romanorum» и народной немецкой книгой «Фортунат» (первое издание 1509 г.), литературными обработками на других европейских языках, например, с итальянским стихотворным переложением «Фортуната». Первая русская публикация литературно обработанной народной сказки о чудесных рогах относится к концу XVIII в. (*Погудка*.., III, № 8, с. 35—48). Исследования: *Aarne A*. Die drei Zaubergegenstände und die wunderbaren Früchte. Vergleichende Märchenforschungen.— Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, t. XXV, Helsingfors, 1908, S. 83—142. В данном варианте сюжета нарушена обычная последовательность событий: женитьба батрака на царевне предшествует добыванию чудесных предметов. Изложение несколько схематичнсе.

После слов «остались одни сапоги-самоходы» (с. 45) Афанасьевым указан вариант: «Хотел было утопиться с горя, зажмурил глаза и побежал в реку; бежал, бежал — через всю реку перебежал, а потонуть не потонул: сапоги-самоходы поверх воды его перенесли».

Варианты к рассказу о чудесных яблоках (с. 45):

«*Вариант 1*: Съел с одного дерева яблоко — стал волком, съел с другого дерева — стал медведем, съел с третьего — оборотился добрым молодцем.

Вариант 2: Съел яблоко — и вдруг выросли у него хвост и два горба: один сзади, другой спереди...»

193 (113b) Записано в Архангельской губ.

АТ 566. См. прим. к предыдущему тексту. Характерный для русского сказочного материала солдатский вариант сюжета о чудесных рогах. Беглый солдат, обладающий чудесными игральными картами и неистощимым кошельком, подобным кошельку Фортуната западных народных сказок, является героем ряда опубликсванных восточнославянских, а также упомянутых в примечаниях к тексту № 192 башкирского и осетинского вариантов. Красочно и своеобразно разработаны эпизоды в трактире, игры Мартынки в карты с королевной, «излечения» королевны в бане мнимым доктором и другие.

194 (113c) Место записи неизвестно.

АТ 566. В этом варианте недостает существенного звена сюжета: умалчивается, когда и как герой стал обладателем трех волшебных предметов, один из которых — тросточка — играет ту же роль, что волшебное кольцо в сказках типа *560* (тексты № 190, 191). С этим, по-видимому, связано, что герой здесь не обыкновенный человек из народа, а доктор и именуется так на протяжении всего повествования, тогда как обычно лишь в конце подобных сказок он, преобразившись до неузнаваемости, выдает себя за доктора, чтобы «вылечить» рогатую царевну. Текст не имеет окончания. В сносках Афанасьев сослался на следующие варианты:

После слов «кошелек и тросточку» (с. 49) указан вариант: «и кисет с кремнем да огнивом: только ударь огнивом по камню — тотчас выскочит мóлодец: «Что велите, что прикажете?»

После слов «шел-шел» (с. 50) дан вариант начала сказки: «Жил-был мóлодец, нанялся королю служить, три года на него работáл, а пришло дело к расчету, король и говорит: «Садись, поиграй с моей дочерью в карты!» Мóлодец сел с королевною играть в карты и проиграл все свое жалованье. Пошел из дворца с пустыми руками; идет да горько плачется, а навстречу ему седенький старичок: «Послушай, добрый мóлодец, о чем плачешь?» — «Как мне не плакать? Задарма три года королю работáл!» Старичок сжалился, дает ему неисчерпаемый кошелек и палку: вперед махнешь палкою — явится большой город, а назад махнешь — станет болото непроходимое. Мóлодец поблагодарил старика, воротился в королевские земли, махнул палкою — и явился перед ним большой город; живет он себе в этом городе, печали не ведает, денег куры не клюют. Прослышал король про его богатство несметное, стал занимать у него денег по миллиону и больше; много назанимал, да отдать-то нечего! «Женись,— говорит,— на моей дочери; только долг прости!» Вот и женился мóлодец на прекрасной

королевне и увез ее к себе. Ночью уносит у него королевна тайком и кошелек и палку; только махнула палкой назад — явилось болото непроходимое, призвала своих слуг и велела бросить в это болото мо́лодца. Слуги ухватили его сонного и бросили прямо в трясину. Поутру проснулся мо́лодец, глянул — кругом вода, кочки да мох; насилу в три дня оттудова вылез...

(В другом списке: мо́лодец, проигравшись в карты, идет по полю и плачет; вдруг в стороне что-то красным огоньком вспыхнуло — так и блестит и сияет! Побежал туда, глядь — лежит самоцветный камень; взял его, начал с руки на́ руку перебрасывать, а червонцы так и сыплются, так и сыплются. Разбогател мо́лодец, приехал к нему король взаймы просить...)».

195—196. СКАЗКА ПРО УТКУ С ЗОЛОТЫМИ ЯЙЦАМИ (с. 51—55)

195 (114а) Место записи неизвестно.

АТ 567 (Чудесная птица). В *АТ* наряду с многочисленными европейскими учтены варианты, записанные в Средней Азии, Малой Азии (Турции), Индии, Индонезии, Африке, а также франко-американские, испано-американские (последние записаны отчасти от американских негров) варианты. Русских — 44, украинских — 18, белорусских — 1. Сюжет встречается во многих сборниках сказок неславянских народов СССР — башкирских, казахских, туркменских, абхазских, адыгских, осетинских и других. Для восточнославянских, болгарских, многих тюркоязычных вариантов сюжета о чудесной птице характерно иное, чем в западнославянских и западноевропейских развитие действия: любовник женщины (обычно купчихи) — хочет съесть чудесную птицу, но съедают ее дети. В западных вариантах мотив неверной жены отсутствует. Формирование и распространение сюжета связано с индийскими («Катхасаритсагара»), персидским («Тути-намэ»), монгольским («Шиди-хюр») и другими литературными памятниками древнего Востока. Первые русские публикации сказок типа *567*: *Повествователь..*, с. 28—47; Сказка о утке с золотыми яичками. СПб., 1789; *Погудка..*, III, № 8, с. 35—48. Многочислены лубочные издания XIX в. Народная сказка о чудесной утке получила своеобразное отражение в рассказе В. Г. Короленко «Оленевский скит». Исследования: *Aarne A.* Das Märchen vom Zaubervogel. Vergleichende Märchenforschung.— Mémoires de la Société Finno-Ougrinne, t. XXV. Helsingfors, 1908, S. 143—200; *Horalek K.* Pohádkoslovne studie. Praha, 1964, s. 19—20. Вступительный эпизод сказки отчасти напоминает сюжет о двух долях (*АТ 735*. См. текст № 304), с которым нередко в восточнославянских сказках контаминируется сюжет о чудесной утке, как и в близких русским сказках неславянских народов СССР (например, *Башк. творч.*, II, № 28). После слов «и куда как разбогател скоро!» (с. 51) Афанасьевым приведены два варианта начала сказки:

«*Вариант 1*: Жил старик со старухой в большой бедности. В доме нет ничего; дети сидят без хлеба да горькими слезами заливаются. Выпросил старик у соседа ружье и пошел в лес; не удастся ли, думает, птицы какой застрелить да семью накормить. Целый день ходил по лесу — нет да и нет удачи; стал домой ворочаться, глядь — сидит на дереве птица. Старик поднял ружье и только прицелился — птица ему промолвила человеческим голосом: «Не бей меня, добрый человек! Возьми лучше живую, я тебе на добро пригожусь!» Взял он ту птицу домой, и что ни день — стала она нести ему по золотому яичку, одно другого краше. Дождался старик светлого Христова воскресенья и пошел к царю христосоваться золотым яичком; царь тому несказанно обрадовался, сделал его купцом и наградил вольным торгом.

Вариант 2: Жил старик со старухою; занимался старик охотою, лавливал и птиц перелетных и зверей прыскучих. Говорит однажды старуха: «Поди-ка, старик, в лес; не поймаешь ли чего на заговенье, а я богу помолю». Пошел старик в лес; ходил, ходил, не видал ни птицы перелетной, ни зверя прыскучего. только и поймал, что одну птичку-синичку; да ведь птичка-синичка куда невеличка! На ней нечего взять. «Понесу ее на базар,— думает старик,— авось кто купит!» Попался ему на базаре купец, сторговал синичку, заплатил деньги и взял ее себе. У той синички под крылом было написано: кто ее съест, тот царем сделается...»

После слов «тот станет золотом плевать» (с. 51) указан вариант: «Кто съест потрохи, у того будет золота без выгреба: что ни встанет поутру, а под изголовьем

комок золота лежит.— В другом списке сказано: кто съест печенку, у того каждое утро под изголовьем двадцать пять рублей готово. Два мальчика съели эту печенку, на другой день проснулись, а в головах у каждого из них лежит по двенадцати рублей с полтиною».

196 Перепечатано Афанасьевым с лубочного издания.
(114b) *АТ 567*. Образ Кручины, обитающего за печью, сходен с образом доли в сказках типа *735* и черта, укравшего у бедняка краюху хлеба, в сказках типа *810 А*. Если обычно в сказках о чудесной птице повествуется о судьбе двух сыновей неверной жены, съевших птицу, то в нашем варианте героем является единственный сын купчихи.

197. ЧУДЕСНАЯ КУРИЦА
(с. 55—59)

197 Место записи неизвестно.
(115) *АТ 567 + 518* (Обманутые черти. См. прим. к тексту № 185). Золотая надпись над крылом «Кто ее голову съест — тот королем будет, а кто потроха — тот будет золотом харкать» — деталь, характерная для восточнославянских сказок о чудесной птице. Эпизоды похищения царевной чудесного потроха, изгнания героя и расправы над нею, превращенной в кобылицу, соответствует сюжету о чудесных рогах (*АТ 566*), с которым часто контаминируются в восточнославянских сказках сюжетные типы *518* и *567*, как, например, в приведенной Афанасьевым сноске варианта сказки.

К словам «в руках курицу держит» (с. 55) Афанасьев указал в сноске вариант: «гуся».

К словам «ее голову съест...» (с. 56) — вариант: «Кто съест правое крылышко — тот царем будет, а кто левое крылышко — тот станет золотом плевать».

После слов «Не убивай нас» дан вариант (с. 56): «Повар сжалился и отдал их к одной бедной вдове на пропитание; мальчики выросли, поумнели и пошли странствовать».

После слов «Куда вздумал, туда и полетел» (с. 57) дан вариант: «Еще бы! Вот шапка-невидимка, вот сапоги-скороходы, а это кнут-самобой. (Молодец надел сапоги и ушел: что ни шаг — то семь верст!)

В другом списке вместо этих предметов добрый молодец находит куст ягод; съел одну ягодку — вдруг ударило его со всех ног о сырую землю, и сделался он жеребцом. Рыскал, рыскал по чистому полю, съел с другого куста ягодку — и стал по-прежнему человеком. Нарвал ягод с обоих кустов и пошел к царевне. (Далее сходно со сказкою «Рога»)».

198—200. БЕЗНОГИЙ И СЛЕПОЙ БОГАТЫРИ
(с. 59—73)

198 Место записи неизвестно.
(116a) *АТ 519* (Слепой и безногий). Сюжетный тип, встречающийся преимущественно в русском сказочном материале, учтен в *АТ* также в немецком, эстонском, литовском, шведском, венгерском, чешском, польском и франко-американском сказочном материале Русских вариантов — 26, украинских — 8, белорусских — 6. Встречается и в сказках других народов СССР — латышских (*Арайс-Медне*, с. 87), марийских (*Четкарев*, № 18, 24), татских (Золотой сундук. Сказки татов Дагестана/Пер. и сост. А. Куkуллу. М., 1974, № 5), башкирских (*Башк. творч.*, I, № 98). Значительное совпадение сказок этого типа с «Песней о нибелунгах», даже в некоторых деталях отметил еще Афанасьев в своих Примечаниях. Характерный для восточнославянских и неславянских народов СССР сказок типа *519* эпизод дружбы безногого со слепым и безруким не имеет параллелей в западном эпосе и западных сказках, но напоминает известную в пересказе Кирилла, епископа Туровского (XII в.), «Притчу о слепце и хромце». Первая русская публикация литературно обработанного варианта относится к 1786 г. (*Лекарство*.., с. 237—254). Лубочные издания сказок о дядьке Катоме, укротившем могучую богатырку, выходили в XIX в. многократно и оказали обратное воздействие на устную сказочную традицию. Исследования: *Соколов Б. М.* Эпические сказания о женитьбе князя Владимира (Германо-русские отношения в области эпоса).— Уч. зап. Саратовского гос. ун-та, Словесно-историческое отд. пед. ф-та, 1923, ч. 1,

вып. 3, с. 69—122; *Löwis-of-Menar A.* Die Brunhildsage in Rusland. Leipzig, 1923; *Horalek K.* Studie ze srovavaci folkloristiky. Praha, 1966, s. 121—122. Анализ сложной «пятиходовой» структуры данного текста сборника Афанасьева дал В. Я. Пропп («Морфология сказки». М., 1969, с. 118—119).

После слов: «...слушаться его и в горе и в радости» (с. 59) Афанасьевым приведен вариант: «Выбрал себе Иван-царевич невесту, сильномогучую королевну, и послал курьера сватать ее. Курьер поскакал, доложил королевне; она спрашивает: «А каков твой царевич в ратном деле?» — «Наш царевич в ратном деле силен и непобедим».— «Если он силен, то пускай даст о себе знать железною булавой!» — сказала королевна и подает курьеру трехпудовую булаву: «Если бросит эту булаву из своего царства в мой терем и собьет с него верхушку, то может ко мне женихом ехать; а если невмочь ему добросить, то пусть лучше и не приезжает!» Воротился курьер и отдал Ивану-царевицу трехпудовую булаву; закручинился царевич, как ее за тридевять земель, в тридесятое царство забросить? Говорит ему дядька: «Не кручинься, царевич! Прикажи-ка эту булаву кузнецам переделать, чтоб была в шесть пудов весом». Кузнецы ее переделали, привезли на царский двор. Царевич взялся было за булаву — куда! — и повернуть не может; дядька рассмеялся, схватил булаву одной рукой, размахнулся три раза и бросил в тридесятое царство: с гулом полетела она через горы и долы и так тяжело упала на терем королевны, что весь дворец пошатнулся, все крыши, все чердаки рухнули; только стены остались. Поехал Иван-царевич к своей нареченной невесте и взял с собой дядьку; долго они ехали, а королевна выслала к жениху навстречу своего богатырского коня; на том коне никто усидеть не может: поднимается он выше дерева стоячего, ниже облака ходячего и летит по поднебесью, а когда по земле бежит — из-под копыт целые горы выметывает! Подъезжает Иван-царевич к королевству своей нареченной невесты; стоят двенадцать человек, держат коня на железных цепях, а он громко ржет, глубоко копытом землю бьет, на волю рвется, Иван-царевич не знает, как и приступиться к богатырскому коню; да есть у него дядька на выручку: «Кажись, конь-то плох! Надо мне опробовать»,— сказал дядька, схватил его за повода и сел верхом. Конь рванулся было в поднебесье — да не тот седок! Как прижал дядька коня своими богатырскими пятками, так он тут же и свалился наземь, захрипел и издох. «Что это за клячу к нам вывели? Али королевна вздумала шутку сшутить? Нет уж мы лучше на своих конях поедем!»

199 Место записи неизвестно.

(116b) *АТ 519.* Эпизод отправления Никиты Колтомы в путь сватать царю невесту сходен с началом сказок о Борме-ярыжке (*АТ 485*). Добывание и испытание Никитой «железного прута в пятнадцать пуд» имеет соответствия в разных восточнославянских сказках о богатырях. Эпизод усмирения богатырки Елены Прекрасной невидимым (он в шапке-невидимке) Никитой, заменившим на брачном ложе жениха-царя, близок к эпизоду усмирения Брунхильды Зигфридом, пробравшимся в плаще-невидимке на брачное ложе вместо короля Гунтера. Эпизод обнаружения обмана также имеет параллель в «Песне о нибелунгах». Вместе с тем ряд мотивов сказки получил своеобразное творческое развитие: Никита ломает железный забор, которым окружен дворец Елены Прекрасной, одолевает ее богатыря, а затем всё ее войско; после того как у Никиты были отрублены ноги и он в шлюпке был пущен в море, Елена Прекрасная приказывает ослепить его брата Тимофея. Необычен финал: Елену Прекрасную казнят, Никита становится министром.

200 Записано в Оренбургской губ.

(116c) *АТ 519.* Имя-прозвище героя сказки отчасти совпадает с именами-прозвищами героя двух других опубликованных восточнославянских сказок того же типа: Иван Голик (*Кулиш П.* Записи о Южной Руси. II, СПб., 1857, с. 59—82) и Голый-босый (*Ск. лег. Башк.*, № 1). Текст отличается некоторыми своеобразными подробностями, уступая предшествующим вариантам сюжета в последовательности изложения. Не мотивированы, например, появление богатыря Марка Бегуна в эпизоде стрельбы из богатырского лука и его последующая встреча и дружба с искалеченным Иваном Голым.

К словам «вывести... ретивого коня» (с. 72) дана Афанасьевым сноска: — вариант: «волшебного».

201. ЦАРЬ-МЕДВЕДЬ
(с. 74—77)

201 Записано в Бобровском уезде Воронежской губ.
(117) *AT 314 A** (Бычок или вол, лось, сокол, ворон-спаситель) + отчасти *315* (Неверная сестра или мать — Звериное молоко). Традиционная для восточнославянских сказок контаминация сюжетов. Первый сюжетный тип, входящий обычно как эпизод в разные сказки, учтен в *AT* только в русском фольклорном материале. Русских вариантов — 23, украинских — 6, белорусских — 8. Имеются латышские варианты в материале (*Арайс-Медне*, с. 50—51). Сюжет типа *315* бытует в Европе повсеместно. В *AT* учтены также его варианты, записанные в странах Азии (в Турции, Индии) и Америки (на французском и испанском языках от потомков европейских переселенцев и от негров). Это один из самых популярных сюжетов восточнославянского репертуара. Русских вариантов — 74, украинских — 46, белорусских — 25. Часто встречается в сборниках сказок неславянских народов СССР (например: *Башк. творч.*, II, № 18; *Тат. творч.*, II, № 5, 6, 27; *Казах. ск.*, III, с. 10—11; *Ск. Дагестана*, № 65). Следы данного сюжета отмечались исследователями в «Эдде» (*Leyen F. V.* Das Märchen in den Gottensagen der Edda. Berlin, 1899). Старейшие развернутые его варианты в западноевропейских народных книгах эпохи позднего средневековья. Первые русские публикации в лубочных сборниках XVIII в.: *Повествователь..*, с. 106—163; *Тимофеев*, с. 241—279; *Погудка..*, III, № 1, с. 3—14. Наш вариант отличается краткостью и некоторыми не обычными для сказок о неверной сестре эпизодами: Марья-царевна бросает шестиглавому змею через реку полотенце, и оно превращается в мост; змей уносит сестру героя, и тот освобождает ее, пользуясь советом бабы-яги. В ряде вариантов сестра (мать) сговаривается с любовником погубить юношу и посылает его чаще всего за молоком волчицы, медведицы и львицы, притворившись больной, связывает его; герой спасается, благодаря помощи своих зверят; наказывает притворщицу.

К словам «Откуда не́ взялся ясный сокол» (с. 75) указан Афанасьевым вариант: «ворон».

После слов «с Иваном-царевичем да с Марьей-царевной прибежал на поляну» (с. 76) дан вариант: «Царь-медведь побежал за едою, а Иван-царевич да Марья-царевна стоят да плачут. Откуда не́ взялся добрый конь: «Садитесь,— говорит,— на меня; я вас завезу за синее море». Только сели, добрый конь и понес их выше дерева стоячего, ниже облака ходячего. Медведь увидал да в погоню. «Ах, добрый конь, за нами медведь гонится».— «Ничего, Иван-царевич! Вынь у меня из левого уха щепочку и брось позади себя». Иван-царевич вынул щепочку и бросил — тотчас сделался густой, темный лес — ни пройти, ни проехати! Пока царь-медведь продрался сквозь чащу, они далеко уехали. Побежал медведь в погоню: вот уж близко! «Ах, добрый конь! За нами медведь гонится».— «Ничего, Иван-царевич! Возьми у меня из правого уха скляночку и брызни позади себя». Иван-царевич то и сделал — тотчас разлилось синее море глубокое. Медведь прибежал к синю морю, поглядел-посмотрел и побежал в темные леса. Добрый конь стал прощаться с Иваном-царевичем и Марьей-царевною; жалко им было с ним расставаться, да делать нечего. Распрощались, и пошел царевич с царевною в одну сторону, а конь — в другую. Иван-царевич нашел пустую избушку и поселился в ней с сестрицею...»

К мотиву посмертного превращения бычка (с. 76) указан вариант: «Живите в этом доме,— сказал бычок,— а меня зарежьте; мясо скушайте, а кости в одно место сложите да поливайте тою водой, в которой будете чашки да ложки мыть; из тех костей две собачки народятся».

202—205. ЗВЕРИНОЕ МОЛОКО
(с. 77—88)

202 Записано в Карачевском уезде Орловской губ., очевидно, П. И. Якушкиным. Текст
(118а) заимствован Афанасьевым из собрания П. В. Киреевского.

AT 314 A+315*. Эпизоды поединка Ивана-царевича с богатырь-девкой и укрощения ее на брачном ложе с помощью мужика-кулачка отчасти соответствуют сюжетному типу *519* (Слепой и безногий). Медведь железная шерсть напоминает железного волка — главного отрицательного персонажа многих восточнославянских сказок о неверной сестре, имеющих введение типа *314 A**. Действие развивается недостаточно

стройно: неясно, например, откуда взялся и куда исчез мужичок-кулачок; не на месте в конце сказки эпизод с магическим, по-видимому, змеиным «мертвым зубом».

В сноске Афанасьева приведен вариант начала сказки: «Жил царь с царицею, у них были дети: Иван-царевич и Елена Прекрасная. Поехал царь на охоту, они и просят его: «Привези нам волка». Сколько ни искал царь волка, нигде не нашел; воротился домой и велел сделать для своих детей железного волка. Прошло ни много, ни мало времени — ожил этот железный волк и стал людей поедать...»

К словам «пустила в голову мертвый зуб» (с. 79) дан вариант: «змеиный зуб».

Вариант окончания сказки: «Злая сестра стала искать в голове у брата и пустила ему в буйную голову мертвый зуб; царевич тотчас же помер. Вскочила царевна, призвала слуг, приказала запереть братнину охоту в сарай наглухо и позатыкать всем зверям уши воском, чтобы они как-нибудь не прослышали про могилу царевича. После того схоронила царевича глубоко в сырую землю. Думает царевна: взяла свое! Да не тут-то было! Хитрая лиса выковыряла из ушей воск, подслушала людские речи и, как только выпустили зверей на волю, повела их на могилу и велела разрыть ее. Вот и достали они мертвого царевича. Говорит лиса медведю: «Если ты перепрыгнешь через покойника, а сам увернешься от зуба, то и хозяин наш и ты — оба живы будете!» Косолапый Мишка прыгнул, да не успел увернуться — зуб так и впился в него! Царевич ожил, а медведь ноги протянул. Прыгнул через Мишку иной зверь и тоже не сумел увернуться: Мишка ожил, а он ноги протянул. И вот так-то прыгали звери один за другим, и дошла, наконец, очередь до лисы; она всех ловчей, всех увертливей — как прыгнула, зуб не поспел за нею и вонзился в зеленый дуб; в ту же минуту засох дуб сверху донизу!»

203 Записано в Оренбургской губ.

(118b) *АТ 315*. Присказка об Антоне и Агафоне имеет литературный источник — басню А. Е. Измайлова «Два крестьянина и облако». Не только в этом, но и в ряде других восточнославянских вариантов сюжета неверная сестра или мать посылает героя не за звериным молоком, а за яблоками, растущими в саду, «где не миновать смерти» (ср. текст № 206). Троекратное связывание брата неверной сестрой тоже относится к традиционным мотивам таких восточнославянских сказок. Из не обычных для них эпизодов отметим: разбойники берут в плен царевну, она сносит саблей голову атаману разбойников.

После слов «идучи по лесу, грибов наберу» (с. 80) Афанасьев указал вариант начала сказки, записанный в Архангельской области: «В некоем царстве, в некоем государстве жил-был старик; у него было два сына: Федор да Иван, а третья — дочь. Стал старик помирать, стал отказывать все свое добро старшему сыну: ему и дом, и соха, и борона. «Чем же нам с сестрой жить?» — спрашивает Иван. Старик глянул на них и сказал: «Ах, дети любезные, я про вас и забыл: только теперь все уж отказано, осталась одна старая баня; возьмите ее в наделок. Ты, Иван, на ногу скор, по сту верст в час ходишь; так своим счастьем и живи и сестру корми». Помер старик; перешли они на житье в баню. Поутру вставали ранешенько, умывались белешенько; говорит сестра Ивану: «Брат! Что мы есть будем? Видно, умирать нам с голоду — ведь у нас ни хлеба, ни денег!» — «Не тужи, сестра! Коли я буду жив, будешь и ты сыта. Вот я пойду в лес, нагну полозьев да продам в городе — у нас и хлеб будет». — «Спасибо, братец! Пока ты в лесу сходишь — я с голоду помру».— «Полно, сестра! Сегодня же я к обеду вернусь».— «Как бы не так! Самый близкий лес — верст полтораста от нас будет...» — «Правое слово, к обеду вернусь; тогда увидишь!» Пошел Иван к соседу, выпросил веревку и зашагал так скоро, что в один час сто верст отхватал, да еще половину того в полчаса. Пришел в дремучий лес и ну дубы ломать — топора-то с собой не было; который дуб возьмет за верхушку да пригнет к земле — тот и в дело готов; в короткое время столько наломал, что на трех возах не увезти; опутал веревкою, взвалил за плечи и понес в город, продал на чистые денежки и в обеденную пору домой поспел. На другой день собрался Иван в лес и говорит сестре: «Дай-ка мне бурак, пойду в лес — грибков наберу».

Вариант описания первого разбойничьего дома (с. 80): «В одной комнате обрезы вина поставлены, по краям ковши навешаны. Иван увидал и давай прикладываться: всё по ковшику да по ковшику, и напился допьяна; вышел на двор, взял прут в девяносто пуд, сел на бурак и попевает песенки. Едут из Украйны разбойники — бежит сто лошадей, на каждой на лошади сидит по мо́лодцу, все с ружьями, пиками, саблями

острыми. Въехали во двор, дуван раздуванили (разделили добычу), а Ивану ничего не дали. «Что ж вы меня обходите? — говорит Иван.— Вы должны гостя чествовать».—«Погоди, сейчас станем потчевать!» — отвечают разбойники; а им гость тот куда нелюб! Бегут к нему с ружьями, с пиками, с саблями острыми, хотят по частям разнести. Иван поднял прут в девяносто пуд, махнул раз, другой, третий и перебил всех разбойников; только один есаул убежал да где-то спрятался».

После слов «нарвал полну котомку яблок» (с. 81) дан вариант: «Пошел дурак в лес за грибами и заблудился; плутал, плутал и выбрался, наконец, на поляну. На поляне дом стоит. «Чем в лесу ночевать, лучше в дом пойду; не ровен час — звери разорвут». Входит в дом, а там лежит старый-старый дед. «Здравствуй, старина!»— «Здравствуй, младой юноша! Что ходишь пó лесу, али есть нужда великая!» Он ему про все рассказал. «Ну, хорошо, что ты пришел! Тебя сам бог послал. Оставайся у меня; видишь, я при смерти лежу. Как помру, похорони мои кости; а этот дом и все богатство мое возьми себе; живи да меня поминай! Да в придачу отдаю тебе трех собак; береги их пуще глаза своего; они от беды тебя выручат!» На другой день старик помер; дурак похоронил его кости, написал к сестре письмо, чтоб тотчас к нему приходила в такое-то место, и послал письмо с собакою. Собака наскоро побежала к его сестре, отдала ей письмо и привела ее самоё к брату. Стали они на новоселье жить. Раз пошел дурак на охоту, а к сестре прилетел трехголовый змей; завелись у них шуры-муры! По его наученью хитрому притворилась сестра больною, стала говорить брату: снилось-де ей во сне, что недалече от их двора есть сад, в том саду могила, на могиле сидит седой старик и продает яблоки белого налива; те яблоки всякую болесть вылечивают. Дурак тотчас собрался и пошел искать старика: приходит в сад — и впрямь, сидит на могиле старик весьма древен и держит в руках яблоки белого налива. «Продай мне свои яблоки!» — «Они не продажные, а заветные; коли хочешь, сменяй на собак».— «Нет, старик, собаки самому надобны; возьми деньгами: никакой казны не пожалею!» Старик не соглашался. «Что делать? — думает дурак.— Ведь сестра одна у меня, другой не будет!» Выменял яблоки на собак и пошел домой. А старик обернулся змеем, собак посадил в крепкую засаду и говорит: «Теперь не боюсь, пойду — съем дурака!» (Окончание то же, что в сказке под буквою «с» [то есть № 204]: дурак идет в баню мыться, а собаки его тем временем прогрызают двери, вырываются из засады и спасают своего хозяина)».

204 (118с) Место записи неизвестно.

АТ 315+300 (Победитель змея. См. прим. к тексту № 171). Часто встречающаяся в восточнославянских сказках, а также в сказках других народов сюжетная контаминация. Традиционными для восточнославянских сказок о зверином молоке являются такие эпизоды, отсутствующие в предшествующих текстах: сестра посылает брата на заколдованную мельницу; Иван-царевич заточает неверную сестру в каменном столпе и приказывает ей наплакать целый чан слез. Не обычными для сюжета о победителе змея являются эпизоды умерщвления героя водовозом и оживления героя львом.

К словам «притворись больною и пожелай волчьего молока» (с. 83) Афанасьевым указаны два варианта:

«*Вариант 1:* Сделайся больною и скажи брату: снилось-де мне во сне, что за тридевять земель, в тридесятом царстве, в чистом поле пасутся дикие свиньи с малыми поросятами; кабы достать от них молока — я бы тотчас, кажись, вылечилась!

Вариант 2: Притворись больною и пожелай молока от семи зверей: от зайца, лисы, куницы, волка, медведя, лесного кабана и льва (царевич идет добывать от них молока и от каждого зверя получает по щенку)».

После слов «и осталась охота его на мельнице взаперти» (с. 85) приведен вариант: «...в том царстве есть две горы высокие, стоят они вместе, вплотную одна к другой прилегли; только раз в сутки расходятся, раздвигаются и через две-три минуты опять сходятся. Промеж тех толкучих гор хранится вода живущая и целющая. «Пусть-ка достанет той чудной водицы; тут уж наверное не сдобровать ему, добру молодцу!» Посылает царевна своего брата за водою живущею и целющею. Иван-царевич оседлал своего богатырского коня, перекрестился на все четыре стороны, сел и поехал. Близко ли, далеко ль, долго ли, коротко ль, скоро сказка сказывается — не скоро дело делается, приезжает к тем горам высоким, толкучим. Стоит, дожидается, когда станут горы расходиться; вдруг поднялась страшная буря, ударил сильный гром — и раздвинулись две горы. Иван-царевич пришпорил своего богатырского коня, пролетел про-

меж гор стрелою, зачерпнул два пузырька воды и тотчас назад повернул; сам-то успел выскочить, а у лошади задние ноги совсем смяло, на мелкие части раздробило. Иван-царевич взбрызнул ее целющею да живущею водою — и стала она по-прежнему ни в чем невредима. Приезжает домой...» (после того злая сестра посылает его на мельницу).

После слов «твоя охота восемь дверей прогрызла» (с. 85) дан вариант: «Увидала царевна, что брат один домой воротился, не пустила его и на глаза к себе; выбросила ему из окна чистую сорочку: «Ступай,— говорит,— в баню да вымойся побелее — тебя Змей Горыныч скушает». А змей поддакивает: «Иди, иди в баню; поскорей будь готов! Я бы сейчас тебя съел — да, вишь, дорога была дальняя, ты весь пропотел и запылился». Пошел Иван-царевич баню топить, а ворон ему кричит: «Не спеши, Иван-царевич! Носи дрова мокрые, коли загорятся — водой поливай; твоя зверина уже трое дверей прогрызла»... В другой раз: «Не спеши, Иван-царевич! Не столько мойся, сколько марайся; твоя охота еще три двери прогрызла!»

После слов «и я прощу» (с. 85) — вариант: «Возле поставил четверик с горячим угольем и говорит: «Тогда тебя прощу, когда это уголье съешь!»

К эпизоду борьбы со змеем (с. 86) — вариант: «В другом списке Иван-царевич меняется с царевною кольцами, и впоследствии это служит знаком, что он — настоящий ее избавитель, а не водовоз. Царевич приходит на свадебный пир музыкантом; царевна наливает ему чару вина, а он бросает в эту чару кольцо».

205 Записано в Курской губ.

(118d) *АТ 315*. В данном варианте сюжета, подвергшемся, видимо, литературной обработке, повествуется о неверной жене князя, что не обычно для сказок этого типа.

206—207. ПРИТВОРНАЯ БОЛЕЗНЬ
(с. 89—94)

206 Место записи неизвестно.

(119а) *АТ 315+300* (см. прим. к текстам № 171—204). Данный и следующий тексты, хотя относятся к типу «Звериное молоко», выделены Афанасьевым под иным, чем предыдущие, заглавием — «Притворная болезнь», так как повествуется в них о неверной матери. Неверная мать нередко играет главную отрицательную роль в восточнославянских сказках типа «Звериное молоко». Но Огненный царь не является традиционным персонажем таких сказок: обычно в роли любовника неверной сестры или матери выступает разбойник или змей, черт, железный волк, чародей. В данной сказке мать по наущению Огненного царя пытается отравить сына. Подобные эпизоды встречаются иногда и в других сказках типа *315*, например, в башкирской сказке (*Башк. творч*., III, № 12). Не сумев отравить сына, мать в данной сказке ослепляет его. Этот эпизод тоже имеет параллели в некоторых опубликованных вариантах сюжета, например, в сказке, записанной от чувашского сказочника (*Ск., лег. Башк.* № 17).

207 Записано в Шенкурском уезде Архангельской губ.

(119b) *АТ 315*. Традиционный сюжет осложнен необычными мотивами: герой правит царством, мать действует заодно с его врагом, находящимся в плену; она посылает героя к чудищам добывать их сердца; убитого героя оживляют дети при помощи чудесного корешка.

208—209. ЧУДЕСНАЯ РУБАШКА
(с. 95—99)

208 Записано в Соликамском уезде Пермской губ. Д. Петуховым.

(120а) *АТ 318* (Неверная жена). Вступление (Награда человеку за то, что три года топил в аду котел), так же, как и в сказках типа *475*. Сюжет был популярен в солдатской среде и нередко приобретал ее бытовой колорит. Этот колорит ярко выражен в данном тексте. Сюжет о неверной жене, изложенный здесь довольно схематично, учтен в *АТ* только в вариантах, записанных в странах Европы, в Турции и в Америке (на французском яз.). Русских вариантов — 30, украинских — 28, белорусских — 7. Подобные сказки встречаются и в фольклоре неславянских народов СССР — латышских (*Арайс-Медне*, с. 51—52), башкирских (*Башк. творч*., I, № 48), татарских (*Тат. творч*., II, № 57, 58). Основные мотивы сюжетного типа *318* имеются уже в египетской «Сказке о двух братьях» (см.: Фараон Хуфу и чародеи. Сказки, повести и поучения Древнего Египта. М., 1958), которая дошла до нашего времени в рукописи (папирус Весткар) от эпохи Среднего Царства (2200—1800 г. до н. э.).

209 Записано в Уфимском уезде Уфимской губ.
(120b) *АТ 318*. В данном варианте сюжет изложен полнее и осложнен эпизодами, напоминающими другие сказки: «Братья-птицы» (*АТ 451* — начало). «Кощеева смерть в яйце» (*АТ 302* — выпытывание женой тайны, где находится мудрость мужа).

К тексту даны Афанасьевым следующие варианты:

К словам «вдруг прилетает орел» (с. 97) — вариант: «ворон».

После слов «никто тебя не осилит!» (с. 98) — вариант: «Сослужи нам службу,— говорит орел,— стой всю ночь на часах, и когда подует ветер и гром загремит — разбуди нас не мешкая».— «Хорошо»,— отвечал Иван купеческий сын. Три брата поужинали и легли спать, а купеческий сын на часах стал. В самую полночь поднялся вихрь, загремел гром — прилетел трехглавый змей: «А, вот когда вы сонные мне попалися!» Иван купеческий сын не захотел будить братьев, выхватил меч и сразу снес змею все три головы. (За эту службу братья наградили его богатырским конем и чудесною рубашкою)».

К словам «ты возьми одну щепочку» (с. 99) — вариант: «веточку».

После слов «и убил змея» (с. 99) — вариант: «Провещала красной девице яблоня: «Как станут сад рубить, ты возле меня будь; брызгнет из меня кровь на твое платье — ты это место вырежь и брось в озеро!» Красная девица стала возле яблони; стали яблоню топором рубить, брызгнула из нее кровь прямо девице на платье; она вырезала это пятно и бросила в озеро. Змей Горыныч увидел, что в озере славная рыба плещется, захотел изловить ее, разделся и полез в воду; тем временем рыба прыгнула на берег и обернулась Иваном купеческим сыном...»

210—211. ВОЛШЕБНОЕ ЗЕРКАЛЬЦЕ
(с. 99—107)

210 Записано в Новогрудском уезде Гродненской губ. учителем М. А. Дмитриевым.
(121a) Язык белорусский.

АТ 709 (Волшебное зеркальце). Сюжет распространен повсеместно в Европе, его варианты учтены в *АТ* также в ближневосточном (турецком), африканском и американском (записи, сделанные на испанском языке от американцев европейского происхождения и от негров) фольклорном материале. Русских вариантов — 27, украинских — 23, белорусских — 4. Подобные сказки встречаются и в фольклоре неславянских народов СССР, например, в башкирском (*Башк. творч.*, I, № 101), осетинском (*Осет. ск.*, № 37), карельском (*Карельск. ск.*, № 40). Формирование этого сюжета прослеживается с древности. Некоторые его мотивы известны по «Тысяче и одной ночи» и шекспировскому «Цимбелину» (1610). Первая сказка о волшебном зеркальце и мертвой царевне была опубликована в сборнике Базиле «Пентамерон» (II, № 8). Особенную популярность получила сказка бр. Гримм «Белоснежка». Как доказывает М. К. Азадовский (Литература и фольклор. Л., 1938, с. 75—84), она послужила источником пушкинской «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях», наряду с первой русской публикацией сказки этого типа в лубочном сборнике *Погудка*.., II, № 2, с. 87—96 и с записью народной сказки, сделанной А. С. Пушкиным (*Пушкин*. Прил., I, № 7). Р. М. Волков в книге «Народные истоки творчества А. С. Пушкина. Баллады и сказки» (Черновцы, 1960, с. 155—189) акцентирует внимание на связи сказки Пушкина с русской фольклорной традицией. Сопоставительному изучению европейских вариантов сказок о волшебном зеркальце посвящена специальная монография: *Böklen E.* Schneewittchens Studien. Leipzig, 1914. Из других исследований отметим: *Пропп. Ист. ск.*, с. 110—113; *Мелетинский*, с. 167; *Галайда Э.* Сказки Пушкина (К проблеме реализма сказок).— Acta facultatis philosophicae Universitatis Šafarikanae. Bratislava, 1975, с. 59—61. Белорусская сказка, записанная М. А. Дмитриевым, имеет характерную для русских сказок типа *709* структуру. Разбойникам в большинстве народных сказок, богатырям в пушкинской конспективной записи и в пушкинском стихотворном изложении соответствуют в белорусской сказке братья-королевичи. Неожиданный финал: падчерица добивается прощения злой мачехи.

211 Место записи неизвестно.
(121b) *АТ 883 А* (Оклеветанная девушка) + *709* (см. прим. к предшествующему тексту). Контаминация сюжетов, довольно часто встречающаяся в восточнославянском фоль-

клорном материале. Первый сюжет учтен Томпсоном преимущественно в европейских сборниках и записях, сделанных в Америке на европейских языках, а также в арабских, берберских, турецких и индийских сборниках. Русских вариантов — 21, украинских — 6, белорусских — 1. Сказки типа *883 A* имеются и в не учтенном в *AT* латвийском фольклорном материале (*Арайс-Медне*, с. 138). Они вошли также в сборник башкирских сказок (*Башк. творч.*, IV, № 88—90). История европейских новеллистических сказок типа *883 A* восходит к «Пентамерону» Базиле (II, № 4). В России сказка данного типа была напечатана впервые в лубочной книге *Погудка...* (III, № 11, с. 34—48). Разновидность сюжета об оклеветанной девушке, имеющая колорит купеческого быта, характерна для восточнославянского фольклора. В той части, которая соответствует сюжетному типу *709*, сказка сборника Афанасьева носит отпечаток влияния пушкинской «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях».

Ряд вариантов к отдельным местам сказки дан Афанасьевым в сносках.

После слов «два сильномогучие богатыря» (с. 103) указан вариант: «Входит красная девица во дворец, во дворце нет ни души, а в одной палате накрыт стол, на столе двенадцать приборов, двенадцать хлебов и столько же бутылок с вином. А ее давно голод и жажда мучают. «Возьму-ка я,— думает,— отломлю от каждого хлеба по кусочку и отопью из каждой бутылки по глоточку; сама сыта буду и хозяев никого не обижу!» Сделала так, напилась-наелась и села за печку. Вдруг приехали двенадцать богатырей, сели за стол; говорит старший: «Хлебы початы, вино отпито — видно, к нам гость пришел!» Стали гостя вызывать: «Отзовись! Мы — люди добрые; коли ты добрый мо́лодец — будешь нам родной брат, коли красная девица — будешь родная сестрица».

После слов: «братец на память прислал» (с. 103) дана ссылка на вариант: «В другом списке: купец женится на волшебнице. Она узнает по черным книгам, что у ней есть соперница по красоте; оборачивается сорокою и летит в дремучий лес; здесь принимает вид бедной старушки и дарит падчерицу кольцом!»

К эпизоду появления старухи с лентой (с. 104) дан вариант: «Волшебница прилетает сорокою и дарит подчерицу вышивною рубашкою; она надела рубашку — и тотчас умерла».

После слов «и кончили свою жизнь» (с. 104) указан вариант: «Двенадцать богатырей изготовили золотой гроб, положили в него красную девицу, свою названую сестрицу, и повесили гроб в лесу промеж двенадцати столбов на двенадцати золотых цепях. Много прошло времени: богатыри успели состариться, начали один за другим помирать, перемерли все, и остался дворец пустой».

После слов «... и видит хрустальный гроб» (с. 106) указан вариант: «Сидит царевич дома, никуда не выходит, все на мертвую красавицу глядит, и начал грустить, тосковать, сохнуть; в короткое время так иссох, так захирел, что узнать нельзя. Царь с царицею принялись лечить его; сколько лекарей тут перебывало — счету нет, а пользы ни один ни на грош не сделал. Раз зашла царица к царевичу и увидела нечаянно гроб...»

После слов «Матрос пустился вплавь и к утру добрался до берега» (с. 106) указан вариант: «(Дядя преследует купеческую дочь, свою племянницу; она обливает его кипятком). Пока дядя успел от боли оправиться, купеческая дочь помолилась богу и убежала в дремучий лес; нашла дубовое дупло; залезла туда и оставалась в дупле долго-долго; ничего не пила, не ела, а была жива духом божьим. Раз как-то охотился в том лесу королевич, набежали его собаки на дубовое дупло, обступили и подняли громкий лай. «Что там за зверь спрятался? Как бы его выгнать?» — спрашивает королевич. Отвечают охотники: «Давайте, ваше высочество, разведем огонь под деревом; поневоле выскочит!» Только было хотели огонь разводить, как раздался из дупла человеческий голос: «Провославные христиане! Здесь не зверь, а красная девица».— «А ну, покажись!» Купеческая дочь вылезла из дупла; одежда на ней давно расползлася, из-за тряпья голое тело виднеется. Королевич расспросил ее: из какого она царства и чьих родителей? Привез в свой дворец и нарядил в драгоценное платье: то была хороша, а теперь вдвое краше стала! Много ли, мало ли прошло времени — начали король и королева замечать, что их наследник совсем переменился: прежде был завсегда веселый, говорливый и такой бедовый охотник, а тут сделался грустный, молчаливый, про охоту и не напоминает. «Что, сынок, не весел?» — спрашивает его мать.— Аль тебе недостает чего в нашем царстве? Али жениться надумал?

Скажи нам; можем мы тебе высватать у любого короля дочь — прекрасную королевну!» — «Любезная матушка! Не надо мне никакой королевны; есть у меня нареченная невеста; если не позволите на ней жениться, то я повек холостым остануся».— «Кто ж она такая, и где ты видел ее?» — «А ездил я, матушка, на охоту и нашел ее в дубовом дупле; нареченная моя невеста — из одного царства дочь купеческая и живет теперь у меня во дворце».— «Ах, сынок, что же это ты выдумал? Ведь если женить тебя на этой девице — с нас все цари и царевичи, короли и королевичи будут смеяться; вот скажут: не нашли лучше невесты, женили своего любимого сына на какой-то побродяге!» — «Пожалуй, и смеяться будут,— отвечает королевич,— а завидовать — вдвое больше». Привел он купеческую дочь к отцу, к матери: как увидали они красоту ее неописанную, сами обрадовались и благословили королевича на ней жениться. Жили они в любви и совете год, и другой, и третий; собралась молодая королевна к родному отцу в гости. Отпустил ее королевич и дал в провожатые генерала и роту солдат. Дорогою захотелось королевне роздых сделать; остановилась в чистом поле, приказала разбить палатку и легла почивать; возле королевниной палатки часового поставили. Ночью будит часовой королевну: «Ваше высочество, вставайте скорей; я заподлинно знаю, что генерал вашей красоте позавидовал и теперь собирается или злой смерти предать или с вами грех сотворить. Надевайте мою шинель, берите ружье в руки и становитесь на часах; а я заместо вас на постель лягу». Сказано-сделано. Стоит королевна на часах; вдруг идет генерал. «Кто идет?» — окликивает королевна. «Генерал».— «Не извольте ходить в палатку; королевна спать легла».— «Нет, братец, мне очень нужно; сейчас курьер с секретной бумагою прискакал». Вошел в палатку и начал к солдату приставать: думает, что королевна. «Прочь, бездельник!» — закричал солдат и дал ему пощечину; генерал выхватил свою саблю и отсек ему голову; после того выкопал яму, зарыл убитого и пошел спать. Тогда королевна бросила ружье и побежала окольными дорогами в тот город, где ее отец проживал; прибежала туда, нарядилась поваром и пошла искать работы. А генерал распустил слух, будто королевна связалась с часовым и убежала с ним ночью неведомо куда...»

К словам «кто меня перебьет, того чумичкой в лоб» (с. 107) — вариант: «кто скажет мне: неправда — тому его плетей в спину».

212—215. ПОЙДИ ТУДА — НЕ ЗНАЮ КУДА, ПРИНЕСИ ТО — НЕ ЗНАЮ ЧТО
(с. 108—129)

212 (122а) Место записи неизвестно.

АТ 465 А («Пойди туда, не знаю куда»). Сказки о красавице-жене распространены главным образом в странах Восточной Европы, но в *АТ* учтены и варианты, записанные в Ирландии, в Америке (на испанском и французском языках) и в Турции, Индии, Китае. Русских вариантов — 76 (из них 8 в сборнике Афанасьева), украинских — 8, белорусских — 7. Подобные сказки имеются и в сборниках фольклора неславянских народов СССР — латвийских (*Арайс-Медне*, с. 72), башкирских (*Бессонов. Башк. с.*, № 27; *Башк. творч.*, I, № 94—96), казахских (библиографические указания в примечаниях к монографии С. А. Каскабасова. Казахская волшебная сказка. Алма-Ата, 1972). Первые русские публикации в лубочных сборниках: *Лекарство..*, с. 152—188; *Ск. дедушки*, с. 3—34. Третий литературно обработанный вариант русской сказки типа *465 А* был издан в 1838 г. (*Бронницын*, № 3), четвертый — в 1843 («Москвитянин», № 4, с. 389—394) и перепечатаны Афанасьевым в Примечаниях к его сборнику — тексты № 567 и 568 настоящего издания. В его сборнике представлено весьма замечательное многообразие народных русских вариантов трех между собою связанных основных типов сказок о красавице-жене — *АТ 465 А* (тексты № 212—215, отчасти № 313, 314), *АТ 465 В* (тексты № 216, 217) и *АТ 465 С* (тексты № 214—216). Исследования: *Новиков*, с. 152—154 и отчасти с. 131—132; 219—239. Текст № 212 отличается обстоятельностью разработки, характерной для русских сказок этого типа, но ни в одном из русских вариантов они не представлены так полно. Традиционный для восточнославянских сказок типа *465 А* и встречающийся в некоторых неславянских, например, башкирских, вариантах эпизод обмена невидимки на чудесные предметы и возвращения невидимки напоми-

нает сказки о сумке, шляпе и рожке (*АТ 569* — см. текст № 270) и, вероятно, восходит к таким сказкам.

В сносках Афанасьева к тексту даны фрагментарно варианты. К словам «сидит на дереве горлица» (с. 108) — вариант: «вышел на взморье и видит: плавает на воде одна сера утица».

К словам девицы «Умел ты меня достать, умей и жить со мною...» (с. 108) дан вариант: «Умел ты достать меня, теперь женись на мне: я ведь не сера утица, а я — королевская дочь».

К словам «два неведомых молодца» (с. 108) — вариант «два духа».

К словам «олень золотые рога» (с. 110) — вариант: «на том острове ходит кобылица с двенадцатью жеребятами».

К первому совету бабы-яги (с. 112) — вариант: «пусть пошлет он стрельца на конец погибели, где живет Шмат-разум».

К имени «Шмат-разум» (с. 114) — вариант: «Урза-мурза».

После слов «он посадил ее в банку и отправился в обратный путь» (с. 115) приведен вариант предыдущих эпизодов сказки: «Простился стрелец со своей женою, пустил клубочек перед собою и пошел вслед за ним. Близко ли, далеко ли, скоро ли, коротко ли, приходит на чистое поле, смотрит — стоит избушка на курячьей ножке. Он клубочек в карман спрятал и говорит: «Избушка, избушка! Стань ко мне передом, а к лесу задом». Избушка поворотилась к нему передом; перешагнул через порог — в избушке старуха сидит. «Здравствуй, бабушка!» — «Здравствуй, добрый человек! Как бог занес в нашу сторону — по воле, аль по неволе?» — «По неволе, бабушка! Послал меня король: пойди, говорит, туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что».— «Ну, молодец, я сколько на свете живу, а про это еще не слыхивала». Взял стрелец кувшин с водою, умылся с дороги, вынул свое полотенце и стал утираться. Увидела старуха и спрашивает: «Послушай, добрый человек, откуда добыл это полотенце? Ведь это работа моей племянницы».— «Твоей племянницы, а моей богоданной жены».— «Где же она, голубушка?» — «Дома осталась, жива и здорова, велела тебе поклон снести». Старуха обрадовалась, накормила, напоила его и говорит: «Ну, друг, пойдем со мною, я соберу для тебя всех моих подданных и стану выспрашивать: авось на твое счастье кто-нибудь да ведает, куда и зачем послал тебя король». Вышли они на двор, старуха крикнула громким голосом, молодецким посвистом — собирались к ней птицы: сколько есть в белом свете, все прилетели. «Птицы перелетные! Кто из вас ведает — научите, как дойти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что». Ни одна птица про то и не слыхивала. Пошел стрелец дальше, заходит к другой старушке — та собирает зверей, спрашивает у них. Звери тоже ничего не ведают. Стрелец опять в дорогу, заходит к третьей старушке и рассказывает ей свое горе. Старуха вышла на двор, крикнула громким голосом, молодецким посвистом — сползлись к ней гады всякого звания: и змеи шипучие, и лягушки скакучие; столько налезло их, что и ступить негде! Ни один гад не ведает, куда и зачем послал король доброго мо́лодца. Вот старуха взяла именной список и стала перекличку делать — все ли на месте? Все гады на месте, только одной лягушки нет; сейчас послали гонцов ее разыскать. Не прошло и часу, как тащат лягушку о трех ногах. «Где ты, шельма, пропадала?» — «Виновата, государыня! Я изо всех сил торопилась, да со мной на дороге несчастье приключилось: ехал мужик на телеге, наехал на меня колесом и отдавил ногу; насилу могла добраться до вашей милости».— «Ведомо ль тебе, как дойти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что?» — «Пожалуй, показать дорогу можно, только у, как далеко туда! Мне туда ни за что не допрыгать». Стрелец взял лягушку, завязал в платок и понес в руке; сам идет, она путь указывает. Шел, шел, до синя моря дошел, переплыл на лодочке на другую сторону, видит — палаты, стоят, он туда — и спрятался за печку. Ровно в полночь приходят в палаты двенадцать добрых молодцев; старший выступил и крикнул: «Эй, Губрей!» Отвечает ему невидимка: «Что прикажете?» — «Подавай обед и вина на двенадцать человек, и чтоб был хор музыкантов». Тотчас все и явилося: загремела музыка, и пошла гульба!.. (Стрелец сманивает к себе невидимку и отправляется в обратный путь). Подошел к морю, глядь — нигде не видать лодки. «Эй, Губрей! Как бы нам на ту сторону попасть?» — «А вот горелый пень; садись на него и держись крепче». Стрелец положил лягушку за пазуху, сел на горелый пень и крепко обхватил его обеими руками. Вдруг пень поднялся с земли и перелетел через все море...»

К описанию диковинок у купцов (с. 116) дан вариант: «Один купец вынул табакерку: только крышку сыми — и в ту ж минуту большой город раскинется; другой купец топор достал: тяпни лезом по земле — тотчас дворец явится, ударь обухом в передний угол — и дворца как не бывало! А третий купец показал игольник: только открой — так и полезет войско и конное, и пешее».

213 (122b) Место записи неизвестно. Текст издан Афанасьевым без окончания.

АТ 465 А. Начало напоминает традиционный для сказок о чудесном бегстве (*АТ 313*) эпизод похищения героем крыльев (платья) одной из двенадцати девушек-птиц. Эпизод поднесения стрелком свадебного подарка царю, вероятно, является отголоском бытования в древней Москве обычая, о котором есть упоминание в сочинении Г. К. Котошихина «Россия в царствование царя Алексея Михайловича», написанном в 60-е годы XVII столетия.

После слов «Стрелок подполз потихоньку и унес золотые крылышки» (с. 117) Афанасьев в сноске указал вариант: «Утицы спустились на взморье, обратились красными девицами, разделись и в воду. Стрелок подполз потихоньку и унес одну сорочку...»

После слов «а другой кустик мне» (с. 117) указан вариант ответа Марьи-царевны стрелку: «Увидала Марья-царевна доброго молодца и говорит ему: «Не честь, не хвала молодцу красть рубашку у девушки! Разлучил ты, злодей, меня и с родом, и с племенем; видел ты красу девичью — мое голое тело, надо за тебя замуж идти».

Приведен вариант первого совета теребня (с. 119): «и велит ему ехать в государство чужеземное, в луга заповедные и достать свинку золотую щетинку с семью поросятами».

214 (122c) Место записи неизвестно.

АТ 465 А+465 С (Поручение на тот свет). Традиционная для восточнославянских, особенно русских, сказок контаминация сюжетных типов. Первый сюжет развернут слабо. Второй, учтенный в *АТ* только в финском, ливском, литовском, русском, украинском и турецком материале. Русских вариантов — 10, украинских — 24, белорусских — 6. В латышском указателе Арайса-Медне (с. 72) отмечен целый ряд опубликованных и архивных вариантов типа *465 С*. Башкирская сказка этого типа — «Байская дочь и батрак» (*Зеленин. Перм. ск.*, № 101). См. также: *Башк. творч.*, II, № 51. В сказке сборника Афанасьева проявляется характерная для солдатских сказок социальная сатирическая заостренность сюжета о путешествии на тот свет.

К словам «двенадцать лебедушек» (с. 120) в сноске Афанасьевым дан вариант «голубушек».

215 (122) Место записи неизвестно.

АТ 465 А. Этот вариант, имеющий выразительный бытовой купеческий колорит, отличается своеобразными подробностями (*АТ 1061* — Кто раскусит железо или камень. Ср. тексты № 120, 153, 154, 192).

216. МУДРАЯ ЖЕНА
(с. 130—134)

216 (126) Место записи неизвестно.

АТ 1651 (Счастье от кошки) + *465 С* + *465 В* (Гусли-самогуды). Истоки первого сюжета прослеживаются с IV в., когда анекдот о богатстве, приобретенном путем продажи кошки, получил распространение в Италии и других странах Средиземноморья. От XIII в. дошли письменно зафиксированные рассказы персидского историка Васифа и составителя хроники на латинском языке Альберта фон Штаде о случае, который будто бы произошел в 1175 г. во время заморского путешествия венецианских купцов в краю, где развелось множество мышей, но не было кошек: кошка была продана там купцами очень дорого. В XVII в. в связи с тем, что в гробнице лондонского мэра Ричарда Виттингтона, умершего в 1423 г., была обнаружена похороненная вместе с хозяином кошка, стал популярен слух, что Виттингтон в юности, будучи моряком, баснословно дорого продал кошку в стране, где не знали кошек. Сюжет получил затем бытование в форме сказки и за пределами Англии (см. *Liungman*, S. 325—326). Такие сказки учтены в *АТ* в фольклоре многих стран Европы, некоторых стран Азии (Турции, Индии, Индонезии), а также в записях на французском и испанском языках, сделанных в Канаде и Южной Америке от потомков европейских

переселенцев и от негров. Русских вариантов — 4, украинских — 4, белорусских — 4. Имеются сказки о счастье от кошки и в фольклоре других народов СССР, например, латышей (*Арайс-Медне*, с. 210). Контаминируемый с сюжетными типами *1651* и *465 А* тип *465 В* учтен в *АТ* в финском, польском и русском материале. Русских вариантов — 13, украинских — 3, белорусских — 3. Из вариантов сюжета о гуслях-самогудах отметим также латышские (*Арайс-Медне*, с. 72) и башкирский, в котором он контаминирован с типом *465 С*, как и в сказке сборника Афанасьева (*Башк. творч.*, II, № 51). Развитие сюжета о красавице-жене в сказке Афанасьева начинается с эпизода, традиционного для восточнославянских вариантов типа *465 С:* герой получает жену от бога — чудесную рыбку, она оборачивается прекрасной женщиной. Своеобразно разработан эпизод обмена героем гуслей-самогудов на дубинку-самобойку, которая убивает разбойника и злого короля.

После слов «Здравствуй, милый друг!» (с. 131) Афанасьев в сноске привел несколько вариантов к отдельным эпизодам:

«*Вариант 1:* «Хорошо! — говорил ангел.— Вот тебе просвира, ступай на море, сделай удочку, наложи на крючок часть просвирки да закинь в воду — и вытащишь себе жену мудрую».

Дурак побежал на́ море, из своих волос свил удочку, привязал крючок, на крючок часть просвиры нацепил, закинул в воду и вытащил красивую златоперую рыбку. «Что мне делать с нею? — думает про себя.— Говорил ангел божий, что жену со дна моря вытяну, а вместо того малая рыбка попалась!» Как бросит ее на берег — и в ту же минуту заместо рыбки явилась девица красоты неописанной.

Вариант 2: Жил-был купец, у него было три сына: два — умные, третий — дурак. Вот купец помер; братья разделили поровну все имение, только один пятак без разделу остался — как его разделить на три ровные части? Дурак промотал все свои деньги, приходит к братьям и говорит: «Давайте теперь пятак делить». Братья засмеялись и отдали ему пятак: «Бери себе весь!» Дурак пошел на рынок, купил себе удочку, закинул в реку и вытащил щуку. (Щука превращается в красную девицу).

Вариант 3: Была себе вёска [деревня] не так-то большая, а дворов пяцьдзесят, і у расстаяніі поўверсты быў памешчык прыбагацейшы, і было у его неізлічымо скота, і хадзіў скот без пастуха і гэтым мужыкам шкоду рабіў. Гэтые мужыкі сабралісь у карчму на зборышчэ і гаворaць дружка на дружкі: «Ах, браццы! Што нам с гэтым паме́шчыкам рабіць? Гдзе на яго прасіць? Нарадзім-ка пастуха». Сядзіць у карчме чалавек очень стары, слушаець іх рэчы і гаворыць: «Найміце міне, гаспада пачтенные! Я чалавек стары, ні загуляю, ні ўсну, і вам верно карауліць буду». Яны гаворaць: «Што ты хочіш? Дадім табе сто рублев, а кушаць будзеш па очарадзі». Ну, гэтый старык ходзіць за скатом круглый год, і показалісь яму последніх тры дня цяшкіх да году; просіць ён у мужыкоў, штобы заплацілі за службу. Яны гаворaць: «Ты не даслужыў тры дні; мы табе не заплацім». Ён гаворыць: «Я й так пайду, бо мне тры дні паказалісе большэ, как круглый год». Мужыкі далі яму тры грошы і тры фунта хлеба на дарогу: «І то ласка наша, што і гэтае табе далі!» Палучыўшы сію награду, старык ушоў. Вот прыходзіць ён у цёмнодремучый лес і находзіць хату, падашоў пад акошко і спрашываець: ёсць лі хто ў той ізбе? Атзываецца стародревняя старуха. «Пажалуста, стародревняя старуха, укрой ад цёмной ночы».— «Міласці прашу, добрый чалавек!» Пусціла яго: ён ей ўсе рассказаў. Яна гаво́рыць: «Начуй, мілы[й]!» Паутру ўстаўши, ён умыўся і богу памаліўся. «Ну, пайдзем же, мілы[й],— гаворыць старуха,— будзем шукаць праўды і крыўды». Адайшлі яны ад хаты нескалька шагов у лес і находзяць студню (колодезь). Гэтая студня перловым замком заперта. Баба гаво́рыць: «Старык! Маіш ты тры грошы, брось у воду». Ён бросіў і думаець у думе: «Госпадзі! какой я нісчастный, что служыў круглый год за тры грошы, і те у воду бросіў». А старуха яго думки знае і гаво́рыць: «Ты, чалавек, сагрэшыў перед богом! Ты свае счастье палучыў». І ўдруг васходзіць да іх скарб денег: яна, іх узяўшы, высыпала на мураўку — казна залатая незлічымая, і разлічыла [разделила] яна её на чатыры часті. «Ну, старык, вот гэтая часць первая твая — гдзе хочіш, туда і дзень; другая часць мая — за маі труды; трэцью часць, ак пайдзеш па свету, дары бедным — ўсю до гроша раздай; а як раздасі, то за гэтую часць купіш ладану і завезёш на гару, весь разом скінеш і запаліш — то гасподь дасць табе, чаго ты жалаешь». Старык па её прыказу так і зарабіў. І выходзіць да яго ангел: «Старык, чаго ты жалаеш ад госпада, што ты такой запах на весь свет пусціў?

Айлі ты жалаешь у царстве небесном быць?» Старык да ангела гаворыць: «Хоця я богу не умею маліцца, но у міне грошы есць: буду бедных дарыць, і за міне будуць бога маліць, і я буду у царстве небеснам. А прашу далажыць госпаду, што я не знаю з'роду, як у пары жыць». Прыходзіць ангел до бога. Господь у яго спрашиваець: «Што ён табе гаварыў?» «Господи! ён вашаю ласкаю згардзіў: пожалаў, што ён ад роду не знае, як у пары жыць». Господь гаворыць: «Нада яму даць за яго церпенье. Ступай, скажы яму: пущай ён ідзе ў чыстые паля, ў завадные луга, ў шолкавые травы; там знайдзе озеро: гдзе цяперь тое озеро, там быў бальшой сабор; гэтаго сабора священнік прагрэшыўся, і гэтот сабор праваліўся з усім народом: гдзе ў том саборы былі дзверы, там цяперь мост, а гдзе быў парог, там есць даска. Пущай ён лезе пад тую даску. Прылецяць у гэтае озеро тры райскіх качкі [утки] купацца, сядуць над яго галавою, скінуць на адном з сібе перушки — і зрабіцца з іх тры панны: пущай ён выбірае сабе любую ў супружество». Вот прылецели тры качкі і пашлі купацца, а тот старык глядзіць на іх, што яны красаты неапісанной і невабразімай, і думаець: каторую сабе ўзяць? Рост і красата — ўсё единственно. Пратянуў руку і узяў за середне перушка: яна увідзіла і гаворыць да сваіх сёстраў: «Сестрыцы маі радныя! Прасціте, бо я ужэ не ваша».— «Бог с табою! Не ад каго то есць — ад бога»,— гаварадь тые і узяўшы сваі перушкі, палецелі ў сваё места. А яна вылезла з вады, стала над мастом і гаворыць: «Акажысь, хто ты ёсць такой!» Ўдруг старык вылазіць з-под маста; яна і гаворыць: «Ах, трупе, ты, трупе! што ты здумаў сабе на старосці лет?» Ён каже: «Я й сам не рад, што цяперь зрабіў!» — «Ну, ведзі міне на сваю родзіну, гдзе ты радзіўся і зрос; нам треба жыць і гаревать». Не дахадзя ён свайго двора, відзіць — стаіць грушовы пень, і гаварыць: «Гэто мае поле!» — «Кагда гэто твае поле, то мы здесь астанемся...» (Записано в Новогрудском уезде Гродненской губ.)».

После слов «сам государь, удивился» (с. 131) отмечено: «В других списках царь влюбляется в его жену и задает дураку трудные задачи, с тем, чтобы извести его, а красавицу взять себе».

После слов «где его деньги запрятаны?» (с. 132) приведен вариант приказа царя: «сходи на тот свет и снеси моему покойному отцу поклон от меня».

После слов «дурак взял их под мышку и пустился домой» (с. 133) отмечено: «В другом списке вместо полотенца жена дает дураку цветок: «Заткни,— говорит,— этим цветком уши — и ничего не бойся!» Дурак так и сделал. Стал мастер в гусли играть — все заснули, а дурак сидит, его и сон не берет. «Молодец! — говорит мастер.— Умел высидеть не дремлючи, возьми себе гусли».

К мотиву встречи дурака с разбойником (с. 133) дан вариант: «Повстречался с дураком гайдамака: «Давай меняться!» — «На что?» — «Вот на эту торбу, что у меня за плечами»,— «А что в твоей торбе?» — «Только скомандуй — сейчас выскочат из нее семьсот казаков и пойдут рубить во все стороны». Поменялись; дурак отошел с полверсты и одумался; жаль ему стало гуслей — не с чем к королю показаться! Тряхнул торбу — выскочило семьсот казаков. Говорит им дурак: «Нагоните гайдамаку, разнесите его кости по чистому полю и отберите у него гусли-самогуды». Что приказано, то и сделано... (После, воротившись домой, дурак с помощью этой торбы осиливает злого короля)».

После слов «убила злого короля до смерти» (с. 134) указаны два варианта эпизода расправы с королем:

«*Вариант 1*: Добывши гусли-самогуды, дурак приходит к царю; гусли начинают играть, а царь плясать пошел. Уж он плясал, плясал, пот с него градом льет, ноги приустали, руки примахалися; рад бы остановиться, да не может... И до тех пор играли гусли-самогуды и до тех пор плясал царь, пока совсем не умер...»

«*Вариант 2*: Дурак заложил свои уши цветком, пришел к королю и заставил играть гусли-самогуды. Только заиграли гусли, как и сам король, и его бояре, и стража придворная — все заснули; дурак снял со стены булатный меч и убил короля...» Этот эпизод напоминает «Одиссею»: встречу Одиссея с поющими сиренами.

Приведен вариант окончания сказки: «Послал царь дурака за гуслями-самогудами. Долго шел он, долго странствовал; подходит к избушке на курьих ножках. В избушке старуха сидит. «Здравствуй, добрый молодец! Куда идешь?» — «Иду доставать гусли-самогуды».— «Ах, родимый, трудно их достать. Ты сам ни за что не добудешь: есть у меня сын Волк-самоглот, разве он тебе поможет. Подожди немного,

он сейчас домой будет; спрячься пока за печкою». Только дурак спрятался, прилетел Волк-самоглот: «Здесь,— говорит,— русским духом пахнет!» — «Это ты, сынок, по русским землям летал, русского духу набрался, он тебе и чудится».— «Нет, матушка, у тебя чужой человек сидит; скажи-ка ему: пусть выходит да поиграет со мною в карты». Вышел дурак из-за печки и садится играть в карты. «Смотри же,— говорит ему Волк-самоглот,— чур не спать! Если уснешь — сейчас тебя проглочу».— «Хорошо»,— отвечает дурак, а самого так сон и клонит — никак не может удержаться. Пока Волк-самоглот карты сдавал, он почти совсем уснул. «Что ты, спишь али дремлешь?» — спрашивает Волк-самоглот. Отвечает дурак: «Не сплю, не дремлю, думу думаю».— «О чем твоя дума?» — «Много прошел я лесов дремучих и везде видел больше кривого дерева, чем прямого: отчего так? (Вариант: «О чем твоя дума?» — «Хочу загадать тебе загадку: какого дерева в лесу больше — сухого или сырого?») — «Постой-ка, я полечу, да сам посмотрю! Если неправду сказал — смерть твоя!» Волк-самоглот полетел по свету леса осматривать, а дурак лег спать. Только выспался, прилетает Волк-самоглот! «Правда твоя,— говорит,— кривого дерева больше!» Снова сели играть в карты; играли, играли, опять начал сон клонить дурака, глаза так и слипаются. «Что ты спишь али дремлешь?» — «Не сплю, не дремлю, думу думаю».— «О чем твоя дума?» — «Много плавал я по рекам, по морям и везде видел больше малой рыбы, чем большой: отчего так?» — «Будто и правда? Я больше твоего летал, всякие дива видел, а этого не приметил. Постой-ка, полечу да сам посмотрю! Если ты неправду сказал — смерть твоя!» Волк-самоглот полетел по свету реки да моря осматривать, а дурак спать лег. Только что выспался, прилетел Волк-самоглот. «Ну,— говорит,— правда твоя, малой рыбы больше». Опять сели играть в карты; играли, играли, дурак не вытерпел — совсем заснул. Волк-самоглот разбудил его: «Что, заснул? Теперь съем тебя со всеми косточками».— «Ах, Волк-самоглот! Прикажи прежде баню истопить, дай мне вымыться: сам видишь, какой я с дороги — весь в грязи да в пыли! Не узнаешь и вкусу в моем мясе...» Волк-самоглот приказал истопить баню. Дурак помолился богу и пошел мыться. Много прошло времени, а он все моется. Прибежал Волк в баню: «Долго ли будешь копаться? Мне ждать некогда».— «Сейчас! Дай хоть утереться»,— сказал дурак, вынул шитое полотенце и стал утираться. «Где ты взял это полотенце?» — «Жена дала».— «Давно бы так сказал! Ведь твоя жена мне родною сестрою доводится... а я ведь этого не знал, чуть не съел тебя». Повел его Волк-самоглот в избу, посадил за дубовый стол, пили-ели, добрые мысли имели. Дурак рассказал тут, как его царь за жену преследует, трудные задачи задает — с белого света сжить хочет. «Вот и теперь велел добыть гусли-самогуды».— «Подожди, я тебе помогу!» — сказал Волк-самоглот и полетел за тридевять земель, в тридевятое царство; в том царстве был сад, а в саду на двенадцати цепях висели гусли-самогуды. Волк-самоглот сорвал гусли с двенадцати цепей и полетел назад. Государь той земли бросился за ним в погоню... Волк-самоглот увидел реку, с одного конца нырнул, на другом вынырнул — и был таков! Отдает дураку гусли-самогуды. «Ступай,— говорит,— домой с богом, и я за тобой пойду». Дурак взял гусли, идет дорогою, а за ним Волк-самоглот, словно собака бежит. Приходит к царю, а у царя князья и бояре собраны. Посмотрел царь на гусли-самогуды и говорит: «Штука славная, да что толку в ней! Мне жена его всего в свете дороже. Рассудите князья и бояре, что теперь делать?» Князья и бояре присудили отрубить дураку голову. Царь взялся было за меч, а Волк-самоглот разинул пасть — и проглотил его самого. Дурак сделался царем и жил со своею прекрасною царицей и с Волком-самоглотом долго и счастливо».

217—218. ТРИ КОПЕЕЧКИ
(с. 134—137)

217 Место записи неизвестно. Сказка издана Афанасьевым без конца.
(124а) *АТ 842 С** (Честная копейка: не тонет в воде и доставляет счастье) + отчасти *1651* (см. прим. к тексту № 116) + *465 С* + *465 В*. Первый сюжет учтен в *АТ* только в литовском и русском материале. Русских вариантов «Честной копейки» — 6 (из них *3* в сборнике Афанасьева), украинских — 5, белорусских — 4. Известны также латышские сказки *842 С** (*Арайс-Медне*, с. 134) и башкирская сказка (*Башк. творч.*, II, № 31). Традиционной для восточнославянских сказок типа *465 С* вступительный эпизод — «Герой получает жену от бога за то, что благоухание сожженного им ладана

дошло до неба» встречается тоже только в болгарских сказках (см.: *Horalek K*. Pohádkoslovne studie. Praha, 1964, s. 19).

218 (124b) Как видно из сохранившейся в архиве *ВГО* рукописи (р. XXIX, оп. 1, № 61, лл. 15 об.—17 об., 1848), сказка записана в Пермской губ. штатным смотрителем Кунгурского училища С. Буевским. Между тем Афанасьев ошибочно отнес место записи к Архангельской губ. (см. также прим. к тексту № 174). Ошибка Афанасьева была установлена Д. К. Зелениным в его «Описании рукописей Ученого архива Русского географического общества» (вып. III, Пгр., 1916, с. 1032—1033).

*AT 842 C** + отчасти *1651*.

Своеобразными подробностями отличается финальный эпизод, отчасти напоминающий сказки о правде и кривде (*AT 613*).

Стилистические изменения, введенные Афанасьевым в текст, в комм. ко II т. сказок изд. 1938 года не отмечены. Они следующие:

Страница и строка	Напечатано:	Рукопись:
136 3 св.	Проработал	Проработавши
5 св.	а работник	работник
5—6 св.	одну копеечку, идет	копеечку и идет
6—7 св.	Если, говорит	говорит, если
9 св.	проработал	проработавши
9—10 св.	опять дает ему денег, сколько надо, а работник опять берет	дает денег, сколько ему надо, работник опять берет
10—11 св.	старое место и бросает в воду. Копеечка утонула	то же место, бросает копеечку, она опять утонула
11 св.	проработал	проработавши
12 св.	больше	более
12 св.	службу	работу
13 св	берет опять одну копеечку	тот берет опять только одну копеечку
13—14 св.	бросает ее в воду; глядь — все три копеечки	бросает ее на то же место, куда бросил первое, и видит, что все три копеечки
14 св.	взял их	их взял
16 св.	к обедне едет	ехавши к обедне
16—17 св.	дает тому купцу копеечку и просит свечку образам поставить	тому купцу дает копеечку поставить образам свечу
17 св.	взошел	когда взошел
18 св.	обронил ту копеечку	копеечку, которая дана была работником на свечи, обронил в церкви
19 св.	огонь возгорел	загорел огонь
20 св.	спрашивают	и спрашивают
20 св.	копеечку	эту копеечку
22 св.	А работник тем временем продолжает свой путь	Между тем работник продолжает путь свой
22 сн.	попадается ему другой купец — на ярмарку едет; работник	попадается опять купец, работник
20 сн.	на ярмарке	в ярмарке

Страница и строка	Напечатано:	Рукопись:
136, 16—19 сн.	И вспомнил про копеечку. Вспомнил и не знает, чего бы на нее купить. Попадается ему мальчик, продает кота и просит за него ни больше, ни меньше, как одну копеечку, купец не нашел другого товару и купил кота	и вспомнил, что не купил товару на копеечку, которую ему дал работник. Не знает, что бы на нее купить, попадается мальчик, и продает кота просит за него копеечку, купец не нашел на копеечку купить другого товару, купил кота
13—15 сн.	Поплыл он на кораблях в иное государство торг торговать; а на то государство напал великий гнус. Стали корабли в пристани; котик то и дело из корабля выбегает, гнус поедает. Узнал про то царь	поплыл на кораблях домой, корабли вдруг останавливает гнус (крысы), котик выбегает из корабля и поедает весь гнус. Царь узнавши это
9—10 сн.	Воротился купец назад, а работник вышел на рынок, нашел его и говорит	После того работник ходит по рынку и ищет купца: купил ли он ему на копеечку товару, находит купца и говорит
5—7 сн.	Работник взял три корабля и поплыл по морю. Долго ли, коротко ли — приплыл к острову; на том острове стоит дуб	работник взял их и поплыл по морю, тут видит лыжи, надел их на ноги и пошел по воде, приходит к острову, на нем стоит дуб
3—4 сн.	Ерахта своим товарищам, что вот завтра среди бела дня он украдет у царя дочь	Ерахта между своими товарищами, что он завтра украдет среди дня у царя дочь
137, 1—4 св.	После того разговора они ушли; работник слез с дуба и идет к царю, пришел в палаты, вынул из кармана последнюю копеечку и зажог ее. Ерахта прибежал к царю и никак не сможет украсть его дочери. Воротился ни с чем к братьям	Когда они после разговора своего ушли от дуба, работник сходит с него и идет к царю, когда пришел в палаты, вынимает копеечку из кармана, зажог ее, чтобы Ерахта не утащил у царя дочь. Ерахта прибегает к царю, и не может украсть его дочери; приходит обратно к братьям
6—7 св.	А работник женился на царевне и стал себе жить — поживать, добра наживать	[в рукописи этой заключительной формулы нет]

В Примечаниях Афанасьев поместил следующий рассказ, характеризующий, по его мнению, связь представлений о деньгах с представлениями об огне: «В Астраханской губернии ходит такое сказание о чертовом городище (в имении г-жи Милашевой): «Ехал однажды мужик по воде ночью; ночь была темная, он и заплутался. Вот плыл, плыл и пристал к берегу, вылез из лодки и стал поглядывать, что за место такое? Ходил, ходил, и усмотрел бугор, а в бугре аки выход (подвал). Вошел в отворенные двери и крепко испугался; впереди сидит женщина — словно татарка, а по всему выходу насыпаны груды денег. А та глянула на него и бает: «Почто пришел сюда?» — «Да я,— бает,— заблудился».— «Ну что ж, не бойся! Бери себе денег сколько хошь, а в другой раз сюда не ходи». Вот мужик стал набирать деньги да в карман класть; много наклал, сколько могуты поднять хватило, и потащил в лодку. Сложил деньги в лодку, да и бает сам себе: «Дай еще пойду! Этого в другой раз не сыщешь». Вишь глаза-то наши завистливы! Пришел к бугру, туда-сюда — нет больше выхода! Ну, точно и не было его! Воротился назад к лодке, глянул — и тут неудача: то были деньги, а теперь стали уголья!»

219—226. МОРСКОЙ ЦАРЬ И ВАСИЛИСА ПРЕМУДРАЯ
(с. 137—169)

219 Записано в Воронежской губ.
(125а) *АТ 313* (Чудесное бегство). Варианты сюжета, имеющие вступительный эпизод «Человек спасает птицу и она уносит его в заморское царство», отнесены в *АТ* к разновидности *В*, а варианты с добавлением в конце — юноша, вернувшись домой забывает невесту, но потом они соединяются — к разновидности *С*. Данный текст сочетает обе разновидности: *313 В, С*. Сюжет принадлежит к самым популярным во всех частях света. Русских вариантов — 133, украинских — 59, белорусских — 18. История сюжета связана с обработками мифа об аргонавтах в сочинениях античных писателей — Аполлония Родосского (III в. до н. э.), Аполлодора Афинского (II в. до н. э.), Овидия Назона (43 г. до н. э.). Мотивы сюжета развиваются в «Катхасаритсагаре» («Сомадеве»). Из западноевропейских литературных сказок типа *313* самой известной является сказка Базиле («Пентамерон», III, № 9). К 1831 г. относится конспективная запись Пушкина подобной сказки Арины Родионовны (*Пушкин. Прил.*, I, № 2), и в том же году была создана В. А. Жуковским стихотворная «Сказка о царе Берендее, о сыне его Иване Царевиче, о хитростях Кощея Бессмертного и о премудрости Марьи Царевны, Кощеевой дочери». Исследования: *Иохельсон В. И.* «Магическое бегство» как общераспространенный сказочно-мифологический эпизод.— «Сборник в честь 70-летия Д. Н. Анучина». М., 1913, с. 155—166; *Aarne A.* Die magische Flucht. Eine Märchenstudie (*FFC*, N 92), Helsinki, 1930; *Пропп. Ист. ск.*, с. 319—323; *Левин И. Г.* Этана. Шумеро-аккадское предание. Л., 1967; *Новиков*, с. 131—132 (отчасти); *Аникин*, с. 98—100. В других сказках, представляющих разновидность *313 С*, встрече героя с орлом предшествует повествование о войне царя птиц с царем зверей (см. тексты № 220 и 221). Необычен для сказок этого типа эпизод прихода на пир к водяному царю Опивалы и Объедалы, напоминающий сюжет о шести чудесных товарищах (*АТ 313 А*. Ср. тексты № 137, 138, 144). Изложение сюжета в данном варианте обстоятельное и в основном характерное для русской сказочной традиции.

К тексту Афанасьевым даны следующие сноски:

После слов «сундучок на передном дворе» (с. 138) отмечено: «В одном из списков, бывших у нас в руках, рассказывается, что орел жил у крестьянина три года и съедал в день по три печи хлеба, по три туши бараньи да по три туши бычачьи. Выкормил, выходил мужик птицу, и зовет его орел в гости. А мужик весь на него прожился, стало быть ему все равно — куда ни идти, хоть по миру! Близко ли, далеко ли — добрались наконец. Говорит орел мужику: «Здесь моя старшая сестрица живет; подойди к окну, постучись и говори: «Сестрица родимая! Выкупай, мол, братца милого из неволи великия; он у меня три года жил, в день по три печи хлеба съедал, по три туши бараньи да по три туши бычачьи». Она тебя спросит: «Что же тебе дать, добрый человек?» А ты говори: «Дай лошадку, на которой к обедне ездишь». Она тебе скажет: «Хоть лошадь отдать, да братца достать». Мужик получил от старшей сестры лошадь, которая могла из себя деньги выкидывать; у средней сестры выпросил сумочку — только открой, и бери какие хочешь наряды; а у меньшой — скатерть-самобранку».

К описанию встречи царевича с бабой-ягой (с. 139) дан вариант: «Идет царевич по бережку. Навстречу ему старая баба: «Куда путь держишь, царевич?» — «Отвяжись, старая! И без тебя тошно». Пошла баба своей дорогой, а царевич пораздумал: «Ведь старые люди рассудливы! Эй,— говорит,— воротись, бабушка! Всю правду тебе скажу». Воротилась старуха...»

К словам «Оборотила она коней колодезем...» (с. 141): «коней дремучим лесом, себя — колодезем, а царевича — старцем».

Вариант ответа старика погоне (с. 141): «Как я молод был, этот лес сажал».

После слов «Тут и дух испустил» (с. 142) — вариант: «Василиса Премудрая оборотила царевича соколом, а себя — ракитовым кустом. Водяной царь бросился к ракитову кусту, хотел все сучья обломать; отколь ни возьмись сокол, налетел на него и выклюнул ему оба глаза. Поплелся водяной царь в свое царство ощупью, а царевич с Василисою Премудрою...»

После слов «не целуй сестрицы» (с. 142) дан вариант: «Не целуй невестки (или: целуй всех в левую щеку; а коли в правую поцелуешь — меня позабудешь)».

220 (125b) Записано в Рязанской губ.

AT 313 B. Очень редко рассказ о войне зверей и птиц встречается в восточнославянском фольклорном материале в виде самостоятельной сказки (*AT 222 B**). Мотив чудесного превращения бегущих жениха и невесты в церковь и попа (старичка, псаломщика. Ср. текст № 222), как отметил в упомянутой выше монографии Аарне, характерен для вариантов «Чудесного бегства», бытующих в Восточной Европе.

К началу сказки Афанасьевым дан вариант (с. 142): «Нашел воробей зернышко, стали делить. «Кусай, мышь, половину себе, половину мне». Мышь откусила — себе больше, воробью меньше: подрались и пошли с жалобой по начальству; воробей к ворону, мышь к медведю, и началась война между зверями и птицами».

К словам «орел встрепенулся» (с. 143) дан вариант: «отряхнулся».

К словам «Выстрой к завтрему мне белокаменные палаты...» (с. 145) — вариант: «Выстрой за одну ночь большой дворец, кругом чтоб озера были да деревья росли и чтоб из каждого листочка вода бежала!»

221 (125c) Место записи неизвестно.

AT 313 B. Вступительная часть — о войне зверей и птиц и о том, как охотник выходил раненого орла, отличается обстоятельностью и красочностью изложения, но сюжет не получает здесь традиционного развития: обещанный черту сын охотника не является к нему. Финальный эпизод (сын охотника, зашитый сначала в собачью, потом в баранью и, наконец, козлиную шкуру, спасается от черта) необычен.

222 (125d) Место записи неизвестно.

AT 313. Подобные варианты сюжета о чудесном бегстве, начинающиеся эпизодом «Водяной царь или черт схватывают за бороду путника, и тот обещает ему сына» отнесены в указателе *AT* к разновидности *A*. Вместе с тем данный вариант имеет окончание, характерное для разновидности *C*: герой вспоминает забытую невесту, и они соединяются. Изложение (последовательностью эпизодов, некоторые подробности) напоминает «Сказку о царе Берендее» Жуковского.

К мотиву запродажи сына морскому царю (с. 150) Афанасьев привел следующие три варианта:

«*Вариант 1*: Осмотрелся кругом и видит: невдалеке колодец стоит, а у колодца прикован на цепи золотой ковш. Царь туда, и только взял ковш и нагнулся воды зачерпнуть — вдруг Чудо Морское уцепилось ему за бороду.

Вариант 2: Пришлось как-то ехать пó морю. Корабль плыл, плыл да вдруг остановился, нейдет с места. Что ни делали корабельщики, как ни ухитрялись — ничего не берет! «Что за притча такая! — думает царь.— Столько лет по морю плаваю, никогда этого не бывало. Дорого бы дал, чтоб беды избыть!» — «Отдай то, чего дома не знаешь!» — говорит Чудо Морское, выплывая наверх. Царь согласился и дал в том расписку, а расписка та написана им кровью из мизинного пальца.

Вариант 3. Ехал царь с охоты домой; нагоняет его седой дед: «Подвези старика!» — «Садись на облучок!» Дед сел. «Чем живешь-промышляешь, дедушка?» — «Торгую, государь; покупаю то, что хозяин в дому не ведает».— «Ну, знать, не велика прибыль!» — «Ничего; коли продашь, и у тебя куплю».— «Изволь!».

К словам «а сама сделалась смирною овечкою» (с. 153) дан вариант: «сделалась козою. Привязал ее пастух за рога и ведет на веревочке».

К словам «сама сделалась церквою...» (с. 153) — вариант: «сама сделалась часовнею, а царевича обратила псаломщиком: стоит он и читает вслух псалмы церковные».

223 (125e) Место записи неизвестно. Язык украинский.

AT 313 (313 A, C). Вариант, близкий к предыдущему.

224 (125f) Место записи неизвестно.

AT 313 + мотив *313 H** (Бегство с помощью бросания чудесных предметов. См. прим. к тексту № 93). В этом разработанном варианте типа *313* есть ряд не обычных для него мотивов, подробностей: купцу снится вещий сон; завистливый повар Чумичка наговаривает царю Некрещенному Лбу на Ивана гостиного сына (ср. *AT 531* — «Конек-горбунок»); Иван гостиный сын с помощью Василисы Премудрой строит за одну ночь корабль-самолет и летает на нем вместе с царем и поваром Чумичкой, которого сталкивает с корабля. В сносках Афанасьев привел следующие варианты.

К словам «живет моя старшая сестра» (с. 159) дан вариант: «двоюродная».

К словам «а проси себе медный ларчик» (с. 159) дан вариант: «коробочку с окошечка».

После слов «а цветы цветут в серебряном царстве» (с. 159) указан вариант: «Где пожар горит — там медное царство; где цветы цветут — там серебряное. В серебряном царстве живет другая моя сестра — двоюродная».

К словам «у моей меньшой сестры» (с. 159) — вариант: «родной».

К словам «не отмыкай ларчика, пока домой не воротишься» (с. 160) — вариант: «не отпирай ларчика на тесном месте, отпирай на просторном».

После слов «на земле царя Некрещенного Лба» (с. 160) отмечено: «В другом списке купец останавливается на берегу моря и вместо царя Некрещенного Лба заключает договор с морским (водяным) царем».

К имени Василиса Премудрая дан вариант (с. 161): Настасья Прекрасная.

После слов «стал на него царю наговаривать» (с. 161) указан вариант: «Дал ему царь самых худых лошадей — смотри за ними, ухаживай! Начал Иван гостиный сын кормить их, чистить да холить, и стали у него лошади лучше, чем у всех других конюхов. Поставил его царь над всеми конюхами старшим; невзлюбили они этого и начали сговариваться, как бы намутить на него».

К словам «что может ... сделать такой корабль...» (с. 162) дан вариант: «что может он за единую ночь срыть горы и скалы, сделать на том месте озеро, а на озере построить большой корабль с парусами и пушками».

Приведен вариант третьей задачи царя Некрещенного Лба (с. 163): «Веди завтра поутру моего неезжалого жеребца на синее море, напой и назад верхом приезжай. Коли дело сделаешь — отдам за тебя...»

К словам «закажи, чтобы сделали тебе железный молот...» (с. 163) даны два варианта:

«*Вариант 1*: Закажи кузнецам сделать двенадцать больших гвоздей... покрепче держись да гвозди в голову ему вколачивай.

Вариант 2: Сделай себе боевую палицу во сто пудов (или три прута: железный, медный, оловянный, свей их вместе) и бей коня промежду ушей».

К словам «сделалась колодцем, а его оборотила ясным соколом» (с. 164) дан вариант: «Его оборотила соловьем, а сама сделалась кустиком; сидит соловей на кустике да громко поет».

225 Записано в Зубцовском уезде Тверской губ.

124d) *АТ 313 + мотив 313 Н** (см. прим. к текстам № 93, 224). Из не обычных для сказок типа *313* эпизодов отметим: Иван купеческий сын по пути к Чудо-юде Беззаконному посещает двух ягишен в их избушках на курьих ножках и Чудо-юдову дочку — в третьей избушке. Чаще всего в сказках о чудесном бегстве посланным царем слугам отвечают говорящие слюнки, а не куклы. Характерный для сказок этого типа чудесных превращений бегущих невесты и жениха здесь отсутствует.

226 Место записи неизвестно.

(125, прим.) *АТ 313 + 761* (Скупой богач). Вместо вступительного эпизода (Черт (водяной) схватывает за бороду путника) в варианте типа 313 здесь дан не обычный эпизод встречи охотника с чертом-чернецом у ночного костра. Сюжет о чудесном бегстве не получает полного развития. Сочетаемый с ним сюжет о превращении на том свете в коня скупого богача учтен Томпсоном в финском, эстонском, литовском, испанском, немецком, сербохорватском и русском материале. Русских вариантов — 7, украинских — 14, белорусских — 4; встречается и в латышских сказках (*Арайс-Медне*, с. 123). Часто этот сюжет разрабатывается в форме легенды.

227—229. НЕОСТОРОЖНОЕ СЛОВО
(с. 170—174)

227 Место записи неизвестно.

(126a) *АТ 813 А* (Проклятая дочь). В *АТ* этот сюжетный тип учтен только в русском материале. Русских вариантов — 31, украинских — 6, белорусских — 3. Сходен с восточнославянскими башкирский вариант (*Башк. творч.*, I, № 49). Это сказка-легенда, а не волшебная сказка. Волшебные сказки о чудесном бегстве (*АТ 313*) напоминает эпизод выбора невесты из двенадцати дочерей черта, «все одна в одну».

228 Записано в Архангельской губ.

(126b) Грумант — старинное название острова Шпицбергена. Упоминаемый далее «калинов» мост в Питере — это петербургский Калинкин мост.

АТ 813 А. В данном варианте своеобразно ярко развивается легендарный мотив путешествия героя, бросившегося с моста в царство черта за любимой девушкой.

229 Из Примечаний Афанасьева к тексту № 126. Записано во Владимирской губ. *АТ 813 В* (Проклятый сын или внук). В *АТ* учтены только русские варианты. Опубликовано их 11. Это не собственно сказка, а бывальщина, легендарный рассказ.

В Примечаниях (кн. IV, 1873, с. 299) Афанасьев поместил также следующий рассказ: «Одна мать прокляла свою дочь на светло Христово воскресенье, и нечистая сила похитила девушку. Случилось как-то бедному солдату раздуматься о своем житье-бытье. «Эх,— сказал он,— плохое житье! Хоть бы чертовка за меня замуж пошла!» И явилась к нему ночью эта самая де́вица; он сейчас ей крест на шею и повел ее в церковь. Нечистые начали пугать солдата разными страхами; виделось ему, будто горы на него катились, провалы разверзались, кругом все пожаром обхватывало, а он не убоялся — шел себе бодро, привел девицу в церковь и ранним утром обвенчался с нею». Ср. также текст № 568.

230—231. КУПЛЕННАЯ ЖЕНА
(с. 174—182)

230 Место записи неизвестно.

(127а) *АТ 887 А** (Купленная жена) + отчасти *400*₂ (Царь-девица). Первый сюжет учтен в *АТ* только в русском фольклорном материале, но встречается и в украинском. Русских вариантов — 16, украинских — 2. Башкирскую сказку о купленной жене см.: *Башк. творч.*, IV, № 54. История сюжета связана со «Сказкой о Нур-ад-дине и Мариам-кушачнице» из «Тысячи и одной ночи» (ночи 863—894) и с французской средневековой поэмой о Гервисе из Меца. В данном и других русских вариантах сюжета купленная купеческим сыном прекрасная невольница является королевной (в арабской сказке Мариам — дочь короля франков) и так же, как Мариам-кушачница, ткет-вышивает чудесные изделия, которые дорого продает муж; украденную у него и увезенную к отцу мудрую красавицу-жену Иван купеческий сын так же, как и купеческий сын Нур-ад-дин, отыскивает у нее на родине. Вместе с тем в русских сказках типа *887 А** есть мотивы, отсутствующие в сказке о Марьям-кушачнице. Эпизод в саду, когда герой, съев волшебное яблоко, засыпает непробудным сном и просыпает свидание с похищенной своей женой, отчасти соответствует сюжету типа «Царь-девица». В *АТ* сюжет не отграничен от сюжета типа *400*₁ — «Поиски исчезнувшей или похищенной жены (мужа)». Русских вариантов сюжета о Царь-девице — 29, украинских — 4, белорусских — 2. История его связана тоже с «Тысячью и одной ночью» (ночи 112—128). Сюжет получил творческое переосмысление и развитие в средневековом романе «Рыцарь из Пургунда» и в «Пентамероне» Базиле. Первая русская публикация сказки о Царь-девице относится к 1820 г. (*Ск. дедушки*, с. 3—29). Заключительный эпизод сказки ср. с сюжетом о возвращении мужа в день свадьбы своей жены (*АТ 974*), известный не только в сказочной, но и в эпической традиции («Одиссея», «Алпамыш», «Шасанем и Гариб», дастаны «Равшан», «Ашик Гариб», былина «Добрыня и Алеша Попович» и др.). О связи сказок типа «Царь-девица» с легендами о девичьем царстве и амазонках см.: *Рыбаков Б. Н.* Язычество древних славян. М., 1981, с. 587—588.

После слов «и вышила чудный ковер» (с. 175) в сноске Афанасьевым указан вариант: «Иван взял сто рублей, вышел на улицу, глядь — ведут два солдата красную девицу и меж собой разговаривают: «Как нам поделить эту девицу? Ты мне не уступишь, а я тебе не отдам».— «Неужели же нам из-за нее ссориться? Давай разрубим ее надвое: тебе половина, да мне половина».— «И то ладно!» Услыхал эти речи купеческий сын, жалко ему стало красной девицы, говорит солдатам: «Лучше мне отдайте; вот вам за нее сто рублей!» Солдаты согласилися. Он взял девицу и привел с собою. Сказывает ему девица: «Я,— говорит,— царская дочь Настасья Прекрасная; ты меня от смерти спас, а я тебя богатым сделаю». Вышила ковер...»

После слов «сама играть станет» (с. 177) дан вариант: «Приходит старик и говорит купеческому сыну: «Ступай в лавку и выбери себе скрипку, которой нет хуже, да не торгуйся: что запросят, то и давай!» Иван купеческий сын сходил в лавку, купил скрипку за сто рублей и идет во дворец. Видит — у ворот стоит хромая старушонка. «Что, бабушка, можно поиграть на свадьбе?» — «Иди, добрый молодец! Всех пускают». Он полез к музыкантам...»

231 (127b) Записано в Новгородской губ.

*AT 887 A**. См. прим. к предыдущему тексту. Данный вариант отличается большей обстоятельностью изложения.

После слов «оставлю тебе все мое имение» (с. 177) Афанасьевым указан вариант: «Есть у меня двенадцать бочонков серебра, двенадцать — золота, да столько же бочонков самоцветных каменьев; после моей смерти половину возьми себе, а другую раздай по церквам да по нищей братии».

К словам «попадается ему старичок» (с. 178) дан вариант: «Попадается навстречу старик о трех зубах, ведет на обрывке красную девицу и спрашивает...»

После слов «а Иван купеческий сын спать залег» (с. 179) указан вариант: «Ночью встала Елена Прекрасная с своей постели, вышла на двор и махнула платочком — тотчас прилетели к ней одиннадцать голубок, ударились о сырую землю и обратились девицами. «Ах, сестрицы, пособите мне». Они сели за работу и за единую ночь вышили два полотенца, золотое и серебряное, да третью палатку узорчатую».

232—233. ЦАРЬ-ДЕВИЦА
(с. 182—189)

232 (128a) Записано в Оренбургской губ.

AT 400₂ («Царь-девица»). Вариант осложнен некоторыми необычными эпизодами. Сказки типа «Царь-девица», подобные русским, но вместе с тем отличающиеся мотивами, связанными с другой национальной традицией, встречаются в некоторых сборниках фольклора неславянских народов СССР (например, *Башк. творч.*, I, № 87). В зарубежном западном и восточном материале есть отдельные мотивы сюжета «Царь-девица», но сказок вполне ему соответствующих нет.

233 (128b) Записано в Пермской губ.

AT 400₂. Из своеобразных эпизодов этого варианта сюжета отметим: Василий-царевич освобождает из неволи льва, змея и ворона; встречает в поле пастуха Ивашку белую рубашку и с его помощью добывает себе богатырского коня (ср. эпизод добывания коня Ерусланом Лазаревичем в одноименной сказке), встречается в львином царстве с царем-львом, под очи которого подставлены железные вилы (как у чудесного старичка в сказках о змееборстве на мосту — *AT 300 A* — и у легендарного Вия), а потом с царем-змеем, царем-вороном в царствах змей и птиц; царь-ворон подвергает его суровому испытанию; Василий-царевич побеждает в единоборстве Ивана-богатыря.

234—235. ПЕРЫШКО ФИНИСТА ЯСНА СОКОЛА
(с. 190—198)

234 (129a) Место записи неизвестно.

AT 432 (Финист ясный сокол). В *AT* сюжет учтен в целом ряде европейских вариантов, а также в записях, сделанных в Америке, Африке, Азии (Турции, Индии). Русских вариантов — 20. История сюжета связана с рыцарской поэзией средневековья — в частности, с произведением Мари де Франс «Lais» (XII в.) и стихотворной повестью Гартмана фон дер Ауэ «Бедный Генрих» (конец XIII в.). В XVII в. сказка такого типа была обработана итальянским писателем Базиле («Пентамерон», II, № 2). Первая русская литературно обработанная сказка о Финисте ясном соколе напечатана в 1795 г. (*Погудка..*, II, № 11, с. 3—14). Сведения о сказках типа этого и других сказках о чудесном супруге — *AT 425, 428, 430, 440*. Исследования: *Tegethof E.* Studien zum Märchentipus von Amor und Psyche. Bonn; Leipzig, 1922; *Boberg J.* The Tale of Cupid and Psyche in Classica et Mediacvalia. Köpenhawn, 1938; *Пропп В. Я.* *Ист. ск.*, с. 113—115; *Swahn Jan-Ojvind.* The Tale of Cupid and Psyche. Lung, 1955; *Megas G. A.* Das Märchen von Amor und Psyche, in der griechische Volksüberlieferung. Athen, 1971; *Megas G. A.* Amor und Psyche.— Enzyklopädie des Märchens, Bd. 1, Lieferung 2. Berlin — New-York [1976], S. 464—472; *Корепова К. Е.* Русская сказка «Финист ясный сокол» и ее сюжетные параллели.— В кн.: Вопросы сюжета и композиции. Горький: изд. ГГУ, 1982, с. 3—12. Наличие в русских вариантах этого архаического сюжета о тайном браке разностадиальных мотивов дает К. Е. Кореповой основание для вывода, что сказка, имеющая, вероятно, книжный западный источник, отразила и русскую устную традицию, коренится отчасти в славянской этнографической почве.

Начало текста сборника Афанасьева напоминает тип *425 С* — «Аленький цветочек» (ср. тексты 235, 276). Изложение очень характерное для русских сказок о Финисте ясном соколе.

235 Записано в Вологодской губ.

(129b) В основном *AT 432*, отчасти *AT 425 С* (Аленький цветочек). В полных вариантах второго сюжетного типа младшая из трех дочерей просит отца привезти ей редкостный цветок; он находит его; владелец сада — заклятый царевич в образе чудовища вынуждает отца отдать ему дочь; женившись, чудовище превращается в красавца. В *АТ* учтен целый ряд вариантов типа *425 С*, записанных в Европе и Америке (от американцев европейского происхождения и негров на французском, английском и испанском языках) и только один текст, записанный в Азии (в Индии). Русских вариантов — 19, украинских — 5, белорусских — 2. Встречаются такие сказки и в тюркоязычном (*Тат. творч.*, I, № 50—51) и финно-угорском (Устно-поэтич. творчество мордовского народа, Мокшанские сказки. Саранск, 1966, т. III, с. 207 и русский перевод на с. 210—212) материале, не учтенном *АТ*. Формирование данной особой разновидности сюжета о чудесном супруге, к которой относится сказка «Аленький цветочек», слышанная С. Т. Аксаковым от ключницы Пелагеи (1858), связана с основным типом *425 А* — «Амур и Психея». Старейшая литературная версия в «Милетских рассказах» Аристида Милетского (I или II в. до н. э.), его рассказ об Амуре и Психее пересказан во II в. н. э. Апулеем в кн. 4—6 «Золотого осла». Сюжет затем обрабатывали итальянские, французские и русские писатели XVII—XVIII вв.: Базиле, «Пентамерон» (II, № 9); Лафонтен. «Любовь Психеи и Купидона» («Les amours de Cupidon», 1669); М. Вилленев. «Красавица и чудовище» (*Villeneuves M.* «La Belle et la Bete», 1740); И. Ф. Богданович «Душенька» (1778, полн. изд. 1783). Отчасти близок к сюжету об Амуре и Психее один из рассказов индийского санскритского сборника «Катхасаритсагара» («Сомадева»): см. *Benfey*, S. 254. В данном тексте нарушена обычная логическая последовательность развития действия: младшая дочь купца еще до того, как отец привез ей аленький цветочек, встретилась с Финистом в церкви, говорила с ним и уверилась в его любви к ней.

В сносках Афанасьев указал варианты.

К имени Финиста ясна сокола (с. 194) — вариант: «Фифилиста ясна сокола».

К описанию бабы-яги (с. 196) — вариант: «А в ней сидит баба-яга костяная нога в чугунной ступе».

К словам яги «воочью является» (с. 196) вариант: «в яве видится».

Вариант окончания сказки: «Финист ясен сокол, узнавши, что царевна продавала его за брильянты, за золото, велел своим слугам согнать ее со двора; а сам обвенчался на душе красной девице. Нечего и говорить, как было весело на этой свадьбе; много было тут и царей и царевичей, и королей и королевичей, и всякого люду православного. Я и сам там был, мед-вино пил, по усу текло, да в рот не попало»

236—237. ЕЛЕНА ПРЕМУДРАЯ
(с. 198—205)

236 Место записи неизвестно.

(130а) Отчасти *AT 306* (Ночные пляски) + *329* (Елена Премудрая). В развернутых вариантах первого сюжета царевна каждую ночь отправляется к нечистому и пляшет с ним; герой с помощью шапки-невидимки следует за нею; получает в награду ее руку (ср. тексты № 298, 299). Сюжет распространен преимущественно в Европе. В *АТ* учтены также варианты, записанные в Америке, Африке и Малой Азии. Русских вариантов — 25, украинских — 9. Встречаются сказки о ночных плясках в некоторых сборниках фольклора восточных народов СССР (*Башк. творч.*, I, № 47, 48; *Осет. ск.*, № 44 — в контаминации с др. сюжетами). История сюжета связана с турецким романом «Сорок везиров» (XV в.). Сюжет о Елене Премудрой — волшебнице, которая решила выйти замуж за того, кто сумеет от нее спрятаться, учтен в *АТ* только в европейском и американском фольклорном материале. Русских вариантов — 32, украинских — 2, белорусских — 2. Известен былинный вариант «Елены Премудрой» (*Рыбников*, II, № 126). Исследования: *Polivka J.* Reztancovane strevice.— В сб. его статей: Pohádkoslovne studie. Praha, 1904; *Пропп. Ист. ск.*, с. 299—301. Нарочитое мифологическое истолкование сюжета о волшебных прятках — см.: *Афанасьев. Поэт. воззрения*, I,

с. 642—643. Данная сказка отличается своеобразными особенностями развития как первого, так и второго сюжетов.

237 (130b) Место записи неизвестно.

*AT 400*₁ (Поиски исчезнувшей жены. См. прим. к тексту № 157) + *329*. Первый сюжет связан со своеобразными эпизодами приключений солдата на острове и в подземном царстве змея, где он вносит исправление в волшебную книгу змея, усыновляется им, освобождает из плена Елену Премудрую и ее служанку. Похищение крылышек летающих девушек напоминает сказки в чудесном бегстве (*AT 313*).

238. ГУСЛИ-САМОГУДЫ
(с. 205—207)

238 (131) Записано в Пермской губ. Конец этой сказки и некоторые детали, неудобные для печати, опущены Афанасьевым.

AT 850 (Приметы царевны). Ареал устнюго бытования сюжета ограничен Европой и Америкой. Русских вариантов — 18, украинских — 7, белорусских — 1. Подобные сказки имеются в Башкирском материале (*Башк. творч.*, IV, № 43). В научной литературе высказывалось мнение, что сюжет новеллистической в своей жанровой сущности сказки о приметах царевны сложился в средневековой Западной Европе под влиянием близкой сказки о неразгаданных загадках (*AT 851* — см. следующий текст). Старейшая опубликованная сказка типа *850* — «Пентамерон» Базиле (III, № 5). Мировую известность получила относящаяся к этому сюжетному типу сказка Г. X. Андерсена «Свинопас». Первая русская публикация народной сказки — в сборнике Афанасьева (ее вариант из «Русских заветных сказок» см. т. III, № 26, дополнение II). Исследования: *Köhler R.* Kleinere Schriften zur Märchenforschung. Weimar, 1898, I, S. 428—429, 464. Вступительная часть этой сказки вариантов не имеет. В других вариантах царевна троекратно показывает приметы на своем теле: сначала до колен, а затем до пояса и, наконец, еще выше, и каждый раз получает за это желаемую ею диковинку. В печатном тексте Афанасьева два последних эпизода опущены (после слов «визжит да хрюкает» следует многоточие). Соответственно несколько сокращена финальная сцена угадывания пастухом трех примет на теле царевны в присутствии царя и всех бояр, вельмож и купцов, и крестьян.

После слов «Пусть сама придет!» (с. 206) Афанасьев привел вариант сказки: «Был крестьянин, у него было три сына: два — умных, третий — Иванушка-дурак. Жили они ни богато, ни бедно, на среднюю руку. Вздумалось как-то этому крестьянину засеять свою десятину горохом. На его счастье горох уродился на диво! Все бы хорошо, да то беда; кто-то стал в поле ходить да горох поедать. Отец посылает старшего сына караул держать; он день продремал, ночь проспал — никого не видал; вернулся домой и говорит: «Сегодня, батюшка, вор не бывал». Середний брат тоже караулил попусту; дошел черед до Иванушки. Во всю ночь он глаз не смыкал и на ранней зоре завидел вора; подкрался к нему, хвать — ан то козел! «Ба! Дак это ты наш горох поедаешь? Постой же, голубчик, я тебя проучу, сейчас в суд представлю!» Козел рвался, метался — нет, не может вырваться; Иванушка был детина могутный, крепко скрутил его и потащил в деревню. Видит козел — дело-то плохо, пуще всего суда испугался! И стал проситься: «Пусти, Иванушка! Я тебе выкуп дам».— «Давай!» Козел привел Иванушку в свой дом, угостил его, употчевал и подарил ему дудочку; дудочка была не простая; всяк, кто только заслышит ее, так плясать и пуститься! Пошел Иванушка домой, смотрит — свиное стадо в поле пасется. «Дай попробую дудочку!» Заиграл, и вдруг все стадо пошло плясать, и так, и сяк, и вприсядку, и на все манеры! На ту пору ехал мимо барин — не то пан польский, не то хан поморский, вместе с дочкою; увидал, что свиньи вприсядку пошли, остановил коляску и сам вылез и дочь высадил — да вдруг как почнет выплясывать; дочь не выдержала да за ним; кучера, лакеи, даже лошади — все в пляс ударились, и до тех пор плясали, пока Иванушка в дудочку играл. Захотелось барышне купить эту дудочку; на другой же день собралась она и пошла к дураку в поле. «Продай дудочку».— «Не продажная, а заветная...»

239. ЦАРЕВНА, РАЗРЕШАЮЩАЯ ЗАГАДКИ
(с. 207—208)

239 (132) Записано в Шадринском уезде Пермской губ. А. Н. Зыряновым. Рукопись — в архиве *ВГО* (р. XXIX, оп. 1, № 32 а, лл. 8 об.— 10; 1850). Печатный текст Афанасьева соответствует тексту записи, если не считать замены форм «у него, у кого» формами «у нево, у ково» (см. комм. ко II т. сказок Афанасьева изд. 1938 г., с. 621) и пропущенной после слов «голову ссекли» (с. 207) фразы «а не отгадаю, за того пойду замуж», которая восстанавливается по рукописи Зырянова.

AT 851 (Неразгаданные загадки). В *AT* наряду с многочисленными вариантами на европейских языках, записанными в Европе и Америке, учтены довольно редкие записи, сделанные в Африке и Азии (турецкий, индийский и индонезийский варианты) Русских вариантов — 14, украинских — 16, белорусских — 1. Сказки данного типа генетически связаны с ранее сформировавшимися новеллистическими сказками типа *851 A* — «Турандот» («Женихи, не сумевшие отгадать загадки царевны, будут обезглавлены»: см. *Башк. творч.*, IV, № 47, 48), их международное распространение имеет отношение к поэме Низами «Семь красавиц» (повесть четвертая, 1197 г.) и к сказке персидского сборника «Тысяча и один день» (1675), переведенного на французский язык и изданного в Париже в 1710 г. На основе персидской сказки К. Гоцци создал пьесу «Принцесса Турандот» (1762), которую обработал на немецком языке Ф. Шиллер (1802). К сюжетному типу *851* относится в значительной мере сказка Г. Х. Андерсена «Дорожный товарищ» (1835). Отгадывание царских загадок под угрозой казни известно в русской «Повести о купце Дмитрии Басарге и его сыне Борзомысле» (нач. XVI в.; позднейшие ее списки XVIII—XIX вв.). Первая русская сказка о неразгаданных царевной загадках опубликована в 1789 г. в лубочном сборнике (*Прогулки..*, с. 2—24). В данной сказке Иван-дурак загадывает загадки, характерные для русских вариантов сюжетного типа *851*. Нередко загадки имеют эротический смысл.

К концу сказки Афанасьевым дана следующая сноска: «Вместо приведенных в сказке загадок в одном из вариантов встречаем следующую: Поехал Иван купеческий сын свататься за царевну и взял с собой дядьку. Пристигла их темная ночь на пути на дороге, у большого озера; остановились тут ночевать, слезли с коней и хотели было ложиться на голой земле. Только начало озеро волноваться, и поняло водой весь берег; как им быть? Они долго не думая вскочили на коней и проспали всю ночь; купеческий сын на кобыле, а дядька на мерине. Поутру, проснувшись, умылись озерною пенью и утерлись лошадиными хвостáми; а как приехали к царевне, Иван купеческий сын загадал ей такую загадку: «Ночевали мы ни на земле, ни на телеге; поутру вставали, умывались ни водою, ни божьей росою, а утирались нетканым, непряденым».

240. ВЕЩИЙ СОН
(с. 208—213)

240 (133) Место записи неизвестно.

AT 725 (Нерассказанный сон) + мотив *518* (Обманутые великаны или черти, лешие). Традиционная контаминация. Сюжет типа *725* распространен преимущественно в Восточной Европе. В *AT*, кроме записей на европейских языках, учтены турецкие и индийские сказки этого типа. Русских вариантов — 22, украинских — 10, белорусских — 6. Встречаются такие сказки также в ряде сборников фольклора других народов СССР — латышских (*Арайс-Медне*, с. 116—117), армянских (*Арм. ск.*, с. 47—58), башкирских (*Башк. творч.*, II, № 35), татарских (*Тат. творч.*, II, № 43), народов Дагестана (*Ск. Дагестана*, № 78). Сюжет о нерассказанном сне отразился в переводной русской «Повести об Александре и Людовике» XVII—XVIII вв., перешедшей в лубок. Известен этот сказочный сюжет и в форме былины (*Рыбников*, I, № 35 — «Нерассказанный сон»). Нередко повествование о вещем сне служит в сказках сюжетным обрамлением для других сюжетов. В нашей сказке сюжет о вещем нерассказанном сне отличается полнотой изложения, характерной для восточнославянской фольклорной традиции. Эпизод отгадывания Еленой Премудрой «виновного» с помощью волшебной книги напоминает сказки типа *AT 329* («Елена Премудрая», ср. тексты № 236, 237). Не имеет параллелей в других сказках эпизод возвращения героем чудесных предметов обманутым им владельцем этих диковинок.

После слов «привез к себе во дворец» (с. 208) Афанасьевым указан вариант: «Купец рассердился и повел сына на большую дорогу; надел на него петлю и собирается вешать. На ту пору проезжал мимо царевич. «Стой,— говорит,— что ты делаешь?» — «Хочу сына повесить».— «За что?» — «А за то, что неслух уродился».— «Полно, продай его мне; я тебе целый воз денег отсыплю». Купец согласился и продал сына».

К словам «посадить в темницу» (с. 208) — вариант: «Царевич приказал замуровать его в каменный столб и лишь малое отверстие оставить незаделанным, чтобы было куда подавать ему хлеб да воду».

К концу сказки дана следующая сноска: «По другим имевшимся в моих руках спискам особенности встречаются только в начале рассказа; так, в одном списке, вместо вещего сновидения, будущая судьба предсказывается птицами. Ехали старик с сыном в телеге; вдруг налетел ястреб и стал долбить старику голову — едва от него отделался. «Я знаю, что вещует ястреб!» — сказал сын. «А что?» — спросил старик. «Он вещует, что придет время — будет матушка мне на руки воды подавать, а ты, батюшка, будешь с полотенцем стоять». Старик рассердился, доехал до синя моря и бросил сына в воду; тут его и сглотнула огромная щука. Долго ли, коротко ли — попала щука на мель и обсохла (издохла); налетели во́роны, проклевали ей бок, добрый мо́лодец вылез из рыбы и пошел на большую дорогу. Попадается ему навстречу коляска, в той коляске ехал царь ихней стороны, расспросил: кто он таков? и взял его к себе на службу. Добрый мо́лодец помогает царю жениться и делается знатным человеком, а отец с его матерью переехали жить в иное место. Случайно заехал к ним сын ночевать, и не узнали ни старики его, ни он их. Наутро подает ему мать умываться, а отец полотенце держит; тут вспомнил сын — про что вещал ястреб, расспросил хозяина с хозяйкою, узнал в них своих родителей и сам им открылся.

Вариант: Был у мужика мальчик-семилеток — такой силач, какого нигде не видано и не слыхано! Послал его отец дрова рубить, а он повалял целые деревья, взял их, словно вязанку дров, и понес домо́й. Стал через мост переправляться, увидала его морская рыба-кит, разинула пасть и сглотнула молодца со всем как есть — и с топором и с деревьями. Мальчик и там не унывает, взял топор, нарубил дров, достал из кармана кремень и огниво, высек огня и зажег костер. Невмоготу пришлось рыбе: жжет и палит ей нутро страшным пламенем! Стала она бегать по синю морю, во все стороны так и кидается, из пасти дым столбом точно из печи валит; поднялись на́ море высокие волны и много потопили кораблей и барок, много потопили товаров и грешного люду торгового; наконец прыгнула та рыба высоко и далеко, пала на морской берег, да тут и издохла. Четверо суток работал мальчик топором, пока прорубил у ней в боку отверстие и вылез на вольный белый свет. Вылез он из рыбы нагишом, как мать родила, вся одежда давно расползлася. Тут его увидел царь, взял к себе и прозвал Иваном Голым. Снится Ивану Голому вещий сон, говорит он царю: «Мне-де вещий сон приснился!» — «А какой? Не сказывает и попадает за то в темницу».

241. ВЕЩИЙ СОН
(с. 213—215)

241 Место записи неизвестно.
(134) *АТ 671 Е** (Чудесный мальчик, разгадывающий сны). Варианты учтены в *АТ* в финском и русском фольклорном материале. Однако они встречаются и в тюркоязычных фольклорных сборниках, например, татарская сказка («Образцы народной литературы тюркских племен» В. В. Радлова, СПб., 1872, ч. IV; узбекская (*Узбек. ск.*, II, с. 55—58); казахская (Казахский фольклор в собрании Г. Н. Потанина. Алма-Ата, 1972, с. 144—145); башкирская (*Башк. творч.*, II, № 34). Русских вариантов — 11. В сказке сборника Афанасьева, как и в башкирской, мальчик отгадывает, где под домом зарыт клад, но в ней же сон короля имеет иной смысл, чем в тюркских сказках («Королевны на днях родят»). Примечательно, что в русской сказке придворный толкователь снов — купец носит восточное имя Асон, что, вероятно, связано с восточным происхождением сюжета.

242. СОЛЬ
(с. 215—217)

242 Записано в Архангельской губ.
(135) *АТ 1651 А* (Соль)+*485 В** (Сила хмеля). Такая контаминация сюжетных типов встречается в ряде русских сказок о человеке, который разбогател, продав соль в стране, где ее не знали, но в другом национальном фольклорном материале не отмечена. В *АТ* сюжетный тип *1651 А* учтен в эстонских, русских, греческих и индийском вариантах. Русских вариантов — 8, белорусских — 1. Обычно в русских сказках силу хмеля испытывает лев, а не великан. Эпизод похищения царевны к сюжету о верном слуге (*АТ 516*), а эпизоды предательства братьев героя и возвращения его с чудесной помощью великана на родину в день свадьбы царевны — к сюжету «Портупей-прапорщик» (*АТ 301 Д**).

К словам «дал ему корабль... с бревнами, тесом, досками» (с. 215) Афанасьевым приведен вариант: «дал ему корабль с холстом и сукнами».

После слов «корабль нагрузить солью» (с. 215) указан вариант: «и добрался до превеликой горы; смотрит — на этом месте голые люди работают, лопатами гору роют да белые бугры насыпают. «Здравствуйте, добрые люди! Бог на помочь!» — «Спасибо, заезжий человек!» — «Что вы нагишом работаете?» — «Да было и у нас платье, да соль все изъела; ведь мы соль копаем!» — «Хотите, ребята, я вам на одежду холста да сукна дам, а вы мне солью корабль нагрузите?» — «Как не хотеть, родимый!» — «Ну, живей за работу!» Тотчас принялись таскать холсты да сукна, опорожнили корабль и наполнили солью».

После слов «купил у него весь товар» (с. 216) приведен вариант: «Пошел Иван к царю бить челом о вольном торге; царь заезжих гостей любил, оставил его у себя пообедать. Сели они за стол; Иван пробует царские кушанья — ни в одном вкусу нет; оттого вкусу нет, что без соли изготовлены, а про соль в том царстве и не слыхивали. После обеда стал Иван купеческий сын просить царя к себе в гости; царь обещался на другой день быть. Иван воротился на корабль и велел своему повару изготовить что ни есть лучший обед. На другой день приезжает царь со свитою; сели обедать, принесли кушанья. Царь ест да облизывается; сроду так вкусно не едал! Спрашивает у Ивана купеческого сына: «Чем ты свои кушанья приправляешь?» — «Да вот этим белым песочком».— «Продай мне твоего песочку».— «Извольте, выше величество; сколько надобно?» — «Да хоть весь корабль!» — «Что ж, это дело хорошее».— «А что возьмешь?» — «Да будем менять бочку на бочку, я вам три бочки моего товару, а вы мне одну бочку серебра, другую золота, а третью самоцветных камней». Царь согласился».

После слов «вышел он на землю и пошел по берегу» (с. 217) указан вариант: «Упал Иван купеческий сын в глубь морскую; откуда ни взялась кит-рыба, проглотила его и трое суток в себе держала, а потом харкнула и выбросила его на крутой берег. Очутился Иван в незнакомых местах, встал — встрепенулся и пошел по берегу».

243. ЗОЛОТАЯ ГОРА
(с. 218—219)

243 Место записи неизвестно.
(136) *АТ 936** (Золотая гора). Сюжет, всемирно известный по сказке о Гасане из Басры («Тысяча и одна ночь», ночь 946), учтен в *АТ* в арабском, финском и русском материале. Русских вариантов — 11, украинских — 5, белорусских — 1. Сюжет встречается также в сборниках сказок восточных народов СССР (например, *Башк. творч.*, IV, № 102; *Тат. творч.*, II, № 16). Поскольку восточнославянские сказки представляют упрощенные, сравнительно с версией «Тысячи и одной ночи», изложения сюжета, вероятно, они восходят к арабской сказке, распространявшейся в России прошлого века в лубочных сокращенных изданиях. Развязка в сказке сборника Афанасьева иная, чем в арабской версии.

244—246. ЧУДЕСНАЯ ДУДКА
(с. 220—222)

244 Записано в Бобровском уезде Воронежской губ. А. Н. Афанасьевым.
(137a) *AT 780* (Чудесная дудочка). Кроме многочисленных вариантов сюжетного типа на европейских языках, записанных не только в Европе, но и в Америке, в *AT* учтены турецкие, индийские, японские и африканские варианты. Русских вариантов — 35, украинских — 22, белорусских — 10. Особая разновидность сюжета — «Братоубийцы» выделена в *СУС* под номером — *780**. Русских вариантов — 1, украинских — 8, белорусских — 4. К литературной обработке легендарно-сказочного сюжета обращались польские поэты-романтики: Александр Ходько, Юлиуш Словацкий. Первая русская сказка, литературно обработанная, была опубликована в 1838 г. (Бронницын, № 5) и перепечатана Афанасьевым в примечаниях к его сборнику (см. текст № 569). Исследования: *Mackensen L.* Der singende Knochen (FFC, N 49). Helsinki, 1923; *Brewster P. G.* The Sisters (FFC, N 147). Helsinki, 1953; *Kapelus H.* Maliny.— Slownik folkloru polskiego. Warszawa, 1965, S. 217—218; *Krzyżanowski.* Par., S. 369—390; *Бараг Л.* Беларуская сказка. Мінск, 1969, с. 154—159. По содержанию и форме данный текст является характерным для восточнославянских вариантов сюжета о чудесной дудочке. Особенно близкие параллели имеются в украинском материале. Совсем недавно записан в Бобровском районе вариант сказки на русском языке с песенкой на украинском, аналогичной той, что в печатном тексте Афанасьева сб.: Народные сказки Воронежской области. Современные записи/Под редакцией А. И. Кретова. Воронеж, 1977, № 28 б. Это доказывает, что поныне в пограничных с Украиной районах Воронежской области устно бытуют на русском языке сказки, заимствованные от украинцев и сохранившие песенные эпизоды в украинской форме.

245 Записано К. А. Гуськовым в Саратовской губ.
(137b) *AT 780.* Вариант схематичный,— возможно, это не запись, а краткое изложение слышанной сказки.

246 Записано в Вологодской губ.
(137c) *AT 780.* Начало напоминает сюжет о Снегурочке (*AT 703**). Такое вступление имеют довольно многие русские и реже белорусские и украинские сказки типа «Чудесная дудочка». Благополучная развязка, подобная развязке данного варианта, встречается и в ряде других восточнославянских вариантов типа *780.*

Варианты, приведенные Афанасьевым: вместо «Давай-ка разломим (дудочку)» (с. 222) — «разрежем».

Вместо «выскочила оттуда девочка Снежевиночка» (с. 222) — «Только разрезали дудочку — выпал оттуда розовый цветок. Старуха положила его в воду — и вдруг из цветка явилась ее маленькая дочька, живая и здоровая, как прежде».

247. ПТИЧИЙ ЯЗЫК
(с. 223—224)

247 Место записи неизвестно.
(138) *AT 725* (Нерассказанный сон) + *671* (Три языка: мальчик понимает язык птиц, их предсказание сбывается). О типе *725* см. в прим. к тексту № 240. В данном тексте основным является тип *671*, он учтен в *AT* в немногочисленных вариантах, записанных на европейских языках в ряде стран Европы и Америки, а также в Африке. Русских вариантов — 11, белорусских — 1. Об отголосках древних обрядов в таких сказках см.: *Пропп. Ист. ск.*, с. 210—212. В сказке «Птичий язык» сборника Афанасьева отсутствует традиционное вступление о том, как мальчик обрел способность понимать, о чем говорят птицы.

248. ОХОТНИК И ЕГО ЖЕНА
(с. 224—225)

248 Место записи неизвестно.
(139) *AT 670* (Язык животных: охотник и его любопытная жена). Кроме целого ряда вариантов на европейских языках, записанных в Европе и Америке, в *AT* учтены турецкие, индийские, индонезийские, африканские варианты. Русских вариантов — 11, ук-

раинских — 25, белорусских — 9. Сказки встречаются и в сборниках фольклора неславянских народов СССР — латышских (*Арайс-Медне*, с. 107—108), азербайджанских (*Азерб. ск.*, с. 37—44), кабардинских (Сказки адыгских народов/Сост., вступ. статья, прим. А. И. Алиевой. М., 1978, № 31), казахских (*Казах. ск.*, II, с. 14—16), башкирских (*Башк. творч.*, II, № 53), татарских (*Тат. творч.*, I, № 47) и др. Старейшая, письменно зафиксированная версия сюжета — рассказ Аполлодора Афинского (II в. до н. э.). Формирование сюжета связано также с древним эпосом «Рамаяна», индийскими и китайскими сборниками «Шукасаптати», «Ятака» и с «Тысяча и одной ночью» («Рассказ о быке с ослом»), а также с рассказами «Талмуда» (о том, как познал птичий язык Соломон) и латинских средневековых сборников «Disciplina clericalis» Петруса Альфонси и «Gesta Romanorum». Сказка типа *670* вошла в «Приятные ночи» Страпаролы (ночь XII, сказка 3). В России известную роль в распространении сюжета в народной среде сыграли лубочные картинки XVIII—XIX в. (см. *Ровинский*, I, № 74). Основное исследование: *Aarne A.* Der tiersprachkundige Mensch und seine neugieriege Frau (*FFC*, N 15). Hamina, 1914. См. также раздел «Птичий язык» в монографии: *Пропп. Ист. ск.*, с. 210—212. В данной сказке своеобразным является эпизод подслушивания охотником разговора собак. В других вариантах такого эпизода нет, но охотник подслушивает разговор петуха с курами уже после того, как согласился открыть тайну жене и умереть.

К эпизоду встречи с змеей (с. 224) Афанасьевым указан вариант: «А как стало дело к вечеру, усмотрел змею на дереве, навел ружье и хотел убить ее. «Не бей меня, добрый молодец! Я тебе счастье добуду...»

К словам «Надел белую рубаху» (с. 225) — вариант: «саван».

249—253. ХИТРАЯ НАУКА
(с. 226—237)

249 (140а) Записано в Бобровском уезде Воронежской губ., вероятно, самим Афанасьевым.

АТ 325 (Хитрая наука). Сюжет устно бытует во всех частях света. Русских вариантов — 42, украинских — 25, белорусских — 10. Много вариантов этого типа имеется в сборниках сказок других народов СССР. Древнейшей из известных литературных версий является сказка «Семь братьев-волшебников и царевич» в индийском санскритском сборнике «Двадцать пять рассказов Веталы» и аналогичные ей сказки в тибетском «Игра Веталы с человеком», в монголо-ойратском сборнике «Шиди-хюр» («Волшебный мертвец»). Отмечалось исследователями частичное отражение сюжета «Хитрой науки» в «Метаморфозах» Овидия, в «Тысяча и одной ночи» и других памятниках арабской литературы (см. *Chauvin*, V, p. 147, 197; VII, p. 148), а также в западноевропейских средневековых сборниках (*Wesselski*, S. 245—246). В XVI в. народная итальянская сказка этого сюжетного типа была обработана Страпаролой и вошла в его сборник «Приятные ночи» (ночь VIII, сказка 4). Близкая сказке Страпаролы русская литературно обработанная сказка о «Хитрой науке» была напечатана в XVIII в. в сборнике «Вечера» (СПб., 1772, ч. II, с. 137—142) Других русских публикаций до издания сборника сказок Афанасьева не было. Исследования: *Поливка Ю.* Магосьник и неговият ученик. София, 1898; *Потанин Г. Н.* Сказка с двенадцатью персонажами.— Этнограф. обозр., 1903, № 1, с. 1—24; № 2. с. 1—37, № 3, с. 1—26; *Cosquin E.* Le mongols et leur prétendu rôle dans la transmission des contes indiens vers l'occident europeen.— «Etude de folkloriques». Paris, 1922; *Пропп. Ист. ск.*, с. 88—89. В данном и следующем текстах очень характерно для восточнославянских вариантов «Хитрой науки» вступление: старик со старухой отдают своего сына в учение встречному барину (он оказывается колдуном) или купцу из-за бедности. Отдельные мотивы сказки в восточнославянской традиции отличаются устойчивостью и в такой именно последовательности, как у Афанасьева, сочетаются друг с другом в большинстве русских, украинских и белорусских вариантов. Как в восточнославянских, так и в западных вариантах отражается поверье о том, что конь, купленный без узды, недолго удержится у нового хозяина. Как показало исследование Ю. Поливки, сказки и поверье бытовали на Западе много веков одновременно. Из традиционных устойчивых деталей, отличающих восточнославянские сказки этого типа от западных, отметим: ученик, преследуемый учителем-колдуном, превращается в ерша (а не в тунца), колдун в щуку (а не в акулу) и не может схватить колючего

ерша, ученик одолевает учителя, превратившись в петуха, обернувшись ястребом или коршуном (а не лисицей).

К отдельным местам текста Афанасьев указал в сносках варианты.

К словам «под старость на перемену» (с. 226) — вариант: «на помогу».

К эпизоду возвращения сына в образе птички (с. 226): «Слышит дед — жужжит пчела, прямо к нему прилетела, ударилась óземь и оборотилась добрым молодцем. «Здравствуй, батюшка!» Поклонился сын отцу...»

После слов «что повыше всех» (с. 226) — вариант: «Все будут смирно стоять, а я нет-нет да стану носиком перышки обчищать...»

К словам «я нет-нет да правой ногою и топну» (с. 226) — вариант: «я нет-нет и моргну (поведу) правым ухом».

К словам «...двенадцать добрых молодцев» (с. 226) — вариант: «Выведет к тебе двенадцать волков (или медведей): все будут смирно стоять. а я назад оглянусь (а я стану лапу сосать)».

После слов «Грех меня попутал, конь убежал!» (с. 228) указан вариант: «Идет дед путем-дорогою, а сам пригорюнился. Навстречу ему старушка: «Что так кручинен, дедушка?» — «Ах, родимая, как не кручиниться? Родного сына навек продал». — «Хочешь, добру научу?» — «Научи, бабушка!» — «Ступай на зеленые луга, прилетит туда сорока — ты всю беду ей и расскажи!» Побрел дед на луга, увидал сороку-белобоку, скачет на одной ножке: «Чик-чик, старичок! От дела лытаешь али дела пытаешь?» — «Эх, не ведаешь ты моего горя! Ведь я сына продал». — «Чик-чик, дедушка! Все знаю, все ведаю... (а то не сорока была, то была дочь колдуна!) Не плачь, не тужи! Мне тебя жалко, я твоему горю помогу». Взвилась и полетела в конюшню, отвязала коня и отпустила на волю. Колдун увидал...»

250 Записано в Архангельской губ.

(140b) *АТ 325.* В данном варианте есть подробности, отсутствующие в тексте № 249.

После слов «по-старому, по-прежнему» (с. 231) Афанасьевым указаны два варианта предыдущих эпизодов сказки:

«*Вариант 1*: Говорит сын отцу: «Вот этою дорогою будет ехать государь со свитою, и перебежит им серый волк дорогу, а я перекинусь собакою, догоню волка, ухвачу за шею и ударю о землю до смерти. Государь увидит, станет торговать у тебя собаку; ты собаку-то продай, только веревки ни зá что не отдавай!» Как сказал, так и сделал. «Не продашь ли собаку?» — спросил царь-государь. «Можно, кормилец!» — «А что стоит?» — «Тысячу рублев». — «Эй, старик, не дорогонько ли будет?» — «Нет, кормилец, не дорого: сам видишь — каков зверь-то!» Заплатил государь тысячу, берет собаку, а старик не забыл, снимает с нее веревку. «Что ж ты веревку стащил?» — «И, кормилец, мое дело подорожное; оборвется на лаптишках обора (веревка, которою прикрепляются лапти), навязать пригодится». — «Ну, хорошо: возьми себе!» Поехал царь-государь в путь-дорогу, увидал медведя и пустил за ним собаку; медведь бежит в одну сторону, а собака в другую — только ее и видели. Посылает государь свою свиту искать собаку, а она давным-давно ударилась о землю, сделалась мóлодцем и идет к государевым людям навстречу. «Здравствуй, добрый человек! Не видал ли нашей собаки?» — «Видал, да что толку? Теперь она далеко забежала». В другой раз сын делается соколом и бьет диких гусей, лебедей, перелетных уточек, старик продает его барину за тысячу рублей, а путцы снимает. «Что ж ты путцы снимаешь? — спрашивает барин.— Али жалко?» — «И, кормилец! Мое дело прохожее: оборвется на лаптишках обора, навязать пригодится...»

Вариант 2: Идет старик с сыном; перед ними показалось большое озеро. «Хочешь взять сто рублей?» — спрашивает сын отца. «Кто от денег ноне отказывается!» — «Ну так я обернусь ястребом, стану ловить тебе всякую птицу; увидят егеря и стрельцы, будут покупать меня — продавай за сто рублей». По сказанному, как по писанному, купили егеря и стрельцы ястреба за сто рублей, поехали домой, увидели дорогою перепелок и пустили на них ястреба; думают: вот так пожива будет! А ястреб поднялся вверх и скрылся из глаз совсем, только хвост показал!..»

251 Место записи неизвестно.

(140c) *АТ 325.* Не только в этом, но и во многих других восточнославянских вариантах «Хитрой науки» чародей появляется перед старухой или стариком, или парнем при вздохе («Ох!») неведомо откуда или из-под земли и именуется Охом. Нередко

в белорусских и украинских сказках Ох — это черт. Традиционный мотив сказок — Ох выходит из-под земли к человеку, который вздохнул, — послужил основой быличек-легенд, ассоциируясь с поверьями о кладнике — черте. Образ Оха, появляющегося при вздохе человека, встречается и в некоторых сказках неславянских народов СССР (*Арм. нар. ск.*, Ереван, 1964, с. 80—83). Те эпизоды данного варианта «Хитрой науки» сборника Афанасьева, в которых действует бедная старуха и переданы ее переживания, замечательны своей психологической мотивированностью. Диалог щуки и ерша имеет традиционную для восточнославянских сказок устойчивую стилистическую форму.

К отдельным эпизодам сказки Афанасьевым приведены варианты.

К словам «пришли к могиле» (с. 232) — вариант: «кургану».

После слов «Вдруг откуда нé взялся — явился старец» (с. 232) указан вариант: «В другом списке является черт. Жил бедный мужик, ничего в дому не было, а детей много. Как быть? Всех-то надо накормить да добру научить. Вот придумал мужик раздать сыновей по людям — в науку; повел одного в город, но сколько ни водил — никто не берет даром, а платить не из чего. Крепко осерчал старик да с сердцем накинулся на парня: «Ну, куда тебя, Ванька, девать? Хоть бы черт тебя взял!» На то слово черт не заставил себя долго ожидать — тотчас явился и говорит: «Отдай мне своего сына в науку, а через три года приходи за ним: узнаешь — возьми себе, а не узнаешь — то мой меч, твоя голова с плеч!»

К эпизоду появления Оха с двенадцатью скворцами (с. 233) дан вариант: «В другом списке Ох обращает своих двенадцать учеников собаками. Старуха говорит: «Где тут быть моему сыну: это псы поганые!» Ох вывел одну собаку, ударил ее по спине — и в ту же минуту наместо собаки явился старухин сын».

К словам сына «я буду седьмой с правой руки» (с. 233) — вариант: «у меня из правого уха дымок пойдет».

После слов «горько заплакала и деньгам не рада» (с. 233) указан вариант: «Идет старуха с сыном дорогой широкою. В чистом поле ездят охотники и травят зайцев. Увидал их сын и говорит матери: «Я обернусь хортом (борзой собакою); продавай меня охотникам, только Оха не поминай!» Тотчас ударился о сырую землю, сделался хортом, погнался за зайцем, словил и принес старухе, а сам так и ластился к ней. «Это твой хорт?» — спрашивают охотники. «Мой, господа стрельцы!» — «Не продаешь ли?» — «Давайте пятьдесят рублев». Охотники усмехнулись. «Возьми, говорят,— пять рублев!» — «Ох вы, стрельцы-молодцы! Где такая цена слыхана?» — промолвила с досадой старуха, и вдруг — откуда ни возьмись — выскочил Ох, отдал старухе пятьдесят рублев и взял хорта. (Долго он мучил собаку; наконец она от него убегает, Ох ее преследует — и начинается длинный ряд превращений)».

После слов «а жеребец со двора и пустился в чисто поле» (с. 234) отмечено: «В списке, где вместо Оха выведен черт, нечистый приводит жеребца домой, привязывает его к конюшне и не дает другого корма, кроме горячих угольев. У нечистого была дочь, увидела: стоит бедный конь, морда крепко притянута, а возле чугунный котел с жаром; сжалилась, отвязала его и повела поить, жеребец стал махать головою; махал, махал, пока не сбросил с себя недоузка; а как сбросил — сейчас убежал».

К словам «а тут на плоту» (с. 234) — вариант: «на кладках».

После слов «одно зернышко попало царевне в башмачок» (с. 234) указан вариант: «Долго плавали в воде ерш и щука. Собрались купеческие дети, пошли ловить рыбу, закинули сети и вместе с другой рыбою вытащили и ерша. Только воротились домой, а к ним на двор идет Ох: стал торговать рыбу и дает цену высокую. Купил: «Доберусь, думает, до ерша». А ерш выскочил из лоханки, ударился óземь и рассыпался маком; одно зернышко попало в башмак купеческой дочери...».

К словам «Зернышко... сделалось ястребом» (с. 234) — вариант: «орлом».

252 Записано в Нижегородской губ.
(140d) *АТ 725* (Нерассказанный сон)+*325*. Первый сюжет играет здесь роль рамочного обрамления для основного сюжета — «Хитрая наука». Такая сюжетная контаминация является для восточнославянских сказок традиционной (ср. текст № 253). Мотив любовной связи царевны с купеческим сыном, облик которого ночью принимает перстень, взятый ею у служанки, здесь и в тексте № 250, напоминает сказку Страпаролы, так же как эпизод, в котором царевна по требованию отца оказывается вынужденной разлучиться с перстнем.

К словам «и выпустил тридцать сизокрылых голубей» (с. 235) Афанасьев привел вариант: «Выпустил тридцать белых лебедей и посыпал им зерна; все смирно клюют, а один кругом похаживает, то того, то другого пощипывает и гонит прочь от корму».

Варианты: к словам «мелким жемчугом» (с. 236) дан вариант: «горохом»; к словам «наступлю на жемчужинку» (с. 236) — вариант: «на горошинку», к словам «оборотился в петуха» (с. 236) — вариант: «в голубя».

253 Место записи неизвестно.

(140e) *АТ 725+325*. Сюжет «Хитрой науки» не развернут и основным является сюжет о нерассказанном сне, хотя и он изложен неполно.

После слов «сделался... Иваном-царевичем» у Афанасьева (с. 237) дано: «В другом списке Иван купеческий сын приплыл к берегу, оборотился кольцом и попал царевне в руки, слюбился с нею и сделался ее мужем».

254—255. ДИВО
(с. 237—241)

254 Место записи неизвестно.

(141a) *АТ 449* (Жена колдунья). В *АТ* учтены немногочисленные сказки этого типа, записанные в Восточной Европе и на ближнем Востоке, в Индии. Русских вариантов — 30, украинских — 9, белорусских — 14. В указателе Аарне-Андреева под особым номером **449А* выделены те нередко встречающиеся в восточнославянском фольклорном материале сказки типа *449*, в которых муж, превращенный женой-колдуньей в собаку, находит приют у пастухов, спасает царских детей, возвращается с наградой к жене и превращается женой в воробья. Эта разновидность сюжета имеется и в западнославянском материале, и в сказках неславянских народов СССР (*Башк. творч.*, I, № 84, 91, 93; *Тат. творч.*, I, № 54), но сформировалась, как полагают исследователи, на восточнославянской культурной почве. История сюжета связана с «Тысячью и одной ночью» (ночь 2-я. Рассказ третьего старца). Рамочное обрамление сюжета о жене-колдунье (рассказ рыбака) нередко встречается в восточнославянских и других национальных вариантах сюжетного типа *449*. Исследования: *Polívka J.* Pohádkoslovne studie, S. 67—106; *Андерсон В.* Роман Апулея и народная сказка. Казань, 1914, т. I, с. 376—487, 612—633.

255 Место записи неизвестно.

(141b) *АТ 449*. Вариант, как и предыдущий, обрамлен рассказом о чуде, насыщен подробностями, связанными с русским бытом. В основном примыкает к разновидности сюжетного типа — «Царская собака» (*АА *449А*) — о службе собаки-оборотня у барина, о превращениях заколдованного мужика в ворона и воробья, жены в кобылицу. Необычна для сказок типа *449* та роль, которую играет колдун, любовник.

После слов «в поле ушел!» (с. 240) Афанасьевым дан вариант начала сказки: «Пошел мужик на охоту, забрался в дремучий лес, и попадается ему большущий медведь; выстрелил мужик из ружья и убил медведя наповал. С утра вышел из дому, а дорога была дальняя — крепко ему есть захотелось; вот он вынул нож, отрезал медвежью лапу, развел огонь и стал варить ее в походном котелке. Вода вскипела, обед поспел, вынул мужик хлеба и только было за еду принялся — вдруг лиса бежит. Мужик схватил ружье да за нею, выпалил, — а лиса увернулась и была такова!» «Ну, черт с нею, только даром заряд потерял; пойду-ка лучше пообедаю». Подходит к старому месту, а возле котелка медведь стоит — совсем живехонек, и все лапы целы. «Что за чудо, — говорит мужик, — ведь зверь-то ожил!» — «Это что за чудо! — отвечает зверь. — А ты пойди на село...»

После слов «в холе держал и с своего стола кормил» (с. 240) указан вариант: «Однова ехали мы с барином нашею деревнею; захотелось мне посмотреть, как моя жена с своим другом поживает. Прибежал я в избу. Увидал меня колдун, ударил плетью: «Был ты,— говорит,— пес поганый, а теперь будь воробей». Сделался я воробьем, вылетел в окно и пристал к другим воробьям. Летом мы в полях кормились, а зимой повадились летать в амбар к богатому мужику — в слуховое окно; а в амбаре было всякого зерна заготовлено! Тут меня изловили...» (Конец такой же, как и в тексте № 254).

256. ДИВО ДИВНОЕ, ЧУДО ЧУДНОЕ
(с. 241—242)

256 (142) Записано в Архангельской губ.

АТ 571 (Диво дивное: к чудесному гусю прилипают жена, любовник и другие). В *АТ* учтены многочисленные варианты на европейских языках, а также турецкие, индийские и записанные у индейцев в Америке. Русских вариантов — 16, украинских — 7, белорусских — 3. Первая литературная обработка сюжета относится к XV в.; английское стихотворение «The tale of the basyn». Сюжет вошел в западноевропейские средневековые повествовательные сборники (см.: Novelline, № 33). В 1788 г. в Петербурге была издана лубочная книжка «Диво дивное, чудо чудное, сказка русская». Лубочные картинки на сюжет сказки печатались многократно и оказали влияние на устное его распространение в народной среде (см.: *Ровинский*, I. № 64). Сравнительному изучению славянских вариантов сюжетного типа *571* посвящена специальная работа: *Polika*. Pohákoelovne studie. Praha, 1904, с. 67—106. Эпизод «Чудесное прилипание» входит нередко в сказки о царевне Несмеяне (*АТ 559* — текст № 297). В предпоследнем абзаце данного текста после последних слов «да и сам прильнул» следует многоточие: по-видимому, опущены некоторые подробности, не удобные для печати.

257. СЧАСТЛИВОЕ ДИТЯ
(с. 242—243)

257 (143) Записано в Пермской губ. Текст перепечатан Афанасьевым из II книги «Пермского сборника» (отд. 2, 1860, с. 175—177) без изменений, но в примечаниях источник не указан.

АТ 652 (Счастливое дитя). В *АТ* учтены финские, эстонские, литовские, шведские, датские, ирландские, французские, немецкие, чешские, словинские, сербохорватские, польские, русские варианты и несколько записей, сделанных в Америке. Русских вариантов — 7, украинских — 4. К белорусскому фольклорному материалу условно может быть отнесена подобная сказка Лидского уезда Гродненской губернии, опубликованная на польском языке (язык записи неизвестен) в сборнике Яна Карловича: «Podania i bajki zebrane na Litwie» (Zbior wiaddomosci do antrop. krajowej. Kraków, 1887, XI, № 14). Сказка сборника Афанасьева, как и некоторые другие восточнославянские варианты сюжета, тяготеет к жанру легенды, что отметил Афанасьев в своем примечании. Изложение несколько схематичное. Вступительный эпизод (разговор путников о строителе нового моста) имеет соответствие в разных восточнославянских легендах и сказках.

К словам «Купец взял свою жену и посадил в темницу» (с. 243) Афанасьев привел вариант: «Купец схватил острый меч, отсек своей жене голову и зарыл труп в землю. (После по желанию сына она оживает)».

258. КЛАД
(с. 244—245)

258 (144) Место записи неизвестно.

АТ 831 (Поп в козлиной или бычьей шкуре). В *АТ* варианты этого сюжетного типа учтены в финно-шведском, эстонском, литовском, немецком, сербо-хорватском, русском, украинском и греческом фольклорном материале. Известны также латышские (*Арайс-Медне*, с. 132), польские (*Krzyżanowski*, I, S. 258) и белорусские сказки. Русских вариантов — 13, украинских — 18, белорусских — 7. Развернутые варианты сюжета о бесчестном рогатом попе встречаются преимущественно в восточнославянских сборниках. Легендарный сюжет о попе имеет украинское происхождение, сложился в XVIII столетии. Многие из обстоятельных украинских вариантов сюжетного типа *831* имеют стихотворную форму. Из мемуарных источников известно, что уже в первой трети прошлого века сказки этого типа распространились в России далеко за пределами Украины. Вследствие сатирической социальной заостренности их публикация в дореволюционной России затруднялась цензурными условиями. Исследования: *Драгоманов М. П.* Розвідкі про українську народню словестність і письмен-

ство. II, у Львів, 1900, с. 66—94; *Левченко М. З.* З поля фольклорістикі и етнографіі. Київ, 1928.— Вірша про Кирика як антиправославний уніятский витвір; *Грицай М. С.* Українська література XVI—XVIII ст. і фольклор. Київ, 1969, с. 103—104; *Вавилова М. А.* История развития сюжета о попе в козлиной шкуре.— Сб. «Вопросы жанра и стиля». Вологда, 1967, с. 182—206; *Мордвинцев А. А.* Славянская антирелигиозная сказка. Киев, 1970, с. 76—77. См. также: Народные сказки о боге, святых и попах / Сост. М. К. Азадовский. М., 1963, с. 187—189 — комментарии; комментарии М. К. Азадовского и Н. П. Андреева ко II т. сказок Афанасьева изд. 1938 г. (с. 628—631), перепечатанные во II т. изд. 1957 г.

К словам «Матка! Больно, не режь» (с. 245) Афанасьев привел вариант: «Ложись, батька, на спину! Он лег на спину, попадья нашла шов и стала было пороть, а поп как завопит благим матом: «Что ты, окаянная, живое место ножом режешь!»

259. СКОРЫЙ ГОНЕЦ
(с. 246—249)

259 Записано в Архангельской губ.

(145) *AT 665* (Скорый гонец). В *AT* сюжет учтен в фольклоре финнов, эстонцев, литовцев, датчан, немцев, итальянцев, венгров, чехов, сербохорватов, словинцев, поляков и русских; отмечены французские тексты, записанные в Америке. Русских вариантов — 5, украинских — 7. Подобные сказки есть и в латышском (*Арайс-Медне*, с. 107), башкирском (*Башк. творч.*, III, № 35), татарском (*Тат. творч.*, II, № 14, 26) фольклорном материале. Вариант сборника Афанасьева отличается обстоятельностью и ритмичностью изложения. Своеобразно разработан эпизод пребывания героя в подводном царстве, отсутствующий в других известных сказах данного типа. В примечаниях Афанасьева сюжет истолковывался как отражение мифологических представлений о грозовых явлениях природы.

После слов «можешь ты обращаться оленем, зайцем и птичкою...» (с. 247) Афанасьевым указан вариант начала сказки: «Жил-был царевич, пошел в лес на охоту, заблудился и набрел на большой дом; вошел — в комнатах пусто, а стоит стол, на столе три прибора; царевич спрятался за дверь. Вдруг прилетают сокол и ворон, а за ними следом входит медведь; ударились все трое об пол и сделались добрыми мóлодцами. «Сослужи,— говорят царевичу,— нам великую службу: стой целую ночь на карауле, как услышишь шум и гром — разбуди нас». Царевич стал на карауле; в самую полночь раздался шум и гром — прилетел трехглавый змей». «А,— говорит,— попались в мои руки!» Царевич не стал будить добрых молодцев, выхватил меч, сразился с змеем и отсек ему три головы. Наутро благодарят его добрые мóлодцы: сокол, ворон и медведь. «Ударься о сырую землю, царевич!» — сказал сокол. Царевич ударился и обернулся ясным соколом. Другой молодец научил его оборачиваться черным вороном, а третий — медведем. Царевич пошел в иное государство и поступил там на службу...»

После слов «неприятельские силы побивать» (с. 247) отмечено: «В другом списке царь посылает гонца принести забытые грамоты».

После слов «...завязала в платок и спрятала к себе» (с. 248) отмечено: «В другом списке царевна дает гонцу на память свой платок, по которому после и узнает настоящего своего жениха».

После слов «увидел он гонца, тотчас столкнул его в море» (с. 248) отмечено: «В другом списке генерал отрубил гонцу голову, захватил принесенные им грамоты и представил их государю. Узнали про то два старца, добыли воды мертвой, живущей и трепещущей; взбрызнули гонца водою — голова приросла к шее, взбрызнули живущей водою — кровь полилась по жилам и явился румянец в лице, взбрызнули трепещущей водою — гонец встрепенулся и встал, словно от долгого сна пробудился».

260—263. СЕСТРИЦА АЛЕНУШКА, БРАТЕЦ ИВАНУШКА
(с. 250—255)

260 Записано в Бобровском уезде Воронежской губ., вероятно, А. Н. Афанасьевым.

(146а) *AT 450* (Братец и сестрица). Сюжет распространен в Европе, Америке и на Ближнем Востоке. Русских вариантов — 24, украинских — 12, белорусских — 5. Восточ-

нославянские сказки о брате и сестре встречаются в сборниках фольклора неславянских народов СССР (*Башк. творч.*, I, № 62; *Тат. творч.*, I, № 61). Следы сюжета отмечались исследователями в античных мифах. Исследования: *Arfert P.* Das Motiv von der untergeschobenen Braut. Leipzig, 1897. Первая русская публикация: *Погудка..*, II, № 4, с. 13—24. Песенные вставки в данном и следующем тексте являются для таких восточнославянских сказок традиционными. Своеобразным является эпизод, в котором колдунья наводит порчу на Аленушку. Обычно в сказках колдунья, утопив Аленушку, подменяет ее своей дочерью.

К слову песенки «тяжел» (с. 251) Афанасьевым дано пояснение: «Сло́во это произносят на местном диалекте „чижол"».

261 Записано в Курской губ.

(146b) *АТ 450*. Ритмичность повествования, вероятно, связана с некоторой стилизацией.

262 Записано в Тамбовской губ. В тексте, опубликованном Афанасьевым, непоследо-

(146c) вательно воспроизводятся фонетические особенности местного говора.

АТ 450. В этом варианте, как и во многих иных, утопленная Аленушка подменяется «другой», но если обычно в таких сказках ее топит ведьма-колдунья или ведьмина дочь (дочери,— например, в сказке № 263), то в данном варианте Аленушку топят дворовые. Диалог утопленной жены и ее брата отшлифовался в традиционные восточнославянские стилистические формулы: «ножи точат булатные, котлы кипят немецкие...», «тяжел камень ко дну тянет, бела рыба глаза выела, люта змея сердце высосала, шелкова трава ноги спутала» (ср. тексты № 261, 263).

263 Записано в Саратовской губ.

(146c, *АТ 450*. В этом лаконичном варианте есть своеобразные подробности, например:

вар.) брат и сестра приходят к яге-бабе в землянку, Аленушка забывает там «кольчико», посылает за ним Иванушку.

264. ЦАРЕВНА — СЕРА УТИЦА
(с. 256—257)

264 Место записи неизвестно.

(147) *АТ 403* (Подмененная невеста). См. прим. к тексту № 101. Традиционный сюжет осложнен здесь своеобразными мотивами: царевич влюбляется в портрет сестры своего друга, тоже царевича; подмененная невеста-утица, прилетев к несправедливо обвиненному ее брату в темницу, оборачивается разными гадами, а затем веретеном; разломанное пополам и заклятое братом веретеню превращается в девушку.

265. БЕЛАЯ УТОЧКА
(с. 258—259)

265 Записано в Курской губ.

(148) *АТ 403* (Подмененная жена). Сходные варианты, повествующие о том, как ведьма погубила детей подмененной жены, встречаются не только в восточнославянском, но и в фольклоре неславянских народов СССР (*Башк. творч.*, I, № 72). Ответ Заморышка на вопрос, спят ли дети («... огни кладут калиновые, котлы висят кипучие, ножи точат булатные!»), напоминает сказки типа «Братец и сестрица» (*АТ 450*), текстуально совпадает с песенкой козленка, в которого ведьма обратила Иванушку. Причитания уточки-матери имеют соответствие в ряде восточнославянских сказок о подмененной жене. В стиле сказки заметна литературная правка.

266. АРЫСЬ-ПОЛЕ
(с. 260)

266 Место записи неизвестно.

(149) *АТ 409* (Мать-рысь). Сказки, представляющие особую разновидность сюжета о подмененной жене, учтены в *АТ* в эстонском, ливском, словинском, сербохорватском и русском, но встречаются также и в латышском (*Арайс-Медне*, с. 63—64), башкирском (*Башк. творч.*, I, № 74), украинском, белорусском фольклорном материале. Русских вариантов — 12, украинских — 2, белорусских — 4. Мотив обращения подмененной женщины в рысь, как доказывает А. М. Смирнов-Кутачевский в своей докторской

диссертации «Сказки про мачеху и падчерицу» (1941), является более древним, чем мотив утопления и превращения в русалку, рыбу. В восточнославянских сказках сюжет о матери-рыси контаминируется с сюжетом о чудесной коровке (*AT 511* — см. тексты № 100, 101) и является его продолжением. Песенные вставки встречаются в ряде восточнославянских сказок о подмененной жене.

267—269. ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА
(с. 260—267)

267 (150а) Записано в Шадринском уезде А. Н. Зыряновым. Рукопись — в архиве ВГО (р. XXIX, оп. 1, 32а, лл. 32—35 об.; 1850). Афанасьев внес в текст записи несколько незначительных поправок. Так, например, напечатано — «взял хлеб и понес», в рукописи — «взял хлеб, понес»; напечатано — «Вот живут они», в рукописи — «и живут»; напечатано — «обрадовался как услыхал», в рукописи — «обрадовался, услыхал». См. комм. ко II т. сказок Афанасьева изд. 1938 г. (с. 634).

AT 402 (Царевна-лягушка)+*400_1* (Поиски исчезнувшей жены. См. прим. к тексту № 157). Традиционная контаминация сюжетных типов. В *AT* учтены многочисленные европейские варианты типа *402* и записанные в Америке от американцев европейского происхождения и негров варианты на испанском, португальском и французском языках, а также турецкие, индийские и арабские сказки. Русских вариантов — 36, украинских — 15, белорусских — 6. В некоторых национальных вариантах героиней является заколдованная кошка или мышка (например, в польских), или змея (например, в эстонских), герой находит ее в волшебном замке. Восточнославянские сказки о царевне-лягушке отличаются национальным бытовым колоритом крестьянской патриархальной жизни. Это обычно проявляется в эпизодах соревнования трех снох старика. Характерно вместе с тем развивается в русских и во многих украинских, белорусских сказках мотив социальной обездоленности младшего из трех братьев. В эпизодах соревнования царевны-лягушки с другими снохами встречаются традиционные для сюжета восточнославянские стилистические формулы. Из репертуара русских сказочников такие сказки перешли в репертуар сказочников неславянских народов СССР, например башкир и татар, испытав определенную творческую трансформацию и восприняв традиционные мотивы сказок этих народов (*Башк. творч.*, I, № 70, 71; *Тат. творч.*, I, № 72). Формирование сюжетов типа *402* и *401* (Заколдованная царевна) связано с «Тысячью и одной ночью» (ночи 511—516). Старейший европейский литературный пересказ сказки флорентийца Дони относится к 1552 году. Известны и другие, более поздние, итальянские литературные варианты сюжетного типа «Царевна-лягушка» (Novelline, № 58, 88, 118). Первая обработка в лубочном духе народной русской сказки о царевне-лягушке была издана в XVIII в. (*Тимофеев*, с. 280—311). Лубочная «Сказка об Иване-богатыре, о прекрасной супруге его Светлане и злом волшебнике Карачуне» И. Кассирова, созданная на основе народных русских сказок типа *402* и других типов, неоднократно издававшаяся во второй половине XIX в., оказала заметное влияние на фольклор. Своеобразным народным пересказом сказки Кассирова является, например, сказка «О Иване Быковиче, злом Карачуне и прекрасной Светлане», опубликованная в 1975 г. в кн.: *Ск., лег. Башк.*, № 12. Исследования: *Аникин В. П.* Волшебная сказка «Царевна-лягушка».— Фольклор как искусство слова. М., 1966, с. 19—49; *Аникин*, с. 144—150; *Корепова К. Е.* Сюжет «Царевна-лягушка» в восточнославянской сказочной традиции.— Вопросы сюжета и композиции. Горьк. ун-т, 1980, с. 97—112. В последней статье этническое и региональное своеобразие восточнославянских вариантов сюжета выясняется с возможно полным учетом опубликованных текстов: к сопоставлению привлечены болгарские и польские сказки типа *AT 402*.

268 (150b) Записано в селе Вановском Шацкого уезда Тамбовской губ. учителем приходского училища Григорием Островским. Рукопись — в архиве *ВГО* (р. XL, оп. 1, № 14, лл. 4 — 5; 1849).

AT 402+*400_1* (Поиски исчезнувшей жены. См. прим. к текстам № 157 и 267). В данном и следующем вариантах повествование о поисках исчезнувшей жены осложнено мотивами сюжетов «Смерть Кощея» (*AT 302_1*) и «Благодарные животные» (*AT 554*) — возможно, под влиянием лубочной сказки. Своеобразием отличается изображение пляски трех снох царя (старшие снохи «свекра ушибли»). Железные сапоги

16 Заказ № 101

изнашивает, железные просфоры изгладывает обычно в сказках типа *430, 432, 433 B, 440* жена исчезнувшего супруга, отправившаяся на его поиски.

Афанасьев внес в текст записи, непоследовательно отражающей особенности местного диалекта (например, сильное аканье), ряд изменений диалектологического характера, пытаясь реконструировать произношение сказочника, например, вместо «отдай мою стрелку» (рукопись), Афанасьевым напечатано: «Атдай маю стрелку»; вместо «ее взяла лягушка» (рукопись) — «взяла яе лягушка» и т. п. См. комм. ко II т. сказок Афанасьева изд. 1938 г. (с. 634). Опущенные в печатном тексте Афанасьева после слов «вынул яичко» (с. 264) фразы: «Стал мыть его и уронил в воду. «Где мой рак,— говорит Иван-царевич,— он бы достал мне яичко!» Смотрит, а рак несет ему яичко; он взял яичко» восстанавливаются по рукописи.

269 Записано в Саратовской губ.

(150c) *AT 402+401*₁. По своей структуре этот вариант близок предыдущему, но отличается некоторыми яркими подробностями (приезд Василисы Премудрой в золоченой коляске в шесть лошадей запряженной; гнев царя, вызванный неудачной пляской старших снох).

К словам «обернулась белою лебедью» (с. 266) Афанасьев привел вариант: «кукушкою».

К эпизоду выхода Ивана-царевича к морю (с. 267) дан вариант: «и пошел дальше. Подходит к морю: берега кисельные, вода молоком течет! Тут он наелся, напился, с силами собрался...»

Вариант описания яги (с. 267): «Царевич взошел в избушку, а там лежит баба-яга костяная нога из угла в угол, зубы на полку положила».

После слов «пришлось ему помирать» (с. 267) даны два варианта:

«*Вариант 1:* «А, знаю! — сказала баба-яга.— Погоди, она скоро ко мне прилетит в голове искать; как увидишь ее, сейчас хватай. Василиса Премудрая станет в разные виды оборачиваться; смотри же не бойся, крепко держи! А как обернется она веретеном — ты переломи его пополам, брось назад и скажи: было веретено, а теперь вырасти позади береза, а передо мной стань душа красная девица!» Иван-царевич так и сделал: выросла позади его белая береза, а перед ним стала Василиса Премудрая».

Вариант 2: «Эх,— сказала баба-яга,— если б ты пораньше пришел, то застал бы ее здесь, а теперь надо до завтрева дожидаться». Рано поутру разбудила яга Ивана-царевича и говорит: «Ступай на зеленый луг и спрячься за куст; прилетит туда белая лебедь, будет виться над тобою, ты не оплошай, ухвати ее и держи крепко-накрепко; это она самая — Василиса Премудрая. Коли упустишь — ввек не найдешь». Иван-царевич пошел на зеленый луг и поймал белую лебедь; сколько она ни рвалась, ни билась, не могла вырваться. Говорит ему Василиса Премудрая: «Пусти меня, милый друг! Ты совсем измял мои крылышки. Умел ты найти меня, теперь я твоя повек буду».

270. ЦАРЕВНА-ЗМЕЯ
(с. 268—270)

270 Место записи неизвестно.

(151) *AT 401* (Превращенная в животное заколдованная царевна)+*569* (Сумка, шляпа и рожок). Ареал устного бытования первого сюжета ограничен в основном европейскими странами и странами Америки (в Америке записывался на французском, английском и испанском языках). В *AT* учтен также вариант, записанный в Африке. Русских вариантов — 14 (из них 4 в сборнике Афанасьева), украинских — 7. Начало сказки сходно с сюжетным типом *409 A**. История сказок типа *401* и *409 A* связана с «Рассказом о Хасибе и царице змей» из «Тысячи и одной ночи» (ночи 483—536) и более непосредственно с рыцарским романом XIV в. Жана д'Арраса о прекрасной Мелюзине, превращавшейся в получеловека-полузмею. В переводе с французского на немецкий роман был напечатан в 1474 г., а в переводе с немецкого на польский — в 1569 г. В России переведен с польского на русский и распространялся в рукописных списках XVII в.— один из них издан в 1882 г. в Петербурге Обществом любителей российской словесности. В петровскую эпоху инсценировка «Мелюзины» шла в театре царевны Натальи Алексеевны. Сюжет отразился также в русских лубочных картинках XVIII—XIX вв. Исследования: *Köhler J.* Der Ursprung der Melussinensage. Leipzig, 1895; *Веселовский А. Н.* Собр. соч., т. II, вып. 1, СПб., 1913, с. 31—33; *Hel-*

gig K. Uber den Ursprung der Melusinensage. — Fabula, Berlin, 1959, H. 3, S. 170—181. Истолкование образа заколдованной царевны как олицетворение освобожденной от зимнего плена весенней природы дал Афанасьев: Поэт. воззрения, II, с. 715. Второй сюжет — типа *569* учтен в указателе *AT* преимущественно в европейских вариантах, а также в записях, сделанных в Турции, Индии, Индонезии и в Америке у индейцев. Русских вариантов — 11, украинских — 9, белорусских — 4. Формирование сюжета связано со сказками о чудесных дарах типов *563* и *564*. Первая русская публикация: *Тимофеев*, с. 63—103. См. исследование А. Аарне, указанное в примечаниях к тексту № 186. В данном варианте сюжет об обмене чудесными предметами развернут слабо.

271—272. ЗАКОЛДОВАННАЯ КОРОЛЕВНА
(с. 270—280)

271 (152а) Место записи неизвестно.

AT 401 (см. прим. к предыдущему тексту)+отчасти *300*$_1$ (Победитель змея. См прим. к тексту № 171)+отчасти *400*$_2$ (Царь-девица. См. прим. к тексту № 230, более развернутые варианты — тексты № 232, 233). Эпизод полета Ивана купеческого сына внутри лошадиного трупа на огромной Гриб-птице ср. с сюжетом «Золотая гора» (*AT 936** — см. текст № 243 и прим. к нему). В еще большей мере сближается с этим сюжетом тот вариант сказки, на который указал Афанасьев в сноске. Это не случайно: в «Рассказе царицы змей» из «Тысячи и одной ночи» сюжет о чудесной жене-птице слит воедино с сюжетом «Золотая гора». Троекратное ночное противостояние Ивана нечистым во дворце напоминает традиционные восточнославянские сказки о девушке, встающей из гроба (*AT 307* — см. тексты № 364, 366, 367). Сложная по своему сюжетному составу данная и следующая сказки имеют бытовой колорит, связанный с солдатской средой.

После слов «пущай у нас три года проживет да триста рублей заработает» (с. 271) Афанасьевым указан вариант: «Пусть,— говорит хозяйка,— заживет у нас триста рублей да возьмет за себя дочку нашу». А у ней дочь была проклятая — туловище человечье, а голова змеиная. Живет Иван в трактире, с утра до вечера на работе; случилось раз — никого дома не было; вздумал он пойти по хозяйским комнатам да все повысмотреть. Ходил, ходил и набрел на дверь железную — на крюк дверь заперта, печатью запечатана. Иван купеческий сын недолго думал, разломал печать, снял крюк, отворил дверь, глянул — а в той комнате кровать стоит, на кровати проклятая дочь лежит, змеиная голова злобно шипит. «А, так это моя невеста! Ладно ж, я с тобой сейчас сделаюсь!» Выхватил острый палаш, хватил со всего размаху и отрубил ей голову; после побежал на конюшню, оседлал своего коня и марш со двора. «Поеду,— говорит сам себе,— по белому свету странствовать; в полк нельзя вернуться — все равно просрочил!» Ехал, ехал и попал в дремучий лес, в том лесу — поляна, на поляне дворец стоит...»

После слов «во рту не было» (с. 276) дан вариант окончания сказки: «Видел страсть,— говорит Ивану королевна,— теперь больше не будет!» Ступай теперь расплатись с трактирщиком и приходи в такую-то церковь; там с тобой обвенчаются...» Иван купеческий сын взял кошелек с золотом, пошел, рассчитался с трактирщиком и поехал куда сказано. А трактирщица приготовила сонного зелья и послала работника на дорогу: «Ступай в чистое поле; там увидишь пастухов, что коров пасут, пристройся к ним и дожидай, пока солдат не подъедет. Я напущу на него нестерпимую жажду; станет он воды просить, ты и подай ему это зелье». Сказано — сделано. Вот едет Иван купеческий сын, жажда его совсем измучила, увидал пастухов и стал воды просить; тотчас выбегает вперед работник, подает ему сонное зелье. Иван испил, и так ему спать захотелось, что тут же на траве лег и крепко заснул. Спал он до самого позднего вечера, а как солнышко закатилось — пробудился и вернулся в мраморный дворец. «Что ж ты в церкви не бывал? — забранилась на него королевна.— Смотри, завтра не пропусти времени...» На другой день с Иваном купеческим сыном то же случилось; и на третий день он не вытерпел, хлебнул сонного зелья и заснул глубоким сном. Ворочается королевна домой из церкви, увидала пастухов и стала их спрашивать: «Послушайте, добрые люди, вы здесь давно пасете, не видали ли вы — не проезжал ли здесь конный солдат? — «Да вот он спит». Королевна написала письмо и запихнула его Ивану купеческому сыну за мундирную пуговицу, а в письме было сказано: «Прощай, мой нареченный муж! Если захочешь найти меня, то ступай за тридевять земель, в тридесятое го-

сударство; я тамошнего короля дочь». После того она уехала. Вечером проснулся Иван купеческий сын, поехал к мраморному дворцу, а его уж нету — только следы видны, что когда-то здесь высился; королевна перенесла дворец в тридесятое государство. Остановился добрый мо́лодец, пораздумался: что теперь делать? Тут увидал он записку, прочитал и сам себя спрашивает: «А где ж это тридесятое государство? В какую сторону путь держать?» И заприметил он, что где ни ехала королевна, где ни ступали ее лошади — там везде родники поделались, и поехал по тому её следу. Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли — приезжает Иван купеческий сын к океан-морю; видит он — рыбаки сети закидывают, и спрашивает их: «Как бы мне через море перебраться?» — «А вот насыпь полну лодку золотом, так мы тебя научим!» Иван тряхнул кошельком — и посыпались червонцы; насыпал им полну лодку. «Теперь потроши свою лошадь». Он вынул нож, зарезал коня, выпустил из него требушину и вымыл брюхо чисто-начисто. «Ну, вон видишь, за морем стоит высокая гора, на той горе семьдесят семь дубов, на тех дубах птица-львица гнездо свила да детей высидела; всякий день прилетает она сюда, садится на этот каменный утес и высматривает добычу; как высмотрит, сейчас подхватит и несет на гору; принесет, бросит и летит деток своих собирать. Вот ты и полезай в лошадиное брюхо; а мы тебя зашьем; пусть птица-львица унесет тебя на ту сторону. Только смотри — не плошай: как скоро она полетит детей кликать, сейчас пори брюхо и пущайся с горы катком; коли птица да застанет тебя, не быть тебе живому! Уж много храбрецов на такое дело выискивалось, да ни один жив назад не ворочался». Так и сделали. Прошло с полчаса времени, вдруг поднялась ужасная буря — прилетела птица-львица и села на камень, словно сенная копна; глянула во все стороны, увидала убитую лошадь, подлетела, запустила лапы и поднялась высоко-высоко; скорей пули из ружья летит, ажно у Ивана в ушах ветер свистит! Перенеслась через океан-море широкое, опустилась на высокую, крутую гору, бросила добычу и полетела детей собирать. Иван купеческий сын вынул нож, прорезал дыру, вылез из лошадиного брюха и катком с горы покатился. Катился, катился — трое суток прошло, пока до́ низу добрался; да еще трое суток без памяти лежал. Насилу опомнился, встал и пошел куда глаза глядят. Прошел сверху, глядь — стоит великолепный дворец, из чистого мрамора выстроен, золотой крышею покрыт. «Ах, видно, здесь моя невеста живет!» Стал дворцовую стражу выспрашивать и узнал, что в их королевстве появился двенадцатиглавый змей и всякий день людей пожирает, что сегодня пал жребий на королевскую дочь и вот только что повезли ее на съедение. Иван купеческий сын взял в руки тугой лук разрывчатый и калену стрелу, и пошел — убил двенадцатиглавого змея, и женился на королевне, а в приданое пол-королевства взял».

272 Место записи неизвестно.
(152b) *АТ 401*+отчасти *400*$_2$ (Царь-девица. См. прим. к текстам № 230 и 271)+*518* (Обманутые черти или лешие, великаны. См. прим. к тексту № 185). Текст отличается от предыдущего рядом оригинально разработанных эпизодов, например, встречи солдата с чертями, сидящими в поле возле кипящего котла, под которым нет огня. Финальный эпизод близок к сюжету о загадках царевны (*АТ 851 А*. «Турандот»). Бытовой солдатский колорит сказки очень выразителен.

После слов «я сделаюсь по-прежнему королевою и выйду за тебя замуж» (с. 276) Афанасьевым указаны два варианта начала сказки:

«*Вариант 1:* Жил-был царь Долмат, набрал себе войска три тысячи, и все из солдатских детей — лет по шестнадцати от роду, и поместил всех в дворцовые роты. Прошло лет десяток — солдатские дети в чины выслужились: кто в офицеры, кто в полковники, а кто и в генералы попал! Только один из всех товарищей, Семен Ерофеев, рядовым остался; стал он царю жаловаться. «Так и так,— говорит,— не мог себе заслужить никакого чинишка; людям счастье, а я ни при чем!» Царь Долмат приказал дать ему отставку и наделить тремя десятинами земли. Семен нанял работника, вспахал и засеял землю пшеницею; выросла пшеница чудесная! Вот как-то вышел на́ поле, смотрит — одна десятина совсем вытоптана, нет на ней ни былинки, только черная земля виднеется. Крепко жаль ему стало, что такой урон приключился; тотчас нарядил мужиков караульных и строго наказал, чтоб они всю ночь не спали да хлеб берегли. Пошли мужики в поле, принялись караулить, а в самую полночь, только двенадцать часов ударило, ни один из них не мог выдержать, чтобы не уснуть; где кто стоял — на том месте и повалился; напал на них крепкий, тяжелый сон, и проспали они вплоть до белого

дня. Поутру глядь — еще десятина вытоптана. Семен больше прежнего нарядил караульных — и верховых и пеших — и сам с ними в поле поехал. «Ну,— говорит,— братцы! Разделимся пополам: одна половина пусть караул держит с вечера до полуночи, а другая с полуночи до утра». Так и сделали. Стало время подходить к полуночи, начал первых караульщиков сон одолевать, разбудили они новых на смену, да тут же и повалились спать; а новые караульщики сами еле могут вытерпеть: так сном и качает их во все стороны! Семен Ерофеев видит — дело неладно, и велел им почáсту бить друг дружку по уху и кричать: «Слушáй!» Принялись мужики друг дружку хлестать пó уху; тем только и сон от себя отвáдили. Вдруг поднялась сильная буря — катит огромная колесница, в двенадцать лошадей запряжена, лошади словно змеи извиваются, в позади двенадцать волков, да столько ж медведей на железных цепях приковано. Быстро пронеслась колесница по полю; где росла-зеленела пшеница, там черная земля повыступила; не осталось ни единой былинки! Семен вскочил на коня и поскакал за колесницею: а следом за ним одиннадцать мужиков приударили. Долго ли, коротко ли — наехали они на огромный дворец; вошли в белокаменные палаты, видят — стол накрыт, на столе двенадцать приборов и всяких вин и закусок вдоволь наготовлено; поели-выпили и собираются назад уйти, только куда ни сунутся — не могут дверей найти. Входит к ним древняя старушка и говорит: «Что вы понапрасну трудитесь? Войти-то к нам легко, а выйти трудно; сюда ворота широкие, а отсюда узкие. Вот скоро прийдут сюда двенадцать медведиц, пообедают и опять уйдут, а то не медведицы, а заклятые красные девицы; одиннадцать — боярские дочери, а двенадцатая — царевна; если вы переночуете здесь три ночи, то всех их избавите и себе счастье добудете!»

Вариант 2: Жил-был богатый купец, помер — и остался у него молодой сын. Напала на него грусть-тоска, и вздумал он в трактир пойти да разгуляться промеж добрых людей. Приходит в трактир — сидит там кабацкий ярыга да песни поет. Спрашивает его купеческий сын: «Скажи, отчего так весел?» — «А чего мне печалиться? Ведь я косушку вина выпил, с того и весел стал». — «Будто и взаправду?» — «Попробуй, сам узнаешь!» Купеческий сын выпил рюмку, другую — стало повеселей: «Дай-ка еще попробую!» Осушил полштофа, опьянел и затянул песню. «Что так сидеть? — говорит кабацкий ярыга.— Давай перекинем в карты». — «Изволь!» Сели играть в карты. В короткое время купеческий сын проиграл все свои деньги.— «Больше,— говорит,— играть нé на что».— «Не все на деньги, играй под дом да под лавки! — отвечает кабацкий ярыга,— может отыграешься!» Не прошло и полчаса, как купеческий сын ни при чем остался: и дом и лавки — все спустил. Наутро проснулся — гол как сокол! Что тут делать? Пошел с горя в солдаты нанялся. Служил, служил; солдатская служба — нелегкая, за все про все спина отвечает! И задумал он бежать. Убежал в густой, дремучий лес, выбрался на одну полянку и сел отдохнуть... Откуда ни взялись — летят три голýбки, а за ними три змея несутся; прилетели на ту полянку и принялись драться. «Служивый, помоги нам,— говорят змеи,— мы тебе много денег подарим».— «Нет, служивый, лучше нам помоги,— говорят голýбки,— мы тебе сами сгодимся!» Купеческий сын обнажил свою острую саблю, порубил трех змеев до смерти, а голубки взмахнули крылышками и улетели. Отдохнул купеческий сын и пошел дальше, куда глаза глядят; шел, шел и набрёл он на землянку, входит — в землянке стол стоит, на столе три прибора с ествами; он взял со всякого прибора, съел по кусочку, забился под кровать и лежит себе, дух притаивши. Вдруг прилетели туда три голýбки, ударились о сырую землю и сделались красными девицами. «Ах,— говорят,— к нам кто-то в гости пожаловал, и кажись — человек добрый, никого не обидел, со всякого прибора по кусочку взял». Купеческий сын услыхал эти речи, вылез из-под кровати и говорит: «Здравствуйте, красные девицы!»— «Ах, добрый молодец! Сослужил ты нам одну службу — убил трех змеев, сослужи и другую; перебудь здесь три ночи! Что бы кругом тебя ни делалось: будут ли громы греметь, ветры свистать, страхи страшить — стой крепко, не бойся и читай вот эту книгу...»

273—274. ОКАМЕНЕЛОЕ ЦАРСТВО
(с. 280—282)

273 Место записи неизвестно.
(153а) *AT 410** (Окаменелое царство). В *AT* сюжетный тип учтен исключительно в русском фольклорном материале. Русских вариантов — 11, украинских — 7, белорус-

ских — 1. Подобная сказка есть в кн.: *Башк. творч.*, I, № 23. Сказки типа *410**, впервые опубликованные Афанасьевым, связаны своим происхождением со сказками типа *401* и *410* («Спящая красавица»). Эпизоды встречи солдата с прекрасной царевной и троекратного ночного противостояния его нечистым имеют некоторое соответствие в сказках типа *401* — о заколдованной царевне (тексты № 270—272).

274 (153b) Записано в Шадринском уезде Пермской губ. А. Н. Зыряновым. Рукопись — в архиве *ВГО* (р. XXIX, оп. 1, № 32 а, лл. 16—8 об.; 1850).

*АТ 410**. Афанасьев внес в текст записи стилистические исправления, отчасти неудачные (так, например, напечатано — «Переговорила и уехала», в рукописи — «Переговорила эта царевна и уехала»; напечатано — «все свечи», в рукописи — «свечи все»; напечатано — «стук-от стоит», в рукописи — «стукоток стоит») и подверг сказку некоторой переделке. Он изъял из сказки, записанной Зыряновым, ту ее часть, которая в основном соответствует тексту № 154 — «Беглый солдат и черт» (*АТ 1159+1061*) и изменил окончание. В записи Зырянова солдат, недовольный своим унизительным положением при царском дворе, покидает жену-царевну, но потом возвращается к ней и наказывает ее за то, что была «недобра до солдат»: как в сказках о чудесных рогах (тексты № 192—194). См. комм. ко II т. сказок Афанасьева изд. 1938 г. (с. 637).

275. БЕРЕЗА И ТРИ СОКОЛА
(с. 283)

275 (154) Место записи неизвестно.

АТ — Эта сказка, имеющая легендарный характер, напоминает сюжет «Заколдованная царевна» (тексты № 270—272), но близкие параллели к ней неизвестны. Сказка братьев Гримм — «Старуха в лесу» (*АТ 442*), на которую Афанасьев в примечаниях сослался как на сходную со сказкой «Береза и три сокола», значительно отличается от нее.

276. ЗАКЛЯТЫЙ ЦАРЕВИЧ
(с. 283—285)

276 (155) Место записи неизвестно.

АТ 425 С (Аленький цветочек). См. прим. к тексту № 235. Текст имеет много общего с известной сказкой С. Т. Аксакова «Аленький цветочек», основой которой послужила слышанная им сказка ключницы Пелагеи.

277. СОПЛИВЫЙ КОЗЕЛ
(с. 285—286)

277 (156) Записано в Нижегородской губернии.

АТ 430 (Муж-козел или осел, баран). Относится к сказкам, близким сюжету типа «Амур и Психея» (*АТ 425 А*) наряду с другими сказками о чудесном супруге (*АТ 428, 432, 440*). См. прим. к текстам № 234, 235. Ареал устного распространения ограничен немногими европейскими странами: в *АТ* учтены редкие шведские, датские, ирландские, немецкие, итальянские и русские варианты типа *430*. Русских вариантов — 6, украинских — 5, белорусских — 1. В других вариантах отсутствуют эпизоды посещения родителей жены козла их дочерью и ее чудесным супругом. В большинстве вариантов действие развивается так: у королевы или простой женщины родится сын в облике осла (или козла, барана); девушка, которой суждено выйти за него замуж, не противится своей участи; муж-осел по ночам сбрасывает шкуру и превращается в красивого молодца; шкуру жена сжигает, и муж исчезает; жена ищет его.

278. НЕУМОЙКА
(с. 287—288)

278 (157) Место записи неизвестно.

АТ 361 (Неумойка). В *АТ* учтены тексты, записанные на европейских языках. Русских вариантов — 3, украинских — 3, белорусских — 3. Сказки есть и в не учтенном *АТ* латышском фольклорном материале (*Арайс-Медне*, с. 58—59). Старейшие известные версии сюжета «Неумойка» немецкие шванки XVI в. Литературно обработанный шванк вошел во вторую книгу «Симплициссимуса» Гриммельсхаузена (1669), по-

служил основой новелл К. Брентано (1808), А. Ф. Арнима (1812), Ю. Кернера (1835) и либретто оперы Зигфрида Вагнера (1899). Исследования: *Gaismaier J.* Der Bährenhäuter-Sage. Progr. Ried, 1940; *Пропп. Ист. ск.*, с. 118—120. Данный вариант обстоятельно передает традиционный сюжет и имеет характерный для сказок о Неумойке солдатский характер. В некоторых вариантах несколько иное окончание: старшие сестры из зависти к младшей, вышедшей замуж за неожиданно разбогатевшего солдата Неумойку, вешаются, а черт получает их души.

К словам «только пятнадцать лет не бриться, не стричься...» (с. 287) Афанасьев указал вариант: «Три года не умывайся, не стригись и ногтей не обрезывай; отслужишь эту службу — тогда поедем к королю, есть у него три дочери: две мои, а третья твоя будет!»

279—282. КОСОРУЧКА
(с. 289—296)

279 (158a) Записано в Ливенском уезде Орловской губ. К. А. Александровым-Дольником со слов женщины.

AT 706 (Безручка). В *AT* учтены варианты на многих европейских языках, записанные в Европе и Америке, а также турецкие, индийские и африканские тексты. Русских вариантов — 48, украинских — 44, белорусских — 13. Близкие восточнославянским сказки о Безручке встречаются в сборниках фольклора неславянских народов СССР (например, *Башк. творч.*, I, № 105; *Тат. творч.*, III, № 56; *Узбек. ск.*, II, с. 208—216; *Ск. Дагестана*, № 66; *Азерб. ск.*, с. 178—186; *Карельск. ск.*, № 37). История сюжета связана с «Тысячью и одной ночью» (ночи 347—348. «Рассказ о женщине с отрубленными руками»), западными средневековыми легендами (старейшая из девятнадцати известных — «Vita Offae primi» относится к XII в., сложилась в Англии) и с «Кентерберийскими рассказами» Джефри Чосера (XIV в.,— рассказ о Констанце); «Приятными ночами» Страпаролы (I, 4), «Пентамероном» Базиле (III, 2). К данному сюжету относится русская рукописная «Повесть о царевне Персике» начала XVIII в. (известна по 12 спискам). Ее источником послужило близкое итальянским сказкам легендарное повествование «О царице Франачской» из книги монаха Агапия Критянина «Амартолон сатириа», изданной на греческом языке в 1641 г. в Венеции. Впервые народные восточнославянские сказки о Безручке, генетически связанные с «Повестью о царевне Персике», творчески своеобразно развившие ее сюжетную канву, напечатаны в сборнике Афанасьева (три русских и одна белорусская). На русской фольклорной основе создана популярная сказка А. П. Платонова «Безручка». Западноевропейские варианты отличаются от большинства восточнославянских развитием действия: девушку преследует отец, который хочет жениться на ней, или мачеха; руки героине отсекает мачеха или по ее навету (по навету отца) муж. Многие характерные только для западных вариантов мотивы связаны с книжными легендами о чудесах святой девы Марии, святых и с обратным влиянием на сказки народной книги «Терпеливая Елена» (ее источником является средневековая поэма о Мае и Беафлоре). Исследования: *Поповић П.* Приповетка о девојци без руке. Београд, 1905; *Däumling H.* Studie über den Typus des «Mädchens ohne Hände». München, 1912; *Schlauch M.* Chaucers Constance and accused Queens. New York, 1927; *Елеонская Е. Н.* Некоторые замечания о роли загадки в сказке.— Этногр. обозр., 1907, № 4, с. 78—90; *Зуева Т. В.* Рождение сказки (*AT 706*).— В кн. Фольклор и литература. Проблемы их творческих взаимоотношений.— Моск. обл. пед. ин-т, 1982, с. 43—65. Не только в данном, но и в ряде других восточнославянских вариантах «Безручки» имеются эпизоды, связанные с рождением чудесных детей («по локти в золоте, по бокам часты звезды»), напоминающие сказки о чудесных детях — *AT 707*. Повторение сюжета в форме краткого рассказа героини о своих злоключениях нередко дается в конце восточнославянских вариантов этого сюжета. Выразительный колорит русского купеческого быта, свойственный данному варианту, характерен и для некоторых других русских вариантов.

280 (158b) Место записи неизвестно.

AT 706. Эпизоды перекидывания (пересыпания) орехов из короба в короб во время рассказывания истории оклеветанной матери встречается в заключительной части многих восточнославянских и некоторых балтских сказок о чудесных детях (*AT 707*), а также сказок о Безручке.

281 (158с) Записано в Новогрудском уезде Гродненской губ. учителем М. А. Дмитриевым. Язык белорусский.

AT 706. В варианте противоречиво сочетаются мотивы, восходящие к западноевропейской традиции, с мотивами, типичными для восточнославянских сказок о Безручке: на героиню клевещет жена ее брата, как в большинстве восточнославянских сказок типа *706*, но отсекает ей руки ревнивый муж тогда, когда у нее уже есть ребенок.

282 (158, прим.) Место записи неизвестно.

AT 706. Эпизод чудесного исцеления героини с помощью Николы угодника имеет соответствие во многих западных вариантах сюжета, а также и в некоторых восточнославянских.

После слов «Твоя сестра-злодейка изрубила нашего детеныша» (с. 295) Афанасьев в сноске отметил: «По другому рассказу, брат, воротившись домой, привозит десяток яблок, пять отдал сестре, а пять оставил себе с женою. Этой последней стало завидно; она растрепала свои косы, изорвала свое платье, заплакала и стала жаловаться на сестру, что та ее избила. И в другой раз сделала то же, а в третий убила своего ребенка и сказала на сестру».

После слов «взял ее одел и повез к себе во дворец» (с. 295) указан вариант: «День и два ходила она по лесу не евши, не пивши; на третий день пробилась в царский сад и увидела яблоню, а на яблоне висят три яблочка очень низко — ртом достанешь. Она не утерпела, подошла, схватила зубами одно яблочко и скушала. Яблоки были заветные; царь настрого приказал садовнику беречь их, а не устережет — так около самой этой яблони грозил отрубить ему голову. Ввечеру пришел царь в сад и видит: нет одного яблока. Стал допрашивать садовника, да на первый раз простил его. «Первая вина,— сказал,— прощается, а за другую — берегись — и сам голову положишь». На другой день садовник опять не углядел: девица сорвала и другое яблочко и скушала. Еще раз простил царь садовника. На третий день съела девица и последнее яблочко. Рассердился царь, велел принести меч и хочет срубить садовнику голову. Вдруг явилась девица и говорит: «Ваше царское величество! Не прикажи рубить ему голову. Я всему делу виновна, секи мою голову!» Царь тут прельстился ее красотою и женился на ней».

После слов «сказал старец и невидимо исчез» (с. 296) — вариант: «Захотела она распеленать свое дитище — и не может; заплакала горько. Идет старичок седой-седой и спрашивает ее: «Чего плачешь?» Она все ему рассказала. «Ну,— говорит старичок,— шевельни своими плечами — у тебя будут руки!» Она шевельнула три раза плечами — и стали у ней руки по-прежнему... Оглянулась поблагодарить старика, смотрит — нет никого!»

283—287. ПО КОЛЕНА НОГИ В ЗОЛОТЕ, ПО ЛОКОТЬ РУКИ В СЕРЕБРЕ
(с. 296—307)

283 (159а) Записано в Курской губ.

AT 707 (Чудесные дети)+ отчасти *675* (По-щучьему велению. См. примечания к тексту № 165). В *AT*, кроме многочисленных вариантов разных версий сюжета о чудесных детях на европейских языках, учтены индийские, турецкие, африканские и записанные от американских индейцев. Русских вариантов — 78, украинских — 23, белорусских — 30. Сюжет часто встречается и в сборниках сказок неславянских народов СССР в вариантах, близких восточнославянским (см., например, *Башк. творч.*, II, № 43—46; *Тат. творч.*, II, № 28—30, 36; *Казах. ск.*, I, с. 33—45; *Ск. Дагестана*, № 47; *Абхаз. ск.* № 71; *Карельск. ск.*, № 38). Об архаических бытовых версиях сюжета, записанных в разных частях света, см.: *Мелетинский*, с. 161—170. Международное распространение сказок в значительной мере связано с «Тысячью и одной ночью», но сказка о чудесных детях, напечатанная в 1712 г. во французском переводе Галлана в XII т. «Тысячи и одной ночи» и многократно затем издававшаяся на французском языке и в переводах, не имеет параллелей ни в одной из известных арабских рукописей этого литературного памятника. Старейшие европейские тексты — итальянские (см.: Novelline, № 9, 50). Определенную роль в распространении сказок о чудесных детях в Западной Европе до XVIII в. играла сказка сборника Страпаролы «Приятные ночи» (ночь IV, сказка 3). Мотивы ее использованы в куртуазной сказке сборника «Сказки о феях» баронессы д'Онуа о принцессе Бель-Этуаль (*M-me d'Aulnoy*. Contes de fées, 1688) и в пьесе К. Гоцци «Зеленая птичка» (1765). Пушкинская «Сказка о царе

Салтане», впервые опубликованная в 1832 г., отчасти связана с книжными источниками, но имеет русскую фольклорную основу и представляет характерную для восточнославянской устной сказочной традиции разновидность о чудесных детях — «По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре». Известны пушкинские записи вариантов сказки (*Пушкин. Прил.*, I, № 1). Первые русские публикации обеих разновидностей сказочного сюжета.— «Поющее дерево, живая вода и птица говорунья» и «По колена ноги в золоте...» — относятся к концу XVIII в. и началу XIX в.: *Погудка*.., I, № 7, с. 27—32; II, № 14, с. 3—23; III, № 13, с. 25—44; *Ск. дедушки*, с. 3—35. Исследования: *Коробка Н. И.* Чудесное дерево и вещая птица.— Живая старина, 1910, вып. III, с. 189—214, вып. IV, с. 281—304; *Аничкова Е. В.* Происхождение пушкинской сказки о царе Салтане.— Slavia, 1927, roč. VI, seš. 1—2; *Азадовский. Литература и фольклор*, с. 89—105, *Волков Р. М.* Народные истоки творчества А. С. Пушкина. Баллады и сказки. Черновцы, 1960, с. 77—132; *Евсеев В. Я.* Карельские варианты Пушкинских сказок.— Известия Карело-финского филиала АН СССР. Петрозаводск, 1949, № 3, с. 75—88; *Акимова Т. М.* Заметки о народности жанра сказок Пушкина.— Фольклор народов РСФСР, Уфа, 1976, с. 111—122; *Галайда Э.* Сказки Пушкина (К проблеме реализма сказок).— Acta facultatis philosophicae Universitatis Šafarikanae. Bratislava, 1975, с. 56—59; *Зуева Т. В.:* 1) Сюжет «Чудесные дети» как типологическое фольклорное явление и самобытная сказка восточных славян, 2) Образы и структурные типы волшебной сказки «Чудесные дети» в традиционной версии восточных славян, 3) Образование одной из версий сказки «Чудесные дети» в восточнославянском фольклоре.— В сб. «Проблемы преподавания и изучения русского устного народного творчества», вып. 3, МОПИ им. Н. К. Крупской, 1976, с. 46—66, в. 4, 1977, с. 3—30, в. 6, 1979, с. 3—17. Вариант сказки «По колена ноги в золоте...» сборника Афанасьева несет на себе отпечаток литературной обработки, но излагает характерные для восточнославянской традиции мотивы. Главную роль в этом варианте играет не родной сын оклеветанной царицы, а «мальчик-подкидышек». что имеет некоторое соответствие в особой разновидности типа *707*, выделенной в *СУС* под номером — *707 ** (Щенок-богатырь).

К рассказу о подслушанном разговоре трех девиц (с. 296) Афанасьев привел вариант: «Старшая говорит: «Если б на мне женился царевич, я бы одним ломтем хлеба все его царство прокормила». Средняя говорит: «А я бы одним веретеном все его войско одела...»

284 Записано в Шенкурском уезде Архангельской губ.

(159b) *АТ 707*. В этом сходном с предыдущим, но более подробном варианте баба-яга прячет чудесных детей, подмененных щенятами, сначала в подземелье, потом в лесу, а одного из них в рукаве — мотив, редко встречающийся в русских сказках этого типа (ср. текст № 285) и не отмеченный в другом материале.

К словам «а ей хотел за то голову срубить» (с. 299) Афанасьевым указан вариант: «хотел ее расстрелять, мясо собакам на съедение отдать».

После слов «сейчас тебя съем, и с косточками!..» (с. 299) указан вариант: «Пришло время царевне рожать; Иван-царевич созвал нянюшек, бабушек; кругом дворца великий караул поставил. Родила царевна девять сынов-молодцов; у кого на лбу светел месяц, у кого красное сольнышко играет, у других частые звезды. Вдруг прилетела злая волшебница, напустила на всех глубокий сон: где кто стоял, тут и уснул; бросила на кровать девять щенков, а девять сынов-молодцов с собой унесла...»

285 Место записи неизвестно.

(159c) *АТ 707*. Вариант отличается живостью повествования и красочными подробностями. Эпизод снятия чудесными молодцами шапочек, прикрывающих на лбу красное солнышко, на затылке светел месяц, имеет соответствие в ряде восточнославянских сказок этого типа.

286 Записано в Саратовской губ.

(159d) *АТ 707*. В тексте дано яркое описание, характерное для многих восточнославянских вариантов, диковинок, виденных купцами на море-океане, и диковинок, которыми сестры оклеветанной царицы пытаются отвлечь царя от поездки на чудесный остров. Образ ученого кота, поющего песни и сказывающего сказки (ср. пролог к «Руслану и Людмиле» Пушкина), встречается и в других восточнославянских вариантах о чудесных детях. Значительным является воздействие на народные сказки пушкинской «Сказки о царе Салтане». Оно заметно в этом саратовском варианте.

В сносках указаны Афанасьевым следующие варианты: После слов «засмолить и пустить по морю» (с. 304) — вариант: «Родила королевна разом трех сыновей, да таких красавцев, что нигде не видано, нигде не слыхано! У всех ноги в сéребре, руки в золоте, во лбу светел месяц. А королевича, как нарочно, дома не случилося; пишет ему мать родная о той радости и посылает гонца. Старшие сестры королевны залучили к себе гонца, напоили его сонным зельем и подменили письмо; а в ложном письме сказано, что твоя жена родила трех щенят поганых. Королевич прочитал и шлет грамотку — велит ожидать своего приезда. Сестры опять зазвали гонца и опять подменили письмо, чтобы посадить королевну с детьми в бочку и бросить в океан-море глубокое».

К словам старшей сестры «...Вот диво — так диво; за тридесять земель...» (с. 304) даны два варианта:

«*Вариант 1:* «Это что за диво! На море на океане, на острове на Буяне есть волк; у него под хвостом баня, а под задом море; коли в бане выпариться, в море выкупаться — молодец молодцом станешь!...»

Вариант 2: «Говорит о чудной молочной реке».

К словам «ученый кот» (с. 304) — вариант: «морской».

После слов «Что делать прикажете?» (с. 304) отмечено: «По другому списку королевнин сын обертывается голубем, улетает в далекие страны и приносит оттуда чудного волка (с банею) и другие диковинки».

После слов «сказки сказывает» (с. 305) дан вариант: «Купцы, отправляясь в государство Ивана-королевича, заезжают на чудный остров. Королевна их угостила, употчевала, а сын ее повел их на молочную реку и велел испить: купцы напились — и далась им сила великая; после выпарились в бане, посмотрелись в зеркало — и самих себя не узнали: такими молодцами да красавцами сделались!»

К словам «королевский сын комаром обернулся» (с. 305) дан вариант: «пчелою».

К эпизоду встречи королевского сына со своими братьями (с. 306) дан вариант: «Подходит королевнин сын к колодцу и присел отдохнуть. Вдруг прилетают туда три голубя, сели на сруб и заворковали таково жалостно. Королевнин сын подкрался и вырвал у них у всех по перу из хвостов — тотчас голуби очутились добрами молодцами, его родными братцами...»

287 **(150)** Записано в Новогрудском уезде Гродненской губ. учителем М. А. Дмитриевым. Язык белорусский.

АТ 707. Мотив чудесных превращений убитых детей в деревья, а затем в баранчиков, принимающих человеческий облик, не имеет параллелей в русских, но часто встречается в белорусских, украинских и польских, чешских, словацких вариантах. Наряду с особенностями, восходящими к западной традиции, в этой белорусской сказке есть типичное для восточнославянских сказок изображение облика чудесных детей.

288—289. ПОЮЩЕЕ ДЕРЕВО И ПТИЦА-ГОВОРУНЬЯ
(с. 308—312)

288 Записано в Тверской губ.

(160а) *АТ 707.* Данный и следующий варианты представляют ту разновидность сюжета о чудесных детях, что и сказки «Тысячи и одной ночи» и сборника Страпаролы «Приятные ночи», а также лубочного сборника «Ск. дедушки», с. 3—35 — о поисках поющего дерева, птицы-говоруньи, живой (танцующей) воды. Эта разновидность сюжета, характерная для западного фольклорного материала, относительно редко встречается в восточнославянских сборниках. Русских текстов отмечено в них — 10, украинских — 5, белорусских — 2. Мотив заточения оклеветанной царской жены в часовне (заточения в башню, замуровывания в стене) имеет соответствие в западных, и в белорусских, украинских, латышских, эстонских, литовских вариантах. Так же, как и особенно характерная для восточнославянского фольклора версия «Чудесных детей» — «По колена ноги в золоте...», версия (разновидность) «Поющее дерево и птица-говорунья» развивалась на почве восточнославянской сказочной традиции, обогащаясь своеобразными подробностями. См. об этом в указанной выше статье Т. В. Зуевой в сб. «Проблемы преподавания и изучения русского устного народного творчества». М., 1979, вып. 6, с. 3—17.

289 (160b) Записано в Оренбургской губ.

AT 707 (разновидность «Поющее дерево, птица-говорунья и живая вода»).

К рассказу о наказании царицы (с. 311) Афанасьевым дана сноска: «Несчастную царицу заклали в каменный столб; сидит она, молится и плачет. Явился ей сам Христос: «Не плачь, твоя молитва дошла до бога; будешь ты опять царицею, и будут у тебя дети». С тех пор много лет прошло; а царица в столбе замурована — никто ее не кормит, а она духом божьим сыта».

В Примечаниях (кн. IV, 1873, с. 378—381) к текстам № 283—289 Афанасьев дал пересказ еще одного варианта, записанного Петуховым в Пермском уезде: «Молодая царица как обещала царю, так и родила трех чудесных детей; баба-яга вызвалась быть повивальною бабкою; оборотила царевичей волчатами, а взамен их подложила простого крестьянского мальчика. Царь рассердился на жену, которая (как ему казалось) не исполнила своего обещания, и велел посадить её вместе с ребенком в бочку и пустить на синё море. Бочка пристает к пустынному берегу и разваливается; царица выходит с подкидышем на сухое место и молит бога, чтобы даровал им хлеб насущный. Господь услышал молитву и превратил песок в кисель, воду в молоко; тем они и питались. Мальчик скоро вырос, принялся бить зверей да с них шкурки сымать; много набил и куниц, и лисиц, и бобров и сделал из тех шкурок небольшой шалаш: было бы где от дождя да от холода укрыться. Проходили мимо нищие и немало дивилися, что вот живут себе люди — о хлебе не думают: под руками река молочная, берега кисельные; пришли к царю и рассказали ему про то диво неслыханное. А царь уже успел на другой жениться — на дочери бабы-яги. Услыхала новая царица, про что говорят нищие, выскочила и крикнула: «Что за хлопуши пришли? Экое диво рассказывают! У моей матушки есть почище того: кувшин о семи рожках; сколько ни ешь, сколько ни пей из него — все не убывает». Этими словами она и речь странников замяла и царя омрачила: он хотел было ехать посмотреть на диво, а то и думать перестал. Когда сведал про то подкидыш, тотчас же собрался и пошел к бабе-яге добывать кувшинчик, пришел к ней в избушку, когда ведьмы дома не было и унёс диковинку. Снова заходят нищие к царю и рассказывают про реку молочную, берега кисельные и кувшинчик о семи рожках: сколько из него ни ешь, сколько ни пей — в нем и на каплю не убывает. Услыхала их речи ягинична, выбежала, выскочила и крикнула: «Какие там хлопуши явились! Нашли чем хвастаться! У моей матушки есть получше того: зеленый сад, в том саду птицы райские, поют песни царские — про царей, про князей и про всяких королей». Дошло это слово до подкидыша; отправился добывать сад бабы-яги. Идет дорогою, идет широкою, навстречу ему старичок: «Куда пошел, добрый молодец?» — «Хочу доставать сад бабы-яги!» — «Как же ты увезешь его?» — «А и сам не ведаю». Старичок дал ему дудочку. «Вот,— говорит,— когда придешь на место, обойди кругом весь сад и скажи: «Как ветер дует, так и сад за мною лети», а сам иди да в дудочку посвистывай. Сад за тобой тотчас тронется». Очутился сад бабы-яги у прекрасной царевны с подкидышем; нищие и про то диво стали царю рассказывать, а дочка бабы-яги выскочила: «У моей,— говорит,— матушки есть почище того: чудное зеркальце — как взглянешь в него, так все разом и уведаешь, где какие войска стоят, где какие города построены и все, что на свете случается». Подкидыш опять собрался в дорогу, взял про запас сладких яблочков и отправился добывать зеркальце. Навстречу ему кузнец. «Дай,— говорит,— яблочко». — «Скуй мне щипцы да три прута железные». Кузнец сковал, подкидыш отдал ему за труды сладкие яблочки и пошел дальше. Вот стоит избушка на курьих ножках, на собольих лапках. Молвил он ей: «Избушка, избушка! Стань к лесу задом, ко мне передом». Избушка повернулась, зашел в нее добрый мóлодец, а там жарко печь топится, возле баба-яга стоит, клюкой в печи мешает. Замахнулась былó баба-яга на незванного гостя клюкою, убить хотела, да он так ее пнул ногою, что и клюка из рук вылетела, и сама рот разинула. Подкидыш поймал ее за язык щипцами и давай бить железными прутьями; один прут изломался, он за другой взялся; другой изломался, он за третий принялся. Просит баба-яга пощадить ее, помиловать, и отдает ему свое зеркальце. Принёс добрый мóлодец домой чудное зеркальце; царица глянула в него — и увидала своих деток волчатами на чистой поляне промеж орешника. «Вот,— говорит,— где мои детки живут». Подкидыш вызвался за ними сходить. Мать надоила из своих сосцов молока, замесила на том молоке крупчатку и сделала три колобочка. Взял подкидыш волшебное зеркальце и три колобочка и пошел в путь-дорогу; подкрался помаленечку-потихонечку к густому орешнику и дивуется: день был

ведрёный, играют на поляне три волчонка, прыгают друг через дружку, по травке-муравке валяются. Подкидыш бросил им три колобочка, волчата подхватили и съели. «Ах, братцы — отозвался старший,— я ровно, матушкину титечку пососал».— «И я тоже»,— отвечали два других брата. Стал манить их сон; разлеглись на лужайке и заснули крепко-крепко. Тем временем подкидыш развел костер, и как скоро огонь разгорелся,— связал у волчат хвосты вместе, да как крикнет громким голосом: «Не пора спать, пора вставать!» Волчата вскочили и рванулись бежать — волчьи шкуры с них мигом слетели, и явились три добрых молодца, три родных брата. Подкидыш схватил волчьи шкурки да в огонь; так и спалил. После того они здравствовались и пошли все четверо к матери. Опять явились нищие к царю и рассказывали ему про царицу и царевичей, про молочную реку, берега кисельные, про кувшин о семи рожках и зеленый сад. Царь не вытерпел, поехал и узнал свою настоящую жену и трех сыновей, добрых мо́лодцев: подкидыша принял к себе крестовым сыном. Тут они собрались в свое царство ехать, да как поехали — крестовый сын заиграл в дудочку, глядь — а зеленый сад вслед за ними идет. Воротившись домой, царь, не медля ни мало, осудил бабу-ягу с дочкою и приказал их обеих на воротах расстрелять».

290—291. СВИНОЙ ЧЕХОЛ
(с. 312—316)

290 Место записи неизвестно.
(161a) *АТ 510 В* (Свиной чехол). Особая разновидность всемирно известного сюжета «Золушка», которая учтена в *АТ* в очень многих вариантах на европейских языках и в турецких, индийских вариантах. Русских вариантов — 20, украинских — 12, белорусских — 8. Архаические варианты сюжета *510*, зародившегося на бытовой почве патриархальной полигамной семьи эпохи родового строя, рассматривает Мелетинский (с. 161—212). Формирование сказок типа *510 В* связано с французским романом Филиппа де Беомануара о Манекине (вторая пол. XIII в.) и итальянскими средневековыми новеллами (см. Novelline, № 90, 91). Русские сказки типа *510 В*, а также типа *510 А* («Золушка») впервые были напечатаны в сборнике Афанасьева. Исследования, относящиеся к обеим разновидностям типа *510*: *Драгоманов М. П.* Корделія-Замурза.— Розвідки про українську народню словієність і пісьменство. Львів, 1899, т. I, с. 156—173; *Saintyves P.* Les contes de Perrault et les récits parallèles. Paris, 1923, p. 187—208; *Rooth A. B.* The Cinderella Cycle. Lund, 1951. Афанасьев истолковал такие сказки как отражение мифологических представлений о противостоянии жестокому владычеству зимы светлых сил природы (Поэт. воззрения, II, с. 484). В данном и в варианте № 294 сюжета «Свиной чехол» царевич опознает танцевавшую на балу красавицу по ее башмачку,— как в сказках типа «Золушка». Во многих вариантах кра́савицу опознают по ее кольцу.

К словам матери «Вели купить себе платье...» (с. 312) Афанасьев привел вариант: «Скажи отцу, что тогда согласишься идти за него, когда будет у тебя платье — что ясная зоря». Отец начал искать во всех землях хитрого портного, который бы сумел сшить такое платье; долго-долго искал, наконец-таки нашел. Вот и платье к венцу готово — блестит и сияет, что ясная зоря! Отец пуще прежнего пристает к дочери».

После слов «Отец и мать подивовались и отправили ее в особую комнату» (с. 313) указан вариант: «В третий раз говорит мать из могилы: «Дочь моя милая, скажи отцу, чтобы сделал тебе коляску-невидимку по городу покататься и к венцу выехать». Отец начал по всем землям разыскивать такого хитрого мастера; долго-долго искал и таки-нашел одного каретника, что взялся и сделал коляску-невидимку. Отец неотступно пристает к дочери: «Поедем венчаться!» — «Сейчас,— говорит,— снаряжусь». Снарядилась, села в коляску-невидимку и уехала от него в другое государство; купила себе свиную шубку, оделась и приходит к царю во двор; просится: «Возьмите меня хоть в кухне прислуживать». Взял ее. Пришло воскресенье: отпросилась девица со двора, вышла в поле, свиную шубку сняла, а надела платье — что ясная зоря. Села в свою коляску и поехала в церковь. «Посмотрите, куда поедет эта красавица?» — говорит царевич слугам. Кончилась обедня; красавица села в коляску-невидимку, и никто не мог усмотреть, куда она исчезла...»

291 Записано в Пирятинском уезде Полтавской губ. Язык украинский.
(161b) *АТ 510 В*. Эпизод ухода девушки под землю напоминает сюжет «Сестра просела» (*АТ 313 Е** — ср. тексты № 114 и 294). Обычно в сказках типа *510 В* дочь просит

отца, чтобы он подарил ей только чудесные платья, а не платья и свиной кожух, как в данном варианте. Характерно для восточнославянских сказок здесь и в тексте № 294 разработан мотив покровительства, помощи кукол, наряженных в чудесные платья девушки и заклинающих землю расступиться (ср. текст № 104). В этом мотиве получили творческое преломление древние верования, связанные с похоронным обрядом. Отсутствовавшие в предыдущем варианте эпизоды троекратного избиения (кувшином, полотенцем, гребнем) девушки-служанки в свином кожухе являются для таких сказок традиционными и имеют характерную восточнославянскую стилистическую окраску (ср. текст № 294). Особенной выразительностью отличается развязка: царевич обнаруживает кольцо в варенике, изумляется, кричит на служанок, и перед ним неожиданно предстает преобразившаяся в чудесную красавицу одна из них — «поповна».

292. ЗОЛОТОЙ БАШМАЧОК
(с. 316—317)

292 Записано в Шенкурском уезде Архангельской губ. Борисовым.

(162) *АТ 510 А* (Золушка). Ареал распространения разновидности сюжета несколько шире, чем разновидности, представленной двумя предыдущими текстами, и охватывает страны Азии, в которых сказки типа *510 В* не записывались (Индонезия, Китай). Мировую известность сюжет приобрел благодаря сказкам Перро и бр. Гримм, изданным на многих языках. Русских вариантов — 19, украинских — 7, белорусских — 3. Первая литературная обработка сказки о Золушке — «Пентамерон» Базиле (I, № 6). В 1697 году была издана «Золушка» Перро. Сюжет обрабатывался впоследствии и в драматической форме (пьеса Е. Шварца «Золушка» и одноименный балет С. Прокофьева). В сказке сборника Афанасьева роль покровительницы — помощницы обездоленной девушки играет благородная рыбка, что для таких сказок необычно: обычно Золушке покровительствует ее покойная мать. В этом, как и во многих восточнославянских вариантах «Золушки» и «Свиного кожушка», царевич встречается с нарядной красавицей — девушкой не на балу, а в церкви.

293. ЧЕРНУШКА
(с. 317—318)

293 Место записи неизвестно.

(163) *АТ 510 А*. Сказка — «Чернушка» — совпадает по содержанию и отчасти текстуально со сказкой бр. Гримм «Achenputtel», более подробно излагающей сюжет.

294. ЦАРЕВНА В ПОДЗЕМНОМ ЦАРСТВЕ
(с. 319—320)

294 Записано в г. Погаре Черниговской губ. учителем Н. Матросовым. Диалект, переходный
(164) от русского языка к белорусскому.

*АТ 313 Е** («Сестра просела». См. прим. к тексту № 114)+*510 В*. Второй сюжет здесь основной. Эпизод, в котором куколки разговаривают с царевной и заклинают землю расступиться перед нею, имеет параллели только в некоторых восточнославянских сказках (ср. текст № 291).

295—296. НЕЗНАЙКО
(с. 320—331)

295 Место записи неизвестно.

(165а) *АТ 532* (Незнайко). См. прим. к тексту № 126. Этот вариант отличается характерной для восточнославянского репертуара обстоятельностью, красочностью и ритмичностью изложения всех основных эпизодов. Традиционен для восточнославянских сказок о Незнайке купеческий бытовой колорит первой ее части.

После слов «стоит его добрый конь по щиколки во слезах» (с. 321) Афанасьевым указан вариант: «В первый раз стоит конь по колена в крови, во второй — по пузо, в третий — по шею. Вместо рубашки мачеха дает пасынку волшебной мази: «На, потрись в бане». Пасынок выкидывает мазь за дверь».

После слов «скоро баба выздоровела» (с. 322) указан вариант, изложение которого прерывается вариантами, данными в скобках.

«В некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, где и мы живем, жил-был купец с купчихою, и не было у него ни единого детища. Стал он бога просить: господь услышал его молитву, и родила ему жена сына Ванюшку. В то самое время, как он народился, ожеребилась у купца и кобыла. Стал Ванюшка подрастать, вызвался за тем жеребенком ходить; и кормит, и поит и холит его, и сделался конь славный, сильный, на разные голоса ржет, словно человек говорит, что слышит — все понимает. Прошло ни много, ни мало времени, не стало у Ванюшки матушки; оженился купец на другой жене, а сынка в науку отдал; стал сын ходить в училище; поутру идет из дому — коню корм задаст, ввечеру идет из училища — коня напоит. Прилучилась нужда ехать купцу в луговые города; а купчиха — то была молодая, а муж старый, седоволосый. Только он со двора, стали наезжать к молодой купчихе на беседу гости; за одним столом садятся, вместе пьют-едят и гуляют. А Иван смотрит и спрашивает «Матушка, что за люди у вас?» — «Все родные мои»,— отвечает купчиха. «Хорошо,— молвил Иван тихомолком,— вот приедет батюшка — все расскажу».

Была у купчихи клюшница-наушница, подслушала эти речи и дала знать хозяйке, что пасынок на уме держит про все отцу рассказать. Вот идет Иван из училища мимо конюшни и видит: его любимый конь понурился, голову повесил, уши опустил. «Что ты, добрый конь, понурился? — спрашивает Иван купеческий сын.— Над собой али надо мной беду примечаешь?» Отвечает ему конь: «Над тобой беду чую; злая мачеха умышляет тебя извести, хочет тебе вина с зельем поднести: смотри не пей!» Пришел Иван в горницу; стала мачеха его потчевать, а он начал отговариваться; чем он больше отговаривается, тем она сильней просит. Нечего делать, взял рюмку, поднес к губам — будто прикушивает, а сам к окошку придвинулся и выплеснул вино на улицу; под окном трава росла, от того вина всю траву, как огнем, сожгло! Купчиха крепко удивилась, что над Иваном ничего не поделалось.

На другой день идет Иван мимо конюшни, заглянул туда, а любимый его конь опять стоит невесел, голову повесил: «Что ты понурился?» — спрашивает Иванушка; а конь говорит: «Испекла тебе мачеха пирог на лютом зелье; станет тебя потчевать — смотри не ешь». (Вариант: «Посылала мачеха конюхов в дремучий лес, приказывала убить змею лютую в три сажени и привезть к себе змеиную голову; после ту голову на сковороде растаяла да на змеином сале испекла тебе лепешечку...») Пришел Иван в горницу; подает ему мачеха пирожок и ласково потчует: «Кушайте-де на здоровье!» Иван бросил пирог за окошко; бежала мимо собака, ухватила его и съела и вдруг с визгом и лаем стала во все стороны метаться и до тех пор металась, пока ее совсем разорвало! (Вариант: «Взял Иван лепешечку, побежал нá реку и бросил в воду: какая рыбка ни прибежит, только до лепешки дотронется — так вверх черевом и повернется»). Опять купчиха удивляется, отчего так Иван здоровехонек? А клюшница-наушница давно догадалася, что не Иван узнает, а конь ему сказывает, и повестила о том купчиху.

Поутру рано пошел Иван в училище; тем временем задумала купчиха коня извести, настояла ведро воды лютым зельем и велела коня напоить; «Пусть-де он издохнет! Прилетят тридцать три вóрона-железные носы, мясо расклюют, кости на край света занесут!» По тому приказу взяли работники коня, опутали веревками, повели поить; тянут его за морду, а конь упирается, копытом бьет; никак не могут с ним справиться. Купчиха высунулась в окно и кричит: «Крепче тяните, крепче тяните!» На ту пору воротился Иван из училища, жаль ему коня стало, спрашивает работников: «Что вы коня мучите?» Отвечают они: «Поить ведем».— «Я сам напою». Взял — повел коня к колодцу, зачерпнул чистой воды и напоил его. Видит купчиха, что не удается ей ни пасынка, ни коня извести; притворилась с досады больною.

Скоро купец из луговых городов приехал, а его жена в постели лежит, кряхтит да охает. «Что, свет? Видно, нездорóва?» — спросил муж. «И то больна!» — «Не послать ли за лекарем?» — «Был лекарь да сказал: «Надо коня убить, вынуть из нéго желчь и тою желчью намазаться».— «Ну, пусть его убьют; конь — дело наживное!» Собрались работники, стали ножи точить. Пришел Иван из училища, узнал, что его любимого коня хотят загубить, побежал к отцу и молвил: «Батюшка! Позволь мне в последний раз коня покормить да пó двору поводить». Отец позволил; Иван накормил коня ячменем, вывел его за узду на широкий двор, гладит по спине, а сам слезно плачет. Вдруг конь ударил его пятóй, Иван упал на сырую землю и потом встал-приподнялся. «Прибыло ль

в тебе силы?» — спросил его конь. «Прибыло»,— отвечал Иванушка. Конь ударил его и в другой и в третий раз: «Прибыло ль в тебе силы?» — «Много прибыло; чую силу великую, теперь хоть с кем могу справиться».— «Ступай, попросись у отца в последний раз на мне прокатиться». Иван пошел к отцу: «Батюшка! Позволь мне в последний раз на коне покрасоваться, по городу разгуляться».— «Поезжай, сынок, да скорей ворочайся».

Иван оседлал коня, сел верхом и выехал на тесовые ворота; а отец у окна стоит да любуется. Говорит купеческий сын: «Прощай, свет мой батюшка! Мне не жить с тобой; мачеха хотела и меня извести и коня загубить». Сказал, да как свистнет, как гаркнет, как приударит плеткою — и ускакал в чистое поле. Отпустил коня на волю, а сам пошел куда глаза глядят, шел, шел и очутился в дремучем лесу. В том лесу стоял большой дворец, а в том дворце жил Чудо-Юдо. Входит Иван купеческий сын в комнаты; никого-то во дворце нет, а обед готов: стоят на столе разные вина и кушанья. Наелся он вдоволь и спрятался за печку. Через час времени прилетает змей, Чудо-Юдо, о двадцати пяти головах, почуял русский дух и говорит: «Вылезай, Иван купеческий сын! Что ты спрятался? Не бойся меня; лучше наймись ко мне в услужение». Иван вылез и нанялся служить этому змею. На другой день говорит ему Чудо-Юдо: «Вот тебе мои ключи; везде можешь ходить, не ходи только в конюшню; коли ослушаешься — убью тебя!»

Чудо-Юдо полетел в дальние страны, за синие моря, за темные леса, а Иван купеческий сын не вытерпел, пошел и отворил конюшню; а в конюшне конь да лев привязаны, перед львом овес лежит, перед конем — падаль. Иван сжалился над ними и переменил корм: коню дал овса, а льву — падаль. Говорит ему конь: «Приподыми подо мной половицу, достань мазь оттуда и намажь свою голову». То же и лев сказал. Иван купеческий сын намазал правую половину головы одной мазью, а левую — другою, и сделались у него кудри золотые да серебряные. После того ушел он от змея, нарядился в коровью шкуру и нанялся к царю в садовники. Ходит он мимо царских теремов, перед царевною шапки не ломает; стала она отцу жаловаться. Царь позвал садовника, спрашивает его: «Почему никогда шапки не сымаешь?» — «У меня,— говорит Иван,— голова нечиста!» — «Ну, бог с тобой!..»

К словам «стал за меньшую королевну арапский королевич свататься...» (с. 322) дан вариант: «В скором времени наезжал жених, царь подсолнышный, сватался за прекрасную царевну с такою угрозою: «Коли не пойдет за меня, то весь город сожгу — головней покачу!»

296 Записано в Архангельской губ.

(165b) *АТ 532*. См. прим. к текстам № 126 и 295. При всей своей традиционности этот севернорусский вариант богатырской сказки «Незнайко» весьма оригинален. В нем опущена обычная вступительная часть — о дружбе юного героя с жеребенком и кознях против них мачехи. Не имеют параллелей в других вариантах эпизоды гульбы Незнайки, крестьянского сына, в трактирах и кабаках, его службы у прасолов и многие подробности изображения пиров во дворце, сборов в поход царского войска и самого Незнайки, его подвигов на поле боя. В содержании и стиле данной сказки определенно проявляется влияние лубка и былин. Встречаются также текстуальные заимствования из произведений богатырского эпоса (например, седлание коня).

После слов «да и самой меньшой недолго ждать» (с. 325) Афанасьевым приведен вариант начала сказки: Жил-был богатырь, крестьянский сын, пошел к царю наниматься. «Чей ты?» — спрашивает царь. «Не знаю!» — «Откуда?» — «Не знаю!» — «Как тебя зовут?» — «Не знаю!» Царь, было, разгневался, да подумал, что иная простота бывает не без хитрости, а хитрые люди подчас пригожаются, и решил взять крестьянского сына на службу; прозвал его Незнайкою и поставил водовозом. Наутро поехал Незнайко за водою, выехал в чистое поле, взял коня за хвост и стащил с него кожу; идет домой, кожу на спине тащит. Увидел его царь: «Где же твой конь, Незнаюшко?» — «Какой конь! Просто кляча негодная; еще до реки не добрел, а уж с натуги издох!» — «Нет, — подумал царь,— к этому делу он не годится: пожалуй, всех лошадей у меня изведет! Пусть будет садовником». Ночью вышел Незнайко в сад, свистнул громким свистом — его богатырский конь бежит, земля дрожит, из ноздрей пламя пышет; сел на коня, поскакал, весь сад повалял; а меньшая царевна под окном сидит, все видит да никому не говорит. Наутро царь спрашивает: «Отчего так, Незнаюшко, с моим садом сталося?» — «Вихрь набежал, весь сад поломал!»

На другую ночь вышел Незнайко в сад, свистнул громким посвистом — его богатырский конь бежит, земля дрожит, из ноздрей пламя пышет; сел на коня — куда поскачет, там деревья лучше прежних растут и цветы цветут. Наутро проснулся царь, смотрит — новый сад готов, веселей и краше старого. Призывает царь Незнайка-садовника, дает ему три арбузных зерна: «Вот тебе три зерна, сегодня посади, а чтоб завтра арбузы выросли; да сумеешь ли?» — «Не знаю!» — «Ну, у меня знай не знай, а дело делай!» Только солнышко взошло, уж Незнайко к царю пришел, три арбуза принес. Собрал царь бояр и генералов. «Кто,— говорит,— разгадает, какую я над этими арбузами думу думаю?» Никто не разгадал; велел царь, чтоб Незнайко разгадывал. Незнайко говорит: «Смотришь ты, царь, на арбузы: один совсем поспел, другой чуть-чуть недозрел, а третий зеленый, и думаешь: есть-де у тебя три дочери — старшую хоть сейчас замуж, средняя тоже в поре, а меньшой царевне можно и обождать»,— «Молодец, Незнайко! Угадал мою думу»,— сказал царь...»

В другом списке Незнайко поломал в саду все деревья, а потом вызвал своего богатырского коня, наточил крови из его задней ноги и тою кровью весь сад окропил — тотчас выросли цветы и деревья лучше прежних».

После слов «царь на балконе стоит, во чисто поле в подзорную трубку глядит» (с. 327) указан вариант: «Уехали на войну два зятя, а третий, Незнайко, в саду прохлождается. Говорят старшие царевны своей младшей сестре: «Эх, какого ты муженька подцепила! Наши-то мужья давно в поле скачут, за собой войска ведут, всему царству помочь дают; а твой в саду валяется!» Не стерпела меньшая царевна, побежала к Незнайке. «Что ты, нареченный друг, все в саду прохлождаешься? Хоть бы в чистое поле поехал да посмотрел, как люди воюют, коли сам воевать не горазд!» Собрался «Незнайко».

В Примечаниях (кн. IV, 1873, с. 400—402) к сказкам № 295 и 296 Афанасьев также приводит неполный вариант сказки, записанный в Пермской губернии: «Вздумал царевич Иван Андронович по белу свету постранствовать и пошел в путь-дорогу. Близко ли, далеко, низко ли, высоко, скоро сказка сказывается, много время продолжается, добрый мóлодец вперед подвигается. Вдруг прилетела ворона и садилась к нему на правое плечо. Царевич смахнул птицу рукой и вымолвил: «Что ты, поганая ворона, ко мне на плечо садишься? Как схвачу тебя, все перье ощиплю и пух по ветру пущу!» Ворона вспорхнула и полетела в сторону. Не прошел царевич и пяти-десяти сажóн, а ворона опять на плече сидит. Спугнул ее и другой раз; птица тем не унялась, и немного погодя опять-таки уселась. И раздумался добрый мóлодец: «Что же я гоняю ворону? Может, она что хорошее скажет?» Спрашивает он птицу: «Что ты, ворона, вещуешь, добро или худо?» И провестила ворона человечьим языком: «Эх, царевич! Молод ты, а уж гордишься, своей силой бодришься. А ты обходись со мною, старою вороною, поочёстливее, так я тебя, добра мóлодца, добру научу: ведь ты прямо идешь к Чуде-Юде, солёной гýбе — не на живот, а нá смерть! Если хочешь с ним поправиться, так ступай вот к ближнему источнику, испей из него водицы — и станешь сильномогучий богатырь; а недалечко оттуда есть другой источник — в том голову помочь, и будут у тебя золотые волосы». Царевич послушался старой вороны и сделался сильномогучим богатырем с золотыми кудрями. Шел, шел и забрел он в такой частый, дремучий лес, что ни пройти, ни пролезть нельзя; ухватился за столетний дуб, вырвал его с корнем и давай тем дубом направо и налево помахивать. Проложил себе свободный ход, пришел в богатый дворец, увидал Чуду-Юду, убил его и стал палаты оглядывать. Зашел в одну горенку — сидит стара баба, куделю прядет. «Здравствуй, царевич! — говорит старуха.— Это я к тебе вороною прилетала, на добро научала. Пойдем-ка со мною, я тебе чудо-юдова коня покажу». Привела его к подвалу за тремя железными дверями, и принялись вдвоем отпирать замки. Конь услыхал и начал громко-звонко ржать, железные цепи на части рвать, железные двери копытами прошибать. Как только увидел конь царевича, тотчас бросал ему на плечи свои передние ноги. Добрый молодец погнулся, но устоял; ударил коня по крутым бедрам и вымолвил: «Что ж ты, травяной мешок, на меня ноги бросаешь?» Отвечал ему богатырский конь: «Коли смог ты, царевич, под моими ногами устоять, так тебе и владеть мною!» Оседлал царевич коня, взял палицу-буявицу и меч-кладенец и поехал в иное государство; приехал, отпустил коня в зеленые луга, а сам надел нá голову пузырь, назвался Иваном-Плешаном и нанялся к царю в садовники. Раз в полдень лег он после трудов опочить; во время сна соскочил пузырь с

головы, ударило солнце прямо в маковку, и, словно жар, засияли его золотые волосы. Увидала то царевна и влюбилась в добра мо́лодца». (Далее рассказ сходен с помещенным в тексте № 296)».

297. НЕСМЕЯНА-ЦАРЕВНА
(с. 332—333)

297
(166) Записано в Курской губ.

*АТ 842 С** (Честная копейка не тонет и доставляет счастье. См. прим. к тексту № 217)+*559* (Несмеяна-царевна). Второй сюжет является основным. В *АТ* учтены его варианты, записанные в разных странах Европы и от американцев европейского происхождения, негров, индейцев в Америке, а также один текст, записанный в Африке. Русских вариантов — 14, украинских — 8, белорусских — 5. Встречаются сказки о Несмеяне и в не учтенных в *АТ* сборниках фольклора других народов СССР, например, латышских (*Арайс-Медне*, с. 95), башкирских (*Башк. творч.*, II, № 24), татарских (*Тат. творч.*, II, № 68). Мотивы сюжета «Несмеяна-царевна» известны по древнему скандинавскому эпосу, например, по «Младшей Эдде». Сюжет о несмеющейся или молчащей царевне обрабатывался писателями на основе народных сказок. Первоначальный смысл этого сказочного сюжета, связанного с ритуальной ролью смеха в древних обрядах, доносит старейшая его литературная версия в итальянском сборнике новелл Дж. Серкамби (1347—1424). В XVI в. сказка о Несмеяне была обработана Базиле («Пентамерон», II, № 5). Из писателей нового времени к сюжету обращалась, например, Божена Немцова (сказка «Мудрый ювелир», 1845). Исследование: *Пропп В. Я.* Ритуальный смех в фольклоре. По поводу сказки о Несмеяне.— В кн.: Фольклор и действительность. М., 1976, с. 174—204. Данный текст представляет характерную для восточнославянского фольклора разновидность сюжетного типа *559* — «Мышь, жук и сом смешат царевну». В стиле повествования и в назидательных рассуждениях рассказчика, которыми начинается и заканчивается сказка, проявляется книжное влияние.

298—299. НОЧНЫЕ ПЛЯСКИ
(с. 333—335)

298
(167) Записано в Оренбургской губ.

АТ 306 (Ночные пляски). См. прим. к тексту № 236, в котором сюжет развернут неполно. Этот и следующий тексты представляют характерные для русского, а также белорусского, украинского фольклора солдатские сказки.

После слов «Я узнаю» — «Ладно, узнай!» (с. 333) Афанасьевым приведен вариант: «Вызвался солдат. Приставил его король к своим дочерям будто в услужение. «Смотри,— говорит,— не плошай!» Королевны обступили солдата, стали его угощать, вином потчевать: «Пей, кавалер, сколько душе хочется!» А он тому и рад; вино пьет да песни поет; до того напился, что тут же на́земь повалился; всю ночь проспал, ничего как есть не видал. Поутру требует король солдата: «Что, братец, узнал?» — «Никак нет, ваше величество!» — «Ну, еще в две ночи если не узнаешь — велю тебя повесить!» Стало время идти к вечеру; опять обступили королевны солдата и давай вином поить. Забыл он про свою службу, напился пьян и проспал до утра́. Говорит ему король: «Смотри в оба! Остается тебе последняя ночь; если и теперь проспишь — завтра на виселице будешь».— «Слушаю, ваше величество!» Пришел солдат к королевнам; они его спрашивают: «Что тебе батюшка сказал?» — «Да что сказал! Коли к утру во дворце цветы не расцветут, так велит меня повесить».— «Хорошо тебе король загадал!» — «Да, хорошо!»

Начали они угощать солдата по-прежнему, а он думает: «Нет, не надуешь!» Сел за стол, обедать — обедает, а вино не пьет, за голенище льет; к вечеру притворился пьяным и свалился со стула на́ пол. «Кажись, опять напился!» — «Нет, сестрицы! Постойте,— говорит старшая королевна,— надо прежде испробовать». Схватила плеть и давай бить солдата: не вскочит ли? Солдат терпит и знаку не подает — хоть на части изорви!.. Как ушли царевны в заклятое царство, солдат тотчас надел на себя шапку-невидимку да сапоги-скороходы, побежал за ними и живо нагнал. Встречает их царь, взял младшую королевну за белые руки, повел по́ саду и начал хвалиться: «У меня-де есть такие диковинки, каких у вас на том свете нет! Вот бочонок — хоть невелик, все-

го полтора вершка, а вина из него сколько хочешь лей. Прекрасная королевна! Дарю его тебе на память». Она взяла бочонок, а солдат тут же украл его и положил к себе в ранец. После того царь подарил ей шкатулку: только стукни — тотчас откроется, и всякие кушанья явятся, каких душе угодно! Да еще тросточку: только махни — тотчас войско словно из земли вырастет. Солдат украл и шкатулку и тросточку и все в ранец спрятал...»

299 Из примечаний Афанасьева к тексту № 167. Записано в Пермской губ.

АТ 306+эпизод *518* (Обманутые черти, лешие и великаны. См. комментарии к тексту № 185). Традиционная контаминация. Эпизоды в подземном царстве и заключительный эпизод уличения царевны солдатом изложены схематично.

300. МАЛЬЧИК С ПАЛЬЧИК
(с. 336—337)

300 Место записи неизвестно.

(168) *АТ 700* (Мальчик с пальчик). В *АТ* учтены европейские и турецкие, индийские сказки. Русских опубликовано 20, украинских — 8, белорусских — 8. Осложненные своеобразными подробностями варианты встречаются в сборниках сказок некоторых тюркоязычных народов СССР, например, татар (*Тат. творч.*, III, 1981, № 149), башкир (*Башк. творч.*, V, 1983, № 116, 117). Литературная история сюжета восходит к английскому стихотворению XVI в. «Tumbe his life and death» и особенно связана со сказкой Перро о мальчике с пальчике и волке и сказками братьев Гримм (№ 37 и 45). Украинская народная сказка обработана Г. П. Данилевским («Коротышка»). Текст сборника Афанасьева послужил основным источником одноименной сказки А. Н. Толстого. Исследования: *Saintyves P.* Les Contes de Perrault et les image des legendares. Paris, 1912, p. 319—349. По своей структуре вариант Афанасьева близок сказке Перро, но замечателен деталями и эпизодическими образами, связанными с русским крестьянским бытом. Имеются в восточнославянском, преимущественно в белорусском и украинском, материале варианты, отличающиеся антибарской и антипоповской социальной заостренностью (маленький мальчик — Горошек, Воловье ушко — потешается над барином, попом, вредит им).

В сносках Афанасьев приводит два варианта начала сказки:

«*Вариант 1:* В одной деревне жили-были мужик да баба, детей у них не было Стали они богу молиться да просить себе детище. Услышал бог молитву. Говорит однажды мужик бабе: «Старуха! Нет ли у нас какого полена; я нащеплю лучины». Баба в ответ: «Возьми, старик, в печке». Мужик взял топор, достал полено и давай лучину щепать; щепал. щепал и отрубил себе пальчик; из того пальчика сделался мальчик, да такой резвый, разумный; только народился, а уж с отцом, с матерью разговаривает. Возрадовались мужик с бабою, возблагодарили господа и назвали своего мальчика Микулка Четвертной. На другой день поехал мужик землю пахать, а баба принялась блины печь. Напекла блинов, намазала и говорит Микулке: «На, сынок! Снеси отцу пообедать».

Вариант 2: Жили-были старик со старухою. Стала старуха капусту рубить, отсекла себе пальчик, бросила на печку, а сама приговаривает: «Пальчик, пальчик, вырасти мальчик». Истопила печь, напекла блинов, вздохнула и промолвила: «Если б был у меня сынок, он бы снес к отцу блинков позавтракать!» Только вымолвила — соскочил с печи мальчик с пальчик: «Давай, матушка, я снесу».— «Ах, сынок! Ты еще малёшенек, где тебе блины тащить!» — «Ничего, матушка! Я мал, да удал; где боком, где скоком — донесу до батюшки!» Пришел на отцовскую полосу: «Ешь, батюшка, блины; а я пахать стану».— «Где тебе пахать? Ты еще за соху не ухватишься!» — «Ничего! Я мал, да удал». Уселся поверх сошника, взял вожжи и ну пахать землю».

К словам: «Шел, шел и пристигла его темная ночь...» (с. 336) дан вариант: «Шел, шел он; вдруг поднялась буря, и полил сильный дождь. Микулка Четвертной стал под старый гриб и стоит словно под крышкою».

Вариант окончания сказки: «В другом списке сказка оканчивается так: «Да какого,— спрашивает он,— бурого али черного? Воры испугались — пожалуй, от такого шума хозяева проснутся! — и припустили в лес. А мальчик с пальчик увел быка и погнал его домой; нагоняют его воры: «Давай делиться!» Зарезали быка, мальчику бросили требуху да кишки, а мясо себе взяли, поклали на воз и поехали своей дорогой.

Пока собирались они в путь-дорогу, мальчик с пальчик улучил минуту, вскочил потихоньку в телегу, залез в щель промеж досок и давай свистать. Воры услыхали свист и говорят один другому: «Эх, братцы, за нами погоня послана. Уж близко! Уйдем, пока не догнали!» Бросили телегу и побежали в лес. А мальчик с пальчик со всем возом приехал домой».

301. ВЕРЛИОКА
(с. 337—340)

301 **(169)** Записано, как отметил Афанасьев, по его указанию Тихорским в «южной России».

*АТ 210** (Верлиока). В *АТ* учтены только русские варианты. Русских вариантов — 3, украинских — 7, белорусских — 1. Вместе с тем в восточнославянских сборниках отсутствует встречающийся в западном и отчасти восточном (например, турецком, индийском) материале родственный «Верлиоке» сюжетный тип *210* — «Путешествие и ночлег петуха, курицы и иглы». Образ Верлиоки получил своеобразно творческое переосмысление и развитие в сказочной повести В. Каверина «Верлиока» (1982). Типичная для украинских сказок концовка «Вот вам сказка, а мне бубликов вязка» и украинская форма обращения деда к селезню — «А вы, добродею, знаете Верлиоку?», вероятно, связаны с тем обстоятельством, что сказка записана на Украине или в недалекой от нее местности.

302. ЛИХО ОДНОГЛАЗОЕ
(с. 340—341)

302 **(170)** Записано в Нижнедевицком уезде Воронежской губ. Н. И. Второвым.

АТ 1137 (Ослепленный одноглазый великан). Наряду с многочисленными сказками этого типа на европейских языках в *АТ* учтены только турецкие и индийская. Между тем еще дореволюционный этнограф Н. В. Остроумов в статье «Одисеев Полифем» в киргизских сказках» (сб.: «Средняя Азия», 1910, вып. III, с. 61—64) указал на широкое бытование сказок об ослепленном циклопе у казахов и других восточных народов России. Русских вариантов — 16, украинских — 17, белорусских — 7. Сюжет известен по памятникам античной литературы: «Одиссея» Гомера (песнь IX), «Метаморфозы» Овидия (кн. XII, Телемак у Полифема), «Сатирикон» Петрония (гл. 43). Первые западноевропейские литературные обработки сказок типа «Полифем» относятся к эпохе средневековья. Известен древнейший сюжет и нартским сказаниям народов Кавказа, и тюркскому героическому эпосу («Книга моего деда Коркута»). У некоторых тюрко-монгольских народов он поныне бытует в разных жанровых формах — сказочной и легендарной. Из многочисленных исследований отметим: *Hackman O.* Der Poliphemsaga in der Volksüberlieferung. Helsingfors, 1903; *Poliwka G.* Nachtrage zur Poliphemsaga.— Archiv für Religionswissenschaft. Berlin, 1900, I, S. 305—336; *Wesselski*, S. 254—256; *Жирмунский В. М.* Тюркский героический эпос. М.; Л., 1974, с. 589—601. Вслед за В. Гриммом, образ Полифема Афанасьев, придерживаясь мифологической теории, толковал как символ мирового глаза (Поэт. воззрения, II, с. 698—701). В большинстве полных сказочных вариантов «Полифема» герой вместе с товарищами попадает к циклопу; тот пожирает товарищей героя, который его ослепляет и уходит от него под брюхом барана или надев на себя баранью шубу. Последнего эпизода в сказке сборника Афанасьева нет. Она представляет характерную для славянского фольклора разновидность сюжета типа *1137*, в котором героем, ищущем беды, выступает одинокий кузнец, а олицетворением беды-лиха — высокая одинокая женщина. В двух ипостасях — мужской и женской — фигурируют циклопы не только в славянском, но и в тюркоязычном фольклоре. Эпизод с золотым топориком, к которому пристала рука кузнеца, является традиционным для сказок типа «Полифем», но отсутствует в «Одиссее» Гомера. Однако, как видно из «Сатирикона» Петрония, этот эпизод приключений Одиссея, входил в иную, чем гомеровская, известную в античном мире версию сказания о Полифеме.

303. ГОРЕ
(с. 341—344)

303 (171) Записано в Новгородской губ.

AT 735 A (=*332 F**. Горе). Сказки этого типа широко бытуют только у восточнославянских народов. Изредка встречающиеся в польских, словацких, латышских, башкирских и некоторых других сборниках сказок соседних с восточными славянами народов, сказки о Горе, вероятно, сформировались в восточнославянской народной среде. Русских вариантов — 24, украинских — 26, белорусских — 10. Есть определенная внутренняя связь между восточнославянскими сказками о Горе, а также сходными с ними сказками о двух долях (*AT 735* — см. следующий текст) и традиционными песнями восточных славян о Горе, о Доле. На основе своеобразного сплава разных жанров устного творчества была создана «Повесть о Горе-Злочастии» (XVII в.). Исследования: *Сонни А.* Горе и Доля в народной сказке. Киев, 1906; *Потебня А. Н.* О Доле и сродных с нею существах.— В сб.: Древности. Труды Московского Археологического Общества, 1867, т. I, вып. 2, с. 153—196; *его же:* О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1914; *Веселовский А. Н.* Разыскания в области русского духовного стиха.— Сборник ОРЯС, АН, 1889, т. 46, № 6, с. 173—260; 1891, т. 93, № 6, с. 167—183; *его же:* Несколько новых данных о народных представлениях о Доле.— Этногр. обзор., 1891, № 2, с. 20—28. XI. Историко-типологическому изучению сказок о Горе посвящены статьи Ю. И. Юдина «Типология героев бытовой сказки» (Русский фольклор, т. XIX. Вопросы теории фольклора. Л.: Наука, 1979, с. 49—64) и Р. Г. Назирова «Шаманский бубен и запертое горе» (Фольклор народов РСФСР Уфа: Башкирский ун-т, 1983, с. 11—18). Р. Г. Назиров рассматривает русский сказочный сюжет в аспекте стадиального развития мифологии и фольклора разных народов мира. Сказка «Горе» сборника Афанасьева характерна для восточнославянской фольклорной традиции ярким бытовым колоритом, драматизмом изображения горестной судьбы крестьянина-бедняка и острой социальной направленностью.

304. ДВЕ ДОЛИ
(с. 344—345)

304 (172) Место записи неизвестно.

AT 735 (Две доли)+*735 A* (*322F*. Горе). Такая контаминация сюжетов нередко встречается в сказках трех восточнославянских народов. Сказки о двух Долях бытуют преимущественно в Восточной Европе. Они встречаются (в самостоятельном виде и в тех же контаминациях, что и в восточнославянских сказках) в сказках ряда неславянских народов СССР (например, *Башк. творч.*, I, № 28). Русских вариантов — 21, украинских — 21, белорусских — 8. Данный текст, как и предыдущий, замечателен красочностью изложения и социальной заостренностью сюжета.

В сноске Афанасьев привел вариант начала сказки: «Жили-были два брата-рыбака. Один богатый, другой — чуть не убогий! У богатого завсегда все верши рыбой полны, с вечера поставит, а к утру целый воз увезет; а бедному коли попадутся две-три плотички — и то славо богу! «Что за чудо!— думает он про себя,— уже не ходит ли брат по ночам на реку, да не ворует ли мою рыбу? Дай-ка я его изловлю». Взял плеть, пошел на реку и лег под лодку. Послышался ему ночью плеск на воде; вылез из-под лодки, глядь — кто-то в братнину сеть рыбу загоняет. «Кто ты?» — спрашивает рыбак.— «Я — Доля твоего брата, гоню ему рыбу».— «А где же моя Доля?» — «Твоя Доля ленивая, вверх брюхом на камне лежит да песни поет (да в гусли играет); оттого ты и беден!» Рыбак бросился к камню и давай стегать свою Долю плетью...»

305—307. МАРКО БОГАТЫЙ И ВАСИЛИЙ БЕССЧАСТНЫЙ
(с. 346—352)

305 (173а) Записано в селе Гаврилове (Никольское) Лукояновского уезда Нижегородской губ. В. Яшеровым. В первом издании сказка не была напечатана по цензурным соображениям. В. И. Чернышев в статье «Цензурные изъятия из «Народных русских сказок

Афанасьева» (Советский фольклор, 1935, № 2—3, с. 306—315) сопоставил печатный текст Афанасьева с рукописью В. Яшерова, которая раньше хранилась в архиве *ВГО*, но ныне утрачена, и установил, что Афанасьев подверг малограмотную запись собирателя значительной стилистической правке. Вместе с тем из цензурных соображений он устранил из числа действующих лиц священника, выступающего в не совсем благовидной роли.

АТ 461=930 (Марко Богатый). В *АТ*, кроме многочисленных европейских учтены варианты, записанные на французском и испанском языках в Америке и записи, сделанные в Турции, Индонезии, Китае. Русских вариантов — 38, украинских — 30, белорусских — 22. Сюжет встречается в сборниках сказок неславянских народов СССР, например: *Тат. творч.*, II, № 46; *Казах. ск.*, I, с. 77—82, II, с. 28—34. История сказок связана с ассирийским клинописным текстом «Путешествие Издубара к предкам» и с китайской сказкой сборника Сенд-Чуэя (III в.). Отмечались исследователями также параллели к сказкам о Марко Богатом из памятников древней индийской литературы. Начало западноевропейской литературной традиции таких сказок относится к средневековью. К их обработке обращались писатели и более позднего времени, например, Ф. Шиллер. По мотивам сказочного сюжета о бесчестном богаче и счастливом бедном юноше он написал балладу. Исследования: *Потанин Г. Н.* К сказке о Марко Богатом.— Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском университете, т. III, кн. 2, с. 61—69; его же, Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899, гл. XX, с. 466—508; *Сумцов Н. Ф.* Сказки и легенды о Марке Богатом.— Этногр. обозр., 1894, № 1 и 2, с. 9—29 и 176—177; *Schick J.* Das Glückskind mit dem Todesbrief. Berlin, 1912; *Aarne A.* Der reiche Mann und sein Schwiegersohn. (*FFC* № 23) Hamina, 1916. Восточнославянские сказки типа *461* имеют характерные особенности, отличающие их от западных сказок, в которых обычно повествуется о путешествии приемного сына богача или короля к черту или чародею, «деду-всеведу» за тремя золотыми волосками. Этот мотив отсутствует в русских и встречается в немногих украинских и белорусских вариантах. Путешествие героя восточнославянских сказок на тот свет связано с особыми мотивами. Сказки восточнославянских сборников, как, например, данная, нередко имеют легендарный характер, начинаются эпизодом посещения богом и ангелами в виде нищих дома негостеприимного богача — они предсказывают судьбу новорожденного сына бедняка, и об этом узнает богач. Текст № 305 отличается характерными особенностями таких русских сказок легендарного типа.

306 (173b) Записано в Липецком уезде Тамбовской губ. учителем Головщинского сельского училища Елисеем Сабуровым. Рукопись — в архив *ВГО* (р. XL, оп. 1, № 36, лл. 45 об.— 50; 1848), в комм. ко II т. сказок Афанасьева изд. 1933 г. не указана. Текст напечатан Афанасьевым без изменений.

АТ 461—930. Данный вариант отличается отсутствием мотива путешествия на тот свет и относится к легендарной разновидности «От судьбы не уйдешь».

307 Из Примечаний Афанасьева к тексту № 173. Место записи неизвестно.

460 В (Путешествие к солнцу). Немногочисленные варианты учтены Томпсоном в фольклоре только некоторых народов Европы и в турецком, в индийском фольклорном материале. Русских вариантов — 6, украинских — 15, белорусских — 6. Мотивы сюжета напоминают отчасти сказки о Марко Богатом (*АТ 461*), о коньке-горбунке (*АТ 531*), о крестнике бога (*АТ 471*).

В примечании к № 173 Афанасьев напечатал изложение сказки о Марке Богатом из альманаха «Денница», 1834, с. 5—21, относящейся к тому же типу, что и предыдущие два текста (*АТ 461*):

«Жил-был Марко Богатый. Так везде прозывался он, потому что у него было несметное богатство. И Марко тем весьма величался и был непомерно горд своим прозвищем. Во сне и наяву ему грезилось только его богатство.

Однажды, стоя в церкви, Марко сказал своему соседу: «Что это, сосед! Как ни богат я, а хоть бы раз господь бог пожаловал ко мне в гости!» — «Что ж,— отвечал сосед,— приготовься получше, и господь посетит тебя своею благодатию». Сосед разумел по-христиански, а Марко понял это по-своему; стал готовить богатый обед, пышно разубрал дом свой, настлал парчи и бархату от ворот до церкви и стал дожидаться, а сам уж ни на кого и не глядит. Прошла обеденная пора, а Марко все ждет. Уж стало садиться и солнце; Марко не дождался и велел сбирать парчи и бархаты, разостланные по дороге и по двору.

В это время приходит на его двор седенький старичок и просит ночлега. «Не до тебя мне!» — сказал ему с сердцем Марко. «Ради бога, Марко Богатый, укрой меня от темноты ночной». И Марко, чтоб отвязаться, велел впустить его в избу, где лежала у него при смерти хворая тетка.

На другой день видит Марко, что идет к нему тетка совсем здоровая. «Как это угораздило тебя, тетка?» — сказал он с удивлением. «Ах, Марко Богатый,— отвечала она,— знаешь ли что? Видела я, будто в эту ночь господь бог приходил в мою избу и будто к нему прилетал ангел и рассказывал, что в эту ночь родилось три младенца; один у купца, другой у крестьянина, а третий у такого-то бедного, и спросил: Какой талан присудишь им, господи? И господь сказал: «Купеческому сыну обладать отцовским таланом, крестьянскому сыну обладать землепашеством, а беднякову сыну — Марковым богатством».— «А еще что?» — спросил Марко. «Да вот какая еще благодать: как проснулась я, то встала совсем здоровая, как сам видишь!» — «Это ладно! — сказал Марко,— только с беднякова сына много будет обладать Марковым богатством!»

Далее содержание сходно с рассказом, записанным в Лукояновском уезде и напечатанным под буквою «а» (№ 305). Слова тетки залегли у Марка на душе. Он захотел проведать, подлинно ли народился сын у бедняка, и поехал к нему. «Добрый человек!— сказал он,— что́ вам делать с этим мальчишкой, коли и самим вам нечего есть? Отдай его мне!» — «Что ты, Марко Богатый! — сказала мать,— даст бог детушек, даст и на детушек!» Марко дал пятьсот рублей, и бедняки согласились. Он взял к себе мальчика и на́ поле бросил его в сугроб снегу. В тот же день ехали по той дороге купцы на ярмарку и видят, что из сугроба валит пар. Подошли, а в сугробе проталинка, на проталинке зеленеет трава и цветут цветы, а в цветах лежит мальчишка, забавляется и улыбается. «Это бог дает нам благодать!» — сказал хозяин и взял мальчика с собою. Марко выпросил его у купцов за тысячу рублей, и как только разлились реки — он перерезал ему брюшко, положил в ящичек и пустил за полою водою. Волною прибило ящик к берегу, на котором стоял убогий монастырь. Монахи взяли мальчика, заживили ему брюшко, и он стал у них расти так скоро, как пшеничное тесто на опаре подымается. Прошло пятнадцать лет, и мальчик, названный Иваном, стал уже на возрасте. Случилось Марку Богатому заехать в тот монастырь; сделал он богатый вклад туда и выпросил себе Ивана, обласкал его и послал в свой дом с письмом, а в письме этом приказывает жене, чтоб она непременно послала гостя в ту конуру, где содержатся у него самые злые собаки, заперла бы его там и не давала бы собакам корму три дня, до его приезда. Иван пустился в путь. На полдороге он заснул крепким сном. В это время ангел-хранитель невидимо взял у него письмо Марково и положил другое, в котором такою же рукою написано было, что Марко нашел жениха своей дочери и велит жене поскорее обвенчать их. Приехал Марко, узнал о свадьбе и посылает своего зятя сходить к вещуну-людоеду да справиться у него: как велико Марково богатство и есть ли ему счет? Иван пошел, на дороге встретил вечного перевозчика; пошел дальше — и видит: стоит курган, на кургане колышек, а на колышке стоит одной ногою мужичок и мотается, куда ветер повеет, и всего его ветром истрепало, как ветошку. «Куда бог несет?» — спросил он у Ивана. «К вещуну-людоеду».— «Ах, добрый молодец! Узнай, когда кончится мука моя, что вот уже пятнадцать лет стою тут и мотает меня, куда ветер повеет, и всего изветшалило!» Пришел Иван к вещуну, а жена его была русская, расспросила Ивана обо всем и говорит: «Не за тем прислал тебя Марко, прислал на съедение!» И всплакался Иван. «Не плачь! Авось сладим дело». Вдруг заревел ветер, закрутил вихорь. «Ахти,— сказала она,— муж летит! Ну, слушай же хорошенько!» Тут она перекинула с руки на́ руку иголочку, воткнула в него, он стал булавочной головкою, и она приколола его себе на́ голову, а сама стала выспрашивать людоеда: «Есть ли счет Маркову богатству?» — «Как звездам на́ небе»,— отвечал людоед. «А долго ль мотаться мужичку, что стоит на кургане на колышке?» — «Да коли кто-нибудь догадается ударить его нао́тмашь палкою, так он рассыпется золотом да каменьями самоцветными!» Как только людоед улетел рыскать по свету, жена его вынула булавку из головы, перекинула с руки на́ руку, и булавочная головка стала опять молодцом Иваном. Распрощались они. Иван отправился в дорогу, ударил палкою нао́тмашь мужичка на кургане (тот рассыпался и зазвенел червонцами и всякими самоцветными каменьями), набрал, сколько мог снести, богатства и пошел домой. Марко увидел драгоценности, которыми Иван дарил молодую свою жену. «Это откуда столько?» — спросил он.— «Столько? — сказал Иван.— Нет! Там на кургане и не столько еще осталось, да уж

нести было не под силу».— «Что ж ты, брат! Пойдем поскорее, пока еще не растаскали!» — «С меня довольно и этого!» Марко пошел один, да уж не возвращался. Иван обладает Марковым богатством, а Марко Богатый все возит да возит через реку и век не догадается, что ему надо сделать...»

308—309. ИСТОРИЯ О СЛАВНОМ И ХРАБРОМ БОГАТЫРЕ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ И СОЛОВЬЕ-РАЗБОЙНИКЕ (с. 352—357)

308 (174а) Перепечатано Афанасьевым с лубочного издания XVIII в. «История о славном и храбром богатыре Илье Муромце и о Соловье разбойнике»: текст к восьми лубочным картинкам, воспроизводящим содержание былин. Описание картинок дано в кн.: Ровинский, с. 1—2 (далее, с. 2—7 текст лубка). В основном совпадающий с текстом сборника Афанасьева текст лубка имеется и в кн.: Илья Муромец/Подг. текстов, ст. и ком. А. М. Астаховой. М.; Л., 1958, № 64, комментарии, с. 515—516.

АТ —.СУС—650 С (=АА* 650 I.* Илья Муромец). Такое, как в данном лубочном тексте, соединение рассказов о приключениях и подвигах былинного богатыря встречается также в рукописных списках конца XVIII — начала XIX в., опубликованных в 1927 г. Б. М. Соколовым.— Этнография, 1927, № 1, с. 119—122, № 2, с. 302—306. Прозаических пересказов былин об Илье Муромце в рукописных сборниках XVII — начала XIX в. насчитывается более 30, из них опубликовано — 20. Былины в рукописных пересказах, лубке XVIII в. вошли в упомянутую антологию А. М. Астаховой «Илья Муромец» (№ 60—65). Народных русских сказок об Илье Муромце опубликовано 50, украинских — 4, белорусских — 9. Сказки получили устное распространение и среди латышей, эстонцев, коми, карел, манси, чуваш, марийцев, эвенков, якутов и некоторых других народов СССР на их родных языках. По подсчетам А. М. Астаховой напечатано на славянских и прочих языках всего более ста сказок об Илье Муромце. Исследования: *Миллер Вс. Ф.* Очерк русской народной словесности. Былины. М., 1897, с. 370—390 (обзор сказок об Илье Муромце); *Астахова А. М.* Народные сказки о богатырях русского эпоса. М.; Л., 1962; *Кабашников К. П.* Традиции героического эпоса в белорусском народном творчестве.— В сб.: Основные проблемы эпоса восточных славян. М., 1956, с. 314—325; *Плужникова С.* Былевое наследие белорусского сказочного эпоса.— Известия ОЛЯ АН СССР. Серия лит. и яз. 1965, т. XXIV, вып. 6, с. 493—502; *Бараг Л. Г.* Асілкі белорусских сказок и преданий.— Русский фольклор, VIII, М.; Л., 1963, с. 29—40.

Известно три более поздних, чем опубликованное Ровинским, лубочных издания «Истории о славном и храбром богатыре...» Разночтения незначительны — они отмечены Ровинским. В сносках Афанасьева также указаны разночтения (между публикуемым и другими лубочными текстами); вместо «человек по девяти» — «по пяти»; вместо «остановить коня» «останавливать»; вместо «реке Смородинке» — «Смородине»; вместо «поднести чару» — «кубок»; вместо «подставя их под мышки» — «подхватя»; вместо «быка целого жареного» — «жирного»; вместо «несли двадцать человек» — «двенадцать, или двадцать семь».

309 (174b) Напечатано Афанасьевым по тексту «Гистория о Илье Муромце и о Соловье-разбойнике» из рукописного сборника первой четверти XVIII в., принадлежавшего Ф. И. Буслаеву, а затем Н. С. Тихонравову (хранится в рук. отд. ГПБ).

АТ —.СУС—650 С (=АА* 650 I*). А. М. Астахова в комментариях к сборнику «Илья Муромец» (с. 509—510) отметила, что текст «Повести об Илье Муромце» «принадлежит к основной «себежской» редакции, представленной наибольшим количеством списков. Её главные отличительные черты: повествование начинается сразу с выезда богатыря; далее непосредственно следует бой под городом; упоминаются села Кутузовы, где живут сыновья Соловья-разбойника и хранится его казна; в сцене свиста Соловья не указан злой умысел Соловья погубить окружающих путем нарушения приказа свистать только в полсвиста; нет и казни Соловья».

Впервые опубликованная Афанасьевым с редакционными поправками, «Повесть» снова была напечатана Н. С. Тихонравовым в статье «Пять былин по рукописям XVIII века» (Этногр. обозр., 1891, № 1, с. 1—48) и одновременно Л. Н. Майковым

в «Материалах и исследованиях по старинной русской литературе» (СПб., 1891, с. 32—34). В 1894 г. она была перепечатана Н. С. Тихонравовым и Вс. Ф. Миллером в книге «Русские былины старой и новой записи» (М., 1894, с. 4—7). Последняя публикация данного наиболее раннего из известных списков былин об Илье Муромце в сборнике А. М. Астаховой «Илья Муромец» (№ 60). Расхождения между печатным текстом Афанасьева и текстом публикаций Тихонравова — Майкова — Астаховой в научных изданиях имеются. Местами же текст Афанасьева и текст научной публикации рукописи совпадают полностью.

310. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ЗМЕЙ
(с. 357—361)

310 (175) Запись сказки, как указал Афанасьев, была передана ему П. В. Киреевским В комментариях Н. П. Андреева и М. К. Азадовского к III т. сказок Афанасьева 1940 г. (с. 414) высказано предположение, что сказка записана П. И. Якушкиным, фольклорные материалы которого частично вошли в рукописное собрание Киреевского.

АТ —.СУС — 650 С (=АА* 650 I)*. Сюжеты былин об исцелении Ильи Муромца, победа его над Соловьем-разбойником и отчасти о трех поездках Ильи здесь, деформируясь, переплетаются со сказочными мотивами змееборства, освобождения царевны, а былинные образы сочетаются со сказочными (баба-яга, змея, царь, царевны), преображаясь в сказочном духе.

311. ВАСИЛИЙ БУСЛАВИЧ
(с. 361—362)

311 (176) Как указал Афанасьев, «напечатано по двум спискам, доставленным из Пермской губернии тайным советником Огаревым и штатным смотрителем Ирбитского училища Тихоновым». Следовательно, текст сводный, чем, вероятно, объясняются разночтения в его изданиях: «Вамильфа — Ванил(ь)фа» (в шестом и данном изданиях — «Ванилфа»), «Угрюмище» — «Угрумище» (в шестом и данном изданиях — «Угрумище»).

АТ —.СУС—650 Е (=АА* 650 IV*. Василий Буслаевич). Русских сказочных (прозаических) вариантов опубликовано 3, в них объединены два былинных сюжета: 1) богатыря зовут на пир, он бьется с новгородцами; 2) он покидает родной Новгород и находит себе смерть на чужбине. Сюжеты часто сочетаются воедино и в былинах. Различных песенных и прозаических фольклорных повествований о Василии Буслаевиче, включая отрывки, пересказы, контаминации с другими сюжетами, известно 75 записей. См.: Новгородские былины/Изд. подг. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1978, с. 362—388, примечания к былинам о Василии Буслаевиче. В тексте сборника Афанасьева опущен ряд былинных эпизодов, относящихся к детству Василия (жалобы родителей покалеченных детей), набору им дружины, сборам на пир, к бою на Волховском мосту и к поездке на богомолье (в Иерусалим). Былинный сюжет несколько изменен: согласно былине, встреча Василия со старцем Угрюмищем (или «старчищем», «пилигримищем»), происходит не на пиру и не двукратно, а один раз — на мосту где Василий его убивает; не со старцем, согласно былине, Василий «ударился о велик заклад» на пиру,— стал биться со всем Новгородом, и буйствует Василий, согласно былине в бою на мосту, а не на пиру, не по выходе из «темницы» (по некоторым вариантам былины мать унимает разбушевавшегося во время боя Василия и запирает его в «погребы»). Нелогично преображен известный по ряду вариантов былины эпизод, связанный с боем на мосту: «Выходила дивка-служаночка, брала коромыселек железненький... Стала коромыселькем помахивать. Куды ма́хнет — туды улица. а размахнет — переулочек» (*Гильфердинг*, III, № 321). В варианте Афанасьева: «Женщина по воду ходила и ему в окошко закричала: «...Я,— говорит,— по воду ходила, сколько людей коромыслом прибила!» «Не имеет соответствия в известных вариантах былинного сюжета тот эпизод, в котором Угрюмище сулит Василию «всю тысчу», чтобы угомонился. В примечаниях к данному тексту Афанасьева, перепечатанному в названном выше сборнике Ю. И. Смирнова и В. Г. Смолицкого (с. 387), справедливо утверждается: «Несмотря на многочисленные отступления от традиции, текст несомненно восходит к былине о Василии Буслаевиче и свидетельствует о наличии этого сюжета в русском эпосе Урала».

312. АЛЕША ПОПОВИЧ
(с. 362—364)

312 (177) Записано в Шенкурском уезде Архангельской губ.

*АТ —. СУС — 650 D** (=*АА* 650 III*. Алеша Попович: побеждает богатыря Тугарина Змеевича). Русских сказочных вариантов — 5. Всего известно 40 его записей, из которых 10 представляют прозаические пересказы былины. См.: Добрыня Никитич и Алеша Попович/Изд. подг. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1974, с. 396—406, примечания к текстам № 35—44 (Алеша Попович и Тугарин). Текст сборника Афанасьева является относительно полным изложением традиционного сюжета, сходен, например, с былиной «Олеша Попович» сборника Н. Е. Ончукова «Печорские былины» (СПб., 1904, № 85=сб. «Добрыня и Алеша», М., 1974, № 35). Слуге Алеши Поповича Марышке Паранову соответствует в печорской былине «Еким, Олешин парабок».

313. ДАНИЛО БЕССЧАСТНЫЙ
(с. 364—367)

313 (178) Записано в Уфимском уезде.

Отчасти *АТ 465 А* (Красавица-жена: «Пойди туда, не знаю куда». См. прим. к тексту № 212)+отчасти *882 А* (Спор о верности жены). К обоим указанным сюжетным типам эта сказка имеет лишь приблизительное отношение. Определенными параллелями к ней являются сказки «О горе-горянине, Даниле-дворянине» (текст № 576). «Василий-царевич и Елена Прекрасная» (текст № 314), «Дворянин Бессчастный молодец» (*Рыбников*, II, № 203) и «Іван Прекрасныі і князь Ладымар» (*Шейн. Материалы*, № 81, с. 168—170), сказка белорусская. В последней Даниле Бессчастному соответствует Іван Прекрасны, а «Алеше Поповичу, бабьему пересмешнику» «Алешка — лёгак на язык, сладак на слова». Особенно близко совпадает сказка «Данило Бессчастный» с красочной по изложению сказкой былинного склада из сборника Рыбникова, в которой тоже контаминируются мотивы сюжетов типа *465 А* и *882 А*. Сюжет «Спор о верности жены» имеет всемирное распространение. Русских вариантов — 27, украинских — 5, белорусских — 2. Имеются варианты в фольклоре многих народов СССР. История сюжета восходит к «Рассказу о трех яблоках» из «Тысячи и одной ночи» (ночи 19—20), который однако представляет особую восточную разновидность типа *882*. Более близкими параллелями к народным сказкам являются средневековые французские фабльо, немецкие шванки, итальянские новеллы и особенно 9-я новелла 2-го дня «Декамерона» Боккаччо, драма Шекспира «Цимбелин», а также известная по трем рукописным спискам XVII в. русская «Повесть утешная и премного достойная о двух купцах и о залоге добродетельная ради жены и о злом и лукавом вымысле единого и о злоключимом убожестве другого», которая восходит к новелле Боккаччо. Сюжет получил также обработку в западноевропейских народных книгах XVII—XVIII вв. Исследования: *Landau M.* Die Quellen des Dekameron. Stuttgart, 1884, S. 135—150; *Wesselski*, S. 213; *Державина О. А.* Фацеции. Переводные повести в русской литературе XVII в. Л., 1962, с. 174—184; *Вавилова М. А.* Внутрижанровые различия сказок о верной жене.— Ученые записки Вологодского ГПИ, Серия филол., 1964, с. 76—89.

В сносках Афанасьев отметил варианты к отдельным местам текста:

Вместо «зашивать» (с. 364) — «выливать, вышивать».

Вместо «Лебедь-птица, красная девица» (с. 365) — «Лебедь Страховна».

Вместо «приплывает к берегу» (с. 365) — «к дородному молодцу».

После слов «сейчас и дом готов» (с. 365) приведен вариант: «Говорит она: «Повернись ко мне белым лицом, станем строить княжецкий дом да встряхни кудрями, чтоб были наши палаты с углами!»

К словам: «Как выйдешь от заутрени — ударь ею в грудь» (с. 366) приведен вариант: «Стань на правом крылосе; на отходе заутрени свои руки подыми, по собольей шубе поведи — весело птицы запоют...»

К словам «зови к себе в гости и князя с княгинею и всех горожан» (с. 367) указан вариант: «проси в гости князя со княгинею, с генералами, фельдмаршалами и со всем воинством».

После слов «реки целые протекли!» (с. 367) — вариант: «на столе пойла фряжские, закуски дамские».

314. ВАСИЛИЙ-ЦАРЕВИЧ И ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ
(с. 368—371)

314 Записано в Оренбургской губ.
(179) Отчасти *AT 465 A*+отчасти *882 A*. Этот вариант некоторыми подробностями, отсутствующими в предыдущем, еще больше, чем тот, сближается со сказкой сборника Рыбникова о Бессчастном молодце: Василий Несчастный, как и Бессчастный молодец, введенный в заблуждение Алешей Поповичем, продает жену купцам, она становится в чужой стране царем, мирится с мужем. Эпизод избрания царя напоминает сюжет типа *AT 567* (Чудесная птица).

В Примечаниях (кн. IV, 1873, с. 452—458) к данному и предшествующему текстам Афанасьев перепечатал вариант из журнала «Москвитянин», 1843, № 4 (см. № 576).

315. БАЛДАК БОРИСЬЕВИЧ
(с. 371—375)

315 Записано в Новгородской губ. *AT 946 A** (Балдак Борисович). В *AT* учтены
(180) только русские варианты. Опубликовано 8 русских и 3 украинских текста. Первые публикации в лубочного типа сборника XVIII в.: *Тимофеев*, с. 104—129 и *Погудка*.., I, № 2, с. 3—20. Как и в сказке Афанасьева, в некоторых других вариантах этого сюжетного типа фигурируют былинные персонажи и заметно влияние былинного стиля (например, *Смирнов*, № 298 и в меньшей мере — *Худяков*, № 122). Заключительный эпизод — Балдак перед виселицей играет три раза в рожок и вызывает своих двадцать девять молодцев — соответствует сказкам типа *AT 920* (Соломон и его неверная жена) и былине о Василии Окуловиче. Данный текст замечателен обстоятельностью и красочностью изложения редкого новеллистического сюжета.

316. ВАСИЛИСА ПОПОВНА
(с. 375—377)

316 Записано в Екатеринбургской губ. смотрителем Ирбитского уездного училища
(181) Н. Тихоновым.

*AT 884 B** (Василиса-поповна). В *AT* учтены исключительно русские сказки. Русских вариантов — 12, украинских — 1. Афанасьев в примечаниях указал на сходство эпизода переодевания Василисы в мужское платье с эпизодом переодевания жены в былине «Ставр Годинович», но былине в гораздо большей мере соответствуют сказки о жене, выручившей мужа (*AT 888*, см. текст № 338). Испытания пола, которым подвергает царь Бархат Василису по совету бабушки-задворенки, напоминают апокрифы о царе Соломоне и царице Савской, известные еще в Киевской Руси. Письмо Василисы царю Бархату текстуально совпадает с традиционным текстом письма казака Платова одураченному им французскому царю (королю) в исторической песне о Платове.

К словам «царь Бархат и остался на бобах» (с. 377) Афанасьевым дана сноска: «В рукописи Тихонова: и остался на бобах — на голубых щеках».

317. ПРО МАМАЯ БЕЗБОЖНОГО
(с. 377—383)

317 Записано в Шенкурском уезде Архангельской губ. А. Харитоновым.
(182) *AT*—. Это героическое устное сказание о Куликовской битве 1380 г. анализируется в статьях С. Н. Азбелева: 1) Куликовская битва в славянском фольклоре.— Русский фольклор. М.; Л., 1968, XI, с. 78—101; 2) Отзвуки Куликовской битвы в сербском и русском фольклоре.— Советское славяноведение, 1970, № 6, с. 50—57. В них исследователь высказывает сомнение в том, что сказка «про Мамая безбожного» создана непосредственно на материале сказания о Мамаевом побоище (*Дмитриев Л. А.* К литературной истории сказания о Мамаевом побоище.— В кн.: Повести о Куликовской битве/Издание подготовили М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М.: Изд-во АН СССР, 1959, с. 446). А. Н. Азбелев считает, что текст сборника Афанасьева, насыщенный эпическими мотивами и отчасти напоминающий ритмичностью и стилистической обрядностью склад былин, не имея близкого соответствия ни в одном из 103-х известных в настоящее время рукописных списков XVI—XVIII вв. повествований о Мамаевом побоище, находит значительную аналогию в юнацкой сербской песне «Бој

Руса са татарами», где, как и в устном сказании, на первый план не только в событиях, предшествующих сражению на поле Куликовом, но в самом сражении выдвигается героическая роль посла Захария. В так называемой «распространенной редакции» книжной повести (см.: Повести о Куликовской битве, 1959, с 109—162) — это посол Захарий Тютчев, направленный великим князем Дмитрием в Золотую Орду. В другой редакции в летописце Хворостинина (из собр. Уварова, *ГИМ*; см.: Повести о Куликовской битве, с. 474—475), он именуется Назарием Тетюшковым. Об участии Захария в битве там ничего не говорится. Между тем в сказании «Про Мамая безбожного» Захарий Тютрин, возглавляющий во время сражения отряд донских казаков, решает его победный исход. Обратив на это внимание С. Н. Азбелев высказал предположение, что в древнерусской литературе и в сказании, записанном А. Харитоновым, и в сербской песне о Куликовской битве трактуются разные фольклорные версии о ней и, вероятно, «сюжет о подвигах Захария существовал в фольклоре и в виде предания, близкого к былинам, и в виде песни» («Русский фольклор», XI, с. 86). При этом учитывается, что в архангельском сказании есть поздние наслоения, которые могли появиться не ранее XVII в., например, упоминание о шведском короле и о «короле турецком», будто бы намеревавшихся послать свои войска в русскую землю на помощь Мамаю или князю Дмитрию Ивáновичу — тому из них, кто скажется сильнее. Эта гипотеза оставляет неясным вопросы об отношении опубликованного Афанасьевым сказания к книжной традиции. Несмотря на фольклорную эпическую основу, она проявляется и в стиле, и в общности некоторых персонажей, эпизодов данного сказания и книжных повествований. Наряду с послом Захарием в последних иногда действуют воеводы Василий Тупик, Иван Квашня, двенадцать князей Белозерских (князь Федор Семенович и его сыновья). См., например: «Повести о Куликовской битве», с. 7—26, 41—76, 77—108, 163—207. Этим персонажам в устном сказании соответствуют воеводы Семен Тупик, Иван Квашнин, семь братьев Белозерцев. Традиционным для древнерусских повествований о Куликовской битве эпизодам единоборства иноков Пересвета и Осляби с татарским великаном (Таврулом или носящим другое имя) соответствуют в устном сказании поединки двух «незнакомых» воинов с огромным Кроволином-татарином. Как и в книжных повествованиях, в данном сказании Дмитрий Донской перед сражением произносит речь. Вместе с тем как в книжных повествованиях, так и в данном сказании «Про Мамая безбожного» отразилась, осложнившись подробностями, легенда о том, что в начале сражения великий князь Дмитрий был тяжко ранен и незаметно покинул поле боя, а после победы был найден воинами лежащим в беспамятстве у сломанной березы. В работах акад. М. Н. Тихомирова обоснованно утверждается, что принижающая героическую роль Дмитрия Донского несообразная легенда «представляет своего рода памфлет, направленный против великого князя и, вероятно, возникший в кругах, близких к Владимиру Андреевичу Серпуховскому» (*Тихомиров М. Н.* Куликовская битва 1380 г.— В кн.: Повести о Куликовской битве, с. 370).

К словам: «и по всем дальним печищам» (с. 380): в словаре Даля дано такое толкование областного архангельского слова «печище» — «деревушка из 3—6 дворов».

318. СКАЗАНИЕ ОБ АЛЕКСАНДРЕ МАКЕДОНСКОМ (с. 383—384)

318 Записано в Саратовской губ. А. Леопольдовым.

(183) *АТ*—. Устный пересказ лубочной версии легенды о Гогах и Магогах из «Александрии» — средневекового романа об Александре Македонском, известного в древней Руси в двух редакциях (XI—XII вв.— перевод с греческого и нач. XV в.— перевод с сербского). Эпизод о сражении Александра с Гогами, Магогами и заточении их в горах перешел в XVIII в. из этого романа в русский лубок (Ровинский, II, с. 10—13), послуживший источником для народных рассказчиков. Исследования: *Костюхин Е. А.* Александр Македонский в фольклорной традиции. М., 1972, с. 169—179. В фольклорном «Сказании об Александре Македонском», как отметил Е. А. Костюхин, исторический герой приобрел черты сказочного богатыря и стиль повествования проникся традиционными сказочными формулами. Средневековый роман об Александре Македонском, сформировавшийся под влиянием устных легенд о походе Александра в Индию, оказал обратное влияние также на западнославянский фольклор. Об этом см. в кн.: *Krzyżanowski J.* Romans pseudohistoryczny w Polsce wieku XVI. Kraków, 1926.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЯ

НАРОДНЫЕ
РУССКИЕ
СКАЗКИ
А. Н. АФАНАСЬЕВА

В ТРЕХ ТОМАХ

ТОМ II

*

Утверждено к печати
Редколлегией серии
«Литературные памятники»

*

Редактор издательства
О. К. Логинова

Художник
Б. И. Астафьев

Художественный редактор
Т. П. Поленова

Художественно-технические редакторы
С. Г. Тихомирова, Н. Н. Кокина

Корректоры
М. В. Борткова, О. В. Лаврова

*

ИБ № 28528

Сдано в набор 05.04.84
Подписано к печати 22.10.84
Формат $70 \times 90^1/_{16}$
Бумага книжно-журнальная импортная
Гарнитура академическая
Печать высокая
Усл. печ. л. 35,68. Усл. кр. отт. 39,17. Уч.-изд. л. 39,3
Тираж 50 000 экз. Тип. зак. 101
Цена 5 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»

117864 ГСП-7, Москва, В-485
Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

5 р. 20 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»